Абузар Айдамиров

Молния в горах

Часть первая

НАЧАЛО БУРИ

КРЕСТЬЯНЕ ПОДНЯЛИСЬ НЕОСОЗНАННО, ПОТЕРЯВ ВСЯКОЕ ТЕРПЕНИЕ, НЕ ЖЕЛАЯ УМЕРЕТЬ БЕЗМОЛВНО И БЕЗ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

В.И. Ленин

ГЛАВА I

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я чту поныне клятвы этой святость.

И пусть карает всемогущий Бог меня на этом свете и за фобом,

Коль эту клятву я дерзну забыть!

Ш.Петефи, Первая клятва

Под Гати-юртом, у реки Аксай, раскинулось ровное квадратное поле в десять урдов. Даже старожилы села не помнят того времени, когда место расчистили от леса и, предав огню вырубку, разровняли площадь. Они утверждают, что это место предки готовили для ежегодных спортивных состязаний и прочих праздников, что такие мероприятия в прошлом устраивались часто: и к началу весенней пахоты, и осенью, после уборки урожая и пригона скота с горных пастбищ.

Но это было когда-то. Века огненной чертой многое перечеркнули из памяти народа. В последние годы состязания здесь организуют редких случаях: когда в какой-либо семье после многих дочерей рождается первый сын или, когда после долгой разлуки родиной из Сибири или Турции возвращается домой уважаемый ауле мужчина.

Выгон скота на это поле строго запрещен. Траву скашивают, когда она в самом соку и цвету: ранней весной и осенью.

Место назвали почему-то Огненной поляной. Когда и почему оно так названо, никто не знает. Вернее, никто и не попытался узнать. Дорожка вокруг поля вся утоптана конскими копытами.

Местами на поле в землю вбиты колья, поперек дороги сооружены частые перекладины из длинных шестов. Встречаются и ямы глубиной в аршин и шириной в два, а то три и четыре аршина.

А чуть поодаль от площади, шагов за сто до высокого берега Аксая, сложена большая куча валежника - заготовка для костра. И те перекладины-препятствия, и ямы, и костер, который разведут вскоре, предназначены для состязаний.

Всадник на коне должен преодолеть сначала ямы, потом пройти препятствия из перекладин, установленных одна выше другой, промчаться сквозь пламя костра, добежать до высокого обрыва, повисшего над Аксаем, не сбавляя хода, замереть в шаге от крутого обрыва.

По обе стороны беговой дорожки тянутся тонкие прутья, воткнутые в землю так, чтобы в промежуточной полосе свободно могла скакать лошадь.

Поле аккуратно подготовлено для участников конных состязаний. Но начало состязаний затягивали, ожидая еще кого-то, кто займет место на возвышении в виде помоста из буковых досок, вытесанных топором.

Стекавшиеся из окрестных аулов люди заполнили все поле. Далеко разносятся пронзительные звуки зурны и равномерная дробь бубна. Но вот люди: и всадники, и стоящие, и сидящие на склонах - все застыли, как каменные изваяния, напрягая слух. И, кажется, будто зурна и бубен звучат где-то в далекой безлюдной степи.

Взгляды всех устремлены на канатоходца, который делает сложные трюки на канате из конского волоса, протянутом между двумя стойками из попарно скрещенных столбов. Это Ваха из знаменитой семьи рода канатоходцев Дисто чеберлоевского аула Гуш-Корт.

Восемнадцатилетний Ваха, грудь, плечи и спина которого сплошь увешаны трех- и

четырехугольными разноцветными амулетами, с гладко отшлифованным от долгого пользования длинным шестом в руках, будто он ходит на твердой земле, спокойно разгуливает по ворсистому черному канату. Потом он ставит ноги носками вовнутрь и, привязав к ногам кинжалы, шествует то вперед, то назад.

и Не знаю, как с кинжалами, но пройти по канату взад-вперед я бы смог, - сказал Юсуп, сын Васала, стоящему рядом с ним Умару - сыну Али.

- Ты, который не может, стоя на одной ноге, даже вдеть другую в штанину?

- Разговоры! - низким басом прикрикнул на них Булат.

Присев прямо посередке рогатины стоек и наклонившись, канатоходец что-то сказал одному из озорничающих внизу жухургов. Оба жухурга побежали по кругу, громко выкрикивая:

- Пусть выйдет в круг мальчик десяти-одиннадцати лет и сядет на плечи пелхо!

- Есть среди вас храбрый мальчик, который не побоится на плечах пелхо пройти по канату?

- Разреши мне, Умар, - попросил Магомед, сын Арзу, сидевший на сером коне.

- Не надо, - коротко оборвал его тот.

- Вы только посмотрите, Хортин последышь лезет вперед! - указал пальцем Усман в толпу.

- Отважный мальчик, выходи! - кричали жухурги.

- Получается, что я хуже какого-то Хортинского сморчка! - надулся Магомед. - Этого заморыша, у которого кружится голова, когда полезет на трехметровое тутовое дерево!

- Будь что будет, жми, Магомед! - взмахнул рукой Булат.

Магомед ловко спрыгнул с коня, юркнул в толпу, протиснулся дальше, скользя под локтями собравшихся, словно рыбешка, и, остановившись перед жухургами, посмотрел назад взглядом победителя. Абди, сын Хорты, еще не был виден.

Канатоходец сел, свесив ноги по одну сторону каната, скользнул по наклону вниз и, улыбаясь, хлопнул мальчика по плечу:

- Не испугался, джигит!

Задетый за живое, Магомед снисходительно рассмеялся.

- Садись мне на шею. И не хватайся. Сиди спокойно, как если бы ты сидел на коне.

Он присел на корточки, посадил Магомеда себе на шею, поднялся по наклонной части каната и, постояв мгновение на рогатине подпорок, двинулся вперед. Дело это оказалось не таким уж простым, как думал Магомед. Канат и так высоко протянут, да еще сидеть на плечах канатоходца. И люди, которые смотрели вверх с разинутыми ртами, отсюда виделись маленькими. Когда канатоходец, отдалившись от подпорки, стал ритмично подпрыгивать и приплясывать, у Магомеда вдруг закружилась голова. Пальцы его невольно вцепились в плечи канатоходца, а колени судорожно прижались к его шее.

- Нельзя, - послышался низкий, спокойный голос канатоходца.

Магомед закрыл глаза и расслабил руки и ноги.

- Открой глаза, девчонка! - доносились до него крики из гущи толпы.

"Заметили!" - Магомед кусал себе губы. Затем широко открыл глаза и посмотрел прямо перед собой. До передней рогатины оставалось всего два шага. К несчастью Магомеда, канатоходец вдруг двинулся в обратную сторону. Пропади все пропадом! Магомед широко улыбнулся и скользнул по толпе гордым взглядом.

- Хейт, ай да Магомед!

- Настоящий орленок!

Спустившись под эти возгласы, Магомед встал ногами на твердую землю и глубоко вздохнул. Колени от долгого напряжения там наверху слабо дрожали. Боясь, что кто-нибудь заметит эту дрожь, он бросился было прочь, но жухург поймал его, посадил себе на плечо и пошел с ним по раздавшемуся кругу.

- Кто хочет увидеть смелого парня, смотрите на Магомеда, сына Арзу! Сейчас пока он молодой сокол, а через год станет горным орлом!

Обойдя круг, он дал мальчику гривенник и отпустил его.

- Ну, волчонок, чего же это ты глаза закрывал? - стали подтрунивать над ним, как только он снова оказался в седле.

- Голова у меня закружилась...

- Эх ты, девчонка!

- И с такой душонкой ты лез поперед Хортиного Абди!

- Смотрите, смотрите! - воскликнул вдруг Усман.

- Что случилось?

- На канат!

На канате стояла с тонким шестом в руках девочка лет двенадцати-тринадцати. Сердце маленького Магомеда почему-то забилось так, будто хотело выскочить из груди. Его нежные губы застыли полураскрытые, а глаза не хотели упустить ни единого движения девочки. Они ласкали вьющиеся по ее спине две длинненькие черные косички, разрумянившиеся на чистом весеннем воздухе ее алые щечки, взметнувшиеся над черными очами, подобно распластанным крылышкам, тонкие брови. Его потянуло какой-то неведомой до того силой к этим губкам, белой девичьей шейке; нетерпимо захотелось ощутить под рукой мягкие волосы, ниспадающие по ее спине; заглянуть в черные глаза, как в глубокий, загадочный родник...

Стоящие рядом старшие, поражаясь смелости и ловкости девочки, издавали тихие возгласы восхищения, посвистывали, глубоко вздыхали. Он был пленен этой маленькой девочкой.

Ропот, всколыхнувшийся на одной стороне поляны, словно волна, прокатился по всей толпе.

- Едут!

- Едут!

Взгляды всех устремились к дороге, спускающейся из аула вниз

и ведущей через рощицу к поляне. Оттуда показалась небольшая группа всадников.

- А который из них князь Авалу?

- Вон тот, что на гнедом коне, в красивой папахе.

- А рядом с ним?

- Ойшина сука - Чомак!

- А тот молодой, который едет за ним?

- Беноевский Элби, сын Мовсара.

- Ну а другой, белобородый?

- Это ножайюртовский юртда Шахбулат.

- Что же это Хоту, сын Момы, так пыжится?

- Вот пестрая компания!

- Сошлись, как разнородная мука в суме нищего!

Расступившиеся в знак уважения к гостям люди предоставили им место, удобное для созерцания зрелищ.

Шум и суета, взволновавшие на минуту толпу, поутихли. Внимание людей вновь приковала к себе маленькая девочка на канате.

Царское правительство управляло народами, населяющими Российскую империю, исходя из их характера, нравов, обычаев, традиций, в зависимости от того, насколько тот или иной народ опасен или безопасен для него.

По возможности оно старалось не ставить во главе управления Кавказа кавказца, а во главе местных народов - их представителей.

Россия была "тюрьмой народов", в которой для каждого народа была отведена отдельная камера. И не одинаков был надзор за ними. Надзирали узников исходя из того, какое преступление они совершили, насколько они послушны, надежны. Иные камеры не запирали на замок, к ним не приставляли охрану или надзирателя. Другим приставляли одного общего надзирателя. А на двери, отведенной для чеченских узников, висело несколько замков и вдобавок еще несколько засов, имелась постоянная бдительная охрана. Чеченцы считались самыми непослушными, непокорными, мятежными, преступниками-рецидивистами. У них издавна существовал своеобразный военно-демократический общественный строй, отсутствовало сословное деление, не признавалась власть отдельных людей или сословий. Защищая эту свою дикую свободу, чеченцы дольше всех оказали колонизаторам яростное, отчаянное сопротивление. Не думают они покоряться и ныне.

Царское правительство бесчеловечными, зверскими методами подавляет его сопротивление военно-колониальной политике, его борьбу за свободу и человеческие права, используя при этом представителей других народов Кавказа и даже самих чеченцев.

Сжигаются, уничтожаются аулы, посевы, сады, леса, скот. Чеченский народ изгоняется из родных мест, выселяется в Сибирь, в том числе женщины, дети, старики.

Этой системой правительство разъединяло народы Кавказа, вбивало клин между ними, порождало и разжигало межнациональную вражду, препятствовало объединению разных народов в борьбе против их общего врага - царизма.

И сегодня начальниками округов, командирами отрядов, приставами были выходцы нескольких народов Кавказа.

Одним из них был начальник Веденского округа, полковник князь Авалов Семен Иванович.

Неизвестно, то ли в силу братских отношений и многовековой дружбы между почти единокровными грузинами и чеченцами, то ли силу своей дипломатии, но за короткое время своего пребывания на должности начальника округа он завоевал доверие жителей и установил здесь мир и спокойствие. Авалов не прибегал к силе и угрозам, говорил с населением мягко, с присущим грузинам красноречием. Его слово не ставили под сомнение, для чеченцев оно было словом горца.

Князь часто ездил в аулы, и во всех аулах у него были кунаки. Он старался быть ближе к народу, чтобы войти ему в доверие, узнать его тайные помыслы. Его благородство, смелость, храбрость и красноречие как-то притупляли бдительность жителей округа.

Немаловажная причина привела князя Авалова во главе пышной свиты в Гати-юрт. Ныне сбывались давнишние мечты графа генерал-лейтенанта Лорис-Меликова, бывшего начальника Терской области. Еще в 1864 году у него возник план сформировать из самых непокорных чеченцев хотя бы один полк и использовать его

в усмирении народных выступлений внутри страны. Тогда этого не получилось. Теперь же условия благоприятствовали. Кавказскому командованию удалось сформировать воинские части из горцев и объединить их в один конно-иррегулярный корпус. Только вот с чеченцами это дело, как всегда, не удавалось привести к желанному концу.

Властям пришлось изрядно потрудиться, сколачивая Чеченский полк. Вначале казалось, что добровольцев окажется больше, чем требуется. Ведь в милицию они шли охотно. Там служба была нетрудной, несение караула на местных кордонах, охрана почтовых дорог, да эскортирование начальства - вот и все. И не отдаляясь от своих аулов и семей. В свободное время можно было присматривать за своим хозяйством. В месяц получали десять-пятнадцать рублей жалованья, да еще деньги на питание фураж. Все это до копейки оставалось в семье. Для нищего чеченца эти деньги представляли собой целое состояние. Поэтому

в милицию шли охотно, со своими лошадьми и оружием. Достаточно было для этого иметь даже жалкую клячу, лишь бы была на четырех ногах. При формировании нынешнего полка тоже нашлось много добровольцев. Даже и на несколько полков. Почти все - бедняки, не имевшие дома ни коровы, ни старой козы, в рваных черкесках и обуви из сыромятной кожи. Видимо, они считали, что лучше добывать для семьи хотя бы солдатские харчи, чем бездействовать в неприглядной нищете. Однако, узнав, что и лошадь, и обмундирование, и оружие должны быть свои, все повернули назад, смеясь над начальством и понося его на чем свет стоит. Если бы у них дома были деньги на коня, оружие да обмундирование, какой дурак стал бы вступать в царское войско? Да еще отправляться неизвестно куда за тридевять земель, вдали от родных мест! Да не столь добрый для них отец этот царь, чтоб так стараться за него. Ведь он же довел их до нищеты: разорил их долголетней войной, отобрал у них лучшие земли, да загнал в дремучие леса и горные ущелья. Вдобавок со своими налогами да штрафами сдирает с них три шкуры. Да еще плюет им лицо, оглашая матерщиной эти горы и ущелья. И бедняки, узнав, что, вступая в полк, они тем самым оказывают услугу богачам, назло последним шли на попятную.

А власть твердила свое, вызывая в Ведено, Грозный, Буру-Кала аульных старшин, кадиев, мулл и купцов: ведь формирование осетинской, ингушской, кабардинской, черкесской и других сотен шло успешно. О чем же, дескать, думаете вы? Стыдили: неужели вы не преданы царю или уступаете соседям в мужестве, или у вашего народа извелись настоящие мужчины? В начале говорили мягко, затем укоризненно и наконец перешли к прямым угрозам.

Когда вызвали в четвертый раз, богачам пришлось отдать в полк своих сыновей. Иные уговорили вступить в полк своих обнищавших родственников, попавших к ним в кабалу. Снабдили последних конями, оружием и обмундированием. Нынешние гулянья и состязанья были организованы в честь этих героев, чтобы в

будущем воодушевить других, дабы они последовали их примеру. Такую же цель преследовал и князь Авалов, объезжая аулы, округа вместе со своей пестрой свитой.

Как только начальство поднялось на помост, музыка и дробь бубна, сопровождавшие танец канатоходца, замолкли. Жухург, собирающий деньги для канатоходца, в последний раз обежал круг.

Булат и Кайсар, стоящие неподалеку от помоста, с беспокойством смотрели на дорогу, которая спускалась по восточному склону к Аксаю.

- Что-то не показывается он, - сокрушенно повел головой Кайсар, - а состязания вот-вот начнутся.

- Может стряслась какая беда?

- Не похоже. Вчера они все были живы-здоровы. А бог его знает! Ведь беда бежит за нашими пятами. Все может быть.

- А если он не придет, что нам тогда делать? - спросил приунывший Булат.

Кайсар сдвинул вверх папаху и почесал темя.

- Будет худо. Без Алибека и его коня нам некого выставить в претенденты на приз по прыжкам через перекладины, костер и по удержанию коня у обрыва.

- Ямы-то и перекладины моему Серому под силу, - Булат нежно погладил гриву своего коня. - И у обрыва тоже как-нибудь можно остановить. Но вот через костер, хоть убей, не захочет прыгнуть.

- Едет, едет! - закричал Умар, который находился на коне на возвышенном месте.

Все мигом повернулись на восток. По узкой дороге в долину Аксая спускались два всадника.

- Может не они? - внимательно всмотрелся в них Булат, приложив ко лбу руку козырьком.

- Этот серый конь точно его.

- Да и другой, вороной конь, его брата Ала-Магомеда.

- Ох, слава богу, услышал нашу молитву! - глубоко вздохнул Булат.

Булат не так уж и беспокоился по поводу состязаний. Конечно, друзья не прочь были взять призы, но главное все-таки крылось другом. После завершения игр Алибек должен был встретиться Берсой. Устроить эту встречу было поручено Булату, и он боялся, что не справится с заданием. Когда показались двое всадников, с сухощавого лица Булата слетело облачко тревоги, оно просветлело. Он вытер рукавом пот со лба, слишком рано покрывшегося морщинами, и легонько провел рукой по черным густым усам.

- Эй, люди, слушайте! - раздался в воздухе визгливый голос Хорты.

- Слушайте!

- Слушайте!

Люди, передавая из уст в уста, распространили призыв во все концы. Не прошло и минуты, как на площади воцарилась тишина, если не брать во внимание фырканье лошадей, да редкий кашель или чихание людей.

Хорта самодовольно окинул народ взглядом красных глаз из-под белесых бровей, пригладил усы и пропустил рыжую бороду через сжатые в кулак пальцы. Вот уже

тринадцатый год, как он был бессменным юртда в Гати-юрте. Стал им после Исы. Он привык к своим обязанностям и к начальству.

Хорта легонько закашлялся.

- Сегодня в нашем ауле большой, очень большой праздник. Этот день долго сохранится в памяти наших потомков, они с гордостью будут говорить о нем. Ибо самые отважные джигиты из нашего аула уходят служить в эскери всеми нами любимого и высокочтимого царя. В честь царя, его брата, могущественного сардара, находящегося в Типлисе... а...

- Михаила...- подсказал Хорте стоящий поблизости Чомак.

в ...Микаила и инарлы из Буру-Кала, начанника нашего укурга князя Авалу, как дань уважения к уходящим сегодня в храбрые войска царя нашим молодцам, мы организовали сегодняшний праздник. С разрешения наших гостей и благословенья Божьего мы начинаем состязания. Главные состязания будут заключаться скачках. Девять кругов по поляне. Примчавшемуся первым скакуну приз - убранное серебром седло. Второму - украшенная серебром нагайка. Коню, что преодолеет все препятствия и остановится в двух аршинах от обрыва, полное конское снаряжение, черкеску и башлык. Всаднику, показавшему свое удальство на коне, - атласный бешмет. Тому, кто проявит искусство владения оружием, - то самое оружие, с которым он проявил искусство. Кого вы выберете в судьи?

- Акту, сына Тевзби!

- Князя Авалу!

- Ахмеда, сына Акбулата!

Хорта поднял обе руки:

- Добро. Победителей будут определять избранные вами люди. Теперь, люди, освободите майдан. Коней, участвующих в скачках, отведите к старту.

В несколько минут поляна стала похожей на разоренный муравейник. Но вскоре собравшийся люд успокоился, рассредоточившись по краям поляны. Выехавший навстречу Алибеку Кайсар вернулся с обоими братьями. Они поздоровались с друзьями, затем вступили к обсуждению дела, не тратя времени на обычный длинный горский этикет.

- Ну, что будем делать? - спросил Алибек своего друга Кайсара.

- Самое трудное остается за тобой и твоим Серым.

- Проскочить огонь и осадить коня у обрыва?

- Да. Для скачки мы подготовили коня Маккала. Булат будет состязаться оружием, я - на коне.

- Хорошо. Тогда трогайте.

Как только Акта выстрелил из пистолета, Магомед, напряженно следивший за высокими гостями на помосте, потянул поводья, поднял своего вороного Леча на задние ноги, ударом плетки заставил сделать прыжок и пустил его вперед. Но кони нескольких более прытких или менее терпеливых, чем Магомед, взяли разгон раньше.

Магомед не придавал значения лидерству на первых кругах. Булат друзьями наставляли его, чтобы вначале скачки он уберег силы коня, но чтобы на последних кругах гнал во всю мочь. Ему, однако, не нравилось, что впереди него скачут четверо всадников. Конечно, так или иначе, он оставит их позади, но, чтобы этот Хортин ублюдок Абди примчался к финишу не то что впереди, но даже лишь на один шаг позади него, - нет, этого он не может допустить. Они ведь ненавидят друг

друга. В драке-то Магомед всегда может раскрасить ему рожу, да и в любом ином единоборстве Абди ему не соперник. Сын юртда всегда злит его своим хвастовством о принадлежащих им магазине, лошадях, богатствах. Если Абди сегодня удастся победить, то его бахвальству не будет конца и края. Вон как часто он бросает взгляды назад, скаля свои мышиные зубы. Но не бывать тому, о чем он мечтает!

Магомед ударил в живот коня голыми пятками. Снова и снова. Бить плеткой было нельзя. Стегнул раз - и хватит. Нельзя приучать.

- Гони! Гони!

- Войт!

- Не жалей!

- Наддай, восьмой круг пошел!

Восьмой круг! Нет, мешкать нельзя. Магомед участил удары пятками. Встречный ветер не давал открыть глаза. И штаны намокли от конского пота. Еще лошадь осталась позади. Наконец, до него долетели крики Булата и его друзей.

- Гони, Магомед!

- Бей плеткой!

- Идет последний круг!

Теперь голова его коня поравнялась с крупом мчавшегося впереди. Не много требовалось сократить расстояния, чтобы они оказались на одном уровне. Взгляды Абди были уже не такими торжественными, как раньше. Он искусал в кровь губы своими мелкими клычками. В глазах горел злой огонь.

Воздух наполнился сплошным гудением от криков обступивших площадь людей.

- Бей плеткой, Магомед!

- Жги, Абди!

Абди беспощадно стегал своего коня. Но Магомед щадил своего. Он ведь хорошо знал его. Маккал выбрал его из хороших кровей

и привел еще жеребенком, и Магомед с тех пор не расставался

с ним.

На середине девятого круга он огрел плеткой бок коня. Леча, уже поравнявшийся с соперником, словно обожженный, сделал сильный рывок и вышел вперед на целый корпус. Нет, это он сделал не от боли, а от обиды, от возмущения против жестокости маленького хозяина. Эта последняя минута Магомеду почему-то показалась дольше года. И финишная черта словно находилась за семью горами. Когда до нее оставалось несколько шагов, учащенно бьющемуся сердцу грудь стала тесной.

- Наяривай, Магомед!

- Не расслабляйся, Абди!

- Войт! Войт!

Когда передние ноги Лечи пересекли черту, Магомед оглянулся. Его и Абди разделяло расстояние в три шага. Не останавливаясь, Магомед проскакал еще полкруга, подъехал к помосту и, натянув поводья, поднял коня на дыбы. Гул радостных возгласов накрыл площадь.

Подъехавший вскачь Усман ссадил Магомеда и, накрыв спину коня войлочной попоной, взял его под уздцы и перевел на легкий аллюр.

- Ай да волк! Кажется, в какой-то миг ты здорово растерялся,

- спросил Магомеда Булат.

- Вовсе нет.

- Нет, он не растерялся, а просто перетрухнул перед Хортиным Абди, - бросил Умар.

Магомед косо посмотрел на двоюродного брата:

- Сопляк твой Абди!

- Всадник неплох, - заступился за мальчика Алибек. - Не растерялся. Хороший парень. Весь в отца.

Пока они разговаривали, Акбулатов Ахмед объявил новые конные состязания.

- Надо сначала перескочить через три перекладины и три ямы, затем промчаться сквозь пламя и у самого обрыва остановить мчащегося во весь опор коня, - объявил он состязающимся. - Тот, кто потерпит неудачу на каком-либо одном препятствии, отъезжает в сторону. Если до обрыва доскачут несколько всадников, то победителем будет тот, кто окажется к обрыву ближе остальных. Участвующие в состязании пусть становятся у старта. Когда костер разгорится поярче, я выстрелю из пистолета. Мы с Актой, с вашего позволения, едем к обрыву.

Для участия в этом самом сложном и опасном состязании нашлось всего лишь с десяток человек.

- Начнем первыми или выступим последними? - спросил Алибек Кайсара.

- А ты что скажешь, Булат?

- Что, если посмотрим сначала на других?

- Не будем спешить, - решил самый старший из них, брат Алибека Ала-Магомед. - Говорят, быстрая река до моря не дошла. Не хорошо лезть на рожон. А так и чужую ошибку заметим, и себя от нее предостережем.

Люди теперь не кричали, как это было при скоростных скачках. Они даже переговаривались шепотом, боясь сбить с темпа какого-либо коня. И все же к обрыву доскакали всего лишь два коня.

Два сбились при прыжках через ямы, а один не смог преодолеть перекладину. Шесть коней перемахнули через пламя, но лишь два скакуна проскочили сквозь него.

- Конь беноевца Солтамурада остановился в трех аршинах от обрыва, - выкрикнул Ахмед, сын Акбулата, - конь Хорты из Гати-юрта остановился в трех с половиной аршинах! Есть еще желающие оспаривать победу?

Еле заметным движением тронув повод, Алибек красивой иноходью пустил коня к краю площади. В нем уже не было ничего, что напоминало бы того смуглого, дерзкого мальчугана, двенадцать лет тому назад проводившего друга Кори в Турцию. Теперь на сером коне ехал двадцатишестилетний молодой человек среднего роста, плотный, крепкий. Круглое лицо располагало к себе выражением благообразности. На щеках, чуть повыше коротко остриженной черной бородки, играл здоровый румянец. Когда его черные глаза, глядевшие из-под каракулевой коричневой папахи, надвинутой на широкий лоб, останавливались на знакомом

лице, он едва заметно наклонял голову и, не разжимая губ, улыбался. Он выделялся среди собравшихся людей и одеждой, и оружием. На нем была черкеска из грубого сукна. Из-под нее выглядывал алый сатиновый бешмет. Обут он был в мягкие ичиги.

Когда выехал вперед Алибек, над площадью пронесся глухой ропот.

- Кто это?

- Ты что не знаешь его? Это Алибек-хаджи, сын Олдама из Симсира.

- Тот самый, о котором в Нохчмахке так много говорят? Тот самый улем?

- Да, он самый.

- Когда же он успел стать таким знаменитым муллой?

- Превзошел по учености всех мулл нашего края, он, говорят, пригласил к себе в учителя самого высокочтимого муллу из Дагестана.

- Вот-вот! Готов поклясться на девяти Коранах, что приглашенный им мулла не умеет правильно прочесть бисмила.

- Говорят, что он хаджи?

- Не то что говорят, он хаджи и есть.

- Такой молодой?

- И Ала-Магомед, что старше его, и младший Алимхан - все трое хаджи.

- Почему же он без чалмы?

- Не знаю, почему-то не носит.

- И у другого брата тоже нет чалмы.

Дойдя до края площади, конь Алибека, почуявший для чего его привели сюда, стал проявлять признаки беспокойства, вертя длинной, тонкой, белой шеей, бил копытом об землю. Успокоив его легким похлопыванием по шее, Алибек поправил на поясе саблю, ружье за спиной, разгладил рукой черные усы и, стиснув коню бока пятками, пустил его вперед во весь опор.

- Машалла! Чтоб никто тебя не сглазил!

- Оппа! Оппа!

- Словно парит в воздухе!

- И копыта будто не касаются земли!

- Оппа!

- Всадник точно с конем слился!

- Оппа! Последняя перекладина!

- Оппа! Настоящий сокол!

- Белый сокол!

Друзья стояли, вслушиваясь в приглушенный говор вокруг, и не сводили глаз с Алибека. Удача в сегодняшних состязаниях представлялась им как знамение будущей победы в задуманном ими деле. Пулей пронесясь сквозь пламя и влетев на обрыв сорокааршинной высоты, конь встал у самого края на задние ноги

и замер над пропастью, даже у Кайсара и Ала-Магомеда, которые не впервые видели опасные самоиспытания Алибека и его коня, душа ушла в пятки. Если конь потеряет баланс хотя бы на волосинку, то он вместе со всадником рухнет вниз со страшной высоты. Но Алибек был спокоен. В таком положении он оставался больше минуты, пока по просьбе Ахмеда и Акты ему не велели отъехать назад, он круто на задних ногах развернул коня и, в обратном порядке вновь одолев все препятствия до старта, направился к друзьям. Собравшийся на площади люд, восторженно крича, заколыхался, словно разбушевавшееся море.

Среди тех, кто стоял неподалеку от Булата и его друзей, завязались споры.

- Клянусь всеми Коранами, читанными в Мекке и Медине, этот человек наделен таинством святых!

- На хорошем коне и я смог бы.

- Попробуй тогда на коне Алибека.

- Куда ему, свалится в первую попавшуюся яму!

- Или обожжет штанину в костре!

- Наверное, при нем есть талисман, привезенный из святой Мекки. Или в талисмане, что висит на лбу его коня, заключена большая сила.

- Чушь! Просто смелый, храбрый наездник обучил своего коня и сделал его таким же, как сам.

- Смотри, смотри! Князь Авалу ему рукой машет!

И вправду, пораженный отвагой всадника, князь Авалов махал рукой, поздравлял Алибека.

- Это настоящий наездник! - говорил он находившемуся рядом Чомаку. - Во многих местах, среди многих горских народов приходилось мне бывать на состязаниях, но видеть такого коня не доводилось. Откуда он сам?

- Из Симы... Симсира. К юго-востоку от Зандака.

- Слушай, Чомак, я бы отдал за этого коня все свои владения в Грузии. Иди, поторгуйся с ним.

Чомак покачал головой:

- Нет, не продаст.

- И втридорога?

- Даже если предложить столько золота, сколько вместит долина Аксая.

- Но неужели он такой богатый?

- Не беден. Но он же горец. А как знаешь, горец ни за что не продаст ни доброго коня, ни хорошего оружия.

- Жаль, очень жаль, - расстроился Авалов.

Кайсар и Булат, сидя на конях, обняли подъехавшего к ним друга, который одержал победу в самом сложном, опасном и трудном поединке. Молодой Умар и его сверстники смотрели на него полными восторга глазами. Ала-Магомед хранил молчание, будто все увиденное было ему безразлично. Но то, что он всюду неотлучно сопровождал своего младшего брата, говорило о его горячей любви к нему, о его гордости за храбрость, ум и знания Алибека. У еще не очень старого Олдама их шестеро сыновей: Ала-Магомед, Алибек, Арпхан, Султи и Зелимхан.

Последнему еще нет и пятнадцати лет. Султи в этом году получил право носить оружие и за руку здороваться со старшими. Олдам совершил с тремя старшими сыновьями хадж в Мекку и возвратился домой прошлой осенью. Смелый, отважный Алибек являлся гордостью не только семьи и родного аула, но и для всего зандаковского тейпа. Поэтому, когда он выезжал куда-нибудь, его сопровождал старший брат.

Состязания продолжались. Празднично разодетые джигиты носились по широкой поляне. На конях, мчавшихся с быстротой летящих птиц, они показывали ловкость и сноровку. Вон беноевец, держась одной рукой за луку седла , спрыгивает то по одну, то по другую сторону, затем вновь и вновь вскакивает в седло. Несущийся вслед за ним центороевец, разгорячив плеткой коня, выпустил поводья и скачет, стоя во весь рост на седле, попеременно становясь то на одну, то на другую ногу. На белоногом с белым пятном на лбу Кайсаровом коне не видно всадника. Несведущему может даже показаться, что конь скачет сам по себе. Но Кайсар, не вытаскивая ноги из стремян, то повисает поочередно с левой и правой стороны, то распластывается в длину по бокам лошади, исчезая из виду. Пустив коня в бешеный галоп, всадник хватает с земли разбросанные там и сям безголовые и безногие козьи туши. Трудно поднимать с земли на всем скаку натертые до блеска серебряные рубли. Но еще труднее попасть из пистолета в серебряную монету. Кайсар поднял их три. А Булат трижды попадает прямо в середину монеты. Иные, стреляя из ружей, отправляют обратно вверх подброшенные и падающие гривенники. Другие карабкаются на шест, который не только гладко обтесан, но еще и смазан жиром. На самой макушке шеста на гвоздь повешен кинжал - изделие лучших мастеров из аула Дарго. И последнее состязание - срезание саблей прутьев. В руках всадников молнией сверкают сабли. Рассекая посередине, они валят на землю тонкие прутья, слабо воткнутые в землю в два ряда. После каждого захода дети устанавливают новые прутья.

А в центре круга кружится сплошное облако пыли, взлетают комья земли из-под конских копыт. Победителей приветствуют громкими криками и выстрелами. Спорные моменты внимательно разбирают Ахмед и Акта. Даже князь Авалов на некоторое время забыл о том, что он высокочтимый начальник округа. Махая форменной фуражкой, он вместе со всеми кричит и радуется.

Когда состязания и игры закончились, все, как по команде, направляются к помосту, хотя никто им этого не предлагал. Коротко посовещавшись, судьи называют имена победителей.

- В скачках по кругу в трудной борьбе одержал победу скакун Алибека - сына Олдама из Симсира! В ловкости и сноровке на конях лучшими признаны гатиюртовцы Кайсар, сын Аюба, и Булат, сын Данчи, а также центороевец Ахмед, сын Гары. Названные джигиты пусть забирают призы.

Воздух вновь оглушился гулом криков и ружейных выстрелов в честь победителей. Когда взволнованный до предела люд немного угомонился, Хорта поднял руку:

- Слушайте, люди! Теперь будет говорить князь Авалу!

Грузинский князь, на некоторое время духовно слившийся с толпою, снова преобразился в начальника округа полковника Авалова. Надев фуражку с кокардой, с белым верхом и черным козырьком, он провел рукой по усам и слегка закашлялся. Вмиг угас горевший в его черных глазах огонь азарта. И нос его с горбинкой стал похож на орлиный клюв. Поводя украшенной крестом и медалью грудью, он долго говорил на ломаном русском языке.

- Чеченцы! Велико и могущественно Российское государство. Многие народы его, когда-то измученные, придавленные кровопролитными, междоусобными войнами и войнами с внешними врагами, не знавшие мирной жизни народы Кавказа, сегодня живут по-братски, счастливо, под могущественным крылом его императорского величества - русского царя. Свидетельством тому является то, что, когда в Россию вторгаются иноземные полчища, сыны разных народов встают на защиту нашего

царя и России. Враги нашего отечества снова точат зубы. Только наше единство, общая сила может защищать нашу общую отчизну. Поэтому все народы Кавказа в помощь русским победоносным войскам дают своих сыновей. Грузины, армяне, азербайджанцы, осетины, кабардинцы, черкесы, дагестанцы, ингуши и все остальные. Они не впервые доказывают свою верноподданность. Ваши соотечественники также много раз проявили ратную доблесть и отвагу в боях с врагами отчизны, особенно в последней войне нашей против турок, англичан и французов. Его величество император не оставил без внимания их верноподданность, их ратные подвиги, пролитую ими кровь. Участники той войны вернулись с многочисленными орденами и карманами, полными денег. Правительство и теперь оказывает им высокую почесть. В этом году чеченцам, из-за своих диких нравов долгое время пребывавшим в положении пасынков, его императорское величество вновь оказало доверие. Но люди не хотят понять, какую милость им оказывает царь. Не хотят пожать великодушно протянутую им руку. Среди чеченцев, издревле славившихся как доблестные воины-витязи, ныне нам не удается набрать и тысячи человек, желающих вступить в славное войско Российское. Куда же девались прославленная в горах Кавказа ваша отвага, смелость и храбрость? А может, вы разучились держать оружие? Куда там! Некоторые ссылаются на то, что у них нет коней, что они бедны. Враки! Сколько сотен лошадей здесь! Сколько здесь доблестных джигитов! Просто не можете расстаться со своими бунтарскими привычками. Словно поклялись сделать все наоборот, все только назло. Слава богу, сохранившему среди вас горстку мужчин, способных защищать честь вашего народа! Они верны Богу и царю. Они отдают своих сыновей в руки его величества...

Слегка пригладив усы, Авалов окинул толпу испытывающим взглядом.

- Позвольте мне от имени его императорского величества поздравить... - Авалов заглянул в бумажку, которую держал в руке, - ...собирающихся вступить в ряды победоносных русских войск Хортаева Асхаба, Товсолтанова Хуси, Бораханова Саида, Сатуева Солтахана и выразить благодарность их родителям, вырастившим своих сыновей верными царю и отечеству. Счастливого пути вам, храбрые джигиты! Доброго пути вам, храбрые джигиты! Да сопутствует вам удача, чтобы своими боевыми подвигами вы могли приумножить славу своего народа!

Площадь вновь огласилась рукоплесканиями.

Вперед вышел поручик Чомак Ойшиев. Не у пустой кормушки вскормил царь своего верного слугу. Повисшие красные щеки, густые рыжие брови, остановившийся жестокий взгляд покрасневших глаз, сморщенная переносица, повисшая, как у старой клячи, нижняя губа, двойной подбородок, зажатая в стоячий воротник зеленого атласного бешмета толстая шея. И глотка неплохо звучит. Громко, как в пустой мечети.

Чомак, часто бросая взгляд на князя, самодовольно и долго переводил его речь, а люди бросали реплики.

- Очень счастливо живем!

- Как бы не сглазили нас!

- Эх, да остаться нам без этого царского крыла!

Кайсару давно уже надоели эти речи. И конь его, словно зная, что у хозяина на душе, не мог устоять на месте.

- Уйдем отсюда, Алибек? - хлопнул друга по плечу Кайсар.

- Неудобно. Как-никак, большой начальник говорит.

- Неужели нам стоять и слушать до конца эту болтовню?

- Лучше подождем. Они опять что-то собираются делать.

Товсолта подходит к помосту.

Товсолта-хаджи, одетый сегодня в зеленую сутану, с белоснежной чалмой, обернутой вокруг высокой каракулевой папахи, с тисненным серебром кинжалом на поясе, очень нарядный, медленным шагом прошелся, стал перед помостом. За последние двенадцать лет он почти не изменился, разве что чуть-чуть согнулась ровная прежде спина. Да и плечи несколько пообвисли. Седину свою он тщательно скрывал. Голову он брил начисто, а усы и бороду красил красным хноем.

Рядом с Товсолтой встали его сын Хуси, Хортаев Асхаб, Бораханов Саид и Сатуев Солтахан. Первые трое были одеты изысканно: в черкесках и бешметах одного фасона, в черных папахах. Сверкало на солнце подвешенное и пристегнутое на поясах дорогое оружие. Снаряжение их коней было украшено серебром. Обмундирование Солтахана, по сравнению с ними, было довольно убогим.

Люди, которым не терпелось узнать, что у Товсолты-хаджи на душе, выжидающе притихли.

- Дорогой гость наш, уважаемый наш начальник князь Авалу, - раздался в тишине мелодичный, густой голос Товсолта-хаджи, - этот сегодняшний день наш аул никогда не забудет. Несмотря на нашу бедность, наше убожество, ты удостоил нас чести своим посещением. Спасибо, и да воздаст тебе за это Аллах, да продлит он твои годы! Если бы внять желанию некоторых из нас, сегодня в храбрые войска царя отправлялось бы не только четыре человека. Мы бы довели это число до ста. Если не так, как хочется, то как можется, - гласит наша поговорка. Так что, мы сделали то, что могли. Вот этих наших детей мы передаем, прежде всего, в руки Бога и, во-вторых, в твои руки. Для нас является большим успокоением то, что они едут в эскари вместе

с Хотой, сыном Момы, - человеком отважным и умным. Таким он показал себя, сражаясь с врагами нашего царя. А вы, сыновья мои, - обернулся Товсолта-хаджи к четырем стоящим за ним ополченцам, - не ударьте лицом в грязь. Покажите свою преданность нашему славному отцу, великому царю нашему. Если начальство прикажет прыгнуть в синее пламя, - прыгайте, не моргнув глазом. Прошу вас, не возвращайтесь назад с позором, с клеймом трусости... Гатиюртовцы остаются уверенными, что вы с честью выполните свой долг перед царем и отечеством. Да возвратит вас всемогущий Аллах с победой живыми-здоровыми к вашим семьям!

После нескольких благодарственных слов Авалова, Хоту Мамаев, спустившись с помоста, начиная от Товсолта-хаджи, поблагодарил его и четырех добровольцев, пожимая каждому руку, вознес хвалу отцам молодых воинов.

Через несколько минут гости отправились вместе с Хортой в аул.

А люди разошлись по своим домам, судача о событиях дня.

ГЛАВА II

БЕРСА

Нет, лучше с бурей силы мерить,

Последний миг борьбе отдать,

Чем выбраться на тихий берег

И раны с горестью считать.

А. Мицкевич

Отправив в аул радующихся завоеванными призами Магомеда, Умара, Усмана и Ала-Магомеда, выбрав безлюдную дорогу, Кайсар и Булат с Алибеком отправились в гору.

Булат подарил Магомеду свой приз - кинжал с рукояткой из белой слоновой кости и тисненный серебром пистолет. Радости мальчика не было предела. Теперь у него все, что надо: посеребренное чеченское седло, такая же уздечка, да еще чрезмерно красивый, как куколка, пистолет. Вскоре улетучилось мимолетное счастье.

В глубине сердца проснулось притаившееся там горе. Как часто это случалось, он вспомнил своего дядю Али. Прошлой осенью арестовали и отправили в Сибирь его и заменявшего Магомеду отца Маккала. Многого не понимал юный Магомед, но думы о судьбах дяди и друге отца проникли по невидимым нитям в его сердце и не расставались с ним. Даже сегодняшний праздничный день померк в его глазах, когда он увидел на помосте разжиревших офицеров со сверкающими под лучами солнца золотом и серебром на плечах и груди. Это они - виновники того, что до его рождения отец Арзу вынужден был уехать далеко, в чужую страну, и там сложить свою голову, что они с матерью остались одни, что его дядя и отцовские друзья сосланы в сибирскую каторгу! О, скорее бы ему исполнилось пятнадцать! Тогда он отомстит за них. Но как еще долго ждать! Целых три года...

Трое всадников ехали гуськом по поднимающейся вверх сквозь заросли боярышника, мушмулы и кизила узкой тропе, которая вела мимо аула. Впереди ехал Кайсар, за ним Али-бек, шествие замыкал Булат...

Месяца два назад друзья при такой встрече не преминули бы пошутить и посмеяться, а теперь и говорили вполголоса, боясь, как бы кто-нибудь не услышал. Алибек интересовался, как здесь скот вышел из зимовки, как идет весенний сев. Кайсар не раз с интересом слушал рассказы трех братьев о своем путешествии в Мекку. И все же вопросов к ним у него не убавлялось. Он и теперь перевел разговор на их паломничество в святые места.

- Лучше бы ты рассказал, Алибек, об увиденном и услышанном во время паломничества. Что за народ арабы?

- Да сколько же можно говорить! Люди как люди, только кожа черная, как донышко старого котла.

- Не о том я спрашиваю. Храбрый это народ?

Алибек ответил не сразу.

- Как бы это сказать? - начал он. - Одежда мужчин делает их несколько похожими на женщин. Рубашки на них широкие и опускаются ниже колена, головы обмотаны платками. Кто знает, может это связано с особенностью их края. Пески, жара, засуха. А сам народ нельзя назвать трусливым. Суровые горы и горячие пески - этот край не трусливого народа. Кроме того, во времена пророка и его асхабов, с огнем и мечом они распространяли веру в Шемахе, Мисре, Бухаре, Индии, в

странах, о которых мы не слышали. Все это произошло несколько веков назад. Сейчас же от той отваги и следа не осталось. Под турецкой пятой они забыли своих предков до седьмого поколения. Другие, говорят, находятся под игом французов и англичан. Если заключить в клетку, то из любого зверя или птицы можно вышибить со временем гордость и храбрость. А ведь свобода дает человеку и смелость, и гордость.

Кайсар глубоко вздохнул.

Разговор друзей на несколько минут оборвался. Последние слова Алибека повергли их в раздумья. И вправду, что представляет собой угнетенный народ? Будет работать, как вол, и есть, что дадут. И все. Но и есть он не может досыта. Всегда голодный, нищий, бесправный. Лучше смерть, чем такая жизнь.

Приятно было дышать воздухом, напоенным ароматом цветов, от которых обочины тропы стали ярко-пестрыми от кизилового желтого цветения. Греющиеся у дороги на солнцепеке многочисленные ящерицы, заслышав топот, спешили скрыться в кустах, шурша молодой травкой. В зеленой роще на склоне состязались птицы, пересвистывая и выплескивая песни на разные лады. Но всадники не замечали этой красоты весенней природы, не слышали птичьего ликования. Перед Булатом представились Асхаб Хортаев, Хуси Товсолтанов, Саид Бораханов, которые когда-нибудь возвратятся из армии, если останутся живы, на великолепных конях, обвешанные дорогим оружием, со сверкающими погонами на плечах, с медалями и орденами на груди. Власти не оставят их без вознаграждений за верную службу. Посадят их на шею народа.

- От Али и Маккала имеются вести? - нарушил молчание Алибек.

Прошлой осенью царское правительство снова очистило Ичкерию от лучших людей. Человек двадцать руководителей готовящегося восстания были арестованы. Среди них были и Маккал, сын Абдурахмана, Али, сын Абубакара и избранный предводителем восстания майртуповец Шоип, сын Мусло.

- Месяца три тому назад получили письма. Оба живы-здоровы. Говорят, что довезли их до Сибири.

- Они вместе?

- Нет. Разлучили.

- Как же они там?

- Дела, видно, неважные. Али пишет, что сам он добывает железную руду, а Маккал попал на лесозаготовку. Холодный, безлюдный, говорят, край.

Алибек не стал больше задавать вопросов, предался размышлениям. Последние двенадцать лет были для Чечни, хотя и мирными, но беспокойными. Народ терпеливо выносил чинимые ему мытарства. Землю у него давно отняли, и новые хозяева успели забыть, что они пользуются чужим. Можно было подумать, что она досталась богачам в наследство от предков. Ежедневно размножались кровопийцы - выходцы из чеченской среды: офицеры, купцы, муллы. Каждый из них был начальником над бедным чеченцем. Сила была на их стороне. Власть пригревала их под своим крылом. Опираясь на этих отщепенцев, она угнетала народ. А чеченскому бедняку запретили спускаться ниже Военной дороги. Если появится в городе, его унижали, оскорбляли. Гнали, как ишака, что забрел в чужой огород.

Народ терпел, но терпению пришел конец. Достаточно было искорки, чтобы разжечь пламя, направить его против угнетателей. Народ готовился к новой схватке. Готовился к ней долго и терпеливо. Однако в прошлом году чуть не провалилась вся многолетняя подготовка. По чьему-то доносу арестовали несколько человек из руководителей. Правда, среди них из главных руководителей было только трое. В то время Алибека не оказалось дома, он отправился с отцом и братьями в Мекку.

Сейчас буря близка. Он, Алибек, один из главных руководителей будущего восстания.

"Что станется со мной?" - спрашивает он самого себя.

- Или пропаду безвестно, изгнанный из родного края, как шейх Мансур, или паду от предательского удара сзади, как Бейбулат, или с оружием в руках героически погибну, как Гази-Магома, или буду вздернут на виселицу, как Байсангур?..

Когда всадники подъезжали к селу, на тропинке, спускающейся по противоположному склону к роднику, показалась девушка с медным кувшином.

Девушка шла медленно, мелкими шагами. Теплый весенний ветерок ласкал ее черные локоны, выбившиеся из-под прозрачного платочка и свившиеся в кольца на гладком челе. Длинная коса, ниспадавшая по стройной спине до самых икр, каталась, переворачиваясь то в одну, то в другую сторону. На этом коротком отрезке пути выражение ее лица менялось несколько раз. Припухшие нежные губы поддавались улыбке, и тогда зубы ее, словно выточенные из белого мрамора, обнажались, ослепительно сверкая, а длинные черные ресницы, опускаясь, закрывали большие голубые глаза. По белоснежной, отточенной шее иногда катилась теплая румяная волна: под тесным корсажем, туго тянувшим талию, начинало бешено биться сердце. Казалось, что серебряные застежки корсажа вот-вот разорвутся.

Но на какое-то мгновенье по прекрасному девичьему лицу скользнуло облачко печали, и румянец сбежал с лица и алых губ.

В душе девушки боролись два чувства: любовь и ненависть. Но она не в силах была решать судьбу. Она передала ее в руки Бога, но не потеряла надежды на счастье.

Заметив поднимающихся по ущелью трех всадников, она вся задрожала, как испуганная лань. Однако, узнав Кайсара и Булата, вздохнула успокоенная, и по жилам ее пробежала теплая волна. Когда Кайсар двинулся вниз, сказав несколько слов незнакомцу, девушка ускорила шаги. Она прополоскала свой кудал, поставила его под почерневший узкий деревянный желоб и, вслушиваясь в песенно журчащую в кувшине струю, стала дожидаться, пока подойдет друг ее возлюбленного.

"Почему же не подошел Булат? - испуганно встрепенулось ее сердце. - Неужели поверил людским сплетням?".

- Добрый день, Деши, - Кайсар спешился, разнуздал коня и пустил на водопой.

- Добро пожаловать, Кайсар!

Обернув вокруг шеи один конец тонкого платка и закинув другой за спину, убрав локоны со лба, она вопросительно посмотрела на Кайсара.

- Что ты сегодня так рано пришла по воду?

Девушка глубоко вздохнула.

- Грустно что-то стало. Я слышала, что вы отличились на состязаниях. Пусть Аллах и впредь пошлет вам удачи, как сегодня!

- Спасибо тебе, Деши. Ты и вправду рада?

- Ты еще спрашиваешь, Кайсар! - обиженно скрывала девушка свои красивые губы.

Кайсар рассмеялся.

- По слухам, похоже, что твои чувства к нам изменились?

- Не обижайся, Кайсар, но мне кажется, не пристало настоящему мужчине внимать женским сплетням.

- Так-то оно так, Деши, но любовь очень нежное чувство. Легко

ее ранить и приласкать. Если рассудить здраво и взвесить обстоятельства, то мы стоим внизу, а Овхад Хортаев - выше нас. Отец у Овхада, как известно, состоятельный, а сам он учился в Буру-Кале, сегодня-завтра станет начальником.

Девушка взяла из-под желоба переполненный кудал и отставила в сторону. В этот момент исчезла с лица ее прежняя нежность. Брови ее, опустившиеся распластанными черными крыльями птицы, вдруг встрепенулись, промеж переносицы собрались тучи недовольства.

- Выходит, что Булат прислал тебя с поручением, чтобы передать мне эти слова? Что же он сам не приехал? Или он поклялся больше не говорить со мной?

- Нет, я приехал с тем, о чем Булату самому неудобно говорить.

- Не знаю, что между нами произошло, о чем нам с ним нельзя говорить.

- Тебе судачили, что он безродный, неизвестно чей.

- И что же?

- Он из самого крупного тейпа в Шалях и благородной фамилии, больше того, принят в Гати-юрте самыми уважаемыми людьми. В наше село его привела печальная судьба. Его родители и близкие родственники погибли в Турции...

- Я все это знаю, Кайсар.

- Поэтому, наверное, и твое сердце склонилось к Овхаду? Они же богаты. Ведь наше время - не время благородных мужчин. Теперь в почете муллы и торгаши, да всякие лизоблюды.

Теребя краешек платка, Деши внимательно слушала Кайсара, потом, наклонив голову набок и уставясь на него своими голубыми глазами, проговорила:

- Не знаю, Кайсар, каких слов вы с твоим другом добиваетесь от меня. Если вы ждете от меня слов, будто семья Хорты лишена благородства, а Овхад - мужества, - то напрасно ждете. Хорта состоятелен и уважаем в Нохчмахке. И про Овхада не могу сказать ничего плохого. Это симпатичный и благородный молодой человек. Не скрываю, меня сватают за него, и мои родственники не против этого сватовства. Что же нам теперь делать?

Кайсар удивленно посмотрел на Деши. Ему никогда не приходило на ум, что у этой хрупкой девушки хватит сил сказать такие решительные слова.

- Ты права, Деши. Мы тоже не можем сказать ничего дурного об Овхаде. Но ты дала Булату слово, что выйдешь за него. Два года принимала его ухаживания. Если ты теперь пойдешь на попятную, нам это трудно стерпеть. Мы не дети, чтобы нас обманывать.

- Что же вы сделаете? - девушка гордо вскинула свою прекрасную головку. - Уведете меня насильно, волоком, когда я, как вот сегодня, приду к роднику?

У Кайсара участилось дыхание. Он выместил свою злость, ударив лошадь, которая подошла к нему ближе и стала тереться об него головой.

- Нет, Деши, у нас хватит благородства, чтобы не совершить такую дикость, - жестко ответил он наконец. - Может, и мы найдем такую же бедную, как мы сами, девушку.

Ресницы девушки мелко задрожали; дрогнули ее пухлые губы, нижнюю она

прикусила зубами; светлые слезы, покатившиеся из ее глаз, задержавшись на длинных, густых ресницах, щедро ринулись вниз по щекам.

Кайсар растерялся.

- О вас я имела доброе мнение, Кайсар. Выходит, я ошиблась,- сказала девушка дрожащим голосом. - Как вы могли подумать, что я обманываю вас?!

- Люди же говорят...

- Почему же я не поддаюсь женским сплетням?

- Кто знает, что у тебя на душе...

Девушка, вытерев краешком платка слезы, вновь сурово взглянула на Кайсара.

- Овхада, чье имя ты с таким презрением произносишь, я нашла более искренним и благородным, Кайсар. Возвратившись из Буру-Калы и узнав, что меня собираются сватать за него, он пришел к этому роднику и справился у меня, что об этом думаю я. "Послушай Овхад, - сказала я ему, - ничего не имею против тебя, и быть хозяйкой в твоем доме сочла бы за высокую честь, но я люблю другого и дала ему слово. Если ты возьмешь против моей воли, я все равно не смогу забыть его". И знаешь, что он мне на это ответил? "Я сам не допущу, чтобы тебя насильно привели в наш дом. Этого можешь не бояться. У Булата нет родного брата, но я готов стать ему им. А тебе, Деши, большое спасибо". Вот как он сказал.

Восхищенный благородством и девушки, и Овхада, Кайсар, не зная, что ответить, завертелся вокруг коня, подтягивая подпругу.

- Ты неправильно поняла нас с другом, - молвил он, засовывая удила в зубы коню. - Правда, к Хортиной семье у нас не больше любви, чем к бешеной собаке. Но об Овхаде у нас самые добрые чувства. Стройный, смелый, благородный парень. И непохож на остальных членов своей семьи. Нас ведь то и встревожило, что сам он хороший парень, а отец его - богатый человек.

Взяв кудал и продев руку через его ручку, Деши посмотрела на Кайсара.

- Можете не тревожиться. Даже если бы любила Овхада, я и тогда бы не вошла в их двор. Не лучше ли мне быть княгиней в доме Булата, чем пойти из бедной своей семьи в дом Хорти и превратиться в рабыню! - лукаво засмеялась девушка своим чистым звонким голосом. - Имя-то у твоего друга звучное, но сам он, представ перед девушками, становится мягким, как гончарная глина. Ну, до свидания!

Кайсар, удивленный девушкой, долго смотрел ей вслед, потом вскочил на коня и помчался догонять друзей.

Булат, не заворачивая в аул, извилистыми пешеходными тропами выехал на большую дорогу и вместе с гостем спустился в низину.

Дорога то углублялась в высокий, густой лес, то проходила мимо свежевспаханных полей. Хоть деревья еще не полностью распустили листву, леса покрывали горы зеленым ковром. Пахота не завершилась, но говора крестьян не было слышно. В бороздах недопаханных полей виднелись сваленные на бок деревянные сохи.

- Ты пахоту закончил уже, Булат? - спросил Алибек.

- Закончил. Да и не велико наше поле.

- Тебе дали здесь надел?

- Нет. И откуда его взять? Вон видишь высокий дубовый лес? Там мне дали место. А рубить и выкорчевывать лес у меня нет сил. Подожду, пока подрастут сыновья Арзу и Али, тогда что-нибудь придумаем.

- Ты окончательно решил не возвращаться в Шали?

- В Шали? Когда-нибудь возвращусь, конечно.

- Есть у тебя там родственники?

- Близких нет, есть только дальние. Но тянет туда, наверное, потому, что там жили мои предки, родился сам. Пока я был маленьким, Маккал с Али не отпускали. Старались, чтоб я хозяйством обзавелся. Только стали осуществляться их мечты, как обоих отправили в Сибирь. Видимо, не скоро доведется мне вернуться в родное село. Если только по Божьей милости не вернутся Али и Маккал. Сыну Арзу всего двенадцатый год. Старшему сыну Али Умару уже семнадцатый пошел. Нет, Алибек, я не смогу расстаться с ними, пока они не подрастут и не обзаведутся своими семьями и хозяйством. Айза с Эсет беспомощны.

- Сколько у Маккала детей?

- Сын и дочь. Мальчику пять лет, девочка только-только научилась ходить. Братья жены Маккала всячески помогают своим племянникам. Вон тот вспаханный и заборонованный участок принадлежит Маккалу. Не будь их, Ковсар с двумя детьми тоже остались бы на моей шее.

- А в Шали часто ездишь?

- Да так, не очень часто.

- Имеешь там друзей среди молодежи?

- Да как сказать. Знакомых много, друзей мало.

Булат был удивлен тем, что Алибек так интересовался Шали. А тот задаст вопрос и надолго погрузится в свои думы.

- А Мачиг засеял свое поле?

- Да, засеял. Он и Васал спарили быков.

- Как он с новой женой?

- Дружно, мирно. Ведь Айшат тоже, как и Мачиг, невезучая.

Всякий раз, увидев Мачига или услышав его голос, Булат вспоминал свое далекое ушедшее детство. В этом краю один Мачиг был свидетелем злоключений и бед Булата, как и он, потерявший родных и близких, одинокий как перст, вместе с ним прошедший все семь кругов ада. Теперь Булату вспомнилось, как они вышли в путь на родину, как дошли до Арпачая, как там турки обстреляли из пушек их безоружных детей и женщин и как оставшихся в живых под конвоем отправили обратно вглубь страны...

Из двадцати трех тысяч человек, ранней весной 1865 года переселившихся в Турцию, к осени в живых осталось всего около десяти тысяч. Той зимой их разбросали по юго-восточной части Турции. До конца зимы и из этих десяти тысяч половина повымерло. Голод, непривычный климат, болезни косили людей беспощадно. До второй весны не дожили мать Булата Хеда и сестра Човка.

Никто, даже находящийся на последнем издыхании, не хотел расстаться с мечтой о далекой родине. Дожив до весны и немного окрепнув, люди вновь потянулись к северу маленькими группами. Дети, женщины, старики. Чтобы продвигаться до тех пор, пока не остановит смерть. С наступлением лета, когда в лесах появились дикие плоды, Али, Мачиг, Эсет и Булат тронулись в путь. Маккала с ними не было. Оставшийся раньше в Муше, он больше не присоединился к ним.

Всем казалось, что на территории России станет легче. Но это оказалось пустой

мечтой. Правда, жители старались помочь им, чем могли. Но какой толк от этого, если повсеместно стояли солдатские и милицейские пикеты, подстерегавшие возвращающихся из Турции горцев. Власти объявили вознаграждение за поимку возвращающегося горца. Поэтому от границы по армянским и грузинским горам они шли только ночью, с рассвета до позднего вечера, прячась в укромных местах. Остерегаясь входить в села, боясь встреч с людьми, шли по горам пешеходными тропами, питаясь дикими плодами и разными травами, употребляя в пищу случайно попавшегося зверя или птицу. Особенно трудно пришлось Эсет, имевшей на руках маленького Магомеда. Истощавшей, умирающей от голода, ей недоставало молока для ребенка.

Когда они дошли до Чечни, в них мало что напоминало живых людей. Оборванные, заросшие, истощенные голодом, они походили на призраков. Но даже добравшись до дома, не обрели они покоя. Здесь их ждала власть, возвратившихся людей ловили, отправляли обратно в Турцию или в сибирскую каторгу...

- Можно ли довериться твоим друзьям? - прервал его воспоминания Алибек.

Булат непонимающе посмотрел ему в глаза.

- Я спрашиваю, твоим шалинским друзьям можно верить?

Булат чувствовал, что вот-вот должна грянуть буря, но откуда и когда - это было для него тайной. Здесь, в Гати-юрте, под его началом было десять человек, готовых по приказу Кайсара выступить в любую минуту на конях с оружием в руках. С прошлого года Булат обучал их военному делу, но он не знал, кто стоит выше Кайсара. Иногда ему казалось, что одним из главных руководителей является Берса. Но прикованный чахоткой к постели, он не показывается в этих местах.

- Да как сказать, кажется, что они достойны доверия. Но, как говорят, друг в беде познается.

Когда они поднялись на гребень, их взору открылась Чеченская равнина.

По левую сторону от Качкалыкского хребта и у подножия Черных гор лежали большие чеченские села: Илисхан-юрт, Аллерой-аул, Бачи-юрт, Майртуп, Курчалой-аул, Автуры, Герменчук, Шали и другие.

"Если удастся заручиться их поддержкой, мы победим, - размышлял Алибек. - Но будет очень трудно. Во-первых, они находятся под жерлами орудий военных крепостей, во-вторых, в этих селах много людей, вскормленных царской властью".

Примчавшийся на взмыленном коне Кайсар оборвал его мысли.

- Что вы так приуныли? - спросил он, потянув повод и заставив коня закружиться на месте.

- Помнишь, Кайсар, как мы двенадцать лет назад вон там у берега Мичика, вместе с переселенцами в Турцию проводили нашего друга Кори? Когда с высоты Дюйр-Корт, что над Симсиром, я окидываю взглядом равнину, мне прежде всего вспоминается эта картина нашего расставания.

И по пути в Мекку, и возвращаясь оттуда, у каждого встретившегося в Турции чеченца Алибек спрашивал о друге, но не нашел его. Алибек встречался с немногими, которые знали Кори. Ему говорили, что Кори - офицер турецкой армии в войске Муса-паши Кундухова, который обманом увел с собой пять тысяч чеченских семейств. У каждого чеченца, знавшего Кори, он оставил для передачи ему письма, в которых просил друга возвратиться на родину, чтобы встать в ряды борцов за свободу.

Когда они поднялись на вершину горы, перед ним показалась небольшая часть Аллерой-аула.

- Вон видишь одинокий дом? - указал пальцем далеко вперед Кайсар. - Там живет дядя Берсы по матери.

При приближении к дому Кайсар замедлил коня.

- Булат, ты оставайся здесь в карауле.

- Зачем такая предосторожность? - спросил Алибек.

- Говорят, что мать осторожного сына никогда не плачет, - поговоркой ответил друг.

Прошло больше часа после условленного времени, но Берса не скучал. Его измученное болезнью тело отдыхало на лоне весенней природы, на свежем воздухе. Он не чувствовал обычного покалывания в груди, и хрипа в легких будто поубавилось. От стройного когда-то тела, которому в царской армии завидовали, остался лишь жалкий призрак. Прямая спина его согнулась в дугу; от белых как мрамор, твердых как гранит зубов осталось всего несколько черных осколков. Впалые щеки и высокий лоб испещрили морщины, голова до самого темени облысела, стала какой-то неестественно красно-гладкой.

Двенадцать лет назад, когда в Чечне готовилось новое восстание, его руководители послали Берсу в центральные губернии России, чтобы приурочить и связать свое выступление с крестьянскими и заручиться их поддержкой. Это было время, когда недовольные крестьянской и буржуазной реформами русские рабочие и крестьяне повсюду оказывали правительству повсеместное сопротивление. Революционное движение в России вступало в новый этап. Берса попал туда, когда царское правительство начало "белый террор" над революционно-демократическими организациями. Его арестовали там и сослали на каторгу. Он полностью отбыл срок ссылки и вернулся на родину прошлой осенью.

Вернее, после отбытия срока он остался в Сибири, болезнь не позволяла ему выехать на родину. Узнав о положении сына, отец Рохмад поехал за ним и привез его домой, но сам вскоре скоропостижно умер.

Тоску Берсы усугубляло еще и то, что дядин дом стоял на отшибе, в лесу. Никто не приходил к нему, а дядя с наступлением весны днем никогда не оставался дома. Он и два его сына то работали в поле, то уходили в лес, то присматривали за скотом.

Особенно печалился Берса в солнечный, теплый день. Если тело хоть немного слушалось его, он уходил на берег Мичика и долго просиживал под старой ветвистой грушей, на залитом солнцем склоне, пока дневную жару начинала сменять вечерняя прохлада. Друзей у Берсы не осталось. Одних сослали в Сибирь, другие умерли или погибли. За месяц до его возвращения сослали в Сибирь Маккала, Али, майртупца Шоипа. Делиться мыслями он мог только с беноевским Солтамурадом да зумсоевским Уммой. Но они - далеко. Не только далеко, но и стары.

Хотя Берса скован болезнью и не может принять активное участие в подготовке восстания, он в курсе всех дел и событий, происходящих в Чечне. Иногда к нему приезжает Солтамурад, с остальными руководителями он держит связь через Булата и Кайсара из Гати-юрта.

Из газет, которые Берса получает изредка, он знает, что внешние дела царского правительства не блестящие. Политическая борьба Турции и России на Балканах, которая шла издавна, с прошлого года особенно обострилась. Огромный размах получило национально-освободительное движение балканских народов против турецкого ига.

Десять лет, проведенные Берсой в сибирской каторге, не прошли даром. Последние годы все больше и больше на каторгу привозили политзаключенных. Из их рассказов Берса знал, что во всех уголках империи разгоралось пламя борьбы. В городах рождался самый опасный противник самодержавия - рабочий класс.

Теперь революционеры-демократы искали новые пути освободительной борьбы. Как рассказывали заключенные, в нескольких городах возникли тайные революционные общества.

На каторге Берса близко сошелся со ссыльным революционером Матвеевым. Он и его товарищи научили Берсу другими глазами смотреть на события, происходящие в мире.

- Народы России столетиями слепо боролись за свою свободу, - говорил ему Николай Андреевич. - Теперь настали другие времена. Люди и народы пробудились, стали сознательнее . Теперь они начали узнавать, кто их друг и кто враг. В борьбу против угнетателей включилась новая, мощная сила - рабочий класс. Во главе освободительного движения становятся более умные, дальновидные, преданные делу революции люди. Скоро грянет буря, и она сметет самодержавие, принесет народам долгожданную свободу.

Теперь Берса чувствовал, что близка революция, о которой так мечтали он и его друзья в неволе. И он надеялся, что русская революция освободит народы России от векового гнета.

Да, Берса понимал, что освобождение его народа тесно связано со свободой других народов. Поэтому он прилагал последние усилия, чтобы поднять свой народ, внести хотя бы малейшую крупицу своего труда в общенародное освободительное движение России.

По одной из загнивших ветвей грушевого дерева забарабанил дятел. Он друг Берсы. Когда Берса только начинал приходить сюда, птица, завидев его, спешила улететь. Потом немного привыкла и, изредка бросая взгляд вниз, продолжала свою работу. А теперь они крепко подружились.

Чуть в стороне желтоногая и желтобрюхая пчела суетливо рылась в цветах, собирая нектар. На верхней ветке, заверещав свою короткую песню, умолкла цикада. Хоть день и был жарким, задержавшийся здесь больше обычного Берса начал мерзнуть. Сначала он решил было пойти домой. Но в темной, низенькой хате было всегда так тоскливо, что дальше некуда. К тому же отсюда любо было наблюдать за долиной речки Арчхи, откуда должны были показаться гости, которых он ждал.

Наконец с той стороны показались три всадника. Первого и последнего он узнал по коням, но того, что ехал на сером иноходце, видел впервые.

Когда всадники, скрывшись в овраге, вновь показались по эту сторону, одного всадника уже не было. Очевидно, его оставили на часах. Гости медленным шагом подъехали к изгороди, привязали коней, вошли во двор и, обменявшись несколькими словами с вышедшей навстречу хозяйкой, направились по склону вверх к Берсе.

За Кайсаром шел молодой человек среднего роста, плотного сложения, с румяным кругловатым лицом. Подойдя ближе, Кайсар чуть поотстал, пропуская вперед товарища.

- Ассалам алейкум, Берса!

Берса поднялся в ответ на приветствие, пожал Алибеку руку и показал на войлок, приглашая сесть:

- Садись, Алибек.

- Садись сначала ты, Берса.

- Нет, нельзя. Будем считать меня хозяином дома, а тебя - гостем. Присаживайся.

- Хоть и гость, но я же моложе тебя.

- Гость - священ, независимо от возраста.

Усевшись на войлок, они внимательно посмотрели друг на друга.

- Как давно я тебя не видел! - покачал головой Алибек. - Но как я жаждал встретиться с тобой. Слава богу, что вернули нам тебя живым! Я неоднократно собирался приехать к тебе, но все откладывал. Ну, как твое здоровье, Берса?

- Лучше. Что дома? Родители, братья живы-здоровы?

- Все благополучно, Берса.

- А ты вырос, Алибек. Кажется, будто это вчера было, когда я приезжал в Гати-юрт, а вы, подростки, все собирались у нас с Арзу и Маккалом. Как быстро летит время! И ты вырос, и я состарился.

- Двенадцать лет - немалое время, Берса. И время, и люди изменились. Из прежних друзей многих уже нет. Арзу, Маккал, Шоип, Али...

- ...и Берса, - со смехом добавил Берса.

- Как это тебя нет? Конечно, каторга и болезнь немножко замучили тебя. Рядовых бойцов у нас тысячи. И старых, и молодых. Но равных тебе в мужестве и мудрости и раньше не было, и теперь нет. Главное - ты живой и находишься среди нас. Как ты себя чувствуешь? - во второй раз спросил Алибек.

Берса провел рукой по поседевшей курчавой бородке и густым усам.

- Кажется, с каждым днем улучшается.

- В Сибири, видно, в плохое место попал?

- Да, в свинцовый рудник.

Алибек не хотел много говорить о болезни Берсы. Эти несколько вопросов он задал из вежливости.

- Да ты приляг, Берса. Сколько благородных, мужественных людей наших проглотила эта распроклятая Сибирь. Будем надеяться, что когда-нибудь освободимся от этих бед и несправедливостей.

Берса задал несколько вопросов о паломничестве Алибека в Мекку и перешел к делу, которое привело сюда гостя.

- Алибек, после возвращения из Сибири, мне чаще приходится оставаться в уединении. Когда чувствую себя немного лучше, бывает, иногда наведываюсь в ближние аулы. Тебя я не видывал, но Умма и Солтамурад говорили мне о тебе. Они решили провозгласить тебя имамом Чечни.

Алибек изумленно уставился на него:

- Как, меня имамом? Это же смех! Ведь есть много людей умнее, смелее и мужественнее меня.

Берса остановил его, подняв руку.

- Мы все дали клятву на Коране повиноваться воле совета старейшин. Но случается, что иногда и старейшины наши ошибаются. Я это говорю не для того, чтобы унизить их, и не потому, что сомневаюсь в тебе. Готовясь к сегодняшнему дню, я отдал двадцать лет жизни и свое здоровье. А многие люди отдали и головы. Предстоящее восстание - это детище некоторых из нас. Мы готовили его долго, лелеяли, как мать своего ребенка, не спали долгими ночами, терпели голод и жажду. Теперь, когда наше дитя выросло и настало время вывести его в люди, мне хочется знать, в чьи руки мы его передаем, и ты не обижайся на это, Алибек.

- Берса, каждое твое слово мне дороже золота. Но имамом я не буду, об этом и речи не может быть. Народ должен избрать себе вождя. А Умма-хаджи и Солтамурад не только не народ, но они не представляют собой и совет старейшин.

Берса вытащил из кармана батистовый белый платок и, прикрыв им рот, откашлялся.

- Правда ли, что в Стамбуле ты имел встречи с Мусой Кундуховым, Сайдуллой Успановым и сыном Шамиля Гази-Магомой и вы приняли какое-то совместное решение?

- Нет, не правда. С ними встречались Умма-хаджи и дагестанцы. Там прекрасно знают, что мы ненавидим царскую власть, и что мы выжидаем момента, чтобы сбросить ее с себя. Позже Умма-хаджи рассказывал мне, что отношения между русскими и турками натянутые, возможно, будет война, и что турки хотят, чтобы мы, если начнется эта заваруха, ударили в спину русского царя. То же самое заявил Гази-Магома дагестанцам. Короче говоря, все это я слышал от Умма-хаджи.

Алибеку показалось, что Берса ежится, начиная мерзнуть, и он встал.

- Тебе холодно, Берса? Давай выйдем на солнышко.

- Спасибо. Что-то мне все больше тепла хочется.

Алибек отыскал на пашне удобное место и расстелил там войлок Берсы.

- Я рад, что ты не поддался на провокацию турок. Это хорошо. Но трудно другое. Предлагаемое тебе имамство. Тот, кто станет ныне во главе народа, должен быть человеком огромного мужества, мудрым, волевым, Алибек. Сейчас не времена шейха Мансура, Бейбулата и Шамиля. Тогда горские народы не были разорены, изнурены, разобщены и развращены войной. Тогда имамам не трудно было объединить и поднять народ или народы против общего врага. А теперь? Возьмем чеченцев. Во-первых, долголетняя война унесла добрую половину мужского населения нашего народа, а самого довела до нищеты. Последние двадцать лет не только ослабили народ физически, но и разложили его нравственно. С одной стороны, царские генералы путем подкупа, угроз и обмана разобщили нас, натравили друг на друга. Такую же политику, более жестко и коварно, проводил и Шамиль по отношению к нам. Среди нас, как саранча расплодились подкупленные царскими властями офицеры, купцы, духовенство. Они готовы в любую минуту продать и предать не только народ, но даже своих родителей. С другой стороны, во всех уголках нашего края поставлены многочисленные войска. Теперь ты представляешь, насколько трудное и ответственное дело тебе предлагают?

- Я все понимаю, Берса, у меня не хватит ни ума, ни мужества волочить это трудное ярмо.

- Кого же нам тогда избрать?

- Не знаю. Умма-хаджи или Солтамурада.

- Их время давно прошло. Умма-хаджи - храбрый и опытный военачальник. Но после шамилевских времен утекло много воды. И время, и люди изменились. Все руководители освободительной борьбы нашего народа до сих пор провозглашали газават. Газават разобщал, разжигал вражду между народами разной веры, мешал им объединиться в борьбе против общего угнетателя - царя. Теперь надо идти другим путем.

Алибек задумался.

- В этом вопросе мы не пришли еще к единому мнению.

- И не обговаривали?

- Обговаривать-то обговаривали, но к общему согласию не пришли.

- Как же ты сам думаешь?

- Мое мнение не столь важно. Тем более, я моложе всех вождей.

- И все же?

- Свободу и землю! Я дал бы место под своим знаменем каждому человеку, кто предан делу свободы. Не взирая, мусульманин он или христианин.

- Наше духовенство не допустит этого.

- Я бы безжалостно расправлялся с ним.

- Тогда они объявят тебя врагом Аллаха.

- Пускай. Я бы своей рукой убил всякого, кто бы перешел на сторону врагов народа, будь то шейх, мулла, хаджи. Если бы это было вызвано необходимостью, я бы не оставил на чеченской земле ни одного муллу, ни одного хаджи. Без религии и духовенства народ проживет, но народ без прав и свободы - мертв.

- Если это восстание потерпит поражение, нет сомнения, что его вождей казнят всех до единого.

- Я это знаю.

- Но ты же еще молод. У тебя самая жизнерадостная пора.

- Да ты, Берса, говоришь так, словно я уже избран имамом! Все же отвечу. Разве предки наши, павшие в боях за свободу, не хотели жить? Или среди них не было молодых? Разве не любили жизнь, свои семьи, покой Маккал и другие? Разве не из-за любви к родине, народу ты постарел преждевременно? Пусть мы проиграем! Но мы и глазом не моргнем перед смертью. В детстве у нас была одна песня:

...Костры мы поставим в пещерах,

И наших шашек концами

Усилим огонь их, и пулями

Пробитые башлыки

Накинем на сыновей мы,

Пускай они за отцами

С князьями схватятся в битве,

Когда умрут старики...

В день гибели своей мы тоже оставим завещание детям: "Свобода или смерть".

Час назад Алибек предстал перед Берсой спокойным, смирным - ни дать, ни взять - святой. На округлом лице, обрамленном красиво подправленной бородкой, играл яркий румянец. Умные черные глаза, красивые губы из-под черных густых усов добродушно улыбались собеседнику. Так, с первого взгляда, глядя на Алибека, никто не подумал бы, что это лучший наездник во всей Ичкерии.

Теперь Берса видел перед собой совершенно другого человека: гордо наклоненная набок круглая, красивая голова, между переносицами черных бровей собрались суровые складки, а глаза сверкают смелостью и отвагой.

- Прежде чем поднять народ на борьбу, мы должны иметь четкие и ясные цели, Алибек. Ты говоришь, что народ готов подняться против царской власти, но руководители не избрали путь, по которому они поведут народ.

- И то правда, - согласился Алибек. - Без цели и из дому человек не выходит. Короче, народу нужны свобода и земля. Вот моя цель.

- Пока существует царская власть, не будет ни того, ни другого, - на бескровных губах Берсы появилась печальная улыбка. - Осуществится ли то, о чем мы мечтаем, Алибек? - Он стряхнул рукой с черкески приставшие соринки. - То, чем мы грезили, ушло безвозвратно. Во-первых, нам не высвободиться из-под власти царя. Даже в десять раз многочисленнее, сильнее и разумнее нас народы, у которых имеются крупные связи с другими государствами, даже такие народы задыхаются под гнетом царя. Они восстают, а царские войска топят их в собственной крови, усмиряя тем самым. А наш народ не только малочисленный, да еще темный и отсталый. В том и другом - наше бессилие.

- Выходит, наши предки напрасно проливали свою кровь, и мы должны смиренно терпеть царский гнет?

- Нет, я этого не говорю, - покачал головой Берса. - Мы должны бороться за свои права. Биться не на жизнь, а на смерть за наши человеческие права. Это - наша первая и главная жизненная цель. А полную свободу, о которой ты мечтаешь, своими силами нашему народу никогда не обрести, Алибек. Для этого надо подняться всем народам.

Алибек обхватил руками свои колени и надолго задумался.

- И об этом я много размышлял, - выговорил он наконец. - Я же не забыл то, что вы с Маккалом говорили пятнадцать лет назад, поэтому я и хочу призвать под наше знамя все народы, проживающие в этом крае, не деля их на мусульман и христиан. Всех, кому дорога свобода. С абхазами, сванами и тушинцами мы уже договорились. Хотя русских мужиков мало в нашем крае, я надеюсь, что и они поддержат нас. Я хочу одного: чтобы царь отобрал земли, раздаренные им казакам, князьям соседних народов, чеченским офицерам, торгашам и муллам, по справедливости перераспределил их между населением этого края, поровну и мусульманам, и христианам. А земель-то хватит для всех. Да еще останутся излишки.

Они оба не заметили, как дневная жара начала сменяться вечерней прохладой. Когда солнце село за горизонт, подул прохладный ветер. Дальнейшее пребывание здесь могло обернуться опасностью для здоровья Берсы. Хозяйка несколько раз окликнула их, зовя к ужину. Кайсар, который оставил их вдвоем, бродил вокруг лошадей, скучая от безделья.

- А теперь зайдем в дом, Алибек. Я не переношу прохладу. Когда мы еще увидимся и увидимся ли вообще, не знаю. Поэтому хочу поделиться с тобой своими заветными мечтами. По твоим словам, и рассказам других людей, восстание близко. В сложившихся обстоятельствах его не миновать. Народ наш находится под гнетом, как ты сказал, под самым жестоким гнетом. Попасть в рабство - это еще не позор для человека, но смириться с рабством - вот позор. Мы ни на один день, ни на один час не покорились угнетателям. Вся сознательная жизнь нашего народа посвящена борьбе за свободу и достоинство, за человеческие права. Это - характер мужественного человека, мужественного народа. Настал самый удобный момент для восстания, Алибек. Внешние и внутренние дела царя неважны. Обострились противоречия с самыми сильными западными державами. И внутри страны то тут, то там вспыхивает пламя борьбы против угнетателей. Не будем говорить о других народностях, самим русским надоел этот тяжелый гнет царской власти. Слабые, мы долго боролись с сильными царями. Нас бивали каждый раз, теперь мы бессильны. Нам никогда не победить своими силами. Один слабый не побеждает сильного, но когда объединяется много слабых, они превращаются в грозную силу. Народы выступают обособленно, потому их бьют каждого в отдельности. Надо

подняться всем вместе, одновременно, вот тогда мы завоюем свободу. Надо готовиться к этой схватке.

- Но ведь мы давно готовы. Ждем только остальных.

- Я же сказал тебе, что теперь в нашей борьбе мы не одиноки. Выступают против власти русские рабочие и крестьяне, другие угнетенные народы. Твоя мысль о совместном выступлении всех угнетенных народов края: мусульман и христиан - это замечательная мысль. Но позволит ли тебе духовенство осуществить эту мечту? Все наши надежды на молодое поколение. По-моему, основной и решающей силой нынешнего восстания будут молодые. Поэтому во главе его должен стать молодой, умный, образованный, отважный вождь. Ему придется вести войну не только с царскими войсками, но и с темным, невежественным духовенством, которое всецело продалось властям. Все это в тебе есть, Алибек. И ум, и смелость, и блестящее духовное образование, и главное - светлые думы и мечты. Если восстанет народ и аульские старейшины предложат тебе имамство, согласись. Ради народа, ради его свободы.

Алибек глубоко вздохнул.

- А справлюсь ли, Берса? Чтобы нести это тяжелое бремя, нужен человек известный и уважаемый во всем крае.

- Великие люди познаются в народном бедствии.

Когда они входили во двор, вышедший им навстречу Булат обнялся с Берсой.

- Когда ты в последний раз был в Шали? - спросил Берса.

- В прошлую пятницу.

- Что нового? Как там наши?

- Живы, здоровы. Ты как себя чувствуешь?

- Отлично! Ну, зайдем, отведаем, что Бог нам послал.

Берса проводил гостей, когда начинали сгущаться сумерки.

- Ну, Алибек, теперь я остаюсь спокоен. Теперь я уверен в том, что начатое нами благородное дело перешло в надежные руки. Теперь можно и умереть спокойно. Да дарует тебе Аллах долгие годы жизни. Да сопутствует удача тебе и всем нам! Ну, езжайте. Спасибо за уважение, проявленное ко мне.

Обнявшись на прощанье с Берсой, пожелав вышедшей вслед старушке всего доброго и взяв коней под уздцы, они спустились в долину Мичика.

ГЛАВА III

НА РАСПУТЬЕ

Вольность не дается даром, -

Чтоб владеть таким товаром,

Кровью платят, не деньгами...

Шей, жена, корее знамя!

Ш.Петефи, Знамя

На восточной границе Ичкерии, у подножия горы Ишхой-Лам, укрытый лесом, расположился маленький аул зандакского тейпы Симсир.

Основатель Симсира прадед Алибека Арзу, выбрал очень удобное место. Со склона Ишхой-Лам вытекают две бурные, черно-светлые речки Большой и Малый Ярыксу. Чуть ниже они сливаются в одно русло, образуя широкую рогатину. Между речками, над высокими обрывами имеется небольшое плато, на котором и расположен аул Симсир. К востоку над аулом возвышается голая, покрытая сверкающим снегом гора Ишхой-Лам, к вершине которой нет даже тропки. С юга над аулом нависает Дюйр-Корт. Остальные стороны аула окаймлены двумя сливающимися речками. Хотя обе речки обычны и мелководны, но стоит в горах пролиться дождю, как они превращаются в бурные разливающиеся потоки. Кроме узкой тропы, проложенной через изрытый рекой высокий обрыв, другой дороги, ведущей в Симсир, нет.

Отсюда виден расположенный у противоположного хребта аул Зандак - центр зандакского тейпа. Выше, к югу, находится Чеччелхи, а еще дальше - Даттах и Зандак-Ара. К северу, ниже Зандака, приютился аул Гиляни, а за ним - ауховские аулы Кешень-Аух и Гачалки. Каких-то полтора десятка лет назад было трудно добираться до этих аулов, особенно на арбах. Но теперь их соединяют проселочные дороги, проложенные властями: от крепости Кешень-Аух до Зандака и дальше до Даттаха. Такую же дорогу проложили вверх по-над Ямансу мимо Ножай-юрта к беноевским, гордалинским и центороевским аулам. Дороги эти, как и другие дороги в Чечне, власти провели довольно легко. Ежедневно, зимой ли, летом ли, тысячи людей, отрываясь от личных хозяйственных дел, были вынуждены работать от зари до зари со своими арбами и тягловым скотом. И труд этот не оплачивался. Делалось это не ради благоустройства края, а для того, чтобы постоянно держать в поле зрения непокорные аулы, и чтобы в случае смуты можно было быстро перебросить войско в нужный пункт.

Стоя у окошка своего медресе и заложив руки за спину, Алибек смотрит на противоположный хребет. Он не слышит шум, поднятый муталимами , зубрящими арабские тексты из жейны. День за днем Алибек перелистывает страницы последних лет. Надолго останавливается он на последнем годе многолетней войны.

Долго после этого стлался над отрогами гор сизый дым. В воздухе веяло гарью. Черный траур поселился в каждой семье. Казалось, что на месте этих обугленных стен и развалин никогда больше не оживут аулы, никогда на месте обгоревших голых стволов, оставшихся от деревьев, не вырастут сады, никогда в истерзанной Чечне не раздастся звонкий смех, не зазвучат песни...

Но время оказалось благотворным лекарем. Оно постепенно залечило жестокие раны, оставляя, правда, страшные рубцы, оставляя под ними в каждом сердце неутихающую боль поражения. Да и не дают зарубцеваться этим ранам - из года в год их бередит царская власть своей жестокостью и несправедливостью.

Царь-то есть царь. Он-то радеет за свою власть. И генералы, да прочее начальство исполняют свой долг перед царем. Но почему чеченские офицеры, купцы и

духовенство продались им и помогают душить свой народ? Алибек хорошо знает их - Орца, Чомак, Хота, Кужу, Шахбулат и подобные им прочие шакалы.

Да придет тот день! Тогда Алибек спросит с них за все, отомстит за все.

Вдруг, словно после внезапного пробуждения ото сна, он слышит разноголосый хор муталимов, которые зубрят жейну:

- "Хаза" - это, китабун - жейна, мухтассирун - сокращенная, ал пикху - из праведных..." "из праведных... из праведных..."

Снова и снова слышит он эти слова. Что в том праведного? Сперва, когда начинаешь читать, веришь всему. Жадно стремишься вперед, надеясь найти истину в глубинах науки. Пятнадцать лет трудился Алибек в поисках этой заветной истины. Постиг познания самых образованных мулл Ичкерии. Затем он пригласил к себе в учителя одного из ученейших мулл Дагестана. Уверовав в свою религиозную ученость, вместе с отцом и братьями предпринял хадж в Мекку, к святой Каабе. Из всех наук, почерпнутых им в течение пятнадцати лет усиленной учебы, в чужих краях ему пригодилась лишь одна: знание арабского языка. Все остальное оказалось напрасным трудом. Он увидел главные исламские города: Истамул, Мекку и Медину. Чеченцы считают святым каждого араба и турка. Алибек и сам считал. Но как он разочаровался потом в своих оказавшихся напрасными пятнадцатилетних изысканиях! Кому в тех краях нужны были Бог да религия? Только богатым да власть имущим. Чтобы угнетать бедных, держать их в невежестве.

Светским владыкам дозволено все. Народу проповедуют добродетель, а сами делают то, что им выгодно.

"Хаза" - это, китабун - жейна..."

"Зачем нашему народу эти жейны? - говорили Маккала и Берса.

- Ведь мифы из этих жейнов держат его во мраке".

- "Мухтассирун - сокращенная, алпикху - из праведных..."

"Но лучше уж научиться арабской письменности , чем не знать ни одной. Пусть от этого учение не прибавится, зато люди будут уметь хоть писать друг другу письма, записывать свои мысли и думы", - размышлял Алибек.

Муталимы охрипли, заучивая наизусть одни и те же арабские тексты с переводом на чеченский язык. Взгляды всех то и дело обращаются к окну. Но Алибек не оглядывается на них. Он занят своими думами.

"А если убрать эти медресе и учить наших детей русской грамоте, русским наукам? - Алибек печально улыбнулся. - Но разве власти допустят этого? В Солжа-Кале открыли русский медресе, чтобы обучать ровно столько людей, сколько необходимо для управления нами, чтобы сделать их своей опорой на нашей земле. Для детей Орцы, Дубы, Девлат-Мирзы, Косума. А вот таких, что здесь сидят, и близко не подпустят".

Алибек вспомнил, как пятнадцать лет назад несколько чеченских улемов с помощью одного русского генерала в Солжа-Кале открыли медресе для обучения детей чеченских бедняков на их родном языке. Его закрыли через две недели. А другое медресе, открытое властями, работает и по сей день. Тот, в котором учатся дети чеченских офицеров, купцов и духовенства.

"Да, надо в конце концов менять положение в Чечне. У всех, кто живет в нашем крае, должны быть одинаковые права. У мусульман и христиан. Равные земли и равные права. Только борьба даст нам и то и другое. Если власти не захотят решить этот вопрос миром - тогда война...".

Алибек открыл в Симсире этот медресе до своего паломничества в Мекку, чтобы учить здешних детей читать и писать. Желающих учиться у муллы Алибека, прославившегося в этих местах не только своими знаниями, но и благородством и мужеством, нашлось много. Алибек обучал детей бесплатно. Правда, они обязаны были обеспечивать медресе топливом, содержать помещения в чистоте и приносить себе еду. Кроме того, дополнительно к занятиям по богословию, один день недели Алибек уделял обучению детей верховой езде, борьбе, стрельбе, умению лазить по скалам гор и ориентироваться в лесных чащобах.

Алибека никогда не снедали болезни и недуги. Но сегодня он чувствовал приступы боли в голове и жар. И тело как-то обмякло. "Прилечь-то, - думал он, - вряд ли удастся, хотя бы голову ополоснуть холодной водой. Может, полегчает?"

- Дети, на сегодня, наверное, хватит, - отпустил он муталимов.

Алибек мечтал дать чеченским детям светские знания, сделать их такими же умными, образованными, как Берса. Но кто их будет учить? Чтобы обучать их, нужны такие люди, как Берса. А таких во всей Чечне раз-два и обчелся. В конце концов Алибек решил посвятить муталимов во все, что он знает сам о родном народе, других народах. Иногда он приглашал в медресе илланчей из соседних аулов и людей, побывавших в Сибири, чтобы они рассказали детям об услышанном и увиденном. Однажды он привел и Васала из Гати-юрта, очеченившегося беглого русского солдата.

Поэтому муталимы нисколько не удивились, когда их мулла сегодня вошел в медресе с дечиг-пондуром, ведя под руку слепого илланча Хамзата.

- Ассаламу алейкум! - приветствовал детей Хамзат, уставив на них свои потухшие глаза.

Марван, старший из ребят, ответил на приветствие.

В такие дни и манера разговора, и осанка, и одежда у муллы бывали особенными, торжественными. Сегодня на нем была черная суконная черкеска с серебряными газырями, подпоясанная наборным ремнем, серебряным кинжалом; на голове его красовалась высокая папаха из коричневого, с золотистым оттенком каракуля. Когда он, окинув детей мужественным взглядом черных глаз, как обычно, улыбнулся, на его округлых щеках обозначились ямочки.

- Все пришли сегодня?

- Все, - ответил Марван.

- Тогда я начну с того места, на котором мы остановились в прошлую неделю...

Дети слушали, затаив дыхание, стараясь не упустить ни единого слова. Печальный, но героический рассказ Алибека увел их в далекие времена, развернул перед ними картины бедствий горцев, которые обрушивали на них иноземные захватчики, соседние феодалы, царское самодержавие...

Даже дятел, все время долбивший за окном ореховое дерево, казалось, заслушался, прекратив свою работу.

- ...Наш народ не хотел мириться с жестокостью, несправедливостью и поднялся на борьбу за свою свободу, - рассказывал Алибек. - Во главе его стал Ушурма из Алдов. Народ прозвал его шейхом Мансуром. На самом деле он не был не только шейхом или муллой, но не знал даже той грамоты, которую знаете вы. Но за ним пошел не только наш народ, под его знамя встали все горские народы, жившие меж двух морей, угнетаемые царем и своими князьями. Шесть лет сражались горцы с царскими войсками. Разбитый в Чечне, он продолжал борьбу в Кабарде; проиграв сражение там, уходил на черкесскую землю; потерпев неудачу там, вновь возвращался на родину. В стране эдигов царские генералы захватили его в плен и повезли в Россию, там он пропал без вести...

Вдохновенный голос Алибека вдруг задрожал, ослаб и затих. Дятел, который умолк было за окном, словно заслушавшись, возобновил свой труд. В наступившей тишине отчетливо слышно было отбиваемое его клювом "тик-так, тик-так". Дети, сидевшие на полу по-восточному, старались незаметно распрямить отекшие ноги.

- Можно спросить, мулла? - зашевелился сидевший впереди Марван. - Ты сказал, что этот шейх Мансур не был ни шейхом, ни муллой. Как же он тогда стал бяччой?

- Чтобы стать вождем, необязательно быть муллой или шейхом, Марван, - улыбнулся Алибек. - По правде говоря, эти муллы сами большей частью - трусы. Сказывают, что Мансур был очень смелым, мужественным и красивым человеком. А кто бывает смелым, благородным, решительным? Тот, кто любит свою родину, свой народ, свободу. Шейх Мансур любил эти горы, наш народ, свободу. За них он боролся, за них он отдал свою жизнь. Таких вождей немало выдвинул наш народ. Имена одних остались в сердце народа, их подвиги воспевают в песнях. Но тысячи других борцов за свободу, достойные памяти народа, позабыты нами...

Приоткрыв дверь и осторожно заглянув, один из младших братьев Султи знаками позвал Алибека.

- Дада велел тебе прийти домой.

- Зачем?

- К нам Солтамурад пришел.

Алибек повернулся к детям.

- Побудьте немного на воздухе. Когда зайдете, Хамзат споет вам илли.

При последней встрече в Беное с Алибеком Солтамурад обязался собрать главных единомышленников, поделиться с ними своими соображениями и сообщить Алибеку решение. Но Алибек никак не думал, что к нему приедет знаменитый Солтамурад, который старше него на пятьдесят лет. Поэтому Алибек был немало удивлен его внезапным приездом.

Во дворе у коновязи стояли три иноходца под великолепными седлами. Тут же хлопотал младший брат Алибека, пятнадцатилетний Зелимхан, закладывая лошадям корм из душистого сена. Огромный мохнатый пес с обрезанными хвостом и ушами, увидев Алибека, бросился к нему и, разинув пасть и свесив длинный красный язык, ласкаясь, весело прыгая, завертелся вокруг него.

С круглым деревянным корытом для теста и ситом в руках от амбара к дому шла жена Ала-Магомеда. Остальные снохи тоже суетились, готовя гостям пищу.

В отцовском доме, в кунацкой для гостей, Алибек застал удобно рассевшегося на почетном месте Солтамурада и сидящего ближе к окну Олдама. Возле двери стояли Нурхаджи и Косум из Чеччелхи. Поздоровавшись с гостями за руку и справившись о житье-бытье, Алибек встал у двери.

- Садись, Алибек-хаджи, - сказал Солтамурад, - спасибо за уважение к старшим. У нас слишком долгий разговор, чтобы слушать и говорить стоя.

Все трое пододвинули под себя маленькие табуретки на четырех ножках и скромно присели. Солтамурад слегка закашлял, потом на минуту задумался, приглаживая рукой седые усы и бороду.

- После нашей встречи в Беное я пригласил к себе нескольких человек, - начал он, - Сулеймана из Центороя, Тозурка из Турты-хутора, Губаха - из Гуни, Янгулби - из Акташ-Ауха, Лорса-хаджи - из Тевзени. После них приехал из Зумсы Залмаев Дада, от Умма-хаджи. Короче говоря, мне довелось говорить со всеми нашими единомышленниками, либо с ними самими непосредственно, либо через их представителей.

За эти последние двенадцать лет Солтамурад изменился не очень.

Хоть и шагнул он за седьмой десяток лет, все зубы были целыми.

И сам оставался стройным, как тополь. Взгляд такой же острый, смелый. Одна лишь седина внесла в его черты перемены. Видимо, он поседел из-за своих вечных бунтарских мыслей. Когда-то он был одним из младших шамилевских наибов, а во время восстания под руководством Бойсангура, был его первым помощником. Став одним из активных предводителей борьбы против царской власти в Ичкерии, он все же умудрялся не попадать в руки царских властей. И в день пленения Бойсангура тоже ему повезло: он пробился сквозь окружение и скрылся вместе с братом Муной. Бойсангура повесили, Умму и Атаби сослали в ссылку, а поймать Солтамурада так и не удалось.

С той поры и днем, и ночью, беспрерывно, он был занят заботами подготовки нового восстания, скитался, бывал во всех горных аулах ради этой своей заветной цели. Он разоблачал жестокость и несправедливость царских властей, призывал народ к борьбе, во всех концах Чечни готовил своих единомышленников к сегодняшнему дню. Сам он не преследовал корыстных целей, не стремился стать вождем народного движения. Он даже откровенно признавался, что для такого сложного и трудного дела у него не хватает ни ума, ни знаний. Но в нем клокотали чрезмерная храбрость и отвага, непримиримый дух к угнетателям.

- Что вы решили? - спросил Алибек, когда пауза стала затягиваться.

- Начать восстание, когда леса покроются листвой. Берса тоже одобряет это.

- Ты видел Берсу?

- Я ездил к нему.

- Как он себя чувствует?

- Так, по-прежнему мучается.

- А кто это Берса? - спросил Олдам.

- Помнишь того сорокалетнего мужчину, который говорил особенно горячо, когда двенадцать лет назад мы собрались у меня в Беное? Друга Арзу и Маккала?

- Ах, да-да! Бывшего царского офицера?

- Тот самый.

- Но ведь он был так молод!

- У него болезнь легких, - с грустью произнес Алибек. - Но какой он человек, дада! Лучшего ни одна мать отцу не рожала. Настоящий сын своего народа! Ради народа и ради свободы отказался от отца родного, от благополучия и от счастья. Захоти он, мог бы стать генералом как Орцу. И у него были все возможности для этого. Учился на офицера в Петербурге. Владел военной наукой. И отец - богатый купец. Но он оказался на распутье: или последовать примеру других богатеев наших и стать царским лакеем, угнетать свой обездоленный народ, или перейти на сторону народа, испить вместе с ним его горькую чашу. Он избрал второй путь и ему посвятил всю свою жизнь. Теперь у него нет ни дома, ни семьи, ни близких родственников по отцу. Больше того, тяжелая болезнь приковала его к постели.

- А где он сейчас?

- У своего дяди по матери живет.

- Но почему же ты его не привезешь к нам сюда, раз он теперь одинок?

- Я просил его об этом, но он не согласился. Говорит, что высокогорный климат

вреден ему... Значит, если вы пришли к общему согласию, Солтамурад, я присоединяюсь к вашему решению.

- Но Умма-хаджи не согласен так спешно начинать восстание. Он требует, чтобы мы согласовали эти вопросы с дагестанцами и установили единое время для общего восстания.

- Но мы с прошлого года твердим, что они с нами заодно?!

- К сожалению, между нами возникли серьезные расхождения.

- Почему?

- Дагестанские вожди решили отложить восстание, пока не получат сигнал от Гази-Магома из Хонкара, а Умма-хаджи заодно с ними.

Алибек возмутился.

- Значит, они считают нас дураками! Хотят подчинить нас прихотям турок! Помышляют прогнать отсюда русских, привести турок, сделать Гази-Магому имамом Чечни и Дагестана, посадить Успана Сайдуллаева на шею чеченцев, Мусу Кундухова - на шею осетин. Значит, не без основания молва народная о том, что Гази-Магома, который находится на подачках султана, считает себя нашим имамом. Нет, Солтамурад, ради турок и этих султанских лакеев-горцев я не двинусь с места даже ни на один шаг. И если это зависит от моей воли - то и ни один чеченец. Мы поднимаемся за свободу нашего народа, а не для того, чтобы удовлетворить прихоти турок и их горских лакеев.

- Выходит, мы восстанем без дагестанцев?

- Мы не одни. Говорят, в России большая смута. Берса говорит, что русские и другие народности поднимаются против власти. Видимо, внешние дела царя тоже плохи. Мне кажется, настало самое удобное время. Недаром говорят, что кабан, собиравшийся приладить свой хвост завтра, остался вовсе без хвоста. То, что не делается своевременно, кончается плохо. Наши цели расходятся с планами дагестанских предводителей, зато с нами – народные массы Дагестана. Салатавцы и андийцы готовы последовать за нами даже сегодня. На сванов и тушинцев мы также можем положиться. И абхазцы ждут нашего решения.

- Неизвестно, сдержат ли они свое слово.

- Что ж, поднимемся мы сами, - отрезал Алибек. - Хватит терпеть. Нет сил больше ждать.

Алимхан поставил перед ними круглый низкий стол с кукурузными галушками, вареным вяленым мясом и колбасой, от которых поднимался густой пар.

Двое из самых активных организаторов восстания - Косум Бортигов и Нурхаджи Махтиев - сверстники Алибека. Правда, Косум на три-четыре года старше его. Все трое остались на местах, считая неприличным садиться за трапезу со старшими.

- А ну, придвигайтесь! - пригласил их Солтамурад. - Поешьте со стариками.

- Мы попозже покушаем, - запротестовал Косум.

- Оставь разговоры. Уважение к старшим вы сможете проявить в другом месте. У нас еще много дел, которые нам надо обговорить. Ну-ка, не мешкайте.

Немного поскромничав, молодые люди придвинулись к столу.

- В ночь под следующую пятницу мы решили собрать сход предводителей, - произнес Солтамурад. - Ты не возражаешь, Алибек?

- Разве могу я возражать? Где мы соберемся?

- На хребте Терга-Дук. Между Саясаном и Беноем.

- Что говорят плоскостные аулы? - спросил Косум.

- Говорят, что готовы, - ответил Алибек.

- А имама вы наметили? - вмешался в их разговор Олдам.

Солтамурад не ответил. Он вернулся к этому вопросу после того, как все поели и воздали хвалу Аллаху.

- Мы все, Олдам-хаджи, остановили свой выбор на Алибек-хаджи.

Олдам от изумления раскрыл рот, да так и застыл.

- Ты это серьезно? - наконец проговорил он.

- Конечно.

Олдам покрутил головой и укоризненно рассмеялся.

- Скажи на милость, Солтамурад, а я думал, что вы, организаторы столь важного дела, - люди умные... Оказывается, я был очень далек от истины.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ну разве можно такое ответственное дело отдавать в руки юнца, у которого еще молоко на губах не высохло?

- Алибек-хаджи ведь не юнец. Сколько ему лет?

- Двадцать шесть.

- Достаточно. Ему двадцать шесть лет, он один из самых образованных улемов всей Чечни, да еще и хаджи.

- Важно не учение, а сам человек. Его ум, опыт, мужество.

- Ума и мужества у него хватит для всех. Да еще останутся излишки.

- Не говори этого, Солтамурад, даже в шутку, - покачал головой Олдам. - Если хочешь услышать правду, этот мальчишка полез в это дело против нашей воли. Я, мои сыновья и вся родня готовы отдать свои жизни за дело народа, за его свободу. Но чтоб этого мальчишку избрали имамом - об этом и речи не может быть. Имам должен быть мудрым, опытным, мужественным, уважаемым всеми. Во главе восстания должен стать или ты, или Умма-хаджи.

Солтамурад вынул из маленького нагрудного кармана бешмета серебряные часы, нажал на кнопку большой палец, откинул крышку и посмотрел на время.

- Послушай теперь меня, Олдам-хаджи, - сказал он, опуская часы обратно в карман. - Не я назвал первым имя твоего сына. Когда у нас зашел между собой разговор, все, будто сговорились, назвали имя Алибека-хаджи. А мы с Умма-хаджи уже стары. Нам за семьдесят перевалило. Мы свое уже и отжили, и отвоевали. Теперь черед за молодыми, Олдам-хаджи. Пусть они продолжат дело свободы.

- Нет, Солтамурад, сами вы сварили похлебку, сами хлебайте ее.

- Не бойся, мы свою долю не дадим съесть другим, если даже это будет яд.

- Ну ешьте на здоровье, но не вешайте это имамство на шею мальчишки. Вам легко вытолкнуть этого глупца вперед и в случае чего уйти в кусты.

- А мы никогда не убегали, Олдам-хаджи, впредь тоже не собираемся убегать, - седые кустистые брови Солтамурада нахмурились. - Если ты имеешь в виду то, что

в день пленения Бойсангура я спасся бегством, знай, что я бежал не из трусости, а чтобы не попасть в руки врага, не умереть понапрасну. Я пробился и спасся, чтобы продолжить борьбу за свободу и погибнуть в бою с оружием в руках.

- Прекратите спор, - вмешался Алибек. - Имамом будет только тот, кого изберет народ. Ты тоже неправ, дада. Не всегда же будет так: твоим сыновьям молоко, а другим - кровь. Кроме того, я никого из вас не прошу следовать за собой. За Ала-Магомедом, Алимханом и Арапханом тоже я оставляю право решать самим, как им быть. Хотят - пусть идут со мной, не хотят - пусть остаются дома. Я же выполню свою клятву бороться до последнего вздоха за свободу. Это мое последнее слово.

Твердое слово Алибека положило конец спорам. В комнате воцарилась тишина. Ала-Магомед, молчавший до сих пор, не желая лезть вперед отца, засуетился, собираясь что-то сказать.

- Мы не разлучимся при любых обстоятельствах, Алибек, - сказал он. - Выбери путь, который подсказывает тебе твоя совесть. А мы, братья, последуем за тобой.

- Если вы идете за мной как братья, не одобряя избранный мною путь, этого не следует делать, - грубо ответил Алибек. - Мне нужны братья по духу. Каждый должен последовать зову сердца и отвечать за свою голову. Я не знаю, чем кончится наше дело. В случае поражения нас ждет суровая расплата. Хотя вы никогда этого не скажете вслух, но завтра в душе у вас может зародиться укор, что я явился причиной вашего несчастья. Каждый из вас сам должен решить, как ему быть. Ладно, с этим все. Ну, а о ваших замыслах, Солтамурад, я уже слышал от Берсы. Над этим я долго раздумывал. Правда, не поделился своими мыслями с отцом и братьями. Если внять моему голосу, то во главе восстания должны стоять известные в крае и за его пределами, умные, опытные и мужественные люди. Я лично против вашего решения. Но готов отдать жизнь за наше общее дело.

Солтамурад, который слушал его, облокотившись на подушку, сел.

- Я высказал тебе волю нескольких предводителей, Алибек-хаджи. И ты имеешь право отказаться. А если народ предложит тебе имамство?

Алибек задумался.

- Я не имею права идти против воли народа. Все же мне хочется заранее в присутствии Косума и Нурхаджи поставить одно условие. Если вы, старшие, думаете использовать меня как свое орудие и за моей спиной самовольничать, тогда забудьте мое имя. Руководитель восстания, кто бы он ни был, должен быть облечен единовластием. Я это говорю потому, что цели и взгляды многих старейшин, вернее, стариков, если не в корне, то во многом расходятся. Если вы примете наши условия, тогда я подчинюсь воле старейшин.

Солтамурад растерялся.

- Что тебе не нравится?

- Вы же знаете. Во-первых, я против газавата, на который толкают нас Юсуп-хаджи, Хуси-хаджи и некоторые другие. Цель моих единомышленников - земля и свобода. Вернее, добиваться уравнения нас землей и правами с казачьим населением края.. Всякий, кто борется за это, - будь он мусульманин или христианин, он мой друг и единомышленник, а кто против этого

- он мой враг. Во-вторых, от меня не будет пощады никому, кто выступит явно или тайно против нашего общего дела, - пусть это будет хаджи, мулла, отец мой или брат. Этого же я потребую и от вас всех. В-третьих, мне не нравится поведение Умма-хаджи. Безусловно, нам нужна поддержка и извне. Говорят, утопающий ухватился даже за змею. Но с кем бы мы ни заключили союз, я не допущу, чтобы продавали и предавали честь, свободу моего народа. И последнее, если вы имамство доверите мне, я буду советоваться с вами, но буду поступать справедливо. Вернувшись к тем, кто послал тебя, передай им наш разговор, и если

они не согласны с моими требованиями, забудьте мое имя.

Убедившись в том, что разговоры на этом окончены, Солтамурад скользнул к краю тахты и, положив на колени огромные волосистые руки, глянул на свою обувь, поставленную возле двери.

- Хорошо, Алибек-хаджи. Некоторые твои мысли я одобряю. Не все будет и по-твоему, и не всему быть тому, о чем думаем мы, старшие. Постараемся найти какую-то середину.

- Нет, Солтамурад, середине не быть, - поднялся Алибек. - Не трудитесь зря в поисках каких-то обоюдно выгодных путей. Если ты считаешь, что вы с Умма-хаджи уже стары, и дело надо передать в руки молодых, тогда подчиняйтесь нам.

- Ну а кто твои единомышленники?

- Со мной Рохмадов Берса, Яхсиев Ханбетир, Пиркиев Янгулби, Гериев Арсахаджи, Ших-Алиев, Ших-Мирза, Залмаев Дада, Ишиев Буга, Апаев Мита, вот этот Косум, Нурхаджи и многие другие.

Солтамурад натянул придвинутую к нему обувь и тяжело поднялся.

- Хорошо, Алибек-хаджи. Что касается меня, то я готов поддержать тебя, но за Умма-хаджи и остальных пока не могу поручиться.

Отправив гостей, Олдам, Ала-Магомед, Алимхан и Арап-хан вернулись в дом. Олдам не стал садиться. Долго стоял он, уставившись в пол, погрузившись в раздумья. Потом подошел к сыну и внимательно посмотрел ему в глаза.

"Не хватайся за бороду отца, но, ухватившись, не отпускай ее", - говорится в пословице, - он положил руку на плечо сына. - Иди по избранной дороге. Да поможет тебе, твоим товарищам, всем нам всемогущий Аллах...

ГЛАВА IV

ЛЮДИ И ХАРАКТЕРЫ

Если ты человек, то не называй человеком того, кто не заботится о судьбе своего народа.

А.Навои

Рассыльный аульского старшины хромой Даси приковылял к двору Кайсара и остановился возле изгороди.

Даси слыл в ауле тихим, добрым человеком, но с самого детства не мог устроить свою жизнь и жил в крайней нужде. В шамилевское время он был подростком, чтобы участвовать в войне, но последовав за Бойсангуром, как по божьему наказанию, в первом же сражении получил тяжелое пулевое ранение и был доставлен домой с изувеченной тазовой костью. И без того не отличавшемуся особой привлекательностью в глазах девушек, Даси долго пришлось влачить холостяцкую жизнь. Она длилась бы еще дольше, если бы Ахмед Акбулатов, принимающий участие в радостях и горестях людей, не вмешался в его судьбу и не сосватал за него Васалову дочь Хозу.

Счастье, говорят, ходит за счастливым, но и несчастье следует за несчастным по пятам. Бедность из отчего дома Хозы последовала за ней и присовокупилась к бедности Даси. Безземельный Даси облюбовал солнечный склон, очистил его от боярышника и построил там времянку. Почти каждый год у них рождался ребенок, но все, кроме последнего, были девочки. С помощью тестя Васала и его друзей он засевал с горем свой скудный надел, но урожая, снятого с него, не хватало даже на зиму. За работу рассыльного старшины ему припадали гроши на соль и керосин, и Даси, довольствуясь этим, ковылял по аулу, влача свою искалеченную ногу.

Хоть и был Даси безобидным человеком, но никому не нравилось, когда он направлялся к его дому.

Кайсар, только что вернувшийся с поля, распряг арбу и собирался гнать быков на водопой. Облокотившись на плетеную изгородь, Даси поздоровался с хозяином.

- Ва алейкум салам! Заходи, Даси, - подошел к нему Кайсар. - Как дела? Как там Хозу и детишки?

- Баркалла, все живы-здоровы.

- Так что же, ты по своему делу пришел или юртда прислал?

- Юртда.

- Что нужно от меня этой харе?

- Чтобы ты пришел в канцелярию как можно быстрее.

Велев жене Макке сводить быков на водопой, Кайсар прямо в своей рабочей одежде направился к центру аула.

Канцелярия аульского старшины находилась в доме Шахби. Не прошло и месяца после того, как хозяин дома отправился в Турцию, а Хорта превратил его жилье в собственность местной власти. После Хортиного дома это было лучшее в ауле строение, крытое русской черепицей, с двустворчатыми дверями, застекленными окнами, с деревянным полом и потолком. И все же за деньги, которые Хорта собрал с людей, якобы для покупки в интересах аула этого дома, можно было бы купить по крайней мере два таких дома. Люди, конечно, знали, что старшина их надувает. Но Хорта клятвенно уверял их, что он выложил такую сумму Шахби из своего кармана.

Во дворе канцелярии Кайсар застал несколько человек и милиционера Чонака, расхаживающегося на крыльце. Чонака работал милиционером в Зандаке, но наведавшись в аул, обязательно посещал родную его духу канцелярию. Пристав назначал милиционером человека из другого села и другого тейпа, чтобы он не был связан с людьми кровным родством и по этой причине не скрывал преступлений, был беспощадным ко всем.

Хорта был один в пустом кабинете. Кабинет был хотя и не роскошен, но чист и уютен. Сияли чистотой свежепобеленные стены, зеркально блестели покрашенные белой краской двери и окна. Длинный стол, покрытый черным лаком, на резных ножках, стеленный зеленым сукном. Около стола - два мягкие кресла и длинная скамейка, поставленная вдоль стены во всю длину. В других аулах ни у одного старшины не было такой роскошной канцелярии. Все это было приобретено честолюбивым Хортой за счет жителей аула, с которых он собирал поборы под разными предлогами.

Тыча пальцем в бумагу, Хорта вычислял что-то на счетах. Не отрывая палец от бумаги и не поднимая головы, он невнятно ответил на приветствие Кайсара и указал ему на длинную скамью.

- Садись.

Хорта наконец закончил операцию с цифрами и, видимо, очень довольный результатами, потирая руки, широко улыбнувшись, повернулся к Кайсару.

- Хорошо, парень, очень хорошо... Знаешь, зачем тебя вызвали?

Из коротких перемолвок с людьми во дворе Кайсар уже знал, зачем он его вызвал, но виду не подал.

- Не знаю, Хорта. Даси ничего мне не сказал, передал только, что ты вызываешь в канцелярию.

Хорта положил свои волосатые руки на стол, сделал глубокий вздох, плотно сомкнув губы, раздул лоснящиеся от жира щеки, потом с шумом выдохнул:

- Жители вашего купа до сих пор не выплатили половину налога за прошлый год.

- Да, это так.

- Почему же не платите?

- Не в состоянии. В нашем же купе одни бедняки: Васал, Мачиг, Даси, Эсет и семьи Али и Маккала.

- Не говори мне о последних двух. Али с Маккалом сами довели свои семьи до несчастья. Идти против властей! Вздумали свергнуть царскую власть, крепкую как кремень! Ничего, там проучат. Вернутся - будут, как ягнята. Конечно, если вернутся живыми. А бедность ваших людей, - это меня не касается. Долг государству следует немедленно выплатить. Налоги государством возложены на аул. И платить их должен аул.

- Если на аул налагались, то и распределить их надо было по справедливости.

- А разве они распределены не по справедливости? Подсчитали, сколько домов в ауле, и на каждый дом поровну...

- В том-то и вся беда. Почему ты обложил поровну бедных и богатых?

- Я же говорю тебе, что государство требует налог от аула. Мы же не должны содержать Мачига, Даси и иже с ними за то, что они бедняки. Если ты такой сердобольный, то долги за бедняков вашего купа выплачивай, как это делаем мы!

- Но ведь вы не задаром уплачиваете их налоги, - не сдержался Кайсар. - Если

власть требует рубль, вы от себя добавляете еще два и взимаете три рубля. Уверяете, что заплатили два рубля за них, и обираете этих бедняг до нитки.

Густые брови Хорты вздулись и сошлись на переносице.

- Ты, парень, не лезь туда, куда не следует. До конца этого месяца рассчитайтесь с долгами, которые числятся за вашим купом. Все!

- Я этого не сделаю. Взымайте сами.

- Власти тебя поставили старшим в купе. И ты же будешь отвечать перед властями за двадцать закрепленных за тобой дворов.

- С сегодняшнего дня эту почетную должность я оставляю тебе.

Хорта сначала хотел было ударить кулаком по столу и угрозами припугнуть его. Но, когда он со своими жабьими глазами уставился на него, Кайсар и глазом не моргнул. Хорте не понравилось смуглое, худощавое, чуть вытянутое лицо Кайсара, его большой горбатый нос, ершистые, черные усы и черные глаза, в которых сверкали молнии. Кроме того, Асхад неоднократно предупреждал его о том, что Кайсар - сущий разбойник. Хорта через силу скривив губы, заставил себя улыбнуться.

- Молодой человек, во-первых, я ровесник твоего отца, во-вторых, я посажен сюда властью, чтобы отвечать за тебя и за весь аул. То, что ты мне говоришь, ни в какие рамки не лезет. И как бы мы с тобой ни брыкались, власть свое сделает. Кто пойдет против нее, того она пошлет следом за Али и Маккалом.

- Бедные люди недовольны тем, что их обложили налогом вровень с богачами. У них дома нет даже чурека кукурузного, а вы с них требуете огромные деньги, за которые можно купить хорошего быка!

- Это ты властям скажи, парень, а не мне.

- Но ведь ты представляешь власть в этом селе. Тебя же не зря называют "юртда". Вот поди ты и скажи начальнику округа, что жители нашего аула бедны, нищи и голодны.

- Есть власть и над начальником округа.

- Так доводите наши нужды поочередно до высших начальников. Вплоть до царя.

- Ну хорошо. Я доведу твои слова до пристава. Он приведет солдат из Ведено или из Герзель-аула, что находится тут под носом. А они заберут и уведут вашу последнюю коровенку. Я тебя предупреждаю, чтобы потом не обвиняли меня. С этим все. Завтра из нашего аула надо отправить с десяток арб. Возить дрова в Хасавюртовскую крепость. Ну их-то я из других купов пошлю. От своего купа отправьте конную подводу в крепость Герзель-аул, чтоб завтра к десяти часам утра там была. Какие-то офицеры едут из Грозного в Хасав-юрт. Она должна доставить их.

Кайсар заупрямился.

- Тебе же известно, что многие еще не управились с севом.

- Остопиралла! - хлопнул себя старшина по колени и покачал головой. - Выходит, что я слепой и не вижу ничего?

- Видать-то ты видишь, да только жалости у тебя нет в сердце.

- Что бы ты на моем месте сделал?

- Сказал бы, чтобы людям хотя бы заплатили за то, что они трудятся, да еще со своим транспортом. Их же на неделю, на месяц отрывают от собственных дел на

полях и по хозяйству, заставляют работать до седьмого пота и лишь тогда отпускают домой. И хоть бы чурек дали, не говоря уже о плате. И еще их ругают, поносят на чем свет стоит. Все это ваша вина, верных слуг властей.

То ли от жары, то ли от испуга, шея Хорты покрылась потом, он вскочил как ошпаренный.

- Парень, отец твой, Аюб, упокой Аллах его душу, был моим большим другом. - Он стал вытирать шею большим красным платочком. - Только лишь из-за уважения к нему прощаю тебе твои грешные мысли против властей. Но чтоб завтра до восхода солнца подвода была в Герзель-ауле. Иначе пеняй на себя!

"И надо же было мне стараться усовестить этого бурдюка Хорту?

- размышлял Кайсар, выйдя на улицу. - Собственно, в его руках нет никакой власти. Холуй несчастный!"

Кайсар, не заходя, миновал свой дом и пошел к Васалу. Еще издали увидел он отца и сына, которые - один снаружи, а другой снутри - трудились, ставя изгородь вокруг сада.

- Ассалам алейкум, да будет благодатным ваш труд!

- Ва алейкум салам, да отблагодарит вас Аллах за добрые слова.

- Эта изгородь, Васал, век будет стоять. Дай-ка и я немного поработаю. Машаллах, какие замечательные колья! - Кайсар сильным ударом вбил в землю дубовый кол.

- Нынешний год, к счастью, будет дождливым.

- Дай бог. В прошлом году была сильная засуха.

Васал и Юсуп толстыми грабовыми хворостями плотно плели изгородь. Кончив начатую сторону, Васал подтянулся руками.

- Ладно, оставим работу. Вечер уже. К тому же, Кайсар, ты, видимо, по какому-то делу?

- Хорта вызывал в канцелярию.

- Что же надо было этому борову?

- Говорит, чтобы поживей налог выкладывали.

Кайсар рассказал о разговоре со старостой. Юсуп, как и отец, русоволосый, с голубыми глазами и веснушчатый, возмутился.

- Вот свинья! Всадить бы ему пулю в лоб!

- Причем тут Хорта? - прикрикнул на него отец. - Власти во всем виноваты.

Кайсар дал отцу и сыну отвести душу, потом отвел Васала в сторону.

- Сказал, чтоб я завтра в Герзель-аул отправил пароконную подводу. Придется тебе поехать туда.

- Но у меня же нет ни подводы, ни лошадей.

- Запряжешь мою и Булатову лошадей.

- Неужели больше некому, кроме меня, старика?

Кайсар оглядел Васала с ног до головы. Ему было не более шестидесяти лет, но выглядел он старше восьмидесятилетнего старика. Белая, как снег, короткая

бороденка, длинная морщинистая, как у старого вола, шея, впалые щеки, мозолистые, потрескавшиеся руки с синими жилами, согнувшаяся словно дуга спина.

- Все-таки придется тебе, Васал. Надо везти оттуда в Хасав-юрт каких-то офицеров. Прикидывайся дурачком, скрывай, что ты знаешь русский язык, лови каждое оброненное ими слово. И постарайся узнать, сколько у них вооруженных людей в герзельской и хасавюртовской крепостях...

- Выходит, это приказ?

- Это приказ, Васал. Еду на дорогу возьми у меня. Но поезжай утром пораньше. Чем раньше ты туда приедешь, тем больше увидишь.

Васал ничего не ответил. Ведь долг воина - выполнять приказ.

Проходя мимо дома Али, Кайсар услышал голоса и завернул во двор. Там стояли нераспряженная пароконная бричка, трое каких-то гостей, а Умар и остальные хлопотали, принимая их.

- Кто эти люди? - спросил он у бегущего куда-то и сияющего Усмана.

- Сын Андри и Яшка!

Айза и Эсет, приветствуя гостей, повели их в дом.

- Ох, что это за гости? Издарасти, Ванька! - пожал им руки Кайсар и крепко обнял сначала одного, потом другого. - Издарасти, Яшка! Как дела, хорошо дела?

- Здравствуй и ты, Кайсар!

- Вы откуда взялись?

- В гости приехали! Вас же давно у нас не было!

- Как дома? Андри как там? Наташ здорова?

- Не задерживай их, Кайсар. Потом поговорите, - Айза взяла Ивана под руку и потянула в дом. - Идем в комнату. Они ехали издалека, устали бедные.

В комнате, предназначенной для гостей, было чисто. Гости расселись поудобней на глиняной наре с подостланной пестрой кашмой. Не успели они перекинуться и несколькими словами, как ворвались в дом Васал и Булат, которым Усман передал радостную весть. Снова начались многочисленные вопросы, радостные возгласы. Васала больше всего заботила судьба своего друга Корнея.

- Почему он так долго не появляется у нас? Здоровы ли они?

- Все хорошо. Он теперь остепенился.

- Это что значит?

- Ты-то знаешь. Он не абречествует теперь.

- Да, ведь мы же с ним уже стар, Ваня. Стар, устал, обнищал. Короче говоря, отжили свой век. Что нового в вашей стороне?

- Ничего.

- Но поговаривают, что война будет?

- Дела, видно, не совсем нормальные. Вряд ли случайно призвали на службу казаков, да формируются иррегулярные полки.

Со двора донеслись крики кур. Усман с Магомедом гонялись за ними по всему

двору, ловили на убой для гостей.

- А вы почему пожаловали?

- Будем строить мельницу для вашего старшины.

- О-о, об этом здесь давно судачат. Когда же успели вы договориться с ним?

- С неделю назад сын его к нам приезжал.

- И вы собираетесь строить мельницу этой собаке?

- Не ему, а нам ее строят. Нам же легче спуститься к Аксаю, чем ездить в такую даль, на кумыцкие мельницы, - сказал Кайсар.

- Долго будете здесь?

- Не знаем. Смотря, как Хорта будет поставлять нам необходимый материал.

- А Андрей приедет?

- Он тоже приедет на днях. Покажет нам, как, что делать.

За трапезой Васал то и дело поглядывал на гостей. Будто бы и невелик срок - эти прошедшие двенадцать лет. А вот у этого Яшки, когда он впервые приехал в Гати-юрт, не было ни одного седого волоса на голове, ни одной морщинки на лице. Сейчас он совсем не походит на прежнего. Голова покрыта густым инеем. Вокруг глаз легли морщины. И голос стал хрипловатым. Только руки остались такими же шершавыми. А Ваня превратился в Ивана Андреевича... Все-таки как быстро летит время!

Друзья поели и еще сидели долго, беседуя.

После ужина пришел Хортин сын Асхад, прослышав, что прибыли его работники. Не удостоив присутствующих приветствием и не справившись у гостей, как они доехали, он сразу же приступил к своему делу.

- Ну, собирайтесь, пойдем к нам.

Иван посмотрел на Булата.

- Они останутся здесь, - сказал тот.

- Я не могу оставить их здесь бездельничать. Будут приходить к ним люди с просьбой чинить им то одно, то другое. А мне надо, чтобы они работали на строительстве от зари до зари. Я подготовил специально для них комнату.

- Хоть мы и бедны, но комната для гостей и у нас найдется. И слава богу, пока что чурек тоже есть.

- Давайте собирайтесь, быстрее.

- Мы здесь останемся, Асхад, хотя бы на сегодня.

- Навсегда, - добавил Булат.

- Ну хорошо, - косо посмотрел Асхад сначала на Булата, потом на гостей. - Но с рассвета чтобы были на работе.

- Где бы ни жили, мы честно выполним наш договор, так что за работу тебе беспокоиться нечего. Но мы все же переедем к тебе. Нам будет легче жить отдельно, - сказал Иван.

- Вот, так бы давно. Тогда завтра утром к восходу солнца я жду вас. Пойдем смотреть место. До свидания.

Когда Асхад вышел, оставшиеся переглянулись.

- Трудновато придется вам работать с ним, - сказал Васал, покачав головой.

- Ничего, Василий, - успокоил их Яшка, - мы таких драконов много перевидали. А эти ваши перед ними просто пиявочки.

- Лошадей распряг? - спросил Булат Умара, заглянувшего в кунацкую.

- Да. Напоили и корм дали.

- И кукурузу насыпь.

- Я Усмана послал.

Васал и Кайсар, оторвавшись от своих дел, заспешили домой.

- Мы скоро вернемся и заберем гостей ко мне, - сказал Кайсар. Он хотел пойти домой, чтобы подготовиться к приему гостей.

- Сегодня нас, пожалуйста, оставьте здесь. Эту ночь я хочу провести в доме моего отца, - извинился Иван.

Когда Яшка вышел провожать его, Васал остановился у калитки.

- А кто это третий с вами приехал?

- Мой товарищ.

- Что он твой товарищ, я понимаю. Что-то раньше я не видел его с вами.

- Товарищем я его назвал в другом смысле. Наши судьбы удивительно схожи. Как и я, шестнадцать лет тому назад, он тоже сбежал из России, пустив красного петуха в имении своего помещика. Но я приехал с молодой женой, а Михаил - один, как перст. Ему уже под тридцать, но еще не женат. Не было возможности. Станичным властям я представил его как своего брата. Если власти узнают правду, наши дела с ним будут очень плохи. Мы с Андреем Никитичем решили посоветоваться с вами и на некоторое время оставить его в Гати-юрте.

- Зачем советоваться? Пусть остается. Здесь он будет в безопасности, как у Христа за пазухой.

Васал приехал в крепость Герзель на час раньше условленного времени. Увидев на посту у ворот рыжего солдата, он хлестнул кнутом лошадь, чтобы проскочить мимо него. К счастью Васала, солдат держал в руках кисет и старался набить табаком трубку, а крепостные ворота из толстых дубовых досок были открыты.

- Стой! Куда ты, проклятый! Лексей, задержи его! Эй, чтоб ты сгорел в адском пламени!

Солдат не успел разобрать толком, чего от него хотел часовой, а Васал ворвался во двор крепости, не торопясь, слез с подводы и принялся спокойно разнуздывать лошадей.

- Ну-ка, вон отсюда! Вон быстрее! Разворачивай! - вникнув наконец в происходящее, подбежал к нему тот солдат и, взяв под уздцы, потянул лошадей к воротам.

Васал притворился рассерженным.

- Дурной урус! Арба эпсар есть! - отталкивал он солдата и показывал пальцем на дом начальника гарнизона. - Эпсар тебя урбит.

Боясь, что его быстро выставят за ворота, Васал старался охватить взглядом

крепостной двор. Прежде всего он обратил внимание на две пушки, которые стояли под чехлами перед казармой. В это время подошли еще два солдата.

- Почему здесь оказался этот басурман?

- Митрий, зачем ты его впустил?

- Но! Разворачивай!

- Эй, не спешите, может, его сюда работать прислали.

Васал, будто ничего не понимая, стоял разинув рот, тараща глаза на каждого, кто заговаривал.

- Что это за шум здесь? - услышал он сердитый окрик с крыльца дома начальника. - Кто этот чеченец?

- Не знаем, ваша честь, ворвался сюда как сумасшедший.

- А часовой? Он для чего поставлен?

- Не успел задержать...

- Кто у ворот на часах?

- Недоноскин Митрий...

Толстый, высокого роста войсковой старшина, в парадной форме, чисто выбритый, с красиво закрученными рыжими усами и бакенбардами, спокойно сошел с крыльца и подошел к солдатам, столпившимся у подводы. Солдаты расступились, и Васал остался один перед ним. Когда-то вытягивавшийся перед офицером в струнку и не смевший дышать, теперь Васал смело смотрел в его красные от пьянки глаза. От офицера тянуло водочным перегаром.

- Откуда ты? Ишхой-юрт? Кошкельды? Бильта-юрт?

- Гати-юрт, Гати-юрт! - радостно засмеялся Васал, указывая кнутовищем в сторону верховья Аксая. - Гати-юрт, юртда Хорта.

- Понятно. Знаю вашего Хурду. Этого пузача. Задай лошадям корму и будь начеку. Ясно тебе? И нашел он такую же глупую скотину, как и сам. Куда девался Межи? Разыщите его, пусть втолкуют этому, что к чему! А ты, урядник, за расхлябанность на посту посади солдата Недоноскина на гауптвахту. А теперь - разойдись!

Солдаты рассыпались в разные стороны, и Васал остался один. Но не прошло и минуты, как к нему подбежал запыхавшийся чеченец лет тридцати, в черкеске из черного сукна, опоясанный наборным ремнем, с кинжалом на поясе и в низкой коричневой папахе, надетой по-казачьи набекрень. Он откашлялся, провел рукой по тонким усам и устремил на Васала свои крысиные глаза.

- Откуда ты, старик?

- Из Гати-юрта.

- Задай корму лошадям. Через час поедешь сначала в Хасав-юрт, а потом Кешень-Аух. В пути будь осторожен. Где дорога плохая, поезжай медленней. Ты офицеров везешь. Если с их головы упадет хоть волос, от тебя и твоей семьи даже пепла не оставят. Ты слышал?

- Слышал, слышал. Ничего с ними не случится. А ты в каком тут чине? А тот, что зашел, наверное, полконак? - спросил Васал, прекрасно зная, что стоящий перед ним - прапорщик, а тот ушедший - войсковой старшина.

Чеченец ушел, не удостоив его ответом. Поправив торбы и осмотрев колеса, Васал облокотился на подводу и стал ждать. Он вынул из кармана кисет, выбрал из листьев от кукурузного початка самый тонкий и белый и, сворачивая сигару с крепким самосадом, прощупывал глазами территорию крепости. Большинство солдат занимались ремонтом высокой, местами попортившейся каменной стены. Неведомо откуда присланные чеченцы из соседних селений на своих поводах возили из Аксая камень, песок и воду.

Но никого из них не пропускали вовнутрь крепости. Ремонтом руководил какой-то хилый очкастый офицер. Он иногда поднимался на стену и визгливым голосом матерно бранил работающих по ту сторону чеченцев. В восточной части четырехугольного двора крепости, под длинным навесом, к плетеной кормушке были привязаны с полсотни лошадей. Двое солдат клали им зеленое сено. Там же стояло несколько подвод, бричек и старый тарантас. По подсчетам Васала, здесь насчитывалось всего две роты пехотинцев и полсотни кавалеристов. Но эти теперешние солдаты нисколько не походили на однополчан Васала. Обрюзглые, ленивые, заспанные.

- Эй, старик!

Васал глянул в ту сторону, где стояла скирда сена, и увидел чеченца-переводчика.

- Гони свою подводу сюда! - махнул тот рукой.

С помощью переводчика Васал набил подводу мягким душистым сеном.

- Подъезжай вон к тому крыльцу, к самым ступенькам. Сейчас отправитесь в путь.

Только Васал поставил подводу в указанное ему место, как двое солдат вынесли два чемодана и непромокаемые плащи и уложили их в кузов. Вскоре вместе с войсковым старшиной, смеясь и весело переговариваясь, вышли молодой капитан и штатский с портфелем в руке.

- Ну, господа, - протянул гостям руку старшина, - не взыщите за неудобства во время пребывания у меня в гостях. Как говорится, богат тот, кто отдает, чем богат. Дорогой капитан, я уверен, что жизнь кавказских войск вам понравится. А вы, Яков Степанович, напишите о трудной, но славной жизни наших солдат.

- Посмотрим, господин Чекунов. Ведь цель моего приезда именно эта, - сказал штатский, усаживаясь рядом с Васалом.

По уклончивому ответу штатского, Васал понял, что его абсолютно не интересует солдатская жизнь. Нетрудно было заметить, что он не испытывал симпатии ни к тому старшине, ни сидящему рядом с ним капитану. В глазах этого задумчивого человека жила какая-то непонятная для Васала глубокая тоска.

Выезжая из крепости, Васал увидел на посту другого солдата и понял, что приказ старшины уже выполнен. Митрич теперь, очевидно, сидит на гауптвахте. Васал знает эти тесные четыре стены, четырехугольная камера по два метра вдоль и поперек, холодный бетонный пол. Высоко в стене маленькое оконце, в которое скудно сочится свет через железные крестообразные решетки. В сутки раз в окошко двери подают кусочек черствого хлеба и кружку воды. Это еще ничего, если сравнить с тем, что было во времена службы Васала. Стягивали вниз штаны, закатывали вверх рубаху и били прутьями по мягкому месту. Когда Васалу вспомнилось это, по телу его пробежала холодная дрожь...

Когда, выехав на Военную дорогу, подвода свободно спустилась в долину Аксая, то бесшумно скользя по рыхлому песку, то заставляя скрипеть речную гальку или грохоча по булыжнику, переправилась на другую сторону, Васал погнал лошадей во всю прыть.

На участке, где когда-то в ермоловские времена по обе стороны вырубили лес так, чтобы выстрелы из лесу не достигали проезжающих по дороге войск или обозов, офицер повернулся к сопровождавшим их двум солдатам:

- Откуда вы родом?

- Я из Рязани, а этот, Курносов Лексей, из Тамбова, - ответил рыжий здоровенный солдат с пышными усами.

- Значит, мы с тобой земляки, выходит. Давно служите на Кавказе?

- Третий год.

- Как проходит служба?

- Слава богу, не жалуемся, - грубо ответил солдат.

Курносов исподтишка ткнул товарища локтем в пах. Круглолицый Курносов, со вздернутым кончиком носа и острым взглядом всегда смеющихся глаз, прыснул хитрым смешком.

- Жены у вас дома есть? - спросил капитан.

- Жен нет, но есть невесты. Если, Бог даст, вернемся живыми домой, сыграем свадьбы, - сказал он.

- А они будут вас ждать? Мужицкие бабы бывают слишком любвеобильными. Как бы ваши невесты не скрутились с Иванами!

- Ну и бог с ними! Если не хватит терпения дождаться нас, пусть хоть на чертовы рога лезут.

- Молодец солдат! А зовут-то тебя как? - повернулся капитан к рослому солдату.

- Попов Елисей.

- А по отчеству?

- Иваныч.

- Ну а какие, Елисей Иваныч, ваши отношения с чеченцами?

Попов косо посмотрел на офицера, отвернулся и замолчал.

Курносов хмыкнул.

- Отличные. Разве они не такие же люди, как мы? - ответил он за товарища.

Капитан снял с головы форменную фуражку, положил ее рядом на сено, пригладил рукой длинные свои волосы, которые только-только начали седеть на висках, и отстегнул крючки воротника.

- Что ни говори, Яков Степанович, а волк все равно в лес смотрит, - обратился он к штатскому. - Удивительное дело: эти мужики, какому бы роду и племени ни принадлежали, какую бы веру ни исповедовали, друг за друга заступаются и держатся друг за друга. Вы слышали? Если слушать их, эти чеченцы - невинные ангелы! Однажды они ворвутся к тебе темной ночью, когда ты будешь во сне миловаться со своей Марусей, перережут тебе кинжалом глотку, - уж тогда-то вы по-другому запоете!

Попов, видимо, собираясь что-то сказать, зло посмотрел на офицера, но, глубоко вздохнув, промолчал.

Капитан подумал, что солдат боится заговорить с ним в открытую, и вызвал его на

беседу.

- Говори смелее. Надо же нам за беседой укоротить эту длинную дорогу. Я здесь человек новый, не знаю край, нравы людей.

Курносов ухмыльнувшись, вступил в беседу с офицером.

- Я слышал от старых солдат, которые воевали здесь в прежние времена, что во время своего налета, чеченцы прежде всего перерезали глотки офицерам, - серьезно заговорил Курносов. - А один даже говорил, что офицеров, которых особенно ненавидели, они не убивали, а просто кастрировали. Делали это умышленно, чтобы предоставить свободу мадмуазелям, которые ждали их возвращения, не имея права выходить замуж за других.

- Что вы скажете на это, капитан? - рассмеялся Яков Степанович. - Эти солдаты не такие уж тупые, как вы считаете!

- Хитрые псы! Вы из крестьян?

- Конечно. Разве дворяне тянут солдатские лямки да эти тяжелые ружья? - зло бросил Попов.

Курносов снова ткнул товарища локтем в бок.

- Между прочим, Яков Степанович, говорят, что лет пятнадцать-шестнадцать тому назад по этим дорогам нашим без охраны целой роте солдат опасно было проезжать. А теперь такое приволье! Наше правление, усмирив их, отучило от своих разбойничьих нравов. С тех пор, как приехал в Чечню, я не встретил ни одного вооруженного чеченца. Видишь нашего извозчика? Искалеченная рука, шрам на шее. Бьюсь об заклад, что обе раны он получил во время своих разбойничьих набегов на нашу сторону.

"Относительно одной ты не ошиблась, собака!" - подумал Васал.

Лет десять назад, когда он с Корнеем и Алхой ездил за Терек и угнал лошадей богатых станичников, казацкая пуля зацепила шею с боку. От той раны и остался шрам.

- Меня удивляет, господин капитан, ваша страшная ненависть к этим несчастным чеченцам, - покачал головой штатский. - Откуда это у вас?

- О, причин на то у меня предостаточно, Яков Степанович! Во время "Сухарной экспедиции" князя Воронцова они убили моего деда, а в пятьдесят девятом - отца. Разве этого мало, чтобы я ненавидел этих чеченцев?

Яков Степанович задумался, потом ответил:

- Чеченцы бились за свою свободу, этим все сказано.

- Какой вы большой либерал, господин Абросимов! - хлопнув его по плечу, засмеялся капитан. - Нам начхать на их свободу. О ней заботятся только лишь слабые. Сильный всегда свободный. На Россию сама судьба возложила почетную миссию распространить цивилизацию среди туземцев Севера, Востока и Кавказа. Чтобы своей высокой культурой этих дикарей, воров и убийц превратить в честных земледельцев, торговцев и иже прочих. Чтобы они свой хлеб зарабатывали не путем кровавых грабежей, а честным трудом. Если мы не укрепим здесь наше владычество, сюда придут турки, англичане, немцы, французы и прочие, которые давно точат зубы на Кавказ. А мы разве хуже их? Я считаю, что мы достойны быть владыками мира.

Яков Степанович грустно покачал головой.

- Сумасбродные идеи наших официальных мундиров! Те западные державы, которых вы назвали, под вывеской цивилизации стерли с лица земли многие

народы. От них немногим отстает и наше правительство. Более полумиллиона горцев изгнаны с родных мест в Турцию: женщины, дети и старики. Не может быть, чтобы вы не знали о судьбе этих несчастных. Но вы, господин капитан, не отождествляйте русский народ с правительством русского царя, с господствующими классами. Русский народ безгранично любит свою родину, он столетиями защищал ее от иноземных захватчиков. Но русский народ никогда не стремился захватить ни одной пяди чужой земли, установить свое господство над другим народом. Он сам стонет под гнетом, так сказать, своих собственных угнетателей. А что касается нашей цивилизации, она, вопреки планам наших господ, распространяется на окраинах империи. Ее распространяют не наши официальные мундиры, а прогрессивные люди русского народа и рядовые мужики. У этих мужиков и инородцев одна судьба, одни цели и одни мечты. Вы же, наверняка, слышали о напряженном положении внутри России в последние годы. Везде - эпидемия. На Поволжье - голод. Повсюду крестьянские волнения. Представьте себе, начались волнения даже в казачьих областях. А ведь их мы считаем верной опорой монархии. В прошлом году было восстание в Сванетии. Были частичные выступления и в Чечне. Азербайджанские крестьяне поднялись против своих беков. А наше правительство, вместо того, чтобы идти на уступки, облегчить участь народов, крепче и крепче закручивает гайку. Потому сегодня Россия похожа на растревоженный пчелиный рой!

- Все это пустяки. Достаточно ведра воды, чтобы успокоить возбужденный рой. Если мы повесим нескольких возмутителей, остальное мужичье успокоится навсегда.

- Вы извините меня, господин Рихтер, за мою откровенность с вами. Небольшая часть из тех иммигрантов, которых судьба привела в Россию, вложила определенный вклад в развитие русской науки и культуры. Но большинство равнодушно взирает на судьбу нашего народа. Приезжают, занимают высокие посты, наживают богатство и уезжают. Вдобавок ко всему этому, считают нас дикарями, невежами!

Рихтер вытащил из кармана серебряный портсигар, взял сигарету и, немного помяв пальцами, сунул ее в рот.

- Наши предки приезжали в Россию по приглашению ваших царей да дворян, - он глубже затянул дым, выпустил его с шумом. - А они приглашали их не из-за любви к чужеземцам. И Россия, по-моему, от этого не осталась в проигрыше. Если у нас с вами и имеются идейные расхождения, то они не потому, что по происхождению я немец. Нас, пришельцев, как вы выразились, в России не наберется и одного процента. Но таких, скажем, жестоких или честолюбивых, каким вы считаете меня, тысячи среди самих русских. И если мои идеалы бесчеловечны, то я перенял их у ваших чистокровных господ.

Яков Степанович не нашелся, что ответить и умолк. Разве виноваты эти Рихтеры и многие другие фоны, мосье, сэры, мистеры, которых приглашают цари России? Ведь было же время, когда русские дворяне все у них перенимали, у них учились, во всем подражали им, даже в семье считали отсталым, невежественным того, кто говорил на родном русском языке, считали и считают сумасшедшим или преступником того, кто заговаривает о революции и демократии.

- Ну, предположим, что западных горцев мы прижали к морю, вынудили отправиться на турецкие берега, - возобновил прерванный разговор капитан. - Почему же тогда ушли в Турцию эти чеченцы через несколько лет после войны?

- Их провоцировали наше и турецкое правительства. Подкупили за золото несколько мулл и почетных людей из чеченцев, через них распространили ложные прокламации от имени турецкого султана, призывающие их переселиться в Турцию. А разоренные и доведенные до отчаяния люди поверили. Так двенадцать лет назад в Турцию ушло пять тысяч чеченских семей. Их участь была ужасной. Оказалось, что их никто туда не приглашал, никто не ждал. Но их приняли, предложили им сплошь безводные и каменистые земли. Они вновь потянулись на

родину, когда стали вымирать как мухи. Те, кто добрались до границы, просили наши власти пустить их домой. А самые отчаявшиеся соглашались даже принять христианскую веру, лишь бы им позволили выбраться из турецкого ада. Но возвращение горцев никак не отвечало принципам нашей политики на Кавказе. Короче говоря, мы их не пропустили через границу. Кроме того, по просьбе кавказского начальства, турки выдвинули против них регулярные войска. Дошедших до границы вернули назад артиллерийским обстрелом. Но и тогда они не расставались со своей мечтой о возвращении на родину. Обреченные к вымиранию на чужбине, они тайком, группами переходили границу, рассеивались кучками по два-три человека и по горным и лесным тропам возвращались домой. А наши власти установили на них настоящую охоту: тех, кто попадал в руки, отправляли обратно, а дошедших домой - в Сибирь.

Из разговора двух русских Васал не уловил ничего полезного для своих целей. Теперь всю свою надежду он возлагал на показавшуюся впереди Хасавюртовскую крепость. Васал знал, что там находится штаб-квартира 80-го Кабардинского пехотного полка. Но силы полка были рассредоточены по окрестным крепостям: в Герзель-ауле, Кешень -Аухе, Буртанае. Если ему удастся узнать количество солдат и орудий в Хасав-юрте и Кешень-Аухе, то он частично выполнит возложенную на него задачу.

- Жаль, что нам так скоро придется расставаться. Кстати, от какой газеты вы приехали? - спросил капитан, когда они уже подъезжали к слободе.

- Я вольный корреспондент. Пишу для всех.

- Значит, я могу надеяться видеть ваше имя в какой-нибудь газете?

Яков Степанович пожал плечами.

- Кто знает, что нам уготовила судьба...

ГЛАВА V

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Счастливые живут в изобилье.

Объелись и всё-таки жрут,

А бедные дети отчизны

В то время от голода мрут!

Ш.Петефи, Венгрия

Возвратившись из Симсира, Кайсар не знал ни минуты покоя. Когда день восстания приблизился, он заторопился с женитьбой Булата. Булат отпирался: "Он может погибнуть в борьбе. Зачем ему тогда жена? Чтобы увеличить количество вдов? Или, если родится ребенок, увеличить количество сирот? Чтобы оставить рядом с Айзой, Эсет и Ковсар еще одну несчастную женщину?" - думал он.

- Нет, Кайсар, не нужно. Жениться я успею, если останусь в живых после восстания. Мне еще только двадцать пять. Успею.

Поняв , что ему не убедить его, Кайсар двинул на него женщин. Трое женщин, наступая с трех сторон, то упрашивали, то стыдили, то плакали, и он, измученный ими, наконец, сдался.

- Ладно, пусть будет по-вашему, - развел Булат руками. - Но жениться же не так-то просто. Нужен же еще свой очаг, свой двор. Куда мы ее приведем?

- Вы будете жить со мной, - сказала Айза.

- Нет, ты и так в тесноте живешь с двумя сыновьями, молодожены будут жить со мной! - решила Ковсар.

- У вас обеих по двое детей, а мы с Магомедом одни, пусть поживут с нами! - говорила Эсет.

Выслушав споры трех женщин, Кайсар успокоил их.

- О женщины, как легко вы решаете этот вопрос! Неужели вы думаете, что Деши выходит за Булата, чтобы охранять вас? Вы забыли даже о том, что у вас всего-навсего лишь по одной комнате. Вы совсем как в поговорке: не имея еще коровы, покупаете подойник. Давайте сначала узнаем, желает ли Деши стать нашей снохой?

- А почему бы нет?

- Нет на свете парня лучше нашего!

- Аль не красив или калека?

- Или неблагородный?

Кайсар с Булатом хохотали до упаду.

- Конечно, если спрашивать вас, нет мужчины красивей и достойней, чем он. Но как на это смотрит Деши?

- Просто умирает от любви!

- Как она рада всегда встрече с нами!

- Стоит завести речь о нашем парне, она так и тает.

- О, если дело обстоит так, как вы говорите, нам нечего медлить!

Общими стараниями в ночь на субботу они привели Булату Деши. Отец девушки Дарго без лишних слов и требований дал свое согласие. Разрешил не возить дочь на отбывку в другой аул.

И калым не взял. А невесту оставили в доме Кайсара, пока не подготовили молодым комнату.

У Булата нет родственников в Гати-юрте. Но его все любят потому, что он замечательный парень, поэтому Кайсар не очень беспокоился о расходах, связанных с женитьбой.

На следующее утро после женитьбы, на рассвете, Кайсар послал Булата в Шали. Надо было выполнить поручение Али-бека. Посланный с заданием разузнать, сколько вооруженных людей в гарнизоне Эрсаноя, Чахкари и Устаргардоя, и быстро вернуться обратно, он не возвращался вот уже три дня. Кайсар рано утром ушел в горы, поработал до обеда, расчищая от кустарников свой надел, и вернулся домой на полуденный намаз. Деши с надвинутым на глаза платком занималась во дворе хозяйственными делами. Магомед, который все эти три дня не отходил от невестки, помогал ей. Лишь только показался Кайсар, Деши вышла ему навстречу и взяла у него топор.

- Ну, как дела? Не скучаешь? - спросил Кайсар.

- Конечно, нет. Почему так рано вернулся?

- Да работы у меня там было немного. Она дома?

- Нет. К маме пошла.

- Что они делают?

- Стены мажут. Ты голодный?

- Как волк.

Поев сискал, запивая холодным кислым молоком, Кайсар отправился к Эсет. Стены дома были очищены от старой и смазаны свежей глиной. Сегодня женщины мазали крышу глиной. Им помогали жена Янарки и еще несколько женщин.

- Да будет вам счастья! - сказал он, подойдя к ним.

- Да благословит тебя Аллах!

- А дела у вас ладятся хорошо!

- Как же не ладиться, если такой добрый молодец женился на такой прекрасной девушке!

- Мы выполняем простую, легкую работу, Кайсар, - сказала Айза.

- За аулом сколько угодно желтой глины, в долине Аксая - песок. Вот только изгородь разваливается. В день свадьбы дети будут лазить на нее - совсем рухнет.

- А мы новую возведем. В лесу хвороста и кольев сколько угодно, и свободных мужчин много. Послезавтра будет новая изгородь. А что вы внутри сделали?

- Внутри все закончили. Может, посмотришь?

Айза вошла с Кайсаром в дом. Стены и потолок сияли свежей побелкой. Нижнюю часть стен отделили ровной линией от верхней и замазали желтой глиной. На

нишах стен была расставлена глиняная посуда, на полу возле двери стоял медный кувшин. На топчане и над ним на стене пестрели два новых войлочных коврика.

- Истанги Эсет и Ковсар принесли. Кудал Макка подарила. А всю эту постельную принадлежность я собрала, - перечисляла Айза подарки.

- Посуды будто бы маловато.

- Будет еще. К свадьбе женщины принесут.

- Вы решили свадьбу сыграть?

- Будь Булат нашим родным сыном, мы бы не стали этого делать,

- глубоко вздохнула Айза. - Булат же одинокий человек... Без родителей, без родных сестер и братьев. Он может подумать, что имей он родственников, все было бы по-иному, как у всех людей. Ничего, зарежем мою корову.

- Нет, Айза, твою единственную корову ни за что не будем резать, - решительно отрезал Кайсар. - Если уж на то пошло,

- у Булата есть друзья. У них хватит сил и три свадьбы

сыграть. Вы своими делами занимайтесь, а свадьбу я беру на себя.

"Решить-то я легко решил, но как мне удастся осуществить это решение?", - размышлял Кайсар, выйдя на улицу. Он прошелся мысленно по домам, чердакам и сараям друзей. Во дворе Юсупа всего пять-шесть коз. У Янарки дела чуть лучше: хоть и кляча, но есть верховая лошадь и коровенка. Арса-мирза, Баштиг и Лорса живут не лучше первых. Хозяйством они обзавелись года два назад. Да и все остальные аульчане не богаче их. А что если обратиться за помощью к Алибеку? Они, хоть и не богаты, но и не бедны. У него и у его братьев есть, по крайней мере, с десяток голов крупной скотины, лошади и небольшая отара овец. Но как обратиться за помощью в чужой аул? Алибек-то и жизни своей не пожалеет... Надо найти другой выход.

С этими мыслями Кайсар остановился перед домом Янарки.

На улице, закатив штанины до колен, играли в деревянные колочки раскрасневшие сын Янарки - Темурка и сын Даси - Тасу.

- Дада дома? - спросил Кайсар Темурку.

Увлекшись игрой, они не заметили его.

- Нет, - выпрямился мальчик и сползшие штаны подтянул до пупка.

- Куда он ушел?

- Не знаю.

- Почему ты такой сердитый, Темурка? Или проиграл?

- Я шесть колышек у него выиграл, - гордо поднял голову Тасу и, шмыгнув носом, лихо втянул в него свесившиеся двумя сосульками сопли.

Темурка косо посмотрел на Тасу.

- Молчал бы, сопляк. Ты выиграл самые дрянные. Какие-то щепки.

- Тогда неси получше!

- Разве ты стоишь лучших?

- Боишься!

Оставив задиристых мальчиков, Кайсар пошел к Арсамирзе. К счастью, там он застал Янарку и Лорсу. Чтобы прохожие помогали им, они вынесли на улицу деревянную кожомялку и втроем по очереди мяли буйволиную кожу.

- Да будет счастлив ваш труд!

- Да благословит и тебя Аллах! Добро пожаловать, Кайсар.

- Ну-ка, дайте и мне чуть попотеть.

У худощавого Кайсара мышцы крепкие. Он надавил зубчатый толстый деревянный рычаг и сидящий на основе станка Янарка, обеими руками поддерживая кожу под рычагом, взметнулся вверх и перевернулся.

- Да будь он неладен, не нажимай так сильно! - воскликнул он.

- Садитесь еще один!

Лорса встал на станок позади Янарки.

- Ну, держитесь!

Когда кожа была готова, они, усталые и довольные, сели, и Кайсар поведал, с чем пришел. Путь к спасению нашел Янарка.

- Я знаю, что нам делать, - сказал он с посветлевшим взором.

- А почему бы нам не купить скотину?

- Тоже нашелся умник! Чтобы купить скотину, нужны деньги. А их как раз у нас нет.

- Деньги есть.

- Где?

- В Аксае.

Думая, что Янарка, как обычно, шутит, друзья рассмеялись.

- Мне не до твоих шуток, Янарка, - сказал Кайсар, покачав головой.

- А я не шучу. Вчера же Асхад искал людей для работы на строительстве своей мельницы.

Кайсар, мастеривший свистульку из ореховой веточки, прервал свое занятие.

- А какая у них там работа?

- Канал рыть, бревна подкатывать к мельнице.

- Может, он уже набрал работников?

- Не знаю, - пожал плечами Янарка. - Вряд ли в нашем ауле нашел. Правда, есть люди из соседних аулов. Возят бревна из лесу.

- Тогда возьмемся за дело, - сквозь зубы сплюнул Арсамирза.

- А как у него с оплатой? - спросил Кайсар после раздумья.

- Черт его знает, - скривил губы Янарка. - Из-за неприязни к ним я и не интересовался.

- Нам придется брать работу за любую плату.

- Нужны еще товарищи.

- Будут Васал, Юсуп, Мачиг.

- Что могут там сделать старые Васал и Мачиг?

- Хорошо, - поднялся Кайсар. - Если сойдемся на оплате, организуем белхи на пару дней. Человек двадцать соберем. Пошли к Хорте.

В доме Хорты они застали только его младшего сына Овхада. Худощавый, широкоплечий, стройный Овхад с преждевременно лысеющей головой, высоким лбом и задумчивым взглядом принял их почтительно. Он настойчиво приглашал их в дом, но те отказались, сославшись на спешное дело.

- Тогда чем я могу послужить вам?

- Да мы, собственно, к Хорте.

- Его нет дома. Кажется, в Ведено поехал.

- А Асхад?

- Он, наверное, на строительстве мельницы. Не могу ли я чем-то помочь?

- Можно и с тобой поговорить.

- Мы слышали, что вам нужны люди на строительстве мельницы. Как у вас с оплатой?

Лицо Овхада покраснело, как у девушки, с которой молодой человек впервые заговорил о любви.

- Пожалуйста, извините меня, Кайсар, но в эти дела я не сведущ. Сходите на постройку, там будет Асхад.

На строительстве мельницы они застали с десяток рабочих, трудящихся, словно на пожаре. Место Андрей выбрал удачно. По левую сторону Аксая, на ровной площадке над руслом реки. Нижний конец площади заканчивался естественным откосом, под которым возводили мельницу. Через площадки до откоса рыли канал, отсюда вода должна была по желобам сильным напором устремиться к лопастным колесам, которые приведут в движение жернова.

Андрей уехал, выбрав это место. Оставшиеся здесь Иван и Яков руководили нанятыми Хортой рабочими. Под откосом возводили восемь опор из толстых каменных плит. Рядом были сложены штабеля дубовых и буковых бревен. Яков с тремя рабочими занимался их распилкой и обтесыванием. Чуть в сторонке лежали необработанные шесть каменных глыб для жерновов.

Поодаль стояли Асхад и старик-мескетинец, у них шел спор.

- Сорок копеек тебе! - брызгая слюной, рычал Асхад. - Ни копейки больше!

- Да как я отдам их за сорок копеек, Асхад! - старик, вытянув руки вперед, с мольбой смотрел ему в глаза. - Я же три дня рубил их, подрезал, приволок сюда, забросив все свои дела по дому и в поле. Мне же надо выплатить государству налог. Иначе угонят моих быков. Дай хоть шестьдесят копеек...

- Ни копейки больше.

- Неужели ты не мусульманин, Асхад? Побойся Аллаха, будь справедлив!

- Что же, если я мусульманин, так и должен деньги тебе швырять?

Прискорбно опустив руки, мескетинец с мольбой посмотрел на Кайсара.

- Смотри, конах, совесть потерял этот человек! Бревно, которое я притащил ценой трехдневного труда, он хочет взять за сорок копеек!

- Мало платишь, Асхад, - попытался помочь ему Кайсар. - Он же бедняк, прибавь двадцать копеек.

- Купи сам, Кайсар, за такую плату.

- Мне оно не нужно.

- И мне тоже.

- Дай хоть полтинник, Асхад. Я тебе еще пять бревен притащу. Ведь власть замучила, налоги требует...

- Прибавь ему хоть десять копеек, ты же не обеднеешь, - вмешался и Янарка.

Асхад, вынув из кармана бешмета серебряный полтинник, швырнул его перед мескетинцем.

- На, возьми. Но смотри, чтобы твои новые бревна были получше. Смотри, какое ты приволок? Все в сучках, кривое как ребро. Плачу тебе лишний по просьбе этих людей, да и из жалости к тебе.

Подняв упавший в траву полтинник и недовольно взглянув на Асхада, мескетинец ушел, погоняя перед собой пару волов.

- Зачем пожаловали? - Асхад устремил на них свои крысиные глаза.

- Нам работа нужна, - сказал Янарка.

Асхад смерил их взглядом с головы до ног, будто видел впервые.

- Какая работа?

- Любая.

- Как же вы возьметесь за любую работу? Вы же не мастера?!

- Можем подтаскивать, распиливать бревна.

- И канал рыть.

Асхад, взглянув на Янарку, криво оскалился:

- Ты же едва держишься на ногах, да еще канал собираешься рыть?

Янарка молча показал свои мозолистые, потрескавшиеся руки.

- Есть у тебя для нас работа? - спросил Кайсар.

- Работы сколько угодно. Канал будете рыть?

- Смотря, как платить будешь.

- Если будете работать от восхода до захода солнца, заплачу по двадцать копеек.

Друзья переглянулись.

- За рубль в день мы согласны.

Асхад не удостоил их ответом, круто развернулся и направился к своим рабочим.

Когда друзья остались одни, к ним подошел Яков, и с размахом воткнув топор в бревно, поздоровался.

- Договорились?

- Нет, - покачал головой Кайсар. - Уж слишком жадный, собака.

- Да, с жадностью с ним никому не сравниться. Сколько с нами он торговался! Настаивал на полцене. Когда мы не согласились, старался найти других мастеров. Но где отыщутся такие дураки? Очутившись в безвыходном положении, скрипя сердцем, согласился. Сколько вам обещает?

- Двадцать копеек.

- Мало. Слишком мало. В наших станицах это самая низкая плата.

- А у вас там можно найти работу? - спросил Лорса.

- С трудом, мужики ходят всюду, ищут работу. Среди казаков тоже много бедняков. Потому богачи так скаредничают.

- Разве среди казаков есть бедняки? Ведь у них столько земли, некому обрабатывать, бурьяном заросла, - удивился Арсамирза.

- У одних много, у других ни клочка. Ведь и среди казаков тоже много голодранцев, как мы с вами. Что поделаешь, Бог не всех создал счастливыми. У каждого своя судьба. Одни смеются, другие плачут. Одни взбесились от сытости, другие с голоду воют. Если хозяин согласится платить вам по полтиннику в день

- соглашайтесь. У нас там высшая плата - сорок копеек.

После долгих споров, Асхад, согласившись заплатить по полтиннику в день, дал им работу.

- Но знайте, - добавил он, - питание будет за ваш счет.

- Чтобы есть нам на твоих поминках! - в сердцах выругался Янарка. - Обойдемся мы без твоего сухого чурека да горького лука!

- Оставь его, не будем унижаться, - потянул Янарку Кайсар. - Его пища в горло не полезет.

В этот день друзья работали сами, а в последующие два дня собрали белхи. За три дня они заработали деньги, достаточные для свадьбы Булата.

Два молодых буйвола тянули вверх по узкой дороге, выходящей из леса, подводу, груженую тяжелыми из бука и граба дровами. Подъем был и не очень крутой, но дорога сама была трудная. Ее местами затрудняли расползшиеся во все стороны кряжистые корни старых чинар. Магомед, взявшись за налыгач, тянул буйволов вперед, а Умар подгонял поочередно, хлестая их хворостиной и иногда, когда представлялся случай, подталкивал арбу сзади.

Магомед в душе сердился на Умара. Мальчик радовался утром, что до полудня они закончат боронование участка и раньше обычного возвратятся домой. Куда там! Разве старшие так сделают? И хоть бы был намного уж старше. Всего лишь на пять лет Магомеда превзошел. А вот же, с тех пор, как только в прошлом году арестовали отца, он во всех их трех дворах утвердился старшим. За это время Умар изменился неузнаваемо. Посерьезнел, бросил прежние шутки. Даже тетя Айза, Эсет, мать Магомеда, да Ковсар не делают дома ничего, не посоветовавшись с ним. Распоряжается во всех трех хозяйствах, сам не отдыхает, ни Усману с Магомедом не дает покоя. Им бы после боронования ирзу поехать домой. Нет же, надо, говорит, дров прихватить, чтоб пустым не ехать домой. Будто мало их дома. А если буйволы не смогут вытянуть арбу на перевал? Тогда придется вывозить туда по половине. Двойной получается труд.

- Мяла, мяла! Тяни! - погонял Умар быков, хлестая изредка по бокам.

- За мной, за мной! - тянул вперед Магомед.

Но буйволы устали. От натуги глаза у них расширились и прожилки в них покраснели. Из широко раскрывшихся пастей сочились слизистые слюни с пеной и двумя линиями ложились вдоль дороги. До конца подъема оставалось немного, но неровная дорога, рытвины забирали последние силы. Арба скрипела под тяжелым грузом - дрова, как назло, нарубили сырые.

- Ну, тяни! Тяни!

Но требование это, пожалуй, было чрезмерным. Боясь быть вытесненными из узкой дороги, буйволы больше боролись друг с другом, чем тянули арбу, а потом один высунул язык и упал на колени. Разгоряченный Умар, взяв хворост за тонкий конец, стал бить его по морде, по ушам, по рогам. Выбившийся из сил беспомощный буйвол только вертел головой, стараясь избежать ударов.

У Магомеда глаза наполнились слезами.

- Ума, не бей его! - вырвался у него отчаянный крик.

То ли его разбудил сердобольный крик мальчика, то ли подняла бессмысленная жестокость Умара, но буйвол вдруг встрепенулся, вскочил, вывернул ярмо, сломал боковую занозу, разорвал налыгач и, высвободившись от ярма, ринулся в лесную чащу.

Трудно сказать для чего, но Умар схватил с арбы топор и бросился за буйволом.

Оставшись наедине с Магомедом, второй буйвол, образовав перед собой лужицу из слизи и пены, стекавшихся со рта и ноздрей, стоял, дрожа брюхом, грустно уставившись на мальчика покрасневшими глазами. Магомед подошел к нему, размотал оставшийся на его рогах кусочек налыгача, сунул его в переметную суму, лежавшую на арбе. Буйвол согнул шею, посмотрел на мальчика и тряхнул головой. Едва державшаяся заноза от этого движения вырвалась из отверстия. Стянутое тяжестью груженой арбы ярмо сорвалось с шеи и упало на землю. Освободившийся буйвол несколько раз встряхнулся всем корпусом и направился вверх по дороге.

- Воха, мяла, мяла! - побежал за ним Магомед. Но буйвол не останавливался. Магомед попытался выбежать вперед, но тот, тряся своей грузной тушей, сначала ускорил шаг, потом перешел на бег. Догадавшись, что мальчик хочет обогнать его, он круто завернул в лес и, ломая подворачивающийся под ноги сухой валежник, понесся вниз во всю прыть.

Магомед бежал за буйволом. Через плечо у него болталась переметная сума, взятая им с арбы, чтобы положить туда остаток налыгача, почему-то оставшийся у него. Пустой глиняный горшок, лежавший в задней части сумы, равномерно колотил его по спинке. Ветви густо разросшегося под сенью высоких чинар кустарника больно хлестали его по лицу. А буйвол уже скрылся из виду. Долго бежал за ним Магомед, то выискивая следы животного, то вслушиваясь в треск сучьев. Теперь уже, если буйвол и найдется, и удастся присмирить его, вряд ли он сможет отыскать арбу. Как он не силился, ему не удавалось унять слез, струящихся из глаз.

А солнце близилось к закату. Как же быть, если наступит ночь?

В этом лесу бывают волки и медведи. Ах, чтобы ему околеть, этому буйволу, на какие мучения он обрек его! Из глаз Магомеда еще щедрее полились слезы.

- Ума-а-а! Ума-а-а!

Он кричал до хрипоты. Но ответа не было. Плач его, сначала похожий на

комариный писк, перешел на рыдание. А лесу не видно было конца. Магомед шел вниз по склону, перебрасывая суму, когда уставало одно плечо, на другое. Вся его надежда склонялась к тому, что внизу Арчхи. Если надежда эта оправдается, то идя по течению речки, он выйдет на дорогу, ведущую в аул.

Долго шел Магомед и вышел на чье-то ирзу среди густого леса. Он обшарил ирзу быстрым взглядом. Увидев на другом конце поляны своего буйвола, который жевал объедки кукурузных стеблей, он воспрянул духом. Лучше иметь товарищем буйвола, чем ни единой живой души.

- Мялов, мялов! На, на! - вытянул он вперед руку и направился к нему.

Тот смотрел на него и нехотя жевал свою жвачку. Теперь Магомед был спокоен. Ведь от этой поляны обязательно должна выходить дорога.

Успокоившись, Магомед окинул взглядом полянку и заметил узкий вход в лес. Но не успел он повернуть туда своего буйвола, как из лесу на поляну вышел какой-то человек. Первое, что привлекло к нему внимание Магомеда, было заросшее черной бородой осунувшееся лицо. Магомед не был трусом. Он не боялся грозных зверей. Хоть и не было у него при себе иного оружия, кроме короткого кинжала, он все же был уверен, что справится со зверем. Но джинов, чертей и сумасшедших людей он боялся до смерти. Когда же Магомед увидел на этой крохотной полянке, окруженной густым лесом, где никакой крик не может быть услышан людьми, да еще вечером, этого страшного человека, все волосы на его теле встали дыбом. Он испугался, но не растерялся. В мгновение Магомед перебрал мысленно образы джинов и чертей из известных сказок. Ему говорили, что джин бывает похож на призрак. А этот похож на человека. И ноги носками вперед, да и рогов на голове нет. Значит, он и не черт. Или это кровник, скрывающийся от мстителей, или сумасшедший.

А незнакомец, не спуская глаз с Магомеда, спокойной походкой подходил все ближе и ближе. Одежда на нем была не чеченская. Широкие шаровары, сапоги с короткими голенищами. Одет в нечто похожее на бешмет, доходящий до колен, на голове - войлочная шляпа. А глаза! Точно как у сумасшедшего! Впалые, то ли грустные, то ли сердитые. И каждый шаг такой, будто готов в любой миг броситься на него. Сперва Магомед решил во всю прыть бежать, оставив буйвола. Но сердце взбунтовалось. Когда незнакомец совсем приблизился, он медленно положил руку на рукоять кинжала. Заметив этот жест, незнакомец то ли из презрения, то ли желая успокоить, - улыбнулся.

- Чему ты удивился, мальчик? - спросил он со странным говором.

"Что сумасшедший, это точно, но теперь уже поздно", - решил Магомед. Он невольно отступил на несколько шагов.

- Не бойся, я же ничего тебе не сделаю.

- А я и не боюсь тебя, - смело ответил Магомед, собрав все свое мужество.

Незнакомец остановился в четырех-пяти шагах.

- Откуда ты?

- Из Гати-юрта.

- Чей?

- Арзу.

- Какого Арзу?

- Абубакара Арзу.

Глаза незнакомца удивленно вытаращились.

- Ты сын брата Али?

- Да.

Короткий разговор убедил Магомеда, что перед ним не сумасшедший.

А незнакомец перестал спрашивать и стоял в раздумье. "У Арзу не было жены ни тогда, когда мы уходили в Турцию, ни там, - говорил он сам себе. - А его убили на границе, когда люди возвращались домой. Это несомненная истина. Откуда тогда взялся сын Арзу?".

- Как зовут твою мать?

- Эсет.

- Чья она?

- Билала.

- А имя матери Эсет?

- Аза.

"А Эсет, если я не ошибаюсь, была замужем за Гати, братом Шахби. Гати, говорили, умер вскоре после нашего прибытия в Турцию. Эсет была вместе с деверем в турецком ауле. Когда я уходил с войском Эмин-паши с лагеря переселенцев , у Арзу не было жены. Вскоре после этого его убили. Что-то непонятно мне все это".

- Арзу жив?

Глаза мальчика потускнели.

- Нет, его убили в стране Хонкар.

- А Али?

- Арестовали в прошлом году и отправили в Сибирь.

- Его два сына?

- Они живы.

Незнакомец раскрыл было рот, собираясь что-то спросить, но промолчал.

- Есть ли в Гати-юрте человек по имени Мачиг? - спросил он наконец.

- Есть.

- Дети у него есть?

- Нет, в Хонкаре померли. Один сын, поговаривают, оставался в живых. Да и тот ушел в турецкую армию и пропал без вести.

Мужчина умолк. Магомед тайком посмотрел на него и увидел его влажные глаза. Тот понял, что мальчик заметил его минутную слабость, повернул разговор в другое русло.

- Что ты тут делаешь под вечер?

- Я заблудился, было...

- А теперь?

- Пойду по дороге, идущей от этой полянки.

- А если опять заблудишься?

- Не заблужусь.

- Тебе не страшно будет.

Магомед скривил губы.

- Да я шучу, не обижайся, - рассмеялся незнакомец, - что ты не трус, я понял с первого взгляда. Есть в Гати-юрте человек по имени Кайсар?

- Есть, - не столь охотно, как раньше, ответил Магомед.

Мужчина постоял некоторое время в раздумье, потирая лоб, потом расстегнул пуговицы своего бешмета и выбрал один из серебряных галунов наборного ремня, обтягивающего его тонкую талию.

- Дай-ка свой кинжал.

Мальчик вытащил кинжал и, взяв двумя пальцами за острие, протянул ему. Тот взял кинжал, срезал галун и вернул его Магомеду.

- Сын Арзу, Абабукарова сына, не может быть ни трусом, ни предателем, - торжественно проговорил он. - Вот этот галун сегодня же вручишь Кайсару. Только смотри, никому другому не показывай. Никому не рассказывай, что видел меня, ни слова и о нашем разговоре, кроме Кайсара. Передай ему, что я его буду ждать на кладбище Борцов. В суме твоей нет еды?

Магомед сунул руку в суму и вынул из одной ее половины большую краюху сискала. Потом, раза-два повторив то же движение, достал оттуда кусок сыра и две луковицы.

- Вот спасибо, мальчик. Да дарует тебе Бог долгие годы! Да благословит он тебя за твою щедрость. Ну идем, я провожу тебя до Арчхи. Дай я суму понесу, а ты гони буйвола.

Не расспрашивая ни о чем, спокойно уплетая сискал, сыр и лук, этот странный человек сопроводил мальчика до Арчхи. Когда они стали там прощаться, сверху донесся зов.

- Ва-а-а, Магомед!

Незнакомец взглянул на Магомеда.

- Это он меня зовет, - сказал мальчик.

- Кто это такой?

- Это мой двоюродной брат.

- Откликнись тогда.

Магомед набрал в легкие полные воздуха и во все горло крикнул:

- Ва-а-а-вай!

- Где ты?

- Здесь, в овраге!

Незнакомец хлопнул Магомеда рукой по спине и подтолкнул вперед.

- Ну, иди. Смотри, помни наш уговор. Скажи, что я буду ждать на кладбище

Борцов. И галун, что я дал, не теряй.

Магомед в ответ и слова не успел сказать, странник лихо спрыгнул с обрыва и скрылся в лесу.

Кайсар, вернувшийся в тот вечер с поля поздно, совершил вечерний намаз, съел поставленный Маккой чурек, запивая сывороткой, и вышел на улицу.

На майдане перед мечетью, где обычно вечером собирались люди, не было никого. Наверное, как и он, все сегодня вернулись с полей поздно и теперь после томительного дня отдыхали. Не желая возвращаться обратно в дом, Кайсар направился к Булату. Сегодня же ему надо было повидаться и с Васалом. Проходя мимо канцелярии и увидев в окне свет, он приостановился. Конь, привязанный к плетню у калитки, упорно бил копытом. Кайсар приподнялся на цыпочки, заглянул в окно: за столом друг против друга сидели Хорта и Чонака. Кайсару показалось лицо Хорты, сидевшего как раз напротив окна, мрачным. Он о чем-то говорил, понизив голос, жестикулируя руками и устремив взгляд на Чонака. Потом вдруг встал, загибая пальцы на руке, начал что-то втолковывать собеседнику.

Проходя мимо дома Али, Кайсар окликнул Усмана и послал его к Васалу с тем, чтобы тот пришел к Булату.

Васала легко было узнать и издали. Зимой - в тулупе, а весной - в накинутой на плечи черкеске. Вначале он ходил так потому, что трудно было сунуть искалеченную руку в рукав, а потом привык так ходить. Шапка у него бывала всегда, даже в лютый мороз, сдвинута на левое ухо.

Как обычно он шел, дымя цигаркой из крепчайшего самосада, поздоровавшись с Эсет и в нескольких словах справившись о житье-бытье, он вошел с Кайсаром в дом.

В темной комнате они присели на глиняный настил, накрытый чистым войлоком, и переглянулись. Никто не хотел первым начинать разговор: Кайсар - потому, что Васал был старше его, а Васал - считая Кайсара руководителем нелегальной организации.

- Что нового в ауле? - спросил Кайсар, когда молчание стало затягиваться.

- Мой друг вернулся домой.

- Мачиг?

- Да.

- Почему?

Затянувшись так, что от листа кукурузной початки, из которой была скручена цигарка, посыпались искры, Васал жадно глотнул дым, пустил его через ноздри и махнул рукой.

- Говорят, дела нынче пошатнулись, хуже, чем раньше. Похоже, что богатые станичники вдвое надбавили цены на арендуемые нами земли. Сверх того, вайнахам и по таким ценам не сдают.

- Это еще что они задумали?

- Не знаю. Наверное, боятся, что чеченцы подружатся, объединятся с казачьей беднотой. Среди них ведь тоже немало таких же бедняков, как и мы. Батрачат у зажиточных казаков. И мужиков тоже немало. Они же примыкают к нам при каждом удобном случае. Когда мы совершали набеги на богатых станичников, мужики и бедные казаки всегда нам помогали. Сейчас, говорят, нам не сдают земли даже по завышенным ценам, а людям из других горских народностей сдают

подешевке.

Кайсар огорчился. Если горная Чечня лишится и этого источника существования, здесь наступит настоящий голод.

- Почему же Мачиг не пошел выращивать марену?

- Россию, говорят, наводнили привозимыми то ли из Германии, то ли из Америки красками. Похоже, что они лучше и намного дешевле, чем те, которые здесь изготавливают из марены.

- С каждым днем хуже да хуже! - присвистнул Кайсар. - Где мы зерно достанем, как будем платить налоги?

- Свое власти выжмут. Приведут солдат, начисто подметут наши дворы.

- Это несомненно. А кто воспротивится, того в Сибирь. Ничего. Найдем какой-нибудь выход. А теперь рассказывай, что видел там?

Васал достал почерневший от табака и пота кисет, выбрал из листочков ботвы самый тонкий и начал скручивать новую цигарку.

- В казачьих станицах оставили достаточно сил. Молодых забрали в армию, но казаков возраста от сорока до шестидесяти лет, по-моему, наберется более двух тысяч. Они хорошо вооружены и готовы в любую минуту оседлать коней, выступить в поход. Не знаю, как Сунженский полк, но в Кизлярско-Гребенском полку четыре или пять пушек.

- А в Умхан-юрте?

- Четыреста солдат и одна пушка.

- Спасибо тебе, Васал! Ты сделал большое дело.

Кайсар услышал во дворе говор, и как кто-то спросил о нем.

Вскоре вошел Овхад, поздоровался.

Васал вопросительно посмотрел на Кайсара.

- Ты иди, Васал, поболтать к своему другу Мачигу, - попросил старика Кайсар. - Я еще немного подожду Булата.

Кайсар указал удобное место на нарах Овхаду, который сначала было несколько растерялся, застав здесь Васала.

- Садись, Овхад. Правда, жилье у нас бедное. Нет у нас ни мягких кресел на случай таких гостей, как ты, ни ковров постелить...

Овхад стеснялся при встрече с этими людьми. Теперь от упрека или насмешки Кайсара его лицо вспыхнуло красным пламенем.

- Кайсар, будет ли конец вашим упрекам, насмешкам, точнее, вашим издевательствам? - сказал он, присев на край нар и смело глядя Кайсару прямо в глаза.

- Ни то, ни другое. Я говорю правду. Богатый хвалит свое богатство, а бедный жалуется на свою бедность. Но оставим это. Что тебя привело ко мне?

Овхад нечаянно закинул ногу на ногу, потом, увидев сверкающие блеском свои вороненые сафьяновые сапоги, опустил ее и недовольно посмотрел на свою черкеску, украшенную серебряными газырями. И вправду, огромная была разница между его одеждой и поршнями из сыромятной кожи, грубыми, латаными штанами да рваной черкеской Кайсара.

Сняв с головы серую каракулевую папаху и бросив себе за спину, словно желая скрыть ее от глаз Кайсара, и проведя рукой по лихо закрученным черным усам, Овхад устремил на него взгляд своих умных, печальных, но решительных глаз.

- Я ищу тебя, Кайсар, по делу.

- Любопытно, какое может быть дело со мною?

- Нам надо окончательно определить наши отношения.

- Между нами нет никаких отношений.

- Я стремлюсь к вам всей душой, а вы избегаете меня. Что я плохого сделал вам?

Кайсар сначала громко расхохотался, но, увидев гневные искорки в обычно добродушных глазах Овхада, понял, что шутки тут неуместны.

- Ты-то - это ты, но кто же "мы"? - спросил Кайсар.

- Весь Гати-юрт, за исключением десятка домов.

- И ты не знаешь почему?

- Знаю. Каждого человека, более или менее богатого, вы считаете своим врагом.

- В таких случаях говорят, что на воре шапка горит. Тебе не приходилось слышать, что сытый голодному и сильный слабому не товарищи. У тех десяти домов, о которых ты говоришь, много земель и скота. Власть на их стороне, или иначе говоря, эти холуи, опираясь на силы царских властей, сосут нашу кровь. Мы трудимся, но несмотря на это, голодны и нищи, да еще бесправны. Нас угнетают, мы платим государству непосильные налоги, и когда мы поднимаем голос протеста, нас ссылают в Сибирь. Ты же должен понимать, Овхад, каким путем накоплено богатство твоего отца, почему власти лелеяли твоего отца и деда, как выделились среди нас и остальные богачи нашего аула. Ведь государство выделило им земли, по сути принадлежащие другим. У двухсот же семей нашего аула земли меньше, чем у тех десяти семей. И ты еще упрекаешь нас за то, что мы не ластимся к вам, не улыбаемся угодливо, не бросаемся вам в объятия.

Овхад поднялся, раза два прошелся по комнате и остановился перед Кайсаром.

- Это богатство мне всю душу вымотало! - воскликнул он. - Боже мой, причем тут я? Не я же наживал это богатство, не я же должен отвечать за отца и деда? Почему вы должны отталкивать меня, если я учился в Буру-Кале, если я сын богатого человека? Будто я не знаю, что вы собираетесь делать!

У Кайсара от изумления глаза вылезли в лоб.

- Что ты сказал?

- Я сказал, что знаю о вашем заговоре, что вы готовите восстание против властей, что оно может вспыхнуть не сегодня так завтра!

Кайсар медленно поднялся и, готовый наброситься на него, двинулся на Овхада.

- Ты еще угрожаешь, холуйский сынок? Беги скорей с доносом. Тебе дадут медаль, как давали твоему отцу и деду! Ведь тебя с братьями в Буру-Кале учили всяким подлостям против народа!

Овхад, побелевший от ярости, стискивал кулаки.

- Ты считаешь меня способным на подлость? - трясся он весь.

- Доносить? Могу поклясться на Коране, что будь на моем месте некоторые из вас, скорее побежали бы к властям с доносом!

Всегда тихий и задумчивый Овхад сегодня вдруг разговорился. От напряжения на его лбу и носу выступили капли пота. Он вынул из кармана бешмета свернутый вчетверо белый платок, развернул его и вытер лицо. В голове Кайсара клубком вертелись мысли.

"Неужели он испытывает меня? Или говорит от души? Но зачем ему, состоятельному человеку, учившемуся в русской медресе, опекаемому властями, имеющему большое будущее, зачем ему следовать за нами, гонимыми нуждой? Нас же, если дело наше проиграет, беспощадно уничтожат...".

- В конце концов, что ты хочешь сказать? Выкладывай, Овхад,

- сказал он, успокоившись.

- Я хочу быть вместе с вами.

- Но ведь наши пути не сходятся.

- Я тоже такой же чеченец, как и вы.

- Но и чеченцы не одинаковы. Как тебе известно, у нас и среди чеченцев есть враги, готовые не только доносить на нас, но и собственноручно зарубить наши головы, не дожидаясь приказа властей.

- Я не из таких...

- А кто знает? На лбу же у тебя не написано, кто ты...

- А на твоем написано?

Кайсар простер перед Овхадом свои потрескавшиеся, со вздувшимися жилами, натруженные руки.

- Вот на этих мозолистых руках написано, кто я есть.

Овхад опустился, обхватил руками голову. Кайсар видел, как у него на висках учащенно бились две синие прожилины.

- Если ты узнал нашу тайну и решил запугать нас, из этого ничего не выйдет. Не трудись зря, иди, доноси, - поднялся Кайсар. - Ты опоздал. Но предупреждаю тебя: если ты скажешь об этом хоть слово властям, твоя душа расстанется с телом!

Овхад понял, что разговор окончен, и встал. Застегнув верхние застежки бешмета и поправив наборный ремень, он протянул руку Кайсару.

- Хорошо, Кайсар. Время покажет, кто из нас друг и кто враг народа. Я знаю русский язык. Более или менее имею светское образование. Потому я надеялся, что могу быть вам чем-то полезен. Но вы не верите. И пусть, бог с вами! Я встану в ваши ряды, когда вы начнете свое дело. А может, и раньше вас. До свидания.

Кайсар долго стоял еще после его ухода, размышляя над тем, что сказал Овхад. Он никак не мог проникнуться верой к человеку, в жилах которого текла предательская кровь Хорты. Иногда в глубине сердца слышал другой голос. Ведь и Берса был сыном богатого купца, царским офицером. И все же - самый верный сын народа.

Размышления его прервал Магомед, который вошел, громко хлопнув дверью. Окинув комнату беглым взглядом и посмотрев, не идет ли следом за ним кто, он подошел и протянул Кайсару серебряный галун.

- Что это? - удивился Кайсар.

Магомед снова выглянул на улицу и плотно закрыл дверь.

- За Арчхи, на одной поляне... один человек мне его дал. Велел тебе передать. Он был с густой черной бородой, твоих лет, - торопливо проговорил мальчик.

Кайсар повертел в руке серебряный галун и вдруг заметил на нем свое имя. Что это такое? Это же галун с ремня, который он подарил когда-то очень давно Кори, уходившему в Турцию!

Кайсар схватил мальчика за плечо, сильно встряхнул его.

- Где он?

- Сказал, что будет ждать тебя на кладбище Борцов... - испугался Магомед.

- Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

В глазах мальчика сверкнула молния.

- Я тебе не девочка, - гордо вскинул он свою маленькую головку, - чтобы ходить и болтать лишнее. Я даже Булату и Умару не сказал ничего.

- Ты настоящий волк, Магомед, - похлопал он мальчика по плечу.

- Смотри, об этом никому ни слова.

ГЛАВА VI

ИМАМ АЛИБЕК-ХАДЖИ

Бей в набат! Я сам схвачу веревку.

Чтобы все колокола звучали!

Я дрожу - от гнева, не от страха.

В сердце - буря гнева и печали

Ш. Петефи. К нации

Человек видит только зло, раны, потери, причиняемые ему войной. Но война наносит суровые раны и природе.

Когда-то здесь в Ичкерии были столетние леса, словно горы были накрыты огромным зеленым каракулем. Теперь их почти нет. В годы усмирения горцев царские войска безжалостно рубили и сжигали эти девственные леса, уничтожали первозданную красоту величественной природы.

Многие аулы и хуторы не видны теперь на своих прежних местах.

Одни уничтожены, другие переселены на равнины, поближе к крепостям царских войск, под жерла пушек. Во многих местах, где раньше были аулы, теперь обугленные стены и пни вырубленных или сожженных фруктовых деревьев. Заброшенные кладбища без изгородей, с покосившимися и свалившимися надмогильными каменными памятниками, нагоняют безысходную тоску.

Как остаются шрамы и рубцы на теле человека после ран, так следы войны хранит природа. Они видны и в новых рощицах, густо разросшихся вокруг, и лесных просеках, и в одичавших садах разрушенных аулов, да на заброшенных дорогах, которые раньше вели в эти аулы.

Но как прекрасна эта весенняя ночь! Небо усеяно бессчетными яркими звездами, освещающими природу. А вот луна вышла в свой долгий путь и сердобольно глядит на страдалицу - землю. И облака, скользящие пониже, будто вытирают ее слезы.

Нарядные леса, которые весна осыпала цветами и окутала зеленью листвы, похожи на пестрый ковер. Мелко дрожа, покачивается на легком весеннем ветру листва. Кажется, она плачет и причитает от какой-то непонятной обиды.

Неужели природа чувствует приближение беды? Неужели опять будут жечь, вырубать, калечить эти зеленые массивы? Вытопчут, скосят, уничтожат эти пестрые от разноцветья поляны, густотравые зеленые луга, кукурузные поля, на которых только что прошла первая прополка?

Эти мысли терзают сердце каждого из всадников, которые едут сегодня ночью на гору Терга-Дук к маленькой поляне, среди дремучего леса.

Эти мысли мечутся и в голове Кайсара. Они гложут сердце и едущего за ним Булата. И Овхада, который последовал за ними, отдав себя в руки судьбы.

Три всадника поднимаются один за другим по узкой и извивающейся, как змея, тропинке через густой лес. Лошади, словно понимают их думы, шагают, мягко ступая, даже не ворочая в зубах удила и не фыркая.

Правда, с наступлением этого часа у Кайсара и Булата на душе стало спокойнее, самое опасное осталось позади. В последние несколько лет не было ни одной безопасной минуты. Боялись, что раскроется их тайна или арестуют товарищей; что дело, которому они посвятили многие годы, вдруг окажется напрасным; что рабское ярмо может навсегда остаться на шее.

Теперь все эти тревоги позади, настал долгожданный день. Ближайшие шесть-семь месяцев решат их судьбу. Победа или поражение! Свобода или смерть! Одно из двух!

Кайсар вчера ездил в Симсир вместе с Кори, тайно возвратившимся из Турции: поздно ночью вернулся в Гати-юрт.

У них не было времени посидеть друг с другом, поговорить о сокровенном, насладиться встречей.

В глубине сердца у Кайсара, вопреки его воле, то и дело возникает подозрение к Овхаду, который едет сзади. Кайсар поручился за него Алибеку. А не раскается ли Овхад в трудную минуту, встретившись лицом к лицу со смертью, в том, что отрекся от счастья и богатства и последовал за обездоленными?

Кайсар чуть придержал коня.

- Овхад, мы подъезжаем к первому посту, - сказал он низким голосом. - Когда минуем его, тебе не будет обратной дороги. Мы поднялись за свободу. У нас нет сил больше терпеть. Если мы проиграем, нас ждут виселицы или еще более страшное - Сибирь. Но для нас лучше смерть, чем эта унизительная жизнь. Ты ни в чем не нуждаешься. То, что мы ищем, у тебя есть. Возвращайся, пока не поздно. Никто тебя не упрекнет за это.

- Зачем повторяться, Кайсар? - покачал головой Овхад.

И вправду, Овхаду надоели наставления Кайсара. С позавчерашнего дня он, наверное, разов десять говорит об одном и том же. Он не знает о той борьбе, которая кипит в сердце Овхада вот уже два года. Не попади Овхад во Владикавказ, не ехать бы ему сейчас в эту лесную глушь. Годы учебы в Горской школе, встречи там с демократически настроенными людьми открыли ему глаза: теперь он глубже и дальше, чем свои соотечественники, видит несправедливость властей и помыслы царских прислужников, считающих себя избранными, а народ - диким, хищным. Не только народ в целом, но даже их, просвещенных, верноподданных России представителей чеченского народа, не считают полноценными людьми. На них смотрят как на прирученных диких зверей, которых приблизили к себе по государственной необходимости, которых за малейшее неповиновение, непослушание можно избить, дать пинком в зад и выбросить со двора. Какие счастливчики его сверстники Кайсар, Булат и другие. Они не понимают все это. Они видят только свою бедность и нужду. А Овхад на себе испытывает всю несправедливость властей, оскорбления и унижения. Их лицемерие вырвало его из лагеря сторонников царского правительства. Если бы отец не послал его на учебу в Буру-Кала, он тоже сидел бы дома спокойно, как и другие отпрыски богатых, кичась отцовскими магазинами и землями, слепо веря всему тому, что говорят власти. Но время, проведенное в Буру-Кале, открыло ему глаза. Он прочитал там все, что написано о чеченцах. Ничего хорошего о них он не нашел. Дикари, хищники, разбойники, варвары и т.д.

Ноша Овхада в тысячу раз тяжелее бедности Кайсара и других. Им нужен хлеб насущный, а Овхаду - свобода, уважение для своего народа. Никакое богатство не очистит душу Овхада от тех чувств, которые вселили в его душу всесильные властители России...

Когда всадники поднялись на гребень, путь им преградил молодой человек, вышедший навстречу из леса с ружьем наперевес.

- Стойте! Кто такие?

При лунном свете Кайсар узнал Нурхаджи из Чеччелхи.

- Это мы, Нурхаджи.

- Это ты, Кайсар? Проходите.

Когда проехали между молодыми людьми, стоявшими с оружием по обе стороны от дороги, Овхад облегченно вздохнул.

Теперь обратный путь для него отрезан. И впереди все было туманно. Овхад лучше всех знал бессилие своего народа и могущество его врага.

Но он смело шел навстречу смерти. Ему и рай не нужен без своего народа.

Когда миновали пост и выехали на освещенную луной большую поляну, взору Овхада открылась удивительная картина. Здесь, занимая всю поляну, стояли более полсотни всадников. Посередине поляны на маленькой площадке высилась куча сухих дров и рядом с ней стояли несколько кудалов и тряпье. Всадники стояли молча, словно каменные изваяния. Тишину эту изредка нарушали фырканье лошадей и звяканье удил. Овхад не видел лиц всадников, но, судя по их посадке, это были молодые люди.

Кайсар, который вышел на площадку, оставив их одних, коротко перемолвился с пятью всадниками, стоявшими особняком, взял один из кудалов и опорожнил его на дрова. Овхад понял, что в этих кудалах - керосин. Тогда другой мужчина спрыгнул с коня, оторвал кусок от тряпья, зажег его от спички и сунул в валежник, сложенный под дровами. Дрова постепенно разгорелись и осветили поляну.

Из пятерых, к которым подходил Кайсар, сидевшего на сером скакуне Овхад узнал с первого взгляда: это был молодой Алибек. Другие были незнакомы.

Какой-то старик на вороном коне, отделившись от группы Алибека и выехав на середину круга, поднял руку, в которой держал плеть.

- Кто это? - шепотом спросил Овхад.

- Солтамурад из Беноя.

Старик провел рукой по рыжей бороде и усам и слегка кашлянул.

- Братья!

Зычный голос зазвучал грозно на дикой маленькой поляне, окруженной дремучим лесом.

- Братья! Каждый из нас, кто пришел сюда сегодня ночью, оставив дома семью и родителей, прежде, чем сделать первый шаг, хорошо обдумал, на какой путь он ступает, какую ответственность он принимает на себя. Точнее, этот вопрос мы обдумывали не вчера и сегодня. Среди нас имеются люди, у которых поседели головы, думая об этом. Прошли многие годы после того, как мы приняли окончательное решение. Излишне говорить здесь о тех горьких причинах, которые заставили нас собраться здесь. У нас нет земли. То, что мы добываем своим потом и кровью в этих горах и лесах для нашего существования, отнимают у нас налоги. Нас разорили, замучили голодом, бедностью. Над нами совершают неслыханную несправедливость, и тех, кто поднимает голос против нее, ссылают в Сибирь, где они пропадают бесследно. Мы покорились властям, ее законам, но это не только не облегчает нашу участь, с каждым днем все туже затягивается петля на нашей шее. Таково наше положение, если изложить его коротко. Теперь, с вашего позволения, Берса, сын Рохмада, скажет несколько слов.

Берса тронул поводья, выехал на несколько шагов вперед и начал речь. Голос его, сначала спокойный, постепенно усиливался и крепчал, и каждое его слово тяжелым камнем ложилось в сердца слушающих. Этот болезненный человек называл имена легендарных героев, верных сынов чеченского народа, отдавших свою жизнь за его честь и свободу. Перечислил несправедливости, совершенные правительством против народа в последние десять-пятнадцать лет.

- Терпение наше давно иссякло. Но зная, что у нас нет сил сбросить эту несправедливость, гнет властей, по сей день мы ждали удобного случая, чтобы

восстать за наши человеческие права. Сегодня наступил день, которого мы ждали в течение пятнадцати лет. Сегодня дела у царя неважные. Отношения с другими государствами напряженные. Но еще хуже положение внутри страны. Везде и всюду сопротивляются властям русские рабочие и крестьяне, угнетенные народы. Теперь их зовут на битву, им показывают путь люди мудрые, умные, образованные, смелые и мужественные. Не случайно по Военно-Грузинской дороге на юг перебрасывают войско. Туда отправили и терские казачьи войска, полки горцев, в том числе и чеченский полк. Короче говоря, благоприятный день, которого мы так долго ждали, настал. Если мы упустим этот удобный момент, то неизвестно, когда еще он наступит. Нам надо использовать момент и попытаться завоевать себе свободу.

После речи Берсы над поляной прокатился одобрительный гул.

Солтамурад поднял руку с плетью, призывая к тишине.

- Если мы начнем восстание, за нами обещали последовать наши грузинские, дагестанские, ногайские, адыгейские товарищи. Мы пятнадцать лет ждали этого момента, и если мы упустим его, как сказал Берса, то неизвестно, когда он еще повторится. Если вы согласны, поднимемся за нашу свободу. Согласны вы?

- Иншаллах, с Божьей помощью!

- ...Если мы собрались для того, чтобы восстать за нашу свободу против царской власти, тогда каждый из нас должен закрепить клятвой свою решимость и верность делу борьбы за свободу. Согласны вы?

- Сначала надо избрать имама! - крикнули несколько человек.

- Имама мы изберем только тогда, когда мы примем присягу, - твердо возразил Солтамурад. - Хуси-хаджи, подойди сюда с Кораном. Молодые, вы разожгите костер поярче. Первым присягу принесут предводители. Тозурка, поставь наше знамя вот сюда. Буду вызывать по именам.

Соскочив с коней в ту же минуту, Кайсар опорожнил в огонь еще один кудал, а Тозурка укрепил знамя на только что очищенном двухметровом древке и водрузил его рядом с Солтамурадом. Хуси-хаджи вышел вперед и застыл, держа в руках Коран.

- Алибек-хаджи, сын Олдама! - громко вызвал Солтамурад.

Лихо спрыгнув с коня, Алибек подошел твердым шагом и, взявшись левой рукой за древко знамени, положил правую руку на Коран.

- Я Алибек-хаджи, сын Олдама, перед лицом всех присутствующих здесь, клянусь на этом Коране, - как сталь прозвенел его мужественный голос, - подняться с оружием в руках против царской власти и ее местных холуев, которые угнетают и унижают мой народ, бороться с ними до последнего вздоха, освободить от них свой народ или погибнуть в борьбе за свободу. Не сходить с избранного мною пути, какие бы трудности не встали передо мной, перед моими братьями и сестрами, отдать жизнь за свободу народа. Быть верным имаму и вождям, которые будут сегодня избраны, и отдать за них свою жизнь. Покарать сурово всякого предателя и изменника, - будь то мой отец, моя мать, братья, сестры или мои дети. Не причинять вреда и не давать в обиду ни мусульманина, ни христианина, если он не выступил с оружием в руках, словом или действием против дела свободы. Если я нарушу эту клятву, пусть товарищи по борьбе покарают меня, и я прощаю им свою кровь...

На освещенной лунным светом поляне чисто звучал голос первой клятвы. Затаив дыхание, слушал собравшийся люд. Не было слышно даже шуршания листвы. Прервали свой гомон даже ночные птицы. Казалось, что луна и звезды, вся природа тоже замерли, внимая этому голосу.

Торжественны и величественны были эти минуты.

- Алибек-хаджи, встань по эту сторону, - указал Солтамурад рукой на оставленное пустым место. - Сулейман, сын Хазры!

Каждые три минуты звучал зычный голос Солтамурада, вызывая нового товарища:

- Губха, сын Пиши...

- Гурко, сын Гайты...

- Тозурка, сын Тангатара...

- Янгулби, сын Пирки...

- Ханбетар, сын Яхсы...

- Дада, сын Залмы...

- Мита, сын Апы...

- Косум, сын Бортига...

- Нурхаджи, сын Махти...

- Арсахаджи, сын Геры...

Великан Хуси-хаджи, как каменное изваянье, стоял с Кораном в руках около ярко горящего пламени. Он чутко вслушивался в каждое слово, произносящих клятву. А острый взгляд жгучих глаз Солтамурада испытующе сверкал из-под густых бровей, пронизывая сердце каждого.

Последними произнесли клятву Солтамурад и Хуси-хаджи, и на этом несложный ритуал завершился. Овхад видел тучи печали на лице Берсы. Его голубые глаза не пылали прежним огнем. Теперь предстояло ответственное дело. Каждый обязался отдать жизнь за дело, верности которому дал клятву. Свою-то жизнь они и в счет не брали. Трудно было другое. Предстоящая борьба осиротит множество семей, множество старых родителей лишит сыновей, множество семей будут оторваны от родных очагов. Чем кончится начатое им дело? Победой или поражением? Пусть даже они потерпят поражение, все равно надо бороться. Раб, который не борется за свою свободу - это просто-напросто животное, скотина. А народ, который не борется за свободу, - это не народ, а стадо.

На короткий миг в потускневших глазах Берсы вновь сверкнуло пламя. Свобода требует борьбы, а борьба не бывает без жертв. Чтобы дать народу свет надо сгореть сотням и тысячам. А если никто не захочет сгореть, тогда народ так и останется в непроглядном мраке, не зная, что делать и куда идти, не зная, что над ним творят и как ему поступать.

Когда Берса повернулся к своему коню, который беспокойно бил копытом и, вытянув длинную шею, посматривал на пляшущие языки пламени, Кайсар подошел к нему и, взяв под узды, подвел его к хозяину. Тот, взявшись правой рукой за луку седла, ловко вскочил на коня и поднял руку.

- Каждый из нас поклялся отдать жизнь за свободу народа. Это легче всего. Трудное - впереди, братья. Поднять народ. Хотя и это не самое трудное. Народ, придавленный несправедливостью и непосильным гнетом, готов подняться по первому же зову. Самое трудное - в другом. Народная борьба требует единства и строжайшей дисциплины. Только тогда мы можем надеяться на успех. То и другое невозможно, если во главе нас не будет умный, смелый, стойкий, справедливый человек с железной рукой. И это еще не все. Он должен быть, во-первых, гуманным - чтобы заступиться за бедных, обездоленных, слабых; во-вторых, он должен быть суровым - чтобы карать врагов народа и предателей. Он должен быть со светлым умом и знаниями - чтобы разгадывать хитрости наших врагов и постигать их тайны.

Он должен быть красноречивым - чтобы находить путь к сердцам людей, вести их за собой. Он должен быть искусным воином - чтобы в бою показывать пример мужества и отваги. Нас здесь шестьдесят один человек. Выберем того, кого вы хотите.

Люди не стали задумываться. Со всех сторон послышалось имя Алибека.

- Алибек-хаджи, сын Олдама!

- Он смел и отважен!

- В его голове и ум, и знания!

- У него чистое, доброе сердце!

- Выберем Алибек-хаджи!

Алибек, пришпорив коня, выехал на середину круга. О, как тяжел этот миг, когда внезапно ложится на плечи непосильная ответственность! Ему показалось, что его голова вся вошла в плечи. На мгновение дрогнуло его мужественное сердце. Но все это продолжалось лишь мгновение.

- Братья! - поднял он руку. - Я глубоко признателен вам за оказанное доверие. Как я был бы рад быть вашим вождем, если бы я заслужил сотую долю тех похвал, которыми вы отдарили меня. Но я не тот, кем вам хотелось бы меня видеть. Для нашего сложного, трудного дела нужен вождь с громким именем, которого почитают в нашем крае и за его пределами. Я человек безвестный, не только в Чечне, даже Нохчмахке. Такой же, как любой из вас. К тому же и молод. Я предлагаю избрать имамом вот этого Солтамурада, сына Солумгеры, или Умма-хаджи, сына Дуи. Мы все хорошо знаем их обоих. Оба были знаменитыми соратниками Бойсангура. Знают военное дело, закалены в боях и трудностях. Их имена известны в Чечне и за ее пределами, только они достойны быть вождями нашего движения.

На сходе, за исключением десятка человек, участвовала в основном молодежь от двадцати до тридцати лет. Из старших только двое-трое поддержали Алибека, а остальные молчали. Среди молодых прокатился ропот протеста.

- Позвольте мне пару слов, - вышел вперед Дада, сын Залмы, - если прислушаться к воле большинства присутствующих здесь, то имамство надо возложить на Алибека-хаджи. И Солтамурад, и Умма-хаджи, как мы знаем, мужчины хоть куда. Но они оба уже стары. Им трудно будет руководить нашим делом. Нынешнее время уже не то. Поэтому имама мы должны избрать из молодых.

- Верно, Дада!

- Лучше Алибека нет среди нас никого!

Солтамурад поднял руку:

- В таком случае я буду называть по очереди каждого из вас.

И каждый пусть во всеуслышание выскажет свое мнение об избрании имамом Алибека-хаджи, сына Олдама. Губха!

- Одобряю.

- Гурко!

- Согласен.

- Тозурка!

- Согласен...

Назвав поочередно имена пятидесяти девяти мужчин и не услышав возражения, Солтамурад подошел к знамени, выдернул древко, поднес его к Алибеку.

- Шестьдесят векили аулов Нохчмахка и верховьев Аргуна, от своего имени и от имени своих аулов чистосердечно и единодушно возлагают на тебя имамство, Алибек-хаджи, сын Олдама. По воле этих людей, именем мужчин, женщин и детей, которые у себя дома ждут исхода совета, я вручаю тебе это знамя начатого правого дела, дела свободы...

Алибек взял знамя, развернул его и обеими руками сжал его древко. Ветер легко всколыхнул при свете костра двухметровое полотнище.

Потом к Алибеку подошли Губха и Гурко, один вручил ему украшенную серебром саблю, а второй накинул на плечи белую бурку.

Алибек, чуть запрокинув голову, устремил свои печальные глаза на чистое небо, освещенное яркой луной и звездами, молитвенно простер руки. Внимательный взгляд постороннего в эту минуту увидел бы, как его губы вдруг высохли, жилы в висках забились учащенно, а всегда румяное лицо побледнело.

- О всемогущий Аллах, ты видишь, ты знаешь, что заставило нас собраться здесь в сердцевине родных гор. Нас вывели на этот путь не сытая и праздная жизнь, не смелость, не мужество, не приключенческие увлечения. Мы собрались здесь в полночь на этой дикой поляне среди дремучих лесов тайком, как воры и преступники. Но никто из нас не совершил зло против человека. Никто из нас не пришел сюда со злым умыслом. Мы пришли сюда, оставив дома голодных, полуодетых малых детей и старых родителей. Голод и нищета, жестокость и несправедливость царских властей заставили нас сменить соху на оружие, выйти на эту опасную тропу. Наши предки не совершали набегов на чужие земли, не захватили клочка чужой земли, не пролили капли чужой крови, не подняли руку на свободу других народов. Наши предки были верными братьями для всех соседних народов, делили с ними горе и счастье. Когда у них радость, мы радовались с ними, когда у них горе, присоединяли к их слезам свои. И мусульманина, и христианина, всех тех, кого преследовали на его родине, мы принимали и принимаем в свой дом, делимся с ними хлебом и солью. В меру своих сил мы старались быть добрыми и человечными, справедливыми и сострадательными, свой насущный хлеб зарабатывали честным трудом, и мы не знаем, за какие грехи ты ниспослал на нас эти страдания. Если наш народ когда-то в чем-то провинился, неужели страдания нескольких поколений не искупили эту вину? Разве недостаточно мы принесли в жертву своих жизней, разве недостаточны наши скитания на чужбине с тоской по родине...

- О Аллах, помоги нам в нашей справедливой борьбе!

- Аминь!

- ...освободи нас от непосильного гнета, верни нам земли, которых ты лишил нас. Нас так мало, подобно капле в огромном море, песчинке в необъятной пустыне, дай нам силу и мужество освободиться от жестокого гнета могущественного царя...

- О Аллах, ответь на нашу молитву!

- ...Дай мне силу и разум оправдать доверие и надежды этих несчастных людей, которые избрали меня своим вождем. Не допускай к моему сердцу несправедливость, в мою голову - преступных замыслов. Если я подниму руку за справедливое дело, укрепи его, если я задумаю несправедливое дело - порази меня самой страшной смертью...

- Аминь!

- ...когда в мое сердце ворвутся вероломство, трусость и низкие помыслы, когда это знамя дрогнет в моих руках и упадет, в ту же минуту сразу меня беспощадной смертью. О Аллах, помоги нашему праведному делу...

Когда прошел этот торжественный момент, Алибек выехал в круг и прошелся взглядом по лицам собравшихся.

- Братья! - голос его уже прозвучал тверже и суровее. - Вам, представителям аулов, показалось, что я умнее, храбрее, образованнее всех вас. Хотя я далеко не тот, каким вы представляете, вы все-таки избрали меня имамом. Я подчинился вашей воле, хотя не считаю себя ни на волосок лучше любого из вас. Принял ваше предложение ради дела свободы нашего народа. Его мы начали, и пути назад для нас отрезаны. Потому, с вашего позволения, я приступаю к выполнению возложенных на меня обязанностей...

Приветствуя молодого вождя, люди дали залпы в воздух, и его эхо прокатилось по лесам и горам.

- Мой ум и отвага, если даже они имеются у меня в действительности, не приведут нас к победе. Кроме того, мы знаем на примерах прежней борьбы, каков бывает результат, когда судьбой народа правит один человек. Я - человек, могу ошибиться. В мое сердце может вкрасться честолюбие, жестокость, вероломство и трусость. Поэтому на трудном пути, который мы избрали, мне нужны умные, смелые, верные помощники. Такие люди, на которых бы я мог положиться и которых бы народ уважал. И я хочу, чтобы вы сегодня же выбрали и утвердили их.

- Назови, кого считаешь достойным! - раздались крики с мест.

- Тебе отвечать за судьбу восстания!

Алибек выждал, пока шум утихнет.

- Дада, сын Залмы, правильно сказал, что главной опорой восстания будет молодое поколение. Но если я молод и мои сподвижники все будут молодые, что же тогда станется с нашим делом? Поэтому я бы хотел, чтобы вы утвердили моими помощниками беноевского Солтамурада, сына Солумгери, отсутствующего нынче здесь зумсоевского Умму, сына Дуи, гуноевца Губху, сына Пиши, центороевца Сулеймана, сына Хазры, зумсоевского Даду, сына Залмы, и ауховского Янгулби, сына Пирки. Если кто-то сомневается в их достоинстве или знает за ними пороки, пусть тот выйдет вперед и скажет.

Никто не двинулся с места. Наоборот, послышались одобрительные возгласы:

- Правильный выбор!

- Безупречные люди!

- Смелые и верные товарищи!

Тогда Алибек разбил аулы на виллаеты и закрепил за ними наибов: Солтамурада - за беноевскими аулами, Сулеймана - за центороевскими, Губху - за гуноевскими и гордалинскими, Абдул-хаджи - за басскими и Янгулби - за ауховскими, Даду - за аргунскими аулами.

- А теперь, друзья, с вашего позволения, я объявляю вам свою волю, - продолжал Алибек. - Помощников мы утвердили. До сих пор наш народ, поднимаясь на борьбу за свободу, поднимал зеленое знамя с восьмиконечной звездой и полумесяцем. Знамя ислама. Мы же встали под древнее знамя нашего народа, знамя цвета людской крови. Оно указывает на то, что поднялись не для газавата. Мусульманскую веру не нам утверждать. Аллах сам завершит и укрепит свою веру. Нам нужна свобода, земля. Поэтому я объявляю вам: всякий, кто предан душой нашему делу

- мусульманин он или христианин - будет нам братом, а всякий, кто выступит против нас с оружием, будет нашим врагом, если даже им окажется родной отец, брат или сын, будь он муллой или хаджой. Быть беспощадным по отношению к нашим врагам - это наш первейший долг. Уважать и защищать любого иноверца,

который сочувствует нашему делу или перейдет на нашу сторону, - это долг второй. Долг третий - не обижать мирных людей - как мусульманина, так и иноверца. Мы не будем насильно загонять людей под наше знамя. Это бесполезно, на таких людей мало надежды. Но нам придется жестоко карать тех, кто, присягнув нашему знамени, потом изменит ему. Вы согласны?

В толпе раздались возгласы, одобряющие речь Алибека. Несколько человек разрядили ружья в воздух.

- Тогда, не откладывая, когда зазеленеют леса, сразу мы поднимаем народ на борьбу за свободу. Однако, пока мы не разошлись, мне хотелось бы высказаться по одному вопросу. Дело, начатое нами, не шуточное. Как сказал Берса, борьба народа за свободу, прежде всего, требует единства и железной дисциплины. Иначе наше дело погибнет. Поэтому нам следует раз и навсегда распрощаться с тем, что может внести разлад, раскол в наши ряды. Как среди собравшихся, так и среди тех людей, которые завтра встанут под наше знамя, будут последователи нескольких вирдов. В Коране Аллах не велел мусульманам делиться на вирды. И пророк Мухаммад запретил это. Он сказал, что в будущем среди мусульман возникнут 72 группы. Из них только одна последует Корану и Сунне, и ее благословит Аллах, а остальные 71 попадут в гиену ада. Вирды разрушают единство правоверных последователей ислама, единство мусульманского народа, вносят раскол, вбивают клин даже между родственниками и кровными братьями и сестрами. С этой минуты на наши плечи ложится ответственность за судьбу народа. Повторяю, в рядах борцов за свободу должно быть национальное и религиозное единство, крепкое как камень. Короче говоря, кто станет под наше знамя, не должен придерживаться религиозных обрядов, кроме как возложенных на них Кораном и Сунной, т.е. Аллахом и пророком Мухаммадом на мусульманский уммат.

Среди людей кое-где прошелся ропот недовольства. Но он стих тут же, когда Алибек поднял руку.

- Я вам опять говорю, Бог сам позаботится о своей вере. Нам же следует отказаться от зикр и всяких вирдов, быть на конях с оружием в руках до той поры, пока не отвоюем себе свободу и землю. И днем, и ночью. До победы или смерти. Да не услышу я ни от кого из вас никаких стенаний! Если говорить о нашем выступлении, то мы соберемся на кхеташо и наше решение доведем до вас. Я все сказал.

Буквально на глазах у Овхада Алибек весь переменился. Тело его, до того момента спокойно покоившееся в седле на сером скакуне, вдруг выпрямилось и напряглось. Взор его, подернутый печалью, засверкал молнией. Он вынул саблю из ножен, поднял над головой, обратился к товарищам:

- Кентий! Давайте оставим зикры и споем героическую песню наших предков!

Раздались торжественные голоса, охваченные светлыми порывами. Но они утихли под силой мощного голоса Нурхаджи, прокатившегося по горным кряжам, ущельям, мелодично заструившегося вниз подобно светлому роднику:

Мы родились той ночью,

Когда щенилась волчица,

А имя нам дали утром,

Под барса рев заревой,

А выросли мы на камне,

Где ветер в сердце стучится

Над бедною головой.

- Старый лев, Солтамурад! Ты что стоишь молча? - повернулся Алибек к старику. - Присоединись к нам, старый лев, Солтамурад!

Рыжие усы Солтамурада расползлись в улыбке и приподнялись, морщины на лбу разгладились, и он громко подхватил, обнажив свои крепкие зубы:

Но поля там ты не встретишь,

Не будешь овец пасти ты,

Мы дрались с врагами жестоко,

Нас не одолели князья,

Как ястребы перья, уступы

Рыжеют, кровью покрыты,

Мы камни на них уронили,

Но честь уронить нам нельзя...

- Сайдул-хаджи! Лорса-хаджи! Разве вы не были молодыми никогда? Покажите, что вы сыны наших отважных предков!

Старики стояли в стороне, заломив на груди пышные седые бороды. Они считали грешным петь светские песни. Но когда до них дошли слова и грозный мотив древней чеченской боевой песни, кровь в жилах взяла верх над благообразными чалмами. Разгладив усы и приставив руку к левому уху, они подхватили с середины заученную еще с детства героическую песню народа:

И мы никогда не сдадимся,

Накинем ветер как бурку,

Постелью возьмем мы камни,

Подушками - корни сосны,

Проклятье князьям и рабам их,

Собакам лохматым и бурым,

Их кровью заставим мочиться,

Когда доживем до весны...

- Подхватывайте, кентий!

- Свобода или смерть!

И костры мы поставим в пещерах

И наших шашек концами

Усилим огонь их, и пулями

Пробитые башлыки

Накинем на сыновей мы,

Пускай они за отцами

С князьями схватятся в битве,

Когда умрут старики...

- Хейт, молодец, Кайсар!

И девушки споют нам песни,

С песней залечат раны,

Напомнив о том, что весь их род

Вольный и боевой,

О том, что родились они ночью,

Когда щенилась волчица,

Что имя им дали утром,

Под барса рев заревой...

Кори стоял возле Кайсара и смотрел на Алибека, который вдохновенным звонким голосом подпевал героическую песню. Кори вспомнил, как ровно двенадцать лет назад он вместе с другими переселенцами уезжал в Турцию, а друзья приехали провожать его, и они вместе на берегу Мичика пели эту же песню. Тогда Алибеку, Кори и Кайсару было всего по четырнадцать лет. Двенадцать лет назад они дали клятву, возмужав, посвятить свою жизнь борьбе за свободу своего многострадального народа! Теперь настал этот день, ради которого Кори оставался на чужбине, вступил в турецкую армию и терпел там жестокость, несправедливость, издевательства, влачил жалкую жизнь, тоскуя по родине.

"Неужели мечта наша окажется напрасной? - думал он. - Не напрасными ли окажутся наши жертвы?"

"Нет, - услышал он голос из глубины сердца, - смерть, которую принимают за родину, за свободу, никогда не бывает напрасной. Напрасно и позорно жить рабом и умереть рабом. Ведь то, что не сможете вы, продолжат ваши потомки. Вперед, кентий!"

Человеку кажется, что он может скрыть свои тайны от сердца матери. Однако, связанные невидимыми артериями сердца матерей и детей, всегда бьются в унисон. И где бы ни находилось дитя, его радость и горе отдается в сердце матери - это провидец, его же не обманешь.

Несчастным было сердце чеченской матери. Оно редко билось радостью за детей. А в те времена - особенно. Родив сына, она знала, что он не принадлежит ей. Она рожала его не для себя, а для другой, седой древней матери - родины. Если мальчик, только что научившийся ходить, начинал резвиться "верхом" на хворостинке, размахивая прутиком, мать уже знала, что через каких-нибудь пятнадцать лет он на добром коне, увешанный сверкающим оружием, покинет дом и отправится на ратные дела. С этого момента начинались мучения матери. Утром смотрела ему вслед, вознося Богу молитвы. Если донесется до слуха откуда-то стук копыт или топот ног, если ее окликнет кто-то из соседей, у нее по коже пробегал

мороз: "Неужели везут его убитым! О Боже милостивый, почему ты не послал мне смерти до наступления этого дня!"... Так пролетали года, десятки лет, ежедневно убивая и воскрешая ее, преждевременно нагоняя на нее старость. Столетиями закалялось сердце чеченской матери. Она знала, что если не сегодня, то завтра или послезавтра, все равно привезут ее сына в смертельных ранах, окровавленного, завернутого в бурку. Что в конце концов она в последний раз будет ласкать его начинающие пробиваться белесым пушком щеки, не утратившие детского цвета губы или седую голову и распаханное морщинами чело.

Настанет ли этот день завтра или послезавтра, но он был неотвратим для каждой матери.

В последнее время у старой Хангиз в груди что-то все пылало. Особенно внимательно присматривалась она к сыну Алибеку. Хотя ни муж, ни сыновья ни о чем не говорили ей, она чувствовала, что над ее семьей, которую до сих пор обходила беда, собираются грозовые тучи. А сегодня, когда после полуденного намаза вошел Алибек, мать поняла, что настал тот день, который она ждала с трепетом. Она сидела на миндаре, взбивала в маслобойке масло, когда сын вошел, присел рядом с ней на корточки и, приподняв ее заострившийся подбородок пальцами своей сильной руки, поцеловал ее в обе морщинистые щеки.

Мать удивилась его поцелуям, от которых она в последние несколько лет отвыкла. К тому же она заметила в глубине глаз сына, всегда пылавших огнем, какую-то безграничную печаль. Хангиз молча, вопросительно посмотрела на сына.

- Нана, пришел теперь и черед твоего сына. Его призывает народ, придавленный жестоким царским гнетом, нищетой и несправедливостью. Чеченские вожди поставили твоего сына во главе восстания. Я пришел за твоим благословением, моя старая мать...

Сердце старой Хангиз обдало жаром. Каждое слово, сорвавшееся с уст сына, раздувало пламя, словно кузнечные мехи. Она изо всех сил сдерживала комом подступившее к горлу рыдание, соленые слезы заволокли ее глаза. Она выпустила обе ручки маслобойки, притянула к себе и прижала к щеке черноволосую голову сына, так и замерла.

Голову Алибека жгли падающие на нее слезы матери.

- Ты что, плачешь, нана? - спросил он, не отрывая лицо от ее щек.

Хангиз краешком подола платья вытерла слезы. Она силилась улыбнуться, подбодрить сына, сказать ему несколько ободряющих слов, но побелевшие старые губы дрожали, кривились и никак не повиновались ей.

- Ты не расстраивайся, Ала, я сейчас успокоюсь... Так неожиданно случилось это... так... неожиданно... Поэтому, значит, ты часто звал сюда слепого Хамзата, чтобы я слушала его илли. В твоей-то груди бьется сердце Сурхо, сына Ады, да вот только я далеко не так мужественна, как его мать...

Алибек легонько провел рукой по седым волосам матери.

- Не будь же слабой, нана. Мать Сурхо, сына Ады, отдала народу своего единственного сына, ты же отдаешь лишь одного из шестерых.

- Разве остальные пятеро останутся дома, отправив тебя? - глубоко вздохнула мать, успокоившись наконец. - Они ведь тоже последуют за тобой...

Момент, которого больше всего боялся Алибек, никак не проходил. Слезы и биение сердца старой матери терзали ему душу.

- Которую мне выбрать из двух матерей? - Алибек стал на колени перед матерью, прижался лицом к ней. - И ты моя мать, и родина мне мать. Одна меня удерживает, а другая зовет. Если ты благословишь меня, я пойду на зов нашей древней

матери... Она же нам всем мать, мать всех матерей...

Алибек слышал, как биение сердца матери постепенно успокаивается. Хангиз тихо приподняла обеими руками голову сына и заглянула в его красивые глаза:

- Я отдаю тебя ей, Алибек, нашей многострадальной матери-родине. Я же для нее родила вас, - промолвила она. Потом наклонилась и покрыла горячими поцелуями глаза, лоб, покрытые курчавой бородой щеки сына. - Вставай. Взгляни на меня. Видишь, я успокоилась. Иди себе спокойно. Да поможет тебе и всем вам Аллах...

Но когда сын вышел, она присела на краешек нар, обхватила голову обеими руками и дала волю сердцу, сдержать которое стоило ей таких больших усилий...

С женой Алибек все уладил без особого труда.

- Ну-ка, Зезагиз, посмотри в мои глаза! Да улыбнись-ка мне так же кокетливо, как ты это делала, когда я приходил к тебе на свидания к родинку, - кивнул Алибек головой и подмигнул ей.

- А ну еще, еще! Вот так! Невеста у меня не из плаксивых! Ну, а теперь подай мою саблю!

Как бы тревожно не было на сердце, чтобы не расстраивать мужа, Зезагиз стала невольно выполнять просьбу мужа. Она сняла висевшую над войлочным ковром на стене покрытую серебром саблю, держа на обеих руках, протянула ему.

- А теперь подставь свою щечку! Другую! Прощай!

Через полчаса Алибек на сером коне выехал из аула в сопровождении нескольких всадников.

У Зезагиз, стоявшей у окна и взглядом провожавшей его, из глаз обильно полились слезы. Плачущая тайком навзрыд, она не заметила, как вошла ее маленькая дочурка и как она стала рядом, держась за краешек ее платья.

- Нана, почему ты плачешь?

Сехабо смотрела на мать снизу-вверх испуганными глазенками. Мать не ответила ей. Спазма давила ее горло, не в силах произнести слово. Она наклонилась, взяла дочку на руки, положила ее маленькую курчавую головку себе на плечо и, прижавшись к ней щекой, притихла...

ГЛАВА VII

ТУЧИ

Народ пока что просит... просит вас!

Но страшен он, восставший на борьбу.

Ш. Петефи. От имени народа

Командир 80-го Кабардинского пехотного полка флигель-адъютант полковник Михаил Иванович Батьянов сегодня, как обычно спокойно занимался полковыми делами.

Даже в свободное время негде было поразвлечься в этом Хасав-юрте, расположившемся на берегу маленькой речушки Ярыксу, на равнине, под постоянными восточными ветрами. Выйдя из крепости, человек попадал в узкие кривые улочки с беспорядочно разбросанными по бокам мазанками из самана. И те были всегда наводнены пестрыми потоками разноплеменных горцев.

Среди них выделялись кумыки, которые вели мирную жизнь после заката времен шейх Мансура и по сравнению с другими местными народностями имели более высокий уровень быта и культуры. На каждом шагу встречались представители всех горских народностей, прибывшие сюда на базар наниматься на работу, кустарничать или попрошайничать: дагестанские горцы в мохнатых папахах, с кинжалами, повязанными поверх засаленных длинных тулупов с зауженными концами рукав; чеченцы, которые, несмотря на свою крайнюю бедность, все же поверх лохмотьев обвешаны драгоценным оружием и восседают на великолепных конях; самонадеянные купцы и мещане, презрительно рассматривающие этот пестрый сброд.

Но полковника беспокоит совсем другое: война. С прошлого года правительство стягивает войско к Балканам и Закавказской границе. В этих частях находятся много знакомых офицеров Батьянова. А вчера Россия объявила войну Турции. Конечно, не легко добровольно отправиться в военное пекло. Спокойнее - отсидеть в глухом захолустье. Однако нехорошо сидеть здесь и томиться без дела, когда многие знакомые офицеры на фронте. Кроме того, он не только лелеял мечту, но был уверен в том, что мог бы отличиться на войне и получить генеральский чин. Полковник не сомневался в том, что ушедшие на турецкий фронт офицеры, которые по рангу были равны ему и даже ниже, вернутся оттуда прославившимися подвигами, повышенными в чинах.

Весеннее солнце давно поднялось высоко над горизонтом и приятно согревало широкую спину полковника, сидевшего у окна.

В углублениях, образовавшихся на местах, где сдваивалась кожа его холеной шеи, поблескивал пот. Как ни рано лег он вчера спать, убаюканное радушными мыслями и приятным теплом его тело клонило ко сну, веки голубых глаз смыкались.

Михаил Иванович широко зевнул, распростер руки, проделал гимнастику глаз, то широко открывая их, то закрывая и, поднявшись, подошел к окну. Во дворе старательно копошились в свежем лошадином помете несколько белых кур и пестрый петух с белыми и черными крапинками, принадлежавшие слобожанам. Петух ходил, высоко поднимая ноги и гордо выпятив грудь. Он выискивал зернышки овса, а найдя, издавал гортанное "кох-кох", подзывал кур и начинал хлопать крыльями, как бы желая каждым движением подчеркнуть свое превосходство.

Чуть поодаль несколько солдат чистили жерла орудий. За крепостной стеной на плацу раздавалась матерщина унтера. Когда полковник, желая идти домой, тронулся было с места, дверь вдруг распахнулась, и в кабинет влетел поручик Рыжков. По тому, как он запыхался, и по его вытаращенным глазам, полковник

понял, что весть, принесенная Рыжковым, не из ряда обычных.

- Ваше высокоблагородие! - выкрикнул он. - Начальник округа подполковник Петухов убит, его помощник капитан Юзбашев ранен!

Некоторое время полковник стоял ошеломленный, разинув рот, не в силах что-либо спросить.

- Как же это случилось? - наконец выдавил он из себя.

Рыжков, который успел несколько прийти в себя, рассказал происшедшее.

Оказывается, Петухов объезжал аулы и, обнаружив что в одном из ауховских сел некоторые люди не уплатили налоги, вызвал их в канцелярию сельского старшины и стал отчитывать. Люди терпеливо слушали его оскорбительные выпады, но когда подполковник подошел к одному старику и дернул его за ус, тот выхватил кинжал и тут же уложил его. Бросившийся на помощь начальнику капитан милиции Юзбашев получил ранение. Он лежит в крепости Кешень-Аух.

- Прикажите стрелковому батальону на плацу прекратить учебные занятия и быстро собраться в поход! - распорядился полковник, надевая фуражку.

Поручик отдал честь и вышел.

"Неужели это бунт? - размышлял полковник. - Ведь тихо было в Ичкерии, даже без единого дуновения ветра. Если судить трезво, мы должны были знать, что в случае войны с турками, чеченцы обязательно что-нибудь затеют. Тем более, что одну смуту, подготовленную ими в прошлом году, уже раскрыли. Что же делать, если начнется мятеж? Ведь многие войска переправлены отсюда в Закавказье. Вся моя вооруженная сила - тысяча триста штыков да немногим более ста милиционеров в Буртанае - вряд ли справится, если с гор ринется полчище нескольких тысяч горцев".

За эти несколько минут гарнизон загудел, словно разъяренный палкой улей. По двору бегали солдаты, отозванные с плаца. Слышались ржание лошадей, приказы офицеров. Куры, которые чуть раньше мирно ковырялись в навозе, с шумом разбегались в разные стороны.

При выходе встретившийся у двери офицер из канцелярии округа вручил Батьянову пакет: "Пошлите в крепость Кешень-Аух, где лежит раненый капитан Юзбашев, одну-две роты солдат".

- Вызвать командира первой стрелковой роты штабс-капитана Ярутина! - приказал он проходящему мимо солдату.

Штабс-капитан явился в ту же минуту, но не успел он получить приказ, как вслед за первым полковник получил новый пакет: "Как командира полка, прошу Вас взять на себя обязанности начальника округа".

У Батьянова вдруг созрело решение: стоит ли раздувать дело до такой степени, бросая туда войска?

- Чем они там занимаются? - проворчал полковник. - Посылают клочки листков по одной строчке! Господин штабс-капитан, я отменяю свой приказ. Я сам поеду туда с несколькими конными. Пошлите туда вестового, пусть старшины к моему прибытию соберут всех жителей аула на площади.

Когда он направился к казармам, навстречу ему попал Абросимов.

- Господин полковник, правда ли то, что я услышал?

- А что вы услышали?

- Говорят, чеченцы восстали?

- Пустяки... - махнул рукой Батьянов. - Подобный шум они часто поднимают.

- И начальников округа часто убивают?

- Ну, это уж первый случай...

- Выходит, что дело не шуточное?

Батьянов не ответил.

- Вы собрались туда с отрядом?

- Да, надо наказать преступников.

- Разрешите мне поехать с вами?

- Нельзя, - коротко отрезал полковник.

- Почему?

- Вы же умный человек, Яков Степанович, а задаете такие наивные вопросы. Вы же не военный. Что вы будете делать в отряде?

- Я собираю материалы об истории и быте чеченцев...

- Господин Абросимов, выберите для своих забав другое место и другое время. Там нечего делать штатскому.

- Я же путешествую по разрешению начальника области...

- Видите ли, обстоятельства изменились.

Полковник, оставив расстроенного Абросимова, поторопился дальше, ругая про себя этого взбалмошного штатского. Кто он, откуда взялся? Батьянов много перевидал таких историков. Капитан Рихтер рассказал ему, кто он на самом деле. "Если я споткнусь нечаянно, раструбит во всех газетах. Нет, господин демократ, я не из глупых, чтобы так просто попасть на вашу удочку".

Батьянов, выезжая из крепости, на всякий случай возложил руководство на майора Козловского и с кавалерийским эскадроном тронулся в путь. До Кешень-Ауха отсюда было не более пятнадцати верст. Он ехал иноходью впереди эскадрона на несколько шагов и размышлял о сложившейся ситуации. Да что он, с ума сошел - дернуть чеченца за ус! Они же даже матерщины не терпят, за кинжал сразу хватаются. Уж лучше бы кинжалом ударил или стрельнул из пистолета, чем за ус дергать. Чеченец прощает рану, нанесенную оружием, но считает величайшим позором удар кулаком, пинком, не говоря уже о том, что произошло. А Петухов петушился не там, где это сходит с рук. Да отправится он в преисподнюю прямым ходом, сварил мне эту кашу и подох. Но может, Рыжков сгустил краски? Что ж, накажем виновных - и все уладится.

Но все надежды полковника рухнули, когда они в дороге к Кешень-Аух стали натыкаться на чеченские аванпосты.

Вооруженные люди, одетые в лохмотья, не препятствуя, молча пропускали всадников, провожая их злыми взглядами. И не было понятно, то ли они не хотели обострять положение, то ли боялись силы властей, то ли помышляли впереди какой-то подвох. Как бы там ни было, полковник ехал с гордо поднятой головой, не выдавая свою тревогу, будто и не замечал этот сброд нищих.

Прибыв в Кешень-Аух, Батьянов, прежде всего, навестил капитана Юзбашева. Капитан рассказал о смерти Петухова точно так же, как он об этом слышал раньше.

- Виновного поймали? - спросил Батьянов.

- Нет, ваше высокоблагородие.

- Почему?

- Не успели. Люди укрыли его.

- А укрывателей?

- И они сбежали в Ичкерию.

- Много их?

- Около полусотни.

- Почему не арестовали других жителей?

Капитан растерялся.

- Во-первых, они не виноваты. Во-вторых, я не решился на это силами одного лишь гарнизона. По нашим сведениям, в Ичкерии далеко не спокойно.

- Что же там происходит? Почему мне ничего неизвестно?

- Да и ко мне эти сведения поступили лишь сегодня утром. Ничего особенного, но, говорят, люди в последние дни стали не подчиняться представителям власти. Кто знает, что у них на уме...

Когда полковник подъезжал к аулу, нагнавший его солдат из гарнизона сообщил, что горцы полчаса назад совершили налет, угнали с пастбищ две с половиной сотни обозных лошадей и в перестрелке убили двух солдат.

- Да это же настоящий бунт! - невольно воскликнул полковник.

- В какую сторону их угнали?

- В сторону Зандака, ваше высокоблагородие, - подтянулся солдат.

Батьянов глубоко раскаялся, что не взял с собой хотя бы две роты солдат. Ибо даже Кешень-Ауховского гарнизона недостаточно, чтобы броситься вдогонку этим ворам или мятежникам.

- Поручик, вам придется быстро вернуться в Хасав-юрт. - Он достал из кармана блокнот, записал несколько слов и протянул Рыжкову вырванный листочек. - Майору Козловскому. Пусть пошлет кумыцкую сотню в самые близлежащие чеченские аулы. Пусть передадут жителям, что лошадей угнали по их территориям, следовательно, сделано это не без их участия, а значит, ответственность в равной мере ложится и на них; если они начнут упираться, пусть скажут им, что следом за сотней движется войско, чтобы наказать аулы. Кроме того, скажите, чтобы выслал сюда марш-броском три батальона на ауховские аулы.

Когда отряд достиг центральный майдан Кешень-Ауха, там была такая плотная толпа, что, казалось , стреле некуда упасть. Собрались не только мужчины, но и женщины, которые стояли у изгороди. При появлении полковника с отрядом толпа колыхнулась, словно море, над ней пронесся грозный ропот. Навстречу Батьянову выбежали аульный старшина и с ним несколько богачей. Они уставились на него испуганными, подобострастными глазами в надежде на то, что большой начальник, если и не заговорит с ними, не одарит их улыбкой, то хотя бы удостоит их взглядом. Двое парней, по-видимому, их сыновья, подбежали к офицерам и взяли коней под уздцы и схватились за стремена. Но полковник, не удостоив вниманием ни угодничающих аульских богачей, ни их отпрысков, молча миновал их и остановился в гуще толпы.

- На несколько дней я буду вашим хакимом, - сказал он, скользнув взглядом поверх заросших мужских лиц. - Будучи военным, я не вмешиваюсь в политику.

Трепать перед вами языком тоже у меня нет ни умения, ни желания, ни времени. Я требую от вас правды. Тогда и от меня вы тоже услышите правду. Ну-ка, выкладывайте, почему вы убили хакима, посланного царем управлять вами? Да знаете ли вы, что я с вами сделаю?

Стоящий рядом кешень-ауховский старшина громко перевел слова полковника. Люди стояли молча, как ни в чем не бывало, как будто перед ними - не представители власти и даже не люди, а какие-то диковинные звери. Наконец вышел на два-три шага вперед человек лет пятидесяти, сухощавый, длинный как жердь, с большим крючковатым носом. Он провел легонько рукой по тронутым сединой, свисающим усам, кашлянул, настраивая голос на подобающий случаю лад, положил левую руку на рукоять кинжала и, подбоченившись, устремил свой смелый взгляд на полковника.

- Я скажу тебе правду, - заговорил он хриплым голосом. - Ты спрашиваешь, с чего все это началось? А разве ты сам этого не знаешь? Разве ты не видишь нас, оборванных, как последние нищие? - Чеченец раздвинул ворот одетой на голое тело рваной черкески и обнажил широкую грудь с кудрявыми волосами. - Или ты детей наших не видел, голодных? Неужели вам недостаточно чинимой вами неслыханной несправедливости? Мы не можем на своей подводе ни на поле, ни на базар, ни за дровами поехать. Все время вам дороги строим, ваши войска перевозим, вашим хакимам служим. И хоть бы даже тогда в покое оставили. Кто бы ни наведывался, каждый приходит обложить нас налогами. Но как же нам платить вам налоги, если у нас нет для посевов земель, нет своей скотины?

- Шкуру с нас сдираете!

- Семь шкур стараетесь содрать!

- Кости наши уже стали скоблить!

- Ну шумите, люди! Пусть один Янгулби говорит!

Выждав, пока шум уляжется и проведя языком по высохшим, потрескавшимся губам, Янгулби продолжил:

- И вправду, даже семерым не под силу снять штаны с того, у кого их нет. Так гласит чеченская поговорка. Мы просили того хакима-полконака, чтобы он дал нам отсрочку до весны, чтобы мы могли поехать на заработки на Терек, наниматься к богатым казакам или найти какой-нибудь другой выход заработать грошей. Хаким и слушать не хотел. Доведенный до отчаяния, один наш старик немного громко заговорил с хакимом укурга. Потому что был старше его, и наш народный обычай позволял ему. А хаким-начанник дернул его за ус...

В толпе раздались сердитые возгласы.

- Вы что, принимаете нас за рабов?!

- Чтобы вы наших матерей поносили?!

- Остальное мы все терпели, но руками к нам не прикасайтесь!

- Люди правы, полконак. - Чернявое лицо Янгулби, раззадоренное выкриками, прямо сверкало. - Мы других не оскорбляем, но и сами не терпим, когда нас оскорбляют. Лучше бы он не дернул за ус, а разрубил его пополам саблей, - и тогда не дошло бы до этого. Или бы арестовал да отправил в Сибирь. Воюйте с нами, деритесь с нами с оружием в руках, убивайте нас, но не трогайте нас руками и не требуйте снимать папахи при встрече с вами. Папаха, борода с усами и кинжал - это признаки мужской чести и достоинства. Старик убил начанка укурга, когда тот дернул его за ус. И правильно сделал. Я тоже убью того, кто тронет мои усы!

Батьянов внимательно слушал перевод старшины, который тот делал на ужасно исковерканном русском языке. Последние слова, сказанные долговязым чеченцем,

понравились полковнику. Повадки Петухова, действительно , походили на задиристого петуха, который, не зная своих сил, суется везде и всюду, кричит до хрипоты да лезет в драку.

- Есть у вас еще что сказать? - окинул взглядом толпу Батьянов, нахмурив брови.

- Я скажу несколько слов!

Расталкивая локтями людей, расторопно вперед вышел крепко сложенный старик и остановился.

- Кроме того, полконак, ходят слухи, что нас насильно будут отдавать в солдаты, - начал он, часто поглаживая бороду. - Говорят, что у нас и последние клочки земли заберут, и налоги за каждую курицу будут брать...

Путь к сердцу человека лежит через желудок. Редкий человек не утрачивает мужество и волю при голоде. Нехватка земли постоянно разжигала вражду между людьми. Нередки были смертельные исходы и междоусобицы из-за межей. Власти создали специальную комиссию для разрешения земельного вопроса, уточнения межей, закрепления участков за жителями аулов.

Однако, как теперь убедился Батьянов, цель этой комиссии чеченцы поняли совершенно превратно.

- Не бойтесь, что вас возьмут в солдаты, - брезгливо сморщился полковник. - Разве из вас, солдаты? Таких олухов, как вы, в лучшем случае, в милицию, может, и примут. И ваши побасенки о налогах тоже излишни. Беднее, чем сейчас, вы никогда не будете, а если станете богаче, то и налоги будем взымать. Да и за свои земли не дрожите. Землемеры, о которых вы судачите, закрепят за вами ваши земли, определят точные границы, чтобы раз и навсегда положить конец вашим дракам из-за межей. Но будь я у вас начальником, я бы оставил все, как есть. Чтобы вы пороли кинжалами брюхо друг другу, как скорпионы, истребляли друг друга.

Полковник бросил взгляд поверх толпы, закручивая двумя пальцами кончики усов. Люди, не поняв его, молча ожидали перевода.

- Стоит мне обронить одно слово, - продолжал полковник, - прибывшие из Хасав-юрта войска превратят ваш аул в пепел. Я не знаю, кто из вас убил начальника округа. Если выдадите виновного, я накажу его одного, не выдадите - всех. На размышление даю вам одну ночь. Если завтра до восхода солнца убийца не будет в моих руках, тогда не виляйте мне хвостами. Помяните мое слово, на месте, где стоит ваш аул, будет пепел. Несколько человек повешу, остальных отправлю в Сибирь.

Когда слова эти были переведены, люди зашумели.

- Чего они орут? - спросил Батьянов переводчика.

- Говорят, что им не найти виновного.

- Почему же не один, а все вместе орут, как ослы? Долговязый, говори ты, - указал полковник на Янгулби.

- Тот, кто убил начанка, бежал в Ичкерию, - твердо сказал Янгулби. - Он старец, прожил сто лет. Не он виновен, виновен тот хаким-начанник. Над ним свершился божий суд. Нам кажется, будет справедливо, если на этом прекратят дело.

- Скажи им, пусть выдадут его родственников.

- Их тоже нет. Они бежали со своим родичем.

- Хорошо тогда, - заговорил Батьянов, выслушав ответы. - Я хотел закончить дело мирно. Но вы заупрямились. Так, по этому вопросу все. Ну, а кто же украл

казенные лошади за полчаса до моего приезда?

Люди удивленно переглядывались.

- Мы не слышали об этом, ваше высокоблагородие, - ответил за всех испуганный старшина.

- Как вы не знаете, когда из-под вашего носа уводят около трехсот лошадей? - прикрикнул на него Батьянов. - Не только знаете, могу поклясться, что вы в сговоре с воровской шайкой! Сию же минуту организуй погоню за ворами. Их угнали в сторону Зандака. Если лошади не будут возвращены до вечера, я учиню над вашим аулом такое, что вы забудете родную мать. Вы же отвечаете за преступления, совершенные на вашей территории. Вы и начальника власти убили, и лошадей дали увести. Хотите - верните угнанных, хотите - отдайте своих. Завтра утром у нас будет другой разговор.

Оставив опечаленных людей, Батьянов тронул коня с места.

Подскочивший к нему старшина попросил зайти на чай, но тот даже не взглянул на него.

Янгулби слушал полковника внимательно, следил за его хитрыми и злыми глазами. Он понял, что тот готовит какое-то вероломство.

Как только спина Батьянова скрылась из виду за поворотом улицы, Янгулби отыскал своих товарищей и поспешил покинуть аул.

Вечером случилось то, о чем он подозревал. Кумыцкая сотня и две роты солдат, прибывшие из Хасав-юрта, окружили аул, увели каждого десятого мужчину...

Пять дней, прошедшие после последнего совета вождей на Терга-Дук, для Алибека и его ближайших помощников были полны беспокойства и хлопот.

Возложив мобилизацию повстанческих отрядов в Ичкерии на Солтамурада, Сулеймана, Губху и Абдул-хаджи, в Аухе - на Янгулби, а в верховьях Аргуна - на Даду Залмаева, сам Алибек поехал в Салатавию и Анды.

Он вернулся оттуда позавчера и, собрав сведения отовсюду, сегодня приехал в Гати-юрт, чтобы с Берсой и Кори окончательно решить вопрос начала восстания.

Тускло горящая в доме Кайсара лампадка заполнила комнату горьким чадом. Берсу, полулежавшего на тахте, часто охватывал продолжительный кашель. Макка, когда гости поели, прибрала перед ними и, взяв с собой детей, ушла к Айзе.

Мужчины остались в доме одни. Во дворе, в саду и на улице на часах стояли Булат, Юсуп и Умар. Кайсар вышел проверить посты и вернулся вскоре, поставив в углу у двери ружье, сел напротив на низкую табуретку.

- Оставь, Кайсар, дверь открытой, - сказал Алибек, беспокоившийся за Берсу. - Этот чад и здоровому человеку трудно переносить.

- Ничего, Алибек, я потерплю. Расскажи, как обстоят дела?

Алибек поправил за поясом кинжал и по-восточному сел на тахте лицом к Берсе.

- Я буду краток. На даргоевцев, белгатинцев и гордалинцев надеяться не приходится. Даттаховцы и гендергеноевцы еще колеблются. Бильтинцы никак не могут прийти к общему согласию. Все остальные тейпы готовы подняться хоть завтра.

- А аккинцы?

- Аулы, расположенные вокруг Кешень-Ауха, с нами.

- Дагестан?

- Как только мы начнем дело, в тот же день поднимутся дилимцы, алмакинцы и миатлинцы.

На улице поднялся легкий ветерок. Огонек лампадки дрогнул и потух. В комнате установилась непроглядная тьма. Когда Кайсар поднялся, чтобы вытащить из печи головню, Кори остановил его:

- Не надо, Кайсар. Так удобней.

- Сколько бойцов наберется?

- С десяток тысяч.

- Входят ли в их число люди с плоскостных аулов?

- Нет. От них все еще нет окончательного ответа. Там много наших единомышленников, но боятся войск, расположенных в соседних крепостях.

- Как малы наши силы по сравнению с царскими войсками! Десять тысяч человек против двадцати пяти тысяч солдат и ста пушек...

- Да и те десять тысяч тоже под сомнением. Хоть бы пять тысяч набралось.

- Если одержим здесь победу и выйдем на равнину, ряды наши пополнятся. Народ там пока боится, но поднимется, когда мы появимся у них.

- И все-таки, Алибек, на них мало надежды.

- Если поднимется Дагестан, то дела будут не так уж и плохи.

- Если их вожди сдержат свое слово.

- Я глубоко уверен в наших соседях.

Они еще не приступили к главному, когда со двора послышались шаги. Кайсар схватил ружье, прислоненное к стене.

- Кто там? - крикнул он, выскочив во двор.

- Это я, Овхад.

- Случилось что?

- С доброй вестью, кентий, - торжественно заговорил он, войдя в дом. - Радостная весть! Война началась.

- Какая война? - спросили одновременно Берса и Алибек.

- С турками!

- Ты серьезно говоришь?

- Серьезно.

- Где ты это слышал?

- Отец наш только что вернулся из Грозного. Он привез это известие. Позавчера Россия объявила войну Турции.

- Вот теперь у нас больше надежды на успех, - сказал Кайсар.

- Надо ускорить восстание. Не откладывая!

- Не надо спешить, Кайсар. Может, хотя бы половины здешних войск перебросят на фронт. Подождем. К тому же и с подготовкой у нас не все закончено. Нам требуется еще не менее десяти дней, - осадил его Берса.

Их разговор оборвал Юсуп, который, приоткрывая дверь, заглянул в комнату.

- Какой-то человек ищет Алибека.

- Откуда он?

- Говорит, что с Акташ-Ауха.

- Имя?

- Янгулби.

- Пусть заходит.

Как только было произнесено имя Янгулби, Алибек почему-то сразу понял, что его появление не случайно. Алимхан не по любому делу стал бы называть место нахождения Алибека, да и Янгулби не стал бы просто носиться по его следу.

Долговязый Янгулби вошел, заполнив собой дверной проем, в темноте ограничился общим приветствием и остановился посреди комнаты.

- Что тебя привело сюда, Янгулби? - спросил встревоженный Алибек, когда, привыкнув к темноте, он присел на предложенное место.

- Не просто, Алибек, не для прогулки пришел... Нет ли тут чужих?

- Нет. Здесь все свои.

И Янгулби рассказал о событиях в Аухе.

- Пришли войска из Хасав-юрта, идут поголовные аресты, - закончил он свой рассказ.

Сообщения Янгулби ошеломило присутствующих. Преждевременное выступление ауховцев в корне расстраивало их планы.

- Ну, а ты и твои товарищи, вы-то где были? Почему допустили этот произвол? Какая польза от убийства начальника округа? Вместо него завтра другого поставят.

- Это случилось неожиданно, - растерянно ответил Янгулби. - Кто мог подумать, что этот дурной полконак дернет старика за ус, а тот зарубит его кинжалом...

- Кто лошадей угнал известно?

- Нет. Следы ведут в сторону Зандака.

Над гребнем за Аксаем поднялся молодой месяц, похожий на ломоть дыни. Во дворе соседей старая собака подняла хриплый лай. За домом, на холме, как и каждый вечер, стояла Баната и, визгливо голося, звала своего сына домой.

Сложившаяся обстановка заставила товарищей пересмотреть планы.

- Мне кажется, нам следует начать восстание прежде, чем власти узнают о наших намерениях, - сказал Янгулби. Сегодняшние события повлекут за собой аресты не только по всему Ауху, но и Ичкерии. В руки властей, между прочим, могут попасться и наши товарищи. Раз мы готовы, зачем откладывать дело?

- Все это не так просто, - несколько сурово заговорил Алибек,- мы не готовы к восстанию.

- И все же нам следует поторопиться, Алибек, - сказал Кори.

- Я решительно возражаю, - вмешался Берса. - Сперва посмотрим, какими силами мы располагаем, а затем примем окончательное решение. Лет двенадцать тому назад мы заготовили в достаточном количестве оружие и боеприпасы. В аулах обучили молодежь военному делу. Создали боевые отряды, во главе которых стояли закаленные в боях опытные сотники. Были избраны вожди для общего руководства восстания, и каждый из них знал свое дело. Мы наперед взвесили и наметили каждый шаг. Теперь от тех вождей остался только один Солтамурад Беноевский. Остальные - одни постарели, другие умерли, третьи пропали без вести в Сибири. Вы избрали молодых вождей. Ну, а дальше?

- Оружие и боеприпасы у нас имеются, - сказал Кайсар. - В аулах созданы отряды, во главе с верными людьми. Все они готовы в любую минуту с оружием в руках сесть на коней.

- Но, Кайсар, поднять народ - это простое дело,- прервал его Берса. - Надо взвесить и наметить каждое действие. Например, куда нанести первые удары, какие территории захватить, как их за нами закрепить, как обеспечить войско продовольствием, какие требования предъявить властям. Таких дел много. Чтобы обдумать все это, подготовиться к действиям, требуется время.

- У людей переполнилась чаша терпения, Берса! - воскликнул Янгулби. - Народ не в силах терпеть дальше. Говорят, что в России русские мужики оказывают сопротивление властям. Нам надо воспользоваться моментом и начать восстание. Если мы, руководители, отречемся от наших целей, все равно народ восстанет. Восстанет стихийно, без руководства. Это кончится гибелью тысяч людей. Если даже у нас не завершена подготовка к восстанию, нам следует встать во главе народного движения. А те задачи, Берса, которые ты выдвинул перед нами, будем решать постепенно.

- Янгулби прав...

- Да, нельзя бросать народ на произвол судьбы. Будут напрасные жертвы...

- Что же тогда, Алибек, народ тебя избрал имамом. За тобой последнее слово, - отступил Берса. Его утомила эта краткая словесная схватка, он замолк, с хрипом учащенно дыша...

- Я присоединяюсь к Янгулби, - сказал Алибек. - Не мы начинаем восстание и не нам его остановить. Мы не имеем право самоотстраниться от народного дела, бросать его на произвол судьбы. Чем быстрее мы возьмем его в свои руки, тем лучше. Мы должны, мы обязаны это сделать. Давайте обсудим ближайшие задачи. Откуда нам начинать первые удары?

- С Ведено, - бросил Кайсар, не задумываясь.

- Нет, в первую очередь следует занять Хасав-юрт, - решительно возразил Янгулби. - Там войск больше.

- Зачем нам Хасав-юрт, который стоит на отшибе? Не лучше ли взять Ведено, а затем выйти на равнину?

- Оставьте споры, - перебил их Алибек. - Что ты скажешь, Берса?

- Перед нами два пути. Занять крепости Ведено, Эрсеной, Кешень-Аух, Буртанай и перебросить восстание на равнину, - это один путь. Он хорош в том случае, если нам удастся занять эти укрепления за один день. Но если дело затянется на несколько дней, противник сможет подтянуть войско с равнины...

- А второй?

- Сразу выйти на равнину и, подняв плоскостные аулы, захватить там военные

укрепления и дальше двинуться на Грозный, тогда за нашей спиной остаются гарнизоны крепостей Кешень-Аух, Буртаная, Эрсеноя, Ведено, Герзель. Мы очутимся между двух огней.

- А нет ли третьего пути?

- Я лично его не вижу.

- Между Грозным, Ведено и Хасав-юртом имеется телеграфная связь? - спросил Кори.

- Да.

- В первый же час начала восстания надо уничтожить ее на протяжении нескольких верст. Тогда, прежде чем Грозный и Владикавказ узнают о восстании, у нас будет достаточно времени занять Ведено и Хасав-юрт.

- После долгих споров Алибек вынес свое решение:

- Тогда я скажу свое мнение. Акта с гатиюртовцами возьмет крепость Герзель и уничтожит там телеграфную связь. Губха сделает то же самое в долине Хулхуло. Дада Залмаев займет Дачу-Борзой и запрет ворота в долину Аргуна. Янгулби, ты возьмешь Кешень-Аух. На Сулеймана и Лорса-хаджи мы возложим взятие Ведено. Я же с нашими главными силами двинусь через Шали на Грозный. Через два дня мы начнем наше дело. Кайсар, ты сейчас же приступай к подбору надежных связных, чтобы этой же ночью разослать во все стороны...

Было бы неправильно утверждать, что власти ничего не знали о назревающем восстании, так как последние десять лет подготовка к нему велась беспрерывно. Ичкерия уподобилась пороховой бочке, для взрыва которой достаточна была маленькая искорка, и местная администрация, особенно в Ведено, была начеку.

Поэтому телеграмма полковника Батьянова о беспорядках в Аухе не очень удивила начальника Веденского округа князя Авалова.

- Ну, теперь началось, - сказал Авалов капитану, вызвав его к себе. - Полковник Батьянов сообщает, что чеченцы убили подполковника Петухова и угнали лошадей Кешень-Ауховского гарнизона. Мне кажется, что это предвестник бунта. Я говорю так потому, что не хочу употребить слово "восстание". Да, ауховская смута не случайное явление. Вас я попрошу, капитан, побыстрее вернуться в свой участок и потушить возникший там пожар, пока он не раздулся.

На минуту князь умолк, взявшись рукой за голову. Потом он поднялся и, упершись обеими руками на край стола, вскинул голову и внимательно посмотрел в глаза Пруссакову. Глаза полковника, всегда горевшие веселым жизнерадостным огоньком, были мрачными, тревожными и капитан почувствовал, как в его груди поднимается неукротимый страх.

- Никогда не прощу себе того, что у меня под носом, без моего ведома, между Беноем и Саясаном, мятежники провели совет. Шестьдесят один человек! Об этом я узнал только через пять дней. Я считал, что мне известен каждый шаг чеченцев в этом округе. Это, оказывается, было верхом наивности. Как трудно будет теперь потушить этот пожар! Но оружие применяй только в крайнем случае. Учти это. Наша задача - не обострять обстановку, а приложить все усилия для разрешения вопроса мирным путем. Возьми с собой десятка два милиционеров и побыстрее отправляйся в Ножай-юрт, - наставлял Авалов.

Возвращаясь в Ножай-юрт, капитан брал с собой почетных людей с каждого аула своего участка, и вскоре за ним следовал значительный отряд. Правда, пристав сомневался в преданности этих людей. Да и как не сомневаться, если милиционер, которого он в пути отправил обратно в Ведено за порохом, узнав, что обстановка здесь тревожная, бесследно исчез? На второй день капитан узнал, что тот милиционер, забрав порох, ушел в ставку Алибека-хаджи.

Вчера, когда он вернулся в Ножай-юрт, разъехались по своим аулам и остальные люди, выдумав разные причины. Когда же он ночью ложился спать, с ним оставалось четыре человека. Сейчас неизвестно, остались ли даже они.

Проснувшись, капитан еще долго лежал в постели с закрытыми глазами, глубоко задумавшись, потом откинул одеяло и сел на край кровати. Рядом на столе беспомощно лежали сабля и пистолет. Ему казались осиротевшими собственные мундир и фуражка, висевшие на настенном ковре. Когда взгляд его остановился на ногах, покоившихся на пестром коврике, они тоже показались ему пожелтевшими, как у покойника.

"Видимо, это конец моей жизни, - покрутил он головой, шевеля пальцами ног. - Об усмирении мятежа на участке и разговора быть не может, больше того, мне придется расставаться с жизнью...".

Он быстро натянул брюки, надел сапоги, подошел к медному тазику у двери, взял сверкающий никелированный кумган, в котором было видно его отражение, умылся холодной водой и направился к окну.

Отсюда с высокого холма хорошо были видны и почти весь этот Ножай-юрт, и расположенный южнее, на другом гребне, разбросанный по лесам Бильты, и другой маленький аул Айти-Мохк, находящийся повыше, за Ямансу.

Еще вчера тихий Ножай-юрт сегодня походил на встревоженный улей. По улицам двигались и пешие, и всадники, вооруженные до зубов. Отовсюду доносились голоса перекликающихся людей. Скотина, лишившаяся всякого присмотра, брела за аул. Пристав обратил внимание на то, что на противоположном склоне на полях сегодня не видать ни души. Более того, над аулом Балансу, лежащим в низине на левом берегу Ямансу, не было видно ни единого дымка.

Пристав нисколько не сомневался, что если аульный старшина Шахбулат смалодушничает, то Ножай-юрт, а за ним и остальные аулы бильтоевского тейпа последуют за мятежниками.

Выстрел, раздавшийся где-то в нижней части аула, обдал холодком сердце Пруссакова и прокатился по горному хребту. Когда, постучавшись, вошел хозяин дома Шахбулат, он, стараясь скрыть свою растерянность, стал вытирать полотенцем давно высохшее лицо.

- Доброе утро, Павел, - поздоровался хозяин по-русски, запинаясь.

- Здравствуй, Шахбулат, - пожал хозяину руку Пруссаков и освободил для него стул, сняв со спинки свою рубашку.

Шахбулат грузно сел и поставил на стол свою папаху из черного каракуля.

- Что нового?

Пропустив через сжатую ладонь свою седую бороду, хозяин разгладил пышные усы. Всегда румяные его выпуклые щеки сегодня капитану показались несколько побледневшими.

- Хорошего мало, Павел, - глубоко вздохнул хозяин. - Восстание разрастается, как чума. Люди говорят, что вся Ичкерия предана Алибеку-хаджи. В Чеберлое Дада Залмаев поднял мятеж.

Капитан повесил полотенце на гвоздь и сел напротив хозяина дома.

- Зря мы выпустили на волю этого Залмаева, - сказал он сердито. - Если бы нынешней зимой, когда он был у нас в руках, мы его отправили в Сибирь, то сегодня этого бунта по Аргуну могло и не быть. К нашему несчастью, полковник Лохвицкий отпустил его за отсутствием фактов против него. Как будто против других, отправленных в Сибирь, имелись эти факты... Ну, а дальше?

- Наши соседи - аварцы из Дилима и Буртуная и андийцы из Ботлиха - тоже расшевелились. Короче говоря, есть опасность, что пожар перекинется в Дагестан. Нет сомнения, что у Алибека есть с ними сговор. Наверное, прошлой осенью не всех руководителей заговора арестовали власти.

- Как настроение жителей этого аула?

Шахбулат недовольно махнул рукой.

- Все носятся как взбесившиеся. Всю ночь я с трудом сдерживал их, а что будет сегодня и завтра знает только Аллах.

Шахбулат поднялся, собираясь выйти, и надел папаху.

- Постой-ка, Шахбулат, - остановил он направлявшегося к двери хозяина. - Мне думается, нам с тобой нельзя забывать, что мы представители власти. Мы не имеем права допустить здесь произвола и сидеть сложа руки. Надо показать этим сумасшедшим людям, что в Ножай-юрте есть власть его императорского величества и будет всегда. В каждом ауле есть люди, поставленные властями. Они принесли присягу на верность царю, получают от него жалованье. Они и должны отвечать за свои аулы. Приказ будет таков. Выйдя отсюда, немедленно разошли гонцов во все аулы, которые еще не примкнули к мятежникам, собери старшин. Об остальном поговорим потом.

Отдавая старику этот приказ, Пруссаков прекрасно знал, что его затея кончится безуспешно. Но долг не позволял ему сидеть сложа руки, когда восстание разрасталось с каждой минутой, подобно весеннему половодью.

Не прошло и двух часов, как к нему прибыли старшины восьми аулов. Войдя спокойно, как и в мирные дни, они расселись на край тахты и по табуреткам и, поставив сабли и ружья между колен, стали молча ждать, что скажет пристав.

Как бы тревожно не было на душе у капитана, он, стараясь не выдать себя, улыбаясь и пожимая им руки, попросил от каждого подробный отчет. Однако, вслушавшись в тон разговора, пристав понял, что у некоторых из старшин не осталось и следа от прежней почтительности и преданности к нему. В каждом слове, слетавшем с их уст, сквозила открытая пренебрежительность к своему начальнику.

- Плохи дела, пурстоп, - начал зандаковский старшина Жанхот, с козлиной бородой и детским голосом. - Люди с ума сошли. Да, с ума сошли. Хулят власть; аулы, которые еще утром были преданны власти, вечером примыкают к Алибеку-хаджи. Буквально за час меняются их настроения. Сегодня еще аулы наши смирны. Но кто знает, что будет завтра? За свой аул я могу поручиться перед вами. Он никогда не поднимется против нашего великого царя. Алибек-хаджи - человек из нашего тейпа. Что же тут поделаешь. Пальцы тоже на руке разные. И отары не бывает хотя бы без одной паршивой овцы. Люди проклинают Алибека-хаджи.

- Чем попусту проклинать, лучше отдайте этого мятежника властям! - перебил его пристав. - Нет никакого сомнения, что войска, которые прибудут завтра или послезавтра, раздавят мятеж. Тогда власть потребует у вас ответа. Ведь вы же ничего не предприняли, чтобы не допустить бунт, задержать мятежников. Ваше бездействие мы будем расценивать как своего рода поддержку мятежникам.

Когда Шахбулат перевел слова пристава, в комнате поднялся шум.

- Легко сказать - "поймай"! - рассердился даттахский старшина.

- Ты велишь поймать летящую по небу птицу. Чем же нам его поймать? Дай нам в помощь солдат. Тогда поймаем.

- Когда прибудут солдаты, они и без вас его поймают, - повернулся к нему Пруссаков. - Организуйте добровольческие отряды. Оружие у вас есть.

- Люди не хотят подставлять свои головы под пули. Мы знаем, что сталось с аульными старшинами, которые пытались это сделать. Уже убит шуанинский старшина. У беноевского дом сожгли. Даргоевский старшина, которому аульчане устроили засаду, спасся чудом. Однако, мы сделаем, что сможем...

- Ну да, отлеживаться не будем. Мы будем верны властям, пока наши души не расстанутся с телами.

- Вместе со всеми родственниками...

- В том нет никакого сомнения, пурстоп...

- Никто из наших аулов не последует за этим клоуном...

- Не требуй только того, чего не можем...

Не дожидаясь разрешения, гости встали и, клятвенно заверив пристава в своей преданности, ушли. Пруссакова насторожило их поведение. Чтобы они ни говорили на словах, в глазах у них не было прежней преданности.

- Ты веришь их слову? - спросил Пруссаков хозяина, когда тот вернулся, проводив гостей.

Шахбулат недовольно покачал головой.

- Не похожи на прежних. Наверняка, некоторые из них прямо отсюда пойдут к Алибеку-хаджи. Или пошлют своих доверенных с заверениями о своей преданности.

Достав большой зубчатый ключ из ниши, устроенной для лампы высоко в стене, Шахбулат открыл стоящий в углу кованный железом сундук; оттуда он вытащил алую суконную черкеску, украшенную серебряными газырями, с погонами прапорщика и двумя медалями на груди, и не спеша натянул на себя. Потом подошел к ворсистому ковру с восточным орнаментом, который занимал всю стену, выбрал из висевшего на нем оружия чеканную серебром саблю, перекинул ее ремень через шею и прицепил к поясу двуствольный пистолет.

В комнате распространился неприятный капитану запах нафталина.

- Ты куда это, Шахбулат? - удивился он, поняв, что не спроста хозяин наряжается.

- Пойду на майдан у мечети. Там люди собрались. Им недолго и глупостей наделать.

- Ты хочешь без меня пойти?

- Тебе нельзя выходить.

- Но я же пристав Ножай-юртовского участка. Ведь я не имею права в такой момент отсиживаться здесь, словно женщина!

Шахбулат глубоко вздохнул и махнул рукой:

- Оставим это, Павел. Не всегда бывает возможность выполнить долг. Сейчас пока главное - спасти твою голову. Творится такое, что нам с тобой вдвоем здесь уже не удержать.

- Но ведь я не имею права...

- Конечно, мы оба не имеем права. Лучше позволь мне, Павел, выполнить долг хозяина дома. Если наскочит какой-нибудь сумасшедший и причинит тебе зло, тогда позора хватит для семи поколений моих потомков. Я уже не говорю о моей ответственности перед властями.

Капитан был в растерянности. Он, конечно, знал, что не сможет успокоить людей и что его появление озлобит их. Но, во-первых, поставленный властями во главе участка, он не имел права закрываться здесь как барсук. Во-вторых, вот этому старику, собирающемуся к осиному гнезду, грозила не меньшая, чем ему, опасность. Но и он тоже был прав. По чеченскому обычаю, он отвечал головой за гостя. Власти, в худшем случае, могли лишь снять его с должности и лишить чина. Как сказал сам хозяин, страшнее всего был позор, который падет на его дом. Поэтому капитан вынужден был подчиниться его воле.

- Но ты можешь быть спокоен, - сказал Шахбулат, взявшись за дверную ручку. - Пока живы мои сыновья и племянники, в этот двор никто не осмелится ступить.

Майдан был наводнен народом. Хоть каждый час ему и доносили о малейших событиях в ауле, но он не предполагал, что дело приняло такой размах. Еще издали ветер донес до него многоголосый гул. В центре конного и пешего люда какой-то всадник на прекрасном коне громко говорил, жестикулируя руками:

- Я вас спрашиваю, бильтинцы, чего вы ждете? Выжидаете, кто возьмет верх, чтобы примкнуть к победителям? Во всем Нохчмахке лишь два тайпа остаются в стороне: зандаковцы и бильтинцы. Зандаковцы испугались солдат, которые находятся в Кешень-Аухе и сидят дома, поджав хвосты. И бильтинцы не решаются двинуться с места, боясь пурстопа, который во всем Ножай-юрте остался единственным представителем властей. Вы зря думаете, что царские войска смогут одолеть имама Алибека-хаджи. В Чечне нет царских войск, их всех отправили на войну с турками. Если вы решили выждать и присоединиться к нам, когда мы захватим власть, тогда будет слишком поздно. Помяните мое слово, тогда мы с божьей волей так накажем вас, что вы забудете имена своих матерей!

В толпе раздались возгласы за и против оратора. Какой-то рыжий всадник оттеснил оратора, занял его место, подняв тонкую как трость руку, крикнул:

- Слушайте, люди!

- Слушайте! - поддержали его несколько голосов.

- Я зандаковец. Упрек, который сделал нашему тейпу Нурхаджи, я, с одной стороны, понимаю. Алибек-хаджи из наших зандаковцев, однако его поддержали все другие тейпы, кроме нашего. Но не все зандаковцы спрятались под подолы своих жен. Из наших аулов много людей последовало за имамом. Сегодняшний день - это день, когда познаются настоящие мужчины.

- Так чего же зандаковцы ждут? - спросил Нурхаджи.

- Если говорить открыто, конах, мы не можем при первом же кличе поголовно выступить с оружием в руках. Мы живем под дулами пушек из крепостей Кешень-Аух и Буртуная. Достаточно поднести к ним горящий фитиль - и наши аулы превратятся в синее пламя. И в Хасав-юрте, от которого до нас пятнадцать верст, находятся несколько тысяч солдат...

- А наш Чеччелхи разве не бок о бок стоит с Зандаком и Ножай-юртом? - грубо оборвал его Нурхаджи. - Разве не к тому мы стремимся, чтобы убрать этих солдат и их пушки с нашей земли? - Он повернулся к людям. - Люди! Кто признает имама Алибека-хаджи, хочет вымести отсюда царскую власть и ее слуг, кто хочет свободы, те пусть остаются, а те, в ком бьется заячье сердце, кто потерял человеческую гордость и честь, пусть идут домой.

- Мы поддерживаем имама!

- Трусы пусть уходят!

- Среди бильтинцев нет малодушных!

Толпа бурлила. Многие подняли ружья вверх и разрядили их в воздух. Верховые

поднимали своих коней на дыбы. До того, как Шахбулат успел пробраться к центру, они уже успели избрать себе сотника, еще раньше прославившегося своей ненавистью к властям аульчанина - бедняка Ларчу.

Когда любопытные разошлись по домам и на майдане остались одни единомышленники, посланник имама вышел вперед.

- Люди! Готовы ли вы подняться на борьбу за свободу народа?

- обратился Нурхаджи к толпе.

- До последнего вздоха!

- Знаете ли вы, что трусам и изменникам нет места в наших рядах, что таковых мы будем лишать жизней?

- Знаем!

- Знайте, что у каждого, кто пойдет за имамом, есть только два пути: или победить, или погибнуть славной смертью?

В толпе раздались одобрительные возгласы, сопровождаемые выстрелами.

- Если ваше решение окончательное и бесповоротное, то вам придется выполнять мою волю...

- Говори, мы готовы и умереть!

- Вы должны схватить оставшегося здесь пурстопа и доставить его к имаму.

- Это легче всего!

- Вместе с Шахбулатом, который содержит эту собаку!

- Да, да, вместе с его холуем Шахбулатом!

- Он до старости верно служил властям!

- Надо сжечь его дом!

- Зачем сжигать? Когда мы установим свою власть, он нам пригодится. К тому же, имам строго запретил вершить самосуд.

Шахбулат сказал несколько слов стоящему рядом племяннику, и, пришпорив коня, въехал в толпу. Люди, кто уважая его возраст, кто считаясь с его должностью, расступились.

Осадив коня возле посланца имама, стоявшего на холме, и окинув толпу смелыми глазами из-под седых бровей, он медленно поднял руку, и люди умолкли.

- Аульчане! Стоя в стороне, я слушал ваши крики. Не вам свергнуть власть могущественного русского царя. Подобные крикуны, как тот, что выступил нынче перед вами, подстрекали народ против властей, заставляли вайнахов многие годы проливать кровь понапрасну. По сравнению с теми героями, которые в прошлом сражались с царскими войсками, вы, сегодняшние, просто-напросто молокососы. Еще не изгладились следы этой долголетней бойни, куда ни ступишь ногой - всюду могилы, развалины разрушенных аулов. Достаточно того, что легкомысленные люди, подобные этому векилу имама, уничтожили добрую половину нашего народа. Не дайте себя обмануть! Разойдитесь по своим домам и живите мирно, повинуясь власти...

Стоящий поодаль Ларча, резко оборвал его:

- Это ты можешь мирно жить, Шахбулат. У тебя двести урдов земли, десятки

голов скота, твой царь тебе щедро платит за твою холуйскую службу. Не легкомысленные люди поднимали наших предков на борьбу против царя, а голод, нищета и бесправие...

На майдане зашумели:

- Нам бы по одному урду земли да по одной коровенке!

- В нашей шкуре ты по-другому завыл бы!

- Тебе не приходилось гнуть спину богачам на Тереке!

- Продавать последнюю козу, чтобы платить налог!

Не моргнув глазом, не шевелясь, как каменное изваянье, Шахбулат терпеливо выждал, пока не выговорятся разгоряченные люди, потом опять начал свою речь по-прежнему спокойным низким басом:

- Ладно. Убить меня и сжечь мой дом вы можете. Но если вы прольете кровь гостя нашего аула, позор ляжет не только на меня, но и на всех вас и на ваших потомков. Не велико мужество - убить одинокого в чужой стране человека...

- Мы его не звали...

- Он и подобные ему держат нас в рабстве!

- И все же, с одной стороны, и Шахбулат прав...

- Убив его одного, мы ничего не решим. При том он - гость чужеземный!

- Лучше отведем его к имаму, пусть он решит...

После долгих споров люди решили отвести его к имаму...

После ухода Шахбулата Пруссаков почувствовал себя осиротевшим. Он даже не был уверен, что завтра утром вновь увидит солнце, которое сейчас все ниже спускалось к закату к противоположному гребню. Вспомнились оставшиеся в Веденской крепости молодая жена и двое детей. Хоть и прочны были крепостные стены и там стоял Куринский пехотный полк, Пруссаков не был уверен в том, что крепость устоит перед восставшим народом. Несомненно, мятежники первым же ударом займут ущелье Хулхуло и отрежут Ведено от Грозного. Лишенная внешней помощи, крепость продержится не долго. Что же тогда будет с его семьей? Убить-то чеченцы их не убьют: свою месть они не переносят на женщин, детей и стариков. Но нелегко им будет в плену. У этих дикарей. Останутся на одном лишь чуреке да воде...

Капитан отогнал из головы эти мучительные мысли. Ему стало стыдно за минутную слабость. Однако, через несколько минут он опять впал в раздумья. Ну, пусть его убьют в этом Ножай-юрте. Пусть займут мятежники Ведено. Пусть и семья его будет жить в чеченских аулах. Убитый, он, правда, не воскреснет, но сюда придут войска, и они скоро раздавят мятеж в Ичкерии. Жену и детей его высвободят из плена. Да, их освободят, но как они будут жить? Останутся на скудной пенсии погибшего кормильца...

От горьких размышлений его оторвал легкий стук в дверь. Рука Пруссакова невольно потянулась к лежавшему на столе пистолету. Но тревога его оказалась напрасной. Тихо приоткрыв дверь, в комнату вошла хозяйка Бесехат.

На ней было длинное до щиколоток платье из черного сатина, на голове черная чухта, а поверх нее была повязана большая красно-пестрая шаль с длинными кистями бахромы. Хоть старухе и перевалило за шестьдесят, держалась она прямо и не утратила приятных черт лица. При встрече с капитаном она всегда почтительно, забавно улыбалась, смешно разговаривала, смешивая русские и чеченские слова, но сегодня она выглядела печальной. Натянуто улыбнувшись

капитану и сказав ему "дарасти", она, тихо ступая башмаками из мягкого сафьяна, прошла к тахте и села.

Вслед за ней вошел худощавый симпатичный молодой человек, у которого только-только стали пробиваться бородка и усы, видимо, племянник хозяйки. Он остановился у двери, подбоченясь левой рукой, а правую держа на рукоятке кинжала.

Женщина что-то хотела сказать, но не решалась, бросала взгляд то на гостя, то на юношу. Вдруг взгляд ее остановился на двух пистолетах, лежавших на столе. В этот миг капитану показалось, что из груди у нее вырвался тихий стон.

- Как ваше здоровье, Бесехат? - спросил он, всеми силами стараясь выглядеть веселым.

- Хорошо.

- Где Шахбулат?

Хозяйка вместо ответа печально покачала головой. Пруссаков заметил, как глаза ее повлажнели.

- Вы что, Бесехат, чего испугались?

Поняв, о чем спрашивает русский, Бесехат усилием воли проглотила подступивший к горлу комок и попыталась улыбнуться.

- Я боюсь не только за мужа и сыновей, Павел. Боюсь, как бы с тобой чего-то не случилось. Когда они решили убить тебя, мужу моему с трудом удалось их сдержать. Потом они решили отвести тебя к имаму. А ведь ни этого, ни того нельзя допустить... Вот только что муж не пустил людей, которые хотели ворваться сюда. Кто знает, они могут передумать и снова вернуться. Уходи, Павел, не допусти беду...

Капитан подошел к Бесехат и положил руку на ее плечо:

- Я не имею права уходить. Я должен исполнить долг офицера.

- Если люди вернутся, они не станут обращать внимание на его старость... Мы-то будем оберегать тебя как нашего гостя, как родного сына... Муж мой и сыновья приняли решение умереть, чтобы не допустить беду с тобой... Погибнет старик, погибнут сыновья понапрасну. Потом и с тобой расправятся. Уходи, пурстоп, пока еще не поздно...

Пруссаков хорошо знал чеченские обычаи. Женщину они боготворили и отказать женщине в просьбе – считалось величайшим позором для мужчин.

Ему рассказали об интересной судьбе одного кровника. Убив человека, он бежал впереди кровников. Когда они стали настигать его, он вбежал в первый попавшийся двор. Там сидела седая старушка. Кровник упал перед ней на колени, расстегнул платье женщины на груди, коснулся губами ее груди. Во двор ворвались вооруженные, разъяренные кровники, а вслед за ними на носилках внесли убитого, который был единственным сыном старой женщины. Увидев припавшего к груди женщины кровника, мужчины остановились, как вкопанные. Женщина все поняла.

- Мужчины! - сказала она. - Это человек прибег к моей помощи. Он убил моего единственного сына, но, прикоснувшись губами к моей груди, он стал моим вторым сыном. Я запрещаю вам убивать его.

- Хорошо, Бесехат. Я уйду...

Страшные муки переживал пристав в эту минуту. Для него настал момент, когда испытывались его мужество и благородство. Он должен был или остаться здесь,

выполняя свой долг, погубить принявшую его семью и опозориться перед чеченцами, не вняв просьбе женщины, или покинуть пост, на который его поставило командование, бежать, нарушить присягу воина, пренебречь честью офицера.

После длительной внутренней борьбы он решил принять на себя второй позор.

Через несколько минут во двор вошел тридцатилетний сын хозяина. Теперь у пояса его висел не только кинжал. Он был вооружен саблей, за спиной висело ружье. В ту же минуту из соседней комнаты вышел во двор также до зубов вооруженный его младший брат. Вскоре во дворе собралось человек двадцать, ружья у них были в боевой готовности.

Неспроста собирались здесь эти люди. Значит, опасность уже близка. Отколовшись от своих аульчан, молчаливые родственники Шахбулата собрались полные решимости оградить своего гостя от беды, не дать упасть с его головы ни единому волосу, отдать жизнь за него.

Когда их маленький отряд осторожно выезжал из аула, перед ними, словно из-под земли, появился знакомый веденец и вручил Пруссакову пакет. Выехав из аула и углубившись в лес, он вскрыл пакет и попросил всадника зажечь спичку. На листе было несколько коротких строк:

"*Приставу 2-го участка Веденского округа капитану Пруссакову.*

Вам разрешается покинуть свой участок и уехать в крепость Кешень-Аух. Оставайтесь там и ждите нового приказа.

Начальник Веденского округа полковник Авалов".

С сердца пристава будто упала огромная тяжесть. Он облегченно вздохнул и впервые за сутки выпрямил спину.

Тропинкой, вьющейся по густой роще, они добрались до небольшой лужайки. Здесь стояло более двух десятков готовых в путь оседланных коней, несколько человек и с ними Шахбулат. Один молодой человек подвел к приставу лучшего скакуна и движением руки велел ему сесть. Пруссаков не заставил себя ждать.

Минут через двадцать отряд всадников миновал небольшое ущелье.

Теперь они были на ауховской земле.

ГЛАВА VIII

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Народ мой бедный, нация в сиротстве,

Чем ты грешна, что стольких всяких бед

Опустошают древо нашей жизни...

Ш. Петефи, Жизнь или смерть

Еще несколько лет назад почувствовали матери, что в небе Ичкерии сгущаются грозовые тучи. Но за ними не последовала буря. Кончилось тем, что засверкали в небе молнии, тучи рассеялись и опять засветило яркое солнце.

Правда, и этот год не ушел, не ранив еще раз сердце Айзы. Она считала уже погибшим своего мужа Али, сосланного на двадцать лет в Сибирь.

Говорят, что счастье идет к счастью, а несчастье следует за несчастьем. Стоит иному человеку поскользнуться раз, и несчастье не отстанет от него, пока не свалит его окончательно. То же самое происходит и с Айзой. С тех пор, как она пришла в дом Али, никак не может встать на ноги. Все эти годы Али активно, беспрерывно участвовал в борьбе народа против царской власти. Потом он ушел в Турцию, оставив ее дома с двумя детьми. Когда Али вернулся оттуда, к женщине вернулась, было, жизнь, но и это мимолетное счастье оборвалось с кончиной сперва отца, потом матери, а после, прошлой осенью, вдобавок ко всем этим бедам арестовали мужа.

Не спится сегодня Айзе. Как и сотни других матерей, она выходит во двор, вслушивается в аул, затем возвращается в комнату, падает в постель, так лежит в темноте с открытыми глазами и снова, поднявшись, выходит во двор. Сыновья еще вечером ушли куда-то, до сих пор не вернулись. Айза случайно зашла в кунацкую, и в ее тесной груди неистово забилось сердце, когда она не обнаружила на стене оружие мужа. Несомненно, его унесли Умар и Усман. Теперь ее тревогам не было предела. Заслышав на улице конский топот или ружейный выстрел, она, словно от ожога, вскакивала и, стремглав, бросалась во двор.

Гати-юрт суетится со вчерашнего дня, как разрушенный муравейник. В воздухе ощущалась гроза, которую так боялись матери. Акта то и дело кружит по площади с обнаженной саблей. Все мужчины аула, кроме десятка человек, последовали за ним. Они вынесли все бумаги из канцелярии старшины и, сложив их в кучу, подожгли, превратили в пепел. Скот, зерно и прочее имущество, принадлежащее Хорте, Товсолте и другим богатеям, свезли на площадь перед мечетью и раздали беднякам. Пока люди делают все, что хотят, но что же будет завтра? Ведь немедленно придут войска из Герзель-аула и Хасав-юрта, и власти не ограничатся возвратом имущества Хорте и другим. Разрушат они Гати-юрт пушками, сожгут уцелевшие дома, отправят многих в Сибирь...

Наконец, к полуночи, один за другим вошли оба сына. Увидев у слабо горящей лампадки мать, которая сидела на тахте, обняв колени и завернувшись в старую бахромчатую шаль, старший сын Умар застыл в растерянности.

- Нана, ты почему не спишь? - спросил он, ставя в угол у двери ружье.

Айза развязала шаль на шее, вытерла ее кончиком глаза, посмотрела на сыновей.

- Где вас носит всю ночь?

- Да мы на майдане были...

Умар отстегнул кинжал и наборный ремень и положил их под сложенную постель.

- Думали скоро вернуться, да задержались немного.

- Ну, конечно, раз отца нет, вам можно делать все, что угодно... А с матерью можно не считаться. У меня сердце разрывается от тревоги, а вы...

Мать разрыдалась. В последнее время она заметно сдала. В висках появилась седина, щеки ее, недавно округлые, гладкие, впали, покрылись морщинками. Глаза ее - Умар это заметил сразу

- наполнились слезами, потом, скопившись на ресницах, они обильно полились по обеим сторонам ее заострившегося носа.

Умар сел рядом с матерью и обнял ее.

- Не рано ли плачешь, нана? - притянул он ее к себе. - Если ты в самом начале ведешь себя так, что же будет дальше?

Поплакав немного и успокоив свое сердце, Айза вытерла глаза рукавом платья и посмотрела на сына.

- Что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится?..

Слезы, которые она с большим трудом сдерживала, опять полились ручьями.

- А что сделаешь? Будешь делать то же самое, что и другие матери. - Умар поцеловал мать в лоб.- Отец тебе что говорил? У чеченских сыновей одна только мать - родина, что матери рожают их для нее. Ты же знаешь и таких матерей, у которых убили единственных сыновей, и таких, у которых погибли по семеро сыновей. У тебя же после меня еще один остается.

Усман, стеливший кошму на циновку и собиравшийся ложиться спать, выпрямился:

- Это я остаюсь? Нет, не останусь!

Айза беспомощно опустила руки и посмотрела на младшего сына.

- Разговоры! - повысил голос Умар. - Сказано тебе, не заикаться об этом?

- О, еще этого не хватало! - хлопнула руками себя по коленям Айза. - Одного-то послать мне долг велит, да и второй тоже туда! Ни слова больше!

- Ну да, буду я тебе сидеть дома как девочка, отправив на войну единственного брата, - пробормотал Усман, принимаясь взбивать жесткую подушку. - Если солдаты его окружат, кто выручит, если ранят, кто позаботится?

- Хватит! - махнул рукой Умар. Не сыпь соль на истерзанное сердце матери.

- Тогда ты останься, - не унимался Усман.

- Придет день - уйдешь и ты, а пока мой черед.

- Дада же не пустил своего брата одного в Хонкар, сам с ним пошел.

- Ну и волчонок! - невольно рассмеялся Умар. - Ты что считаешь нас с тобой такими мужчинами, как они? Когда отец и дядя уходили в Хонкар, дома оставались мы с тобой. А если мы с тобой оба уйдем, дома не останется мужчин.

- Хватит и Магомеда...

- Ты, мальчишка, забудь свои глупые мечты.

Слушая пререкания сыновей, Айза предавалась горьким мыслям. Как бы ей трудно ни было, она не имела права удерживать дома старшего сына. Да и сам он не останется, как бы она ни противилась. Об этом он говорил с ней еще вчера. Ведь

народ начал именно то дело, которому его отец посвятил несколько лет. Будь муж сегодня дома, он непременно находился бы рядом с Алибеком-хаджи. Теперь на сыновьях Али лежат несколько обязанностей: занять место отца, сражаться за свободу народа и отомстить тем, кто отправил их отца в Сибирь на двадцать лет.

Ичкерия давно казалась Хорте похожей на пороховую бочку, поставленную возле огня. И он долгое время оставался зорким стражем, стараясь изо всех сил оградить ее от малейшей искры. Вот уже несколько лет он выдавал начальнику Веденского округа тех людей, которые вызывали у него хотя бы малейшее подозрение.

В аресте Али и Маккала из Гати-юрта тоже была доля его усердия. Вернее сказать, это Хорта отдал в руки властей кончик нити клубка - подготовленного в прошлом году восстания. Кончик тот попался в руки Хорты случайно.

...Асхад ночью пустил лошадей пасти на свое поле, а сам прилег, завернувшись в бурку, на траве под раскидистым дубом на низком берегу Арчхи. Здесь спускалась к речке проселочная дорога, ведущая от Аллерой-аула и среди леса зигзагами поднимающаяся на противоположный склон. Для лошадей здесь не было иного пути, кроме этой дороги.

На рассвете стало прохладно. Вокруг остался приятный запах утренней сырости. Асхад, который лежал в полусонном состоянии, свернувшись под буркой в клубок, сквозь сон услышал разговор двух мужчин. Открыв глаза и затаив дыхание, он настороженно напряг слух. Ему показался знакомым низкий голос одного из них, и он глянул под обрыв. Отпустив своих коней пастись, у родника совершали омовение для утреннего намаза Маккал и Али.

- И все-таки, Маккал, в первую очередь, надо занять Ведено, - сказал Али, ополаскивая ноги.

- Нет, Шоип прав. Ведено никуда не денется. Первый удар следует направить одновременно на Хасав-юрт, на укрепления Герзель, Шали и Чахкар...

Несколько минут разговор их не возобновился.

- Дай бог, чтобы аварцы сдержали свое слово, - заговорил Али.

- Если они не выступят с нами одновременно, наше дело не будет иметь успеха.

- Не знаю. Но они поклялись. Однако, мне не нравятся их связи с Хонкаром.

- Да и меня тоже беспокоит это. Кроме того, мне не совсем понравились Арслан-Бек и Муртаз-Али. Особенно Муртаз-Али. Глаза его так и ходят, зыркают...

- Не знаю, но Шоип им верит...

Вернувшись на восходе солнца домой с лошадьми, Асхад рассказал отцу увиденное и услышанное им на рассвете на берегу Арчхи. Хорта, заложив руку за спину, тяжелыми шагами расхаживая по комнате, выслушал сына внимательно, заставляя повторить то или иное место по несколько раз. Ему не понравилось, когда во время этого разговора вошел Овхад. Он почему-то недолюбливал младшего сына, хотя он был умнее и благороднее своего старшего брата. Не то чтобы недолюбливал, а просто в глубине души не верил ему.

- Смотрите, сыновья, - сказал отец, взглянув на младшего сына и поведя пальцем. - Сохраните наш разговор в строжайшей тайне.

В тот же день Хорта сел на лучшего коня и поехал в Ведено. Он подробно поведал князю Авалову о раскрытой им тайне. Всю эту длинную дорогу туда Хорта думал о награде, которую получит от властей за свой донос. Он верил, за такие ценные сведения ему дадут самое малое чин прапорщика, медаль и пожизненную пенсию.

В нем теплилась также и надежда, что старшему сыну дадут какую-нибудь

должность, да еще подобающий ей чин. Ведь тайну-то раскрыл Асхад. Хоть теперь ему повезет. Ведь Асхад несколько лет был переводчиком в укреплении Герзель, но убедившись в том, что его не собираются повысить в чине, вернулся домой и остался работать в магазине отца.

Сведения, с которыми приехал Хорта, однако, нисколько не удивили Авалова.

- Андийцы опередили тебя, господин старшина, - сказал князь Авалов, загадочно улыбнувшись. - Ты немного опоздал. А за разоблаченных тобой двух односельчан вот тебе сто рублей. Советую, чтобы ты в другой раз был расторопнее.

Вскоре власти арестовали Шоипа, Маккала, Али и еще несколько человек. Когда арестовали двух односельчан, Овхад заподозрил в этом отца и брата. Он вспомнил, как Асхад рассказывал о раскрытой им тайне, как отец поспешил в Ведено, как вслед за этим арестовали Маккала и Али. И как после всего этого отец и брат о чем-то забеспокоились. Сомневаться не приходилось: отец и брат предали двух аульчан.

Однажды ночью, когда они втроем остались одни, Овхад открыто высказал им то, что не давало ему покоя.

- Дада, ты предал Маккала и Али?

Хорта, который только что помолился и теперь сидел, перебирая четки, поднял голову и посмотрел на сына.

- Откуда ты это взял?

- Сам догадался.

- В таком случае, держи язык за зубами.

- Я-то свой держу, а вот вы с Асхадом свои не можете держать.

- За свои мы сами ответим.

- Вся беда в том, что и мне тоже придется отвечать за ваши языки. Ведь подлый поступок, совершенный одним из вас, ложится позором на всю нашу семью, на весь род.

- Что же мы сделали позорного?

- А разве вы не совершили подлость и предательство?

- Я слуга царя. Мой долг - убрать с дороги всякого, кто против него. Кроме того, и шариат тоже велит быть послушным, преданным властям.

- Твой царь - враг народа, а тот, кто помогает врагу - подлый изменник!

Оплеуха, громом отдавшаяся в ухе, опрокинула Овхада на нары. Не довольствуясь этим, Асхад подбежал к двери, взял толстый деревянный засов и двинулся на брата, но резкий окрик отца остановил его.

- Прекратить!

Асхад, который двинулся на Овхада с налившимися кровью глазами, отвисшей нижней губой и пеной у рта, остановился, с яростью бросил засов обратно в угол у двери. Отец, как будто ничего не произошло, продолжал спокойно перебирать четки, нашептывая молитву.

Ошеломленный всем этим, Овхад поднялся и провел ладонью по горящей щеке. Он не имел права поднять руку на старшего брата. После этого случая они редко разговаривали друг с другом. Если и заговаривали, не смотрели в глаза...

Узнав, что в Ичкерии началось восстание и что сын его в числе главных заговорщиков, Хорта, не мешкая, погрузил в телеги все свои товары из магазина, прихватил с собой деньги и все ценности и вместе с Асхадом направился в Герзельскую крепость.

Асхад хорошо знал каждый кирпич и трещину в стене крепости Герзель, потому почувствовал здесь себя не только в безопасности, но и свободным, словно он попал в дом своих семи предков. Начальник гарнизона крепости капитан Чекунов вначале сердито поворчал на беженцев, обозвал их трусами и бабами, но быстро взял себя в руки и повернул разговор в другую сторону.

В создавшемся положении нельзя было обострять отношения с богатой верхушкой местного населения, против воли приходилось быть обходительным.

- Что там у вас на подводах? - спросил он, стараясь изо всех сил быть учтивым.

- Товары из магазина и некоторые ценные вещи, ваше благородие.

Чекунов забарабанил пальцами по столу.

- Значит, испугался, сбежал, господин старшина? - презрительно скривив губы, посмотрел он на Хорту. - У тебя не хватило мужества даже дождаться, посмотреть, что мы предпримем?

Сняв с головы коричневую каракулевую папаху, Хорта провел по лбу рукавом черкески.

- Не только я, старик, даже самый храбрый человек не устоит против такой толпы сумасшедших людей. Все мужчины аула поднялись с оружием в руках. Есть слухи, что уже в нескольких аулах убили старшин. Разве бы какая-то польза оттого, что меня убили бы?

"Но ничего не потеряли бы, - подумал капитан. Просто среди чеченцев убавилось бы на одного предателя".

- Что ты собираешься делать дальше?

- Если прикажет ваше благородие, я и мой сын готовы даже умереть.

Чекунов откинулся на кресле, раскинув руки и, нисколько не смущаясь, зевнул, широко раскрыв рот. Потом поднял, то ли от усталости, то ли от пьянки, отяжелевшие рябые глаза на стоящего перед ним Асхада.

- Сын, говоришь? Это он тут был переводчиком?

- Я, ваше благородие, - подтянулся в струнку Асхад.

- Твое имя...

- Асхад Хортаевич, ваше благородие.

- Гм... Хурдаевич, - засопел капитан. - Значит, это ты поменял воинскую службу на торгашество? Напрасно, господин аульный старшина. Ты думаешь, что русские штыки всегда будут охранять твое имущество? Мы сделали тебя купцом, дали в твои руки власть в ауле, а ты даже одного сына не хочешь определить в армию. Какой умница! Ты - копи золото, а мы - охраняй тебя и твое золото. Там в ауле какое-то мужичье показало ножичек, а ты сразу к нам припер... Нет, Хурда, так не пойдет. Ты должен быть сам первым при тушении пожара в твоем доме!

Хорта растерялся. Постепенно покрылись испариной и заблестели его лоб и толстые щеки.

- Ваше благородие, один мой сын ушел воевать с турками...

- Знаю! - оборвал его капитан, махнув рукой. - Насилу послали. Когда вы не смогли послать других людей из аула. Оставим это. Много в вашем ауле мятежников?

- Все! - Хорта просветлел, когда разговор переменился. - Начиная от шестнадцати лет - все. Кроме стариков. Да и они скрепят зубами.

- А богачи?

- Я же говорю, кроме десятка домов...

- Чем занимается эта десятка?

- Ждут приказа начальства...

- Зачем вам ждать приказ начальства. Сколько мужчин в этом десятке домов? Человек двадцать наберется?

- Даже тридцать будет...

- Неужели вы, тридцать человек, не могли остановить мятежников? Почему вы не схватили их, не надели им на ноги кандалы и не доставили всех сюда?

- Не успели мы... - опустил голову Хорта.

- "Не успели!" Потому и не успели, что поспешили свою шкуру спасать. Вот будете знать, когда завтра начнут гореть ваши дома. А ты, Ахмед...

- Асхад Хортаевич...

- Не все ли равно - Ахмед, Асхад... Составь мне список мятежников из Гати-юрта. Против каждого имени сделай отметку о степени его участия. Понял? Ну а тебе, господин старшина, тоже придется искупить свою вину дорогой ценой.

Хорта испугался, что от него сейчас потребуют деньги и несколько волосинок, оставшихся на лысой голове, встали дыбом.

- Сию же минуту ты поедешь в Ишхой-юрт. Там пока что спокойно. Но кто знает, что на уме у тамошних ослов. Может быть, они и не прочь броситься в объятия мятежников, как только те подойдут к аулу. Вот какое поручение мы дадим тебе. Через час поедешь туда, соберешь вместе старшину, мулл и прочих своих собратьев и именем власти передашь им, что если хоть один мятежник ступит в Ишхой-юрт, я сожгу его дотла. Здесь у меня более двухсот солдат, сто всадников и четыре пушки. Через несколько часов подоспеет еще подмога из Хасав-юрта. А мне даже полусотни солдат достаточно, чтобы превратить в пепел ваши Ишхой-юрт и Гати-юрт. Если перечисленные мною почетные люди из Ишхой-юрта станут мямлить, я собственными руками сожгу их дома. А их самих отправлю туда, откуда никогда не возвращаются. Понял?

- Понял, ваше благородие, - торопливо закивал Хорта. - Я буду стараться... Если что не так получится, то не обессудь...

Чекунов поднялся и легонько постучал по столу:

- Если мятежники войдут в Ишхой-юрт, на пощаду не надейся, господин старшина! Вот тебе весь мой сказ. Гати-юрт ты отдал, сбереги теперь хотя бы Ишхой-юрт. А ты, Ахмед, прислушайся к молодежи. Вызовет кто-нибудь хоть малейшее подозрение - возьми его на прицел. А теперь вы свободны.

Вытирая большим красным платком пот с толстой шеи, Хорта мелкими шажками поспешил к выходу. Асхад сделал шаг к капитану с целью пожать ему руку на прощанье, но тот отвернулся к окну.

- Сволочи! - сплюнул он, когда спина Асхада скрылась за дверью.

Много отважных воинов видел майдан перед мечетью в Гати-юрте. Здесь побывал знаменитый Бейбулат Таймиев, когда приезжал в гости к своему другу Акбулату. Через Гати-юрт проехал в Саясан-Корт и Ташу-хаджи, впервые появившись в Чечне. В прошлом при вторжении царских войск по сигналу - криком или выстрелом - с этого минарета за полчаса на майдан собирались закаленные в битвах гатиюртовцы. Через эту площадь поспешно отступил в крепость Герзель разбитый в Ичкерии генерал князь Воронцов; через Гати-юрт увезли раненого в этом походе нынешнего военного министра генерал-адъютанта Милютина.

Собравшиеся сегодня на майдан мужчины не походили на прежних воинов. Большинство - молодежь, с только что пробившейся бородкой и усиками. Но среди них, словно громадные дубы среди молодой поросли, выделялись несколько мужчин, закаленных в прошлой долголетней борьбе против царских угнетателей.

Боясь отстать от товарищей, Умар рысью ехал на майдан, но на углу двора Васала вдруг он встретил Деши, которая шла с подвешенным на плечо узкогорлым медным кудалом.

- Деши, ты что так рано отправилась по воду? - спросил он, легонько хлопнув взбудораженного коня по гриве.

Глаза у Деши наполнились слезами.

- Вай, кант, чем кончится ваша затея? Голова кругом идет...

"Ну вот, теперь и она раскисла, - расстроился Умар. - Все со слезами провожают. Не к добру это...".

- А что станется? Либо погибнем, либо победим. Одно из двух. Ну и женщины! Со своими причитаниями дома и на улице вы накличете на нас беду. Лучше проводили бы нас с песнями, танцами. Приподнимите наш дух, напутствуйте нам, чтобы мы возвратились домой с победой. А вы хнычете...

Деши невольно улыбнулась сквозь слезы.

- Вай, чтоб тебе не умереть, кант, тебе только трепать языком! Вы мужчины перестали думать о нас, женщинах...

- Ну, хватит тебе. Мы идем на бой именно потому, что думаем о вас, женщинах. Мне надо спешить. Прощай.

- Да поможет вам бог...

Прискакав к майдану, Умар застал там все мужское население аула. Толпа была пестроватая. Над майданом, словно зыбкие волны озера, покачивались высокие и низкие, косматые и каракулевые папахи. Черкески и бешметы, новые, старые и латанные. Но оружие у всех было сходное. У многих за спиной чеченские восьмигранные мажары в чехлах, сабли, кинжалы, кремневые пистолеты, заткнутые за пояса.

Акта, восседавший на высоком, огромном мерине, поднял руку с плеткой, призвал людей к вниманию.

- Теперь, люди, выходите каждый, кого назовет вот этот Чалтиг, разбивайтесь в две шеренги на отряды по десять человек. Тот, кто будет назван первым, будет десятником. Чалтиг, начинай.

Пятьдесят человек, имена которых назвал Чалтиг, выстроились на площади во главе с Юсупом, Янаркой, Лорсой, Арсамирзой и Баштигом.

Сложив бумагу со списком вчетверо, Чалтиг положил ее в широкий передний карман своего бешмета, и среди людей, до того стоящих тихо, раздались возмутительные крики:

- Почему меня не назвали? Ты что, за мужчину меня не считаешь?

- Я был на войне, когда ты и твои сверстники сопли языком лизали...

- Что с того, что я хромой? Или вы идете туда, чтобы драпать от врага?

- Пусть одна рука у меня искалечена, но другая-то крепкая и может рубить саблей...

Оглушенный криками Акта, огрев коня плеткой, поднял его на дыбы.

- Эй, люди, прекратите крики! Что вы так разорались? Вы же не животные! Лезут напропалую и те, у кого не загладился след горшка на заднице, и те, что от старости согнулись в дугу! Что будет, если мы все - стар и млад - уйдем из аула? Кто его защитит, если вдруг нападет враг? Если каждый из нас начнет своевольничать, не подчиняться воинской дисциплине, нас легко уничтожит десяток солдат. Тот, кто посмеет ослушаться моего приказа, будет подвергнут самой суровой каре. Эй, Мачиг! Васал! Казалось бы, вы умнее всех нас, а поди больше всех беснуетесь! Достаточно того, что сыновья ваши идут. Если у вас двоих ноги зачесались, я назначаю вас обоих помощниками Акбулатова Ахмеда. Вы втроем будете нести ответственность за судьбу аула. Вы поняли? Если кто-то из пузатых попытается сбежать из аула, ловите и сажайте. Ахмед, пусть подадут знамя! Умар, сын Али! Тебя я назначаю знаменосцем сотни!

Когда Ахмед, сын Акбулата, вышел из мечети со знаменем, пристегнутым на двухметровое древко, люди расступились, оставили ему узкий проход. Когда Ахмед приближался к нему со знаменем, по телу Умара пробежали мурашки. Почему же выбрали именно его из полусотни людей? Почему обошли умных, смелых, мужественных бойцов, закаленных в многочисленных битвах? Ведь он же безвестный мальчишка, которому нет и семнадцати. До него, как сквозь сон, дошли слова, которые громко, чтобы все слышали, выкрикнул Акбулатов Ахмед:

- Умар, сын Абубакарова Али! Делу, которое мы начинаем сегодня, твой отец Али посвятил всю свою жизнь. Будь сегодня дома, он был бы одним из самых смелых, мужественных и мудрых предводителей Ичкерии. Из-за уважения к твоему отцу, в его честь, мы вручаем тебе знамя нашего аула, честь нашего аула. Да поможет тебе бог доставить его обратно с победой, чтобы оно воодушевило молодежь на подвиги, а сердца стариков переполнились радостью и гордостью!

Умар бережно, как младенца, обеими руками принял от Ахмеда знамя, наклонился и почтительно приложился к нему лбом.

Лорса, стоящий впереди отряда, бархатным голосом запел песню. За ним мощными голосами подтянули полсотни людей:

Без ночи тьма наступает,

Без тучи гроза собирается,

На нас, невинных - война грянет.

О, Аллах, даруй нам силу...

С этой печальной песней маленький отряд гатиюртовцев медленным шагом вышел из аула и вниз по Аксаю направился на равнину...

Когда восстала Ичкерия, русские мастера, работавшие на строительстве мельницы Хорты, попали в трудное положение. Вчера ночью они посоветовались с Васалом и Кайсаром.

- Надо вам уходить, - сказал Кайсар. - Война есть война. Всякое бывает. Я не говорю, что люди вас тронут пальцем. Они не обидят вас. Но в военное время вылезают на поверхность всякие подонки, до тех пор притаившиеся в щелях. Кто знает, когда нас не будет в ауле, один из таких опозорит не только наш аул, но и весь народ. Кроме того, и работы у вас не получится. Эта свинья Хорта сбежал. Со своим поросенком.

Яков, старший из троих русских, растерялся.

- Как-то неудобно убежать, когда у вас беда...

- Знаю. Спасибо вам. Мы понимаем вас. У вас дома семьи. Уходите.

В эти два дня много думал Михаил. Одна за другой он переворачивал страницы своей беспросветной жизни. Она была незавидной, как у любого русского мужика. Все его предки, лишенные человеческих прав, тянули тяжелое ярмо помещика. Их били, ими торговали, как скотиной, измывались над их женами, сестрами и дочерями. И того, кто выражал протест против этой жестокости, либо ссылали в Сибирь, либо доводили до самоубийства. Предки Михаила не раз участвовали в крестьянских восстаниях. Из них одних повесили, других сгноили на каторге. Без вести пропал отец Михаила, арестованный в год отмены крепостного права. А в прошлом году, похоронив свою мать, Михаил пустил красного петуха на усадьбу помещика, прославившегося на всю губернию своей жестокостью, и сбежал на юг. У Михаила нет ни семьи, ни дома, ни земли. Он один, как перст. Теперь он батрачит у богатых станичников в Червленной. Должен гнуть спину всю жизнь. Потом он сдохнет где-нибудь на обочине проселочной дороги или под изгородью...

Когда Михаил услышал, что в Ичкерии несколько аулов поднялись против властей, он подумал, а не присоединиться ли ему к ним.

А когда узнал, что во главе восстания стоит такой же двадцатишестилетний молодой человек, как он сам, окончательно решился. Однажды Михаил обмолвился перед товарищами о своем решении. Иван ничего не сказал, а Яков косвенно одобрил.

- О, если бы у меня не было детей полный дом! - сказал Яков.

- Будь я свободным, как ты, я бы не стал раздумывать. Я бы восстал, чтобы отомстить за все муки и страдания моих родителей, и за мои личные. Даже если мне пришлось бы погибнуть в первый же день. У тебя на плечах своя голова, Миша. Свою судьбу решай сам. Но знай, что за эти несколько месяцев мы полюбили тебя, как родного брата. Андрей Никитич твердо решил, если к осени власти не разыщут тебя, женить тебя и сыграть свадьбу.

В день восстания жителей Гати-юрта трое мастеровых собрались ехать домой. Когда Михаил увидел проходивший мимо них отряд Акты, своих друзей Кайсара, Юсупа, Арсамирзу и Янарку, в его голове все перевернулось. Принять окончательное решение его заставил всегда веселый Янарка.

- Эй, Мишка, куда пошол?

- Домой, Янек, домой!

- Домой ни нада. Война нада. Царь бит, эпсар бит нада. Зимла, чурек нада. Иди царь бит, эпсар бит!

Михаил посмотрел на Якова.

- Яков Лексеич, я иду с ними...

- Не знаю, Мишка. В нынешнее время трудно другому советы давать. Поступай, как совесть велит...

- У меня коня нет, ружья нет, Янек.

Янарка хлопнул по крупу своего коня.

- Садись сзади меня, Мишка! Сегодня-завтра мы с тобой убьем эпсар, добудем тебе коня и оружие.

Михаил протянул Якову топор и пилу.

- Возьмите, Яков Лексеич... Я иду. Скажи Андрей Никитичу, что я никогда не забуду его доброту и извинись за меня перед ним.

И вы, Яков Лексеич, не поминайте меня лихом. Простите за то, что я был для вас обузой. Хочу отомстить за наши страдания, за страдания наших отцов и матерей. Если суждено, увидимся...

Михаил обнялся и троекратно расцеловался с товарищами. Потом побежал, ловко вскочил на круп коня Янарки, сделал прощальный жест.

По щекам Якова потекли щедрые слезы...

Гатиюртовский отряд должен был стать ядром повстанческого движения в северной части Ичкерии. На Акту возложили задачу - сперва своим отрядом захватить Ишхой-юрт, находящийся в трех верстах от крепости Герзель, а затем объединить другие отряды, которые прибудут из соседних аулов и двинутся на Хасав-юрт.

К тому времени в Хасав-юрт должны были подоспеть и повстанческие отряды из аулов, расположенных по долинам рек Ямансу и Ярыксу.

Акта не сомневался, что дело с ишхоевцами завершится успешно. Однако картина, представшая их взору, когда отряд прибыл к Ишхой-юрту, удивила его. Берегом Аксая, через густой лес, гуськом выбрался отряд к окраине аула и здесь наткнулся на нескольких человек, которые стояли на пригорке с белым флагом. Среди них были аульный мулла, кадий, двое хаджей. Чуть поодаль стояло более ста женщин и детей. Увидев белый флаг, Акта растерялся. Было непонятно, то ли ишхоевцы показывают свою солидарность, то ли пришли на переговоры. Но в первом случае навстречу должны были выйти не женщины и дети, а вооруженные мужчины. А среди этой толпы не видно ни одного их единомышленника. Что же случилось с ними? Акта, не выдавая своей тревоги, галопом поскакал к представителям аула, резко осадил коня и, подняв его на дыбы, заставил сделать поворот.

- Что это у вас за белый флаг? - прикрикнул он на них. - Почему встречать войска имама пришли женщины? Где ваши мужчины?

Когда пятьдесят всадников из Гати-юрта, славившиеся во всей Ичкерии своим буйным нравом, выехали лесной тропой на открытое место, встали лицом к аулу, ишхоевцы порядком перетрухнули.

К тому же Акта, гарцующий перед ними на огромном черном коне, слыл скорым на руку.

- Мы хотим мира, Акта, - заговорил Тарам-хаджи с белоснежной длинной чалмой, обмотанной вокруг высокой папахи из овчинки, и широким арабским ковровым поясом, обтягивающим его несколько выпуклый живот. - Затеянное вами дело чуждо нашему аулу.

Теперь акта понял, что тут кроется какая-то измена.

- Ты что, думаешь, это дело мне досталось от моего деда Бацары? - повысил он голос. - Это же народное дело! И возглавляют его прославленные конахи!

- Ваша затея - глупость, Акта. Вам не победить христианского царя. И тот, кто не понимает этого - глупец.

- Акта, мы живем в двух соседних аулах, знаем друг друга, имеем родственные узы, - вмешался мулла Аршак. - Просим вас оставить наш аул в покое. Мы же находимся у самой Военной дороги. Бок о бок с крепостью Герзель. Пушечные выстрелы оттуда за час размолотят наш аул. За час и войска из Хасав-юрта сюда подоспеют.

- О, да будь прокляты ваши семь предков! А разве Гати-юрт на небе? - возмутился Акта. - Или думаете, что царские солдаты не смогут пойти дальше вашего аула, там у них ноги онемеют? Или наш аул, наши семьи хуже ваших?

- Пусть каждый отвечает за свою голову, Акта, - напыжился Тарам-хаджи. - Нам ни с кем не нужно вражды. Власть эта нас удовлетворяет. К тому же, всякая власть от Бога, и кто против власти - тот против Бога и будет проклят...

- Ради бога, прекрати эту песню! Она мне осточертела, она мне сердце, душу, легкие - все внутренности прожужжала! Для некоторых из вас она от Бога. Для тех, кто носит на голове чалму в девять локтей, одеваются в эти длинные женские габли, обвязывают толстые брюки ковровыми поясами шириной в ладонь, да еще замаливают свои грехи на связках пятисотенных четок! А для нас, бедняков, она от сатаны. А эти женщины зачем пришли?

- Если вы отклоните нашу просьбу, эти женщины будут просить, чтобы вы не входили в наш аул...

- Несчастный аул! С других аулов все мужчины с оружием в руках поднялись на борьбу за свободу, а ваш против них выставил и детей! Но по-вашему тоже не выйдет! Эй, Арсамирза! Арестуй этих пятерых. Потом разберемся, кто из нас глуп и кто умен.

Из строя вышли двое всадников и с саблями наголо стали по обе стороны от векилей.

- Почему вы не оказываете уважение нашему флагу? - завопил побледневший Тарам-хаджи. - Вы нарушаете обычай наших предков, всех народов, проявляя неуважение к белому флагу и векилям. Хоть на первом своем шаге не позорьте обычай предков!

- Не тебе нас учить! - прикрикнул на него Акта. Теперь уже окончательно разъяренный, он стоял грозно со вздувшимися рыжими бровями и пышными усами. - Если в чем-то мы ошибаемся, у нас есть свои муллы и хаджи, чтобы поправить нас. Эй, как там тебя, старик! Ты иди, отведи домой своих женщин. Янарка, готовься взять аул.

Мулла Аршак от души расхохотался, гладя свою длинную, седую бороду и обнажив крупные, белые зубы. Ямочки, образовавшиеся на его округлых щеках, еще больше распаляли Акту.

- Ты чего ржешь, Аршак? - выхватил он из ножен саблю. - Закрой свою сучью пасть! Ты что думаешь, мы пришли сюда в чехарду с вами играть? Клянусь всеми Кораными, читанными в Мекке и Медине, я порублю ваши большие головы, как тыквы. Свиньи! Это вы, муллы и хаджи, сделали нас несчастными. Когда народ попытался помириться с русскими, вы травили его на них, а когда царь показал вам вымя, вы же продались ему. Уведите их!

Двое всадников тронули векилей с места.

- Но знай, Акта, сын Тевзби, - поднял вверх посох Тарам-хаджи, - если с наших голов упадет хоть один волос, всех ваших единомышленников из Ишхой-юрта вздернут на виселицу! Эти безбожники одни посажены в набахту крепости Герзель, другие находятся под стражей. В ауле стоит двести солдат с двумя пушками.

Подгоняемые к аулу женщины запричитали, как болотные лягушки в летний вечер. Одни из них плакали, другие визжали, снимали с голов платки и размахивали ими. Короче говоря, Акта понял, что они просят его уйти отсюда. Он не выносил женский плач и визжанье, и его терпение кончалось. У него даже появилась мысль ворваться в аул, не обращая внимания на женщин, выгнать оттуда солдат и освободить своих товарищей. "Но если вот эта харя говорит правду, то выполнить такую задачу не хватит сил. А может, он раздул все, чтобы припугнуть их? Эх, будь прокляты их товарищи из Ишхой-юрта! Что же они дали разловить себя, как рассевшиеся на ночь по деревьям куры? Валлахи ва биллахи, надо бы зарубить этих векилей, чтобы власти повесили тех глупцов, которые так просто попали в руки врага".

Подъехавший Лорса наклонился к нему и сказал на ухо несколько слов.

- Арсамирза, не спускай глаз с этих предателей.

Углубившись в лес по тропе, указанной Лорсой, Акта наткнулся на хорошо вооруженного молодого всадника. Когда он приблизился к нему, тот закатил левый рукав черкески и показал пришитую изнутри величиной с ладонь красную латку.

- Я тебя слушаю, - остановился Акта, убедившись, что перед ним гонец имама, и весь обратился во внимание.

Всадник окинул Акту взглядом с ног до головы. Видимо, он остался доволен рослым, худощавым и сердитым сотником.

- Вчера ночью имаму стало известно об аресте властями наших товарищей из Ишхой-юрта, - низким басом проговорил всадник, не разнимая зубов и наморщив лоб. - Как и здесь, неудачно начались наши дела и в аулах по Ямансу. Если сможешь, захвати крепость Герзель и уничтожь там телеграфную связь на протяжении одной-двух верст. Если считаешь, что на это у тебя не хватит сил, отправься в Аллерой-аул, Бачи-юрт, пополни там свой отряд и следуй в Майртуп. Понял?

- Понял. Однако о захвате крепости Герзель с моими силами не может быть и речи. Имаму же хорошо известно, что там находятся двести солдат, сто всадников и две пушки.

- Правда, солдат там многовато. Но ведь силы не всегда на стороне того, у кого больше людей. Решай сам.

- Здесь я задержал векилей Ишхой-юрта, - сказал он приглушенным голосом. - Муллы и хаджи. Буду держать их под стражей до тех пор, пока власти не отпустят наших товарищей. Что имам скажет?

- По-моему, задерживать и карать мирных векилей - это ни с какими обычаями не согласуется. Но они пришли, предав наших товарищей. Это дает нам основание пренебречь правилами. Делай, как считаешь нужным.

Расставшись с молодым человеком, Акта медленно вернулся к товарищам. Он и так был расстроен первой же неудачей, вдобавок ко всему, тот сопляк отчитал его как мальчишку. Возвратившись, он стал грозно рассматривать ишхоевских векилей. Акта не знал стоявшего среди них скудно одетого старика. Очевидно, он был не из породы духовенства и богатеев.

- Как твое имя, старик? - указал на него плетью Акта.

- Мааш.

- А на деле оказался комолым. Будь ты на самом деле Маашом, был бы с нами. И все же я поручу тебе одно важное дело. - Он сдвинул нагайкой на затылок свою мохнатую папаху и почесал лоб. - Возвращайся в аул и передай наши требования

тем, кто послал вас сюда. Этих четверых я увожу с собой. Если власти освободят наших двух товарищей, Жебара и Мутоша, а ишхоевцы дадут нам сто ружей, сто пистолетов и одну мерку пороха, и если выгонят из аула Хорту и его сына, то эти четверо целыми

и невредимыми вернутся домой. Но если в течение пяти дней наши условия не будут выполнены, я отправлю их в ад к своим предкам. Арсамирза, неприлично вести хаджей пешими. Кроме того, и возиться с ними некогда. Пусть четверо всадников отдадут им своих коней, а сами сядут сзади товарищей. Лорса! Построй отряд. За мной!

Через несколько минут маленькое войско Акты скрылось в лесу.

ГЛАВА IX

НАЧАЛО БУРИ

Сходят с ума-то цари,

А спины трещат у ахейцев.

К.Г. Флак. Послания

Генерал-адъютант Александр Павлович Свистунов торопился в Грозный в связи с внезапно вспыхнувшим восстанием в Ичкерии, и каждая верста дороги между Владикавказом и Грозным ему казалась бесконечной.

Начальник области хорошо понимал, какую огромную ответственность накладывает на него восстание в Чечне, которое началось в военное время. Если он не погасит пламя в самом начале, то оно, несомненно, перекинется в Дагестан. В главном штабе имеются точные сведения о том, что между чеченскими, сванскими и абхазскими предводителями установлены прочные связи.

Если восстание охватит все горные районы, то оно прервет пути военных коммуникаций. А отвечать придется ему...

Еще вчера Александр Павлович, как обычно, спокойно занимался своими делами. Небо над Чечней виделось ему ясным. Но кто мог предположить, что гром загремит так внезапно и в такой неудобный момент? Когда они веселились на банкете по случаю коронации Его императорского величества, от полковника Батьянова пришла телеграмма о происшествиях в Кешень-Аухе. Вслед за этим князь Авалов сообщил, что Алибек избран имамом и что в Ичкерии началось восстание.

Когда поступили эти сообщения, Александру Павловичу прежде всего вспомнился Чеченский полк, который стоял во Владикавказе в ожидании отправки на турецкий фронт. При создавшемся положении было опасно держать его здесь. Кто знает, как поступили бы чеченцы, узнай они о восстании. Поэтому он срочно переправил полк за перевал.

Мысли Александра Павловича снова и снова возвращались к создавшемуся положению: к мятежной Чечне, раскинувшейся перед его взором. Всего шестнадцать лет прошло с тех пор, как он беспощадно усмирил последний бунт в Ичкерии во главе с этим Бойсангуром. Начавшись в Беное, бунт перебросился в верховья Аргуна. Там его возглавили знаменитые наибы Атаби Атаев и Умма Дуев. Тогда-то и поймали Бойсангура и вздернули на виселице в Хасав-юрте. А Атаби с Уммой отправили в ссылку. Один лишь беноевский Солта-мурад каким-то чудом спасся. Вернувшись из ссылки, Атаби вскоре скончался, а старый волк Умма затаился в шотоевских горах, облизывая раны, как лев в своем логове, и нетерпеливо ожидал удобного момента, чтобы выйти оттуда для хищнического набега.

У генерала имелись сведения, будто Умма, во время возвращения из последней поездки в Мекку, о чем-то договорился с турками. Но с тех пор прошло много времени, и ничего подозрительного о нем не было слышно. Наоборот, он усердно старался показать властям свою преданность. И все же тогдашний начальник области генерал-лейтенант Лорис Меликов взял в аманаты младшего сына Уммы, Даду, и отправил его в Россию, в кадетский корпус, чтобы воспитать в другом духе, другом сознании. И теперь он в свите Александра Павловича. А старший, Шамиль, - зумсоевский старшина. Но Свистунов все равно сомневается в преданности Уммы. Только утверждение начальника Грозненского отдела князя Эристова, что Умма покорился навсегда и верен царю, притупило бдительность генерала. Однако

недаром говорят, что волк, как его ни корми, все равно в лес смотрит. Трудно поверить, что Умма переменит свой буйный нрав.

Сильный толчок оторвал генерала от этих мыслей. Здесь дорога сплошь была ухабистой и коляска часто подпрыгивала. Поправляя надвинувшуюся на глаза фуражку, он оглянулся. Его взгляд остановился на симпатичном офицере - туземце, ехавшем во главе эскорта. Тонкая талия, на широких плечах погоны прапорщика. Худощавое лицо, красиво закрученные усы, острый взгляд. Когда взгляды их встретились на секунду, генерал вспомнил, что этот молодой офицер - сын Уммы. Интересно, как поступит сын, если отец примкнет к мятежникам? Последует он за отцом или останется верен присяге? Если этот разъяренный лев попытается вырваться из своего логова, в руках генерала ценный заложник, с помощью которого он не только загонит его обратно, но даже поставит на колени.

Далеко впереди показалась равнина Грозного.

Александру Павловичу до сих пор не удавалось осмотреть состояние военных сил области. В мирное время он не имел права вмешиваться в них. Когда началась война с Турцией, он механически стал командующим войсками области. Но у него не было достаточно сил, чтобы расправиться с чеченским мятежом. Двадцать восемь пехотных батальонов и шесть команд. Всего двадцать четыре с половиной тысяч штыков. Казачьи сотни две с половиной тысяч сабель и двадцать четыре орудия. Да плюс к ним одиннадцать сотен местной милиции.

Но ведь невозможно всю эту силу сосредоточить в одной лишь Чечне. Кто знает, что на уме у ингушей? Да еще Военно-Грузинскую дорогу надо охранять. И у границ со Сванетией надо держать вооруженные силы. Осетины и кабардинцы тоже не такие уж ангелы - стоит только ослабить дубинку, тут же покажут зубы. Да еще меньше надежды на русских мужиков и рабочих, которые живут в Грозном...

После долгих размышлений генерал решил пока перебросить в Ичкерию из вверенных ему военных сил восемьдесят четыре роты пехотинцев, девять казачьих сотен и тридцать два орудия. Кроме того, у него оставалась надежда сколотить из чеченцев и других местных народностей добровольческие отряды из аульных верхушек. Об этом он вчера известил окружных начальников.

Ближе к городу дорога оказалась в более лучшем состоянии. Теперь коляска неслась плавно, вздрагивая лишь изредка. Он застегнул верхнюю пуговицу на кителе, пригладил усы и приготовился въехать в город. Генерал знал, что там жители с нетерпением ждут его, как своего спасителя...

По мере продвижения Свистунова с конвоем вглубь города улицы становились все многолюднее. Когда добрались до центра, генерал застал там в сборе отцов города и приехавших из станиц и аулов знатных людей.

Увидев начальника области, они облегченно вздохнули, словно Христос Иисус спустился с небес. Для них он не просто генерал, а герой. Ведь он был начальником штаба войска Терской области, когда шестнадцать лет назад подавляли восстание в тех же горах Чечни. Ходили упорные слухи о том, что тогда восстание было подавлено благодаря его уму и воинскому искусству. В то время он был всего лишь молодым полковником, теперь - это седовласый, умудренный боевым и жизненным опытом генерал-адъютант.

Первым подошел городской священник отец Викентий. Он благословил крестом смиренно представшего перед ним командующего. Потом подошел окружной кадий Юсуп. Затем - разные служивые, отставные генералы и офицеры.

Не обращая внимание на благородные и хвалебные возгласы городских мещан, в сопровождении генерала Виберга и князя Эристова Александр Павлович вошел в канцелярию округа. Не дожидаясь приглашения, следом вошли отставной генерал-майор Арцу Чермоев и полковник Беллик.

За ним последовали еще молодой, стройный кадий Юсуп, офицеры местной

милиции: полковник Касум Курумов, подполковник Уллуби Чуликов и майор Давлет-Мирза Мустафинов.

Начальник области не успел расстегнуть воротник, когда подбежавший Давлет-Мирза Мустафинов снял с его плеч походный плащ, Уллуби Чуликов принял фуражку. Свистунов тяжело опустился в громоздкое кресло, обтянутое черной кожей, над которым висел портрет императора, и окинул взглядом оставшихся стоять старших офицеров. Каждый, на ком останавливался его взгляд, подобострастно подтягивался в струнку. Один лишь кадий Юсуп оставался стоять смиренно, перебирая четки и нашептывая молитвы.

- Садитесь, господа, - сказал генерал, кивнув им. - Ваше сиятельство, докладывайте о положении дел.

Только что присевший было здоровенного роста князь Эристов встал, упершись руками о края стола, и, проведя рукой по седеющим усам, слегка откашлялся.

- Ваше превосходительство, последние сообщения не радуют нас,

- начал он, открыв лежащую перед ним папку и перебирая в ней бумаги. - Когда в беноевских аулах начался мятеж, полковник Авалов, чтобы уладить дело мирно, поехал в Центорой и послал почтенных стариков из близлежащих сел к Алибеку с требованием прекратить смуту, пока она не зашла далеко. Но мятежники их не приняли. Тогда полковник Авалов вызвал из Ведено в Центорой две роты Куринского полка, три с половиной сотни штыков. Но, убедившись, что мятежники не испугались его действий, он не решился вступить с ними в бой и отступил со своим отрядом в Эрсеной. После этого Алибек занял Белгатой. С Алибеком находится известный нам беноевский Солтамурад. Говорят еще, что двое хаджей посланы в наш округ поднимать равнинные аулы. Авалов оставил Эрсеной, сейчас находится в Ведено. Не знаю, почему, но полковник Нурид со своим отрядом стоит в Воздвиженской, не предпринимает никаких действий, чтобы помочь Авалову.

- Каковы планы у мятежников? - беспокойно оборвал Свистунов многословную речь князя.

- Если судить по сведениям, которые я получил сегодня, то весь Веденский округ находится в руках мятежников. Алибек поручил одному из своих помощников Губхе занять ущелье Хулхулау и отрезать Ведено от равнины. По доносам лазутчиков, Алибек собирается выйти на равнину в районе Курчалой-Майртуп.

- А есть вести из Хасав-юрта?

- Час назад флигель-адъютант полковник Батьянов сообщил, что его дела неплохи. Его полк занял линию между Хасав-юртом и Гудермесом, чтобы не дать мятежу перекинуться на равнину.

Князь Эристов не сообщил ничего нового для генерала. Оказавшийся в начале мятежа в Умхан-юрте, начальник штаба войск области полковник Мылов написал ему рапорт с подробным изложением здешней обстановки. Поэтому генерал заранее составил план действий и ознакомил с ним присутствующих.

- Господа, мы не можем допустить, чтобы зараза, вспыхнувшая в Ичкерии, распространилась в другие части края. Необходимо срочно мобилизовать все имеющиеся под рукой силы, отрезать Ичкерию от Ауха, Салатавии, Чеберлоя. Дороги из Чечни в Дагестан закроют части войска Дагестанской области. 20-й дивизии, которая квартируется в Грозном, следует занять предгорье. Таким образом, мы окружим очаг мятежа со всех сторон, не дадим пожару перекинуться в соседние районы, потушим его на месте. Как вы считаете, господа?

Арцу Чермоев одобрительно кивал головой. Касум, Уллуби и Давлет-Мирза признали план гениальным. Юсуп не обмолвился ни словом. Только Беллик возразил генералу.

- Ваше превосходительство, зачем нам укрепления в Ичкерии? - вскочил он. - По сути никаких укреплений там нет, есть несколько каменных построек. Наш первейший долг - защищать русское население в городе и на равнине. Срочно перебросьте с гор на равнину все отряды, не оставляя там ни одного солдата. Помяните мое слово, если вы не сделаете это, чеченцы перережут кинжалами все население не только в станицах, но и в городе... Я же вырос среди них и хорошо знаю их нравы. Ведь ненавидят они нашу власть.

Полковник говорил возбужденно, пронзительно, сильно жестикулируя, так, что жилы на его шее вздулись. Генерал дал ему возможность высказаться.

- Дорогой полковник, я не имею права отзывать отряды с гор под видом защиты русского населения города и отдать чеченцам, хотя бы одно, как вы изволили сказать, наше каменное строение. Это было бы признанием нашего бессилия.

- Ваше превосходительство, мы готовы сделать все, что в наших силах, - сказал Арцу, наклонив голову. - У нас имеются достаточно прочные связи среди чеченцев. Родственные и прочие.

- У меня будет просьба к вашему превосходительству и господам офицерам, - Свистунов посмотрел на других чеченцев, - вызовите завтра сюда всех старшин, мулл и хаджей равнинных аулов.

- Позвольте, ваше превосходительство, - снова просительно взвизгнул Беллик, - позвольте мне укрепить город. Кто знает, вдруг мятежники нападут на город. Ведь нелишне будет рыть окопы и возводить земляные брустверы на подступах. У меня есть возможность собрать людей. Не пройдет и трех дней, как город будет укреплен...

- По-моему, полковник, ситуация такова, что нам следует быть начеку, чтобы городская чернь не примкнула к мятежникам. Вглядываясь в лица многих на улицах, я заметил, что они не только не боятся нападения чеченцев, а, наоборот, рады их бунту. Боюсь, как бы они сами не позвали мятежников. А вы стараетесь охранять их...

Когда Беллик вновь расшумелся, Свистунову надоело это.

- Действуй, полковник, - махнул он рукой, - все равно эти мещане ни на что другое не годятся. От безделья сплетни распространяют, панику наводят.

Вошедший сотник Габаев протянул Свистунову телеграмму.

Пробежав ее глазами, генерал обратился к присутствующим.

- Господа, вам необходимо навести в городе строгий порядок. Немедленно покончить с паникой. Поднять дух жителей. Городские воинские части держать в боевой готовности. А вы, господин Чермоев, через своих товарищей сделайте так, чтобы почетные люди, которые завтра соберутся здесь, подготовили адреса на имя его императорского величества. Какими они должны быть, не мне вам объяснять. Им самим полезно засвидетельствовать свою верноподданность. А теперь вы свободны.

Когда все вышли, Свистунов открыл пакет, поступивший от Батьянова. Полковник подробно излагал события, происшедшие в Аухе: об убийстве полковника Петухова, угоне лошадей из крепости Кешень-Аух, о предпринятой им карательной экспедиции в ауховские аулы.

"На второй день, в назначенное время, мы двинули три батальона по трем направлениям, - писал он. - Испуганные этим движением, жители ближайших аулов вскочили на коней, нагнали шайку мятежников, и к утру все лошади были доставлены в Хасав-юрт.

До назначенного мною времени явились четыре человека, виновные

в убийстве подполковника Петухова. Они были приговорены военным судом к смертной казни через повешение, что и было приведено в исполнение в Хасав-юрте; присутствуя первый раз при казни, я был поражен спокойствием, с которым эти люди умирали...".

"Ну и заварил же ты кашу, господин полковник, - покачал головой Свистунов. - А может это и к лучшему. Надо нагнать страх на этих разбойников".

На следующий день горожане стали свидетелями невиданных зрелищ.

По разным улицам города к центру, к канцелярии начальника округа направлялись чеченцы из аулов. Конные и на подводах. Ближе к полудню площадь перед канцелярией пестрела многоликой толпой. Подавляющее большинство делегатов составляли старики с широкими белыми бородами, с обмотанными вокруг мохнатых папах белыми чалмами. По одежде видно было, что они не из бедных. В черкесках из добротного сукна, в атласных бешметах с драгоценным оружием.

На помост, наспех сколоченный плотниками, поднялись генерал-адъютант Свистунов, князь Эристов, генералы Чермоев и Виберг, полковники Белли и Курумов, подполковник Чуликов. Среди них был и окружной кадий Юсуп в долгополой зеленой сутане, с белой чалмой, повязанной вокруг каракулевой папахи. Когда показалось начальство, в толпе прекратился шум.

- Что-то народу мало, - заметил Свистунов Арцу, не оборачиваясь к нему.

- Из Малой Чечни пришли все, ваше превосходительство. Но из аулов Большой Чечни прибыли немногие. И то - большинство из Шали, Герменчука и Гельдигена.

- Как вы думаете, ваше превосходительство, не начать ли? - придвинулся к генералу князь Эристов.

- Что ж, не будем напрасно терять времени. Начинай, Юсуп.

Юсуп стоял несколько позади других. Он сделал шаг вперед, простер руки для молитвы.

- Субханаллах, валхамдулиллах, ва лаилаха илаллах...

Собравшиеся удивились такому началу - ведь такое мероприятие обычно завершалось молитвой. Но все подняли руки, не ударяясь в дальнейшие размышления. Что им, лишь бы начальству было угодно...

- Аминь!

- Аллаху аминь!

- О Аллах, всемогущий Бог, поддержи нашего великого падишаха Эликсандра в его праведной войне против нашего лютого врага

- турецкого падишаха. Пусть твои пророки, ангелы и святые придут на помощь нашему любимому падишаху Эликсандру, его славным воинам.

- Аминь!

- Аллаху аминь!

- Помоги ему, Бог...

- Пошли ему помощь своих ангелов...

- ...О Аллах, лиши своей милости тех мусульман или христиан, кто словом, делом или мыслями совершит зло против нашего доброго падишаха и его наместников, давших нам счастье, возвысивших и приблизивших нас к себе...

По площади покатился гул "аминь", каждый старался произнести это громче остальных.

Закончив молитву, кадий отступил на свое прежнее место, смиренно опустив глаза.

Стоящие внизу люди, завершая молитву, легонько провели руками по лицам и бородам и, устремив взоры на помост, стали ждать, что будет дальше.

Окинув толпу суровым взглядом, начальник области, нажимая на каждое слово, произнес короткую речь.

- Мне думается, вы знаете, зачем я вас вызвал. Как вам известно, неделю назад Россия начала войну с турками. Изложу вам коротко причину. Турки хотят снова проглотить народы Кавказа, которые его императорское величество вырвал у них из пасти. Но мечты этих голодных собак не сбудутся. Мы не отдадим им ни одной пяди земли. Ее своей кровью защитили русские воины и народы Кавказа. Каждый сын отечества полон отваги и решимости не только защищать этот край, но и освободить другие народы, стонущие под игом проклятых турок. Чтобы выполнить этот священный долг, ушли вчера на войну и ваши храбрые сыны. Но нашлись и вероломные псы, которые воспользовались тем, что над родиной нависла опасность. Они подняли бунт в Ичкерии. Настал сегодня день, когда определится, кто верен царю и отечеству, а кто против них. Я бы хотел знать ваше мнение...

Уллуби Чуликов, толмач князя Эристова, перевел речь генерала.

В толпе раздались реплики, поддерживающие начальника области. Потом представители аулов стали преподносить генералу адреса на имя его величества. Выйдя из переднего ряда и подойдя к помосту, худощавый и долговязый хаджа протянул вверх Свистунову адрес ачхоймартановских аулов. Взяв у старика бумагу, генерал передал ее Чуликову. Развернув вчетверо сложенный лист, Уллуби начал громко читать его:

"*Великий Государь! Более двадцати лет жители 5-го участка Грозненского округа, селений: Ачхоя, Катыр-юрта, Валерика, Алхан-юрта, Кулары, Хадис-юрта и Мержей-Берама, вступив в подданство твое, настолько облагодетельствованы Твоими щедротами, что чувствуем себя совершенно счастливыми, и хотя некоторые из нас переселились с соизволения Твоего в Турцию, но большею частью возвратились обратно под Твое, Великий Милостивый Государь, правительство, и ныне, когда Ты вынужден объявить Турции справедливую войну, мы для совместного с Твоими храбрыми войсками действия противу Турции выслали своих отцов, братьев и сыновей, по желанию начальства около 130 человек конных...*".

Читая всеподданнейший адрес, Уллуби то и дело отрывался от него, поглядывая на генерала.

"*...Недавно мы слышали, что некоторые горцы, подстрекаемые дурными людьми, желают как бы помочь Турции своими мелкими возмущениями, а потому мы, повергая к стопам Твоим наши верноподданнические чувства преданности, просим не причислять нас к этим вероломным горцам, и в случае надобности, мы для усмирения этих неразумных преступных людей готовы поголовно.*

Клянемся Всемогущим Богом в искренности наших чувств и просим повергнуть их пред Тобою, Великий Государь, нашего любимого генерала, господина начальника области.

Всеподданнейший адрес этот мы, старшины и почетные старики, подписали по доверенности наших сельских обществ.

1877 года, 26 дня, апреля месяца".

Когда Уллуби зачитал и вернул генералу адрес, такого же содержания адреса

один за другим преподнесли урусмартановские, шалинские, назрановские депутаты. Начальник принял от них адреса, сложил их вместе и, подняв кипу вверх, показал людям.

- Прекрасно! Вы вручили мне адреса, составленные вами на имя его императорского величества. Однако вы отдаете отчет вашему действию?

Старики удивленно взирали на него. О чем тут думать и что тут непонятного? Такие письма они пишут не впервые. И ведь прежде за такие письма падишаху, начальники благодарили их. Каждому крепко пожимали руку. Самым знатным и почетным из них давали большие подарки, награды. И чего еще хочет от них этот новый начальник, им невдомек!

Взгляды хаджей и мулл, не знавших, что и как ему ответить, просительно остановились на стоявшем в переднем ряду шалинце Боршиге.

- Боршиг, ответь нашему большому начальнику!

- Нет, что вы, - покачал головой Боршиг, - здесь есть офицеры Давлет-Мирза Мустафинов, Бача Саралиев и Сайдулла Сампиев. Пусть они скажут.

- Ты лучше скажешь!

- Говори ты, Боршиг!

Довольно богатый, уважаемый местными властями и почитаемый в окрестных аулах шалинский старшина после притворных препирательств вышел вперед. Рослый и стройный Боршиг, слегка погладив густые усы и коротко подстриженную черную бороду, выступил вперед толпы, выпятив грудь, словно гусак.

- Ваше превосходительство, дорогой наш генерал! - заискивающе заговорил он. - Мы не в первый раз пишем письмо нашему великому падишаху. По примеру наших отцов, мы верно и преданно служим богом назначенному нашему падишаху и его справедливой власти. Аулы, которые послали нас своими векилями, поручили нам передать вам, господин генерал, что они до конца своей жизни будут верны нашему любимому падишаху. В этом нет никакого сомнения!

Когда Боршиг кончил говорить, Свистунов, который все это время стоял снисходительно усмехаясь и покручивая усы, словно собирался продеть их в ушко иголки, уставился на него поверх очков.

- Хорошо, хорошо, - генерал скользнул сердитым взглядом поверх толпы, - выходит, что вы не поняли меня. Прошли те времена, когда в годы войны за такие вот письма, - он потряс в воздухе адресами, - за такие адреса государь император благоденствовал вас пенсиями, чинами и медалями. Прошли времена, когда вас оставляли в покое, лишь бы вы мирно жили рядом со своими бабами. Теперь настало время, когда вы должны показать свою верность и преданность не словами, а действиями. Я объясняю вам, что значат взятые вами обязательства, ваш долг, короче говоря. Как вы знаете, в горах появились преступники. А по дорогам вашего края ездят офицеры, начальство. По телеграфу передают срочные приказы, которые не должны задерживаться ни на одну минуту. Поэтому возлагаю на вас охрану здешней большой дороги и связи Владикавказа с Грозным. Эта дорога и эта связь проходят по левую сторону Сунжи, мимо ваших аулов. Я верю, что вы с большим усердием выполните свой долг, возложенные на вас обязательства.

Люди слушали внимательно, хотя и мало кто понимал, что говорит генерал. Однако по глазам и голосу они поняли, что его речь не сулит им ничего хорошего.

- Если, - пригрозил генерал пальцем, - проезжающие по этой дороге почта, подвода или человек подвергнутся нападению, если перережут хоть один провод или повалят столб, - тогда пеняйте на себя. Прибуду с войсками и все близлежащие аулы, где произошло злодеяние, сожгу, разрушу, сравняю с землей.

А хлеба ваши скошу, потопчу лошадьми, уничтожу. Это я вам твердо обещаю.

Чуликов быстро перевел грозную речь генерала.

- А если мы не будем иметь касательство к преступлению? - спросил мартановец.

- Что он говорит? - повернулся к нему Свистунов. - Я не стану разбираться чья вина. Полностью на вас лежит ответственность за безопасность дороги и связи. Кроме того, как вы и обязались, мобилизуйте побыстрее из своих людей отряды, чтобы покарать восставших злодеев. Это покажет, насколько вы верноподданны престолу. Поняли? Хорошо, если поняли. Тогда поживей возвращайтесь в свои аулы и приступайте к выполнению приказа.

Свистунов повернулся спиной к толпе и спустился с помоста.

В тот день не все депутации чеченских и ингушских аулов разъехались по домам. Хоть обстановка была опасная, а поручения начальника области - ответственные, им еще хотелось, раз уж приехали в город, наладить и собственные дела.

Торговцы бросились к конторам и складам городских купцов. Другие разбрелись по магазинам и базару покупать всякие хозяйственные товары.

Несколько почетных стариков плотно обступили князя Эристова. Спрашивали о войне с турками, о ее причинах, о своих сыновьях и братьях, которые отправились на войну, но успели только пересечь Кавказский хребет.

Ночь не сулила Эристову покой. Командующий вызвал его к себе для конфиденциальной беседы. Николай Богданович прервал занятия с бумагами, и обхватив руками голову, предался раздумьям.

И вправду, будь на плечах даже девять голов, и те не осмыслят события, происходящие на свете в последнее время. Когда он пытается вспомнить и обдумать все происходящее, в голове образуется какой-то невообразимый клубок. Это Франция распространила заразу, взбудоражила весь мир, и людей, и целые народы. Декабристы принесли ее в Россию. Не перевелась она здесь и даже тогда, когда их всех перевешали или сослали в сибирские каторги и под пули кавказских горцев. Вслед за ними появились сотни других бунтарей под разными именами. Теперь в России расплодились какие-то народники, призывающие чернь против царя и властей. И в Грозном бродят их призраки. Эти разнобродые революционеры повсюду сеют смуту, и власть едва успевает ее подавлять. Потушат пожар в одном месте - разгорается в другом.

За эти последние два-три года Эристов и сам участвовал в подавлении нескольких крестьянских восстаний. В Бакинской области, в Сванетии, Мегрелии. И ныне периодически поступают сообщения о крестьянских волнениях в некоторых губерниях империи. Напряженная обстановка в Малороссии, среди татар, башкир, мордвинцев, чувашей. А сколько их может быть неизвестных Эристову...

Поднимаются не только мужики и туземные народности. Эта зараза распространилась даже и среди казачества. Почти два года сопротивлялись правительственным войскам казаки Урала. Не хотели принимать новый закон о воинской повинности и нововведения в общественном управлении. Триста семей, переселенных оттуда на побережье Аральского моря, не усмирились по сей день.

Говорят, имеются места недовольства и среди донского казачества. Эта опасная зараза могла докатиться и до Терека, если бы не эта война и чеченское восстание.

Но за последние двадцать лет постепенно набирает силу другой самый страшный для самодержавия противник - рабочие. В крупных городах страны против власти они поднимают свой мощный голос. Эту грозную силу видел и Эристов, будучи в позапрошлом году в Петербурге. Две с половиной тысячи рабочих Невского механического завода остановили работу и вышли к конторе. А причина была пустяковая! Кричали, почему, мол, не выдали своевременно плату. Но вызванные

туда казаки здорово проучили их. Разогнали нагайками и саблями.

Мужиков и рабочих, веками терпеливо тянувших свою лямку и не имевших единство, говорят, взбудоражил некий Маркс. Говорят, созданное им какое-то общество взялось за руководство освободительным движением всех народов мира. Его учением, говорят, руководствуются и революционеры России.

"Почему терпят таких людей во Франции, в Германии, Англии, Америке? Своих и изгнанных из России? Неужели у них нет, как в России, тюрем, каторги, виселиц, чтобы сажать их, вешать? Там с распростертыми руками принимают изгнанных отсюда герценых, бакуниных и прочих бунтарей. А они оттуда постоянно мутят Россию. Вот если бы там обошлись с ними так, как тут с декабристами. Или бы карали, как недавно это сделали в Одессе с пятнадцатью или в Москве с пятьюдесятью. Так нет же, эти страны своим слабоволием заражают весь мир..."

Эристов взял карандаш и стал стучать им об стол тупым концом.

С каждым разом, когда карандаш ударял по гладкому, как стекло, столу, ему казалось, что мысли его пробуждаются.

- Нет, - решил Эристов, немного подумав, узду нельзя ослаблять. Освободили крестьян - и что же получилось? Пуще прежнего буйствуют. Вместе со свободой и землю требуют. Если и ее дать, все равно не успокоятся. Потребуют, чтобы отдали им и власть. Тогда их, князей Эристовых, не будет...

Эристов достал из нагрудного кармана кителя часы и взглянул на них. Было без двадцати минут семь. Собрав со стола ворох бумаг, он уложил их в сейф, лязгая замками, закрыл его. Потом закрыл ставни окон на задвижки. Выйдя в коридор и приказав адъютанту погасить лампу, он направился к Свистунову.

Командующий остановился в здании канцелярии округа, в отведенных для высокопоставленных лиц комнатах. Передняя просторная комната предназначалась для приема гостей, во второй была спальня.

В гостиной Эристов застал сидящих за круглым столом командующего генерала Виберга и городского священника отца Викентия. На столе стоял дымящийся новый эмалированный самовар, обставленный четырьмя стаканами на блюдцах.

Увидев лоснящееся от пота холеное лицо попа, Эристов понял, что они выпили изрядную порцию чая. Свистунов указал Эристову на стул рядом со священником, когда тот поприветствовал их.

- Садитесь, Николай Богданович. И налей себе чаю. Мы себя не обидели... Ну и как, уехали наши гости?

- Уехали, ваше превосходительство.

- Как они настроены?

- Да говорят, что все сделают.

- А вы верите?

Эристов налил себе в стакан чай и сделал маленький глоток.

- Верю. У них нет иного пути, как кроме быть с нами. Ведь эти люди не так глупы, как нам кажется. Они хорошо знают силу власти и бессилие мятежников, и что присоединившись к ним, они ничего не приобретут, а отделившись от нас, потеряют все.

Свистунов закрутил сигарету и затянулся.

- Так-то оно так, Николай Богданович, но таких типов в аулах пока мало. Смогут ли они удержать за собой остальные массы?

- В аулах же все чеченцы связаны одной цепью тейпового родства, ваше превосходительство. А концы цепей в руках имущих.

Когда они кончили пить чай, вошел слуга и убрал со стола самовар и посуду.

- А каково настроение ваших овечек, отец Викентий? - повернулся Свистунов к священнику.

Вспотевший отец Викентий задрал бороду вверх, расстегнул ворот сутаны и вытер платком шею. На животе висел, вернее, лежал большой крест на серебряной цепочке.

- Души людей - потемки, ваше превосходительство, - сказал он, разделив ладонью бороду на две части. - Вникнуть в тайны людские дано только Богу. А я лишь его смиренный раб.

На лбу генерала собрались грозные тучи.

- Все мы рабы Божьи. Но, отец Викентий, не забывайте, что мы, кроме того, слуги царя.

- Я и ему денно и ношно возношу хвалу...

- Устои власти и церкви одними хвалами не укрепить, - снова оборвал его Александр Павлович. - Вы должны знать тайны сердца вашей паствы.

Голова у отца Викентия опустилась, разломив бороду надвое. Командующий затянулся напоследок, смял сигарету в пепельнице, медленно встал.

- Я вызвал вас, господа, для совершенно секретной беседы, - сказал он, заложив руки за спину и расхаживаясь по комнате.

- Вы хорошо знаете состояние внешних дел империи и внутреннюю обстановку. У нас война не только с Турцией. Хоть и не воюют открыто, но с нами враждуют и всесторонне помогают туркам почти все европейские государства. Это одно. Однако в этот трудный для нас момент далеко не спокойно и внутри страны. С каждым днем больше и больше распространяется революционная зараза. Против власти поднимаются мужики в деревне, рабочие в городах. Не могу с уверенностью сказать, что этим не заражено здешнее русское мужичье.

Командующий остановился, сжимая обеими руками спинку стула.

- Восстали чеченцы. Из-за нашей пассивности! Из-за того, что мы вовремя не заметили паутину, которую они плели. Не думайте, что их восстание связано с нынешней войной. С турками у них нет никакой связи. Ни одного следа турецкого эмиссара, ведущего в Чечню! Это проверенная истина. Восстание подготовили они сами. У нас под носом, пока мы дремали. Что свершилось, того не вернешь. Есть один путь для исправления нашей ошибки: немедленно и жестоко подавить мятеж. Но в этом деле нам может помешать некоторая часть местного русского населения. Я не говорю о верноподданных казаках, я имею в виду мужиков и солдат. Правда, вряд ли мужики из города пойдут в горы, присоединяться к мятежникам. Но если мятежники нападут на город, то мужики, если и не присоединятся к ним, то уж во всяком случае против них не пойдут. Поэтому, отец Викентий, у меня есть к вам одна просьба.

Александр Павлович сел и внимательно вгляделся в глаза священника. Генерал Виберг почему-то снял очки с продолговатого острого носа и принялся протирать их платком.

- Надо разъяснить народу в городской и станичных церквях сложившуюся обстановку. Первое: цель начатой нами против турок войны - освобождение томящихся под турецким игом единокровных и единоверных братьев славян и единоверных грузин и армян. Второе: чеченское восстание направлено не только

против русских, но и в помощь извечным врагам русских и всех славян - туркам. Третье: восставшие чеченцы полны решимости безжалостно убивать любого русского, попавшего под их руки. Четвертое: чтобы не допустить этого, все христиане должны объединиться и подняться против мятежников. Вы меня поняли, отец Викентий?

Священник медленно опустил красные веки с длинными ресницами и трижды кивнул. Князь Эристов, который до сих пор никак не мог взять в толк причину вызова сюда главы церкви, теперь все понял.

- А вы, уважаемые Александр Карлович и Николай Богданович, - командующий повернулся к Вибергу и Эристову. - Перед вами стоят большие задачи. Казакам мы пока можем доверять. Между чеченцами и казаками существует вражда из-за земли. Надо всячески разжечь и подогревать эту вражду. Из боязни, что чеченцы отберут у них земли, казаки усердно будут драться с мятежниками. Они могут быстро сговориться. Вы должны исключить какую-либо связь между ними. Кроме того, Александр Карлович, вы срочно приведете свою дивизию в боевую готовность. Мы пока не знаем, где она раньше понадобится - в городе или в горах. Подготовь две-три роты из самых надежных солдат на случай, если в городе вспыхнет бунт.

- А не надежнее ли будет, Александр Павлович, если вызвать в город пару казачьих сотен? - сказал Виберг.

- Безусловно, Александр Карлович. Я не могу здесь задерживаться. Не очень-то верю я и в остальные округа области. К тому же через мои руки проходят и все коммуникации Закавказского фронта. Завтра утром я возвращаюсь во Владикавказ. Смотрите, будьте бдительны. А в укреплении города Беллику тоже помогите. У горожан, если оставить их без дела, могут возникнуть нехорошие мысли. А теперь вы свободны, господа.

ГЛАВА X

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Смелый вперед! Вперед, отчизна!

Полдела сделано! Вперед!

Ш. Петефи. Шумим, шумим...

Сегодня пятый день, как началось восстание.

Но никакого успеха пока не видно. Правда, Алибек занял все аулы Веденского округа, кроме самого Ведено. Однако радоваться было нечему. До сих пор не произошло сколько-нибудь серьезного сражения с царскими войсками. Князь Авалов, прибывший с отрядом в Центорой, по приближении повстанцев отступил в Ведено и закрылся в крепости. Войска из Хасав-юрта тоже выжидают. Алибеку ничего иного не оставалось, как арестовать аульных старшин. А это бесполезная трата времени. Алибеку нужно сражение, одержать победу в этом сражении, чтобы воодушевить народ.

Кроме того, и аулы в верховьях Аргуна пока выжидают, как обернется дело в Ичкерии.

С этими горькими размышлениями Алибек спускался через Жугурты по гребню. Хоть и были на его стороне почти вся Ичкерия и Аух, сегодня под его знаменем шли лишь пятьсот бойцов. Да и те большей частью - молодежь.

За ним идет Кайсар, погрузившись в те же раздумья. Только Овхад почему-то весел, как никогда. Алибек оставил его при себе, назначив своим адъютантом. Он знает русский язык и грамоту.

Впереди показались плоскостные чеченские аулы: прямо - Майртуп, вокруг, сбившись в кучу, - Бачи-юрт, Курчалой, Иласхан-юрт, а к югу, недалеко от Курчалоя, - Автуры, дальше

- Шали, Герменчук, Гельдиген.

Каждый из этих аулов дал Чечне выдающихся людей. Иласхан-юрт

- Бейбулата Таймиева. Главный сподвижник Бейбулата, мулла Магомед, был из Майртупа. Курчалой дал знаменитого Талхига. А герменчукцы - Абдул-Кадыра и Ховку.

Алибек устремляет взор на эти аулы. Из каждого из них получилось бы десять-двадцать таких, как его родной аул Сим-сир. Как же примут его крупные аулы, бывшие всегда сердцевиной Чечни? По словам Булата, там одни только молодые сочувствуют делу свободы. А беноевские Сулейман-хаджи и Сайдул-хаджи, которых Алибек посылал туда, утверждают, что есть надежда на полный успех. Но Алибек знает, что в Майртупе находится более полутысячи добровольцев из аулов Гельдиген, Курчалой, Цацан-юрт, мобилизованные князем Эристовым на помощь царским войскам.

Алибек с беспокойством смотрел по сторонам. Булат, которого он во второй раз послал в Шали, до сих пор не вернулся. И от Васала, посланного на разведку в гарнизоны царских войск, нет ни слуху ни духу. Васал - русский солдат, перешедший в годы войны на сторону чеченцев. Он верен тем, кто принял его, как родного. Он убежден, что его борьба против царя - это частица борьбы его народа за свободу, что свобода обоих народов связана воедино. Любовь к своему народу, родине он передает старшему сыну Юсупу. Васал, отлично владеющий русским и чеченским языками, - хороший разведчик в тылу противника.

Не зная точных планов противника, Алибек не посмел сразу выйти на равнину и

остановился в лесу у подножий гор.

Поручив Овхаду объявить воинам короткий привал, Алибек спешился и вместе с Кори поднялся на высокий холм и, приставив подзорную трубу к глазам, стал тщательно осматривать аул.

- Гонец, посланный в Чеберлой, прибыл, - сказал подошедший Кайсар, вытирая со лба пот папахой.

- Есть ли чему радоваться?

- Нет. Говорит, что Умма-хаджи и не собирается двинуться с места.

- Это еще что значит?

- Кто знает... Говорит, вместе с приставом разъезжают по аулам.

- А Дада Залмаев? - спросил Кори.

- Пока что за ним следуют лишь два десятка человек.

Вправив подзорную трубу, Алибек заткнул ее за пояс.

- Опять осечка! - глубоко вздохнул он. - Все испортили ауховцы, которые сняли штаны, не дойдя до реки. Поспешили угнать этих дохлых клячей. Не сделай они этого, мы бы могли внезапным нападением захватить Хасав-юрт и Герзель-аул. А теперь отсиживаются, заварив эту кашу. Не только они, но и мои зандаковцы. Сказывают, что чиркеевский Хамзат-хаджи там прожужжал им уши.

- У меня никогда не лежала к нему душа, - покачал головой Кайсар. - Груша падает под грушу. Ведь его брат Шейх-Магома

- прислужник властей. Тот и другой - пара крыс, взвращенных в одной утробе.

- Магомед-хаджи, Муртаз-Али, Джафархан и их единомышленники, которые поклялись поднять народ в Дагестане на второй же день после начала восстания в Чечне, молчат теперь, будто в рот воды набрали.

- У вайнахов есть поговорка: тебе-то я верю, но не верю тому, кому ты веришь. Я верю Гаджи-Магомеду и Ники-Кади, а вот в чистоплотности остальных сомневаюсь, - выразил свое беспокойство Алибек. - Что ни говори, а Джафархан - князь. Абдул-Межид и Фаталибек - царские офицеры. И Махти-бек - генеральский сынок. А Мамед-Али и Казн-Ахмед - княжеские отпрыски. Как знать, вдруг власти протянут им руку с подачкой, и они пойдут на попятную. Больше того, могут предать наше дело...

- Когда Солтамурад вернется из Согратлы, мы узнаем, какие мысли они вынашивают.

- Да я и так знаю. Ждут, чем кончится наше дело.

- Валлахи, они не дураки... Ведь это же Васал дымит там сигаркой! - указал Кайсар пальцем вниз, в гущу людей.

Как всегда, накинув на плечи черкеску, дымя скрученной из кукурузной ботвы крепкой сигарой и бросая шутки на ходу вправо и влево, Васал взбирался на вершину холма.

Подвернув под себя полы черкески, Васал сел на обросший мхом камень. Уловив вопросительный взгляд Алибека, он тут же, не мешкая, стал излагать собранные им сведения.

Прежде всего он рассказал о сходе почетных людей из Большой и Малой Чечни в Грозном.

- Горожане настроены по-разному. Богачи перепуганы, беднота радуется. Генерал Орцу и полковник Беллик бегают как наседки, потерявшие подкладное яйцо. Роют траншеи вокруг города. Умхан-юртовский отряд, направлявшийся сюда, остановился около Гельдигена в ожидании войск из Эрсеноя.

- Много их? - спросил Кори, который с блокнотом и карандашом в руках внимательно слушал Васала.

Сняв с головы мохнатую папаху и положив ее рядом с собой, Васал почесал свое линяющее темя.

- По-моему, в Умханюртовском отряде один батальон пехотинцев, казачья сотня, четыре пушки и отряд милиции. В Эрсеноевском отряде три пехотных батальона и четыре пушки.

- Сколько их получается, Овхад?

- Самое меньшее пять тысяч солдат.

- Если прибавить к ним добровольцев, получается около шести тысяч! А у нас всего пятьсот человек! - покрутил головой Кори.

- Ничего, кентий! - хлопнул его по плечу Алибек. - Прежде чем эти два отряда объединятся и дойдут до Майртупа, надо разбить собравшуюся там свору гончих. Эх, нам бы хоть одну пушку! Одну единственную!

- А что бы мы с ней делали, если бы и была? Ведь никто не умеет из нее стрелять. Стояла бы себе, и воробьи спокойно гнездились бы в ее жерле.

- У нас есть, кто бы заставил ее работать. Кори и Эльса. Ну, идем на аул. Кайсар, пусть приготовятся к бою!

Кайсар выстрелил вверх из ружья. Знаменосец высоко поднял знамя.

Упраздненный на мирное время штаб войска Терской области был вновь создан в конце прошлого года, когда обострились отношения с турками.

Начальник штаба полковник Мылов знал количество военных сил области. Но об их состоянии у него было лишь смутное представление. В Ичкерии началось восстание, когда полковник ранней весной объезжал войсковые штаб-квартиры, чтобы воочию увидеть обстановку, и находился в Умхан-юртовской станице.

Мылов сразу разглядел всю опасность восстания. Он понял и то, что его надо подавить, пока оно не успело вылиться на равнину. Хоть он был начальником штаба и бразды правления военной операцией находились в его руках, все же не решался предпринять самостоятельный шаг. Требовалось разрешение из Тифлиса, чтобы удержать здесь значительное количество воинского контингента, подготовленного для отправки на Закавказский фронт.

Не зная, что предпринять, он и начальник Умханюртовского отряда подполковник Долгов ломали головы, пока, наконец, не прибыл гонец из Владикавказа с приказом двинуться в сторону Шали, присоединиться к отряду полковника Нурида, стоящего в Эрсеное, и перекрыть мятежникам все пути на равнину.

Покинув сегодня в три часа утра Умхан-юрт и пройдя Мескер-юрт и Цацан-юрт, отряд остановился лагерем у Гельдигена.

Полковник не знал замысла мятежников. Логические размышления приводили к тому, что они обязательно двинутся к Шалям. Однако Мылов не решался приказать Долгову выступать навстречу противнику. По сведениям лазутчиков, с Алибеком было несколько тысяч мятежников. По сравнению с ними, силы отряда были малы: один батальон Тенгинского полка, одна сотня Сунженского казачьего полка, четыре орудия и временная милиция из Грозненского округа. Правда, в Майртупе

находились собранные из окрестных аулов пятьсот чеченских добровольцев. Но кто знает, как туземцы поведут себя, когда начнется бой?

Мылов решил подождать, пока подойдет отряд полковника Нурида. Но когда они, выгрузив котлы, собирались разжечь костры, пришло письмо от Нурида о том, что эрсеноевский отряд направляется в Курчалой и просит его спешиться туда. Тогда Мылов быстро отправил гонца в Майртуп передать добровольческому отряду, чтобы он до последних сил защищал аул от мятежников.

Погрузив на подводы только что снятые котлы, отряд двинулся дальше.

- Вы верите, что милиция по-настоящему будет сопротивляться мятежникам? - спросил Долгов, отправив гонца в Майртуп.

- Не знаю, - пожал плечом Мылов. - Но у нас нет другого выхода. Надо использовать все средства, имеющиеся в наших руках. Первый же бой решит нашу судьбу. Если мы проиграем его

- все равнинные аулы примкнут к мятежникам.

А если разгромим - они пойдут против них.

- Это понятно, - глубоко вздохнул Долгов.

Еще утром ясное небо постепенно заволокло тучами и почернело. Когда стали то и дело вспыхивать молнии, раздосадованный Долгов посмотрел на небо.

- Неужели вдобавок ко всему еще дождь хлынет?

- Этого только не хватало к нашим бедам!

- О проклятье! Закапало...

Отряд Долгова занял позицию к югу от аула, на высоких берегах речки Гумс. Между отрядом и аулом было не больше полторы версты. Отряд еще не успел подтянуться, когда на дороге, ведущей из Жугурты, раздались выстрелы. Беспорядочно разбившись на группы, во весь опор мчался отряд, далеко впереди остальных на сером коне несся наездник в развевающейся на ветру черной бурке. За ним в нескольких шагах от него скакал всадник со знаменем на длинном древке, цвет которого отсюда невозможно было определить.

Всадники то как стрелы вылетали из лесочков и оврагов, то появлялись на холмах, то исчезали в оврагах, то смешивались, то рассеивались. Когда авангард достиг аула, с обеих сторон раздались выстрелы. Изредка доносились восклицания: "О Аллах!". Но их заглушал женский визг и собачий лай.

Солдаты залегли в спешно вырытых окопах и, положив рядом ружья, прислушивались к происходящему. Лишь офицеры, не прячась, старались увидеть все, что делалось в ауле. Но им недолго пришлось теряться в догадках. После получасовой перестрелки из аула показались отступающие добровольцы. Пешие, конные и даже чуть ли не на плечах и шеях друг у друга, они без оглядки перебрались на левый берег Гумса. Но число отступивших составляло только половину добровольческого отряда.

- Неужели остальных перебили? - удивился Мылов и грубо выругался.

- Куда там! Примкнули к мятежникам. Куда они лезут, как бараны! Есаул Афанасьев! Остановите этих скотов! Гоните их назад в овраг!

- Пока дождь не разразился вовсю, надо установить батарею, - сказал Мылов.

Потянув повод, Есаул круто повернул коня, и, подскакав к своей сотне, готовой броситься в атаку, крикнул:

- Терцы! За мной!

Отступившие из аула чеченские добровольцы, когда наперерез им устремилась кавалерийская сотня с саблями наголо, растерянно остановились.

- Почему вы отдали аул, трусы? - прикрикнул на них Афанасьев, гарцуя на коне.

Бежавший впереди всех, лучше всех одетый рыжий чеченец на гнедом коне с ружьем в руках и подвешенной на шее саблей, видимо, командир добровольцев, заговорил на ломаном русском языке.

- Их много, господин опицер! Так много, что не сосчитать.

- А вас что, меньше было? Кто ты такой?

- Купец Ильясов из Курчалоя...

- Куда девалась половина твоих людей?

- Перешли к злодеям, ваше благородий...

Есаул отвернулся и сплюнул.

- Да будь проклят тот день, когда вы родились! Поворачивай своих шакалов! Растягивайтесь цепью и занимайте овраг. Кто высунется, тому мозги вышибем, так и знайте.

Проклиная и себя, и офицера, они спустились и растянулись цепью в овраге.

Четыре орудия установили над левым берегом Гумса так, что они могли бить в упор каждый дом аула.

- Господин подполковник, прикажите ударить несколькими снарядами по аулу, - распорядился Мылов.

Когда в ауле стали разрываться ядра, до него донеслись отчаянные крики и вопли женщин и детей.

Мылов не собирался нападать на аул. Возлагая все надежды на Эрсеноевский отряд, он часто поглядывал на дорогу из Курчалоя.

А одно ухо его постоянно внимало Майртупу. Он боялся, как бы мятежники не предприняли атаку прежде, чем подоспеет главный отряд. К счастью, мятежники почему-то вышли на край аула и остановились, начали из садов безвредный обстрел. Полковник думал, что они, очевидно, делают рекогносцировку.

Ближе к полудню, наконец, со стороны Курчалоя послышались ружейные выстрелы. Вскоре оттуда показался головной кавалерийский отряд.

- Слава богу! - облегченно вздохнув, перекрестился Мылов.

Двигавшаяся в авангарде отряда полубатарея 1-ой батареи 20-ой артиллерийской бригады на полном ходу заняла позицию справа от казачьих орудий.

Батарейцы быстро распрягли лошадей и, едва только успели укрепить лафеты, дали залп по аулу. Через некоторое время быстрым маршем подоспели батальоны Навагинского, Тенгинского и Куринского полков. Замыкающий арьергард обоз остановился на краю Курчалоя.

Выслушав рапорт подполковника Долгова, Нурид взял на себя командование объединенным отрядом. Осмотрев условия местности, он стал расставлять военные силы. Батарея из восьми орудий уже приступила к делу. За ней справа, вдоль берега, укрепились первый и четвертый батальоны Тенгинского полка, а слева - четвертый батальон Навагинского полка.

В версте позади остались в резерве три роты Таманского полка и казачья сотня Сунженского полка. На случай нападения с тыла со стороны Курчалоя обоз разместили в вагенбурге под охраной второго батальона Навагинского полка.

Когда отряд окончательно занял позиции, Нурид приказал обстрелять аул гранатами.

- Прицел в центр! Снесите мечеть!

Первая граната со свистом пролетела над мечетью и упала чуть дальше. Вторая упала, не долетев, а третья сбила острый купол минарета. Вскоре в разных местах аула вспыхнули пожары.

Полковник Нурид удовлетворительно кивал после каждого удачного попадания. Когда аул начал гореть, повстанцы укрылись в ближайших садах и дали густой ружейный залп по батарее. Двоих артиллеристов убило и нескольких ранило.

- По садам картечью! - кричал Нурид. - Зачем эти чеченцы сидят в овраге? Пусть двинутся вперед.

Картечь начала стричь зеленые ветки садовых деревьев, в которых скрылись повстанцы. Чеченские добровольцы невольно вышли из оврага, пошли в наступление, но вскоре отступили, оставив человек двадцать убитыми.

- Ах вы, ослы! - сплюнул следивший за ними Нурид.- Господин полковник, гоните их вперед, приставив на спины штыки! Они же попросту не хотят драться. Стараются угодить и нам, и мятежникам!

Взяв с собой роту Навагинского полка, Долгов спустился в овраг и погнал оттуда добровольцев вверх по откосу. Но, выйдя из оврага и оказавшись на открытом месте, попав под ружейный обстрел, они не смогли двинуться вперед. Под огнем орудий сады оголились, сопротивление повстанцев постепенно стихало.

- Смотрите, полковник! - вырвался ликующий возглас у Мылова.

- Отступают! Отступают!

Нурид посмотрел туда, куда указывал Мылов, и увидел повстанческий отряд, вышедший из аула и длинной цепью потянувшийся по дороге в сторону Жугурты.

- Хорошо, хорошо, - повернулся он к Мылову, опустив подзорную трубу. - Прикажите четвертым батальонам Тенгинского и Навагинского полков занять аул.

Когда оба батальона в боевом порядке перешли речку и приблизились к аулу, он подозвал к себе командира батареи.

- Перебросьте батарею через речку и займите позицию вон в той роще. Первый батальон Тенгинского полка будет прикрывать вас.

Сквозь дождь и слякоть с трудом дотащили солдаты орудия до рощи, и когда они заняли позицию, навагинцы с криками "ура" бросились в аул. Полковник Нурид был уверен, что победа близка.

Но не прошло и получаса, как случилось непредвиденное.

Как и подозревал Мылов, постреляв немного для видимости, майртупцы и прибывшие им на подмогу добровольцы из окрестных аулов отдали аул повстанцам.

Алибек и его товарищи хорошо понимали, что дело их не кончается легким занятием аула. Он немало занял аулов так, без сопротивления. Отступление князя Авалова в Ичкерию он также не считал победой. Если бы он разгромил отряд Авалова - тогда было бы другое дело. Теперь противник успел и оправиться и сосредоточить свои силы. Сегодня он не думает так легко показать спину, как это в горах сделал Авалов.

Алибек помчался к окраине аула, где разгорелся бой.

За ним последовали Кори, Овхад и Елисей. Хотя с передовой позиции к нему часто поступали донесения, только теперь, увидев положение собственными глазами, Алибек понял всю трудность момента. Кайсар загнал обратно в овраг только что выступивших оттуда чеченских добровольцев, а затем обратил их в бегство. Но Алибек разглядел, как часть пехоты за речкой снялась с позиции, спустилась в овраг, и как солдаты спешно впрягают лошадей в орудия.

- Видимо, собираются все силы бросить на аул, - сказал Алибек Кори.

- Похоже.

- Нельзя пускать их в аул, нам необходимо стоять насмерть.

- Противник превосходит нас в десять раз, - ответил Кори,- не считая этих чеченских псов. К тому же у них восемь орудий еще...

Перешедшие речку роты одновременно дали дружный залп по саду, где стояли оставшиеся в ауле повстанцы. Одна пуля пробила верх папахи Алибека. Погруженный в раздумья, Алибек даже не заметил это.

- Кори! - вдруг взволнованно позвал он друга. - Кори, сегодня мы должны победить или погибнуть! Этот час решит судьбу восстания. Сегодня на нас смотрят дагестанцы, сваны, абхазы. Слышишь, Кори. Мы не имеем права отступать!

- Что ж, тогда погибнем, сражаясь, Алибек!

- Нет... Нашей гибелью погибнет дело свободы. Нам надо победить. Овхад, позови Кайсара. Враг многочисленный, но ведь мы тоже не из трусов. Его надо перехитрить.

Кайсар прискакал, лавируя между вывороченными пушечными ядрами деревьями и воронками. Раненая левая рука его была забинтована и подвешена. Вода, стекавшая с окровавленной полоски, которой была перевязана голова, образовала на щеках красные линии.

- Рана серьезная, Кайсар? - испугался Алибек, увидев друга в крови, перемешанной грязью.

- Пустяки, - махнул рукой Кайсар.

Алибек осмотрел его раны и, убедившись, что они не очень опасны, коротко изложил свой план.

- Кори, возьми с собой триста всадников, майртупцев и перешедших здесь к нам людей, и поспешно следуй вверх по дороге в Жугурты. Когда противник решит, что мы отступаем, ты внезапно повернешь и ударишь с правого фланга. Пусть Элса возьмет сто всадников, а остальные пешие нанесут удар слева вон по тому отряду. - Алибек показал плеткой на батальон Тенгинского полка и казачью сотню Сунженского полка, стоящим в резерве. - А ты сам, Кайсар, с двумя сотнями всадников захвати их, удар должен быть молниеносным.

Когда Кори уехал, Алибек повернулся к Кайсару:

- Когда Кори начнет наступление, Акта со своими гатиюртовцами нападет с левой стороны. Когда они зажмут врага с двух сторон, мы ударим с фронта. Нам необходимо во что бы то ни стало захватить вон те четыре пушки.

Полковник Нурид не сомневался, что победа в его руках. Навагинцы, наступившие в авангарде, уже ворвались в аул. Он сначала решил было оставить аул и погнаться за отступающими мятежниками. Считая, что аул и так в его руках, он хотел повернуть орудия в сторону Жугурты. Но мятежники уже были в недосягаемости. Пока полковник раздумывал, часть отступающих всадников и все пешие

мятежники неожиданно обрушились на правый фланг, а отделившийся раньше конный отряд мятежников повернул к обозу...

Нурид быстро понял план повстанцев. Он направил перешедший речку батальон Тенгинского полка на помощь правому флангу.

- На левом фланге мятежники! - воскликнул Мылов.

Глянувший туда Нурид увидел отряд повстанцев, мчавшийся словно выпущенный из лука и разворачивавшийся грозной лавиной.

- Батарея! Повернуть орудия к левому флангу! - закричал полковник.

Но было поздно. Пока артиллеристы возились в грязи с пушками, повстанцы врезались в резервный отряд.

- Отставить наступление на аул! Впрячь орудия! - кричал Нурид.

Но приказ его не успели выполнить. Ворвавшиеся в аул навагинцы спешно отступали под ударами повстанцев, а снятые с мест орудия стояли без действия. Навагинцы дружно стреляли по наседающим повстанцам. Впереди нападающих, сбросив бурку с правого плеча, рубя саблей направо и налево, носился всадник на сером коне. Он выделялся среди других своей одеждой, везде за ним следовал знаменосец, и полковник решил, что это Алибек.

- Стреляйте во всадника на сером коне! - крикнул он, прицеливаясь в него из своего пистолета.

Но пули пролетали мимо, не задевая Алибека.

- Батарею назад! - приказал Нурид, садясь на коня.

Колеса вязли в грязи, и орудия двигались медленно, черепашьим шагом. Солдаты били лошадей кнутами, прикладами, подталкивали сзади, тянули спереди, стараясь спасти орудия. Атаковавшему их с несколькими всадниками Кайсару во второй раз пришлось отступить перед штыковой преградой, но когда он напал с усиленным отрядом всадников, вокруг батареи разгорелся бой. Одно орудие, скользнув, вместе с упряжкой полетело с обрыва вниз.

Отряд Нурида, отступивший с боем за речку, укрепился на первоначальной позиции. Теперь солдаты стреляли в упор сверху вниз, не давая повстанцам подняться из оврага. В это же время резервные части три раза отбили атаку всадников Акты. Нурид, испугавшись, что Кори захватит обоз, взял с собой второй батальон навагинцев и казачью сотню и бросился туда на помощь. Есаул Афанасьев в самый раз подоспел на вагенбург и вместе с пехотинцами на время оттеснил повстанцев. Но на помощь им подоспел отряд Елисея, и повстанцы загнали казаков за подводы.

- Спешиться! - приказал Афанасьев. - Укрыться за подводами!

Кавалеристы быстро спешились, присоединились к пехотинцам, укрепившимся за подводами, и солдаты открыли по повстанцам огонь. Конники Кори не могли причинить им вреда. Кори наконец приказал спешиться. Но в ту минуту их атаковали тенгинцы, которые под начальством Нурида незаметно пробрались сюда по оврагу. Дважды отбив их атаку, Кори и Елисей отвели свои отряды назад. Всадники быстро сели на коней, развернувшись в цепь, пошли в атаку. Однако огонь четырех орудий, которые все же солдатам удалось вытащить и поставить на бугор, не давал продвинуться вперед.

Основной силе противника все же пришлось отступить под сильным ударом Алибека, который он нанес, выскочив с леса. Нурид уже потерял надежду на победу. Теперь он думал, как бы ему спасти отряд от полного разгрома. Все трудности заключались в том, что полковник не знал количества сил противника.

А он наседал со всех сторон. Лишь одна курчалойская сторона была сравнительно свободна. Возлагая все надежды на артиллерию, Нурид приказал ударить по повстанцам, нападающим главными силами по левому флангу и от Майртупа.

Орудийные ядра вносили сумятицу в ряды повстанцев. Не привыкшие к такому страшному грохоту, их кони шарахались в разные стороны, поднимались на дыбы, пятились назад.

День клонился к вечеру, а бой кипел все той же яростью. Хоть солдаты и защищались храбро, Нурид знал, что у него нет сил для контрнаступления. Вымокшие под непрекращающимся дождем, грязные, усталые, они слабо сопротивлялись, шаг за шагом медленно отходили. Наконец повстанцы, воспользовавшись ошибкой полковника, совершили новый удар. Нурид принял за своих отряд в сто с лишним человек, который вышел из курчалойского леса и, не таясь, бегом приближался к нему. Когда до отряда осталось метров триста, повстанцы одним залпом уложили с десяток солдат. Тогда полковник бросил на них казачью сотню. Но появившийся в эти минуты из Гумса на расстоянии двухсот метров другой отряд повстанцев залпом заставил сунженцев повернуть назад.

Когда отряд начал с боем отступать, повстанцы почему-то ослабили свой натиск. Воспользовавшись этим, Нурид отвел все свои силы к западу от Курчалоя и остановил на открытой поляне. Не зная план повстанцев, дабы быть в любой момент готовым к защите, он расположил пехоту вокруг обоза, расставил орудия в направлении, откуда вероятнее всего могло быть нападение, и стал на ночевку.

Ночью же случилось то, чего опасался Нурид.

Когда голодные и промокшие солдаты пошли в лес за сухими дровами, чтобы обсушиться, согреться и приготовить горячую пищу, там раздались ружейные выстрелы. О разведении костров уже не могло быть и речи, и солдаты провели всю ночь с оружием в руках, под дождем и под обстрелом повстанцев, которые не уходили из леса. Лишь на рассвете прекратилась эта стрельба.

Надеяться на подмогу не приходилось. Повстанцы могли собрать новые силы, напасть на лагерь и уничтожить отряд. У солдат, которые вчера весь день сражались, не отдыхали ночью и промокли под дождем, уже не было сил сопротивляться. Нурид собрал офицеров, провел с ними короткое совещание и приказал отступить через Гельдиген и Герменчук.

ГЛАВА XI

ГОРЕЧЬ ПОБЕДЫ

Победишь - своей победы напоказ не выставляй,

Победят - не огорчайся, запершись в дому, не плачь.

В меру радуйся удаче, в меру в действиях горюй...

Архилох

Небо, неустанно изливавшееся со вчерашнего утра дождем, на второй день вдруг прояснилось и, озарив землю, над Черными горами поднялось солнце.

Хоть у повстанцев потерь было больше, все же втрое превосходивший их по силе враг потерпел поражение у Майртупа, спешно отступил - сначала в Гельдиген, затем в Герменчук, и наконец, в Устаргардой. Алибек, не решившись преследовать его, отвел свой отряд в Курчалой, а сам вернулся осмотреть поле недавнего боя.

За эти сутки Алибек изменился неузнаваемо. Его румяные щеки впали, глаза выглядели задумчиво-печальными. Горячая пуля, которая пролетела, едва задев левую щеку, оставила на ней черную полосу с палец. Хотя утром он совершил омовение перед намазом, на его высоком лбу остались мелкие пятна запекшейся крови. Правый рукав потрескался по швам и из-под мышки свисали грубые нити домотканого сукна.

Победа досталась ему, но в глазах его не было видно ни искорки радости. Они были мрачны, как отяжелевшие к дождю черные тучи.

В каплях, застывших на листьях деревьев и траве, изумрудно отражались солнечные лучи. Уцелевшие во время боя редкие цветы очнулись и потянулись к жизни.

Ноги коней вязли в грязи, они передвигались с трудом. Хоть всадники издали и походили один на другого, но думы у них были разные. Кайсар и Косум ни о чем не горевали, более того, они были окрылены первой победой.

- Почему ты такой грустный, Алибек? - спросил Кайсар, взглянув в сторону Алибека.

- Я вчера впервые человека убил, Кайсар... - еле слышно произнес тот.

Кайсар удивился. Ведь со вчерашнего вечера Кайсару тоже что-то гложет душу, а что, он сам не мог понять. Вернее, не было времени думать об этом. Кайсар же тоже убил впервые человека.

И не одного. Несколько. Вот, что грызло его совесть.

- Мы убили врагов, Алибек, - сказал он резко, больше для собственного утешения. - Не надо за это переживать.

Алибек не поднял голову.

- Мы погубили людей, - глубоко вздохнул он. - Людей... Кто знает, враги ли те, кого я убил? Но, что это были люди, это точно. Я бы не побоялся поклясться, что двое из них, во всяком случае, - не враги. Если бы ты видел их лица, Кайсар! Бледные, совсем молодые лица, в глазах ужас... Один взглянул на меня и хотел было выстрелить, но дрожащие руки не слушались. Всю ночь мне мерещились их глаза и изумленные лица. О, проклятая жизнь, на какие преступленья ты принуждаешь нас!

- Если бы ты не опередил их, они бы прикончили тебя! - попытался успокоить его

Косум. - Ведь на войне иначе не бывает.

- Знаю, Косум, что на войне иначе быть не может. Но почему все-таки мы, люди, такие жестокие...

Чем ближе к Майртупу, тем явственней следы вчерашней бойни. Вырытые пушечными ядрами воронки, срезанные деревья, разрушенные, опрокинутые подводы, трупы лошадей и волов.

Трупов на поле боев не было. Обе стороны вывезли своих убитых.

В ауле, когда они подъехали, с разных концов доносился плач женщин. На площади перед мечетью со снесенным куполом они увидели сложенные лицами к югу тела. Алибек сосчитал их. Сорок пять. Вчера они вряд ли предполагали, что их тела будут лежать здесь, прикрытые черкесками, бешметами и мешковинами. Были видны только ноги в обуви из сыромятной кожи, запачканные грязью.

Алибек принялся рассматривать их, открывая лица. В основном, молодые люди, до тридцати лет. Лица многих еще не узнали лезвия бритв. А одно - с только что пробивающимся пушком. Глаза и побелевшие губы замерли в удивлении и даже в улыбке. Как у того молодого солдата, убитого Алибеком.

Сколько матерей, сестер, дочерей, жен и возлюбленных будут их оплакивать сегодня!.. Не только их. Ведь еще много будет таких горестных дней.

Глянув на последнее лицо, Алибек выпрямился. Из знакомых никого не оказалось. Но все они были его боевые товарищи, поднявшиеся по его зову за свободу и равенство...

- Кроме них, есть еще убитые? - спросил он у подошедшего старика.

- Двенадцать унесли уже. Еще с поле боя увезли прямо домой.

В это время подвода доставила на площадь еще одного убитого. Старик подошел, откинул краешек войлока и из-под него показалась голова с короткими черными волосами. Совсем молодое лицо с красивыми усами. На Алибека смотрели остекленевшие карие глаза. На лбу виднелась маленькая рана и запекшаяся кровь. На тонком пальце обнажившейся правой руки блестело серебряное кольцо с арабской вязью. Алибек невольно прочел надпись на нем: "Орзами ибн Бата".

- Он здешний? - спросил Алибек у старика.

- Да. Единственный сын овдовевшей старой женщины. Когда вчера, снарядив коня и взяв оружие, он вошел попрощаться с матерью, в их дом ударило ядро. Взрыв разрушил дом, а они остались живыми. Лучше было бы, если бы они оба погибли вчера. Когда первый же выстрел угодил в их дом, мать приняла это за плохое знамение и умоляла сына не идти в бой. Со вчерашнего дня она потеряла покой. Если узнает о случившемся, сердце ее не выдержит.

Когда тело юноши увозили домой, Алибек пошел к его матери, хотя и знал, что этим он матери не поможет. Кайсар так и сказал ему, что он не может утешать матерей всех погибших. Но этот юноша, говорят, единственный сын у матери. Она же осталась одинокой, без кормильца. Он считал своим долгом предстать перед ней. К тому же его одолевали муки, словно все они погибли по его вине.

Алибек думал, что мать бросится на тело сына, плача и терзая себя. Он боялся увидеть эту картину и теперь в глубине души раскаивался, что увязался за подводой. У входа во двор их встретила высокая, худая женщина, которой уже кто-то принес эту черную весть. Она стояла окаменевшая, одной рукой прижав к губам край большого черного платка, а другую безжизненно свесив. Взгляд ее был прикован к подводе. Слезы, которые катились из глубоко запавших глаз, против ее воли медленно текли вниз, извиваясь по морщинам на впалых щеках.

Алибек остановился перед ней и молитвенно воздел руки.

- Да смилуется Бог над сыном твоим, мать, - выразил он ей соболезнование. - Труден час, когда единственного сына, убитого, приносят домой. Бог даст тебе силы пережить горе. Богом сказано, что человек, который пал в бою за свою родину, свой народ, возвысится перед ним. Сегодня принесли твоего, завтра нас тоже также понесут к нашим матерям. У кого один сын - ей раз плакать, у кого много сыновей - тем много раз плакать. Смерть - удел каждого, кроме Бога. Да дарует тебе Всевышний силу и волю перенести это безграничное горе.

- Да будет Бог милостив и к вам! Я не впервые испиваю эту чашу горечи. Эта - шестая и последняя, молодой человек. Правда, трудно на старости лет выдержать такое горе. Но что поделаешь, видно такова судьба моя.

Когда тело ее сына сняли с подводы и проносили мимо нее, она повернулась к нему и подняла было руку, чтобы откинуть войлок, но тут же опустила ее и, изо всех сил зажав зубами краешек платка, сгорбленная, маленькими шажками пошла следом.

По пути в Курчалой Алибек долгое время оставался безмолвным, погруженный в раздумья. Меняя друг друга, перед взором возникали картины то убитых им вчера двух солдат, то уложенных в ряд на майдане перед мечетью трупов, то Орзами и старушки...

- Овхад! - позвал он, повернув голову назад.

Тот, пришпорив коня, догнал его.

- У тебя есть знакомые русские в Солжа-Кале?

- Есть.

- Что за люди?

- Разные. Я знаю купца, у которого наш отец покупает товары, и его двух сыновей.

Алибек недовольно покачал головой.

- Других нет?

- И один молодой человек, что со мной учился, кунак мне. И с семьей по соседству я в дружеских отношениях.

- А еще?

- Есть еще один. Хороший человек, друг моего друга, учитель.

Алибек вновь задумался.

- Есть у тебя кунак среди солдат, офицеров?

- Друзей среди них нет. Но есть знакомый. Знаю одного офицера, который ухаживает за сестрой моего друга.

- Что это за люди?

- Неплохие. Не бедные, но и не богатые. Так, средние.

- Я ж спрашиваю не о богатстве. Как они относятся к нам?

- Не знаю. Во всяком случае, вражды никакой к нам не питают.

Подъезжая к Курчалою, Алибек снова вернулся к этому разговору.

- Говорят, что эти солдаты не по своей воле с нами дерутся. Берса, Маккал, Васал

так говорят, да и ты утверждаешь. Может, ты найдешь среди них таких, как Эльса, которые захотят перейти к нам?

Теперь Овхад понял, куда клонит Алибек.

- Над ними же офицеры и власть, Алибек, - сказал он, печально улыбнувшись. - Но у тебя возникли какие-то мысли, что ты хочешь?

- Надо русских мужиков и солдат из города убедить в том, что мы не против них. Рассказать им о нашей тяжкой доле, о том, что мы хотим только земли и справедливости. Как ты думаешь, Овхад?

Овхад задумался

- Мысль неплохая, Алибек. А что если сперва посоветоваться с Берсой?

Теперь задумался Алибек.

- Да, тебе надо поехать к Берсе, - промолвил он наконец. - Со вчерашнего дня я думаю еще и над другим вопросом. Мы - то кричим здесь, что нам нужна свобода, равенство и хлеб. Этого мало. И русские мужики, и хакимы падишаха должны знать, что мы хотим. Поедешь к Берсе, вместе напишете письмо сардалу. В нем расскажете о наших бедах, нуждах, несчастьях. Напишите о том, что мы хотим. Напишите, если власти пойдут нам на уступки, удовлетворят хотя бы половину наших требований, мы прекратим войну. В противном случае - будем драться до последнего человека... А потом поедете в город.

Когда они достигли окраины аула, выехавший им навстречу вместе с Нурхаджой и Умаром Кори доложил о готовности отряда выступить.

Свистунову не удалось на второй день вернуться во Владикавказ.

Не было никаких вестей из Ведено и Хасав-юрта. По сообщениям лазутчиков, Алибек собирался выйти на равнину, усилив свой отряд. Но никто не знал, где он намеревался спуститься с гор и сколько у него людей и оружия.

По сведениям Эристова, силы у мятежников могли быть пока незначительны. Поэтому Александр Павлович принял решение либо отправиться в Ичкерию с отрядом подполковника Долгова, стоящим в Умхан-юрте, и подавить мятеж на месте, либо дать Алибеку выйти на равнину и там разбить его.

Свистунов дал срочную телеграмму своему помощнику Смекалову во Владикавказ, чтобы он выслал в Герменчук все резервные части, находящиеся во Владикавказе и других округах Терской области.

Но не так-то просто было мобилизовать их в срочном порядке. Во-первых, они в мирное время находились не в боевой готовности, разбросанные по всем штаб-квартирам. Кроме того, следовало в короткий срок заново обучить военному делу солдат, отправленных несколько лет назад в резерв.

Пока что была возможность быстро выслать расквартированные во Владикавказе Таманский полк, одну батарею 20-й артиллерийской бригады, а также несколько сотен Сунженского и Кизлярско-Гребенского казачьих полков и сотни осетин и ингушей. Он поручил Смекалову выслать их и как можно быстро и срочно поставить под ружье находящихся в запасе младших чинов и казаков.

На второй день обстановка в Грозном была панической. Хоть начальник области и старался казаться спокойным, горожане никак не могли прийти в себя. Виновниками такого настроения были сами военные и административные чины. В особенности генерал Чермоев и полковники Беллик, Курумов и Чуликов. Они с кадием Юсупом по нескольку раз в день приходили к нему.

- Равнинные-то чеченцы хотят мира, - причитал Арцу. - Они не хотят следовать за

мятежниками. Но, как мы знаем, в области мало военных сил. Чеченцам это хорошо известно. Они не видели, как один за другим из области ушло восемь полков. Они как свои пять пальцев знают, сколько солдат и пушек в штаб-квартирах.

- А у начальства нет сил остановить разлившуюся горную реку, - стенал старый Курумов. - А раз у нас нет сил, чтобы выставить против мятежников, то равнинным аулам ничего иного не остается, как примкнуть к ним. Боятся, как бы они не расправились с ними.

- Покажите силу властей, ваше превосходительство, - подхватил Чуликов. - Если мятежники возьмут верх, мы будем бессильны вам помочь...

Свистунов с большим трудом терпел их причитания и жалобы. Но в одном они были правы: Александр Павлович и сам чувствовал надвигавшуюся опасность. Но нельзя было выдавать своей тревоги. Кто знает, как поведут они себя, если мятежники возьмут верх?

- Чего вы испугались? - рассердился Свистунов. - Мне одного полка хватит, чтобы разогнать это стадо нищих. И недели не пройдет, как здесь будет войска в десять раз больше, чем сейчас. Кого ни увижу, все испуганные, парализованные страхом! Чем дрожать, как в лихорадке, да смотреть мне в рот, лучше готовьтесь к действиям. Что, в ваших руках нет оружия? Знайте, что любой удар мятежников, в первую же очередь, придется на ваши же головы. Поезжайте, сообщите жителям, что аул, который впустит хоть одного мятежника, я превращу в пепел. То же я сделаю с каждым аулом, который не даст мне в подмогу людей. Вы должны стать моими глазами, ушами и руками.

Выпроводив надоевших ему до мозга костей этих непрошенных гостей, Свистунов звонком вызвал своего адъютанта сотника Габаева. Не стих еще звон колокольчика , как в дверь вошел стройный осетин и застыл, вытянувшись в струнку.

- Коляску!

Через несколько минут генерал в сопровождении охраны выехал в центр города. Встречавшиеся на улице горожане сторонились, уступая ему дорогу, снимали шапки и замирали, склонив головы. Генерал заметил, что настроение жителей, по сравнению со вчерашним, несколько переменилось. Их лица были мрачны, как дождевые тучи. Видимо, отец Викентий уже хорошо поработал со своими "овечками".

Генерал и сам был далеко не весел. Вчера Мылов сообщил, что полковник Александр Нурид, который должен был выехать ему навстречу к Шали, все не трогается из Эрсеноя. По мнению Александра Павловича, честолюбивый Нурид выжидал, пока маленький отряд Долгова встретится с мятежниками, чтобы потом, когда он будет почти полностью разгромлен, спасти его и присвоить себе лавры победителя.

Вместе с Вибергом Александр Павлович сделал осмотр сил городского гарнизона. Воинские части оказались вооружены лучше, чем он ожидал. Удовлетворенный виденным, он послал на Устаргардоевский мост две Тенгинские роты, чтобы сдержать здесь наступление мятежников на город.

К полудню с востока донесся грохот пушек. Наступила ночь в тревожном ожидании вестей. А ночью хорошо были слышны оттуда выстрелы. Но известий все не было, хотя отсюда до Майртупа всего два-три часа конной езды. Свистунов решил, что отряд или разбит, или находится в окружении.

Уже глубокой ночью Александр Павлович отдал несколько приказов неотлучно находящемуся рядом с ним князю Эристову.

- Если наши два отряда разбиты мятежниками, - начал он печально, - вся надежда на войска, стоящие в Ведено и Хасав-юрте. Надо отдать срочное

распоряжение, пока мятежники не уничтожили телеграфные линии. Поручи Алексею Михайловичу, чтобы завтра утром срочно выслал три батальона Таманского полка. Пусть с ними вышлет солдат из резерва 20-й дивизии. Передайте разрешение полковнику Батьянову действовать по своему усмотрению, если до завтрашнего полудня не поступит приказ от меня.

Заложив руки за спину и уставившись взглядом в пол, Свистунов молча прошелся по кабинету.

- И попроси командующего войсками Дагестанской области генерал-адъютанта Меликова помочь нам... Если есть возможность, - добавил он.

Ночью, лежа в постели, он вновь вернулся к мыслям о Нуриде.

Свистунов вспомнил письмо, полученное от него накануне. Когда Свистунов сообщил, что собирается прибыть в Шали с отрядом Долгова, Нурид воспротивился этому. "Если в Чечне узнают только, что при столь ничтожной горстке войск находится сам начальник области, - писал полковник, - то это будет самым действенным поводом к общему поголовному восстанию; если командующий войсками Терской области рискует своей личностью, скажут чеченцы, значит, положение крайнее; ввиду этого все, от мала до велика, поднимутся, лишь бы не упустить столь важной персоны".

С одной стороны, Нурид был прав: разгром отряда, возглавляемого начальником области, значительно осложнило бы дело. В его руках должны быть бразды управления, он должен возглавить все операции по подавлению мятежа. А оставаясь здесь, в Грозном, если даже отряды Нурида и Долгова будут уничтожены, он сможет мобилизовать и сплотить силы для обороны города, стянуть остальные войсковые части области.

Приняв такое решение после письма Нурида, Александр Павлович остался в городе, отправив в Майртуп своего начальника штаба Мылова с отрядом из Умхан-юрта. Теперь он засомневался в чистосердечности этого дагестанца. Свистунов терялся в догадках: не умышленно ли Нурид воспротивился приезду начальника области, чтобы действовать самостоятельно и славу победы оставить для себя одного.

"Лишь бы он добыл победу, пусть слава достанется ему", - глубоко вздохнул он и лег спать.

Чеченское восстание правительство считало одним из ответственных участков русско-турецкой войны, поэтому вчера сюда приехал помощник начальника главного штаба кавказских войск генерал-адъютант Святополк-Мирский.

Посвятив весь вчерашний день изучению здешней обстановки, от имени наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича он потребовал от Свистунова, чтобы в течение нескольких дней было покончено с восстанием в Чечне.

Утром Александр Павлович проводил гостя и вызвал к себе своего помощника генерал-майора Алексея Михайловича Смекалова для обсуждения положения.

Настроение у обоих было не из радушных. Князь Святополк-Мирский сообщил, что наместник Михаил Николаевич не доволен руководством области. В Тифлисе считали, что у администрации области были и силы, и возможности, чтобы не дать вспыхнуть восстанию и подавить его в самом зародыше.

Даже князя Святополк-Мирского, человека спокойного нрава, возмутило то, что двое до сих пор еще не имели ясного представления о сложившейся в крае обстановке.

И в действительности, во Владикавказе и на второй день не знали об исходе сражения в Майртупе.

- Не знаю, в чем я провинился перед Богом, чтобы он наказал меня так сурово, - Александр Павлович грузно опустился в мягкое кресло, обеими руками обхватил голову, - я же приказал полковнику Нуриду, чтобы он поддерживал со мною постоянную связь. Да и князь Эристов заверил меня в том, что его разведка слаженно и успешно работает среди чеченцев. А теперь я не имею никаких вестей ни от того, ни от другого. Не умерли же они!

Он взял графин, наполнил стакан водой, жадно выпил, протер платком сперва губы, затем вспотевший лоб. Александру Михайловичу очень хотелось утешить своего шефа, но здесь слова были излишни.

Генерал Свистунов встал, заложив руки за спину, несколько раз прошелся по комнате, остановился у окна. На ветвях только что распустившего почки дерева весело чирикала стая воробьев. В сквере на длинной чугунной скамейке играли мальчик и девочка. Взор генерала обратился на восток. Ему показалась эта сторона темной, таинственной. Вчера в Грозном оттуда слышен был гул орудий. Не получив никаких вестей в полдень, он выехал из Грозного. Что происходит там? Неужели отряд уничтожен? Или попал в окружение? Будь проклят этот нищий аварец! Это он со своим честолюбием испортил все. Разве он, щенок нищего аварца, имеет право на честолюбие?

- Мне кажется, что мы оказываем туземцам излишнее доверие, услышал Александр Павлович голос своего помощника. - За пазухой на груди мы греем гадюк. Они сидят там, свернувшись в клубок, готовые при первой же возможности укусить нас своими ядовитыми зубами.

Александр Павлович вернулся к креслу.

- Да пошлет Бог на них мучительную смерть, - сказал он угрюмо.

- Не чувство любви, уважения или сострадания к ним заставляет нас нянчиться с ними. Поневоле приходится терпеть, ласкать, кормить досыта. Иначе мы не можем управлять туземными народами. Что мы даем им чины, звания, награды - это кость, брошенная голодным собакам. Одних надо досыта накормить, других держать голодными на цепи, чтобы они драли глотки друг другу, терзали друг друга. Мы должны уметь отбирать среди них самых жадных, злых, трусливых и послушных.

Вчера, когда он покидал Грозный, там тоже слышалась стрельба. Он прождал до полудня, надеясь получить известия об отряде. Что же там случилось?

Не успел он приступить к делу, как сотник Габаев вошел с пакетом в руках. Он щелкнул каблуками, отдал честь и, вытянувшись в струнку, доложил, что поступило донесение от полковника Нурида.

Не дожидаясь, пока сотник подойдет к нему, Свистунов вскочил и выхватил у него пакет, которого ждал два дня. Сотник сделал поворот на одной ноге и, скрипя сапогами, вышел.

Надев очки в золотой оправе, Свистунов разорвал конверт, развернул письмо и пробежал его глазами.

- Гм... Не пойму, что он тут толкует, - нахмурился он.-Послушайте, Алексей Михайлович, в здравом ли уме этот человек:

"*22 апреля у Майртупа была битва. Мятежники, терпя большие потери, отступили в Жугурту, но, совершая нападения малыми группами, они всю ночь не давали отдохнуть нашему отряду, сделавшему привал у Курчалоя. У мятежников сил намного больше, чем я ожидал. Многие из здешних аулов склоняются на их сторону. Слышались орудийные выстрелы в верховьях Аргуна. Отряду не хватает водки. Солдаты до нитки намокли под дождем, страдают от простуды. Нужна водка, чтобы восстановить им силы.*

У *мятежников убито 250 человек и много лошадей. В моем отряде осталось*

всего тысяча человек. Оставаться далее в центре восставшей Чечни с этим маленьким отрядом, не обеспеченным ничем, опасно. Мятежники заняли ущелье Хулхулау и движутся в сторону Шали. Эту ночь думаю провести около Герменчука, но, может быть, придется отступить в Бердыкель или Устаргардой. Ради бога, вышлите вспомогательный отряд и порожние подводы для облегчения обоза...".

- Что он тут рассказывает!? - уставился на Смекалова Свистунов, бросив письмо на стол и сняв очки. - Как это мятежники, которые отступили, понеся большие потери, могут всю ночь совершать нападения? И порожние подводы для чего?

Смекалов непонимающе уставился на донесение.

- Кто знает, наверное, чтобы вывезти убитых и раненых, - сказал он наконец. - Если отряд не разбит окончательно, то, во всяком случае, отступил с большими потерями.

- Я думаю, Алексей Михайлович, надо срочно послать помощь Нуриду. Оставьте в Грозном для поддержания порядка полсотни человек, а остальные отправьте в Чечню.

- Таманский полк сегодня прибудет в Грозный. Четыре тысячи солдат из резерва 20-й дивизии тоже боевым порядком вышли утром из города. И две сотни Кизлярско-Гребенского полка вчера прибыли в Грозный.

- 1 енгинский полк и казачьи сотни надо срочно отправить на помощь Нуриду. Не знаю, что будет дальше, но думаю, к Устаргардоевскому мосту тоже надо послать еще несколько рот, чтобы сдержать мятежников, если они вдруг разобьют наши отряды и двинутся на город. Из Шатоя нет вестей?

- Есть, ночью прибыл нарочный оттуда, - быстро ответил Смекалов.

- Что там?

- Сообщают, что в Чеберлое началось восстание. Но отряд, рыскающий по аулам во главе с Залмаевым, пока что мал. Они предпринимали попытку убить пристава третьего участка капитана Сервианова. Но он остался жив, благодаря расторопности поручика Бачи Саралиева и коллежского регистратора Хайбуллы Курбанова. Саралиев организует отряд из почетных людей аулов.

Смекалов глотнул воды из стакана, разгладил густые усы и слегка кашлянул.

- И еще полковник Лохвицкий предлагает интересную идею, - продолжал Смекалов. - Он пишет, что между чебарлоевцами и их соседями андийцами еще с шамилевского времени существует вражда. Если бы поощрить андийцев, говорит он, они бы пошли против чеберлоевцев. Считают, что будет правильным попросить начальника Западного Дагестана князя Накашидзе провоцировать это дело.

Александр Павлович встал и подошел к висящей на стене карте.

- Идея полковника неплоха, Алексей Михайлович, - повернулся он к нему. - Я и сам подумывал, как бы воспользоваться междоусобицами этих племен. Шамиль в последнем десятилетии своего имамства беспрестанно сеял вражду между этими двумя народами. Выступления против него в Дагестане он усмирял с помощью чеченцев, а в Чечне - руками дагестанцев. Хитрая была голова у этого старца...

- Но и мы тоже не зевали, - улыбнулся Смекалов, крупно затянувшись сигаретой. - Подкупали одних, запугивали других, сеяли межплеменную вражду. Я не сомневаюсь, что мы подавим и данное восстание их же собственными руками.

- А это разве плохо?

Не спеша с ответом, Смекалов барабанил пальцами по столу.

- Не хорошо, конечно, но придется прибегать к этим мерам.

- Это самый верный путь, Алексей Михайлович. Вчера Святополк-Мирский дал мне понять, что его императорское высочество изъявило желание, чтобы мы воспользовались этим путем. Надо будет для подавления восстания создать отряды из самих чеченцев, использовать методы подкупа, обмана, запугивания. Надо ввести в Чечню милицейские отряды соседних народностей. Поэтому вам, Алексей Михайлович, следует отправить князю Накашидзе срочное письмо с просьбой организовать отряд андийцев...

Вошедший в эту минуту полковник Мылов, прервал их разговор.

- Господин полковник! - удивленно воскликнул Свистунов, увидев запыленного, прибежавшего прямо с дороги Мылова. - Слава Богу, наконец-то живой очевидец!

Полковник подождал, пока сядут генералы, и потом сел напротив них.

- Мы только что говорили о пространном донесении Нурида. Что там, в каком положении отряд?

Полковник снял и положил на стол фуражку, вытер платком шею.

- Он написал все, как есть. Отряд на самом деле в трудном положении. Нурид отступил из Герменчука в Эрсеной.

- Как? Зачем?

- Кто знает, что он делает. Говорит, чтобы закрыть дорогу мятежникам к Шали.

- Как, он оставил открытыми дороги в Грозный?

- Да. Аллерой-аул, Хоси-аул, Илисхан-юрт поголовно перешли на сторону мятежников. И пока Нурид отсиживается в Эрсеное, они захватили Курчалой, Цацан-юрт и Гельдыген, теперь движутся к Шали, Устаргардой и Урус-Мартан.

- Ах, проклятье на его голову! - Ударив рукой по колокольчику на столе, Свистунов вызвал адъютанта.

- В Грозный, генерал-майору Вибергу... Пишите. По получении этой телеграммы срочно направить к двум ротам, находящимся на Устаргардоевском мосту, одну роту Тенгинского полка, два орудия и казачью сотню. Батальон Таманского полка, который прибудет завтра в Грозный, отправить в окрестности Шали. Два батальона Куринского полка, бездействующие в Ведено, выслать на равнину. Поручить майору Ярцеву не пропускать ни одного мятежника через Устаргардоевский мост. Записал?

- Так точно, ваше превосходительство.

- Дальше. Не спускать глаз с Шали, не подпускать туда мятежников, каких бы потерь это ни стоило. Чтобы, не дать мятежу распространиться на Большую Чечню, поставить отряды между Устаргардой и Эрсеноем. Не жалеть денег для наших лазутчиков среди чеченцев. Полковнику Батьянову занять оборону на линии Хасав-юрт - Умхан-юрт. На случай движения хищников за Терек, чтобы затруднить им переправу, уничтожить на берегу реки все средства переправы. Все записал? Быстро отправляйте телеграмму.

Когда Габаев вышел, Свистунов повернулся к Мылову.

- Теперь, полковник, расскажите все, как есть.

Мылов, закончив рассказ о бое в Майртупе и сложившейся в последние несколько дней в Чечне обстановке, принялся поносить Нурида.

- Ваше превосходительство, положение критическое. Еще из Умхан-юрта я

послал Нуриду с вестовым приказ, чтобы он встречал меня у Майртупа, куда я направлялся с одним батальоном, казачьей сотней и четырьмя орудиями. Не прошло и трех часов, как от него поступило сообщение, что при создавшейся обстановке опасно выводить отряд из Эрсеноя. Второй мой приказ он также не выполнил. Наконец, на третий мой приказ ответил: "Мне приходится выполнить ваш приказ, но если отряд мой погибнет, ответственность ложится на вас". А я ведь отдавал приказы от имени вашего превосходительства, как вы и разрешили. За их невыполнение Нурид заслуживает наказания.

Александр Павлович поднялся.

- Посмотрим на его дальнейшее поведение. Идите, отдохните.

Как вышел Мылов, вошел адъютант, передал Свистунову срочную телеграмму, отступил к двери и встал там в ожидании распоряжения. Генерал быстро пробежал глазами телеграмму:

"*Его превосходительству, командующему войсками Терской области генерал-адъютанту Свистунову. Позавчера ночью из крепости Герзель трое солдат с оружием во главе с рядовым Елисеем Поповым сделали попытку бегства к мятежникам-чеченцам. Капитан Чекунов узнал об этом сразу же, нагнал их недалеко от крепости, одного убил, второго поймали. Попову удалось скрыться. Жду распоряжения Вашего превосходительства о наказании схваченного беглого солдата.*

Флигель-адъютант, полковник Батьянов.

21 апреля 1877 года. Крепость Хасав-юрт"

По тучам, которые сгущались на широком лбу командующего, Смекалов понял, что он получил недобрые вести.

- Что случилось, Александр Павлович?

- Наши солдаты начали перебегать к чеченцам! Не успел начаться мятеж, уже трое сбежали.

- Здесь нет ничего удивительного. Еще со времен Ермолова до окончания долголетней войны, наши солдаты массами убегали в Чечню. Даже офицеры. Как известно, в Дарго, Беное, Харочое были целые слободы беглых солдат. Они обслуживали чеченскую артиллерию, работали в оружейных мастерских. Они сражались против нас храбро и со злостью. Значит, нынешние солдаты решили продолжать их традиции.

- Хотите этой историей утешить меня? - прервал его Свистунов.

- Но я не потерплю анархию в доверенных мне войсках. Пишите, сотник, полковнику Батьянову. Срочно. Беглого солдата, как дезертира, без суда расстрелять перед строем полка. Написал? Второе. Полковникам Нуриду и Долгову. В 80-м Кабардинском пехотном полку был случай попытки солдат к переходу на сторону мятежников. Установить самый строгий и бдительный контроль над нижними чинами. Солдат, проявивших сочувствие к мятежникам, беспощадно наказывать".

Когда вышел адъютант, Свистунов глубоко вздохнул, протер платком вспотевший лоб...

ГЛАВА XII

ИЗМЕНА

Зачем вы мне загородили путь?

Идите прочь!

Теперь не время, чтоб звездой сверкать,

А делом нужно родине помочь!

Ш.Петефи

Солнце показывало полдень, когда отряд во главе с Алибеком, пройдя через Автуры, остановился на нераспаханном поле. Отряды Косума и Тозурки должны были занять аулы Ойсангур, Мелчхе, Гудермес, Мескер-юрт и потом присоединиться к головному отряду.

Приказав воинам быть в любую минуту готовыми и не отходить от своих коней, Алибек с Кори и Булатом поднялись на небольшое возвышение.

Жители выходили на улицы, радостно встречали проходящие через аулы отряды. Большинство из них, особенно юноши, присоединялись к повстанцам. Выходили на улицы женщины с чуреком, луком, сыром в руках.

Алибек видел на лицах людей радость, надежду на лучшие перемены. Одни смеялись, другие возбужденно кричали, третьи просили Аллаха даровать им удачи. Острый ум Алибека, однако, замечал за этими одухотворенными лицами и скрытую тревогу. Люди мечтали о хлебе и свободе. Они готовы были отдать за них свои жизни. Но среди этой толпы было немало и таких, которые смотрели на события ясным умом.

Среди повстанцев очень мало мужчин свыше сорока лет. Закаленные в долголетней войне старые воины на себе познали военную мощь могущественной России, и знали, что чеченцам никогда не победить многомиллионную, хорошо вооруженную русскую армию, что их борьба за свободу заранее обречена на поражение. Потому старики печальным, жалостным взглядом провожали пестро одетые и вооруженные отряды молодежи. Шестьдесят лет тому назад, когда воевали эти старики, были совершенно другие обстоятельства. Тогда в Чечне не было русского населения. Были вооруженные до зубов более двадцати казачьих станиц, столько же военных укреплений с десятками тысяч солдат и орудий. Если не считать единичные аулы, разоряемые карательными экспедициями царских войск, Чечня была целой, народ - единым, сплоченным, состоятельным. Оказывая тогда вооруженное сопротивление русской армии, чеченцы не знали могущества России. Думали, кроме войск, стоящих в нескольких укреплениях на Тереке и нескольких станиц, у царя нет других сил, других земель.

И на самом деле в первые годы войны чеченцам удавалось выстоять против русских войск. Больше того, одерживались блестящие победы над десятикратно превосходящими силами противника. Однако силы царя оказались неиссякаемыми. Сколько не убивали солдат, на их места приходили другие. Между тем силы чеченцев убывали с каждым годом. На войне они потеряли половину мужского населения. Женщины перестали рожать. Некому было занимать места павших воинов. В бой шли старики и подростки. И все-таки победил русский царь. Он установил свою власть на этой выжженной земле. Жертвы оказались напрасными.

Эта долголетняя война уничтожила цвет чеченского народа: молодежь, лучших сыновей и дочерей, будущее народа. Довела народ до нищеты, до вырождения. Теперь Чечня похожа на вековой лес, в котором уничтожены могущественные дубы, буки, чинары, и остался только лишь молодняк.

Старые воины сокрушенно качали головами. Не слушает молодежь мудрых стариков. Идут на верную, напрасную смерть. Сами погибнут, принесут горе и страдания многим другим. А царская власть будет стоять здесь. На их костях и пепелище сожженных аулов...

Но перед Алибеком возникли другие препятствия. В каждом ауле, на каждом шагу он натыкался на измену и коварство духовенства, купцов, офицеров и их холуев. Всякого из них, кто попадал ему в руки, Алибек жестоко наказывал, чтобы все знали, что выступившему против дела народа, против свободы народа, не будет от него пощады. Но справедливое возмездие Алибека враги обращали против него самого. В некоторых аулах в своих проповедях духовенство всячески поносило, проклинало его, объявляло его врагом, разбойником, убийцей.

Вот уже два аула отказались впустить его. В самом начале - ишхоевцы, вчера - гудермесцы. Алибек не был уверен и в шалинцах. Его разведчики сообщили ему, что вчера на сходе в Шалях аульским верхам удалось внести раскол в народ. Шалинский старшина Боршиг, сын Ханбулата, во главе кучки состоятельных людей лез вон из кожи, чтобы настроить аул против Алибека. Сход разошелся, так и не придя к единому мнению, но кто знает, что принесла минувшая ночь.

Когда поднялись на возвышение, Алибек поднес к глазам подзорную трубу и стал внимательно разглядывать Шали.

- Центр аула кишит людьми. Большинство - на конях.

- Не солдаты ли? - спросил Кори.

- Нет. Видны белые чалмы, как белые тыквы в огороде.

- Зачем же они собрались?

- Чалмы - плохое предзнаменование. Булат, как поступят молодые?

- Надеяться мы еще можем, Алибек, но уверенности нет. Боршиг и его единомышленники значительную часть людей склонили на свою сторону. Молодежи запретили следовать за повстанцами. Не знаю, чем все это кончится. Наиболее состоятельные перевезли свои семьи и имущество в Солжа-Кала, Чахкари казачьи станицы и, припрятав там все, возвратились. Не с добрыми намерениями они вернулись в Шали.

- Надо было сразу, на второй же день после Майртупа, захватить и Шали. Тут мы допустили ошибку, - сказал Кори.

- Что попусту говорить о прошлом. Теперь его не изменишь. Когда я предложил занять Шали, все, кроме тебя, были против.

- Но ты же главный. Советоваться - советуйся с нами, но делай так, как сам считаешь нужным.

Алибек опустил подзорную труоу, перегнулся в седле на одну сторону и обернулся к Кори.

- Разве могу я ослушаться большинства? Воспротивились и Косум, и Тозурка, и Нурхаджи, и Алимхан. Если бы здесь нас постигла неудача, вся вина легла бы на нас с тобой. Поэтому уступил.

- Так нельзя, друг, - покачал головой Кори. - На войне командует один. Народ тебя избрал имамом, облачил единовластием. Нечего тебе следовать за желаниями и прихотями каждого. Надо было отбросить Нурида за Аргун и на второй же день войти в Шали...

- Ты, Кори, кропишь солью мое раненое сердце, - как никогда грубо заговорил Алибек. - Я же спорил до хрипоты, твердил одно: давайте продолжим наступление,

если не сможем уничтожить противника окончательно, то хоть отбросим его за Аргун через Устаргардой. Говорил? Но каждый отстаивал свое мнение. Одни предлагали двигаться на Грозный, другие - на Ведено, третьи - на Урус-Мартан. Теперь я наказан за то, что слушал их. Но в дальнейшем буду знать...

Алибек спрыгнул с коня, бросил повод за седельную луку, сел на выступивший из-под земли валун, зажав между колен саблю. Почувствовав свободу, конь его потряс гривой и, пригнув голову, стал бить копытом об землю.

Алибек снял свою мохнатую папаху, положил на колено, подпер подбородок рукой и притих, окидывая взглядом свое войско, заполнившее все поле перед ним. Два его товарища тоже спешились. Кори присел рядом с другом.

- Дело оказалось не таким уж простым, как нам думалось, - провел Алибек рукой по короткой черной бороде. - Все испортили ауховцы. Своим бездумным поступком взбудоражили войско из Хасав-юрта. Акта, который должен был разрушить проволочную связь между Хасав-юртом и Грозным, отступил из-под Ишхой-юрта; Губха, имевший то же задание, перерезал связь из Ведено лишь вчера, когда все худшее уже успело случиться; Умма-хаджи все еще молчит. Он не только не поднял чеберлоевские аулы, но еще затеял с начальником какую-то игру в прятки. Более того, говорят, ругает меня, якобы я начал восстание преждевременно и без его согласия.

Булат, который продолжал стоять и смотреть в сторону Гельдыгена, вдруг радостно воскликнул:

- Войско Косума показалось!

Расстроенный Алибек даже не обернулся.

- Надо наказывать тех, кто не выполнил твой приказ, - как можно мягко произнес Кори.

Алибек резко повернулся к другу:

- Да ты хоть в здравом уме? Это же тебе не турецкое войско!

И мы с тобой не в Хонкаре. Акта не виноват, что не смог с полусотней человек занять Герзель. Там же против него стояло триста солдат. Не виноваты и ишхоевцы, которые, испугавшись войска в крепости Герзель, отказались принять нас. Как же я должен поступить с ишхоевцами? Сжечь их аул?

- Аул жечь не надо, но следует строго наказать изменников, которые настроили его против тебя.

- Но для этого же надо сначала взять аул, друг! Да еще генералы грозятся превратить в пепел любой аул, куда ступит нога хоть одного из нас. Ведь здесь на каждом шагу крепости, войска. Больше того, власти принуждают их выступить против нас. Здесь люди очутились меж двух огней. И идти против нас не хотят, и присоединиться к нам боятся. Булат, дай сигналы для выступления.

Алибек встал и позвал своего коня, пасшегося в стороне, в осоке. Тот поднял голову, напряг уши и, посмотрев в его сторону, рысью примчался к нему и потерся головой о его плечо.

- Так что же мы предпримем? - спросил Кори, когда они оба уже сидели на конях.

- Что же делать? Надо любой ценой одержать одну-две победы над противником. Тогда пойдут за нами плоскостные аулы, поднимутся и ингуши, и дагестанцы, и тушинцы, и другие соседние народы.

Главное - захватить несколько крепостей!

Отряд Косума, не присоединяясь к головному, занял два невспаханных поля.

- Наши дагестанские товарищи не скоро начнут восстание, - сказал Кори, когда друг успокоился немного. - Некоторые из них связаны с сыном Шамиля Гази-Магомой и Мусой Кундуховым. И Умма-хаджи тоже заодно с ними. Он же сдерживает тушинцев.

- Восстать то они восстанут, но тогда, когда нас раздавят. И будет поздно. Если бы объединиться, тогда мы могли бы надеяться на успех. В одиночку мы бессильны. Теперь царские генералы растопчат нас по одному. Ну бог с ними! Хныканье не поможет нам. Булат! Шагом на Шали! По сто шагов между сотнями!

Конные отряды, сформированные из разношерстных всадников, не привыкшие к военной дисциплине, через час обрели боевой порядок и медленно двинулись по узкой дороге в сторону Шали. Позади Алибека ехал Янарка, в его руках развевалось на ветру знамя повстанцев, уже изрешеченное пулями.

Алибеком вновь овладели раздумья. Он лишь вчера понял, какую ошибку допустил после Майртупского сражения. О, если бы он на второй же день занял Шали! Пока они торжествовали победу в присоединившихся к ним аулах по рекам Гумс и Мичик, да бесполезно тратили время в спорах, куда нанести дальнейшие удары, враг стянул свои силы. Засевший в Эрсеное Нурид закрыл выход по ущелью Хулхулау на равнину. Ущелье-то в руках у Губхи, и он не пустит вниз войска из Ведено. Но Губха сам застрял там, в случае чего не может помочь другим повстанческим отрядам. Авалов и Нурид могут внезапно перебросить туда свои силы, зажать его с двух сторон, уничтожить или выбросить оттуда.

И все же не это больше всего тревожит Алибека, а другое. За три дня после начала восстания неприятель между Устаргардоевским мостом и Эрсеноем сосредоточил не менее пяти тысяч пехотинцев и тысячу кавалеристов. Они перекрыли повстанцам все дороги. Теперь Алибек не сможет пробиться в Чеберлой, и Дада Залмаев не может спуститься оттуда. Если отступить через Центорой и Дарго, двинуться в Ведено, там тоже сила у противника слишком велика. И в Чеберлое - несколько вражеских крепостей. Если бы Даде даже удалось захватить их и сделать попытку спуститься на плоскость, то сразу же, перейдя Аргун, он наткнется на крепость Чахкар.

Если шалинцы примут их, тогда еще можно надеяться...

Люди, вызванные Свистуновым неделю назад в Грозный, возвратившись домой, впали в унынье.

В городе их было много, со всех аулов, и когда они были рядом с генералом, среди войск, все вместе, им казалось, что они всесильны, способны противостоять любой опасности. Но, выехав за город, отдаляясь от него, разъезжая в разные стороны и продолжая путь уже каждый в одиночестве, они чувствовали себя одинокими, отверженными. С трех сторон на них надвигались три силы: издалека - турки, с гор - повстанцы, а рядом - царские власти.

Многие ставят честь и свободу своего народа выше своих богатств, выше собственной жизни. В то же время в каждом народе встречаются человеческие отбросы, которые ради спасения своей шкуры готовы продать и предать свой народ, родных отца и мать. Для последних нет ничего святого, для них и Бог, и вера, и родина - это богатство. Они готовы принять любую веру, любого бога, любую власть, чтобы сохранить свою шкуру, чтобы сберечь и приумножить свое богатство. Им не ведомо, что такое верность, а подлость впиталась в их кровь и мозг. Когда на народ обрушивается беда, они ищут личного благополучия . Если появляется возможность в чем-то выгадать, они, глазом не моргнув, отрекутся от своих родителей, братьев и сестер, от вчерашних друзей своих, и Бога, и властей, которых еще вчера они боготворили. Вчерашние друзья становятся для них врагами, а враги - друзьями. Таких презирают даже господствующие классы.

Презирают их продажность, их гнусные, трусливые душонки, ненасытную жадность. Тем не менее, угнетатели не могут обходиться без них. С их помощью они держат в узде угнетаемые народы, потому поневоле терпят их.

И вызывая в Грозный этих людей, и разговаривая с ними, и оставшись один, когда они разъехались, генерал-адъютант Свистунов прекрасно знал, насколько можно верить этим духовным отцам и аульским богачам. Знал, что только две вещи сохраняют их верность властям: сила и деньги.

Нет, не Алибека страшились эти люди. Они и в мыслях не допускали, что этот нищий имам может разбить царские войска и свергнуть власть в Чечне. Они ведь лучше всех остальных чеченцев знали силу царя. Имаму нечего было дать этим чалмам, купцам и другим богачам, чтобы перетянуть их на свою сторону, кроме своих единственных штанов из грубого домотканого сукна.

А уж верхушки аулов Малой Чечни вовсе не считали Алибека опасным для себя. Слава богу, они живут между Солжа-Кала и Буру-Кала. Их аулы окружены крепостями. Войска падишаха защитят их от горных разбойников. Поэтому, не долго ломая голову, они решили рьяно выполнять волю генерала.

В гораздо трудное положение попала аульская верхушка Большой Чечни. Алибек уже дал им понять, что он в силах спуститься из Ичкерии и пройти с мечом по их аулам. Кроме Шали и Герменчука, все предгорные аулы к северу - на его стороне.

Шали стало похожим на пчелиный рой. Было заметно, что это своеобразная столица Чечни разделилась на две части. Вчера Боршиг чуть было не отчаялся, пытаясь здесь выполнить волю генерала. Пока он и его единомышленники мирно спали, люди Алибека успели заблаговременно поработать здесь. Аульская верхушка проснулась, когда пламя стало прожигать ей пятки, и увидела, что подавляющая часть населения зорко смотрит в Ичкерию и с нетерпением ждет Алибека.

Поэтому богачи предгорных аулов, прихватив с собой семьи и имущество, бросились к Грозному, как крысы с тонущего корабля. Братья Ильясовы из Курчалоя давно уже увезли свои магазины за Аргун. Свои многочисленные отары, стада и табуны угнали за Терек богатеи Мусты, Зака и Бек-мирза из Майртупа, Дии и Узы из Герменчука, Панка и Мази из Мескер-юрта и многие другие.

Словом, пожар приблизился. Каждый старается спасти свою шкуру, свое добро. Как хорошо, что рядом Грозный и там царские власти!

Прошлой ночью Боршиг, сын Ханбулата, так и не заснул. Он посетил с десяток кварталов аула и на каждом, собирая в надежном доме состоятельных людей, долго говорил с ними.

- Люди, вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что эти вшивые нохчмахкинцы поднялись только против власти русского падишаха! - запугивал он. - Они поднялись и против нас. Мы ведь тоже власть падишаха. Или, говоря точнее, опора этой власти в Чечне. Вы, служители веры, содержитесь на жаловании властей. Вам, купцам, власть дала возможности торговать, наживаться. Всем нам власть дала землю. Она нас обеспечила такими благами, какие не снились нашим предкам до седьмого поколения. Я готов поклясться на девяти Коранах, что и восставшие, и те, кто в этих аулах еще не успел или не решился восстать, больше ненавидят нас, чем русских. Почему? Потому что власть облекла нас своим доверием. Потому, что власть уважает нас. Мятежники уже доказали, что не пощадят нас. У многих аульных старшин и мулл сожгли дома, у многих забрали скот, имущество. Им безразлично: чеченец ты или русский, мусульманин или христианин. Кто за властей - враг им. Кто против властей - единомышленник . Вы лучше меня знаете, что здесь, в Шали, многие, точнее, все бедняки ждут не дождутся этого оборванца Алибека-хаджи, чтобы сразу с его приходом разграбить, растаскать наше имущество. А вы сидите, опустив головы, перебирая четки и поглаживая животы!

Шалинские богачи тихо внимали Ханбулатову Боршигу. Попавший под его острый взгляд робко опускал голову, а духовные отцы начали перебирать четки разом по две-три бусинки. Некоторые встречали его взгляд немигающим взором. То ли они верили Боршигу, то ли восхищались им, но в их глазах сверкали искорки. Однако многие бесстыдно признавали свою трусость и бессилие. Боршиг, конечно, прав. Для них не ново то, что он говорит. Они и сами знают, что горцы восстали не в интересах богатых. Но кто знает, что будет? Ведь поговаривают, что турки уже чуть ли не у Типлиса. А им помогают ингласы, перанги и алмайи. А вдруг они победят?

- Турки? Что они против русских? - даже упоминания турок, выводили из себя и без того раздраженного Боршига. - Когда они побеждали русских? Царь одолел их даже тогда, когда они начали войну против России совместно с ингласами и перангами! Сейчас против нас только одни широкоштанные турки. Кроме того, в помощь нашему царю поднялись и все христиане, томящиеся под турецким игом.

- А в помощь туркам, говорят, поднялись абхазы и сваны, - брякнул кто-то. - Это от них пришла к нам зараза. Говорят, и аварцы с андийцами собираются сделать то же. И в России мужики бунтуют...

- Весь свет с ума сходит...

- Не поймешь, что вытворяют эти цари...

- Сами грызутся, а потом народы травят друг на друга...

- Наше дело притаиться да молчать...

У рослого Боршига насупились брови, на лбу собрались тучи, его грозный взгляд скользнул по лицам богачей.

- Во-первых, из этих абхазов и сванов, о которых вы тут болтаете, их же князья уже свернули рога. Дагестанцы не смеют поднять головы. Поднялись только наши глупые чеченцы. А вы дрожите здесь, как мокрые куры. Чего же власть ждет? А власти ничего не стоит в течение дня спалить синим пламенем всю Чечню, будь она даже в десять раз больше! Но власть смотрит, что же предпримем мы - верные слуги царя. А если мы не оправдаем его доверия, растопчат и уничтожат нас вместе с этими бунтовщиками-нохчмахкинцами. Или вы забыли, что сказал нам инарла в Солжа-Кале? Сказал он, что превратит в пепел аул, который позволит ступить в него ногой хоть одному злодею? Сказал, что аул, который не окажет ему помощь и будет отсиживаться, не только лишится царского и его милости и покровительства, но подвергнется суровой каре?

- Что же нам делать? Ведь они не только мусульмане, как мы, но еще и чеченцы!

- Нам не до того сейчас, кто чеченец и мусульманин. Главное

- спасти свои семьи и имущество.

- Таких, как мы, мало в ауле. И десятой части не наберется...

Но Боршиг не сдавался. Он находил веские доводы.

- Среди этого большинства есть наши родственники и однотейповцы. Каждый пусть уймет своего. Знайте, что с каждого из нас спросят за родственника и за членов наших тейпов. Сегодня же ночью, выходя отсюда, расходитесь к своим, любой ценой настройте их против злодеев. Алибек-хаджи должен ступить в наш аул только через наши трупы. Иначе, лишимся не только состояний, но и голов. Таков приказ инарлы. Я все сказал.

Бессонная ночь Боршига не пропала даром. Люди, собравшиеся с восходом солнца на аульском майдане, были не такими возбужденными, как вчера. Призывы и речи сторонников повстанцев терялись в пустоте...

Направив в аул небольшой отряд во главе с Нурхаджи и Актой, Алибек с основными силами остановился на расстоянии одной версты от аула.

Только что он получил сведения о событиях в Шали, происшедших за прошлую ночь. Но Алибек был уверен в том, что, если старики отвернутся от него, то уж молодежь аула обязательно примет его.

Не говоря ни слова стоявшему рядом Овхаду, он возбужденно смотрел на аул. В течение этого часа должна была решиться судьба начатого им дела. Если этот раскинувшийся перед ним самый большой аул Чечни примет его, он может надеяться на успех. Отсюда происходят известные чеченские купцы, муллы, хаджи. Из этого аула вышло много офицеров, чиновников, верно служащих власти. Кроме того, как артерии от сердца, отсюда расходятся большие дороги, ведущие в Ичкерию, Чеберлой, Грозный.

Рядом с ним расположен второй по величине, вписавший в историю Чечни много героических страниц, аул Герменчук. Между жителями этих двух аулов много родственных связей.

Из Шали выехала группа всадников. Почтенные старики в белоснежных чалмах, которые ехали впереди, не доезжая к повстанцам, остановились на лугу. Поле позади всадников заполнили пешие люди, маленькими группами выходящие из аула. Когда отряд Нурхаджи подъехал к ним, шалинцы не только не расступились, но ощетинились, направив на него ружья.

- Что они вздумали? - произнес Алибек, следивший за ними в подзорную трубу.

- Кажется, хотят оказать сопротивление.

- Чтобы они сгорели в аду! Уже при виде чалм я понял, что это не к добру. Встретиться с ними равносильно встрече с ослом. Обязательно случится неприятность.

Примчавшийся в это время Кайсар сообщил, что шалинцы отказываются впускать их в аул.

- Скажи, чтобы подождали, пока мы подъедем. Косум, веди конный отряд за мной!

Когда Кайсар и Косум ускакали в разные стороны, Овхад остановил Алибека.

- Что ты хочешь сделать?

- Захватить аул.

- Но они собираются оказать сопротивление. Нам же придется пролить кровь.

- Что ж, прольем. Ведь ты же настаивал на этом.

- Нельзя, Алибек, - покачал головой Овхад. - Какими бы они ни были, это же все-таки наши братья.

Алибек, натянув повод и развернув на задних ногах готового рвануться коня, повернулся к Овхаду.

- А разве братьев встречают с оружием? - Он показал кнутовищем вперед. - Настали дни, когда решается: кто братья, а кто враги. Я и родных братьев не пощажу, если они выступят против нашего дела. Не то что шалинцев.

- Они же делают это не по своей воле, - не отступал Овхад. - На той стороне рядом с Шали стоят царские войска. Люди же боятся расправы. Дай им время на раздумье. Вот одержим мы одну-две победы, покажем нашу силу. А если и тогда они не захотят примкнуть к нам, тогда ты волен их наказать.

- Их надо наказать за то, что они, как слепое стадо, последовали за этими чалмами!

- Не чалм они боятся, а власти, которая за ними стоит. Они знают, что как только мы отступим, власти не пощадят бедняков. Давай не будем воевать с аулами.

- Но ведь противник держит эти аулы как щит? Генерал же твердит им, что сожжет впустивший нас аул. Его подручные, эти подлые собаки, настроили против нас Ишхой-Аул и Гудермес, а теперь вот и Шали. Нет, этого бы не случилось, если бы мы брали аулы и убивали этих свиней, пресмыкающихся перед властью.

Алибек пришпорил коня, проскакал одну версту.

- Ты прав, Овхад. Несправедливо, не заняв еще ни одной вражеской крепости, требовать от людей следовать за нами... Постой, а может, они просто притворяются, чтобы оправдаться перед властями?

- Дай Бог.

- Будь что будет, попытаемся войти. Если притворяются - они отступят, если серьезно, - окажут сопротивление. Но как же быть, если применят оружие?

- Что же делать? - вслух рассуждал Овхад, - отступим. Если мы прольем кровь шалинцев, тогда от нас отвернутся и остальные аулы. К тому же и власти распространят ложные слухи, дескать злодей Алибек-хаджи убивает хаджей, улемов и прочих благочестивых людей. Если возьмем Шали с боем - остальные аулы тоже придется брать таким же образом. Тогда погибнем в междоусобной войне. А власти об этом и мечтают. Нет, Алибек, нельзя этого допустить.

Миновав свое войско, полукольцом обступившее шалинцев, Алибек прибавил ходу, пересек промежуток в сто шагов, оставшийся между двумя сторонами, и осадил коня перед шалинскими старшинами, стоявшими в переднем ряду. Отделившись от своих отрядов, стали рядом с ним Нурхаджи, Косум и Тозурка.

Перед молодым имамом восседали на конях старики с седыми и рыжими, длинными и широкими бородами, чалмами, обмотанными вокруг каракулевых папах. Алибек не увидел среди них ни одного изможденного, бедно одетого человека. Все, как на подбор, сытые, упитанные. В бешметах из атласа, в черкесках из лучшего русского сукна. У каждого в руках - ружье, подвешенное дорогими саблями, кинжалами, пистолетами. Купцы и землевладельцы из Шали, Герменчука, Мескер-юрта, Курчалоя, Бердыкела.

- Кто из вас старший? Пусть выйдет вперед, - сказал Алибек.

- Слегка похлопав по шее, он успокоил разгорячившегося коня.

Из переднего ряда на два-три шага вперед вышел Боршиг. Гордо приподняв голову, он презрительно посмотрел на Алибека.

- Я старший.

- Твое имя?

- Боршиг, сын Ханбулата. А ты?

- Алибек, сын Олдама из Симсира.

Хоть и наслышан был Боршиг об Алибеке, но не думал, что этот нохчмахкинский имам и лицом, и манерой разговаривать окажется таким благородным. Перед ним был молодой человек в рваной черкеске, мохнатой, низкой, каракулевой папахе, с круглым румяным добродушным лицом.

Боршиг грубо рассмеялся, не разжимая сомкнутых губ, скривив лицо.

- Алибек-хаджи? Так ты тот самый Алибек-хаджи, который поднял эту смуту в Чечне? - Он остановил на Алибеке взгляд своих больших и выпуклых жабьих глаз. - Знаешь ли ты, глупый нохчмахкинец, какой вред ты причиняешь народу? Что тебе от нас нужно? Зачем ты подошел к нашему аулу?

- Ни от тебя, ни от стоящих за твоей спиной чалмоносцев мне ничего не нужно, Ханбулатов сын Боршиг, - спокойно ответил Алибек. - Я прибыл к народу этого аула, чтобы войти в аул, если они позволят, и чтобы взять их с собой, если они одобряют начатое мной дело.

Боршиг тяжело опустил правую руку на тисненную серебром рукоять сабли, подвешенной через плечо.

- Аул уполномочил меня передать тебе их волю, - громко, чтобы все слышали, сказал Боршиг. - Шалинцы не согласны принять тебя. Возвращайся в свои горы вместе со своей сворой оборванцев!

Ища поддержки, Алибек прошелся взглядом по лицам стариков. Но ни у кого в глазах он не увидел искорку сочувствия. Они выражали открытое презрение и ненависть.

- Хорошо, Ханбулатов сын Боршиг. Я спрошу народ, что он думает. Повернув коня, Алибек подъехал к многочисленной толпе низов, стоящей в стороне.

- Шалинцы! - обратился он к ним, подняв руку с плетью, - только что в коротком разговоре со мной ваш аульчанин Ханбулатов сын Боршиг сказал мне, что вы избрали его векилем от аула, и от вашего имени запретил нам въезд в Шали. Если вы избрали Ханбулатова Боршига векилем и его уста выразили вашу волю, тогда мы не имеем права вступить в ваш аул. Мне думается, что Ханбулатов Боршиг избран не вами, а стоящими за ним его единомышленниками. Я сомневаюсь в том, что сказанное им исходит от вас.

Раздавшиеся в разнобой голоса прервали речь Алибека.

- Его избрал народ!

- Он объявил нашу волю!

- Убирайся домой со своей шайкой!

- Ты погубить нас хочешь!

Бросая взгляд туда, откуда раздавались крики и давая высказываться всем желающим, Алибек терпеливо молчал. По всему было видно, что кричат подкупленные Боршигом люди.

- Хорошо, шалинцы, - сказал Алибек. - Раз Боршиг передал мне ваши слова, мы не будем рваться в ваш аул. Только знайте, что Ханбулатову Боршигу и находящимся рядом с ним хаджи и муллам совершенно безразлична ваша судьба. Они будут смотреть на вас равнодушно, если вы будете умирать с голоду, даже гореть синим пламенем. Посмотрите на них и на себя! На их и свой цвет лица и одежду. У них магазины, обширные земли, богатство, а у вас что? Вы влачите бремя жизни в голоде и нищете, а они бесятся с жиру и достатка. Вместе с властями они угнетают вас, довели до отчаянья. Вас разорили непосильные, с каждым днем растущие налоги. Сколько среди вас без горсти кукурузной муки на чорпу для детей. Сколько среди вас таких, которые ежегодно отправляются работать по найму в казачьи станицы и имения кумыцких князей, чтобы заработать кусок хлеба для своих семей?

А те, которые не могут поехать на заработки за пределы аула, нанимаются на работу к этим аульским богачам, вашим кровным родственникам! Принес ли кто-ниоудь из них кусочек хлеба или рубашонку вашим голодным и полуголодным детям? Кори видел, как у многих в толпе опустились головы. То там, то здесь стали

раздаваться голоса молодых людей:

- Правду говорит имам!

- Сытый - не брат голодному!

- Их власти содержат и лелеют!

- Закрой рот, кута! Погоди, вернешься домой!

- Люди! Не верьте словам этого оборванца!

- Это ты оборванец и холуй Боршига!

Алибек тронул повод коня и проехал перед толпой.

- Не думайте, что мы подняли оружие, взбесившись от сытости! Те, кто с оружием в руках спустился со мной с гор, - это такие же, как и вы, бедные, обездоленные люди. Мы восстали, чтобы добыть землю и свободу народу, против несправедливостей царских властей и их местных приспешников. Вся наша надежда на вас, шалинцы и герменчукцы! Зачем вы колеблетесь? Неужели среди вас нет потомков славных чеченских борцов за свободу - выходцев из этих аулов, потомков Абдул-Кадыра, Ховки, Оздамира, Саади, Домбая, Талгика? Или эти славные, благородные люди ушли из жизни, не оставив достойного потомства? Не дайте обмануть себя продавшимся царю муллам, хаджи, офицерам и торгашам!

Среди старшин, стоящих поодаль, поднялся шум. Боршиг, огрев коня плетью, вылетел вперед и обратился к народу.

- Люди, зачем вы слушаете этого вшивого оборванца? - закричал он, брызгая слюной. - Или вы не знаете, что он в прошлом году, возвращаясь из Мекки, в Истамуле продался туркам? Это турецкое золото развязало ему язык! Прислали его, чтобы поднять нас им в поддержку. А вы, дураки, готовы поверить!

- Гоните его!

- Будьте верны властям!

- Хоть это и христианская власть, все равно она от Бога!

- Кто против нее, тот против Бога!

- Ступай к своим туркам, гнилой нохчмахкинец!

Когда разъяренная аульская верхушка и подкупленные им люди подступили к Алибеку, к нему плотнее придвинулись его сподвижники: Косум, Нурхаджи, Кайсар, Кори, Булат, Эльса, Овхад. Но Алибек сохранял спокойствие. Гордо подняв голову и едва заметно улыбаясь, он слушал дикие крики.

- Ну хорошо, люди. - Тронув коня с места, он выехал немного вперед. - Ваши тамады утверждают, что я продался туркам. Наверное, есть среди вас и такие, кто верит этой клевете. Я и находящиеся рядом со мной мои два брата поклянемся на Коране, что мои действия не связаны с турками ни словом, ни делом, что я никогда не имел дело с турками. А вы, Боршиг, шалинские тамады, вы можете поклясться, что действуете не в согласии с царской властью, что вы не продались ей? Что же вы молчите?

- Да они не то что клясться, но готовы и Коран съесть за серебряный рубль! - расхохотался стоящий впереди сухощавый, длинный, как жердь, мужчина.

- Что там рубль! Они пойдут на грязное дело даже за улыбку самого захудалого офицера! - поддержал его другой.

- Братья! Зачем мы слушаем тут этих совдегаров и мулл! Пойдем за имамом!

Сможем - завоюем свободу, а нет - погибнем. Лучше смерть, чем влачить такую беспросветную жизнь в нищете и терпеть несправедливость!

Вперед выступил седобородый, сухопарый, благообразный старик, он помахал поднятой рукой, успокоил народ.

- Алибек-хаджи! - обратился он к имаму. - Большинство собравшихся здесь не только не одобряет, но осуждает поведение Боршига. Он говорил о том, что думают богатые шалинцы, а не то, что думают бедняки, народ. С какими бы намерениями вы не пришли к нам, вы наши гости. Боршиг забыл это. Он говорил с вами оскорбительными, грубыми словами. Вы простите нас. Мы прекрасно знаем, что вы правы, что вы взялись за оружие не из-за сытости и праздной жизни. Да, мы все безземельны, бесправны, голодны, угнетены. Каждый из шалинцев тоже хочет свободу, землю, насущный хлеб своим детям. Мы не трусы, не изменники, не предатели. Мы тоже мужчины, и не менее вас храбры, смелы и мужественны. Мы не менее, чем вы, любим нашу несчастную родину. Мы не продались богачам и властям. Только мы хорошо знаем, что наш маленький народ бессилен против могущественного русского царя и его многочисленного, хорошо вооруженного войска. Мы, старики, хорошо знаем, что такое война. Мы все в течение двадцати лет беззаветно сражались против царских войск. Мы видели горящие аулы, разорванные снарядами, заколотые штыками, обгоревшие в огне тела убитых людей, женщин, детей и стариков; бездомных, голодных, полуголодных людей. Наша слепая любовь к свободе и родине погубила половину нашего народа. Оставшиеся в живых влачат жалкую, нищенскую жизнь. Нам-то, старикам, нечего терять. Мы и так скоро предстанем перед Аллахом. Но наша молодежь, женщины и дети должны выжить, жить, вручив свою судьбу Аллаху. Занятие вами нашего аула не приведет вас к победе над русским царем. Придут русские войска, уничтожат всех: женщин, детей и стариков, а вы убежите в горы или в другой аул. Мы не хотим, чтобы напрасно уничтожили наш аул, поубивали наших людей, детей, женщин и стариков. Поэтому не хотим вас впускать. Ведь ты сам - известный улем, хаджи, правоверный мусульманин. Аллах и пророк Мухаммад не велели правоверным воевать с неверными, если они превосходят в силе, если война с ними заранее обречена на поражение. Ведь сказано в Коране: "И не расходуйте себя на пути Аллаха, не бросайтесь со своими руками к гибели и благоденствуйте - поистине, Аллах любит добродеющих". Наша вооруженная борьба с русским царем за свободу приведет к уничтожению всего нашего народа. Мертвому народу не нужны ни свобода, ни земля. Откажитесь от своей безумной затеи, пока не поздно, расходитесь по своим аулам, домам. Не берите на свои души ответственность, кровь невинных людей, женщин, детей и стариков. Ведь вам придется отвечать за них перед Аллахом и народом. Если вы не хотите слушать моего разумного совета и все же решили воевать с русскими войсками, сражайтесь вдали от аулов, на полях, лесах, горных ущельях. Но оставьте в покое мирных жителей, детей, женщин и стариков. Вот, что хочет сказать вам народ Шали. И наконец, те шалинцы, которые кричат здесь в поддержку вас и войны, хотят воевать, пусть уходят с вами. Мы не против. Однако мы предупреждаем их, если из-за них пострадает наш аул, лучше им умереть на войне, чем живыми возвращаться в Шали. Мы их изгоним из аула проклятием.

Большинство народа явно откололось от аульской верхушки. Алибек и его сподвижники решили воспользоваться моментом и взять аул. Они быстро развернули коней и вернулись к своим отрядам.

Когда Алибек поднял обнаженную саблю и резко опустил ее, стоящие за ним триста всадников двинулись к аулу. Шалинские старшины дали ружейный залп поверх повстанцев, проезжающих перед ними в ста шагах. Но Алибек, надеясь, что они это делают для самооправдания перед властями, продолжал двигаться вперед. Но второй залп аульская верхушка и их пособники направили в гущу повстанцев.

- У нас несколько человек пали! - воскликнул ехавший за Алибеком Косум.

Алибек, натянув повод, поднял коня на дыбы.

- Назад, - приказал он. - Янарка, опусти знамя!

Увидев, что повстанцы поворачивают назад, осмелевший Боршиг поднял саблю и приподнялся на стременах.

- Шалинцы! Кто за царя - за мной!

Боршиг прожил до шестидесяти лет, ни разу не понюхав порохового дыма. Когда его сверстники с оружием в руках закалялись в битвах, он орудовал аршином, а оружием снаряжался лишь тогда, когда шел в гости или встречал гостей в своем доме. А сегодня он сам удивился своей неожиданной храбрости. Если бы отец, Ханбулат, в молодые годы не удерживал его при себе в магазине, наверное, сейчас он был бы полковником. Но уже поздно. Прожив до старости, он всего лишь аульный старшина...

- Хейт! Не выпускайте их! Огонь!

"А если бы в Эрсеное не стоял с войском полковник Нурид, вел бы я себя столь смело? - думал Боршиг. - Конечно, ведь другого выхода не было. Иначе инарла лишил бы меня хакимства и состояния. Даже мог бы и головы лишить. Но почему не появляется этот полконак? Он же обещал прийти на помощь при первом же нашем выстреле. Он предал нас! Ничего, мы и без него прогнали их. И слава победы вроде достается мне одному..."

- Бейте их!

Боршиг вложил саблю в ножны и неумело снял с плеча ружье. Не целясь долго, он выстрелил в спину Алибека, скачущему впереди на белом коне. Но имам скакал, как ни в чем не бывало. Боршиг в ярости схватился за пистолет, но Алибек, внезапно повернувшись, выстрелил из ружья, и Боршиг перевернулся вместе с конем. Он, правда, чувствовал, что пуля угодила не в него, но будучи слабым наездником, не успел при падении выдернуть ногу из стремени, так что лошадь всей тяжестью упала на него, и у него в пояснице что-то хрустнуло...

Получив известие, что Алибек с главными своими силами двинулся на Шали, Свистунов потерял покой. Если повстанцы возьмут Шали или, иначе говоря, если эта чеченская столица перейдет на их сторону, дело осложнится. Тогда в их руках окажутся обе дороги, связывающие Ичкерию с Чеберлоем. Тогда считай потерянными Ведено, Эрсеной и Чахкар. Александр Павлович знал, что многие аулы Большой Чечни, затаив дыхание, следят за тем, как себя поведут шалинцы. В случае успеха повстанцев в Шали, они, несомненно, перейдут на сторону Алибека.

В эти дни Александр Павлович был постоянно одет по-походному. Из Тифлиса непрерывно поступали запросы и приказы с повелением побыстрее покончить с восстанием. Великий князь Михаил Николаевич откровенно заявлял, что, если пожар восстания не будет потушен в кратчайшее время до последней искорки, то начальнику области придется держать ответ перед его императорским величеством.

Александр Павлович глубже всех видел опасность создавшегося положения, бегал без сна и отдыха, забыв даже свою семью во Владикавказе. Он держал в своих руках все нити боевых операций. Лично знакомился не только с каждым донесением начальников округов и отделов, но и своей рукой писал ответы на них и приказы. Каждый раз он писал так, чтобы его слышали находящиеся в кабинете офицеры и адъютанты. И они записывали каждое его слово. Такая постановка дела позволяла в короткий срок разослать во все уголки подготовленный в нескольких экземплярах приказ.

Когда пришло сообщение, что повстанцы собираются в Шали, он незамедлительно отправил в Мескер-юрт два батальона Таманского полка в составе тысяча шестисот штыков. Теперь промежуток между Мескер-юртом и Эрсеноем в двенадцать верст контролировали две с половиной тысячи штыков. Кроме того, в Эрсеное при Нуриде было триста казачьих сабель, пятьсот пехотинцев и четыре орудия. Словом,

мятежники могли продвинуться дальше к западу от Шали только сквозь отряды из трех тысяч штыков.

В эти дни правой рукой командующего был начальник Грозненского округа князь Эристов. Имея густую сеть агентуры в чеченских аулах, он ежечасно поставлял Александру Павловичу достоверные сведения о каждом шаге мятежников.

Вчера Свистунов отправил своего адъютанта поручика Чураковского в Эрсеной к полковнику Нуриду, чтобы обсудить планы мятежников, принять контрмеры и передать ему приказ не допускать мятежников к Шали. Встревоженный тем, что с утра не получал вестей оттуда, Александр Павлович вызвал к себе командира 20-й пехотной дивизии генерал-майора Виберга.

Сухощавый, прямой, как жердь, всегда чисто выбритый, Виберг вошел и только собрался говорить, как появился сотник Габаев и вручил Свистунову пакет, доставленный нарочным Нурида.

- Ну что он пишет-то? - недовольно вскрыл пакет Александр Павлович и, пройдя по нему взглядом, сердито бросил его перед Вибергом.

- Читайте, господин генерал.

Виберг придвинул к себе донесение, пробежал по нему глазами, насупив рыжие брови.

"*Мятежники, встречая сочувствие во всех обществах Большой Чечни, сегодня беспрепятственно пройти к аулу Шали, который также присоединился к ним. Мне с отрядом в Большой Чечне делать больше нечего. Спешите прикрыть Малую Чечню.*

Полковник Нурид.

23 апреля 1877 г. 8 ч. утра.

Герменчук"

- Что скажете, Александр Карлович? - Свистунов встал, сердито прошелся по кабинету, остановился около Виберга.

- Вот уже вторично Нурид доказал, что он трус.

- Или трус, или изменник - одно из двух. Вместо того, чтобы сжечь Шали, растоптать хлеба жителей и арестовать человек сто-двести за то, что впустили к себе мятежников, он отсиживается в укрытии! Хотя я пополнил его отряд одним батальоном таманцев! Подумайте, Александр Карлович, какую я допустил глупость! Я же приписал ему победу у Майртупа, которой не было, и представил его к генеральскому званию!

Виберг встал, опершись рукой о спинку кресла, слушал разбушевавшегося командующего.

- Я никак не могу понять его поведение, ваше превосходительство, - заговорил он, едва заметно шевеля тонкими губами. - Если бы Нурид только пожелал, у него же были достаточные силы для того, чтобы рассеять мятежников. Вам виднее больше всех.

Свистунов опустился в кресло и, сердито отшвырнув пресс, придвинул к себе одну из папок. Виберг стоял молча, нахмурив брови и уставившись на него своими немигающими глазами. Он радовался, что представленный к генеральскому званию Нурид разоблачил себя перед командующим.

Свистунов взял со стола медный колокольчик и яростно потряс им, вызывая дежурного офицера.

- Позовите полковника Эристова!

Когда вошел князь, Свистунов придвинул к себе чистый лист бумаги и взял карандаш в руки.

- Господа, если судить по последним сообщениям, дела наши пошатнулись. Мятежники заняли Шали. Отряд, который находится в Эрсеное, палец о палец не ударил, чтобы остановить шайку мятежников, не говоря уже о ее разгроме. Малая Чечня в опасности. Если мятежники перейдут Аргун, там тоже несомненно начнется бунт. Необходимо сегодня же в срочном порядке перебросить стоящий здесь в боевой готовности батальон Таманского полка в Ханкальское ущелье. А вы, Александр Карлович, поставьте под ружье все резервы своей дивизии, присоедините к ним несколько рот Тенгинского полка и с четырьмя орудиями, которые поступили сегодня из Владикавказа, следуйте в Бердыкел...

Экстренное совещание командующего прервал вошедший весь в пыли поручик Чураковский.

- Поручик Чураковский? - Свистунов устремил на него вопросительный взгляд, поднимаясь с кресла. - Надеюсь, вы с хорошими вестями?

- Ваше превосходительство, вести неплохие, - отдав честь, улыбаясь, замер поручик.

- Что вы принесли? - успокоился Свистунов, видя в глазах поручика радость. - Садитесь и расскажите.

- Ваше превосходительство, шалинцы не приняли мятежников. Не только не приняли, да еще и прогнали!

- А донесение полковника Нурида? - удивился Свистунов.

- Он немного поспешил.

Чураковский рассказал о событиях у Шали.

- Преследуемые шалинцами во главе с Боршигом, мятежники под Автурами наткнулись на сотню Кизляро-Гребенского полка. Несомненно, сотня была бы обречена на гибель, если бы не подмога, вовремя высланная полковником Нуридом. А когда по мятежникам стали бить десять орудий, автуринцы, гелдигенцы и курчалоевцы, поняв, какой оборот принимает дело, бросились на мятежников. Короче говоря, под натиском наших мятежники спешно отступили в ущелье Хулхулау.

- Хорошо, поручик, хорошо! - впервые сегодня улыбнулся Александр Павлович. - Спасибо за хорошие вести. Тогда объясните мне одно. Чего же ждал Нурид, пока шалинцы сами не прогнали мятежников?

Чураковский опустил глаза.

- Не могу знать, ваше превосходительство. Мой долг - доложить все, как было... Он даже не тронулся со своей позиции до тех пор, пока над казачьей сотней не нависла угроза уничтожения.

Свистунов бросил карандаш на стол.

- Николай Богданович, у меня к вам просьба - расследуйте это дело и в ближайшее время доложите мне о результатах. Потом он повернулся к поручику: - А этот Боршиг тяжело ранен?

- Старику долго придется отлеживаться. Он сделал для нас большое дело. Он рассказал, что гнался за мятежниками, хотя бы одному-двум снести головы, чтобы засвидетельствовать вашему превосходительству свою преданность.

Свистунов взглянул на князя Эристова и рассмеялся.

- Николай Богданович, это первый плод вашего труда!

- Старшина Боршиг очень предан нам, ваше превосходительство.

- Таких бы побольше, - глубоко вздохнул Виберг.

- Я не побоюсь поручиться, Александр Карлович, что все старшины, которых я подобрал, верны нашему делу, - заверил его Эристов. - У них нет иного пути.

- Посмотрим в дальнейшем. Дай Бог, чтобы так и было. Будем надеяться на лучшее, господа, - поднялся Александр Павлович, потирая руки. - В самом деле, Николай Богданович, у них действительно нет иного пути. По-моему, среди них нет такого, кто бы не хотел спасти свою шкуру. Возьмите в одну руку веревку, а в другую рубль и спросите, что они предпочитают, - они уставятся глазами на рубль и завиляют хвостами. Да, между прочим, Николай Богданович. Подготовьте приказ о присвоении этому Боршигу чина прапорщика милиции и назначении пенсии в четыреста рублей в год. Есть у нас вакансия на офицера милиции?

- В моем округе есть, - ответил Эристов.

- Тогда отдайте эту вакансию Боршигу. Кроме пенсии, установите ему годовой оклад в шестьсот рублей. Не забудьте поощрить помогавших ему хаджи и мулл, чтобы почетные туземцы всех аулов знали, что мы будем беспощадны к тем, кто заодно с мятежниками или остаются в бездействии, и протянем щедрую руку тем, кто нам помогает. А теперь, господа, в связи с новыми сообщениями, мои предыдущие распоряжения сами собой аннулируются. Вы свободны.

Еще не затихли шаги вышедших, один за другим в кабинет вошли радостные Чермоев, Беллик и Чуликов.

- Мы от всей души поздравляем вас, ваше превосходительство, - поочередно пожали они руку Свистунову. - Какая радость, что мятежники в Шали потерпели поражение!

- Разве могло иметь иной результат дело, организованное вашим превосходительством!

- Спасибо вам, ваше превосходительство!

- Теперь я понял, что мое опасение с самого начала было напрасным, - извинился Беллик. - Какое большое счастье в критический момент иметь талантливого, волевого полководца! Ваше превосходительство, оказывается, хорошо знали, что делать. Оказывается, я зря трудился, укрепляя оборону города.

- Да что вы говорите, Петр Гаврилович! - искренно радовался Свистунов. - Победа над мятежниками - это плод наших совместных действий. Без вашей помощи, без ваших стараний один я ничего не смог бы сделать. Вы тоже трудились день и ночь, несмотря на свой преклонный возраст. Я уверен, что вы и в дальнейшем не оставите меня без вашей помощи. Спасибо вам, господа!

- Мы готовы отдать жизнь за его императорское величество! - подобострастно воскликнул Чермоев.

- Несомненно, - присоединился к нему Чуликов.

- Спасибо, господа. - Свистунов открыл дверцу маленького буфета в углу, украшенного узорами и разноцветными стеклами, достал оттуда коньяк и четыре рюмки. - Господа, я считаю сегодняшний день началом нашей победы. Выпьем за этот день! Берите, господа. За здравие его императорского величества, за нашу победу!

- Долголетие государю императору!

- Аминь!
- Аминь!

ГЛАВА XIII

НАЧАЛАСЬ ОХОТА

Что там блещет в утреннем тумане

На заре средь гор?

"Видите ли вы знамена вражьи?"

"Видим, видим вдалеке знамена,

Да хранит господь малюток наших!"

Ф. Шиллер, Детоубийцы

После неудач у Шали Алибек со своими малочисленными силами отступил в Ичкерию. Отрезав ему все пути для выхода оттуда, Александр Павлович решил затравить его там и взять со своими соратниками.

Когда он стянул в Чечню все войска Терской области, поставил под ружье солдат запаса и казаков, организовал отряды местной милиции, под его началом оказалась внушительная сила в 27614 штыков, 3361 саблю и 104 орудия.

Командующий разбил их на десять отрядов, разместив штаб-квартиры в Грозной, Устаргардое, Умхан-юрте, Воздвиженской, Эрсеное, Майртупе, Шатое, Дарго, Ведено и Хасавюрте.

Кроме того, по просьбе Свистунова, начальник Дагестанской области генерал-адъютант князь Меликов поставил между Ичкерией и Чеберлоем крупный отряд во главе с полковником князем Накашидзе. В него входили батальоны Апшеронского и Самурского полков, шесть орудий 21-й артбригады и четырехтысячная милицейская дружина дагестанцев.

Вдобавок к этому в помощь 70-му Кабардинскому пехотному полку, по просьбе Свистунова, князь Меликов поставил на Сулак два батальона, горный артдивизион и пятьсот кавалеристов 1-го Дагестанского иррегулярного полка.

Свистунов обсудил и согласовал с князем Меликовым свой план. Все подготовив и взвесив, Александр Павлович направился в Ведено. Ему предстояло по пути произвести смотр отряда в Воздвиженской и встретиться в Дачу-Барзое с прибывшим туда князем Накашидзе.

После холодной встречи в Воздвиженской с полковником Нуридом, он в сопровождении конвоя спустился в долину Аргуна. Здесь, в Дачу-Барзое, расположенном на высоком холме, где при выходе на равнину сливались Шарой-Аргун и Чанти-Аргун, его ждал князь Накашидзе с андийской милицией.

Полковник встретил его по-кавказски шумной радостью. Никто бы не поверил, что этот высокий, широкоплечий, статный, с красиво закрученными усами пятидесятилетний грузин может быть жестоким человеком, если бы не нос на его симпатичном лице, напоминающий хищный орлиный клюв и приводящий людей в омерзение.

Вместе с князем Накашидзе сюда прибыли пристав третьего участка Аргунского округа подпоручик Бача Саралиев и майор милиции Давлет-Мирза Мустафинов. Приехали сюда также и другие чеченские офицеры и старшины здешних аулов. Майор Мустафинов походил на наседку, потерявшую насиженное яйцо: то к командующему подбежит, то подобострастно заулыбается князю.

Старшина Дачу-Барзоя пригласил высоких гостей в свой дом. Но Свистунов небрежно отклонил приглашение: не время засиживаться в гостях. Свистунов отвел князя Накашидзе в сторону.

Полковник рассказал вкратце о боевой готовности Дагестанского Горного отряда.

- Более четырех тысяч человек дагестанской милиции я поставил у наиболее неблагонадежных аулов, - с гордостью говорил Накашидзе. - Они готовы в любой момент ворваться в аулы и сравнять их с землей. Мне думается, что мой приход лишил ичкерийцев последних надежд.

- Ну, а как настроены ваши туземцы?

- Превосходно! Ваше обещание дать им чеченские земли, если хорошо будут драться, подняло их боевой дух. Они передают мне прокламации, которые Алибек тайно распространяет среди них.

- Можете разрешить им грабить аулы, которые выступали против нас. За каждого убитого мятежника объявить денежную награду. Упорно разжигайте вражду между этими двумя народами. Вы меня понимаете, полковник?

Князь Накашидзе несколько раз кивнул.

- Как не понимать, ваше превосходительство. Ведь в Дагестане тоже вот-вот может вспыхнуть пожар. Вернее сказать, уже вспыхнул. В первый же день к Алибеку присоединились салатавцы из нашей области. Позавчера поднялись гумбетовцы, живущие у границ с Чеберлоем. Вчера я разорил Сиух и развеял полутысячный гумбетовский отряд. Восемьдесят человек убито, полторы сотни взято в плен. Помоему, они больше не поднимут головы.

- А положение в других округах?

- Пока что спокойное.

Полковник взмахнул плетью и срезал головку мака, красовавшегося на обочине.

- Я повторяю, ваша честь, - Александр Павлович взял князя под руку. - Нельзя допустить, чтобы дагестанцы и чеченцы заключили союз. Больше того, их следует травить друг на друга. И в осуществление этой задачи ничем не брезговать. Поэтому постарайтесь, чтобы ваши туземцы здесь проявляли особую жестокость. С той же целью мы привели сюда отряды осетин и ингушей, а также кумыкские сотни с отрядом Батьянова.

Аргун, стиснутая внизу узким ущельем, и, извиваясь, пробивающаяся на равнину, на минуту унесла думы Накашидзе в родные берега Куры. Уже несколько месяцев, как он не был дома. Если турки доберутся туда, что же будет с его имением, родственниками...

- В настоящее время полковник Батьянов со своим отрядом стоит под Зандаком, - рассказывал командующий. - Я с Веденским отрядом завтра буду в Центорое. Генерала Чермоева, принадлежащего к тейпу бильтоевцев, я послал в их же аулы. Он там организует отряд из людей своего тейпа. Батьянову поручено натравить зандаковцев на Алибека. Капитан Пруссаков находится в Беное, князь Авалов - в Дарго. Оба со старшинами сколачивают отряды. Все отряды одновременно двинутся на Симсир. А вы держите под угрозой чеберлоевские и бассоевские аулы.

- А если они поднимутся?

- Истребляйте безжалостно. Но сегодня же возьмите по десять-пятнадцать заложников от каждого аула.

Обсудив с Накашидзе задачи отряда Нагорного Дагестана, Свистунов возвратился в Воздвиженскую, взял с собой оттуда батальон Навагинского полка, выслал на два-три километра вперед разведку и двинулся в Ичкерию. Позади него ехали, разговаривая вполголоса, князь Эристов, майор Верховский, капитан Чураковский и переводчик Уллуби Чуликов. По мрачному лицу и складкам на лбу командующего они поняли, что он о чем-то глубоко задумался.

И правда, Александр Павлович не был настроен разговаривать со спутниками. В Чишках, когда он взглянул вверх по Аргунскому ущелью, эти суровые горы и ревущий поток реки напомнили ему прошлое этого дикого края. Двадцать лет сражались здесь лучшие войска, лучшие полководцы империи и не могли ступить ногой в это ущелье. Кто знает, сколько лет еще пришлось бы проливать здесь кровь, если бы жестокость Шамиля не произвела революцию в умах чеченцев. Хитрый граф Евдокимов сумел использовать недовольство чеченцев Шамилем. Горцы, которым до мозга костей осточертел деспотизм имама, изможденные и разоренные войной, в 1858 году без особого сопротивления впустили графа Евдокимова в горы.

Кто знает, что ждет его, Свистунова, впереди. Ведь Ичкерия намного опасней. В ее лесах были разбиты многотысячные, прекрасно вооруженные отряды генералов Граббе и Воронцова. А сколько полегло солдат и в последний год войны! Теперь Свистунов должен идти по их следам. У Барятинского, когда он усмирял Ичкерию, было триста тысяч солдат, а у Свистунова сил в десять раз меньше. К тому же одна пятая из них - туземцы. Кто знает, как они поведут себя в критический момент?

Шалинская знать встретила его с почестями, торжественно проводила до самого Сержень-юрта. На кривых, узких улицах Шали его встречали нарядные всадники и женщины с явствами для солдат. И всадники, лихо джигитовавшие на конях, и женщины, со смехом и шутками раздававшие солдатам чепильгаш и сыр, показывали свою преданность царю и начальнику области. Александр Павлович был уверен, что спектакль этот организован аульскими верхами, а роли в нем разыгрывают их дети и родственники. Среди них не было видно ни одного бедняка. Кроме того, командующему стало известно, что после того, как шалинцы изгнали Алибека, много молодежи ночью тайком ушло к имаму.

Серженьюртовцы не стали демонстрировать свою верноподданность. Взяв с собой два-три человека из родственников и состоятельных людей, старшина аула выехал навстречу Свистунову и, собираясь приветствовать его за руку, направил к нему коня, но, увидев суровое лицо и жесткий взгляд гостя, остановился и кивнул ему издали. Никому, кроме собак, не было дела до отряда, продвигавшегося по узкой, кривой улице, которую обступили по обе стороны плетеные изгороди и крытые землей или кукурузными стеблями сакли. А слинявшие здоровенные овчарки с облезлыми клочьями шерсти, клацая клыками и брызгая слюной, неистово лаяли из-за плетней на непрошеных гостей.

Миновав Сержень-юрт и очутившись в ущелье Хулхулау, солдаты почувствовали, что сердца их забились тревожно. Заросшие густыми лесами, только что покрывшиеся листвой, горы нависали с двух сторон. До последних двух дней здесь безраздельно хозяйничал один из самых активных сподвижников Алибека - Губха, отрезав тем самым Ведено от остального мира. Говорят, этот разбойник, когда Алибек отступил в Ичкерию, ушел отсюда со своим отрядом и стал лагерем в родном Гуное, но кто знает, где он сейчас притаился? Для него ничего не стоит со своей шайкой оборванцев волчьей походкой лесными тропами пересечь гору и опять очутиться здесь.

Дорога в Ведено шла большей частью по ущелью, и назвать ее дорогой было трудно. Если сегодня расчистить ее, убирая валуны в сторону, то уже завтра же разлившаяся от дождей Хулхулау вновь загромождала пойму валунами, булыжниками и валежником. О том, чтобы сохранить боевой порядок в отряде на такой дороге, не могло быть и речи. Прорытое речкой между высокими берегами ущелье через каждые двадцать шагов делало крутые повороты и, все больше и больше сужаясь, извивающейся змеей уходило вверх. Оно грохотало от звона ритмично ударяющихся о камни подкованных копыт трехсот лошадей. В этом шуме невозможно было расслышать даже самый сильный звук из леса, с гор. Всадники заранее держали ружья на взводе. Особенно страшно становилось им, когда в узких местах отряд их слишком растягивался. На самом деле, если где-то притаилось каких-то сто мятежников, им ничего не стоит уничтожить этот отряд до последнего человека.

Как только впереди на ровном плато, между двумя речками, показалось Ведено, лица солдат посветлели, будто с сердца каждого упала большая тяжесть. Некоторые перекрестились.

Когда разведка донесла ему, что Свистунов направляется в Ичкерию, Алибек поспешил к Берсе. Теперь представлялся удачный момент для вручения ему требований повстанцев.

В сопровождении Овхада и Булата ночью Алибек прибыл в Алерой-аул. Всегда бдительный хозяин дома вышел навстречу гостям, затем пошел будить Берсу.

- Что привело вас в такой поздний час? - с тревогой спросил Берса, обняв Алибека.

- Говорят, что инарла Вистун приехал в Ведено. Ты подготовил то письмо, о котором я просил? Надо вручить его инарле. Может, власти образумятся и пойдут на уступки, хотя бы по некоторым нашим требованиям. Тогда перестали бы напрасно проливать кровь.

Берса покрутил головой.

- Сомнительно. Но не будем терять надежды. Может, в чем-то уступят. На всякий случай сделаем попытку, чтобы очистить свою совесть.

Берса подошел к книгам, расставленным в нишах стены, взял листы, передал Овхаду.

- Прочти, Овхад. Ночью я плохо вижу.

Овхад подошел к керосиновой лампе, начал читать, переводя с русского на чеченский язык:

"*Его Высокопревосходительству, начальнику Терской области и командующему войсками, генерал-адъютанту Свистунову.*

Долголетняя истребительная война, которая унесла тысячи жизней горцев и русских, завершилась мирным договором между царским правительством и чеченским народом через генерала Барятинского. Правительство хорошо знает обязательства обеих сторон, принятых по этому договору. Чеченский народ остался верным своим обязательствам, но правительство грубо попирает их со своей стороны. В послевоенные шестнадцать лет над нашим народом довлеет невыносимый гнет и несправедливость. Мы восстали против этого гнета, несправедливости и беспросветной нищеты.

Уже десять дней, как в горах Чечни проливается кровь. Льется кровь граждан России - горцев и русских. Сегодня полыхает пламя в Ичкерии, Аухе, Салаватии и Чеберлое. Завтра оно перекинется на Чеченскую равнину, потом в Дагестан. Будет ли прекращено кровопролитие, погаснет ли пожар - это зависит от того, будет ли правительство выполнять наши требования.

Вожди Ичкерии, Ауха, Салаватии и Чеберлоя предъявляют властям следующие требования. Главные из них:

1. Мы полностью одобряем гражданские, судебные и прочие законы Российской империи, которые действуют во внутренних губерниях. Обязуемся выполнять их безупречно.

2. Мы не питаем никакой неприязни и вражды ни к русскому, ни к другим народам. Если между нами и казачьим населением существуют недовольства или вражда, то они возникли и существуют отнюдь не по вине чеченцев и казаков, это результат несправедливости и происков местных властей. Казаки и чеченцы живут на одной земле и в соседстве, те и другие являются гражданами одного Российского государства, поэтому мы требуем уравнять нас

в экономических условиях, политических и гражданских правах.

3. В Чечне, особенно в горной части, создался настоящий земельный голод, когда у казаков имеются излишки земель, заброшенных из-за ненадобности, заросших бурьяном. Поэтому мы требуем справедливого перераспределения между чеченцами и казаками земель, отведенных в годы воины под казачьи станицы.

4. Вернуть народу несколько тысяч десятин земли, отнятой у него в ходе и после войны и раздаренной русским, чеченским офицерам, купцам и духовенству.

5. Разрешить народу использовать леса, отобранные в государственную собственность.

6. Упразднить в Чечне военную власть и заменить ее гражданской.

7. Упразднить все крепости и военные укрепления, и вывести все воинские части из Чечни, которые являются символом насилия и несправедливости, отведенные под них земли и пастбища вернуть народу.

8. Либо оставить оружие у чеченцев, либо разоружить и казаков, то есть, уравнять перед законом и тех, и других.

9. Предоставить чеченцам право селиться, работать и торговать в Грозном и других городах края, уравнять их в заработной плате с русскими рабочими и казаками.

10. Применять к чеченцам общероссийские судебные и другие законы за совершенные преступления, отменить круговую поруку - наказание аула или аулов за преступления, совершенные известной или безызвестной личностью.

11. Отменить многочисленные повинности, как гужевая, строительство дорог, заготовка дров воинским гарнизонам и т. д. или же справедливо оплатить наш труд.

12. Отменить порядок назначения властями аульских старшин, мулл, кадиев, передать это право аульскому сходу. В более крупных аулах открыть светские школы для детей бедноты.

Если власти возьмут на себя обязательство удовлетворить вышеперечисленные наши требования и дадут гарантию на их выполнение, мы готовы сложить оружие и прекратить борьбу. В противном случае продолжим борьбу до последнего человека.

Имам Алибек-хаджи Алданов

Май 1877 год.

Ичкерия"

Когда Овхад кончил читать письмо, в комнате на время воцарилась тишина.

- Хорошо сказано, очень хорошо, - промолвил Алибек. - Мы правы. Мы требуем справедливости. Мы правы, и наша совесть чиста и перед Богом, и перед властями, и перед народом. Теперь вопрос: как же передать письмо инарле?

- Направить к нему векилей.

- Кого же?

- Один - я.

- Ты же больной.

- Но не при смерти. Вероятнее, из Ведено генерал направится в Аух. Надо ждать его на пути. Кто же со мной пойдет?

- Лорса-хаджи и Акта, - сказал Алибек.

- И я, - добавил Овхад.

- Тебя не надо, - возразил Берса.

- Почему?

- Во-первых, я не верю инарле. Он может без зазрения совести арестовать наших векилей и повесить их. По закону - мы мятежники. Во-вторых, тебе и Васалу придется поехать в Грозный и казачьи станицы, чтобы рассказать там о наших целях. Главное - убедить мирное русское население в том, что с нашей стороны им не угрожает ничего.

- Если нельзя верить инарле, почему же мы посылаем тебя? - воскликнул Алибек.

Берса рассмеялся.

- Мне нечего терять, Алибек. Кроме того, мы же начали борьбу не для того, чтобы избегать опасностей. Когда нам идти?

- Не знаю. По всем данным, инарла завтра выступит из Ведено. Вам следует ждать где-то на его пути.

- Хорошо.

- Только одевайся потеплее. Ночь сырая.

В Ведено Александр Павлович дал своему отряду передохнуть, затем, присоединив к нему сотни осетин и ингушей, добрался до Дарго. Формирование из местных жителей добровольных милицейских отрядов здесь шло успешно. Таковых в отрядах Авалова и Пруссакова было по двести человек. Но этой пестрой толпой, состоящей из сыновей и родственников местной "знати", авантюристов и грабителей, он остался не совсем довольным. В некоторых отношениях, правда, они подходили для его цели. Но им нельзя было верить ни на минуту. Собрав эти два отряда, да осетинские и ингушские сотни, Александр Павлович произнес перед ними короткую речь:

- Горцы! Говорят, у чеченцев есть одна поговорка, что тот, кто не понимает сделанного ему добра, не поймет и причиненного ему зла. Вероятнее всего, эта поговорка лучше всего подходит к самим чеченцам. Вот уже сто лет, русские солдаты проливают кровь, защищая эти горы, живущие здесь народы и от внешних врагов. Без русских и их царей, без победоносных русских войск турки или персы давным-давно поработили бы вас, заковали бы в колодки или уничтожили бы вас до последнего человека...

Васал, посланный Алибеком на разведку, стоял в толпе людей, пришедших посмотреть, что тут делают, вспрыснулся.

- ...Турки столетиями ведут войну с Россией, чтобы отделить вас от нее, поработить вас, угнетать вас, прибрать в руки богатство вашей страны. И теперь через своих агентов они распространили в Чечне и Дагестане воззвания, в которых утверждают, что они воюют за вашу свободу, за мусульманскую веру. Поверив их лицемерию, их лжи, здесь, в Ичкерии поднялись злодеи во главе с Алибеком-хаджи, его единомышленники: Солтамурад, Сулейман, Дада, Губха и многие другие. Они поднялись не только против нашего с вами доброго отца. Сегодня, когда русские солдаты и лучшие сыны ваших народов проливают кровь за свободу нашей общей отчизны, за спиною этих славных героев, мятежники поднялись с оружием в руках, тем самым вероломно изменили всем народам России, нашей общей отчизне...

Васал вспомнил свой родимый уголок в далекой России. Березовые рощи, зеленые луга, тучные стада, пасущиеся на лугах. Тихие, спокойные большие и малые светлые реки. Свою маленькую деревеньку и бедные лачуги. И среди них - вознесшийся над великанами деревьями белый двухэтажный барский дом с несколькими башенками, деревенскую церковь. Мужиков, поднимавшихся до рассвета и гнувших спины до поздней ночи. Матерщину приказчика, свист плетей и розг. Вспомнилось, как их продавали, как животных. Как помещики, облаченные неограниченной властью, бесчестили мужицких жен и дочерей.

Поворачивая то в одну, то в другую сторону большую голову на толстой, словно втиснутой в высокий ворот мундира шее, то и дело поднимая кулак, начальник области говорил речь с густым басом, и горцы смотрели на него снизу вверх, разинув рты и не понимая, что он говорит.

- В этот трудный для отечества момент выяснится, кто ему и государю нашему друг и кто враг. С друзьями мы будем щедры и милосердны, а с мятежниками будем безжалостны. Поднявшие здесь в горах бунт мятежники думают, что мы не в силах расправиться с ними. Что они просчитались, вы видите. В области около сорока тысяч солдат под ружьем. По одному моему слову они готовы сжечь дотла и растоптать всю Чечню! У нас есть возможность собрать и вдвое больше сил. Но мы не хотим пачкать свои руки кровью. Образумьте сами своих злоумышленников. Покажите свою преданность государю его императорскому величеству. Тогда вы можете рассчитывать на его милость...

Речь генерала заставляет Васала задуматься. О какой свободе, о какой милости говорит генерал? Разве государь и богатеи, державшие Россию и русский народ в рабстве, могут даровать кому-то свободу? Если в собственном доме, собственной семье нет счастья и мира, то ими невозможно награждать других.

- Надо с корнями вырвать заразу, возникшую в Ичкерии, - слышал Васал голос генерала. - Так, чтобы она никогда не возбудилась. Тот, кто отличится при уничтожении злодеев, получит достойную награду. Кто доставит ко мне Алибека-хаджи живого или мертвого, тому - пятьсот рублей, а за каждого из его главных сподвижников - по триста рублей. Кроме того, все личное имущество убитого или пойманного вами, будет ваше...

При этих словах начальника области среди милиционеров раздались радостные возгласы.

- Вознаграждения, объявленные мною, относятся не только к милиционерам, но и к любому солдату, казаку. - Свистунов повернулся к стоящим по другую сторону куринцам, таманцам и казакам. - Я верю, что вы еще выше поднимете честь своих отцов, своих полков, что проявите храбрость, мужество и отвагу, служа отечеству, государю! Да поможет нам бог! Ура!

- Ура! Ура! Ура!

Потревоженные криками двух батальонов, трехсот казаков и сотен туземцев, собаки стали выбегать к калиткам и истошно лаять. Испуганные и притихшие жители изумленно смотрели туда, откуда донесся этот троекратный гром. Соседи через плетенные ограды тихо переговаривались.

- Да, Алибеку-хаджи не позавидуешь.

- Напрасно заварил кашу.

- Но хлебать придется всем...

- А люди думали, что в нашем краю не осталось ни одного солдата.

- А они словно саранча прилетели...

- Хоть бы аулы не сожгли.

- И не надейся!

- Если аулы и не сожгут, то налогом все равно обложат...

- Если бы ограничились этим, было бы здорово.

- Как бы в Сибирь не угнали...

Когда отряд тронулся в путь по дороге в Центорой, подъехавший к командующему князь Авалов сообщил ему, что там собрались старики из окрестных аулов и ждут его прибытия.

- Что им нужно? - сердито бросил Свистунов.

- Собираются просить мира, ваше превосходительство.

- Я им покажу мир, скотам!

Вскоре перед командующим предстали центороевские, даргоевские, белгатоевские, гордалинские и бильтинские старики. Опершись на посохи, еще больше сгорбившись, слегка кашляя, они притихли.

- Ну, выкладывайте, зачем собрались! - Свистунов начал нетерпеливо бить плетью по голенищу. - Мне некогда ждать, я спешу. Поручик! Ойшиев!

Сидевший на высоком вороном коне в свите командующего пристав Даргинского участка Чомак Ойшиев резко приложил руку к виску и выпрямился.

- Слушаю, ваше превосходительство!

- У этих людей что язык отнялся?

Чомак, сконфузившись перед генералом, надавил пятками бока коня и выдвинулся на несколько шагов.

- Говорите, с чем пришли! - прикрикнул он, вперив на толпу свои круглые глаза. - Генералу некогда вас ждать. Магомед-хаджи, Успа-хаджи! Ну, живей!

Старики хотели по обычаю гор справиться о здоровье, благополучии генерала, но, увидев грубость гостя, сдержались. Наконец, выпрямившись и пригладив рукой красные усы и бороду, Магомед-хаджи бросил взгляд умных глаз на генеральскую свиту и остановил его на Чомаке.

- Скажи ему, Чомак, что мы не будем говорить много. Короче, аулы наших тейпов нас прислали просить у инарлы милосердия.

Чомак на ломаном русском языке перевел слова старика.

- Милосердия? - густые брови командующего взметнулись вверх.

- Вы пришли просить милосердия? Запоздала ваша просьба. Надо было думать раньше. Вас надо крепко держать за горло. Виновным не будет пощады.

Старик выслушал Чомака, поглаживая бороду, и повернулся к генералу.

- Скажи, что мы не чувствуем за собой никакой вины за случившееся, - несколько холодновато сказал он. - И власти тоже безжалостны. Они совершили над нами много несправедливостей. Нас разорили непосильные налоги, растущие изо дня в день. Редкой семье хватает хлеба до нового урожая. Среди людей, доведенных до отчаяния бедностью, нищетой и несправедливостью властей, нашлись и потерявшие терпения. Было бы, конечно, хорошо, если бы у них нашлась сила воли терпеть ваш произвол. Но не смогли терпеть дольше. Ведь всему есть предел. Злоупотребления исходят от властей. И все же виноватыми оказались мы. У генерала достаточно сил, чтобы в течение одного дня превратить всю нашу

Ичкерию в пепел. И в этом мы не видим ни мужество, ни отваги. Кроме небольшого количества людей, последовавших за Алибеком-хаджи, никто не причинил вреда власти. Если сожжете аулы, люди останутся без крова. Уничтожите посевы - наступит голод. Отправите в Сибирь отцов - семьи останутся сиротами. Скажи, пусть инарла лучше уйдет отсюда со своими войсками. Мы не последуем за Алибеком-хаджи, а ему со своими малыми силами не удастся причинить власти вреда. Он поймет, что ничего из его затеи не выйдет, и сам придет к вам...

Прервав старика, который говорил громко, чтоб его слышали все, иногда задумываясь на мгновение, Свистунов приказал Чомаку перевести его речь. Чомак коротко перевел речь старика, не упоминая тех мест, где он обвинял власти.

- Передайте им, поручик, что я обвиняю всех за вспыхнувший здесь бунт, - командующий грозно повернулся к старикам, - если один человек из аула последовал за мятежниками, значит, виноват весь аул. Если в семье отец, брат или сын - кто-то любой выступил против власти, ответственность ложится на всю семью; старых, молодых, женщин и детей. Потому, что они не остановили своего преступника. Если вы хотите пощады, искупления своей вины, я даю возможность. Каждый аул должен послать своих самых верных, храбрых людей на поимки Алибека и остальных злодеев. Если они выловят и выдадут в руки властей злодеев из своих аулов, тогда я поверю в их преданность. Тогда они могут надеяться на милосердие властей. Но если они этого не сделают, аулы я превращу в пепел, часть населения отправлю в Сибирь, а остальных переселю на равнину, чтобы раз и навсегда уничтожить эти разбойничьи притоны...

Оставив стариков с понуренными головами, командующий во главе своей свиты двинулся за отрядом.

Когда генерал подъехал к Шуани, из авангарда прискакал гонец.

- Ваше высокопревосходительство, в Шуани вас ждут парламентарии мятежников. Каковы будут распоряжения?

- Что еще за парламентарии? На каждом шагу!

- Ваше превосходительство, они непохожи на тех, которых вы приняли сегодня. Они с белым флагом, возглавляет их человек, в совершенстве владеющий русским языком, повидимому, бывший офицер.

- Сколько их?

- Трое.

- Что они говорят?

- Об этом молчат. Хотят говорить лично с вашим превосходительством.

На майдане перед приземистой мечетью в Шуани с белым флагом стояли три человека. Когда за поворотом кривой улицы показался генерал, они направились ему навстречу, остановились в десяти шагах. Свистунов осадил коня. Убедившись в том, что генерал не собирается спешиться, один из парламентариев, человек с бледно-желтым, изможденным лицом неопределенных лет, приблизился к нему на несколько шагов.

- Позвольте нам, ваше высокопревосходительство, от всего сердца приветствовать вас на самой древней чеченской земле. Нам бы очень хотелось принять такого высокого и почетного гостя с высокими почестями, которые обязывают нас наши народные обычаи и традиции. Однако сложившиеся обстоятельства не позволяют нам исполнять наши желания. Как говорится у нас, если не можешь по желанию, так по возможности. Мы от всего сердца приветствуем вас на земле древней Ичкерии!

Окончив свою короткую речь, говоривший сделал изящный кивок головой. Этот жест грубо повторили стоящие за ним старик с пышной бородой и человек с суровым лицом. Следя за ними, генерал чуть не вспрыснул. Действия туземцев походили на хорошо вызубренную комедию.

- Кто вы такие? - резко спросил генерал.

- Ваше высокопревосходительство, мы парламентеры народа, направленные к вам имамом Алибеком-хаджи.

Генерал подумал, что дело принимает веселый оборот.

- С чем вы пришли? Просить пощады?

- Да, ваше высокопревосходительство, народ просит милостей его императорского величества.

- Что же вы предлагаете взамен милостям государя? Выдадите преступников?

- Все, что просит народ, изложено в этом письме. С вашего позволения, я прочту его.

- Читайте, - бросил генерал.

Первый же пункт письма в корне изменил взгляд Свистунова. Он впитывал каждое слово. Нет, мятежники не в шутки играют. Они не похожи на людей, восставших слепо. Видно, у них существует хорошо продуманная и тщательно подготовленная политическая и военная организация. "Но мне нельзя испугаться, - думал генерал. - Тогда мятежники воодушевятся. Сейчас как никогда требуется показать им нашу силу, нашу твердость...".

Прочитав письмо, парламентер повторил свой изящный кивок и протянул генералу письмо. Свистунов презрительно скривил губы, взял бумагу, вперил свой грозный взгляд на парламентеров и, порвав ее в клочья, развеял.

Когда генерал тронул коня, Берса остановил его.

- Господин генерал, порванное вами письмо было написано от имени чеченского народа и предназначено его императорскому величеству. Имеют ли право его слуги рвать письма, адресованные государю?

Свистунов растерялся, но тут же собрал все свои силы.

- Как вы посмели прийти ко мне с такими требованиями?

- Наши требования законны и естественны, господин генерал. И только его императорское величество один вправе отвечать на них.

- Да еще вы смеете спорить со мной? Лучше благодарите меня, что я не приказал повесить вас на том дереве!

- Мы - мирные парламентеры народа или одной из воюющих сторон. Вам не дозволено нарушать общепринятые международные права или этику.

- А вы, господин парламентер, - ехидно процедил генерал, - забываете, что являетесь парламентером шайки мятежников, восставших против властей!

- Не будем спорить, ваше превосходительство. Тогда получится длинная история. Что нам передать вождям восстания?

- Порванное мною письмо, - этот ответ им.

- Вы поспешили, господин генерал. Хотя мы и дикие туземцы, но не забывайте, что вы благородный русский дворянин и офицер, представитель его

императорского величества. Вам не к лицу быть нетактичным, терять самообладание и разговаривать с нами угрозами.

Справедливый упрек Берсы еще больше возмутил генерала.

- По-видимому, господин парламентер, у вас блестящее европейское образование. Потому вы не можете не знать, как власти справедливо наказывали русских крестьянских бунтарей. Вспомните на минуту конец Булавина, Болотникова, Разина, Пугачева, декабристов и прочих. И вас тоже ждет такая судьба. Так и передайте вашему вшивому имаму.

Свистунов тронул коня. Берса, Акта и Лорса-хаджи прижались к плетеной ограде, пропуская мимо свиту и следующий за ней отряд.

Через десять минут копыта лошадей втоптали в землю клочья от письма...

Однако через час командующий глубоко раскаялся в своем грубом и рутом обхождении с представителями имама. На пути гонец передал ему письмо Батьянова:

"*Салатавия в полном восстании,* -писал Батьянов. -*Восставшие блокируют укрепления Буртунай и пытаются отрезать гарнизону доступ к воде. Принимаю меры, но на мою помощь в Ичкерии не рассчитывайте; чтобы принять ваш отряд, могу оставить в виде опорного пункта, на случай надобности, один батальон под Зандаком*".

Сообщение это в корне перевернуло все глубоко продуманные планы Александра Павловича и кропотливую подготовку для их осуществления. Стала сомнительной возможность переловить мятежников силами милиции из местных жителей.

Он срочно собрал на совещание командиров и начальников штабов отрядов. Когда офицеры расселись на толстый ствол чинары, сваленной под густо ветвистой дикой грушей, командующий сообщил им о создавшемся положении.

- Салатавия восстала поголовно. На ультиматум генерала Чермоева руководителю мятежников Алибеку о немедленном прекращении вооруженного сопротивления, последний ответил ему, что они согласны прекратить сопротивление, если власти обязуются дать народу свободу и земли и не преследовать участников восстания. Желающих и обещающих поймать и выдать властям Алибека - много, но ни один из них не переходит от слов к делу. Я думаю, что местное население нас обманывает. Отряд полковника Батьянова скован Салатавией. На его помощь нет надежды. У нас два пути. Первый - идти вперед и с Божьей помощью раз и навсегда покончить с мятежниками. Однако без помощи Хасавюртовского отряда, считаю крайне опасным с нашими незначительными силами проникать вглубь лесистой Ичкерии. Второй - отступление в Ведено. Тогда мы уроним честь и достоинство наших войск на глазах мятежников и всего населения. Этим мы покажем свое бессилие и беспомощность. Я прошу вас, господа, высказать свое мнение.

Сообщение командующего для офицеров было полной неожиданностью. Они впали в уныние. Сухопарый, всегда подтянутый полковник Крузенштерн, снял монокль и начал потирать его белоснежным носовым платком. Князь Авалов набил янтарную трубку мягким табаком, зажег ее спичкой, глубоко затянулся дымом, притих, устремив взгляд далеко за Аксай на гору Терга-Дук. Младший по званию майор Янченко не хотел лезть вперед старших, сидел, по очереди глядя на них.

В душе Авалов был за отступление в Ведено, но что скажет командующий. Пусть выскажутся другие.

- Вам виднее, ваше превосходительство, - сказал Крузенштерн, вставив монокль на место. - Лично я считаю, что единственный выход - в отступлении в Ведено.

- Причина?

- О, причины больше чем требуется! Как час тому назад вам сказал старый чеченец, если население не поддержит Алибека и его мятежников, то они либо сами добровольно отдадутся в руки властей, либо будут скрываться в лесах, не причиняя нам вреда. Дальше. Аульские старшины уверяют нас в лояльности населения в отношении властей и в наличии у него мирного настроения. Спрашивается, зачем мы разъезжаем по аулам, раздражаем осиные гнезда, наказываем ни в чем не повинных людей, настраиваем население против себя? Если население враждебно настроено против нас и ждет удачного момента для удара, в случае нашего наступления вглубь Ичкерии, оно уничтожит наш отряд. Короче говоря, я боюсь, нас постигнет судьба экспедиций генералов Граббе и Воронцова.

- Майор?

- Думаю, полковник прав.

- Семен Иванович? - Свистунов повернулся к Авалову.

- Я считаю, что нам лучше идти вперед, наступать. Как соизволил сказать ваше превосходительство, наше отступление чеченцы будут считать, если не трусостью, то, несомненно, бессилием. Преступление должно быть наказано, чтобы навсегда отбить охоту черни на повторение подобных бунтов.

- Ваше слово, Николай Богданович? - обратился командующий к князю Эристову.

- Я поддерживаю Авалова.

Крузенштерн вспыхнул.

- Вы хотите настроить всех жителей против нас и распространить пламя мятежа на всю Ичкерию?

- Выше головы никто не прыгнет, - ответил Авалов. - Мятежники уже сделали все, что в их силах.

- Я поддерживаю мнение полковников, - прервал командующий начинающуюся ссору. - С Божьей помощью пойдем вперед. Будем сурово наказывать мятежников.

Авалов посмотрел на Крузенштерна, торжественно прокручивая кончик пушистых усов.

- Наш долг - выполнять ваш приказ, ваше превосходительство, - сказал Крузенштерн. - Но, не дай бог нам ошибиться.

Свистунов оставил его без внимания.

Утром, с восходом солнца, отряд подполковника Григорьевича, состоявший из двух батальонов пехоты, двух конных сотен кумыков и артвзвода, вышел из крепости Кешень, перешел глубокую долину Ярыксу, и по высокому хребту направился в сторону Зандака. Одну сотню пустили впереди отряда, другая двигалась в арьергарде, охраняя батарею.

Солдаты шли длинной вереницей по узкой, крутой дороге через густой лес. Движение затрудняли шинели, тяжелые ранцы, набитые недельными запасами продовольствия, тяжелые ружья, лопаты, топоры. Не успел отряд пройти и три версты, как многих солдат одолела усталость. На дороге, которая проходила под густыми ветвями деревьев, часто встречались лужи прогнившей воды, липкая желтая глина. Орудия приходилось тащить, подталкивать. Занятые этим тяжелым трудом солдаты покрывали лес грубой матерщиной.

Абросимов ехал в авангарде отряда на коне в яблоках, рядом с капитаном Рихтером, чуть позади офицеров.

Еще в гимназические годы внимание Абросимова привлекал к себе Кавказ и его жители. Впервые открыло ему этот край творчество Лермонтова. Он с жадностью впитывал в себя стихи безвременно ушедшего из жизни великого поэта-интернационалиста об этом суровом, величественном крае и его свободолюбивых жителях. Потом он читал все, что попадало в руки о кавказских горцах. Правда, в них авторы всячески восхваляли подвиги и героизм русского солдата и русского оружия, унижали и оскорбляли горцев, называя их "хищниками, разбойниками, варварами, вероломными убийцами". Тем не менее, вопреки воле этих официозных писак, в них высвечивались строки о храбрости, смелости, мужестве и благородстве горцев. Абросимов был глубоко уверен в том, что горцы ведут справедливую, героическую войну, защищая свою свободу, земли, дома, честь и достоинство, "хищники, варвары, разбойники, воры" не смогли бы десятилетиями оказывать героическое сопротивление могущественной державе.

Во время учебы в гимназии Абросимов взахлеб читал романы Фенимора Купера, Гарриэт Бичер-Стоу. Долгими ночами мечтал поехать на Кавказ и сражаться в рядах горцев за их свободу. Но война на Кавказе кончилась, когда он был подростком. Потом он мечтал стать русским Купером, писать романы о героической борьбе горцев.

Абросимов не стал Купером своей мечты. Ему пришлось сжечь сотни исписанных им страниц, которые не были даже близки к художественным произведениям. Но обнаружив в себе дар публициста и напечатав в газетах и журналах несколько статей и очерков, Абросимов отправился на Кавказ. Ему повезло на первом путешествии. В поезде он оказался в одном вагоне с известным писателем-очеркистом Василием Ивановичем Немировичем-Данченко. В долгие часы длинного пути писатель рассказал ему много нового, интересного о Кавказе и его жителях.

С тех пор Яков Степанович бывал в этом крае несколько раз. Он не раз прошел эту Терскую область вдоль и поперек. Словом, сумел проникнуть даже в закулисную жизнь высшего общества области. Он неоднократно посетил и горные аулы. И все же в каждой поездке открывал для себя еще что-то новое. Сейчас его радовало то, что он оказался в Чечне в момент начала восстания. Если о прошлых событиях он узнавал из печати или от очевидцев, то теперь он увидит все своими глазами.

Капитан, жестикулируя, произносил речи. Но Абросимов не слышал его. Он жадно созерцал окружающую природу. Вокруг стояли покрытые мхом белые великаны-чинары с черными пятнами-полосками и вскинутыми к небу могучими кронами. Обвивая их стволы и ветви, тянулись ввысь лозы дикого винограда и вьющаяся хмель. По краям дороги тянулась тучная черемша. А среди густых лесов на маленьких раскорчеванных полянах, вспаханных деревянными плугами и разровненных деревянными боронами, зеленела только что взошедшая хилая кукуруза. Чуть только завидя солдатские ряды, пришедшие на прополку женщины подхватывали на спину маленьких детей и спешили скрыться в лесу.

При приближении отряда затихали песни, свист и щебет птиц: с зажатыми в клювы былинками, перышками и палочками для гнезд они взмахивали крыльями и исчезали в чащобах. Воробей, насиживающий яйца, втягивал голову и затихал. Изогнув пушистый хвост, пряталась в дупло белка.

Яков Степанович внимательно следил за каждым шагом Алибека. После сражения у Майртупа по всем отрядам разнеслась ложная молва, будто Алибека там разбили. Но Абросимов хорошо знал, что молодой имам отбросил отряд полковника Нурида за Герменчук. В те дни Яков Степанович надеялся на то, что Алибек будет преследовать отряд Нурида, доведет его до полного разгрома. Этого почему-то не случилось. Ряд ошибок, допущенных в течение тех четырех-пяти дней молодым имамом, позволили командованию не только сосредоточить в Чечне большие силы, но и путем шантажа и подкупа аульских верхов восстановить против повстанцев многие равнинные аулы.

Абросимов заранее знал, что произойдет в Шали. Он уже дважды бывал в этом крупном ауле Чечни. Здесь было много магазинов, владельцы которых являлись членами купеческих гильдий. Они привозили сюда товары из Москвы, Петербурга, Казани, Одессы. Многие купцы не занимались сами завозом товаров и торговлей ими. Для этого у них были специальные люди. Иные приказчики открыли свои лавки, закупая товары у богатых купцов. Власти воздвигали много неодолимых препятствий перед рядовыми чеченцами для доступа в Грозный по своим делам. Поэтому люди со всех уголков Чечни для покупок стекаются в Шали. Помимо магазинов, в каждую пятницу здесь собирался огромный базар. Поэтому и в Шали, и в соседних с ним аулах образовались преданные властям офицерские торговые сословия.

Офицерско-купеческое сословие и духовенство умело пользовались тейповыми связями. Или, иначе говоря, через них правительство укрепляло здесь свою власть. Этому сословию принадлежали Чермоевы, Шамурзаевы, Мустафиновы, Дубаевы, Саралиевы, Чуликовы, Ойшиевы, Мамаевы и десятки других состоятельных семей. Они "верой и правдой" служили царскому правительству, за что им дали чины, ордена, земли. Абросимов знал, что члены их тейпов, как бы сами они не нищенствовали, слушаются своих богатых сородичей. Иначе говоря, они слепо помогают богачам закабалять себя, укреплять здесь власть.

В первые же дни восстания командующий войсками Терской области разослал представителей этого сословия по их тейповым аулам. Поручил им призвать жителей не только не присоединяться к повстанцам, но и выступать против них. Абросимов знал, что с такими же поручениями в Ичкерию прислан и генерал-майор Чермоев. Но, по-видимому, миссия генерала завершилась неудачно.

Поднявшись на гору над Зандаком, отряд занял временную позицию и расположился на привал.

Под ним на склоне лежал один из крупных аулов Ичкерии - Зандак. Над оврагами и по краям рощиц далеко друг от друга были разбросаны сакли, крытые глиной или снопами кукурузных стеблей, без единого застекленного окошка. Кривые, узкие улицы на склонах вдруг исчезали в оврагах и впадинах, чтобы вновь вынырнуть где-то далеко в стороне. Несколько густо столпились дома вокруг большой мечети из красного песчаника, которая стояла в центре аула, устремив к небу острый шпиль минарета.

Отсюда как на ладони были видны лежащие у подножия горы Ишхой-Лам мелкие аулы зандакского тейпа. Взоры офицеров и солдат обратились прежде всего к одному из них - Симсиру, лежавшему несколько в стороне от других, под горой, в рогатине, образованной слиянием двух речек, на небольшом плато с высокими обрывами.

Там, в родном гнезде, скрылся Алибек. Если верить лазутчикам, с ним осталось не более ста человек. Большинство из них - аварцы. Но говорят, что эти сто человек поклялись живыми не сдаваться. Чтобы взять их, надо окружить аул и наступить одновременно с двух-трех сторон. Но к аулу, окруженному высокими отвесными обрывами, ведет лишь одна дорога. Да и та очень узкая, проходит по речке, поднимается круто, врезаясь в высокий берег. О том, чтобы войти в аул с востока, и речи быть не может. Там его прикрывает длинная, сколько может охватить глаз, гора Ишхой-Лам с густым дремучим лесом у подножья, вертикальными скалами. Чуть выше - ослепительно сверкающие снегами голые вершины.

Подполковник Григорьевич горит желанием внезапно напасть на Симсир, взять имама со своей шайкой, бросить его со связанными руками и ногами перед командованием. Но он не имеет на это права. Ему приказано - запугать жителей, настроить их против Алибека и заставить выдать его.

Топча молодые всходы кукурузы, подтащили орудия и поставили их с направленными на аул дулами. Отправили две роты к Гилянам, а остальные цепочками заняли гору Зандак. После короткого совещания с офицерами,

Григорьевич принял решение отправить в аул с ультиматумом прапорщика Шахбулата, прибывшего с отрядом, и брата буртунайского пристава Хамзу-хаджи Дацаева.

- Потребуйте от зандаковцев без всяких разговоров, - подполковник махнул рукой вниз: - первое - без сопротивления сдать аул. Второе - послать из своего аула двухсот вооруженных человек для поимки мятежного имама в Симсир. И передайте им, что, если они до вечера не выполнят мой приказ, я превращу их аул в пепел.

Старик, прапорщик Шахбулат, поднявшись с места, робко намекнул, что ему опасно идти в аул с поручением подполковника.

- Ведь вашему благородию известно, что жители этих аулов смотрят на меня как на своего врага, - сказал он. - Лучше бы послать туда командира кумыкского отряда майора Мусу. Его они, как гостя, и пальцем не тронут.

У Григорьевича, нетерпеливо слушавшего Шахбулата, с трудом подбиравшего русские слова, резко сдвинулись брови, и он презрительно осклабился, обнажая крупные, желтые зубы.

- Господин прапорщик, мне некогда с вами тут судачить. - Он устремил на Шахбулата свои маленькие, круглые, глубоко запавшие глаза. - Если вы скажете еще одно слово, я готов усомниться в вас. Вам придется самим расхлебывать вами же заваренную кашу, какой бы безвкусной она ни была. Идите, выполняйте приказ!

И седой старик безропотно двинулся по узкой тропинке, медленно направляясь вниз в аул. Абросимову показалось, что широкая спина его, всегда прямая, вдруг сгорбилась. Мелко семеня, за ним последовал и напоминающий тыкву, низкий толстяк Хамза-хаджи. Когда офицеры стали расходиться по своим ротам, Рихтер взял Абросимова под руку.

- Давайте посмотрим местность, Яков Степанович.

Еще не получивший назначение, капитан Рихтер распоряжался временем по своему усмотрению. Равнодушно пожав плечами, Абросимов молча направился с ним по поднимающейся в гору тропе. Чем выше, тем реже становился буковый лес. Потом началась опушка с густыми зарослями алычи, кизила и орешника. Приятно было дышать чистым воздухом, напоенным ароматом весеннего цветения.

- Настоящий рай! - зажмурясь, глубоко вздохнул и с шумом выдохнул Рихтер. - Вот она какая, Ичкерия, которая в Кавказскую войну слыла грозной и опасной! А как вокруг тихо! Не слышно ничего, кроме птичьего пения и щебета. А отсюда видать Дарго, Кожалк-Дук и Шовхал-Берд, Яков Степанович?

- Самих аулов не видать. Вон за тем хребтом, по долине течет Ямансу. А вот прямо возвышается Аккинский хребет. Аксай, которую вы видели в Герзеле, течет вниз между этими двумя хребтами. А названные вами места находятся в ее верховьях. Видите, вон та высокая гора? Это Кожалк-Дук. Там был разбит граф Воронцов. А к югу, чуть ниже, возле Шовхал-Берда, нанесли ему последний удар.

Долго разглядывал барон эти таинственные суровые горные хребты.

- Проклятые дикари! - процедил он сквозь зубы, резко переменившись лицом. - Я отомщу убийцам моего отца!

Абросимов увидел в глазах товарища под рыжими бровями безумный блеск. Широкие ноздри крючковатого, тонкого носа раздулись, как у загнанного коня.

- Напрасны ваши угрозы, барон, - молвил Абросимов, нагнувшись и срывая подснежник.

- Нет, Яков Степанович, я сдержу свою клятву!

- Если они вас раньше не отправят вслед за отцом вашим и дедом, - спокойно сказал тот, поднеся к носу цветок и вдыхая его аромат.

- Посмотрим! До этого и я успею отправить несколько дикарей к их Аллаху!

Абросимов стал крутить цветок, зажав стебелек меж двух пальцев. Потом он отбросил его и обратился к товарищу.

- Вы не правы, господин барон. Если бы мы не заставляли их надевать на шею ярмо гнета, они бы ни вашего и чьего бы то ни было отца или деда не убили и не убивали. Мы не даем им свободно жить. Проливая их кровь, насаждаем здесь наши порядки. Не только лишили их земли и довели до нищеты, но еще оскорбляем их чувство достоинства. Наша несправедливость свела на нет их терпение, и они восстали, а мы идем снова проливать их кровь. Они и теперь будут убивать наших солдат и офицеров. И потом, как и вы, их потомки тоже будут смотреть на чеченцев враждебно.

- Родись вы во Франции, вы бы давно стали якобинцем!

- Чтобы быть человечным, необязательно родиться во Франции.

Люди России тоже не лишены человечности и гуманности. Просто некоторые не решаются говорить правду. Видите, вы тоже называете чеченцев "дикарями". Вы не хотите видеть в них ничего хорошего.

- Но враг есть враг, каким бы хорошим он ни был, - коротко отрезал Рихтер. - Нам нужен покорный Кавказ, чтоб сделать его нашей Швейцарией. Кто нам в этом мешает, тот наш враг. Зачем здешним туземцам эта изумительная природа, ее богатства? Вся эта красота и богатство остаются без пользы. А мы построим здесь заводы, фабрики. Откроем курорты. Уже теперь налицо плоды нашей цивилизации. Посмотрите теперь на этих туземцев, которые еще лет двадцать назад ходили в одежде из грубого домотканого сукна с натертыми до крови телами?

- Вижу. Кучка туземцев благоденствует, а целый народ полуголый и полуголодный. О просвещении, которое ему необходимо, никто и не думает. И сегодня мы несем им "цивилизацию". На штыках.

Рихтер говорил одно, а Абросимов - противоположное. Так, горячо споря, они вернулись обратно, и вскоре подошли посланные в аул парламентеры. С ними были несколько зандаковцев во главе с сухощавым, высокого роста стариком с тонкой, длинной седой бородкой. Подполковник Григорьевич принял их, сидя на орудийном лафете. За ним стали офицеры отряда, а прапорщик Шахбулат остался рядом с подполковником и приготовился переводить.

Подполковник не предложил старикам даже сесть. Это было сделано преднамеренно, чтобы не только запугать жителей, но и оскорбить их человеческое достоинство. Старики, которых обычай обязывал приветствовать его, даже если он был враг, поняли, что подполковник не только не достоин этого, но и не поймет их жест вежливости. Они остановились в нескольких шагах от него. Все старики, кроме одного, сухощавого, были в лохмотьях. В поношенных папахах из овчины, рваных черкесках и бешметах, в штанах из грубого сукна, обутые в поршни из сыромятной кожи или тапочки. Кроме кинжала у пояса, иного оружия не было ни у кого. А у сухощавого старика не было даже кинжала.

Абросимов думал, что их удивят войско и пушки. Но они бросили небрежный взгляд на стоящих поодаль кумыкских милиционеров, положили руки на рукоятки кинжалов, выставили одну ногу вперед и, не моргнув глазом, застыли, как каменные изваяния, внимая подполковнику.

- С чем пришли? - грозно спросил Григорьевич, наморщив лоб.

Шахбулат перевел вопрос.

- Зачем вновь и вновь говорить об одном и том же, Шахбулат? Ты же знаешь наше мнение.

- Что они говорят? - спросил снова Григорьевич.

- Говорят, что им нет дела до мятежников. Говорят, что из их аула с Алибеком всего человек двадцать; просят, чтобы из-за этих двадцати человек аулу не причиняли вреда.

Григорьевич прошел испытующим взглядом своих круглых глаз по лицам стариков.

- Алибек принадлежит к вашему тейпу. И последовавшие за ним симсиринцы тоже. Каждый тейп отвечает за злодеяние своих членов. Если до вечера вы не отправите в Симсир двести вооруженных людей для поимки злодеев, я сожгу Зандак и Гиляны, а жителей отправлю в Сибирь. Переведи им это.

Выслушав Шахбулата, от группы векилов вышел вперед широкоплечий, высокого роста седой старик с длинными руками и косым шрамом на левой щеке...

- Наказывать невиновных несправедливо, полконаг, - сказал он, погладив свои свесившиеся по обе стороны длинные густые усы.

- Это несправедливо перед Богом. Симсиринцы и мы братья по тейпу. Мы с самого начала сказали им: ваша затея принесет много бед людям, остановитесь, пожалуйста. Мы не с Алибеком, но нам не хочется помогать властям в его поимке. Если мы станем делать это, между братьями возникнет вражда. Оставьте нас в покое и ловите сами и Алибека, и его людей.

- Значит, вы не хотите помочь нам изловить злодеев?

- Не всегда можно исполнить то, чего хочется. Приходится считаться и с совестью, и обычаями.

- Кто этот долговязый? - указал Григорьевич кнутовищем на говорившего.

- Ваше благородие, это аульный мулла Нуркиши. А за ним стоит староста аула Жанхот.

- Кто поставил вас во главе аула?

- Власти, - ответил Нуркиши.

- Почему же вы не исполняете свои обязанности?

- Зандак не участвует в мятеже. Наши аульчане верны властям.

- Тогда почему же вы не исполняете мой приказ?

- Мы с Жанхотом долго уговаривали людей выполнять твою волю. Но люди не согласны. Мы вдвоем бессильны против них.

- Стало быть, это ваше последнее слово?

- Да.

Подполковник хлопнул руками по коленям и, пожав плечами, встал.

- Поручик Рыжков! Прикажите ударить по Зандаку двадцатью и по Гилянам десятью ядрами. И чтобы каждое попадало в дом.

Артиллеристы стали возле заранее заряженных орудий. Григорьевич взял у одного зажженный фитиль и с нарочитым спокойствием, как будто он прикуривал

сигарету, поднес его к орудию. Старики, затаив дыхание, следили за его рукой. Оглушительный грохот и сотрясение земли под ногами бросили их в холодный пот. Солдаты отправляли на аулы, вновь и вновь заряжая орудия. Когда рассеивался дым, старики пристально всматривались в свой аул. Они видели клубки дыма в разных концах, а потом вспышки пламени.

Абросимов видел, как с каждым выстрелом лица стариков принимали пепельно-серый цвет, казалось, что каждое ядро пронзало их сердца. Они прикусывали губы, и учащенное дыхание с шумом поднимало и опускало грудь каждого. Их боль, словно ток, бегущий по невидимым жилам, проникала в сердце Абросимова. Он с трудом сдерживал себя, думая, что после одного-двух выстрелов подполковник прикажет прекратить огонь, и, наконец, не выдержав, бросился к нему.

- Господин подполковник, остановите эту жестокость! - схватил он его за руку и повернул к себе.

Григорьевич изумленно посмотрел на Абросимова и, резко одернув, высвободил свою руку.

- Что вам угодно, господин Абросимов? - процедил он сквозь свои широкие зубы.

- Прекратите это зверство!

- Зачем?

- В чем провинились эти бедняки?

- Господин Абросимов, позвольте мне исполнить мой воинский долг! Пли! - взмахнул он рукой.

- Позор... Как вам не стыдно! - кричал Абросимов и сам, оглушенный, толком не слыша себя. - Неужели у вас нет ни человечности, ни жалости?

- Я вам повторяю, дайте мне выполнить мой воинский долг! - прикрикнул на него Григорьевич.

- Но разве убивать невинных людей - это воинский долг?! Кто же вам дал такое право?

- Не беспокойтесь, это право мне дано теми, кто имеет право давать его!

- Но ведь в этих аулах старики, женщины, дети! Вы позорите русское оружие!

- Знаю... Не я первый и не последний это делаю. Если вспомнить, что творили здесь в прошлом, то мои действия - просто детская забава.

Один из стариков, которые прислушивались к перебранке двух русских, подошел к Шахбулату и сказал ему на ухо несколько слов.

- Господин подполковник, старики согласны выполнить ваш приказ, - сказал прапорщик, поспешно подойдя к Григорьевичу.

- Говорят, что если остановите обстрел, то они отправятся в аул и соберут людей.

Толстые губы подполковника расплылись в улыбке:

- Давно бы так! Видели, господин Абросимов. Эти скоты покоряются, когда их бьют по зубам. Прекратить огонь! Хорошо, господа разбойники. С вами в аул пойдет кумыкский милицейский отряд. Кто будет противиться вам, того они в мгновение ока приведут в чувство. - Он достал из нагрудного кармана часы, открыл крышку и, взглянув на стариков, добавил: - Даю вам четыре часа.

ГЛАВА XIV

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

(Записки Абросимова)

Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Евфрате... он здесь, он здесь...

А. Бестужев-Марлинский

28 апреля 1877 года.

По счастливому жребию, а может быть, и к несчастью моему, в самом начале восстания я оказался в Чечне. С одной стороны, я увидел всю правду своими глазами, а с другой - мое сердце изранено жестокостью, с которой подавляют восстание.

В первый день, когда Хасавюртовский отряд выступал в Аух, полковник Батьянов не разрешил мне сопровождать его. Мне не доверяют здесь. За спиной меня называют "якобинцем", "декабристом", "революционером", "утопистом" и прочими эпитетами. Убедившись в том, что здесь мне не добиться желаемого, я приехал во Владикавказ, выпросил у начальника области пропуск для свободного проезда по всей Чечне. Но получил его только после моих заверений, что в газетах я буду разоблачать "мятежников" и восхвалять "подвиги" наших войск.

Этому никогда не бывать!

Алибек с горсткой смельчаков скрывается в лесах Ичкерии, часто меняя свое место пребывания.

Начальник области, считая, что с восстанием покончено, возвратился во Владикавказ. Однако из Чечни не выведено ни одного солдата. Там еще предстоит много дел. Карательные меры. Надо сжигать аулы, взымать штрафы, арестовывать людей, выселять их из родных мест. Командующий считает, что с этими мелочами управятся и сами командиры отрядов.

Дело Алибека еще в самом начале было сомнительным. Однако я не думал, что конец ему наступит так скоро. Внутреннее положение восставших ускорило их поражение. Эти горцы, а чеченцы особенно, очень темные люди. Руководители восстания ничем не отличаются от рядовых воинов. Говорят, что Алибек сам ученый человек. Но чему он научился? Богословию . А религиозное учение, как мы знаем, делает человека наоборот слепым.

Да хотя бы половина из них была грамотной! Все их сознание сосредоточено в глазах и ушах. Виденное и слышанное они принимают за истину, дальше обозримого для них не существует мир.

И все-таки это - благородный и отважный народ.

Местная власть не ограничилась порождением розни среди самих чеченцев. Эта-то болезнь, может, со временем и поддалась бы излечению. Более сильные преграды воздвигнуты здесь между местным и пришлым населением. Что только ни делается здесь, чтобы обе стороны не объединились и между ними не возникли дружба и родство!

В первые же дни восстания мне довелось побывать в церкви города Грозного. Боже мой, как бессовестно лгал там священник! Даже у меня, успевшего хорошо познать чеченцев, закружилась голова, когда я послушал его. Короче говоря, он превратил чеченцев в каннибалов. Утверждал, что, если они войдут в город, не только

поубивают стар и млад, женщин и детей, но, изрубив на куски, изрезав кинжалами, не успевая зажаривать на костре, всех съедят сырыми.

В конце он несколько смягчил свою проповедь. Сказал, что быть может, грудных детей еще и оставят в живых, чтобы обратить в мусульманскую веру.

На случай, если вдруг сказанное окажется недостаточным, священник выбросил еще один козырь. Он сказал, что турки - испокон веков враги русских и всех христиан. Потом привел несколько примеров из Библии и Евангелии. Словом, турки тоже оказались каннибалами. Они стремятся захватить нашу страну, говорил он, обратить нас в рабство, сделать нас мусульманами. То же случилось, говорил он, с живущими на Балканах нашими единокровными и единоверными братьями. Наши братья славяне, не желая отречься от православной веры и принимать басурманство, поднялись против этих извергов. Сегодня турки проливают их кровь. А дикие чеченцы поднялись, чтобы помочь бесчеловечным и безбожным туркам. Кто встает сегодня против чеченцев, тот помогает церкви, христианской вере, нашим братьям. У кого есть, беритесь за оружие, у кого нет, поднимайтесь с топорами, вилами, колами в руках. Женщины и мужчины, молодые и старые. Кто струсит, отступит, испугавшись, тому чеченцы выпустят кишки, кроме того, в Судный день его ждет Божья кара, он тысячи лет будет гореть в адском огне. Люди слушали. Мужчины вздыхали, женщины плакали навзрыд. Наверное, добрая половина поверила дикой проповеди священника в образе зажиревшего бугая.

30 мая 1877 года.

О Кавказе и его жителях много рассказано публицистами и путешественниками, которые побывали в этой стране, и офицерами, участвовавшими в последней войне. Если судить по описанию одних - это страна - земной рай, а жители ее - дикие люди.

Позже другую сторону этой страны открыли нам Пушкин, Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Толстой, Добролюбов и многие другие. Они рассказали всему миру, что люди, которые живут в этих суровых горах среди величественной природы, такие же суровые и прекрасные, как их страна. Их суровость - это смелость, мужество и любовь к свободе, а красота их сердец - это человечность, верность и благородство.

Те, кто прочитал произведения этих великих людей, мечтали увидеть эту страну и ее жителей. А сыны русского народа, борцы за его свободу, восхищались героической борьбой горцев за свою независимость, мечтали встать под их знамена, отдать жизни за общее дело - борьбу против угнетателей.

Еще в студенческие годы мое сердце переполнилось этой любовью и мечтой. Тогда же я поклялся, как представится возможность, приехать сюда, изучить эти горы, близко познакомиться с их жителями. Моя клятва могла и не осуществиться, если бы судьба не свела меня с известным писателем, публицистом и этнографом Василием Ивановичем Немировичем-Данченко, который родился и вырос на Кавказе. Эта короткая встреча произошла, когда Василий Иванович несколько лет тому назад приехал в Москву к одному моему близкому знакомому. Его рассказ в ту ночь еще больше усилил мою любовь к горцам, еще больше укрепил мое решение поехать в эту страну.

Его рассказы о чеченцах привожу вкратце.

- Что чеченцы ведут борьбу против России - несомненно, вина нашего правительства, - начал он свой рассказ. - Чеченцы - самый многочисленный, отважный народ в горах Кавказа. Они не покорились татаро-монюлам. Отступив с равнины в горы, в течение двухсот лет совершая постоянные набеги, они не давали покоя завоевателям. Последние за все это время держали в Чечне постоянно сорокатысячное отборное войско и лучших полководцев. Не покорились чеченцы и полчищам Тимура. Однако первые и вторые завоеватели отобрали у них равнинные

земли, роздали их кабардинским, черкесским, ногайским, калмыцким, дагестанским феодалам.

У чеченцев не было "своих" феодалов, они не делились на социальные сословия и по сравнению с соседними народами были свободными. Понятно, социальное равенство отсутствовало и среди них. Когда одни богаты, а другие бедны, о социальном равенстве не может быть и речи. У них не было феодалов в "классическом" виде, как в Европе, Азии, России и среди других народов Кавказа, которые владели обширными землями, селами, крепостными крестьянами. Ни один богатый, сильный чеченец не имел право посягать на личную свободу, честь и достоинства другого чеченца, даже самого бедного. Потому чеченцы не хотели покориться ни своим богачам, ни чужим, пришлым феодалам, ни чужеземным владыкам.

В XVI веке, когда распалась татаро-монгольская империя и завоеватели были изгнаны из Руси, чеченцы начали спускаться с гор, вновь заселяться на своих исконных равнинных землях. Здесь они столкнулись с пришлыми феодалами. Они несколько раз изгоняли чужеземцев, однако с военной помощью нашей администрации на Тереке их возвращали в Чечню. Так, в течение прошлого столетия русские войска совершили в Чечню десяток карательных экспедиций, которые сопровождались истреблением чеченских аулов.

В конце XVIII века наше правительство приступало к колонизации чеченских земель. Как это осуществлялось общеизвестно. Когда правительство начало отбирать земли, заселять их колонистами, вводить крепостное право, в 1785 году чеченцы под руководством Мансура восстали против нашего правительства. С тех пор идет беспрерывная война между Чечней и Россией, а вернее, между чеченским народом и российским правительством.

После всего этого, наши мундирные моралисты упрекают чеченцев в ненависти к нам, называют их дикарями, хищниками, разбойниками и прочими эпитетами. Как они могут любить и уважать ту власть, которая уничтожила половину их народа, часть оставшегося в живых изгнала из родины, остальную загнала в есплодные горы и болотистые леса? Власть, которая заставляет их принимать порядки, чуждые их характеру, психологии, нравам, обычаям и традициям, наконец - их религии? Пока наше правительство будет принижать их честь и достоинство, их человеческие права, чеченцы никогда не примирятся с нами. Разумеется, они не идеальны. Не было и не будет в мире идеальных народов. Пороки имеются и у чеченцев, и немало.

Но любовь к свободе, любовь к своей родине - это не порок. Стремление человека и целого народа защищать свою свободу, родину, честь и достоинство, права на жизнь - это не порок. Это наличие в нем мужества, благородства, понятий о человеческом и гражданском долге. Ведь не хотели же мы, русские, жить под властью хазаров, татаро-монголов, немцев, шведов, поляков, французов и прочих завоевателей, которые вторглись на наши земли и хотели покорить русский народ? Не хотим же мы, русские, уступить свои земли чужеземцам? Даже и те земли, которые мы силой оружия отобрали у малочисленных народов на западе, юге и востоке нашего государства? Почему же чеченцы должны добровольно уступить нам Богом данный им скудный клочок земли, принимать наше правление и порядки, плясать под нашу дудку? Не потому ли, что это народ малочисленный, непросвещенный, отставший от европейской цивилизации? Мы, русские, тоже на 100 лет отстаем от западноевропейской цивилизации. Но это вовсе не означает, что мы должны покоряться французам, англичанам, немцам и т. д.

Всех людей Бог создал равноправными. Никто не имеет права силой вмешиваться в естественное, природное развитие другого человека или народа. И чеченцы не терпят такое вмешательство. Не желают преклоняться, поклоняться, терять свою свободу, честь и достоинство. Потому чеченец борется за них, как может, как умеет, но храбро, смело, мужественно и героически. Он предпочитает смерть рабству. Он не умеет просить пощаду у победителя, прощать нанесенные ему обиды, оскорбления и унижения. Мы должны понять характер, психологию, нравы

чеченцев, если хотим установить мир и спокойствие на их земле.

В годы войны тысячи русских солдат убегали к чеченцам. Почему именно к чеченцам, а не к другим горцам, воюющих против нас? Да потому, что чеченцы по своей природе благородны, гуманны, милосердны, верны долгу своему. Для наших солдат Чечня была символом свободы, где нет "их сиятельства", "их высокопревосходительства", где все равны и свободны, где достоинство человека оценивается по его личной храбрости, мужеству и благородству. Чеченцы как братьев принимали у себя наших беглых солдат, всех людей, которые спасались от насилия и несправедливости, притеснения, гонения, преследования со стороны помещиков и властей на своей родине. Принимали всех, невзирая на национальность и вероисповедание. В годы войны наше командование часто предъявляло чеченцам ультиматум: выдать беглых солдат, иначе будет уничтожен их аул. Однако чеченцы их не выдавали. Они предпочитали смерть подлой измене.

И наши войска беспощадно уничтожали их аулы.

- Часто мы слышим разговоры досужих людей о том, что чеченцы, по своей природе, лентяи, мол, они не любят трудиться, непривыкшие жить под властью и законами ведут разбойничий образ жизни, воруют, грабят, убивают, - начал Василий Иванович. - Но позвольте спросить: а кто же тогда на каменных скалах вырастил цветущие фруктовые сады, очищали землю от густых вековых лесов? Если бы, как утверждают наши "мудрецы", чеченцы жили, только лишь махая шашками, убивая друг друга, добывая себе хлеб воровством, тогда этот народ давно вымер бы!...

Они могут жить под властью и законами, но они не любят нашу власть и законы. Чеченские законы не писаны по меркам цивилизованных народов. Я говорю о народных обычаях. Эти обычаи можно сравнить с могучим деревом, которое своими корнями крепко обхватило все общество и каждого человека. Обычай чеченцев обязывает, чтобы младший уважал и почитал старшего, а старый считался с достоинством младшего. Любой человек имеет право младшему по возрасту дать любое поручение и потребовать его выполнения. Но тот же старший по возрасту обязан прийти на помощь младшему, пожертвовать своей жизнью, спасая его. Если в дом чеченца в гости придет даже кровный враг, пока он в доме - для хозяина он друг и брат. Любой гость, пока он живет в доме, считается главным, то есть члены данной семьи обязаны быть готовыми выполнять его желания, а в случае необходимости даже ценой своей жизни защищать его от врагов. Если чужие люди убивают человека, который находится в гостях, то кровную месть совершают не родственники убитого, а хозяин дома, где убит гость. Если гостя обворовали, то убытки возмещает хозяин. Но, если скажем, гость бросил неприличный взгляд на женщин дома, в котором он находится, это считается большим позором, и имя такого гостя во всем крае произносят с проклятием. Для него закрываются двери всех домов. Величайшим же позором в народе считается прикосновение к чужой женщине и девушке. Мужчине, оскорбившему женщину жестом или даже словом, нет жизни. В каких бы далеких аулах он ни скрывался, все укажут на него пальцем, заклеймят позором. И позор этот ложится не только на виновного, он накладывает несмываемое пятно на весь его род. Мужчину, который обманул или оскорбил девушку, отлучают от семьи. Отверженный семьей, родственниками и обществом, гонимый всеми, он скитается, пока не убьют его родственники оскорбленной девушки.

Обычай обязывает чеченца не ронять честь и достоинство при любых опасных обстоятельствах, даже если для этого надо умереть. Ему говорят: не моргни даже глазом, если с тебя сдирают кожу, разрывают на куски. Если за ним идет погоня и она настигает его, через чужой аул он должен проехать медленно, с гордо поднятой головой, чтобы все видели, что он не трус. Эти обычаи не записаны, как европейские законы, но они передаются из уст в уста и живут столетиями. Европейские законы писаны и до всех доведены, но редко, кто их выполняет.

Цивилизованные народы оставили для себя много лазеек, чтобы не выполнять их. А в кланах чеченских "варваров" и "разбойников" каждый обязан уважать и

выполнять свои неписаные обычаи. Не оставлено ни малейшей щели для уклонения от них.

- Благородство чеченцев хорошо отражено в их былинных песнях, - сказал Василий Иванович в заключение. - Знатоки чеченского языка утверждают, что бедный по своему словарному составу этот язык, будучи богатым художественными образами, специально создан для песен, легенд и сказок. Главное содержание устного творчества этого народа - осуждение трусости, жадности, жестокости, вероломства, измены и, наоборот, - восхваление дружбы, благородства, верности, мужества и уважения к женщине. Прибавьте ко всему этому острый ум и веселый нрав чеченца. В песнях ярко отражается их глубокое уважение и любовь к другим народам. Если в песне один благородный, смелый и верный герой - чеченец, вторым таким же героем является представитель соседних народов или русский. Уважение к другим народам проявляется у чеченцев даже в именах, которые они дают своим детям: Орсаби, Чергезби, Соли, Геберто, Анди, Гумки, Турко, Арби, Эдаг, Гуржи, Ноги, Эбзи, Газали и т. д. Потому так обидно, что у чеченцев постепенно разрушаются прежние единство и благородство.

Василий Иванович на время прекратил свой рассказ.

- Вы восхищаетесь, Василий Иванович, обычаями, которые присущи народам, находящимся на стадии первобытного общества, - сказал я осторожно. - Чтобы сохранить их за собой чеченцам следует держаться на этой стадии. Но цивилизация делает свое дело. Невозможно остановить колесо истории.

- Ага, я понял вас! - прервал он меня. - Вы намекаете, не хочу ли я сохранить для чеченцев патриархально-родовое общество. Нет, Яков Степанович. Все цивилизованные народы прошли через этот этап. И тем, которые не прошли, предстоит пройти его. Я - за цивилизацию, но решительно против того, чтобы ее штыками и силой распространяли среди отсталых народов. Как нам известно, европейские "цивилизаторы" оставили кровавые следы в Азии, Африке, Америке, Австралии. Под лозунгом распространения цивилизации они уничтожили там многие народы. Но при желании у европейцев были возможности "цивилизировать" аборигенов без насилия, без кровопролития. Например, открывать школы, больницы, строить заводы и фабрики. Однако до сих пор этого не сделало ни одно колониальное государство. Кроме того, Яков Степанович, цивилизованному народу необязательно быть безнравственным, раздробленным. Честность, верность, благородство и мужество высоко ценились во все времена и у всех народов и будут цениться всегда. Но наша администрация вовсе не стремится сохранить у горцев эти ценности. Николай Александрович Добролюбов в одной своей статье, написанной им восемнадцать лет тому назад, очень хорошо показал ту политику, которую проводили в Чечне Шамиль и наше правительство. С одной стороны, наши генералы и чиновники, с другой - Шамиль и его наибы приучили чеченцев к доносам и вероломству. Ту же политику сегодня там продолжает и наша нынешняя администрация. Тем не менее, что бы ни говорили наши мундирные моралисты, чеченский народ ни на волосок не уступает другим народам. Несомненно, это умственно развитый народ. Среди кавказской интеллигенции уже много чеченцев. Учителя дают высокую оценку чеченцам, которые учатся в школах и гимназиях. Господин Семенов утверждает, что по своему умственному развитию и общественной сознательности чеченец нисколько не уступает нашему мужику центральных губерний. И как не удивительно, тот же самый господин Семенов убежден в том, что чеченцы самые дикие и жестокие люди. К сожалению, длинные языки подобных людей оставляют вредные последствия. Такие разговоры порождают ненависть между нами и местными народами.

- Как же нам жить в одном государстве, в одной стране при таких взаимоотношениях? - решился я спросить.

- Придется жить, - сказал Василий Иванович.

- Неужели нет пути наладить их?

- Пути-то есть, но дело останется в мечтах.

- Простите, Василий Иванович, я не понял вас?

Мой собеседник посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

- Дорогой Яков Степанович, если вы не понимаете меня, то наши мундирные моралисты и подавно не поймут. Кажется, я уже говорил, что неприязнь между нами и горцами - это плод последних лет, вернее, плод политики нашего правительства. До прихода нашей власти, в течение двухсот лет чеченцы жили исключительно в мирных и дружественных отношениях с соседними казаками. Ездили друг к другу в гости, вступали в родство, перенимали лучшие обычаи и традиции. Тогда среди казаков не было приставов, исправников и прочих чиновников, то есть не было нашей власти. В лице своих соседей-казаков чеченцы видели русский народ - миролюбивый, верный, добродушный. По-моему, именно это, прежде всего, побудило чеченцев обратиться к нашему правительству с просьбой принять их в состав российского государства. Не изменились отношения между чеченцами и казаками даже в первые годы войны с нами. Ведь тогда сюда на Кавказ приезжали витязи, которые состязались с такими же мужественными витязями белоснежных седых гор в мужестве, храбрости и благородстве. Они знали, что чеченцы ведут справедливую борьбу за свою свободу, и сочувствовали им. Ведь и солдаты сами были угнетенными. После войны все изменилось. Война и время унесли благородных витязей с той и другой стороны. На смену Мансуру, Бейбулату, Шуаипу, Эски, Талхику пришли Чермоевы, Курумовы, Мустафиновы, Чуликовы и прочие ставленники наших властей. На место декабристов Раевского, Муравьева, Ольшевского пришли Пулло, Евдокимов, Барятинский, Лорис-Меликов и другие. Чеченцев оттеснили с равнины в горы, на их самых лучших плодородных землях возвели военные укрепления, народ лишили всяких гражданских прав.

- Тем не менее, чеченцев обвиняют в том, что они являются возмутителями спокойствия в крае! - не вытерпел я.

- А кому хочется признаться в своем преступлении? Разве вы не знаете колониальную политику европейцев? Сперва - священники, вслед - войско, затем - колонисты. Первые обращают туземцев в истинную веру, вторые захватывают их страну, а последние поселяются на захваченных землях. Колонисту, который был на своей родине безземельным и нищим, выделяют землю, отобранную у аборигена, чтобы колонист был верным монарху, отечеству и церкви, чтобы он помогал им управлять колонией. Человека, который в метрополии задыхался внизу под всеми сословиями общества, в колонии поднимают на одну ступень выше, сажают на шею туземца. И церковь, и полицейские, и все неустанно напоминают ему, что он выше туземца, что в колонии он - опора, корень власти господствующих классов и если она падет, он может лишиться дома, имущества и общественного положения.

- Одним словом, это делается, чтобы между народами не возникла классовая солидарность!

- Безусловно. Однако колониальная политика в России дает совершенно другие плоды. Вопреки воле царя, помещиков и церкви. Здесь русские колонисты, переселившиеся добровольно или переселенные насильственным путем на окраины империи, привозят с собой передовую культуру или, как говорится, - цивилизацию. Они порождают классовое сознание у темных и невежественных туземцев. Постепенно последние осознают, что русский царь и его власть - их враг, а угнетенный, как они сами, русский народ - их друг и классовый брат. Потому на окраинах империи русские и туземные трудящиеся вместе восстают на борьбу против своего общего врага - царской власти. Таких примеров в истории много. Больше того, многие туземцы, которым наше правительство дало образование, чтобы сделать их опорой своей власти на местах, перенимают идеи наших революционеров и демократов, идут за ними. Короче говоря, Яков Степанович, наш народ распространяет цивилизацию на окраинах России, просвещает туземцев, которые столетиями находились в темноте.

Я радуюсь этому и горжусь этим.

- Однако единство народов... Власти не допустят это... - проговорил я.

- А вы, я, и тысячи верных сынов русского народа, ради чего существуем? Мы же требуем: всем землю, свободу и равенство!

- Говорить-то говорим, а толку-то нету. Сколько умерли, погибли, мечтая о свободе...

- Яков Степанович, ну зачем такой пессимизм? Помнишь строки Александра Сергеевича Пушкина, написанные им декабристам, томившимся на каторге в Сибири:

...Не пропадет ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье...

Придет желанная пора...

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут - и свобода

Вас примет радостно у входа

И братья меч вам отдадут!

Вслед за ним я невольно прочитал ответ Одоевского:

Наш скорбный труд не пропадет:

Из искры возгорится пламя,

Просвещенный наш народ

Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей

И вновь зажжем огонь свободы,

И с нею грянем на царей,

И радостно вздохнут народы.

- Вот как! - хлопнул меня по плечу Василий Иванович.- Обратил внимание:

И просвещенный наш народ

Сберется под святое знамя...

Что говорит поэт? Когда-нибудь русский народ восстанет против проклятых царей и их продажной власти! Но он восстанет не только ради своей свободы! Он не будет одинок в своей великой борьбе за свободу, равенство и счастье! В этой борьбе он станет во главу всех этих борющихся народов России. Во имя своей и их общей свободы. И после победы:

И радостно вздохнут народы...

Видал, не об одном народе говорит поэт, а о всех народах! Что еще вам сказать? И наш народ и другие народы не те, какими были сто лет тому назад. Они стали умнее и сознательнее. Они добились отмены позорного крепостного права. Заставили произвести реформу в государственных и общественных делах. Освободительная борьба в России вступила в новую стадию. Новое поколение революционеров действует не слепо, в их руках компас революционного учения. Если декабристы в своей борьбе были одиноки, то у нынешних революционеров огромная опора в народе.

В последние годы в России родилась новая классовая сила - городские рабочие. Вы увидите, они скоро расшатают гнилое здание царского самодержавия. Не падай духом:

Мой друг, Отчизне посвятим

Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена!...

15 мая 1877 года.

Сегодня у меня состоялась одна удивительная встреча. Здесь, в Грозном, работает учителем мой старый друг по университету Евстигнеев Евгений Иванович. Мы болеем с ним одной болезнью - демократией. Однако болезнь эту мы переносим по-разному. Я похож на тихо помешанного, а мой друг - на буйного. Он выступает открыто, старается всех заразить своей болезнью. Выброшенный из Казанского университета, он приземлился в этом провинциальном городке. Даже, находясь под строжайшим надзором властей, и здесь он не может отказаться от своих страстей.

Сегодня я застал у него двух молодых людей - русского и чеченца. Есть поговорка, что рыбак рыбака узнает издалека. Менее чем через полчаса я узнал, что их взгляды совпадают. К тому же не будь они единомышленниками моего друга, вряд ли они приходили в этот дом.

Когда я вошел, спор их прервался. Но друг мой сообщил, что я совершенно надежный человек. Затем он стал знакомить нас.

- Друзья, любите и жалуйте моего университетского друга Абросимова Якова Степановича, - сказал он торжественно. - А это, Яков Степанович, мой сосед, единомышленник и юрист Максимов Петр Данилович. А вот молодой чеченец Овхад, наш общий друг.

Стройный, смуглый, с тонкими чертами лица молодой чеченец встал и слегка наклонил голову.

Когда мы расселись, Евгений Иванович начал расспрашивать меня о делах революционного и крестьянского движения в России, о которых я знал очень мало. Не получив от меня удовлетворения, он заговорил на другую тему.

- Мы потом с тобой поговорим, Яков Степанович. Овхад - наш высокий гость. По обычаю горцев, первая и главная забота - гостю. Итак, дорогой Овхад, что привело тебя в город в такую смутную пору?

Молодой чеченец кратко, но четко и ясно ознакомил нас с положением в Чечне, об успехах и неудачах повстанцев, затем сообщил, что он является ближайшим

помощником Алибека, и он приехал в город по поручению имама просить помощи у горожан.

- Чем мы можем вам помочь? - спросил Евгений Иванович.

- У угнетенных чеченцев и русской бедноты края - единая судьба. Имам призывает их под свое знамя, на борьбу против нашего общего врага - царской власти.

Глаза моего друга засверкали. Он вошел в свою стихию.

- Замечательно! Мы, социалисты-народники, полностью поддерживаем ваше восстание и готовы помочь ему словом и делом. Правда, наша организация малочисленная и состоит пока из семи человек. К сожалению, в городе мало рабочих, а интеллигенция паршивая. Мы начали большую работу в армии. Среди солдат много сочувствующих нам. Скоро у нас будет крепкая, мощная организация. Но и сегодня мы готовы поддержать любое выступление против самодержавия. Так что, мой юный друг, ты можешь заверить имама о нашей полной солидарности с восставшими чеченцами...

Максимов прервал ораторствующего Евстигнеева.

- Ваш ответ необдуманный, Евгений Иванович, - сказал он. - Овхад пришел к нам по серьезному делу. Решается вопрос о жизни и смерти. Если мы дадим слово и не сдержим его, это, во-первых, принесет непоправимый вред повстанцам, а во-вторых, чеченцы навсегда потеряют доверие к нам.

- А мы сдержим свое слово! Здесь нет ничего трудного или неисполнимого. Сегодня же ночью мы напишем прокламации с призывом к горожанам поддержать восставших чеченцев. Как жаль, что у нас нет типографского станка! Хотя бы старенького. Ничего, сядем все четверо, от руки быстро напишем. Скажу вам прямо, Овхад, вы слишком поздно обратились к нам за помощью. Надо было привлечь нас к подготовке восстания. Мы бы здесь убили начальника области и иже с ним нескольких высших чинов...

Но Максимов опять одернул моего друга, готового ринуться в бой.

- Ну что вы, Евгений Иванович? Вы хотите за одну ночь поднять народ? Для этого требуются серьезные причины и длительная подготовка. Да и опытные руководители.

- Причин у нас предостаточно: наша бедность, нищета, бесправие и несправедливость властей. А руководство восстанием возьмет на себя наша организация социалистов-народников. Между прочим, надо придумать ей название...

- Бросьте свои бредовые рассуждения, Евгений Иванович. Надо смотреть на вещи трезво. Я не сомневаюсь в том, что русское население глубоко сочувствует восставшим чеченцам. Но в данный момент, в данных обстоятельствах оно не поддержит восстание.

- Почему? - искренне удивился мой друг.

- Разве вы не видите, какую пропаганду развернули власти и духовенство в печати и церквях?

- Ну и что же? Такая пропаганда нисколько не помешала русским мужикам, татарам, башкирам, мордве, марийцам, чувашам и другим народам совместно бороться против самодержавия!

- Между чеченцами и названными вами народами большая разница.

- Например?

- Здесь русское население поселено на отобранных у чеченцев землях. Хотя и их поселили на них насильственным путем.

- Но милостивый государь, в Башкирии тоже совершили такой же акт. Тем не менее тамошние русские и башкиры всегда совместно поднимаются против самодержавия!

Максимов посмотрел на моего друга и глубоко вздохнул.

- Дорогой Евгений Иванович, вы не учитываете исторические моменты. Колонизация других окраин империи у нас произошла в мирных условиях. Если и было сопротивление, то кратковременное, и оно превращалось в войны. Даже в тех местах, где нам оказывали сопротивление, давным-давно забыли о вражде. Ибо после этого прошло несколько столетий. До укрепления царской власти на Тереке, чеченцы и казаки тоже выступали совместно против нее. Например, во время восстания Булавина. Тогда объединенные отряды казаков и чеченцев осадили Кизляр. До и после этого события - много случаев, когда чеченцы и казаки совместно выступили против внешних врагов. Однако в последние годы, во время подавления освободительного движения горцев, наше правительство возвело кровавую стену между этими двумя народами. С обеих сторон погибли сотни тысяч людей. Рядовые горцы и русские крестьяне. Если прислушаться, на той и другой стороне нет ни одной семьи, из которой война не унесла отца, сына или мужа. Естественно, оба народа не виновны за эту войну и нанесенные ею раны. Вся вина ложится на господствующие классы и их власть. Наши мужики не добровольно идут на службу в царскую армию, не по своей воле идут они сжигать чеченские аулы. Им дают в руки оружие и насильно гонят сюда. А с другой стороны, Шамиль и его духовенство вбивали мысль в голову горца, что их аулы сжигают христиане, что они - враги ислама, что того, кто убивает их или будет убит ими, Аллах приблизит к себе. После войны прошло восемнадцать лет. Ее раны еще сохранились в сердцах людей. Еще свежи могильные холмы тех, кто погиб в этой войне. Обе стороны хотят забыть былую вражду, но власти со своими провокациями, клеветой, грязными делами постоянно обостряют ее. Чтобы забыть мрачное прошлое, необходимы дружба и единство между двумя народами, чтобы они осознавали единство своей судьбы и своих целей, чтобы поняли, что у них общий враг - царь и его приспешники, что в борьбе за свободу они должны объединиться, но для этого требуется время. Это случится не за год, не за десять лет. Кроме того, власти не допустят, чтобы народы подружились, породнились и объединились, пока не победят силы и идеи социалистов. Больше того, мне кажется, что только пролетарский класс способен вооружиться нашими идеями, объединить людей и народы в борьбе за свободу и вести их к победе. До тех пор наша борьба останется безуспешной.

Евгений Степанович глубоко задумался.

- Значит, Петр Данилович, по-вашему выходит, что мы, социалисты-народники и крестьяне ведем напрасную борьбу?

- Я этого не говорил. Борьба за свободу и жертвы в этой борьбе не бывают напрасными. Каждое восстание, каждая революция, даже поражения расшатывают, ломают опоры господствующих классов, учат и готовят народы к новой борьбе.

Овхад встал, заложив руки за спину, медленно прошелся по комнате. Сказанное Максимовым не было для него новостью. Он сам много задумывался над этим. Может, он не знает столь много, как Максимов, но тоже читал работы Маркса, Герцена, Чернышевского. Несмотря ни на что, терять надежду на помощь горожан не хотелось.

- Значит, в этой борьбе мы останемся одни...

- Нет. Во всех губерниях России вспыхивает пламя борьбы.

- Я имею в виду, в нашем крае.

- Что же делать, Овхад, так сложилась историческая обстановка. Мы не можем оказать вам действенную помощь и еще по другим причинам. Администрация области уже перехватила инициативу.

В Грозном и Чечне сосредоточено огромное число войск. С одной стороны городскую бедноту держат под строжайшим контролем, а с другой - среди горожан и казаков ведется усиленная пропаганда, направленная против чеченцев. В этой пропаганде особое место отводится войне с турками. Она сильно влияет и на умы русского населения. Во-первых, она несправедлива с обеих сторон. Оба правительства преследуют одни и те же цели - захватить чужие территории, поработить народы. Но с другой стороны, какими бы коварными не были цели царского правительства, эта война поможет народам Балканов освободиться из-под ига турецких феодалов и создать свои независимые государства. Вот почему наши солдаты воюют от души. В то же время, та же война служит в руках правительства верным козырем и против чеченцев. Оно распространило слухи, что чеченцы являются наемниками турок, и что они преднамеренно подняли это восстание. Одни верят этой лжи, другие не верят. Но и те и другие тоже не хотят выступить на стороне чеченцев, ибо знают, что любое восстание здесь - на руку туркам. Хотя царь и его власть очень жестокие, тем не менее никто не хочет, чтобы турки были здесь, даже на один день. Потому что власть султана, наверняка, будет еще более жестокой, чем царская, больше того, эта власть чужого народа и чужой религии. И церковь тоже прожужжала всем уши. Мужик боится, что будет отречен от своего бога, церкви и обращен в другую веру. Кроме того, он боится, что с помощью тех же турок чеченцы могут изгнать его из этого края. Вот по этим и многим другим причинам здешние жители не могут поддержать ваше восстание.

Овхад сел на свое место и положил руки на стол.

- Вы же хорошо знаете, Петр Данилович, что мы не хотим над собою ни чью власть, - сказал он тихо. - Если мы боремся против русского царя и его власти, это отнюдь не значит, что мы не любим русский народ, враждуем с ним. Если наши предки в критические для них моменты обращались за помощью к турецкому султану, не думайте, что они хотели попасть под его власть. У нас нет ничего общего с турками, и они не оказали нам помощь даже ломаной копейкой. Как и всегда, и ныне тоже, мы восстали ради нашей общей свободы.

- Это мы хорошо знаем, Овхад.

- Вы-то знаете это, Петр Данилович. Эту правду должны знать и горожане, все русские. Мы хорошо знаем о той дикой пропаганде, которую ведут власти и духовенство против чеченцев. И горожане поверили им, взялись за строительство обороны города. Я понимаю, что по тем причинам, которые вы приводили, горожане не могут поддержать нас вооруженным восстанием. Но вы можете поддержать нас политически и морально. Доведите до русского населения края правду о нашем народе, скажите ему о нашем тяжелом, безвыходном положении, о том, что наши судьбы с ними одинаковы, а цели и стремления едины. Даже если нам удастся взять город, им нечего бояться. Мы восстали против царской власти, а не против русского народа, мы воюем с царскими войсками, а не с мирным населением, женщинами, детьми и стариками.

Я смотрел на этого молодого человека и думал: иметь бы этому свободолюбивому и мужественному народу несколько сот вот таких просвещенных людей. Вот тогда, действительно, туго пришлось бы здесь царским ставленникам!

- Я еще раз повторяю, - продолжал Овхад, - вы можете поддержать нас морально и политически. Пусть горожане откажутся работать на строительстве обороны города, организуют массовый протест против жестоких карательных мер в Чечне. Вы знаете, что в прошлую войну на сторону чеченцев переходила масса русских

солдат, даже офицеров. Знаете, как они храбро

и бескорыстно сражались и гибли за нашу свободу. Знаете, с каким глубоким уважением и восхищением относились к ним чеченцы. Благодарный наш народ вечно будет хранить в своем сердце этих великих сынов русского народа. В самом начале нынешнего восстания из крепости Герзель три русских солдата совершили побег на нашу сторону. Одного убили, второго поймали, только одному удалось перебежать к нам. Он руководит одним из повстанческих отрядов. Смелый, мужественный командир! Этот пример говорит, что и среди нынешних русских солдат имеется много сочувствующих нам. Разъясните им, что мы сражаемся за нашу общую свободу, против нашего общего угнетателя, что мы их примем в свои ряды как родных братьев, как братьев по оружию.

То ли его образумила умная отповедь Максимова, то ли горячая речь Овхада, мой строптивый друг Евгений Иванович слушал теперь серьезно и внимательно.

- Хорошо, Овхад, - сказал Максимов. - Передай имаму, что мы сделаем для вас все, что в наших силах.

- Позвольте мне напоследок сказать несколько слов, - обратился Евгений Иванович к Овхаду. - Если подумать серьезно, то действительно мы попали в трудное, сложное положение. Вы говорите, чтобы мы уговорили население отказаться от строительства обороны города. Но кто даст нам гарантию, что в случае захвата города имам и его сподвижники не нарушат слово и повстанцы не устроят резню и грабеж? Ты, Овхад, человек цивилизованный и наш большой друг, мы тебе верим, как-то трудно верить остальным...

Молодой чеченец, гордо вскинув голову, посмотрел на моего друга своим пламенным взглядом. Этот взгляд показывал, что слова тут не нужны. Он сам был залогом верности и благородства.

- Уважаемый Евгений Иванович, - заговорил он спокойным голосом. - Имам Алибек-хаджи не учился в университетах. Он даже не знает, что это такое. Я не уверен даже в том, что он знает простую арифметику. Ему всего лишь двадцать шесть лет, но он окончил несколько своеобразных университетов, о которых европейские академики и понятия не имеют. Он видел жестокую нужду, в которой живут все народы между Чечней и Меккой, несправедливость, которую чинят над ними, их мечту о свободе. Имам Алибек-хаджи в университетах не учился, он и не дипломат, но слово его будет выше и тверже, чем слово любого царя и дипломата. Если наши люди причинят зло хоть одному мирному человеку в любом месте, не говоря уже об этом городе, я добровольно предстану перед вами, чтобы вы меня предали самой позорной смерти.

Сказанное молодым чеченцем спокойно, без витиеватости, не оставляло места сомнению в том, что он с имамом сдержит свое слово. Мне очень хотелось помочь ему и своим друзьям. Но я еще раньше принял решение не останавливаться в городах, а все время находиться в Чечне, поближе к восстанию.

ГЛАВА XV

ТРУДНЫЙ МОМЕНТ

О, для того ль мы вновь восстали,

Чтоб снова в землю нас втоптали?

Нет! Нынче надо нам, друзья,

Иль победить, иль умереть!

Ш. Петефи. Стыд поражений...

В доме Алимхана, в комнате для гостей с низким потолком и маленькими окошками, на коврах и кошмах, которыми были устланы глиняные нары и земляной пол, по-восточному поджав под себя ноги, разместившись в тесноте, сидело человек двадцать. Лампа со стеклом, поставленная на вбитую в стену дощечку, не слишком освещала комнату. Как ни душно было, люди не только не снимали с себя черкесок, но даже не расстегивали вороты бешметов.

В распахнутое маленькое окошко заглядывал скользящий в небе под звездами полумесяц.

Беседы здесь велись открыто, без всякого опасения. Люди, отступившие вместе с Алибеком в Симсир, как зеницу ока охраняли аул. Около ста аварцев и примерно столько же чеченцев были готовы лечь трупами, чтобы не дать упасть ни одному волосу с головы имама. Помощники Алибека отдали распоряжение не впускать в аул и не выпускать из него никого, будь он даже из ближайших родственников самого имама.

На нарах на почетном месте сидели в тесном ряду Солтамурад, Хуси-хаджи и векилы от салатавских аулов - Дилыма, Алмака, Буртуная, Миатли. На полу в переднем ряду разместились Сулейман, Янгулби, Губха, Тозурка, Косум, Нурхаджи, а за ними - молодежь.

Алибек сидел среди молодых, за ним стояли его братья Алимхан и Ала-Магомед, беглый солдат Елисей. У одних собравшихся в комнате лица были понурые, у других - сердитые. Приглашенные Алибеком векилы от соседей, чувствуя себя неловко, сидели молча, опустив головы, лишь изредка поднимая глаза из-под мохнатых папах.

- Вы говорите, что у вас за спиной стоят царские войска? - стальным звоном звучал голос Алибека. - А разве вы не подумали об этом, когда давали нам слово? Думали, что в Дагестане нет ни одного солдата? Я уже не говорю об обещании почитаемых у вас там, как настоящих мужчин, Жапар-хана, Махти-бека, Батал-бека, Муртаз-Али и старого Абдурахмана поднять в день нашего восстания весь Дагестан. Отпрыскам князей и царских генералов я всегда мало верил. Но мы-то с вами всегда были добрыми соседями, делили друг с другом радость и горе, ели сискал с одного стола. Если бы вы сдержали свое слово, сегодня наше общее дело не было бы зажато в этот уголок. Если бы вы не ждали, навострив уши, что же скажет Гази-Магома из Истамула, власти не могли бы перебросить сюда войска из Дагестана. Да и не только войска, но также те четыре тысячи андийцев, которые вместе с ними пришли драться с нами. Разве такими бывают соседи?

Известный своей отвагой дилимовский Мусакай Ганжоев приподнял свою мохнатую папаху и рукавом черкески вытер со лба пот.

- Ты не прав, Алибек, предъявляя нам столь тяжкое обвинение,

- сказал он, расстегивая два верхних крючочка ворота. - Не наша же вина, что некоторые дагестанские вожди держат ухо к Истамулу, не сдерживают своего

слова и что андийцы с царскими войсками пришли в Чеберлой. По правде говоря, мы и сами сомневаемся в верности некоторых наших вождей. Они - потомки ханов и беков. Ни в шамилевские времена, ни при царской власти жиру на их животах ни сколько не убавилось. Между нами и ими такое же расстояние, как между небом и землей. Мы, как и вы, бедняки, а они люди богатые. То, что ищем мы с вами, у них есть. Они хотят заключить в свои объятья весь мир, а мы ищем кусок сискала. В первый же день, как ты начал дело, мы, двести человек, против воли наших вождей, последовали за тобой. Одни андийцы выступили против тебя, другие за тебя. А ведь то же самое случилось и с вашими чеченцами. Ведь ты отступил в горы потому, что тебя не приняли равнинные аулы? Больше того, разве некоторые из них не пошли против тебя? Или не твои чеченцы в Дарго, Белгатое и Центорое готовятся выступать против тебя? Уж ты не говори так, Алибек-хаджи. Не зря говорит поговорка предков, что даже пять пальцев руки неодинаковы. Везде есть хорошие и плохие, смелые и трусливые, друзья и враги. Особенно в наше время.

- Плоскостные аулы, о которых ты говоришь, не присоединились к нам или выступили против нас под угрозой царских войск, - возмущенно заговорил Алибек. - Я считал, что в Дагестане, Сванетии и Абхазии я вел переговоры с настоящими мужчинами и друзьями. Но в отношении ваших вождей я, оказывается, ошибался!

- Давайте не будем искать ошибки друг у друга, - попытался их примирить Солтамурад. - Прошлого не исправить.

- Что вы от нас хотите, Алибек-хаджи? - заговорил молчавший до этого алмакинский векил. - Мы готовы оказать помощь, которая нам под силу.

Справедливый упрек Мусакая остудил Алибека, и в душе он раскаялся за проявленную грубость.

- Извините меня, Мусакая, - сказал он уже мягче, - я не должен был в собственном доме так говорить с гостями. Однако над нашим общим делом нависла серьезная угроза, и она заставила меня забыть о долге хозяина. Но обидно, что ваши вожди не сдержали своих слов. Наши предки в трудные для вас моменты всегда протягивали вам руку помощи. Кто приходил к нам голодным, мы кормили его. Кто бежал от деспотии ваших князей, находил убежище за нашей спиной. Мы никогда не заставляли вас повторять призыв о помощи, сразу приходили к вам поддержать вас в трудную минуту. Тем же отвечали и вы нам. Но нынче вы не сдержали слово...

- Оставь прошлое, Алибек-хаджи, - сказал Солтамурад опять.

- Мы еще могли бы надеяться на успех, если бы в Дагестане началось восстание, - продолжал Алибек, не обращая внимания на замечания. - Ожидания его помощи напрасны. Теперь вся надежда на вас, Мусакай. Если в эти два-три дня поднимутся соседние с нами ваши аулы, вы уберете с нашего пути войско из Хасав-юрта. Если оправдаются наши надежды в Андии, то власти вынуждены будут увести обратно в Дагестан половину своих войск из Чеберлоя. Ичкерийские аулы, которые не присоединились к нам, думают, что они избежали расправу властей. Однако, говорят, что инарла Свистунов - жестокий человек. Если он начнет их наказывать, то они тоже вынуждены будут укусить. И если нам удастся продержаться месяц, я надеюсь, что восстанет весь Дагестан. Поэтому, Мусакай, если вы не хотите, чтобы нас уничтожили, поднимите в течение двух-трех дней ваши аулы. Я прошу вас, наши соседи-аварцы, высказать прямо, без лицемерия, что вы будете делать?

И без того чувствовавшие себя виноватыми, салатавцы, не раздумывая долго, тут же ответили на вопрос Алибека.

- Либо вместе победим, либо вместе погибнем. Мы не можем опозориться, оставшись равнодушными свидетелями ваших бед. С Божьей помощью, после завтрашнего дня мы возьмемся за оружие.

Когда гости разошлись, в комнате остались Солтамурад, Хуси-хаджи, Косум,

Нурхаджи, Абдул-хаджи, Янгулби и Тозурка.

- Теперь, братья, хватит нам сидеть в этой глуши да жевать сискал, - сказал Алибек, проводив гостей и присаживаясь рядом с Солтамурадом. - Абдул-хаджи, и ты, Хуси-хаджи, сейчас же отправляйтесь в Махкеты. Возвращайся, Сулейман, в Центорой, а Губха - в Гуни. Даже жертвуя своими жизнями, вы должны поднять там все аулы. Очевидно, первым сюда прибудет отряд из Кешень-Ауха. Он не слишком велик, но вместе с ним еще двести кумыкских милиционеров во главе с Мусой. Поскольку приближается опасность, необходимо срочно укрепить аул. Завтра с утра надо всем мужчинам выйти с топорами и лопатами. Нужно разослать людей в равнинные аулы. Пусть хоть не выступят против нас, если уж не могут к нам присоединиться. А теперь спать. Завтра много дел.

Гости разошлись по домам братьев Алибека и своих друзей. Когда Алибек вошел в калитку, огромная мохнатая серая овчарка зарычала на него, но, узнав хозяина, завиляла пушистым хвостом, вывалила язык и, ласково повизгивая, бросилась навстречу. В окне тускло горел затемненный свет лампы. Ласково отогнав собаку, Алибек тяжело поднялся на приземистое крыльцо, слегка приподнимая, чтобы она не заскрипела, осторожно открыл дверь и вошел в комнату. Он увеличил свет керосиновой лампы, наклонился над женой и дочерью, спавшими в постеленной на глиняном полу постели.

Маленькая трехлетняя Сехабу лежала, распластав черные, густые волосы на подушке, набитой отходами шерсти, раскинув в стороны ручонки, стянув до подбородка старое ветхое одеяло. В едва заметной улыбке замерли ее пухлые губки. Узкие ноздри слегка раздувались при каждом дыхании. Алибек нагнулся и отодвинул легшую ей на глаза челочку.

Зезагаз, которая легла рядом с дочерью не раздеваясь, уже уснула. По ее усталому лицу было видно, что она долго ждала возвращения мужа. Вот уже два месяца, как Алибек не находил времени внимательно взглянуть на жену. А за этот короткий срок в лице Зезагаз произошли разительные перемены. Щеки впали, нос стал тоньше. Вокруг глаз легли темные круги, а по обе стороны от них к вискам прочертились тоненькие морщины. По телу Алибека пробежал озноб, когда он увидел в ее висках несколько седых волос. Зезагаз всего двадцать три года. Она моложе Алибека на три года. И в этом возрасте - седина... Неужели в ее сердце больше страданий, чем у Алибека? Страданий, которые она не может ни перед кем выплакать и терпеливо переживает в одиночестве?

"Что же с ними станется? - подумалось Алибеку. - С ними и с нами всеми?.."

До сих пор он не задумывался над тем, что у него нет сына. У его отца их было шестеро сыновей, ни одной дочери. Поэтому родители радовались, когда у их сыновей родились первые девочки. Теперь Алибек ощутил в своем сердце мороз, как будто оно превратилось в лед. У него нет детей, кроме одной дочери.

И ему суждено уйти из мира, не оставив после себя наследника...

Проснувшаяся от глубокого вздоха Алибека Зезагаз испуганно вскочила и жутким взглядом уставилась на мужа. Потом с облегченным вздохом бросилась в объятия Алибека. Прижав ее к себе, Алибек почувствовал, как на его груди учащенно бьется ее сердце. Худые плечи ее мелко задрожали. Зезагаз беззвучно плакала...

- Ты что это, Зезагаз? - спросил Алибек, нежно поглаживая ее голову.

- Я плохой сон видела... - дрожащим голосом произнесла она.

- Сны ни о чем не говорят. Что только не увидишь во сне. И хорошего, и плохого. Иди, ложись.

- Накормить тебя? - спросила она мужа. - Есть холодное кислое молоко и новоиспеченный сискал.

- Не надо. Лучше ложись и отдыхай. Я немного поработаю.

Женщина приняла с рук мужа оружие и черкеску и повесила их на гвоздь, вбитый в стену. Сняв с себя мягкие сапоги и бросив на подоконник папаху, он подошел к стене, ниши которой были устланы жейнами. Он взял с нижней полки чистую тетрадь, глиняную чернильницу и тростниковую ручку, поставил лампу на подоконник и сел на нарах, поджав под себя ноги. Он должен сегодня же ночью написать несколько писем в равнинные аулы и к добровольцам из чеченцев и соседних народов, организованным и подготовленным властями против повстанцев.

Алибек сидел долго, не зная, как начать. Каким словом обратиться к ним. Назвать их "братьями" или "друзьями"?

Против повстанцев объединились богачи всех аулов: Чермоев Орца, Мустафинов Давлет-Мирза, Саралиев Бача, Момаев Хота, Ойшиев Чомак, Чуликов Уллуби. Перешли на сторону властей десятки таких же богачей и их родственников. С ними заодно и менее имущие, но довольные своей сытостью всякое жулье и грабители, которые ради наживы готовы стащить саван с мертвых родителей. Вся эта шайка тянула за собой членов своих тейпов.

Как к ним обратиться, если в их сердцах нет ни человечности, ни жалости?

Если аварцы не сдержат данного ими сегодня слова и если не восстанут окрестные Веденские аулы, не останется никаких надежд на успех. Да что там успех - ему придется закрыться здесь, в Симсире, и приготовиться к смерти. Не осталось ему пути к спасению. Бежать-то, конечно, можно. И бегать, и прятаться, спасая свою жизнь. Пока от старости не зачахнешь и не умрешь. Но Алибеку-то нужна не собственная жизнь. Не ради себя он давал клятву вместе с Кори и друзьями. Они же о свободе мечтали. Свободе всего народа. Всех народов.

Не напрасно ли то, что начато им?

После долгого раздумья он отвечает самому себе. Нет, не напрасно! Они ведь не одиноки в этой борьбе. Ведь не одни народы этих гор поднялись на эту борьбу. В России же сами русские выступают против царя. И это говорит Берса не впервые. Он же говорил, что они поднимались десятки, сотни раз. Говорят даже, что эта борьба идет и в других странах. За свободу, равенством справедливость. Они тоже поднимаются вновь и вновь, несмотря на то, что терпели поражение десятки и сотни раз; их бросали в тюрьмы, топили в крови, вздергивали на виселицы. За поколением - поколение. Каждое новое поколение вступало с врагом в более яростную схватку, с еще большей верой в победу. Берса уверяет, что народы рано или поздно одержат победу. Но до этого многим придется пасть в этой борьбе. Через их трупы лежит путь к свободе. Борьба, борьба, непрерывная борьба! Бороться, не отступая перед силой и опасностями. Только тогда можно победить несправедливость. Вот если бы все народы в этом государстве поднялись одновременно, говорил Берса, они бы за один день скинули с себя царский гнет, но власти не дадут им объединиться. Натравливают народы друг на друга. Разжигают вражду между ними.

Только теперь дошли до сознания Алибека слова Берсы. Как добиться единства всех народов, когда не могут объединиться здесь соседние народы? И уговор между дагестанцами и чеченцами нарушился, лишь только до дела дошло. Не помогают сейчас восставшим ни их братья ингуши, ни осетины, ни кумыки. Наоборот, их представители прибыли сюда, чтобы пролить кровь восставших. Выходит, что власти вот так натравливают народы друг на друга, разжигают вражду между ними. Разве Алибек имеет право обвинить соседние народы, когда свои же, чеченцы, больше того, его сородичи, преследуют его по пятам? Значит, не принадлежность к одному народу и даже тейпу делает людей братьями, не говоря уже о принадлежности к одной вере. Разве станут ему братьями Орцу, Чомак, Хорта и подобные им сотни других чеченцев. У них иные братья: инарла Свистунов, Мелик, полковник Нурид, Авалу, и прочие богатые и могущественные. У него, Алибека, тоже другие братья: бедняки чеченцы, аварцы, русский солдат Эльса и

мужик Мишка, все те, которые с первых же дней делят с ним трудности и невзгоды.

Что-то печальные мысли лезут сегодня ему в голову. Неужели это отчаяние? Оставляет ли его мужество? Или слезы жены размягчили его сердце? Да, дела плохи, почти безнадежны. Но не надо ныть. Как говорится, один раз родился и один раз умру. То, что он не успеет сделать, доделают потомки. Кому-то надо принимать на себя удар, проливать свою кровь, иначе народ не добьется свободы. Пусть погибнет он, погибнут тысячи подобных ему, но народ-то остается. Народы остаются. И кто знает, может, когда-нибудь они объединятся и поднимутся вместе. Когда осознают эту необходимость. Когда не такие, как он, а по-настоящему умные люди встанут во главе их. И все-таки плохи дела. Хоть бы эти проклятые турки чуть продвинулись, может, тогда половину здешних войск увели бы на этот фронт. Но разве они когда-нибудь побеждали русских? А теперь и подавно не победят. Кори же говорит, что их силы ничтожны по сравнению с прежними. И еще лезут в драку! Не видят свое ничтожество. Видимо, что-то оспаривают. Но уж во всяком случае не ради бедняков воюют. Трудно постигнуть прихоти царей. Каждый так и старается проглотить весь мир. И каждый выставляет себя невинным. Сваливают всю вину на другого.

Алибек обмакнул тростниковую ручку в чернила и наклонился над тетрадью.

"*Братьям гехинцам салам-маршалла! Мы восстали, чтобы освободить наш народ от гнета и несправедливости царских властей. Мы все страдаем одинаково, но когда мы поднялись на борьбу, сторонников наших оказалось мало. Холуи властей одних из вас подкупили, других запугали. Только борьба победит несправедливость. Если вы будете отлеживаться, никто не преподнесет вам свободу. Мы проливаем кровь, а вы остаетесь* в *стороне. Неужто вы продались властям вместе с почетными людьми ваших аулов, или в ваши сердца вселилась трусость? Куда девались воспетые в чеченских песнях отвага и мужество гехинцев? Ваши братья, поклявшиеся отдать свои жизни во имя нашего общего дела, призывают вас на помощь. Через три дня уже будет поздно. И тогда вдовы и сироты проклянут вас.*

Имам Алибек-хаджи, сын Олдама, из Симсира"

Внимательно перечитав написанное и осторожно выдернув лист из тетради, отложив его в сторону, Алибек принялся за второе письмо.

"*Нашим единокровным братьям чеченцам и ингушам!*

Месяц назад мы поднялись против власти, но не в корыстных целях. Мы поднялись против гнета, царящего над нашим с вами народом. Доведенные до отчаяния крайней нищетой, мы поднялись добиваться справедливости и куска сискала для детей. Но вы, вместо того, чтобы поддержать нас, пришли проливать нашу кровь. Неужели вы не знаете, кому вы служите? Вы же оберегаете царских генералов, офицеров, богачей. Вас же они послали против нас обманом или угрозами. Ведь вам сказали, что воздадут наградой за каждого убитого или плененного из нас.

За службу генералу против нас вам установили плату. Деньги, которые вы получаете, запачканы кровью. Неужели вы хотите пользоваться ими? Зачем вы продались? Зачем вы позорите свой народ? Вы же не только поступили по-предательски, вы же пришли за деньги убивать своих братьев. Гоните из своих сердец шайтана и предательство. Опомнитесь, пока руки ваши не обагрены кровью. Опомнитесь и присоединяйтесь к нам. Знайте, что тот, кто сознательно идет против своего народа, тот предатель. Если вы будете продолжать предпринятое вами, проклятье народа и ваших потомков да будет вашим уделом!

Имам Алибек-хаджи, сын Олдама, из Симсира"

Алибек хорошо знал, что его зажимают в кольцо окружения. Он понял сразу, как только генерал Свистунов двинулся вверх через Шали, с какой целью идет он в Ичкерию. Узнал и о том, что отряд подполковника Григорьевича готовится к продвижению вдоль Ярыксу до Зандака.

Но сил для сопротивления у Алибека не было. Он решил: если придется погибать, дорогой ценой отдать свою жизнь и жизни товарищей.

Он вывел для укрепления аула оставшихся с ним бойцов: около ста аварцев, с полсотни чеченцев, одного солдата и всех жителей Симсира. Со стороны горы Ишхой-Лам опасности не было. Закрыть надо было две дороги, ведущие вниз от Дилима и вверх в Зандак. Работой по обороне села руководил Солтамурад. На обоих подступах к аулу построили завал из срубленных деревьев. Вокруг аула, над высокими обрывами вырыли окопы и прикрыли их снаружи бревнами.

Без передышки работали женщины и дети. Жителям было запрещено выходить из аула и впускать в него постороннего без письменного пропуска имама.

Раздавшиеся вдруг с противоположного гребня пушечные выстрелы заставили их прервать работы. Над Зандаком, на возвышении за лесом, взметнулся синий дым. С небольшими интервалами грохот продолжал повторяться.

- Уже дошли, собаки! - сплюнул в сторону стоящий рядом с Алибеком Солтамурад. - И зачем бьют по Зандаку? Ведь зандаковцы вели себя смирнее овечек.

Приложив к глазам подзорную трубу, с которой никогда не расставался, Алибек стал наблюдать за Зандаком.

- Не знаю. Видимо, зандаковцам навязали что-то неприемлемое, и они воспротивились.

Алибек опустил подзорную трубу, подозвал к себе своих помощников и отдал им короткое приказание.

- Поставьте на дорогу из Дилима человек двадцать, а все остальные пусть займут оборону с этой стороны. У нас еще есть время. Женщины и дети пусть подносят камни к обрывам. Будьте готовы в любую минуту встретить врага.

Вскоре со стороны Зандака показались всадники, скачущие во весь опор по узкой дороге, оставляя за собой длинный шлейф густой пыли. Когда они приблизились на расстояние выстрела, защитники аула, приняв их за разъезд кумыкской милиции, взяли каждого под прицел. Скачущий впереди всех всадник отделился от остальных, начал кричать, усиленно махая руками.

- Вот тебе на! Да это же мулла Нуркиши! - узнал его один.

Взяв с собой Солтамурада, Алибек направился к переднему посту навстречу Нуркиши и Джанхоту. Постаревший и похудевший в последние годы Нуркиши согнулся, как дуга лука. Прежде чем приступить к делу, с которым пришли, Нуркиши напомнил Алибеку, что они не только принадлежат к одному тейпу, но и не столь дальние родственники; более того, Олдам является одним из самых уважаемых и дорогих его сердцу людей.

- Тот, кто сегодня не с нами, он мне не родственник, - прервал Алибек излияния муллы.

- Как мы можем быть с вами, когда вы восстали против властей?

- завизжал Нуркиши. - Мусульманин ли, христианин ли - все падишахи поставлены над нами волей Всевышнего. Тот, кто поднялся против царской власти,

поднялся против Бога...

- Бросьте свои сказки, - остановил его Алибек. - Лучше говори, с чем вы пришли. Нам некогда слушать твою болтовню. Кстати, и народ тоже действует по воле Бога.

Нуркиши совсем разжалобился.

- Эти Божьи враги обстреляли аул пушками. Сгорело несколько домов. Полковник говорит, если ты не явишься к нему со своими помощниками, он превратит аул в пепел...

- Что ты говоришь, Нуркиши! - рассмеялся Солтамурад. - Ведь только что ты твердил, что цари и их власть от Бога, а теперь объявляешь их Божьими врагами!

- Голова кругом идет, Солтамурад! Покоритесь, сдавайтесь властям, не берите на себя грех за жизни женщин и детей...

- Да прекрати, Нуркиши, свою трусливую болтовню, - крикнул на него Солтамурад. - Ты бы лучше поднял зандаковцев на помощь нам, чем хныкать здесь перед нами!

Напуганный суровым взглядом Солтамурада, Нуркиши обратился к Алибеку:

- Ради Кааба, вокруг которого ты совершил семь кругов, смирись перед властями...

- Остопируллах! Убирайся с моих глаз. Не вводи меня в грех! - возмутился Алибек.

- И инарла Орцу требует, чтобы вы сдались властям, - вмешался Джанхот, увидев, что его товарищ совсем духом пал.

- Говорит, что вам не победить царя и его власть. Войско его, говорит, бесчисленное, как трава на земле и листья на деревьях, движется в Ичкерию. Вы, глупые чеченцы, надеетесь на турок, говорит, но русское войско отогнало их до самого Истамула-города. Сегодня-завтра схватят их падишаха и закованного повезут в Петарбух...

- Неужели эта старая сука Орцу опять пришел сюда? - удивился Солтамурад. - Передай ему, чтоб он со своей сворой кобелей убирался из Ичкерии. Если он попадется в наши руки, мы его отправим в преисподнюю!

- Инарла Орцу большой хаким, умный человек, наш чеченец, послушайтесь его... - причитал Нуркиши.

- Чтоб вы сгорели в аду со своим инарлом Орцу!

- Не горячись, Алибек, - сказал молчавший до сих пор Кори, - нельзя не внять просьбе этих почетных людей. Передайте инарле Орцу и русскому полковнику: если власти дадут нам слово удовлетворить наши требования и не расправляться с нашими товарищами, тогда мы отдадимся в их руки.

Удивленный Алибек посмотрел на Кори: не спятил ли он? Но тот незаметно подмигнул ему.

- Хорошо, Нуркиши. Так и передай полковнику. Если инарла Вистун согласен принять наши условия, пусть вышлют нам залог.

Когда ушли зандаковцы, Алибек набросился на Кори:

- Что ты наделал, а?

- Да не бойся, все равно инарла не примет наши условия. Нам представилась возможность и власти испытать, и выиграть время для подготовки к обороне.

Предсказания Кори почти сбылись. Вечером, на закате, на дороге от Зандака показалось около двухсот человек конных и пеших. Увидев у них оружие, защитники аула поняли, что они идут не с мирными намерениями. До спуска к руслу реки от толпы отделился всадник, держа в руке палку с лоскутом белой материи. Он вскачь переехал речку, разбрызгивая воду, и, размахивая флажком, стал подниматься к аулу.

Алибек и Кори узнали уехавшего отсюда несколько часов назад зандаковского старшину Джанхота. Остановив коня внизу под обрывом, он посмотрел вверх.

- Эй, Алибек-хаджи, это ты?

- Да, я, что ты хотел?

- Полковник не согласен с вашим условием!

- И вы пришли передать это, собрав всех зандаковцев?

- Нас прислали, чтобы мы арестовали вас и доставили к нему,

- кричал Жанхот, с трудом сдерживая рвущегося упитанного мерина. - Пойдете добровольно, или нам увести вас силой?

Удивленные Алибек и Кори переглянулись.

- Ого, так вы драться с нами пришли?

- У нас нет иного выхода. Мы не можем дать сжечь наш аул из-за твоих аварцев и каких-то оборванцев. Так пойдете с нами добровольно, или мы силой вас уведем?

- Прочь с глаз моих, продажная сука! - возмутился Алибек. - Это вы с Нуркиши и такими, как вы, баламутите людей, спасая свои шкуры. Погодите, вы попадетесь нам в руки!

- Мы еще посмотрим, кто в чьи руки попадет!

- Не совершайте глупости, людей погубите! - крикнул Кори.

Но Жанхот натянул повод и, развернув коня, поскакал обратно.

Бросив в воду свой белый флажок и переехав на другую сторону речки, он подъехал к своим людям и стал, жестикулируя руками, о чем-то с ними говорить. Когда он закончил, толпа ожила. То говорили по-одному, то разом все, стараясь перекричать друг друга, махая руками и потрясая ружьями. После долгих споров они спешились и толпой двинулись в русло речки.

- Ты посмотри, что они делают, дураки! - покачал головой Алибек.

- Ведь они вынуждены что-то делать, - печально ответил Кори.

Толпа, спустившись в русло, разделилась на три группы. Две двинулись вверх по руслам двух сливающихся там речек, а третья по дороге направилась к аулу. Избегая опасности, чем ближе к аулу, тем глубже они втягивались в лес. Окружив аул полукольцом, они открыли беспорядочную стрельбу. Несколько пуль свистом пронеслись над головой Алибека и Кори. Пули врезались в бревна, выложенные перед траншеями.

Защитники аула издали возмущенные возгласы, требуя разрешения ответить. Но Алибек их удерживал.

- Пусть стреляют. Как кончатся боеприпасы, сами перестанут. Из них только человек десять целятся в нас.

Постреляв с час, зандаковцы вышли из леса, набросились на аул.

- Бейте их булыжником! - скомандовал Алибек, когда те оказались внизу под обрывом.

Попав под град камней, одни хватались за головы и плечи, а другие не целясь стреляли в укрепления.

- Отступайте, глупые люди, мы же запросто можем перебить вас всех, - крикнул Кори, нагнувшись вниз. Но пуля опалила ему папаху, и он отскочил обратно в траншею.

- Эти люди с ума сошли, Алибек! - подошел Кайсар. - Из наших несколько человек поранили.

- Стреляйте в тех! - наконец приказал Алибек, указывая рукой на зандаковцев, которые лезли на завал.

Зандаковцы поняли, что защитники аула дальше не собираются их щадить и отступили, захватив с собой одного убитого и несколько раненых. Когда они скрылись из виду, Алибек подозвал Умара.

- Садись на коня и объезжай аул. Передай всем, чтобы они оставили караульных, а остальные пошли есть.

Сгущались вечерние сумерки. Загнанные перестрелкой в дома жители вышли на улицы. Несколько впереди Алибека и его друзей с повязанной головой, нахлобучив на нее мохнатую папаху, держа ружье под мышкой, медленно шагал аварец Хайбулла.

- Рана серьезная? - участливо спросил Алибек, когда они нагнали его.

- Нет, пустяковая, - махнул рукой Хайбулла. - Ухо испортил. Поправится.

После еды друзья принялись за обсуждение предстоящих дел.

- Если не сегодня, то завтра непременно войско нападет на нас. Надо усилить охрану, - сказал Кори.

- Ночью-то они, наверное, не полезут.

- Кто знает. Они же появляются неожиданно.

- По-моему, щадить нас они не собираются, - сказал Кайсар, зашивавший свои поршни.

- Щадить? - обернулся Алибек, что-то искавший, вороша жейны.

- В любом случае - добровольно ли сдадимся или возьмут силой, - одним из нас уготованы виселицы, а другим - Сибирь. Я имею в виду руководителей восстания.

- Бог с ним, - сердито надавил на шило Кайсар и пробил отверстие в складке поршней.

Кори, лежавший на спине, приподнялся и сел.

- Ничего, кентий. Кровь, пролитая в борьбе против несправедливости, не пропадет напрасно. Борьба хоть на какую-то долю уменьшает несправедливость. Те, которые останутся в живых, будут жить свободнее.

- Не знаю, слишком сомнительно.

- Не будем падать духом. Кто знает, может, убедившись, что мы не покоряемся, властям придется хоть немного разжать пальцы на нашей глотке. - Алибек сел рядом с Кори, поджав под себя ноги. - А если мы будем терпеть произвол, тогда окончательно задушат нас.

Эту ночь повстанцы провели, не смыкая глаз. Но ни в эту ночь, ни на следующий день не показался здесь отряд Григорьевича, остановившийся над Зандаком.

На второй день вечером повстанческие разведчики принесли весть, что подполковник Григорьевич со своим отрядом вернулся в крепость Кешень-Аух. И даже не взял из Зандака аманатов. Видимо, подполковник был уверен, что зандаковцы запуганы им основательно. И в этом он, надо сказать, нисколько не ошибся. Перестрелка, смерть одного человека и ранение еще нескольких - все это надолго посеяло вражду между двумя аулами одного тейпа.

Ребятишки гурьбой сопровождали слепого Хамзата к центру аула.

Вел его, держа за посох, Марван. Дойдя до площади, Хамзат послал детей звать матерей. Вскоре там собралась пестрая толпа женщин.

- Матери! - крикнул Хамзат, устремив невидящий взгляд над их головами в безвестную даль. - Слушайте внимательно. Я спою вам пару илли.

Когда он беспомощно огляделся, Марван понял, чего он хочет, подвел его к плетню и усадил на бревно. Хамзат взял свой дечиг-пондар из орехового дерева, провел пальцами по тонким струнам и, покрутив ушко, настроил его. Потом легонько откашлялся, опустил веки и звонким голосом начал песнь.

...Притеснял князь Мусост старцев аула. Построив на их земле новый аул, он, не довольствуясь этим, вымогал у них неположенный ясак. Старцы увещевали князя Мусоста:

- *Да хранит Аллах тебя, князь Мусост!*

Отец твой был князем, а мать княгиней.

Князем и сам ты являешься ныне.

Мы же простые и темные люди.

Ты разоришь наших жен и детей.

Грех тебе, князь, пред ними будет...

Но непонятны князю Мусосту просьбы и жалобы бедняков. Он выгоняет их со двора своего замка:

- *То, что решаю я, сбыться должно.*

Что запрещаю - забыться должно.

От вас ожидаю дани двойной...

Опечалились старцы аула. Погрузились они в думы, ища себе заступника.

- *Небывалую дань мы не в силах внести.*

Где ж храбреца, где героя найти,

Чтобы он свергнул Мусоста жадного?

И тогда они вспомнили без отца выросшего сына Ады Сурхо, который остался у матери один:

- Конь у Сурхо, сына Ады, лихой,

Сердцем герой сын Ады Сурхо.

Упросим мать, что Сурхо родила,

Чтобы нам сына она отдала...

Аульные старцы пошли просить у матери Сурхо ее единственного сына. Мать ответила старцам:

- Старцы, окиньте вселенную взглядом!

Старцы, вы вслушайтесь в сердце мое!

Кроме Сурхо, никого у меня нет,

Он и отрада, и счастье мое.

Но я родила Сурхо моего

Не для того, чтобы нежить его.

Вам, если надо, отдам я его,

- Так старикам ответила она.

Спал ее сын и не знал ничего.

Нежно дотронувшись до него,

Сына она своего разбудила.

- Не время спать, мой родной Сурхо, -

Время вставать, дорогой Сурхо, -

Утро совсем не для сна наступило.

...Старцы аула пришли за тобою,

Старцы просили тебя им отдать.

Я им не в силах, мой сын, отказать.

Если они твою душу потребуют -

Вырви из тела, отдай им душу...

Встал, вышел Сурхо, сын Ады. Во дворе его ждут старцы:

- Старцы почтенные, вас я приветствую.

Вам ли склоняться передо мной?

Молод еще я, вы ж мудры и седы.

Выполню все я, что нужно вам,

Душу свою, если надо, отдам,

Сердцем я предан вам, сердцем вам верен...

Поведали ему старцы свое горе. Сурхо, сын Ады, вместе с ними отправился в замок князя Мусоста. Он повторил ему просьбу старцев аула, но князь Мусост гневно накричал на юного Сурхо:

Ты ль мне указывать будешь, мальчишка?

Вместе со старцами, жалкий трусишка,

Прочь, уходи подобру-поздорову.

То, что решаю я, сбыться должно,

Что запрещаю - забыться должно.

Подать двойную соберите быстрей!

Подать двойную вносите скорей!

Гневно Мусосту сын Ады ответил:

- Черт бы побрал тебя, вора-князька,

Раб ты, дурак наихудший в свете.

Помесь холопа и ишака!

Все, чего ты боишься, сбыться должно,

Все, к чему ты стремишься, забыться должно,

Подати мы не заплатим двойной.

Жалким трусишкой назвал тут меня ты,

Завтра узнаешь, князек проклятый,

Ведом ли страх мне, Сурхо, иль неведом.

Землю твою всю, что царь московский

В старые дни подарил твоим дедам,

Землю твою с заливными лугами,

Пастбища лучшие вместе с полями

Я отберу.

И своими руками

(Смерив канатом и вырыв канавы)

Землю твою разобью на участки

И разделю их между земляками...

Сурхо, сын Ады, сдержал свое слово. На второй же день он раздал беднякам землю, подаренную князю Мусосту царем. В этой борьбе он убивает Мусоста и его братьев. Когда Сурхо вернулся, свергнув власть князя Мусоста, навстречу ему вышла его мать. Обняв и поцеловав сына, мать Сурхо гордо запела:

- *Мальчишки все, что родятся ныне,*

Схожими быть с моим сыном должны.

Если несхожими будут, иными,

Жить оставаться они не должны...

Матери и дети, которые собрались здесь, не впервые слышали песнь слепого

Хамзата. Но сегодня она звучала по-особому. Матери поняли, что эта илли и сопровождающий ее дечиг-пондар просят для родины их сыновей. Понимали и подростки, у которых только собирались пробиться усы, что и эта песнь, и плачущий, вторя ей, дечиг-пондар, призывают их встать на защиту родины. А слепой Хамзат завершил свою песнь:

Царская власть свободы лишила нас,

Царская власть земли лишила нас,

Наделы наши, добытые корчевкой леса,

Царь своим жестоким слугам в награды раздал.

На горных вершинах и просторах равнинных

Возвел он крепости, войско стянул.

Наши ноги и руки в оковах невидимых.

Родина зовет своих храбрых сыновей

Защищать ее от жестокости врага.

- Эйт, ай да Хамзат! - вышел в круг только подошедший Косум, когда Хамзат кончил илли. - Хлопайте в ладоши, кентий! Станцуем огненный танец!

Спасем, защитим мы народ свой и род.

Селенья родимого края.

Нас сколько б ни пало, победа нас ждет

По седлам, герои! Поскачем вперед...

Да будет жизнь наша долгой, да поможет нам Аллах!

Да будет удача тому, кто бесстрашен в бою,

Пусть на бегу задохнется спасающий жизнь свою...

Юноши захлопали. Захлопали матери. Закружился в танце чечельхинский Косум, сын Бортига. То на носках парил он по кругу, то кружился юлой на месте. Как бабочки вокруг цветка, кружила вокруг него Дети, мать Марвана.

Плакал и смеялся дечиг-пондар слепого Хамзата, прося у матерей сыновей для родины. Он призывал сыновей народа на борьбу за свободу.

Танцуйте, выплясывайте, Косум и Дети. А смерть-то приближается со всех сторон. Но мы не будем хныкать перед ней. Мы предстанем перед ней с гордо поднятыми головами, песнями, танцами и смехом. Свободу или смерть!

Одно из двух. Другого пути нет.

ГЛАВА XVI

В ОКРУЖЕНИИ

К оружию, нация моя!

Вперед! Победа или смерть!

Ш. Петефи. Стыд поражений

В этот последний день каждый в полку суетился, занятый делом и не имея ни минуты свободного времени. Кавалеристы ухаживали за своими лошадьми, гладя их гребнями, купая в Ярыксу, подавая корм. Солдаты чистили и смазывали маслом оружие. Орудия стояли, готовые к упряжке.

Сегодня начиналось генеральное наступление, чтобы окончательно подавить восстание. Когда все было подготовлено, оставив в Хасав-юрте в резерве две роты, четыре орудия, отряд в составе трех батальонов, шести орудий, трех казачьих и одной кумыкской сотен, наконец, двинулся вверх по Ярыксу.

Все дороги со стороны Дагестана в Ичкерии, Ауха и Салатавии закрыли дагестанские войска. В Андийских горах стоял отряд полковника Накашидзе. В верховьях Сулака расположились отряды полковников Перлика и Тер-Асатурова. Во главе крупных войск со стороны Ведено наступал генерал-адъютант Свистунов.

Мятежникам не оставили ни одного пути для спасения. Батьянов уже через месяц мысленно видел на своих плечах генеральские погоны. У него не было никакого сомнения, что он возьмет в плен свору мятежников вместе с главарями. Но вот только одолевало чувство неудовлетворенности тем, что победа придет к нему так легко.

Когда близ Шали повстанцы потерпели поражение, отчаявшиеся в успехе векили аулов Салатавии и Ауха пришли к Батьянову засвидетельствовать свою покорность и сообщить, что не имеют ничего общего с ними.

Сегодня, когда отряд проезжал через Аух, жители вновь заверили его в своей преданности. Даже заявили о своей готовности выделить полковнику добровольцев на поимки Алибек-хаджи. Буртунайский пристав Шейх-Магома Дацаев тоже клятвенно убедил его, что Салатавия поголовно покорилась.

Однако, когда отряд достиг Зандака, Батьянов получил сообщение о поголовном восстании в Салатавии и одного самого крупного ауховского аула Акташ-Ауха.

Батьянову пришлось со своим отрядом возвратиться в Кешень-Аух. Посоветовавшись с офицерами, он решил отозвать отряд майора Коленко, направленный в Ножай-юрт, и объединенными силами наказать Салатавию.

Вдобавок ко всем бедам, еще зарядило ненастье. Как из кувшина лил дождь, по горным склонам бешено устремились вниз бурные потоки. Была опасность, что поднимется уровень воды Ярыксу. Тогда нечего было и думать о переправе через нее артиллерии. Дороги тут и без того никудышные. Веселого настроения солдат, которое овладело ими утром при выходе из гарнизона, как не бывало. Предприятие, которое казалось им не чем иным, как прогулкой на лоне природы, стало оборачиваться адом кромешным. Среди них уже успела распространиться молва, что прошлой ночью Алибек появился в Салатавии и стал здесь во главе восставших.

В Беное тоже оказалось не так спокойно, как говорили. Там тоже говорят, что в лесах несколько повстанческих отрядов, хотя и мелкие. Побег трех солдат из его полка на сторону чеченцев в самом начале восстания, сочувствие многих солдат

восставшим заставляло Батьянова быть всегда бдительным. Поэтому перед выступлением из Кешень-Ауха он поднялся на подводу обоза и обратился к солдатам с короткой речью.

- Солдаты! Пусть у вас не дрогнет рука от жесткости к мятежникам! Они, их отцы убивали здесь ваших отцов. И теперь они поднялись убивать нас. Это - война, а в войне жалости не может быть. Полтораста лет назад здесь создан наш полк. До сего дня он гордо нес вперед свое знамя. Вписал сотни подвигов в свою историю. Честь полка в ваших руках, солдаты! Слава государю императору!

Когда солдаты трижды прокричали "ура", заранее подготовленный полковой оркестр заиграл гимн "Боже, царя храни". Воодушевленные речью командира полка, солдаты двинулись вниз по Ярыксу под проливным дождем, меся густую глину.

В этот день отряд прошел небольшой путь. Дождь, ливший непрестанно, пробрал солдат до костей. Ноги вязли в размытой глине. Колеса орудий превратились в неуклюжие глиняные комки. Лошади были бессильны тащить их, приходилось все время подталкивать сзади.

Отряду, с большим трудом добравшемуся вечером до Акташ-Ауха, пришлось заночевать там. Но беспокойной была эта первая ночь. Повстанцы, не обращая внимания на дождь и слякоть, всю ночь обстреливали аул, не давали им спать.

В таких же условиях находился и отряд Коленко, прибывший в Зандак. Разместив солдат по палаткам, офицеры ушли на ночлег в ближайшие дома аула. Капитан Рихтер, назначенный два-три дня назад командиром роты, и Абросимов устроились в доме одного старика. Сын хозяина, человек лет тридцати, приветствовав гостей, пригласил их в кунацкую и предоставил ее в их полное распоряжение. Не успели они осмотреться, вошла молодая женщина, зажгла в очаге огонь. С улицы донеслись крики преследуемых и выловленных кур. Видимо, хозяйский сын спешно заботился о гостях.

Решив вопрос с ночлегом, капитан, оставив Абросимова одного, пошел проведать, как разместились солдаты его роты. Яков Степанович много раз бывал в чеченских домах, но так как в этом крае в разных уголках жилища и быт имеют свои какие-то особенности, стал внимательно осматривать обстановку. Особых отличий он не заметил. Побеленные белой глиной стены. Незатейливые красные орнаменты на помазанном простой глиной потолке. В очаге, дымоход которого, все сужаясь, уходил в потолок. На дымоходе несколько восьмиконечных звезд и полумесяц. На приземистой лавочке, стоящей вдоль противоположной стены, полуженные оловом медные, пузатые, со суженными горлышками, кудал и кумган. На стене висит низкий треножный круглый медный столик. С одного края глиняной нары, покрытой пестрой кошмой, высится сложенная постель. На стене над нарами висят ружье, пистолет и не слишком дорогая, но добротная сабля. Когда огонь в очаге хорошо разгорелся, Абросимов подошел и присел к нему, грея руки. Кашлянув, давая знать о себе, вошел молодой хозяин. Он снял с головы папаху, тряхнул ее, растянув обеими руками изнутри, и сбил с нее дождевую воду, но, заметив, что гость сидит на корточках, снова вышел и быстро вернулся с маленькой табуреткой.

- На, суда садиз, - поставил он табуретку около Абросимова.

Абросимов удивился, что он довольно сносно изъясняется по-русски.

- Ты знаешь русский язык? - спросил он.

- "Туда-сюда" знаю, "почом" сказат знаю, - улыбнулся он, покручивая кончики черных усов под крючковатым носом. - Ездим на базар Хасав-юрт. На казачи аул работал был. Там мал-мал учил.

Выбрав поленья из дров, целой охапкой сложенных у очага, подвернув под себя полы бешмета, он сел рядом с Абросимовым.

- Иде другой эпсар пошел? - спросил он, смотря на Абросимова своими бесхитростными черными глазами.

- К солдатам пошел.

- А ты зачем не пошел?

- Я же не офицер.

- Ты салти?

- Нет, не солдат.

Удивленный молодой хозяин посмотрел на него расширенными глазами. Он, по-видимому, только теперь обратил внимание на то, что один его гость без военной формы.

- Дурной башка! - хлопнул он себя по лбу и продолжал, комкая русские слова. - На тебя нет ни солдатская, ни офицерская одежда. А я и не обратил внимание. Значит, ты приехал сдирать с нас налоги, отобрать наши земли?

- Нет. Ни то, ни другое. Просто я с отрядом приехал.

- Просто никто не приходит к нам, - печально покачал головой хозяин. - Значит, ты пришел, чтобы смотреть, как нас убивают, сжигают наши дома, уничтожают посевы, ловят и отправляют в Сибирь?

Якова Степановича смутил прямо поставленный им вопрос. Не зная как ответить, он только покачал головой.

- Как тебя зовут? - спросил хозяин.

- Яков Степанович.

По его частым кивкам Абросимов понял, что он недоволен. Хозяин расшевелил поленья в печи, отчего огонь разгорелся ярче и повернулся к гостю.

- Человек не должен иметь два имя. Надо иметь одно. Одно имя и одно слово. Я знаю, что у вас принято обращаться по имени и отчеству. У нас это не принято. Я тебя назову просто Яку. Не возражаешь?

- Конечно, нет. А твое имя?

- Исмаил. Ты, Яку, не ответил на мой вопрос. Зачем ты пришел в дождь в эти горы?

Абросимов некоторое время теребил себе пальцы, не находя слов для ответа. Потом махнул рукой и заглянул прямо в глаза Исмаилу.

- Да, я приехал посмотреть, как вас убивают, жгут ваши дома, топчут хлеба, как вас угонят в Сибирь.

У Исмаила от удивления глаза вылезли на лоб. В них сначала сверкнула молния гнева, потом они приняли прежнее спокойствие.

- Плохой русский мой гость, - покачал он головой. - Яман урус. Царь послал сюда своих генералов, они - офицеров, а офицеры привели солдат. Солдаты и многие офицеры пришли сюда поневоле. А ты? Тебе будет приятно смотреть на плач наших женщин и детей? Мы же тоже люди, Яку. Как и вы, мы тоже любим свою родину, свободу, родителей, семьи. Хотим и кушать, и одеваться. Когда горе - плачем, когда радость - смеемся. Мы же тоже люди.

Каждое слово, вылетавшее из уст Исмаила, острием кинжала вонзалось в сердце Якова Степановича. Он, русский, считал себя настоящим сыном своего народа. Он

гордится его славными делами, но ему стыдно за позорные поступки отдельных его соотечественников. Сегодня, далеко в горах, в семье бедного и темного чеченца, ему приходится отвечать перед ним за постыдные деяния русского правительства. Но как объяснить этому горцу, что это правительство - такой же враг русскому народу, как и горским народам?

- Я не с таким намерением приехал, как ты думаешь, Исмаил, - проговорил он, как бы про себя. - Я приехал, чтобы своими глазами увидеть жестокость и несправедливость, которые вам приходится на себе испытывать. Да-да, увидеть, как солдаты убивают вас, уничтожают ваши хлеба, жгут дома, отправляют вас в Сибирь, услышать плач ваших женщин и детей. Я приехал потому, что глубоко сочувствую вам, жалею вас, чтобы рассказать нашему народу все, что я видел и услышал здесь. Я буду все это писать.

- От того, что ты будешь писать и говорить, нам легче не будет.

Яков Степанович задумался.

- Видишь ли, Исмаил, - попытался он втолковать ему, - не все знают о вас правду. Увиденное здесь я напишу в наших газетах. Это прочтут тысячи людей. Тогда они узнают, что чеченцы ведут справедливую борьбу за свою свободу, что вы поднялись против несправедливости и гнета. Когда они узнают о вас правду, у них изменится отношение к вам. И тогда скажут властям, что чеченцы - такие же люди, как и все, чтобы власти их не притесняли и оставили в покое в своих горах.

Удивленный Исмаил учащенно заморгал.

- Неужели про нас до сих пор не сказали правду? - провел он языком по высохшим губам.

- Сказали. Но только немногие.

- Почему?

- Боясь властей. Ведь никто не хочет попасть в Сибирь или потерять свое место, заступившись за вас.

- А ты не боишься?

- Боюсь. Но если все всегда будут бояться, несправедливость будет существовать вечно. Ведь и наших мужиков тоже убивают, когда они, как и вы, поднимаются против властей. И их дома сжигают, и самих их отправляют в Сибирь, вешают. Хотя царь русский, и власть в руках русских, но наш народ тоже бесправный. У ваших и наших мужиков одна цель: борьба против несправедливости. Победите вы - победят и наши, а если они победят, вы тоже победите. У вас с ними судьба единая, взаимосвязанная.

Исмаил надолго задумался, подперев рукой голову и смотря в играющее пламя.

- Тот твой товарищ тоже так думает? - спросил он, внезапно повернувшись, кивнув головой в сторону двери.

- Нет.

- А другие офицеры?

- Немногие.

- Солдаты?

- Многие сочувствуют вам. Но боятся себя выдать.

На несколько минут в комнате воцарилась тишина. На стенах играл свет от языков пламени в очаге. Лампада без стекла давала мало света. Косыми ударами бился

дождь в единственную в доме застекленную створку окна. Яростно лаяли собаки, чуя чужих людей.

- Из вашего аула много ушло за Алибеком?

- Человек двадцать.

- А ты почему не пошел? Ты же сочувствуешь повстанцам, а остался дома?

Исмаил стиснул зубами нижнюю губу так, что она побелела.

- Да потому остался, что я не мужчина, - глухо заговорил он.

- Разве настоящий мужчина станет сидеть дома с женщинами, когда к народу пришла беда?

- Наверное, все не так, - попытался сгладить свою вину Абросимов, который понял, что дотронулся до его сердечной раны. - Я хотел спросить, может какая причина у тебя.

- Причины!.. Вот, всякие эти причины нас и губят, - взяв полено, он сердито бросил его в огонь. - Длинные языки, сплетни... Аульский мулла Нуркиши доводится двоюродным братом моему отцу. А Ножай-юртовский юртда Шахбулат - родственник Нуркиши. Да и Зандаковский юртда Джанхот тоже дальний нам родственник. У него мельница и много скота. Вот связь с Шахбулатом через них протянулась в наш дом. Эти богачи запретили своим родственникам следовать за Алибеком. Наоборот, требуют, чтобы они пошли против него. А мой отец, если они прикажут, спрыгнет даже со скалы. Ну и я тоже не смог ослушаться отца.

- А эти богатые родственники дают что-нибудь из своих богатств твоему отцу?

Исмаил презрительно засопел.

- Да они кукурузного зернышка не подкинут, хоть умри он с голоду.

- И он все равно их слушается?

- Что не сделает глупый? Говорит, мы с ними родственники и должны слушаться их.

Вошедший в это время Рихтер прервал их разговор.

- Проклятый дождь! - проворчал он, вешая свой плащ на гвоздь.

- Можно подумать, что небо раскололось. Это они доставили нам такие хлопоты, чтоб им в аду гореть! Сидели бы себе в своих вонючих лачугах да слушались, что им велят, - так нет же! Непонятно, чего они добиваются. Ослы. Настоящие ослы!

Исмаил, который стоял у двери, положив руку на рукоять кинжала и выставив вперед одну ногу, при последних словах капитана стиснул зубы и свирепо сжал в руке кинжал. Потом он посмотрел на Абросимова, скорбно мотнул головой и вышел.

Гость есть гость, каким бы он ни был.

Александр Павлович торопился подавить мятеж в Салатавии, пока он не распространился.

Но обстановка менялась буквально каждую минуту. Когда он для поддержания порядка в окрестностях Ведено, оставив в Эрсен-Корте два батальона Куринского полка и два орудия 20-й артбригады, добрался через Гендергеной до Даттыха с тремя с половиной батальонами, двумя казачьими сотнями, милицейской

дружиной, созданной из жителей Ичкерии, и двумя орудиями, там до него дошли неприятные вести. Милицейские отряды Авалова и Пруссакова, отправленные в беноевские аулы, были разогнаны жителями. Князь Накашидзе сообщал, что за его спиной в Дагестане вновь восстали Гумбет и Сиух, и что он со своими главными силами возвращается туда.

Решение Накашидзе и поражение милиции в Беное расстроило Свистунова. На первом месте в его генеральном плане стояла задача - захват Алибека и его шайки руками местных жителей. Тогда правительство могло иметь полное основание объявить повстанцев союзниками турок и религиозными фанатиками, которых разгромил их собственный народ. Короче говоря, если бы затея удалась, Александр Павлович одним выстрелом убил бы двух зайцев. Но начало принимало совершенно неожиданный для него оборот. Зависимые от властей туземцы, дрожа за свое имущество и общественное положение, усердно служат или делают вид. Но кто знает, что у них на уме, как они поступят в трудный момент? Да и доверие его к туземным офицерам имеет свои пределы, хоть они и носятся, высунув языки и махая хвостами. Безукоризненно служат прапорщик Умаев и поручик Ашаев. Но Александр Павлович не верит им.

Когда отряд поднялся на Гелаш-Корт, расположенный между Даттахом и Зандаком, перед ним открылись затерявшиеся среди лесов и оврагов все зандаковские аулы. Симсир лежал на стыке границ Ауха, Ичкерии и Салатавии. Там с одной стороны раскинулись густые леса и глубокие поймы рек, а с востока - голые, грозные горы, пронзив облака своими снежными вершинами.

И вправду, Симсир занимал место, удобное для подготовки восстания и для внешних связей. Но Александр Павлович был теперь спокоен. Он сравнивал Алибека со зверем, со всех сторон окруженным многочисленными охотниками и гончими собаками. Сегодня он будет в его руках - живой или мертвый. Ему негде скрыться!

Со стороны Дилима доносились раскаты орудийных залпов. Командующий был уверен, что в этот час силы повстанцев стянуты туда. Его отряд без всякого сопротивления уничтожит здесь змеиные притоны.

Отряд Коленко, не встречая сопротивления, добрался до Байтарки. Этот маленький аул был пуст. Ни на улицах, ни во дворах не было видно ни души. О том, что еще прошедшей ночью здесь жили люди, свидетельствовали лишь бродившие по улицам куры с цыплятами, да неистово лаявшие из-за плетней собаки. Видимо, жители со своей скотиной и скарбом скрылись в лесах.

Абросимов радовался, что они предупредили опасность. Он был уверен, что если жители не окажут сопротивления, отряд не причинит аулу вреда. Однако, когда арьергард отряда вышел из аула, несколько домов вспыхнули. Это привело в ярость притаившихся в лесу жителей. Увидев отовсюду поваливший дым, они открыли стрельбу по Сунженской сотне, находившейся в авангарде колонны. Есаул Афанасьев, зная, что чеченцы не стреляют по лошадям, велел своей сотне спешиться и попытаться двинуться вперед так, чтобы воины прятались за лошадьми. Но жители, стреляя вниз с деревьев и с горного склона, стали наносить сотне заметный ущерб. За несколько минут были убиты двое казаков и десятки ранены. Подоспевшие в это время, к счастью, сотни, две стрелковые роты, растянувшись, вошли в лес, рассеяли жителей.

Сердце Умара билось так, словно собиралось разорвать грудную клетку. Стараясь успокоить его, он то объезжал на коне аул, то скакал к конюшням, охранявшим две дороги в аул, чтобы воодушевить их. Но грудь все равно была тесна для сердца. Не из боязни смерти или из-за трусости. Защиту Симсира Алибек доверил в основном гатиюртовцам. А их здесь всего полсотни. Почувствовав близость опасности еще утром, Акта и Умар поставили на оборону аула всех, кто способен держать в руках оружие. Но и таких оказалось мало. Большинство симсирцев с Алибеком уехали в Дагестан. Всех людей, выставленных ими с помощью Олдама и его сына Султы, насчитывается не больше шестидесяти. Да и те большей частью старики да

подростки.

Стоя над высоким обрывом западной окраины Симсира, Умар и Султы смотрели на противоположный горный склон. Прежде всего они увидели, как на горе Гераш-Корт остановилось большое войско и как оно, постояв там немного, разделилось на колонны, которые двинулись в разные стороны.

- Смотри, смотри, Умар! - показал пальцем Марван в сторону Чеччелхи.

Умар заметил длинный ряд солдат, идущих в Чеччелхи.

- Сюда идут! - вскрикнул Султы.

- А ну, быстрей сообщи Акте!

Марван бросился напрямик на другую окраину аула по дворам, прыгая через заборы. Умар наблюдал за солдатами. Они прошли через Чеччелхи и спускались дальше в сторону Симсира. Вскоре примчался на коне Акта. Спешившись, он приложил руку ко лбу и стал внимательно всматриваться в противоположный склон.

- Из Зандака вниз тоже идут! - вскрикнул опять Султы.

- Впереди скачут всадники!

- И пушки везут за собой!

- С двух сторон наступают!

Акта стоял спокойно, будто не слышал разговора двух подростков, потом медленно повернулся к ним.

- На нас движется большое войско, - сказал он, - может, оно идет к Дилиму. Если оно идет туда, мы должны устроить засаду в лесу и напасть на него, чтобы хоть часть задержать здесь. Если мы не сделаем это, дела Алибека будут плохи. Ну, а если все это войско идет сюда, то оно растопчет и искромсает всех нас. С этой стороны они не смогут войти в аул, поэтому все силы надо сосредоточить на правой стороне.

В полдень над Байтарки повсюду поднялся черный дым, потом через некоторое время в лесу раздалась ружейная стрельба. Вскоре бегом пересекли речку человек двадцать.

- Идут! Да будут они прокляты до семи поколений, идут! - закричали они, поднявшись в аул. - Бессчетное количество!

- Видим, - прикрикнул на них Акта. - Чего орете?

Одновременно показались авангарды обоих отрядов, словно первый вал выходящей из своих берегов реки. Колонна, которая шла через Чеччелхи, рассыпалась по руслу левой речки, а несколько сотен всадников, показавшихся от Байтарка, остановились в овраге напротив аула. Пехотинцы, следовавшие за ними, растянулись по руслу правой речки. Следующий отряд пехотинцев остановился, не входя в русло речки, а два орудия, которые подтащили сюда, поставили так, что дула их были направлены на аул.

- Может, ударим подступивших с обеих сторон? - спросил Акту нетерпеливый Умар.

- Нельзя, - покачал тот головой. - Они еще далеко.

Две пушки, поставленные на противоположном склоне, одновременно изрыгнули дым. Грохот их прокатился по лесам и ущельям, раздаваясь и дробясь, и замер где-то очень далеко. Пролетев со свистом над Умаром и Актой, два ядра упали в самый

центр аула. Воздух мгновенно наполнился яростным лаем и испуганным визгом собак. С каждым новым взрывом лай их становился все более зловещим. Всюду вспыхивали дома и стога сена. Недалеко заржала лошадь и затихла. Но человеческих криков не доносилось. После получасового артиллерийского обстрела солдаты правого крыла пошли в наступление. А потом и кавалеристы бросились к аулу по главной дороге, размахивая над головой шашками.

Когда они подошли вплотную к заградительному валу, Акта нарушил тишину.

- Кентий, бейте их!

Первый залп прозвучал четко. Умар, который заранее выбрал себе мишенью офицера, прицелился ему в переносицу и спустил курок. Тот, взмахнув руками и роняя саблю, упал на землю и покатился вниз.

- Мужайтесь, ребята! - крикнул Акта. - Марван, катай камни вниз! Умар, будь начеку! Я иду к валу!

Подростки и женщины лихорадочно заряжали ружья и подавали их из окопов наверх. Прервав это занятие, они ползком подобрались к краю обрыва и принялись сталкивать вниз большие камни. С огромным трудом удалось отбить первую волну солдат, карабкающихся по откосу наверх. Однако трудно было горсточке подростков остановить эту грозную силу. Солдаты стремились вверх, не обращая внимание на убитых и раненых.

- Бегите в аул! - крикнул Умар отступившим в окопы подросткам, но те, как ни в чем не бывало, вновь принялись заряжать разряженные ружья. - Уходите! Бегите в лес! - пинком толкнул он ближайшего.

Видя, что Умар рассердился не на шутку, мальчики ползком отошли назад и, шлепая по грязи босыми ногами, скрылись. Солдаты были совсем рядом. Умар хорошо видел их мокрые от дождя, заляпанные грязью суровые лица.

- Умар, спасайтесь! - слышал он издали голос Акты.

Умар побежал по траншее. Недалеко он наткнулся на мертвую Дети, мать Марвана. Она лежала, крепко сжимая в руке ружье. С самого начала боя она сидела здесь и стреляла в наступающих. Умару хотелось расправить ее руки и ноги, но надо было спасать свою жизнь.

Солдаты с ружьями, а казаки и горцы с обнаженными клинками лезли к завалу, как муравьи. Когда упало несколько защитников, Акта, посчитав сопротивление бесполезным, решил отступить.

- Берите раненых и отходите! - крикнул он. - Янарка! Подпали завал! Быстрей!

Янарка вылил заранее приготовленный керосин из всех шести кудалов на дрова, сложенные за передней бревенчатой частью вала и ткнул в нескольких местах зажженный факел. Дрова, хоть и подмоченные сверху дождем, были сухие и сразу загорелись, как порох. Акта, Янарка и Юсуп, оставшиеся сдерживать врага, пока отступят остальные, проскочили огонь, подпалив себе усы и бороды, перебрались через высокую изгородь и скрылись в густом саду.

Ворвавшиеся первыми пять рот таманцев и куринцев очистили аул. Пули и штыки повергли наземь людей, не успевших убежать из аула. Когда после боя Абросимов вошел в аул, перед ним предстала страшная картина. Разрушенные пушечными ядрами дороги, дома, искромсанные деревья, которые лишь недавно отцвели и теперь покрылись маленькими плодами. Всюду валяются трупы мужчин и подростков с распростертыми руками и ногами, навзничь и на спине скорчившиеся. Одновременно загорелись уцелевшие дома и оставшиеся с зимы стога сена.

На изгибе улицы, где взорвалась граната, у воронки, распластавшись, лежали

трупы подростка и старика со страшным взглядом. В руках у мальчика был тонкий гладкий кизиловый посох, а старик прижимал к груди дечиг-пондар. С первого взгляда понял Абросимов, что старик - слепой сказитель, а мальчик - его поводырь.

Вот тут оборвалась борьба юного Марвана и слепого Хамзата за свободу. Когда аул загорелся, весь отряд выступил обратно в штаб-квартиру...

Командующий остался недоволен результатом операции. Вечером в Кешень-Аухе он собрал командиров всех отрядов и, начиная с Батьянова, выразил им свое недовольство.

- Я не пойму ваших действий, Михаил Иванович, - гневно отчитывал он Батьянова. - Всего два-три дня назад вы уверяли меня, что в Салатавии все спокойно. Неужели вы так слепы, что не видите, что творится у вас под носом? Чем занимаются ваши лазутчики? Мы бросаем в воду деньги, которые тратим на них. Почему вы вернулись с полпути к Дилиму?

Батьянов терпеливо слушал, наморщив лоб и уставившись в стол. Вчерашняя его экспедиция в Салатавию закончилась безуспешно. Правда, после третьего штурма горы Турган-Гап, ему удалось вытеснить засевшего там Алибека. Но что пользы с этого, если он потерял человек двадцать убитыми, и многие солдаты получили ранения. К тому же, когда он отходил в Акташ-Аух, не решившись двигаться вперед, на протяжении всего пути Алибек ни на минуту не давал ему покоя беспрерывным обстрелом и преследованием. Хоть Батьянов и утверждал, что одержал победу, на самом деле это было настоящее поражение.

- С моими малыми силами продвижение вперед было опасно, - попытался он оправдаться. - Мятежники хорошо осведомлены о каждом нашем шаге. Они устраивают засады на дорогах и лесах, обстреливая отряды в упор, наносят нам большой урон...

- А вы как думали? Мы вышли на прогулку в лоно природы? - затем он повернулся к Самойлову. - А вы что скажете, полковник?

Самойлов поднялся неуклюже.

- Ваше превосходительство, я недоволен нашей тактикой, - сказал он, не торопясь. - Мы напрасно сожгли Симсир и Байтарки. Наша жестокость настроит против нас и жителей других аулов. Между ними имеются родственные связи. Ведь из двух этих аулов к мятежникам не примкнула и четвертая часть населения.

А мы устраиваем расправу над невинными стариками, женщинами и детьми. Среди солдат растет недовольство. Они не хотят воевать с женщинами и детьми...

Командующий остановил Самойлова.

- Мне кажется, полковник, что ваши взгляды с солдатами точно совпадают, - шутя упрекнул его Свистунов. - Обстановка в области, вверенной мне его величеством императором, поставила под угрозу Закавказский фронт. Если бы не наш консерватизм, господа, проявленный вами в первые дни, эта зараза не распространилась бы на Дагестан. А куда она оттуда может еще докатиться, знает только Бог. Солдат, сочувствующих мятежникам, подвергайте самому суровому наказанию. Вплоть до расстрела. Это военное время, господа.

На второй день утром Свистунов вместе с Батьяновым и Самойловым поехал в Хасав-юрт. Одновременно туда прибыл и начальник Дагестанской области генерал-адъютант Леван Иванович Меликов.

После обсуждения обстановки в обеих областях, они пришли к единому решению: на следующий же день направить в Салатавию одновременно четыре отряда и внезапным ударом покончить с ней.

Было решено, что с этим последним ударом завершается подавление восстания в

Ичкерии и Салатавии. Теперь следовало обсудить меры наказания провинившихся жителей. Вот здесь между начальниками двух областей возникли разногласия. Меликов заявил о своем решении до единого человека выслать в восточные и северные губернии России всех жителей дагестанских аулов, участвовавших в восстании. Он требовал такое же наказание и в Терской области.

- Это невозможно, Леван Иванович, - возразил Свистунов. - Абсолютно невозможно. Если чеченцы догадаются о том, что мы собираемся их выселить, они до последнего человека уйдут в леса. А потом, чтобы вывести их оттуда, мне потребуется самое меньшее два года времени и сто тысяч солдат.

Меликов недовольно наморщил лоб.

- Не знаю, Александр Павлович, - сказал он глухо. - Поступайте, как вам угодно с другими аулами вашей области, но наказание трех дагестанских аулов - Дилима, Алмака и Миатли вы должны предоставить мне. Я не могу, проявив к ним жалость, допустить распространение этой заразы по всему Дагестану.

- Что вы говорите, Леван Иванович, - покачал головой Свистунов. - Так нельзя. Мы живем в одном государстве и под одними законами. И наказание должно быть одинаковым для тех и других.

Когда дело дошло до спора, они вызвали полковников Самойлова и Перлика, чтобы посоветоваться с ними. Самойлов решительно высказался против выселения салатавских трех аулов.

- Разумеется, непосредственным участникам восстания не избежать наказания. Но я решительно против изгнания из родины их старых родителей, женщин и детей! Выселение их на холодный север или жаркие степи востока - это равносильно тому, что мы будем сжигать их на медленном костре. Через год ни один человек из них не останется в живых.

- А если переселение их вызвано государственными интересами? - спросил Меликов.

- По-моему, ваше превосходительство, государство нисколько не пострадает, если мы их не выселим. Но, если мы их выселим - проиграет во многом. Жестокость властей наносит удар авторитету любого государства.

Перлик заступился за Меликова.

- Извините, господин полковник, мне кажется, что вы очень поверхностно смотрите на создавшееся положение, - сказал он, высокомерно взглянув на Самойлова. - Если жалость к мятежникам идет в ущерб государственным интересам, мы обязаны сдерживать наши гуманные порывы. Изгнанием из края всех мятежных аулов, до единой души, раз и навсегда мы с корнями вырываем здесь преступную заразу.

Самойлов с беспредельной ненавистью и презрением посмотрел на Перлика. Он хотел многое сказать ему, но не мог высказаться.

Наконец, после долгих споров, пришли к тому, чтобы самых активных участников восстания вместе с их семьями выселить в центральные губернии, а остальных расселить по равнинным чеченским аулам.

На второй день одновременно с четырех сторон началось наступление на Салатавию.

Отряд Батьянова двинулся вверх по заранее разработанному маршруту - по левому берегу Саласу в Буртунай. Во главе колонны на сером коне ехал командующий с подвешенной через плечо драгоценной саблей. Под его тяжелым телом беспокойно рвался вперед упитанный конь. Он ехал, весь погруженный в размышления, то и дело одергивая коня, а чуть позади него скакали командир отряда Батьянов,

начальник Хасавюртовского округа подполковник Шетихин и пристав Салатавского участка Шейх-Магома Дацаев.

Когда отряд приблизился к Акташ-Ауху и впереди показалась большая толпа горцев, квадратный подбородок Шейх-Магомы начал дрожать, как в лихорадке. Передние высоко над головами несли три знамени.

- Что это за люди, Шейх-Магома? - услышал он, как сквозь сон, суровый голос Батьянова.

Собрав все свое мужество, Шейх-Магома огрел коня плетью и припустил вперед. Отряд, остановившийся по приказанию командующего, построился в боевом порядке. Вперед выкатили четыре пушки, поставили их на желтом песчаном холме и быстро зарядили картечью. Растянувшись в каре, приготовилась ринуться вперед казачья сотня. Но Шейх-Магома в несколько минут переговорил с толпой и прискакал обратно.

- Ваше превосходительство, ваше превосходительство! - кричал он еще издали. - Салатавцы пришли засвидетельствовать свою покорность!

- Что он говорит? - обернулся Свистунов к Батьянову, не разобрав слов Шейх-Магомы, который и без того говорил с безобразным акцентом, а тут буквально кричал от избытка радости.

Батьянов хорошо понял Шейх-Магому, но уши его не верили, что дело приняло такой неожиданный оборот.

- Говорит, что салатавцы идут засвидетельствовать покорность.

- Это правда? - спросил он подъехавшего пристава, который дышал учащенно.

- Правда, ваше превосходительство! - раздувал ноздри

Шейх-Магома, как свой разгоряченный конь. - Говорят, что были глупцами, раскаялись в том, что делали, и идут просить милости у вашего превосходительства!

- Испугались или раскаялись?

- С высоты своих гор они увидели горящие Симсир и Байтарки, ваше превос...

Александр Павлович гордо вскинул голову и провел рукой по пышным усам.

- Я же говорил вам, Михаил Иванович, что только зуботычка может усмирить этих дикарей.

Подошедшие в это время к отряду салатавцы сняли шапки и упали перед командующим на колени.

- Ну, что вы скажете? - уставился командующий на толпу, наморщив лоб и насупив брови.

Одетые в рваные шубы и бешметы, в мохнатых папахах, обутые в иссохшие поршни и ветхие тапочки, даже без кинжалов на поясах, эти триста с лишним человек молчали, склонив головы и опустив глаза.

- Отвечайте, зачем вы пришли? - прикрикнул на них Свистунов. Стоящий на коленях в переднем ряду с зеленым знаменем в руках, огромный, рыжий, с пышно заросшей грудью, начинающий седеть аварец посмотрел снизу вверх на Дацаева.

- Шейх-Магома, скажи нашему сардару...,- заговорил он. - Мы обманулись, раскаиваемся в содеянном. Нас толкнуло на этот шаг наше безвыходное положение. Но что было, то прошло. Мы просим у сардара пощады...

- Вы были с мятежниками? - спросил Свистунов.

- Н-нет... не все были.

- Где виновные?

- Они остались дома, сардар...

- А эти тряпки зачем вы принесли? - указал Свистунов на знамена.

- В знак нашей покорности, чтобы вручить вам...

Губы Александра Павловича скривились в улыбке.

- Кому нужны эти ваши грязные лоскутья? О прощении поговорим позже. Вставайте! Под конвоем отведите их в крепость Буртунай. Если завтра к этому времени не придут виновные, сожгите их аулы. Пусть всякого, кто попытается бежать, расстреливают тут же. Прапорщик Дацаев, вы отвечаете мне за каждую их голову.

Неделю продолжались в Салатавии репрессии. В первый же день в крепость Буртунай добровольно пришли двести человек. Алмакинцы, вместе с семьями скрывавшиеся в лесу, после двухдневного сопротивления, на третий день покорно явились в крепость. Двести человек, самых активных участников восстания, со связанными за спинами руками, под конвоем отправили в Порт-Петровск, чтобы оттуда переправить на корабле вверх по Волге в северные губернии.

Затем отрядам Батьянова и Тер-Асатурова поручили переселить жителей Алмак, Дилим, Миатли и Буртанай на равнину, а сами аулы уничтожить.

Всю неделю в Салатавии был слышен плач женщин и детей. Они голосили вслед за выносимые со дворов тела погибших и арестованных солдатами мужчин, уводимых неизвестно куда. Вслед за этой трагедией началось переселение. Женщины как могли сопротивлялись солдатам, не желая расставаться со своими родными гнездами, аулами и родиной. Сбрасывая с голов большие платки, распустив черные и седые волосы, они упирались в двери домов, цеплялись за калитки и плетенные из хвороста ограды, но солдаты и милиционеры безжалостно хватали их, тащили, волокли, толкали, выбрасывали на улицы. Однако до слуха Александра Павловича не доходили и их душераздирающие крики, вопли и плач, проклятия. Уверившись в том, что переселение началось успешно, вместе с Батьяновым он спокойно отбыл в Хасав-юрт.

Не прошло и часа после приезда Свистунова в Хасав-юрт, как туда прибыл полковник Витгенштейн, специально посланный главнокомандующим Закавказского фронта. В доставленном им письме говорилось, что на днях в Сухуми высадится возглавляемое сыном Шамиля Гази-Магомой войско горцев, переселившихся в Турцию. По сведениям, поступившим в Главный штаб, Гази-Магома планирует пройти через Сванетию и Кабарду и, подняв там восстания, явиться в Чечню. Главнокомандующий сообщал, что если до этого не будет полностью подавлено восстание, обстановка на Тереке и в Дагестане крайне осложнится для фронта. Вдобавок к тому он просил создать полк из состоятельных людей Кабарды и отправить его на фронт.

Потом пришло сообщение от Меликова, что дагестанские аулы по южной границе с Чечней восстали, и что он отзывает все дагестанские отряды из Ичкерии и Аргунского округа. Теперь поимки Алибека должны были осуществить одни Ичкерийские отряды.

В ночь после поражения в Салатавии из Алмака вниз по тропе, извивающейся по горным отрогам, ведя коней на поводу, спускались человек двести.

Слабые огоньки из долины и с противоположного горного склона притягивали некоторых из них, как магнит. Каждый из них тихо думает об оставленной дома

семье. Но неизвестно, дома ли они или прячутся в отдаленных аулах у родственников, друзей. Не знают они, когда доведется ласкать жен и детей, радовать взор старых родителей. Не знают, доведется ли им увидеть их вообще. Завтра могут оборваться их дороги, которые они, как и сегодня, будут измерять, прячась под покровом ночи. Конец этим дорогам может положить смерть в бою или виселица. Особенно тяжело на душе у идущих с ними более ста аварцев. Власти выселят семьи большинства из них. Если и не отправят в Сибирь, то уж, наверняка, рассеют по равнинным аулам. И без того бедные, изможденные женщины и дети будут скитаться, не имея своего крова. Чеченцы, конечно, будут им помогать, но как жить им на одних подаяниях?

Зная все это, салатавцы все же идут за Алибеком, чтобы сдержать данное ему слово свое. Отомстить за жестокость, учиненную генералом Свистуновым над их аулами. Бороться за свободу до последнего вздоха.

Далеко внизу слышно, как льется с каменных глыб исток Ярыксу. Стоит чуть споткнуться - и коня, и всадника можно считать пропавшими. Внизу чернеет глубокая пропасть с торчащими в стене каменными зубцами. Чувствуя это, кони ступают осторожно. Когда спуск становится резким, они приседают на задние ноги. Изредка скользящие подкованные копыта высекают искры на камнях. Пониже начинается опушка, а еще дальше под ногами чувствуется земля. Все немного успокоились. Люди подтягивают подпруги, садятся на коней и въезжают в Симсир.

Алибек, натянув повод, останавливает коня.

- Мы с Алимханом повидаем мать и догоним вас, - сказал он чуть слышно догнавшему его Солтамураду. - Вы остановитесь под Даттыхом, на Хамзы-Ирзе, и дайте отдохнуть лошадям.

Над Симсиром все еще держится горьковатый запах гари. По обе стороны дороги поваленные изгороди, искалеченные пушечными ядрами фруктовые деревья. Дома Алибека и Алимхана с пустыми оконными проемами и закопченными дымом стенами похожи на иссохший череп. Во дворе ни души. Когда они, спешившись, направились во двор, навстречу им с яростным лаем бросились две лохматые серые овчарки. Но еще издали узнав их, прижали уши, и, скуля, припав к земле, приблизились к ним ползком.

Услышав лай собак, с ружьем в руках к ним подошел сосед.

- Это вы, Алибек-хаджи? - растерянно проговорил он, узнав их.

- Людей много погибло?

- Много. Шесть мужчин, четыре женщины и трое детей. Слепого Хамзата тоже убили. Бедняга, он со своим дечиг-пондаром бывал все время там, где жарче всего кипел бой.

Братья боялись спросить об остальных убитых. Боялись услышать имена своих.

- А где наши? - спросил наконец Алимхан, мотнув головой во двор.

- Сегодня ваши семьи увезли в Ножай-юрт. Юртда Умалхат приехал с несколькими солдатами.

На некоторое время все умолкли. Алибек тихонько отпихнул ластившуюся к нему и лизавшую ему обувь собаку.

- Некоторые наиболее ценные вещи мы успели спасти, - как-то виновато сказал сосед. - Скотина ваша в лесу.

Они простились с соседом, быстро выехали из аула и поскакали за товарищами.

ГЛАВА XVII

НЕВАЖНЫЕ ДЕЛА

Зачем вам сказывать, друзья,

Что было как потом со мною:

Скажу вам только то, что я

Везде с обманутой душое

Бродил один, как сирота...

М.Ю. Лермонтов. Корсар

Сообщение о том, что шалинцы дали отпор Алибеку, и он отступил в Ичкерию, принесло большую радость мещанам города. Тихие по ночам в первую неделю улицы проснулись. Допоздна слышались песни, звуки гармони, смех.

Отец Викентий организовал специальную молитву в городской церкви, воздавая хвалу Богу за спасение их от опасности.

Работы по укреплению города пока прекратили.

Если бы не войсковые части, стягиваемые в Чечню из других уголков области, которые проходили через город, ничто не напоминало здесь о восстании в горах.

Напрасно потеряли здесь время Васал и Овхад, посланные Алибеком за поддержкой горожан.

Кто хочет услышать самые свежие новости, тому надо пойти на базар. Васалу было и легче, и веселее начать свое дело с базара, но сразу по прибытии в город он услышал, что в воскресенье местный священник прочтет в церкви интересную проповедь.

Отложив посещение базара, Васал пошел в церковь.

Как ни был он тщательно одет под русского мужика, манеры его не походили на городского жителя. Тридцать лет, которые он провел оторванным от своего народа, постепенно в корне изменили его характер, манеры, даже внешность. Но у терских казаков тоже было много общих черт с чеченцами. У первых поселенцев не только характеры и обычаи, но и облик стал похож на чеченский. Поэтому никто не обратил на него внимания, когда он зашел в церковь.

Люди переполнили церковь. Переднюю половину заняли городские власти, офицеры и богатое купечество. За ними была средняя прослойка горожан, потом мелкие служащие и мещане. Последнюю часть, у двери, битком забили мелкие собственники, рабочие и ремесленники, да так, что шапке негде было упасть.

Васал внимательно смотрел на позолоченные лики святых и апостолов, картины на сюжеты Библии на потолке и стенах. Несколько сотен светильников и свеч на потолках и стенах ярко осветили церковь. Очень давно не видел Васал такое. Церковь в деревне, где он родился, в сравнении с этой была очень бедной.

Когда он увидел сегодня эту церковь, разодетого в сверкающую сутану священника, где-то далеко в глубине его сердца на короткое время проснулись годы далекого детства и юности. Нет, это не Бог вошел в его сердце, а связанные с этой картиной родина, детство, родители. Но вскоре он вернулся к действительности, когда священник с бычьей шеей и широкой грудью начал свою проповедь. Что говорит этот священник своим мягким, елейным голосом? Это не те

наставления, которые священники делали когда-то Васалу, его отцу и их предкам. Они наставляли их быть преданными Богу, церкви, помещикам и власти, чтобы, вручив себя Богу, человек терпел невзгоды и страдания земного бытия. А этот поет совсем другую песню. Ну да, чеченцы - дикари, враги христианской религии и русских. Они спускаются с гор, подобно саранче, чтобы убивать всех русских, не щадя ни женщин, ни детей, ни старых, ни молодых...

Придя в себя, Васал удивленно огляделся. Легкий ветерок шевелил язычки пламени на кончиках свеч. В наступившей тишине слышалось учащенное дыхание испуганных, возмущенных, охваченных религиозным экстазом людей. Многие крестились. Иные женщины кокетливо всхлипывали, вытирая платочками глаза.

Неужели эти люди верят словам священника? Или им совсем безразлична судьба отчаявшихся и поднявшихся за свою свободу чеченцев?

Когда закончились проповедь и молитва, Васал поспешил выйти из этой отравленной ложью духоты. Вышедший люд не торопился расходиться. Помахивая платочками, шляпами, картузами, они останавливались обсудить проповедь. Какой-то круглый господин маленького роста, похожий на резиновый мяч, превзошел даже священника.

- Слишком гуманное у нас правительство, - визгливо тараторил он, часто придерживая монокль на правом глазу. - Давно, еще в войну, надо было покончить с ними. Не заперли в горы так, чтобы ни один не посмел показываться на равнине! Было бы еще лучше, если отправили их к своим братьям-басурманам туркам. Но и сейчас не поздно. Господа, нам надо заявить об этом правительству. Два врага в одном доме не уживутся. Или мы, или они - кто-то должен покинуть этот край!

- А как вы считаете, господин? - придвинулся к группе Васал.

- Кто тогда должен уйти отсюда?

У изумленного господина закрученные вверх усы почти прилипли к носу.

- Что это за вопрос? Эти дикари, конечно! Разве для того строили город, крепости, станицы, чтобы потом уйти? Нет, незнакомый господин, уж мы не уйдем отсюда!

- А откуда вы сами приехали сюда? - спросил остановившийся тут ремесленник.

- Из Курской губернии. А зачем вы спрашиваете?

- А вы, господа? - обратился он к остальным.

- С разных мест. С Волги, Ростова, Рязани...

- Между чеченцами и русскими бедняками нет не только вражды, но и никакой неприязни. Мы с ними пара волов, запряженные в один плуг. Если вы не хотите жить вместе с нами и чеченцами, берите свои шмотки и катитесь туда, откуда прибыли. Ни мы, ни они вас сюда не звали.

Постепенно группа обросла любопытной толпой.

- Кто этот шумливый? - спросил Васал у стоящего рядом высокого, худощавого человека с мозолистыми руками.

Тот обернулся и смерил Васала испытывающим взглядом с головы до ног.

- Этот с кошачьими усами? - мотнул он головой в сторону кругленького господина. - Это только что вылупившийся из яйца купец. И помню, как он приехал сюда. С повидавшим виды, потрепанным чемоданом на спине. В этом чемодане уместился весь его товар. Он покупал здесь товар и продавал в чеченских аулах по удесятеренной цене. И вот теперь стал купцом.

- Не один он пошел по этому пути, - сказал, выслушав его, другой. - А остальные? А все военные и гражданские чины? Офицеры, которых в России не ставят и исправниками, здесь становятся генералами, в худшем случае полковниками, начальниками округов. Те, кому в России не доверяют даже должность волостного писаря, здесь становятся крупными чиновниками.

Пока эти трое разговаривали, спор других уже перешел в ссору.

То и дело слышались бранные слова.

- Смотрите-ка, за чеченцев заступается!

- Они же вши с одной шубы!

- Я не побоюсь поклясться, что они обрадовались бы приходу чеченцев!

- Да не только, а перешли бы на их сторону!

Разговаривавший с Васалом растолкал локтями людей, пробрался к купцу.

- Что плохое тебе сделали эти чеченцы?

- А что они могут сделать мне? Руки у них коротки!

- А вы слышали когда-нибудь, что здесь они напали на русские поселения, убивали людей? - крикнул другой.

- Да перерезали бы нас всех, но, к счастью, они бессильны!

- Поистине великодушный народ эти чеченцы. Ведь они терпят здесь таких, как вы!

- А разве ты свой живот не за счет их распустил?

Васал нашел именно то место, которое искал. Он решил использовать ситуацию. Но его опередил другой мужчина, который вышел из толпы и поднялся на чугунную скамейку у невысокого каменного ограждения.

- Люди, послушайте! - крикнул он, подняв руку. - Слушайте, люди добрые! То, что говорил в церкви священник и что сейчас говорят эти жирные господа, - все вранье. Они стараются сберечь свою власть и свои богатства, стравливая нас с чеченцами. Чеченцы, которых он обливает грязью, такие же, как и мы, люди, добродушные, чистые и благородные. В России и я, и мои предки были помещичьими холопами. Без земли, без кусочка хлеба, бесправными. А потом меня "освободили", дали свободу, но я не вырвался из рук помещика. Остался с семьей без крова и опять без клочка земли и куска хлеба. Когда судьба забросила нас, голодных, нищих сюда на Терек, нас приютили чеченцы...

Сами они были бедны, голодны и угнетены, но все же приютили нас. И не оттолкнули за то, что мы христиане. Позаботились о нас, как никто. У них я встал на ноги и теперь живу с семьей, перебравшись сюда. Люди, подобные тем, которые сейчас тут болтали, поносят чеченцев за то, что они борются за свободу, за справедливость. Смотрите, не поддавайтесь! Эти чеченцы восстали не против нас, а против тех, кто мучает их и нас, кто пьет и нашу, и их кровь.

Виновник этих раздоров, толстый купец, двинулся вперед, подняв тонкую трость с белой костяной ручкой.

- Держите его! Держите чеченского лазутчика!

- Бейте его!

В оратора из толпы метнули несколько камней. Один угодил ему в плечо, и он, прикрыв лицо руками, сошел со скамейки и скрылся в толпе.

Тогда в толпе началась настоящая потасовка.

- Братцы, бейте господ!

- Гоните их!

- Хотят рты нам зашить!

В несколько минут люди кулаками и пинками прогнали кругленького господина и его сторонников. Один из них побежал призвать власти на помощь.

Васал занял место оратора. Он выждал, пока толпа успокоится, и поднял обе руки.

- Братья! Мужик, который говорил до меня, сказал правду. Моя судьба тоже похожа на его судьбу. Как его или как всех вас, меня тоже угнетал барин. В безысходном положении живут чеченцы. Лишенные всех плодородных земель, в каменистых горах, сырых лесах, влачат они голодную, жалкую нищенскую жизнь. Кому переданы земли, отнятые у них? Уж конечно, не нам и не солдатам. А раздали чеченским и русским генералам, офицерам и казачьим богатеям, обагрившим свои руки их же кровью. Вам говорят, что чеченцы восстали на помощь туркам, против русских. Не верьте этой лжи, братья. Они восстали потому, что не в силах были дальше терпеть эту несправедливость царских властей, голод, нужду и жестокость!

Все плотнее собирающийся люд молча слушал Васала. Окинув толпу глазами сверху вниз, он не увидел среди них никого из богачей и их приспешников. Никогда до этого не произносивший такую речь, Васал весь вспотел.

- В городе слышны сплетни, будто чеченцы будут резать русское население. Это ложь! Чеченцы и в войну не совершали нападения ни на одну вашу станицу. Они не воюют с женщинами, детьми и стариками, как наши генералы. Если вы с оружием в руках пойдете драться с ними в их аулы, они будут драться с вами, но мирному русскому, как и прежде, не грозит опасность с их стороны. Но они не будут щадить своих и наших кровопийц: Беликовых, Чермоевых, Эристовых и таких же толстопузых купцов, как тот, который здесь сейчас распускал ложь. Восставшие чеченцы ищут справедливость. Они хотят вернуть свои земли, которые власти отняли у них и раздали генералам, офицерам и прочим холуям. Они требуют, чтобы с ними обращались, как с людьми. Разве не того же добивались и наши отцы, мужики, на протяжение веков? Разве не имеют на это право чеченцы?

- Имеют?

- Да поможет им Бог!

Однако Васал знал, что его слушатели думают неоднозначно. Как бы власти не угнетали колонистов, как бы они не были недовольны властями, когда между властями и туземцами возникал конфликт, русское население края слепо поддерживало сторону властей. Какой бы деспотической она ни была, для него эта власть была своя, русская, родная, национальная. Она, эта власть, охраняла его в этом крае от туземцев. Когда между туземцами и русскими возникал конфликт на дорогах, базарах, улицах, где бы ни было, правы они или нет, власти поддерживали "своих", русских. Кроме того, что бы ни говорил Васал, эти русские боялись, что в случае победы чеченцев их изгонят из Чечни. Куда они тогда пойдут? Обратно в Россию? Там их никто не ждет. Там у них нет ни дома, ни земли, ни работы. Им придется там опять надеть на шею ярмо помещика и капиталиста, влачить жалкую, нищенскую жизнь. А здесь они могут хоть куском хлеба обеспечить своих детей.

Правительство всячески старается убедить русский народ в том, что захватнические войны и захват чужих земель оно совершает в интересах русского народа, чтобы расширить русскую страну, укрепить мощь и могущество русского государства, обогатить русский народ. В этих целях на земли соседних народов сперва посылают священников, затем войско и наконец русских колонистов, чтобы

"освоить" "свободные земли", разумеется, отобранные силой у аборигенов. Там колонисты становятся опорой российского государства.

От этих захватов чужих земель выигрывает не русский народ. В захватнических войнах погибают переодетые в солдатские шинели миллионы русских крестьян, а пролитая ими кровь золотым потоком льется в карманы царя, помещиков, капиталистов и прочих членов господствующей разбойничьей шайки. Это тоже знают колонисты. Тем не менее, и колонистам перепадает кое-что из объедков со стола этой шайки. В Российской губернии русский мужик беден, голоден, нищий, безземельный , бесправный. В колониях ему дают земли, работу, чтобы он остался верноподданным царю и отечеству, российскому правительству и государству, чтоб он был им верной, надежной опорой в управлении краем, туземцами. Русский мужик, который в российской губернии находится на дне, на самой нижней ступеньке общественных, классовых сословий, здесь поднимается с колен и поднимается на одну ступеньку выше над местным туземным населением. Ему в печати, церкви, исправник, полицейский, чиновник ежедневно вталкивают, что здесь он во всех отношениях выше любого, даже богатого, просвещенного туземца, что он представитель высшей расы, цивилизованного народа, что здесь он - опора русского государства, что он должен верой и правдой служить царю и отечеству, иначе его лишат земли, общественного положения, снова опустят на дно жизни.

Среди слушателей Васала есть и такие, которые впитали в мозг эти наставления.

- Братья! Прогнанные вами отсюда пузатые господа кричали, требовали убрать чеченцев с этого края. Нет ничего удивительного в том, что богачи говорят так. Ибо у них нет ни стыда, ни совести, ни Бога! Но меня удивило то, что некоторые наши братья-бедняки поддакивали и подпевали им, а остальные молча слушали. Разве вы забыли, что эта земля принадлежит чеченцам, она дана им Богом, как русским - российская земля. Вы приехали из России, кто добровольно, кого насильно привезли, и вы находитесь на чеченской земле. Правильно сказал вон тот добрый мужик: кто не хочет мирно жить в соседстве с чеченцами, пусть уезжает в Россию! Чтобы там волочить нищенскую, рабскую жизнь...

- Братцы! Не слушайте сплетен! Поднимайтесь в поддержку чеченцев, которые борются за свободу и равенство! Бейте господ, наших кровопийц!

Призывы Васала прервали скакавшие по улице прямо к площади казаки, направленные сюда городскими властями. Люди, которые до сих пор никогда не имели стычек с солдатами и казаками, смотрели на них спокойно. Кроме того, они не впервые за этот месяц видели на улицах города казаков. Но всадники сходу ворвались в толпу и принялись избивать плетьми людей направо и налево.

В несколько минут площадь опустела. А Васал, перепрыгнув через ограду, бросился через чужие дворы и скрылся из виду.

Солнце жгло приютившееся у подножья горы поле Мачига, пока, поднявшись из-за Аккинского хребта, оно не скрылось за Качкалинским хребтом. Мачиг отбросил в сторону грубую черкеску и, то и дело останавливаясь, чтобы подтянуть штаны, косил траву по обочинам поля. Острые лопатки на его тощей, вспотевшей спине двигались равномерно в такт размахам косы. Пот сверкал и на голове его, до блеска побритой. Он стекал мутными струями, обжигая глаза, по обеим сторонам носа и по усам попадал в рот, усиливая жажду. Мачиг косил терпеливо, стараясь до обеда закончить охваченную полосу. Но изредка встречающиеся поросли кустарника и густо разросшаяся бузина затрудняли работу.

Иногда у Мачига появлялась мысль бросить косу в чащу и отправиться домой. Но и без того маленькая полоска луга не стоила того, чтобы потом к ней вновь возвращаться. Здоровый мужчина, играючи скосил бы ее минут за десять. Но для худых, тонких рук Мачига эта полоска превратилась в большое поле.

Он глянул на солнце, припекавшее ему голову. Наступало время полуденного намаза. Мачиг провел рукой по слипшимся волосикам усов и все отчаяннее стал

размахивать косой.

На противоположном склоне мужчины и женщины складывали сено в копны, грузили на подводы. С той минуты, как пришел сюда Мачиг, они ни на миг не останавливались на передышку. Эти люди пришли на белхи к Хорте. По-правде говоря, тот привел их насильно. Вернувшись в аул после поражения Алибека-хаджи, Хорта отвел душу на аульчанах. Первый пришедший сюда отряд сжег дома Акты, Янарки, Лорсы, Арса-мирзы и Баштига. Близкие родственники их спаслись от ареста, заранее сбежав в лес. Однако семьям остальных гатиюртовцев, присоединившихся к повстанцам, не удалось избежать кары. Из семей наиболее активных повстанцев увели в аманаты десять юношей. Хорта решил использовать тяжелое положение, в котором оказались аульчане. Угрожая расправиться с ними с помощью властей, он ежедневно эксплуатировал их в своем хозяйстве, на своих полях. Вот эти самые бедняки сегодня под зноем солнца убирали сено Хорты.

Мысли Мачига постепенно обратились к Кори. Двенадцать лет ждал он сына, не зная, жив ли он. Отчаявшемуся, ему оставалось только умереть. Лишь огромная любовь к единственному чаду заставляла старого Мачига цепляться за жизнь. Боялся, что умрет, не увидев Кори, даже когда разбаливалась голова. Мечтал о его возвращении на родину. Мечтал женить его и ласкать внуков. И после этого он мог спокойно принять смерть.

Настал, наконец, долгожданный день. Однажды ночью, вместе с Кайсаром, в дверь бедной лачуги вошел весь обросший, бедно одетый молодой человек. Когда он припал к нему, крепко сжал его в объятиях, Мачиг сначала удивился, потом опешил. Он, правда, подумал, не сын ли это его долгожданный. Но не решался поверить в это, пока не почувствовал его горячие слезы. Ведь не было на свете больше человека, который так душевно мог обнять Мачига. Забыв о стоящем рядом Кайсаре, он стискивал сына в объятиях тощими руками. Гладил его руками по спине и лицу. Глубоко сидящие его полуслепые глаза заглядывали в глаза сына, ища в них когда-то очень давно засевшие ему в душу дорогие черты. Сколько ни крепился он, у него не хватало сил сдержать рвущийся из души крик. На худой шее вверх-вниз задвигался неукротимый кадык. Подбородок и губы у Мачига тряслись, с носа свесилась светлая капелька. Наконец, он зарыдал, уткнувшись седой головой в крепкую, сильную грудь сына.

Зарыдал от души. Он первый раз заплакал двенадцать лет назад в Турции, в ту страшную ночь, когда сидел возле тела мертвой дочери. С тех пор Мачиг плакал часто. Всякий раз, как только вспоминалась та ночь, за которой следовали еще многие долгие безотрадные ночи. Его постоянно преследовало раскаяние, что он с семьей ушел тогда в чужую страну. Что был там не в силах отвратить голодную смерть от близких ему людей. Он же их туда повел, несмотря на протесты жены и детей.

Мачиг думал, размахивая косой. Вспомнил трудный путь, проделанный ими из Турции. Как днем прятались в горах и лесах, а ночами до рассвета шли, шли...

А как встретили Мачига на родине? Его схватили, хотели отправить обратно в Турцию. В этот ад. Но получилось так, что сослали в Сибирь, откуда он возвратился через три года, чтобы жить сиротой в родном краю. На старости лет...

Теперь Кори дома. На родине. Но мечта Мачига не сбылась. О женитьбе его приходится только мечтать. Со дня начала восстания он видел его всего дважды. И теперь, когда мимо его дома проезжает всадник или кто-то кликнет его из дому, душа уходит в пятки. Неужели несут весть о смерти сына или поимке?

Под косой Мачига раздался писк. Когда он кончиком косы раздвинул траву, там оказались воробьиные птенцы. Одного, оказалось, он разрезал пополам, а другому поранил голову. Недалеко на кусте неистовствовала их мать. Опустившись на колени, он положил на ладонь и стал рассматривать двух еще тепленьких, неоперившихся, окровавленных птенцов. Их писк и крики матери напомнили ему разрушенные у него и у других людей гнезда, мертвые тела, крики женщин. Эту

маленькую семейку посетило то же горе, которое когда-то неразлучно жило с Мачигом и еще тысячами таких, как он.

Мачиг, расстроенный содеянным, сунул косу в густой орешник, накинул на себя черкеску и, взяв пустой кувшин, стал спускаться к Арчхи.

Выбрав безлюдное место, Мачиг бросил черкеску на камень, припал к воде и вдоволь утолил жажду. Потом он сел на валун и стал тереть друг о дружку ноги в холодной, как лед, воде. Светлая вода, бежавшая, захлестывая брызгами камни и извиваясь между ними, взбодрила его и успокоила сердце. Уверенный, что вокруг нет никого, он развязал хунжур, сбросил штаны, встал в омут под огромный камень, облился водой и стал потихоньку погружаться в реку.

Вдоволь побарахтавшись, он вышел из воды, надел свои лохмотья, совершил омовение, отыскал пышную траву, и только стал для намаза лицом к югу, как вдруг услышал с горы голос Расу.

- Ва-а-а, люди! Скорее в аул! Староста Хорта зовет вас! Говорит, полконак едет! Неявившийся будет наказан!

Мачиг, комкая и опуская некоторые слова, кое-как окончил молитву и бросился вверх по тропе. Выйдя на дорогу, он встретил запыхавшегося от быстрого бега Янарсу, тоже спешившего наверх.

- Что случилось? - спросил Мачиг, застегивая черкеску.

- Солдаты в аул идут!

- Зачем они опять?

- Кто знает. Не с добром. Наверное, арестовывать людей.

- Ты куда?

- На Шал-Дук.

Мачиг удивленно посмотрел на него.

- Но ведь говорят, что тот, кто не явится, будет наказан?

- Брось, - махнул рукой Янарса. - Знаем мы их. А ты куда?

- Я в аул.

- От такого гуся все можно ждать. Ты забыл, что наши сыновья с Алибеком? Только появишься - возьмут, скрутят и отправят в Сибирь. Лучше следуй за мной.

- Откуда им знать, что мой там?

- Какой же ты, право, глупец! Разве недостаточно, что Хорта об этом знает? А он до Петербурх уж, наверное, донес.

Мачиг задумался.

- Нет. Янарса, я не пойду с тобой. Что им делать с нами стариками?

- Насильно взять тебя с собой я не могу. Ступай. Но будь я курочкой, если потом ты не будешь каяться!

Янарса махнул на Мачига рукой и зашагал дальше. Чуть отойдя, он оглянулся и крикнул:

- Если увидишь мою старуху или Макку, скажи, что я поднялся на Шал-Дук, пусть идут туда!

Колеблемый думами, Мачиг медленно побрел по дороге в аул. Неужели Хорта донес на его сына? Хорта же и в глаза его не видел. Да и никто не видел их вместе, кроме Кайсара. Мачигу же все равно, что бы с ним самим ни сделали, - пусть не только в Сибирь, в самое пекло отправят, лишь бы Кори жив остался. Только вот неизвестно, что с ним сталось. Говорят, их человек сто засели на Кожелк-Дук, заняв там оборону. Если стянут войска и окружат со всех сторон, им некуда деваться. Мачиг сомневался, что люди могут одолеть власть. Но его не послушались Кори с Кайсаром. И теперь сердце старика постоянно в муках.

Спустившись чуть ниже, он встретил Айзу, Деши и Усмана с узелками в руках. У Усмана в одной руке еще было ружье. С первого взгляда Мачиг понял, куда они идут. Такое случалось не впервые. Стоит появиться в ауле солдатам, как семьи тех, кто ушел с Алибеком, бегут в леса.

- Что же вы, всю жизнь будете бегать?

- Что ж делать. Боимся, вдруг погонят в Сибирь. Или мальчика заберут в аманаты, как забрали других.

До аула Мачигу встретились еще несколько семей. Перекинувшись с ними несколькими фразами, он потом долго смотрел им вслед и, покачав головой, продолжал свой путь.

Полковнику Батьянову Свистунов приказал доставить живым или мертвым Алибека, укрепившегося на Кожалк-Дук между Шуани и Турти-хутором.

В беспрерывном походном марше прошли последние два месяца весны. Покоренный сегодня аул завтра снова переходил на сторону повстанцев. Ни сожжение аулов, ни аресты, ни увод заложников - ничто не действовало. Наоборот, расправы еще больше озлобляли людей.

Подавив в эти дни Салатавию, предав огню зандаковские аулы и отдохнув в Хасав-юрте три-четыре дня, 80-й Кабардинский пехотный полк двинулся вверх по Аксаю. Остановившись в сохранявшем властям постоянную покорность Ишхой-Юрте, Михаил Иванович создал из аульных верхов добровольческий отряд. Во главе его он поставил того самого Баташа, который донес ему о первом тайном сходе повстанцев у Терга-Дук.

Тучный, с тройным подбородком и красным лицом пестроглазый Баташ, подвесив на шею саблю, гарцевал на упитанном мерине. На груди у него над газырями черкески висела медаль, полученная им за донос.

Михаил Иванович подозвал к себе Асхада Хортаева.

- Скачи быстро в Гати-юрт и подготовь мужское население для встречи со мной.

- Слушаюсь, ваше высокоблагородие...

- Да чтоб ни у кого не было оружия! Если кто по любой причине уклонится от встречи, будет строго наказан. Передай им это. Поезжай.

Отдав полковнику честь, неуклюже развернувшись на одной ноге, Асхад подбежал к своему коню, вскочил на него и помчался в Гати-юрт.

Отряд длинной вереницей тронулся в путь по левой стороне Аксая, по узкой дороге через густой лес и через час добрался до Гати-юрта. У подхода в аул стояла толпа полсотни человек. Среди них был хорошо знакомый Батьянову аульный старшина Хорта, Сухощавый хаджи и несколько состоятельных людей.

Подъехав к толпе, полковник громко поздоровался с ними, потом обратился к Асхаду.

- Почему людей так мало пришло встречать меня?

- Сбежали в лес, ваше высокоблагородие...

- Почему?

- Испугались, услышав о войске...

Батьянов оставил растерянного Асхада, повернулся к толпе.

- Говорят, ваши люди сбежали в лес, испугавшись нас. Невиновным нечего бояться войска. Бояться должны преступники, которые пошли против царя и его власти. Но и они будут прощены, если покорятся и сами придут к властям. А вы не бойтесь. Среди бежавших в лес могут быть и ваши родственники. Идите и верните их домой. Если же они вас не послушаются, позже им придется каяться.

Только что подошедший Мачиг, вернее, приведенный рассыльными Асхада, неохотно ступая, подошел к самым высокорослым в толпе и стал за их спинами. Но долговязее Мачига в ауле не было никого, потому его голова выделялась над толпой. Тайком поглядев на полковника и остальных офицеров, он притих, втянув длинную, тонкую морщинистую шею в худые плечи. Ему казалось, что в таких случаях лучше всего не лезть вперед, затаиться.

Долго молол языком полковник, ни одного слова его Мачиг не понял. Потом Асхад перевел его речь. Теперь кто-нибудь должен был произнести ответную речь. Мачиг тайком скользнул взглядом по шеям стоящих впереди. Толстая шея Хорты вся сжалась. Спина Товсолта-хаджи согнулась в дугу. Напуганный чем-то Хорта, часто мигая красными веками, стоял, переминаясь с ноги на ногу. Не решаясь выступить сам, он просительно посмотрел на Товсолту-хаджи.

Выпрямив спину и пропустив через сжатые пальцы редкую рыжую бороду, Товсолта-хаджи слегка откашлялся. Потом приведя несколько слов на арабском языке и переведя их на чеченский, он начал свою речь. Мачиг уловил из его слов лишь то, что царь и его хакимы действуют по воле Бога, люди должны беспрекословно подчиняться даже самым маленьким хакимам. Обо всем этом Мачиг уже не раз слышал от мулл. Он и сам бы смог прочитать такую проповедь.Правда, лет двадцать назад, когда Мачиг был еще молод, муллы говорили совершенно другое. Тогда они говорили, что лишь мусульманские цари и мусульманская власть идут от Бога, что христианину нечего ждать милостей Аллаха ни в этом, ни на том свете. В последнее время произошли непонятные для Мачига изменения. То ли этот христианский падишах и его хакимы стали мусульманами, то ли эти мусульманские муллы обратились в христианскую веру. Короче говоря, они крепко сдружились.

- ...Дорогой наш полконак, не только в этой Нохчмахке, но и во всей Чечне и Ингушетии не найдется людей, более преданных царю и правительству, чем гатиюртовцы, - говорил Товсолта-хаджи. - Не считая нескольких кутов из этого аула, все мы остальные готовы по слову царя и твоему слову броситься в синее пламя. Мы приветствуем, дорогой полконак, тебя и твоих офицеров на нашей земле, в нашем ауле...

Асхад переводил его речь. Но слушающий с нетерпением Батьянов, махнув рукой, остановил разошедшегося Товсолту-хаджи.

- Красиво ты говоришь, хаджи, - ехидно улыбнулся полковник.

- Если бы все было так, как ты говоришь, сегодня нас бы встречало две-три сотни человек. Где же ваши мужчины? Я тебя спрашиваю, старшина?

Хорта посмотрел снизу вверх на Асхада.

- Он спрашивает, почему мало собралось людей и много ли ушло с Алибеком-хаджи? - перевел сын.

Хорта провел языком по обсохшим губам и стал переминаться с одной ноги на

другую.

- Скажи, что ушло всего человек пятьдесят. Некоторые спрятались в лесу. Скажи, что аул проклинает тех, кто ушел с этим безумным Алибеком-хаджи...

Выслушав Асхада, Батьянов обратился к людям.

- Если вы признаете вину своего аула, вы должны искупить ее. Поняли?

Когда перевели слова полковника, люди притихли.

- Почему вы молчите?

Из рядов вышел вперед Ахмед, сын Акбулата.

- Спроси его, куда он собирается нас вести, - сказал он Асхаду.

- Об этом не надо спрашивать полковника. Поведут драться с теми, кто восстал против власти.

Ахмед покачал головой.

- Тогда скажи ему, что мы не пойдем.

Батьянов возмутился.

- Почему вы не пойдете? Вы же только что клятвенно заверили нас в своей преданности властям?

- Мы потому и дома, что верны власти, - спокойнее заговорил Ахмед. - Будь у нас другие мысли, мы бы находились с Алибеком-хаджи. Не заставляйте нас ловить тех, кто пошел против власти, ловите их сами.

Батьянов не стал дальше слушать Ахмеда. Он отдал короткое приказание стоявшему позади него капитану Чекунову. В несколько минут казаки окружили толпу.

- Это несправедливо, полконак! - кричал Ахмед. - Мы же мирные люди. Вы хотите разжечь вражду между нашими аулами и тейпами...

Дальше Мачиг не слышал Ахмеда. Казак с нависшим над глазами длинным густым чубом отбросил его конем в сторону, но Ахмед, ударившись о стоящего сзади Жантемира, кое-как удержался на ногах, чуть не свалившись под копыта крупного гнедого коня. Несколько человек, проклиная казаков, попытались оказать им сопротивление, стягивая их с коней. Собрав все свое мужество

и все силы, Мачиг тоже ударил одного кулаком в живот, но тот плашмя ударил его саблей по голове и перед глазами Мачига поплыли желтые круги. Тут же отбросив весь остаток своей храбрости и мужества, Мачиг длинными шагами, трусцой пошел вперед.

Войдя в аул, он оглянулся. За полковником, среди ишхоевских всадников, он увидел Хорту, Товсолту-хаджи, Бораха и несколько своих богатых аульчан.

Увидев людей, окруженных всадниками, и следующих за ними офицеров и солдат, женщины перепугались, запричитали. Яростно залаяли собаки, клацая клыками в плетеные изгороди. Проходя мимо своего двора, Мачиг увидел свою старуху Айшат, которая стояла у калитки с полными ужаса глазами, держа одной рукой краешек изношенного черного платка у рта.

Он хотел было крикнуть ей, чтоб не тревожилась за него. Однако сдержался, считая это недостойным при людях. На мгновение глаза Мачига повлажнели от жалости к себе и своей старухе.

Это не было малодушием. Сам-то Мачиг был закаленным в битвах воином. И если есть на свете ад, то он прошел через него. Другое было обидно и повергало его в уныние. Эта проклятая старость, нищета и бессилие. То, что он не может с оружием в руках защитить свою честь, свою старушку, саклю. Возможна ли более горькая судьба?

Мачиг думает, куда же их ведут. И спросить не у кого. Некому ответить, плохи дела...

Отступив из Салатавии, Алибек не стал задерживаться в родных симсирских лесах, а пересек кардонную линию между Зандак-Арой и Гендергеном, у Саясана перешел на левую сторону Аксая.

Он стремился, преодолевая любые преграды, перейти Хулхулау и пробиться к Басским аулам. Заранее он отправил туда Булата, чтобы оказать помощь Абдул-хаджи и Тангаю поднять население.

Если в Махкетах, Хоттани и Таузене будет удача, ему еще можно было надеяться на распространение восстания по верховьям Аргуна. Однако Свистунов вновь опередил его. Генерал успел перекрыть ему все дороги в горы и обратно в симсирские леса.

Теперь в третий раз Алибек со своим маленьким отрядом попал в окружение.

Чтобы не дать имаму выйти к Басским аулам, два отряда заняли промежуток между Эртен-Корт и Даргой. Сюда спешил отряд полковника Авалова, сформированный из жителей Дарго, Центороя, Белгатоя и Гордали. Отряд должен был пройти через Гордали и занять там позицию у Шуани. Из Эртен-Корт двигался отряд подполковника Кнорринга, состоящий из двух с половиной батальонов Куринского полка и взвода горной батареи.

Чтобы не дать Алибеку спуститься по ущелью Хулхулау, линию между Автурами и Эрсеноем занял отряд полковника Нурида в составе шести рот Навагинского полка и трех сотен Сунженского полка.

Чтобы не выпустить Алибека на равнину в северо-западную сторону, между Ойсангуром и Устаргардоем стояли отряды полковников Долгова и Шимановского . Они были созданы из двух батальонов Таманского полка, трех казачьих сотен Кизляро-Гребенского полка и двух пушек.

В Умхан-юрте в резерве оставили две роты Таманского полка. Когда все выходы были перекрыты, по Аксаю и Ямансу вверх двинулся отряд полковника Батьянова. Силы его были значительны: три батальона Кабардинского полка, четыреста кавалеристов, шесть пушек, сотни кумыкских, ингушских и салатавских всадников.

Потеряв надежды пробиться к Бассоевским аулам, Алибек перешел у Саясана на левый берег Аксая и укрепился на хребте Кожелк-Дук, где тридцать два года назад чеченские наибы разбили Воронцова.

Алибек сразу понял план противника. Он решил пока укрепиться на Кожелк-Дук, чтобы либо накопить там свои силы, либо погибнуть.

Поднявшись на Кожелк-Дук, он сразу же посовещался со своими помощниками и разослал гонцов в ближние аулы за подмогой. Из Центороя, Дарго, Белгатоя и Гордали, на которые до восстания возлагались большие надежды, теперь уже он помощи не ждал. Они давно перешли на сторону врага. Там создали добровольческие отряды приставы Пруссаков и Ойшиев.

Даду Залмаева Алибек срочно послал в верховья Аргуна.

В эту ночь к ним пришла помощь с разных аулов. На второй день под его знаменем было триста воинов.

Обследовав с товарищами хребет и выявив его сильные и слабые места, Алибек остановился на отвесном обрыве над Аксаем. Внизу, в узкой теснине, извиваясь и ревя, спешила на равнину Аксай. Там всюду виднелись груды валунов и вырванных с корнями чинар, принесенных рекой во время наводнения после недавних обильных дождей.

Отсюда, как на ладони, были видны аулы вниз и вверх по долине. Алибек внимательно окинул взглядом каждый из них, как бы спрашивая, откуда же придет ему помощь. Потом, глубоко вздохнув, подтянув под себя полы черкески, сел, поправив кинжал на коленях. Хоть решение о расстановке своих малых сил на хребте им и было принято заранее, все же ему надо было посоветоваться с товарищами. Первым слово предоставили самому старшему Солтамураду.

- Эта сторона у нас надежная, - Солтамурад кивнул головой в сторону обрыва. - По-моему, надо все силы расставить в сторону Иси-юрта.

- А в сторону Шуани? - спросил Кайсар.

- Оттуда они не полезут.

- Как с боеприпасами, Кори?

- Неважно.

- Надо беречь.

- Как ни береги - все равно не хватит, если не пополним.

- Откуда?

- Говорят в Гордали, в доме Чомака, несколько бочек пороха. Для вайнахских милиционеров привезли.

- Кого туда отправим?

- Желающих.

- Я туда поеду, - сказал Кайсар. - Как стемнеет.

Обрекшие себя на смерть мужчины говорили коротко. Многое было понятно и без слов.

- А что ты скажешь, Кори? - спросил Алибек друга.

Кори, который, не присаживаясь, окидывал взглядом Аксай и подножье хребта, что-то решая про себя, повернулся к товарищам.

- Солтамурад прав. Но и враг тоже не глупый. Он знает, что, надеясь на неприступность местности, мы не станем укреплять ее. Солдатам, которые брали Гимру, Ахульго и Гуниб, взять этот отвесный обрыв ничего не стоит. Надо, не теряя времени, укрепить весь хребет.

- Тогда, Солтамурад, руководство укреплением мы возлагаем на тебя, - сказал Алибек. - В этом деле у тебя большой опыт.

- Успеем ли?

- Успеем, если приведем на помощь людей из ближайших аулов. Надо поднять со своими топорами, волами и буйволами. Отправьте туда человек десять во главе с Тозуркой. К тому же и с продуктами у нас туговато. Через два-три дня может наступить голод.

- На каждого человека хоть по три сискала надо. Хорошо, хоть вода есть.

Удалившийся по личным делам Кайсар сообщил, что по дороге из Гордали движутся люди. Алибек вскочил и, раздвигая ветви деревьев, быстрыми шагами направился на южную сторону. Встав на каменный выступ склона, Алибек приставил к глазам подзорную трубу.

- Вайнахи. Впереди два офицера. Кажется, Чомак и даргинский пурстоп.

- Мы не успели подготовиться, а дело начинается, - вырвалось у подошедшего Кайсара.

- Ничего. Войска сюда придут только завтра. К тому времени успеем. Ну, за дело, кентий! Солтамурад, приступай к сооружению завалов. Кайсар, отправь быстрее Тозурку по аулам. Кори, расставляй воинов по своему усмотрению. Пусть каждый отряд надежно укрепляет свою позицию. Давайте, поторопимся!

- Прошу тебя, Алибек-хаджи, поставить меня с моими аварцами на самом опасном месте, - сказал Мусакай.

- Спасибо, Мусакай. Неопасных мест у нас не будет.

Через полчаса застучали топоры. Изредка доносились крики людей: "Отодвинься!", "Берегись!". И падали буки, ломая ветви соседних и подминая под себя малые деревья...

Когда товарищи разошлись, оставшись один, Алибек постоял несколько минут и пошел смотреть работу. Люди трудились усердно, скинув верхние одежды и поставив оружие. Акта скрылся с десятком всадников на узкой тропе, спускающейся вниз по лесу. Обойдя всех и подбодрив каждого, Алибек остановился возле гатиюртовцев. Русский солдат Попов Елисей Иванович, бежавший в самом начале восстания в Симсир, и Юсуп, сын Васала, в поте лица валили деревья. При появлении Алибека Елисей, остановив работу и приложив руку к виску, вытянулся как перед офицером.

- Все не можешь отвыкнуть от солдатских привычек?

Юсуп перевел вопрос Алибека.

- Солдат есть солдат, в чьем бы войске не состоял, - вытер Елисей локтем лоб. - Солдат без дисциплины - плохой воин.

- Это правда. Нас окружают, Элса, выстоим ли мы?

- Если не хватит сил победить, погибнем в бою. Это же тоже победа, имам!

- Золотые слова, Элса. У нас только два пути - победа или смерть. Для победы сил у нас нет, поэтому остается один путь

- принять смерть гордо, как горные орлы. А где Мишка?

- Вон там со своим другом Янаркой валит деревья.

- Позови его, Юсуп.

В самом начале восстания Попов Елисей сбежал из крепости Герзель, появился в ближайшем ауле Гати-юрт, и Кайсар привел его к Алибеку в Симсир. Елисей рассказал, что они, трое солдат, сбежали из крепости, спасаясь от погони, расстались в лесу, он спасся, судьба двух товарищей ему неизвестна.

Алибек хорошо знал, что в прошлую войну на сторону чеченцев переходили сотни русских солдат и офицеров, храбро сражались против царских войск и героически гибли в боях, потому нисколько не засомневался в честности Елисея.

После майртупского боя, в котором Елисей показал храбрость и отвагу, Алибек всей душой полюбил этого добродушного солдата и вскоре назначил его

командиром сотни.

Повстанцы глубоко уважали Елисея и Михаила, которые терпеливо выносили трудности и невзгоды последних дней. Михаил не был воином, до своего прихода к повстанцам он никогда не держал ружье в руках. Но сердце его было переполнено ненавистью к царским властям. Не прошло и месяца, как друг Янарка обучил Михаила и метко стрелять, и лихо ездить на коне.

Вскоре Юсуп вернулся с Михаилом.

- Как дела, Мишка? - спросил Алибек.

Михаил, выпячивая большой палец, показал кулак.

- Вот такие, имам!

Алибек грустно улыбнулся.

- Мы, конечно, не из пугливых, Мишка. Но только глупцы умирают напрасной смертью. Дела наши, Элса, как вы видите, неважные...

Нас окружают тройным кольцом. До сражения осталось два-три часа. Никто не сможет сказать, останется вечером в живых хоть один из трехсот наших товарищей. Конечно, мы можем прорвать окружение, но куда нам деться? Некуда. Пока мы не сдадимся властям, будут преследовать семьи. Нас ожидает смерть. Либо здесь на этой горе, либо на виселицах, либо в холодной Сибири. А вы двое, наши братья, уходите пока не поздно. Товарищи вас проводят за Военную дорогу. Россия большая, безграничная. Скройтесь где-нибудь вдали, среди русских. Никто не узнает, что вы были с нами. Спасибо вам за сочувствие к нам, за братскую помощь.

Как начал Юсуп переводить слова Алибека, Елисей все сразу понял. Сперва его лицо стало пасмурным, как дождевые тучи, потом задергалось и, наконец, глаза повлажнели.

- Простите, Алибек... Это не потому, что я испугался трудностей и смерти... За эти два месяца я очень полюбил вас всех. Больше родных братьев. Я говорю и от имени Михаила. Мы с ним не случайно перешли к вам, а после долгих раздумий. Зная, что выходим на трудный путь и идем на смерть. Мы не можем уехать в Россию и скрываться где-то. Там тоже идет такая же борьба. Несколько сот лет. Мужики поднимаются, а власти их убивают, ссылают в Сибирь. Все равно и там тоже мы бы находились в рядах борцов. Какая разница бороться там или здесь? Мы все находимся под одним гнетом, у всех у нас один общий враг - царь и богатеи. У всех у нас одна цель - свобода. Нет, Алибек, мы не оставим вас. Пусть нас постигнет одна участь.

Когда Юсуп перевел его речь, Алибек вопросительно посмотрел на Михаила.

- Как говорит мой друг Янек: "Свобода или смерть!". Другого пути нет, - ответил Михаил.

Алибек понял, что уговоры, просьбы и споры здесь уже излишни. Он по очереди крепко обнял двух русских, похлопал по плечу, молча направился вверх по склону.

Оставшиеся на месте сидели молча.

- Смелый парень наш имам, - сказал Елисей, когда спина Алибека скрылась в чащобе. - Я верю, что он и теперь с победой выведет нас отсюда.

- Дай бог. Ну, Елисей, ты мне не ответил. Почему же ты перешел на нашу сторону? - спросил Юсуп, садясь на бревно.

Елисей сильными руками с размаху воткнул топор с длинным топорищем наполовину в ствол бука.

- А твой отец, Василий, почему перешел?

- У него-то были свои причины. Он же был крепостным у помещика. Богач обесчестил его мать, невесту и сестру. К тому же и в войсках тогда были другие порядки. Двадцать пять лет приходилось служить, да и офицеры, говорят, избивали страшно.

Отодрав от бука большой кусок и воткнув топор углом в дерево, Елисей выпрямился. Голые, сильные руки и плечи его сверкали бронзой.

- Эге, Юсуп, все те же порядки и теперь на родине твоего отца, - сказал он и, схватив свою рубаху, вытер ею лицо, шею и грудь. - Есть только одно название, что мужиков освободили, а гнет-то прежний. Освободить - освободили, но не дали никаких прав. Работают как животные, стараясь прокормить себя. Но на счастье и надежд нет. Куда не повернешь - мрак непроглядный. Кто делает попытку выйти на свет, тот либо на штыки солдатские напорется, либо на саблю казацкую и плеть наткнется и в конце концов угождает в тюрьму. Сколько людей погибло, тщетно пытаясь выйти из мрака. Вот теперь и я. Мне тоже кажется, что выбрал правильный путь. Перешел на сторону чеченцев, которые поднялись за свою свободу. Знаю, что офицеры объявили меня изменником, проклинают меня. И среди моих товарищей солдат тоже будут и сочувствующие мне, и осуждающие. Они же тоже не верят, что это чеченское дело завершится победой. Поэтому считают меня дураком. Может, это и так. Ведь по-разному люди с ума сходят. Может, и я заболел какой-то особой болезнью сумасшествия.

Со стороны Шуани, у подножия хребта раздались два-три выстрела, кругом понемногу стихли стуки топоров.

- Что же случилось? - спросил Юсуп вслух сам себя, потом повернулся вверх и крикнул: - Ва-а, Янарка!

- Ва-вай!

- Что там случилось?

- Ничего. Нохчмахкинские кентий идут драться с нами! Кажется, несколько из них так испугались, что их ружья сами разрядились.

Елисей с Юсупом продолжили свою работу. Через несколько минут ствол чинары внизу начал взвизгивать. Потом понемногу накренился и с грохотом упал на землю, подминая под себя деревья поменьше.

ГЛАВА XVIII

НА ГОРЕ КОЖЕЛК-ДУК

Повсюду стук, и пули свищут;

Повсюду слышен пушек вой;

Повсюду смерть и ужас мещет

В горах, и в долах, и в лесах...

М. Лермонтов. Черкесы

В Саясане сегодня ночью было беспокойно. В окрестностях аула, по правому берегу Аксая, повсюду горели костры. Вокруг них были видны сидящие, стоящие и расхаживающие силуэты солдат. Отовсюду доносились солдатские шутки и смех.

Аульчане затаились в домах, но они бодрствовали. Потушив светильники, они сидели или полулежали в темноте, не раздеваясь и не разуваясь. Иногда солдаты вызывали хозяев во двор, просили есть. А в двух окнах кунацкой старшины аула Буккал тускло горел свет. Там за походным столиком на низких брезентовых стульях сидели и стояли старшие офицеры.

Сюда сегодня вызваны начальник Эрсеноевского отряда подполковник Кнорринг, приставы капитан Пруссаков и поручик Ойшиев. Керосинка со стеклом светила слабо, но стоило ее чуть подкрутить, как она начинала чадить, а дыма в комнате от папирос и без того было предостаточно.

Полковник Батьянов, стоя, держал речь, водя карандашом по разостланной на столе карте Ичкерии.

- Создавшаяся здесь обстановка, - говорил он, - некоторым представляется опасной. Я ни на минуту не забываю, что гора Кожелк-Дук, на которой укрепились мятежники, - орешек не из легких. Да, господа, на ней произошла трагедия отряда графа Воронцова. Но вы не забывайте о том, что тогдашняя Чечня и чеченцы уже прошлое, превратившееся в быль. Тогда наши войска попали прямо в сердцевину закаленных в сражениях чеченских войск, во главе которых стояли опытные военачальники. А сейчас перед нами самое большее триста человек, и те - молодежь, еще не нюхавшая порохового дыма. Если в сороковые годы в этой стороне у нас не было ни одного солдата, то теперь вся Чечня находится в тисках наших военных укреплений. Это отнюдь не значит, что завтра, стоит нам ударить из пушки, и мятежники рассеются в бегстве. Вождь мятежников, хоть и молод, но хитер и отважен. Но мы должны не только взять гору, но и не дать уйти ни одному мятежнику.

Офицеры молча слушали полковника. Снизу доносились песни солдат и горцев-добровольцев. Остервенело лаяли собаки, чуя в ауле чужих людей.

- Мы начнем штурм с двух сторон: с юга от Шуани и с севера от Иси-юрта. Козловский поставит свой отряд у Шуани. А вы, Михаил Арнольдович, когда начнется штурм, закроете все дороги на запад, и в то же время держите за глотку аулы между Эрсеноем и Шуани. Штурм начнут чеченская, ингушская, кумыкская и салатавская сотни.

Пруссаков беспокойно зашевелился.

- Разрешите, господин полковник! Наши с поручиком Ойшиевым отряды милиционеров мне кажутся ненадежными.

- Почему?

- Они сформированы из жителей здешних аулов. Среди мятежников у них много

родственников.

- Тем более надо их гнать впереди всех, приставив штыки к спинам. Однако мне кажется ваша тревога напрасной. Если вы объявите туземцам данный приказ командующего войсками, они будут драться усердно.

Батьянов достал секретное предписание командующего.

"*Начальникам Хасавюртовского, Веденского, Аргунского и Грозненского округов.*

Для поимки или уничтожения скрывающейся в симсирских лесах партии абреков под предводительством Алибека-хаджи формируется милиция из охотников от названных четырех округов и к ней присоединяются сформированные уже ингушская и 2-я осетинская сотни Терской временной милиции.

...Содержание вновь формируемым частям милиции назначается наравне с осетинскими и ингушскими сотнями, то есть по 10 рублей на каждого всадника; жалованье и, кроме того, фураж; на лошадь, согласно положения, по справочным ценам.

...О довольствии для себя в лесу все сотни и отряды милиции должны позаботиться сами.

...Милиция обязывается уничтожать не только засевших в лесу абреков, но и всех тех людей, которые пытались бы скрытно пробраться в лес из аулов. Начальники отрядов могут объявить своим подчиненным, что за каждого пойманного или убитого таким образом человека они будут получать по 25 рублей вознаграждения. За главных же абреков: Алибека-хаджи, Султан-Мурада и Даду Залмаева - за первого - несколько тысяч рублей, а за второго и третьего - по несколько сот. В случае доставления этих главных абреков живыми, вознаграждение будет еще увеличено.

Командующий войсками Терской области

генерал-адъютант Свистунов.

15 июня 1877 года"

- Думаю, что перед такими вознаграждениями ни один туземец не устоит. И последнее. Нам следует вывезти орудия на гору. Создайте команды из солдат и туземцев для расширения дорог. Еще вопросы будут? Если нет, расходитесь по своим отрядам. Когда будет закончена вся подготовка, сообщим время начала штурма.

При подготовке штурма перед отрядами встали большие трудности. Две дороги, которые вели к горе, не только были узкими, но и изрыты дождевыми потоками, прикрыты низкими потолками нависших деревьев. О том, чтобы вывезти орудия по этим дорогам, и речи не могло быть. И кавалерия здесь бесполезна. Да и пехота тоже могла двигаться только в один ряд.

Команды, посланные с топорами и лопатами, валили деревья по обочинам дорог, засыпали и разравнивали канавы и ухабы.

Укрепившиеся на горе повстанцы не сделали ни одного выстрела по ним. Пользуясь затишьем, выволокли наверх орудия и ящики с ядрами. Остальные части заняли подступы к Иси-юрту. Но продвинуться дальше было невозможно. Все подступы к горе были закрыты завалами из деревьев. Поднявшись выше, солдаты оказывались под пулями повстанцев. Батьянов старался по мере возможности оберегать свой отряд, поэтому пустил вперед части туземной милиции. Но они после короткой схватки отступили, волоча своих раненых и убитых.

А сверху доносилось презрительное улюлюканье повстанцев. Потом послышались даже угрозы на чистом русском языке.

- Это Попов, Елисей Иванович, - говорили друг другу солдаты.

- Говорят, он первый наиб имама.

- Несчастный Елисей! Ему лучше погибнуть в бою, чем попасть в руки властей.

- Да, если живым попадется, его вздернут на сук первого дерева.

- Какой бы ни была его смерть, она будет героической. Чем влачить эту жалкую жизнь, лучше умереть, отведя свою душу, как сделал он.

Батьянов со вчерашнего дня злился на свои неудачи. Не было сомнений в том, что если он предпримет штурм горы, мятежники будут разбиты. Но тогда отряд понесет большие потери. Самый простой выход - держать повстанцев в окружении до тех пор, пока они не ослабнут от голода и сами не придут с повинной. Но для этого понадобится несколько дней. А этого он не может допустить: тактику выжидания аулы воспримут как его нерешительность. И, несомненно, падет авторитет войска в глазах населения. Ведь на горе укрепилось всего-навсего триста мятежников, а в распоряжении Батьянова - 3000 солдат и милиционеров.

Батьянов решил предпринять штурм, и часов в десять послал обогнуть Турти-хутор первую сотню Кизляро-Гребенского казачьего полка, только что сформированное салатавское ополчение и сотни Надтеречных чеченцев и кумыкской милиции. Когда они заняли свои позиции, к первому штурму приготовился четвертый батальон Кабардинского полка.

Бойцы Кайсара, как на ладони, хорошо видели происходящее под горою. Наступающая впереди солдат по просеке милиция горцев двинулась на первый завал.

- Ударим? - спросил Юсуп у Кайсара.

- Конечно же. Ведь они идут драться с нами!

- Кто знает, может, их насильно гонят на нас?

- Чепуха! Они же больше двух месяцев дерутся против нас.

- Может, это другие.

- Нет, это равнинные чеченцы, кумыки и ингуши. Я же их знаю.

- И все же поговори с ними.

Кайсар поднялся на вал и, сложив руки в трубку, крикнул:

- Чеченцы, ингуши! Мы же единокровные братья. А вы, кумыки, наши соседи. Если вас насильно гонят, переходите к нам, а если не желаете делать этого - отходите. Но если вы хотите пролить нашу кровь, пощады от нас не ждите!

Шедший впереди с саблей в руке симпатичный офицер дал команду карабкавшимся за ним горцам открыть огонь. Когда те подняли ружья, Кайсар поспешил спрыгнуть с завала, но почувствовал, что по папахе ударилось что-то.

- Да будут прокляты вы и ваши отцы до семи предков! - выругался Кайсар, скрывшись за бревном, внимательно разглядывая свою папаху. - В единственной папахе две дырки сделали...

- Ты что, с ума сошел, Кайсар, - возмутился Елисей. - Неужели ты не знаешь, всякий, кто идет с оружием в руках против нас - это враг?

Михаил прицелился в симпатичного офицера, который шел впереди. Раздался выстрел и офицер, схватившись за сердце, сначала упал на колени, потом ткнулся лицом в землю. Двое горцев, шедших за ним, схватили его за ноги и руки и

поволокли вниз.

Наступающие по узкой дороге горцы, лишившись командира, на мгновение растерялись. Но вскоре оправились и, рассеявшись в лесу, то ползком, то прячась за деревья, беспорядочно стреляя, двинулись вверх. Но всякий, кто попадал под прицел повстанцев, падал замертво.

- Берегите заряды! Бейте только в цель! - приказал Кайсар, целясь в грудь прапорщика, заменившего убитого офицера.

- Вот вам, собаки! - кричал Елисей всякий раз, нажимая курок.

- Это вам вместо обещанных вознаграждений!

- Кайсар! Смотри направо, нас хотят окружить!

- Этому уж не бывать! Умар, не высовывайся - головы лишишься!

После получасового безуспешного наступления нападающие, захватив с собой убитых и раненых, отступили.

Быстро перезарядив ружья и прислонив их дула к бревнам, товарищи притихли, устремив взоры вниз в лес. Прошло несколько минут, а нападающие не показывались.

- Они что, совсем спустились вниз? - произнес Кайсар, вытирая пот со лба.

- По-моему, не очень и старались.

- Как думаете, нападут ли они снова?

- Вряд ли. Наверное, послали, чтобы испытать нас.

- Что там внизу, Алибек? - спросил Кайсар только что подошедшего имама.

- Готовятся во всю. Все войско перешло Аксай. Одна часть идет к Иси-юрту.

- На подмогу нам много пришло?

- Чуть больше ста человек. Почти все - молодежь. Не зря трудился и Булат. Из Шали тоже пришло человек двадцать парней. Не слишком туго вам пришлось прошлой ночью?

- В Гордали? Нет. Среди солдат они чувствовали себя спокойно, в безопасности. Им и не снилось, что мы среди всего этого явимся в ауле. Мы окружили канцелярию пурстопа, уложили тупыми ударами двух милиционеров, стоявших на часах, вложили им в рот кляпы и связали их. Нам долго пришлось носиться в поисках боеприпасов. Потом втащили одного милиционера в канцелярию и допросили. Боеприпасы оказались в доме Чомака. Пришлось убить часового милиционера, охранявшего его дом. Навьючив лошадей бочками с порохом, отъехав, подожгли канцелярию и дом Чомака.

- Спасибо, Кайсар. Теперь вопрос с порохом решен. Пойду, посмотрю, что делает войско, движущееся через Иси-юрт. Здесь будьте начеку. Надо будет - пришлю подмогу. Умар, ты пойдешь со мной, чтобы держать связь.

- Юсуп, спустись осторожно вниз, посмотри, что делает там наш враг, - попросил Кайсар, когда ушел Алибек.

Положив свое ружье и заткнув за пояс, кроме своего, еще пистолет Янарки, Юсуп, лихо перемахнув через завал, скрылся в лесу.

- Послушай, Элса, - повернулся Кайсар к Елисею, чистившему свое ружье. - Почему эти солдаты с нами не вступают в бой?

- Подожди, Кайсар, солдаты тоже вступят, - спокойно сказал Елисей, заряжая ружье. - Они сначала выслали горцев, чтобы проверить нас.

- Из трусости что ли?

- Нет, из осторожности.

- Давай подразним офицеров, - рассмеялся Янарка.

- Как? - спросил Кайсар.

- Ну, пошлем их матерей к...

- А ты умеешь?

- Очень даже хорошо. Ва, палконак, твой мат, иди суда!

Елисей от души рассмеялся.

- Как ты сказал, Янарка?

- Полконак, мат твой... саббак!

- Из тебя бы отличный унтер вышел, Янарка! - вытирал слезы Елисей. - И правда, надо передать им твои пожелания.

Елисей огляделся, отыскал высокую чинару с ветвями от самого низа до верха и быстро взобрался на нее.

- Э-ге-гей, полковник Батьянов! - крикнул он, сложив руки в трубку. - Твоему отцу и матери... трусливый шакал!

Янарка вскочил на вал и посмотрел вниз.

- Ва, полконак саббак, твой мат... иди суда!

- На глотку его посмотри, на глотку! - указал на него пальцем Михаил. - Как шея у молодого петушка!

Внизу раздались несколько выстрелов. Пули остригли ветви чинары, на которой стоял Елисей.

- Слезай, Элса! - закричал Кайсар. - А то сумасшедшая пуля угодит!

Не заставляя повторять просьбу, прыгая с ветки на ветку и добравшись до нижней, Елисей спрыгнул на землю.

- Кажется, готовятся напасть, - сказал он, подбежав к Кайсару.

- Все войска выстроены в направлении к нам. И пушки придвинули ближе. Пора готовиться к смерти.

- К смерти-то им готовиться не надо, - Янарка хлопнул Елисея по плечу. - Она-то свое дело сделает и без нашей подготовки. С Божьей помощью мы победим. Мы еще поженим тебя и Мишку, попляшем на свадьбах.

- Оставь шутки, Янарка. Я же правду говорю.

- А я что, шучу? Но до женитьбы на чеченках, надо сначала вам обоим сделать обрезание.

- Ну что ты, Янарка, мы же из возраста вышли. Кажется, у вас это делают мальчишкам. Теперь уже поздно.

- Тогда останетесь без жен.

- А Василию обрезали?

- А как же, - подмигнул Янарка Кайсару.

Шутки друзей оборвал пушечный выстрел снизу. Со свистом прилетевшее ядро, срубив и повергнув на землю верхушку дерева, упало в шагах ста от завала.

- Ну, теперь началось! - схватил свое ружье Елисей.

Капитан Рихтер, когда его рота приготовилась утром перейти на левую сторону Аксая, подошел к Абросимову.

- Наконец, настал мой долгожданный час! - капитан по-детски хлопнул в ладоши и потер руки. - Передо мной Кожелк-Дук. На нем бесследно пропал мой отец. Сегодня я отомщу за него. Или убийца отца, или его сын, или кто-то другой встретится мне...

Ох, Яков Степанович, скорей бы это началось. Терпение кончилось. Вы идете с нами?

Абросимов покачал головой.

- Напрасно не идете. Потом будете сожалеть. Там будет ужасная потасовка. Или, кто знает, может, они при нашем появлении обратятся в бегство.

- Уймите свое ликование, капитан, - не сдержался Абросимов.

- Эти люди поднялись за свободу, за свою честь, которую мы попираем, они будут драться. И не пощадят вас.

- Вы всегда их защищаете, Яков Степанович. Зачем вам эти дикари?

- Вы не поймете меня, барон. Мы слишком много об этом с вами говорили.

Проезжавший мимо на сером коне полковник Батьянов приказал капитану переправляться за реку вместе с ротой.

- Господин полковник! - бросился к нему Рихтер. - Позвольте мне с моей ротой начать штурм. Вы же знаете, у меня веские причины быть первым.

- Хорошо, капитан. Да поможет вам Бог!

В это время к ним подскакал Ойшиев. Губы у поручика так побелели, как будто выжали из них кровь.

- Что случилось, поручик! - спросил полковник.

Чомак провел языком по высохшим губам.

- Плохи дела, ваше высокоблагородие. Минувшей ночью мятежники сожгли мой дом и канцелярию пристава.

Перепугавшийся было при виде Чомака, полковник облегченно вздохнул.

- И все?

- И боеприпасы, что дали моей милиции, полностью забрали.

- А охраны там не было?

- Была. Одного убили, остальных нашли связанными, с кляпами во рту.

Лицо полковника почернело.

- Кто нес охрану?

- Милиционеры из аулов моего участка и осетины.

Полковник грубо одернул коня, который рвался, потряхивая гривой и грызя удила.

- Мне хочется верить, поручик, что это случилось без твоего ведома?

- Что вы говорите, господин полковник! - Еще больше побелело лицо Чомака. - Как вы могли такое и в мыслях допустить?!

- Если это произошло без твоего ведома, то уж во всяком случае не без твоей халатности. Считаю своим долгом доложить о случившемся его превосходительству.

Батьянов дал шпоры коню и ускакал, оставив растерянного Чомака. Ойшиев с минуту стоял, как каменное изваяние, провожая полковника растерянным взглядом. Потом удивился, увидев стоявшего рядом Абросимова.

- Вот тебе на, - произнес Чомак, помотав головой. - Говорят, что несчастному и из отчего дома несчастье приходит. То же случилось и со мной. Мятежники мой дом сожгли, и вы видите, как он успокоил меня, оставшегося под голым небом. Говорят, баран сказал: "Если заболею - волк съест, не заболею - пастух зарежет". И молчать мне нельзя, и говорить тоже нельзя.

Абросимов решил было не удостаивать его ответом. Потом все-таки не сдержался.

- Вам досталась доля тех, кто идет против своего народа, - сказал он грубовато. - И удивляться тут нечему, господин поручик. До свидания.

Оставив удивленного Чомака, Абросимов сел на своего коня и, медленно спустившись чуть ниже, въехал на пригорок. Отсюда хорошо открывалась позиция за рекой. Северное подножье горы Кожелк-Дук занимали четыре батальона и четыре кавалерийские сотни Кабардинского полка.

Абросимов переехал Аксай, рысью направился к командному пункту.

Полковник стоял на высоком холме напротив Кожелк-Дук, возле двух пушек, приложив к глазам бинокль, изучая позиции противника. Его отряд был готов к штурму, но не было еще сообщений от отряда, который должен был наступать с северной стороны.

- Что там у них случилось? - беспокоился Батьянов. - Почему нет сигнала?

Наконец, возвещая о готовности батареи к бою, над Иси-юртом взметнулась красная ракета.

- Ну, с Божьей помощью! - сказал Батьянов и, приподняв руку, резко опустил ее, словно рубя саблей.

Два выстрела орудий, произведенных одновременно, оглушили Абросимова. Два ядра, пронесясь с визгом, но не долетев до вершины горы, врезались в склон, сбив кроны двух деревьев.

- Зарядить пушки! - скомандовал полковник поручику. - Прицел чуть выше. Огонь!

Вторые два ядра попали в цель. Но оттуда не последовало ответных выстрелов. После десяти выстрелов полковник подал сигнал к штурму. Отовсюду прозвучали медные горны и барабанный бой. Один из двух батальонов Кабардинского полка, стоящих внизу, и спешившиеся казацкие и салатавские конники быстро ринулись вперед и скрылись в лесу.

Но не успели солдаты дойти до середины склона, как хребет окатило волной

ружейного залпа.

- Что это? - удивился Батьянов. - Это же не наши ружья?

- Кажется, мятежники спустились вниз.

- Куда смотрела разведка! - сплюнул в сторону полковник.

Рота капитана Рихтера шла впереди штурмующих с юга. Солдаты не вмещались даже на расширенной вчера дороге, и Рихтер повел их по лесу, рассеяв в длинную цепь. Через высокий, могучий буковый лес, мягко ступая, он шел впереди, держа в руке пистолет. Тут и там раздавался треск ломающихся под ногами солдат валежника. Птицы при приближении солдат шарахались в разные стороны. Когда рота приближалась к середине горы, капитана ошеломил раздавшийся буквально под носом залп. По обе стороны от него упало несколько солдат. Не было впереди видно противника. Он скрывался в зеленой густой листве.

- Бегло вперед! - крикнул Рихтер. Он выстрелил из пистолета в гущу ружейного дыма. Но оттуда дважды раздался дружный залп. По расчетам капитана там скрывалось самое меньшее полсотни человек.

- Пли! - крикнул он опять.

Солдаты продвигались вперед короткими перебежками от дерева к дереву, стреляя по невидимому врагу. Они падали, когда гравий ускользал из-под ног, вставали, хватаясь за кустарник.

В несколько минут пало с десяток солдат. Но капитан и не думал отступать. Во-первых, он сам выпросил разрешение идти первым, во-вторых, в нем с каждой минутой все яростней вскипала ненависть к врагу. Мешало то, что наступающие не видели притаившегося в засаде врага, а он видел их хорошо. Отчаявшийся Рихтер оглянулся: не настигает ли их идущая за ним рота капитана Чекунова. Но в густом лесу за пять-десять метров ничего не было видно. Наконец, на левом фланге раздались дикие крики "уррей". Это были спешившиеся чеченские, кумыкские и ингушские конники. Воодушевившийся Рихтер, призывая за собой своих солдат, устремился вверх. Теперь стрельба сверху стихла. Когда он, хватаясь за кусты и ветви, поднялся на скалу, там никого не оказалось. Видимо, мятежники отступили к своему основному укреплению.

Заняв первую позицию на горе, Рихтер решил там укрепиться. Надо было еще унести вниз убитых и раненых. И он не представлял себе, что делать дальше. Рихтер не успел еще толком все осмыслить, как прибыл связной из штаба с приказом остановить дальнейшее наступление до новых указаний.

Не позднее чем через полчаса вновь загромыхали батареи, стоящие по обе стороны горы. Солдаты, которые лежали плашмя, не решаясь поднять головы, прислушивались к гулу ядер, летящих над верхушками деревьев на вершину горы. После часового артобстрела горы поступил приказ о наступлении. Теперь уже подоспели и следовавшие сзади два батальона. Повторяясь, в дремучем лесу и по горам прокатилось солдатское "ура". Пока мятежники перезаряжали ружья, Рихтер продвигал роту на несколько шагов. Теперь впереди был виден основной завал мятежников. Залегшие за бревнами мятежники поливали нападающих свинцом. Многие солдаты падали на его глазах.

Задние ряды подтянулись, и солдаты вновь ринулись на штурм с продолжительными криками "ура". Когда Рихтер с обнаженной саблей в руке взобрался на завал, он встретился с рыжебородым, рослым мятежником. Капитан, которому показались знакомыми его высокий, широкий лоб, чуть вздернутый вверх толстый нос и разъяренные синие глаза, на секунду растерялся.

- Добро пожаловать, ваше благородие! - сказал мятежник на чистом русском языке. - Берите то, за чем пришли!

Рихтер не успел опустить поднятую саблю, как Попов в упор выстрелил из пистолета в живот...

Схватка на обороняемом Мусакаем и Нурхаджи юго-восточном участке была еще более яростной. Там, как бешеные, бросались в атаку милиционеры отряда, собранного в равнинных чеченских аулах. Им помогали три роты второго батальона Куринского полка и одно орудие. После первых двух десятков орудийных выстрелов, милиционеры с криками бросились вверх по склону. Однако, не причинив повстанцам никакого вреда и израсходовав все свои боеприпасы, они, прихватив своих убитых и раненых, вскоре отступили в тыл куринцев.

Воспрянувшие духом после отступления первого отряда наступавших, повстанцы засыпали свинцовым дождем приближающихся теперь куринцев. Но куринцы наступали решительно. Когда к вечеру они заняли завал на разметанном орудийными ядрами укреплении, они никого не нашли. Но видневшиеся всюду кровавые следы свидетельствовали о больших потерях повстанцев.

Успеху отряда Батьянова помог отряд подполковника Кнорринга, который совершил нападение на повстанцев с запада.

Алибек знал его силы. Их было вполне достаточно, чтобы закрыть повстанцам последний путь к спасению. Алибек приказал отступить повсеместно.

Кайсар с двадцатью бойцами остался прикрывать отступление. Они не давали солдатам, появившимся вначале редкими рядами, подняться с земли или высунуться из-за деревьев. Когда враг приблизился к завалу шагов на сто, справа в лесу раздались крики. Кайсар прекрасно распознал их. Нетрудно было отличить исковерканное милиционерами "ура" от произносимого солдатами.

- Элса, будь здесь начеку! - крикнул он в ухо Елисея. - Я с десятью бойцами перейду на правую сторону...

Когда он позвал по именам десять человек за собой и, прячась за завал, достиг правого края укрепления, там ингушские, кумыкские и чеченские милиционеры уже лезли на завал. Передних повстанцы уложили выстрелами в упор, следовавших за ними постигла та же участь. Повстанцы без всякой жалости, от всей души били по своим землякам, которые с безумными глазами и оскаленными зубами наседали на них. Больше часа отбивались повстанцы от наседающего врага. Кайсар, весь в поту и крови, носился с одного места на другое. Только что покинутого живым, вернувшись, он находил убитым или раненым. Под завалом и на нем валялись трупы солдат, а осаждающих все еще было так много, будто никто из них и не вышел из строя. Отряд Кайсара редел с каждой минутой. Не успевая стрелять, они перешли врукопашную. Вот, уткнувшись в землю лицом, с окровавленным кинжалом в руках, лежит мертвый аварец Муртаз. Он не пошел на другую позицию с аварцами, а остался здесь с Янаркой. Вдоль завала ничком, на спине, боком лежат погибшие товарищи Кайсара.

Последний натиск они отбили с огромным трудом. Были на исходе боеприпасы. Нечего было и думать о дальнейшем сдерживании врага. А от Алибека не было никаких сигналов. Вконец, уже отчаявшись, сквозь треск ружейных выстрелов, Кайсар услышал голос Умара.

- Кайсар! Кайсар! Алибек велел отступать... Кайсар поднялся на вал и посмотрел вниз. Солдаты готовились к новому штурму. Ядро, ударившееся неподалеку в завал, разнесло в разные стороны сложенные бревна. Картечь стригла ветви деревьев.

- Кентий, отступайте! - крикнул он. - Берите раненых и отступайте!

Но Ловда, который сидел на коленях, ткнувшись головой в бревно, не оглянулся.

- Ловда!

Но Ловда молчал. Когда Кайсар подбежал к нему и встряхнул его за плечо, тот упал, и на Кайсара глянули остекленевшие, полные печали, голубые глаза. С руки Ловды выпало ружье. Кайсар взял под мышку еще не похолодевшего Ловду, осторожно поволок вниз и, расправив конечности, закрыл ему глаза.

- Елисей! Юсуп! Янарка! Вы останьтесь со мной, а остальные заберите раненых и тело Муртаза, отходите!

- А остальных?

- Оставьте.

Кайсар с тремя товарищами занял место на валу. Задержав солдат, сколько хватило сил, вслед за своими товарищами они скрылись в лесу.

Трое суток оборонялись повстанцы на горе Кожелк-Дук. С самого начала предвидя сегодняшний день, они заранее наметили единственно возможный для отступления путь - узкую тропинку, спускающуюся с западной стороны горы на месте небольшого обвала отвесного обрыва. Внизу на несколько верст раскинулся дремучий вековой лес. Это было последним прибежищем потерпевших поражение.

Когда Кайсар со своими товарищами добрался туда, у обрыва стояли Алибек и Кори. Кайсар нашел лица друзей мрачными. Левая рука Кори висела на подвязке. Бешмет и руки Алибека были окровавлены.

- Где остальные? - спросил Кайсар.

- Все спустились вниз. Сколько погибло из твоих?

- Шестеро. Аварец Муртаз и четверо гатиюртовцев. Ловду убили в последнюю минуту.

- Мусакая тоже убили... Бедняге здесь суждено было умереть. Они и его аварцы дрались, как львы. Из них тоже погибли десять человек. Тела их надо любым путем доставить в их аул. Как хорошо, что с Элсой и Мишкой не случилось ничего. Я бы очень тяжело пережил это.

С горы, на которой еще полчаса назад кипел бой, лишь изредка доносились выстрелы. Но в лесу не было тишины. С оставленных укреплений слышались победные крики солдат и милиционеров.

- Давайте спустимся и мы. А ты, Кори, обопрись на меня.

- Не надо. Рана пустяковая.

Когда, спустившись вниз, они скрылись в лесу, Кайсар взял Алибека под руку.

- Что теперь будем делать, Алибек?

Алибек ответил не сразу.

- Не знаю, Кайсар, - проговорил он наконец, потом, немного помолчав, добавил: - Говорят, раненый зверь ползет в свою берлогу. Отойдем в симсирские леса. Там посовещаемся и поступим как велит Бог. Пока что вся наша надежда на аулы по Бассу. От Булата нет известий. Неизвестно, чем занимается и Дада Залмаев.

- Не будем отчаиваться, - сказал Кори. - Ведь и дагестанцы могут еще подняться.

Алибек печально покачал головой.

- Теперь уже поздно.

В лесу уже наступила ночь. Раненые притихли без единого стона, словно мертвые или охваченные безмятежным сном. За час медленного пути они дошли до поляны в лесу. Там стояли привязанные к деревьям, оседланные, готовые в путь более ста лошадей. Посреди поляны протянулся ряд трупов. Представ перед каждым убитым, пройдя в другой конец ряда, Алибек остановился около Солтамурада, Косума и Тозурко. Прочитав короткую молитву, он повернулся к Солтамураду.

- Может, обратишься к людям?

- Нет. Скажи ты!

Опершись на ружья и сабли, вокруг тел убитых мрачно стояли воины. Их лица, давно не видевшие бритвы и ножниц, густо заросли.

- Кентий! - приглушенным голосом заговорил Алибек. - Эти три дня прошли так, что и мы били и били нас. Каждый день уносит от нас самых отважных, самых любимых наших товарищей. Лежит мертвый храбрый Мусакай, который был моей правой рукой в Дагестане. Больше никогда мы не услышим его мужественный голос, который вдохновлял нас на подвиг в самые трудные минуты.

Алибек вскинул голову и заговорил громче.

- Да будет и наша с вами смерть такой же героической, какой она оказалась у них, - он простер руку над трупами. - С оружием в руках, на горбу врага! А теперь, кентий, я скажу вам несколько слов. Алимхан вместе с нашими аульчанами отвез и тела погибших в Дилиму, Алмак и Миатли. Поспеете туда до рассвета. Остальные разойдитесь в разные стороны по двое-трое, взяв с собой раненых и тела убитых. Но знайте, что мы прощаемся не навсегда. Я могу призвать вас даже завтра. Будьте готовы к этому. Да поможет нам Бог!

В течение часа - одни на конях, другие пешком, они скрылись в лесу.

Часть вторая

РАСПРАВА

БЕЗУМСТВУ ХРАБРЫХ

ПОЕМ МЫ ПЕСНЮ!

ГЛАВА I

ЗАТИШЬЕ

И когда на полстолетия Постареет этот свет,

Пусть расскажут внукам дети О величье наших лет.

Ш. Петефи.Мартовская молодежь

Одинокий всадник, спустившийся к Мичику в полночь, осторожно перебрался через речку, направился к дому, который стоял на отшибе от аула, в лесу.

Встревоженные цоканьем копыт, две огромные полудикие собаки стали у калитки, преградив ему вход. Увидев враждебно настроенных животных, всадник остановил коня и прислушался, потом тихо позвал хозяина.

Разбуженный лаем собак, хозяин вскоре вышел к калитке. Он подошел к всаднику, ответил на его приветствие.

- Кто ты? Слезай с коня.

- Я Овхад из Гати-юрта. Берса здесь?

- Пароль?

- Орел со сломанным крылом.

Хозяин молча подошел и взялся за стремя. Когда Овхад спешился, тот взял коня за узды, провел во двор и привязал к коновязи.

Оставив Овхада на крыльце, хозяин вошел, зажег светильник и через одну-две минуты вышел.

- Входи, Овхад.

Видимо, Берса поднялся, услышав собачий лай во дворе, оделся, и, убрав постель, приготовился встретить гостя. Ветерок, дувший в открытое окно, слабо колебал язычок светильника, поставленного на печи.

- Овхад, что ты в такой поздний час пожаловал? Садись. Когда ты вернулся из Грозного? - спросил Берса, когда они оба сели.

- Вот только возвращаюсь. Извини, что потревожил тебя в столь поздний час.

- Да я не спал вовсе. В последнее время я потерял сон. Хорошо, что ты зашел. Я беспокоился, не зная, как у тебя там сложились дела. А Васал рассказал мне о своих злосчастных приключениях.

- Он вернулся?

- Да. Говорил, что чуть не попал в руки властей, мужики спасли. Оказывается, после Грозного он побывал в Орза-Кале. Ну, рассказывай, Овхад.

- Что у тебя получилось?

- Да ничего, Берса. О том, чтобы ждать от них помощи, и речи нет.

- Это-то я заранее предвидел. Ведь они же не ждали нас, чтобы восстать по первому же нашему зову. К такому делу надо готовиться долгое время.

- То же самое говорили и они. Петр Данилович, который учился со мной во

Владикавказе, проявил много усердия. Во многих местах мы собирали людей и разговаривали с ними. Разоблачали правительственную политику, как могли. Разъяснили цель нашего восстания. Городская беднота в душе заодно с нами. Но перейти к нам не решается. Боятся. Не верят в успех начатого нами дела.

Берса грустно покрутил головой.

- Вся беда России в том, что мы не верим в свои силы, - сказал он, глубоко вздохнув. - В неверии в свои силы и недоверии друг к другу. Русское население края боится поддержать нас. Поэтому власти и их, и нас держат в кабале.

Некоторое время оба молчали, задумавшись. Вошедший с подносом хозяин поставил перед ними вареное вяленое мясо, чурек и кувшин с водой.

- А что говорят те твои друзья?

- Учитель говорил нелепости. Мол, надо было сперва перебить начальство области, захватить власть, привлечь на свою сторону войска и так далее. Адвокат рассуждал трезво, умно. Одним словом, все твердят, что восстание наше началось в самое неудобное время. Говорят, что в момент, когда родина в опасности, надо оставить внутренние распри и обращать все силы против внешнего врага, что семейные ссоры и недоразумения можно решить позже.

Берса налил в глиняную кружку холодную воду и протянул Овхаду.

- Выпьешь?

- Нет, спасибо, - приподнялся Овхад. - Ну и как обернулось дело у Васала в Орза-Кале?

- Еще хуже. Кроме небольшого числа бедных казаков, остальные равнодушны к нашему делу.

- Значит, надежда на их поддержку отпадает?

- Не знаю. По-видимому, пока еще нет силы, способной объединить и сплотить народы нашей страны в борьбе за свободу. Да, плохи дела, Овхад. Что еще нового?

- Генерала Арцу Чермоева и майора Боту Шамурзаева отправили на фронт.

- Ого! Что это значит?

- Не знаю. Наверное, не доверяли им, боялись в такое смутное время оставить здесь.

Берса погрузился в размышления.

- Вряд ли это оттого, что им не верят, Овхад. Ведь раньше Чермоевых и Шамурзаевых на нашу сторону перешел бы генерал Свистунов. Наверно, причина кроется в другом. Услышав, что здесь народ восстал, всадники Чеченского полка начали убегать домой. Видимо, командованию нужны вайнахские офицеры, чтобы удерживать их.

Короткая летняя ночь близилась к концу. Звезды гасли одна за другой. Овхад вспомнил, что должен ехать.

- Не знаешь, где Алибек? - спросил он.

- Точно не знаю. Вчера он был в окрестностях Симсира. Я передал ему, чтоб он любым путем пробился в Чеберлой. Скорее всего, он находится в Бассоевских аулах.

- Лучше поезжай туда. Мы Булата послали поднимать те аулы. Помоги ему там. И привет от меня передай.

При расставании Берса крепко обнял Овхада. Потом, постояв, пока тот не переехал Мичик и не скрылся в лесу, медленно вернулся в дом.

Когда аул погрузился в сон, всадник медленным шагом по окольным улицам подъехал к дому Айзы и у калитки тихо спрыгнул

с коня, оттолкнул плетеные ворота и вошел во двор, ведя коня за повод. Большая, мохнатая серая собака подбежала к нему и, виляя хвостом, высунув язык, начала прыгать вокруг него, бить лапами в грудь.

- Да отстань, Борза! - отмахивался от нее всадник. - Отстань!

Единственная дверь низенького дома сначала чуть приоткрылась, потом изнутри высунулось дуло ружья. Увидев, что собака заигрывает с ночным пришельцем и догадавшись, что это не чужой человек, Усман распахнул дверь и с ружьем в руках вышел во двор.

- Уми! - приглушенно воскликнул он, узнав брата.

Он прислонил ружье к стене, подбежал и бросился в объятия Умара.

- Уми, как долго тебя не было... - терся щекой о грудь брата

Усман. - Теперь уж ты не уедешь без меня...

- Перестань, раскис еще! - погладил брата по голове Умар. - Нана дома?

- Нет. Вот уже третью ночь мы прячемся на хребте. Боимся, вот-вот придут солдаты арестовывать людей.

- У нас уже некого арестовывать.

- Им все равно - женщины ли, дети ли. Вчера ворвались в аул и увели аманатов. Говорят, посадили в Хасавюртовской крепости. Может, войдем?

- Некогда. Почему ты дома?

- За кукурузной мукой пришел.

- Солдат в ауле нет?

- Нет. Ушли. Как мы переживали, слыша бой на Кожелк-Дук! Нана и Эсет совсем иссохли, исстрадались. Что, опять проиграли?

- Да.

- Что же теперь делать?

- Будем драться.

Усман взял руку брата и крепко пожал.

- Где Магомед?

- На хребте. И Деши с нами. Что с твоими товарищами стало? Из наших никого не убили?

- Четверых: Сату, Хиду, Ловду и Элбарта. Где твоя мука? Пойдем отсюда.

Когда Усман вернулся с перекидными сумами, полными мукой, Умар вывел коня и закрыл плетеные ворота.

- Ты почему приехал домой? - спросил Усман, когда вышли из аула.

- Привезли убитых. Меня пригласили посмотреть, есть ли в ауле солдаты. Где

Васал?

- Тоже на хребте. Солдаты забрали Васала и Мачига воевать против нас. Оба сбежали.

- Что еще нового?

- Нашего красного быка забрали... - жалобно сказал Усман.

- Кто?

- Кто же еще... Солдаты. Аул оштрафовали на тысячу рублей и десять голов скота. Да, еще пятнадцать человек в аманаты взяли.

Умар притих. Пламя ярости охватило его. Они терпеливо вырастили двух бычков от единственной коровы. Выросли сильные, красивые быки. Глядя на них, люди сплевывали, чтобы не сглазить их. Вот уже третий год, как их запрягли в арбу и к плугу. Теперь их уже нет...

Когда они взобрались на хребет, уже рассвело. В гущах леса запели, засвистали птицы. Хоть и стояло лето, утро было прохладное. Впереди, на кладбище борцов, были видны люди, лошади, арбы.

- Ты стой здесь, я сейчас вернусь, - сказал Умар, остановив коня, не желая подводить младшего брата к мертвым.

- Ты надолго?

- Только скажу Кайсару несколько слов и вернусь.

Проходя мимо стоявших в стороне арб, Умар увидел ноги трупов, накрытых бурками. Он, помахав рукой, подозвал к себе Кайсара, который стоял, облокотившись на плетеную изгородь.

- Что в ауле? - спросил сразу подошедший Кайсар.

- Солдат нет. Говорят, только несколько милиционеров во главе с Асхадом.

Кайсар промолчал. Умар, не решаясь что-то сказать, пошевелился в седле.

- Ты что хотел?

- Говорят, нана и остальные на хребте. Можно мне туда?

Кайсар кивнул головой.

- Езжай. И не возвращайся, пока я не позову.

Спустившись в глубокое ущелье Арчхи и поднявшись на другую сторону, мальчики пересекли несколько полей и рощ, и, когда они углубились в лесах Шал-Дук, над хребтом поднялось солнце. Но лучи его не проникали в эти дикие буковые леса. Три дня тому назад здесь прошли дожди и было еще сыро. Пробудившаяся утром природа оживилась. С легким шорохом убегали прочь звери, почуявшие близость человека. Здесь, кроме охотников, никто из людей не бывал. Нигде не было видно следов топоров. Но всюду лежали свалившиеся от старости огромные истлевшие буки.

Мальчики ехали сначала по узкой проселочной дороге, потом по тропинке спустились в ущелье и направились вверх против течения речки.

Когда они приблизились к истоку родника, где берега сузились, Усман попросил остановить коня, сунул в рот два пальца и свистнул. Не успело стихнуть это в лесу, как донесся ответный свист.

- Это Магомед, - сказал Усман.

Сквозь ветви мощных деревьев, нависших над узким руслом речки, Умар увидел несколько землянок. Перед одной из них прямо вверх вился дымок только что разведенного костра.

- Ва-а, Ума идет, Ума идет! - раздался радостный крик наверху в лесу. То перепрыгивая через ухабы, то скатываясь, Магомед подбежал к сидевшему на коне Умару и обнял его ногу.

Услышав крик Магомеда, из землянок и из лесу со всех сторон стали появляться люди. Женщина, которая сидела у костра спиной к прибывшим и готовила пищу, оглянулась и замерла.

Когда Умар спешился и направился к землянкам, босиком по камням навстречу ему бросились Эсет и Деши. Обняв с обеих сторон и вдоволь приласкав Умара, они взяли его под руки и подвели к Айзе. Айза стояла молча, перестав месить кукурузную муку, подперев руками подбородок, прихватив зубами краешек платка. Когда сын подошел и обнял ее, у нее сначала судорожно задрожали губы, потом подбородок. Глубоко запавшие ее глаза наполнились слезами.

Не успели они еще перемолвиться несколькими словами, как вышли из лесу с топорами в руках Васал с Мачигом и подошли к ним. От избытка радости женщины плакали, засыпая Умара вопросами и не давая возможности ответить.

- Прекратите свой плач! - прикрикнул на них Мачиг. - Рассказывай, какой был бой, кого убили, есть ли раненые? О, сколько туда было стянуто войск! Все леса и ущелья так и кишели ими, словно муравейник!

Пока Айза готовила холтамаш, Умар не спеша рассказывал о бое на Кожелк-Дуке и об их поражении. Когда он сказал, что четверо аульчан погибли, женщины разрыдались. Умар, видя, как не терпится Деши узнать, что сталось с Булатом, когда женщины перестали плакать, рассказал то, что ему было известно.

- Булата с нами не было. Имам послал его на Басе поднимать там народ.

- Значит, Ловду убили, - печально произнес Васал.

- Убили, Васал.

Васал поднялся, сунул свой топорик под мышку и направился к лесу.

- Ты куда, Васал? - крикнул ему вслед Мачиг.

- Пройдусь немного, - приглушенно ответил Васал, не оглядываясь.

- Кушать готово, подожди немного, - позвала его Айза. Но Васал, не оборачиваясь, медленно скрылся в лесу, понурив голову.

Мачиг встал.

- Бедняга вспомнил пережитые им страдания, - сказал он, глубоко вздохнув, - пойду за ним.

- Ой, но ведь еда готова, - рассердилась Айза. - Что это вы на самом деле?

- Ешьте сами, мы позже поедим.

Взявшись с двух сторон за кол, на который был подвешен котел, и сняв его, Айза принялась с черпаком, плетеным из прутьев, вынимать холтамаш.

- Безрадостен этот мир, - стал она жаловаться на судьбу. - Не знаю, за какие грехи Бог так жестоко наказывает нас. Да простит он меня, мне стыдно признаться, что за пятьдесят лет жизни на земле, я не видела ни одного

счастливого дня. Что ни день, то гибнут люди, жгут аулы, отправляют людей в Сибирь. Как ни дерись, как ни бейся - никакого облегчения. Не надо было затевать эту смуту. Сколько говорили вам, не начинайте дело, которое вы проиграете! Но матерей и жен вы не слушаетесь. А страданий нам выпадает больше. Ты же видишь, каково нам. Лишенные очага и крова, как звери дикие, скитаемся в этих лесах, да еще переживаем за вас... Из глаз Айзы обильно полились слезы. Вытерев их краешком платка, она раздвинула холтамаш, высвобождая место для чашки с берам.

- А теперь вы останетесь дома? Что говорит Алибек-хаджи? - спросила Макка, жена Кайсара.

- Зачем дома оставаться? - повернулся к ней сидевший на пеньке Умар.

- Что же вы еще сделаете? Ваше дело обречено, надо его оставить. Неужели ваши тамады безголовые, чтобы не понимать это?

- Они лучше знают, что делают, - отрезал Умар.

- Валлахи не знают они ничего, - рассердилась Макка. - Только нас и себя сделали несчастными. Дома сожгли, скот увели. Что мне теперь делать? Что будет со мной и с моими детьми, если мужа убьют или отправят в Сибирь.

- То же, что сталось с нашей матерью.

- Ваша мать тоже влачит горькую судьбину...

Умар рассердился. Женские стенания отбили у него аппетит.

- Мы будем драться до последнего человека или завоюем свободу,

- раздраженно заговорил он. - Разве у нас скотина была? Одна худоба. Что же остается, как не драться, если никогда не можешь поесть досыта? Будем драться до тех пор, пока не погибнем или не победим. Считайте, что мы уже погибли, и позаботьтесь о себе.

Айза никогда не видела своего сына таким раздраженным. Удивленно взглянув на него, мать увидела в нем другого человека. На лице сына не осталось и следа от мальчишки, каким он был три месяца назад. Лицо почернело, осунулось, удлинилось. Усики пробились. Глаза потускнели. Усман-то нежный, весь в отца, а этот своим характером похож на дядю своего Арзу.

...Да, Мачиг был прав. Он понял сердце друга. Как и всегда. Они понимали друг друга сразу по выражению глаз. И в радости, и в печали. Васал медленно шел вперед, опустив взгляд на землю. Не замечая вокруг величественную природу, не слыша птичьих песен. Не замечая хлещущих по лицу ветвей. Весь погруженный в мысли о севере, своей родине. Ему вспомнилось, как они с Косолаповым бежали в Чечню. Сколько солдат до и после них пришли в горы в поисках свободы! Сотни. Спасаясь от жестокости. Сколько погибло их в борьбе за свободу. В поисках ее, ради нее они скитались вдали от родины. Но не нашли они эту свободу. Ее не было. Не было справедливости. А несправедливость была всюду.

Елисей и Михаил тоже оказались в этом крае, как Васал. Они тоже найдут здесь свою смерть. На свое счастье. Останутся в живых - их ждет виселица или сибирская каторга. Ведь и оставшийся в живых Васал несчастен. Прежние страдания, несправедливость, нищета. Что прибавилось? Тоска по родине...

По исхудалой, морщинистой шее вверх-вниз бегает кадык. Васал сдерживает рвущийся наружу крик. С силой сжимает веки. Но нет сил сдерживать вырывающееся из сердца пламя. Оно захлестывает его. Он сжимает в объятиях ветвь чинары. Ногти его впитываются в мох коры. И он не может больше сдерживаться. У Васала вырывается приглушенный крик, как у животного.

- Васал, будь мужчиной, - положил ему руку на плечо Мачиг. Всем нам суждено умереть. Ловду все любили. Не плачь. Наши слезы ничего не исправят...

Васал обернулся, стиснул друга в объятиях и прижался лицом к его шее.

- Как не плакать, Мачиг... Ловда же был мне братом... Из-за меня он убил своего отца... И десять лет в каторге провел...

Мачиг утешал друга, а у самого из глаз тоже текли непрошеные слезы. Долго стояли они так. Васал вздрагивал, крепился, как мог. Наконец, Васал выпустил Мачига и остановил на нем взгляд покрасневших глаз. Даже попытался улыбнуться.

- Состарились мы с тобой, Мачиг, - сказал он виновато.

- Да, Васал, постарели и сердца обмякли.

- И мужество незаметно покидает нас. Нет сил бороться за свободу.

- Но наши два сына сегодня в первых рядах борцов.

- Это правда.

- У них тоже будут сыновья.

- Они тоже продолжат наше дело.

- Когда-нибудь наши потомки добьются свободы.

- И нас с тобой вспомнят.

- Бедных Васала и Мачига.

- Пойдем, друг.

- Пойдем. Только не говори никому, что на минуту Васалу изменило мужество.

- Мне не приходится удивляться. Я тоже плакал в Хонкаре, как женщина, возле мертвой дочери. Страшная эта была ночь, Васал. Сплошной ливень, молнии, гром. В землянке лужа. Мертвая дочь. Бесследно пропавший Кори. Чужая страна... Страшная была ночь, Васал. Я тоже плакал, как женщина...

Васал молча кивал. Потом он посмотрел на друга.

- Ну, я пойду, Мачиг.

- Куда?

- В последний раз посмотрю на Ловду. Ведь я больше никогда не увижу его.

- Я тоже пойду с тобой...

Когда на людей обрушиваются нескончаемые беды, они привыкают к ним. Первая боль бывает самой трудной. Когда она не стихает, да еще к ней прибавляется новая, тогда сердце человека либо закаляется, либо равнодушно покоряется всем страданиям.

Раньше, когда война длилась десятки лет, люди привыкали к смертям. Не проходило ни одного дня без одних или нескольких похорон в ауле. С каждым днем множились могильные холмы. Приходилось ежегодно переносить кладбищенскую изгородь. Не надо было ни омывать умерших, ни устраивать по этому поводу сагу. Считали, что для погибшего в борьбе в том нет необходимости. Не устраивали во дворе тезет. На это у людей не было времени. Война не оставляла времени для оплакивания умершего и утешения живых. Длительная война тогда закалила

сердца людей. С тех пор прошло семнадцать лет. Время сделало людей восприимчивыми. Теперь люди старались хоронить убитых по-человечески. В начале восстания тезет длился два-три дня. Потом, через месяц, его сократили до одного дня.

Сегодня в Гати-юрте похороны в четырех дворах. Четыре трупа лежат перед мечетью на погребальных носилках. Собрались все люди из аула и окрестных аулов. Кроме небольшого числа стариков, все вооружены. Но нигде не было видно Хорты и его сына Асхада. И ни на один тезет они не приходят. Хоронить убитых не пришли также ни мулла Товсолта-хаджи, ни Панта-хаджи. Молебен по погибшим отправляет молодой мулла Лорса, сын Маази.

Совершив молитву по погибшим, люди уже поднимали носилки, когда к ним подошел Асхад. С ним были назначенные властями милиционеры Саад, Инарла и Чонака. Эти трое шли сюда неохотно, но Асхад смело предстал перед людьми.

- Постойте, люди, - сказал он без приветствия. - Не трогайте трупы.

Люди, собравшиеся было взяться за концы носилок, так и застыли в полусогнутых позах. Двинувшиеся впереди процессии старики тоже остановились, ошеломленные.

- Что ты говоришь? - подошел к Асхаду Акта.

- Мне приказано не допускать похорон без разрешения пристава, - Асхад бросил взгляд назад на своих товарищей.

- А ты кто такой?

- Разве ты не знаешь, кто я?

- До сегодняшнего дня ты - ублюдок Хорты, не знаю только, кем ты сегодня хочешь стать.

Толстые, мокрые губы Асхада побелели, широкие ноздри вздулись, как у возбужденного коня.

- Я назначен царской властью отвечать за этот аул.

Акта расхохотался, обнажив широкие зубы.

- Чего смеешься? Над кем? - брызнул слюной Асхад.

- Если ты еще раз раскроешь рот, аул похоронит еще четыре трупа, - подошел Кайсар. - Прочь отсюда, шакалы!

В толпе раздался ропот. Несколько парней схватились за оружие.

- Ни стыда, ни совести!

- Хоть бы выразили соболезнование!

- Будто мы хороним не людей, а собак!

- Подлецы!

- Гнать их!

Трое товарищей Асхада, видя, что дело заходит далеко, не притрагиваясь к оружию, отступили на несколько шагов и, повернувшись спиной, отошли подальше, часто оглядываясь.

Асхад, оставшись без товарищей, стоял безмолвно. Губы его дрожали от ярости.

- Посмотрим, кто возьмет верх! - крикнул он, когда люди двинулись с носилками. - Я повяжу платок своей жены, если одних из вас не понесут на кладбище, а остальных не погонят в Сибирь!

- А куда же ты после всего этого денешься? - сказал отставший от остальных Янарка, обернувшись. - Ты что, не собираешься жить здесь? На небо ты взлетишь или в землю вроешься? Или ты думаешь, что солдаты будут вечно тебя охранять? Мы уничтожим твое потомство, поросенок!

Выждав, пока люди скроются за поворотами улицы, Асхад подошел к товарищам и выплеснул на них скопившуюся в нем ярость.

- Чего удрали, зайцы? Лучше б оружие свое женам своим отдали, трусы!

Товарищи, пришедшие в себя от испуга, не обратили особого внимания на слова своего "офицера".

- Заткни свое дыхало, - махнул рукой длинный, как жердь, сухощавый Чонака. - Мы сделали все, что должны были сделать. Мы пришли с тобой, если бы ты приказал, подрались бы, покажи только нам пример. Ты что думал, ты будешь стоять, а мы на рожон лезть? Мы не такие уж глупые!

- И вправду, куда нам деваться, убив кого-либо из них, - встрял тучный, с большим животом Саад. Он почесал нос и добавил: - К тому же и потомки их не дадут житья нашим потомкам.

- Что же вы приставу не говорили так? - возмущался Асхад. - Мне не нужны ваши двойные хвосты. Одним виляете перед властями, другим - перед людьми. Так я и донесу властям. Что с вами потом будет, сами знаете! Хорьки.

- Ты слишком разошелся, Асхад, - косо посмотрел на него мрачный Инарла. - Из наших родственников никто не последовал за Алибеком. А ты лебезишь перед властями из-за своего брата. Ступай, скажи властям все, что тебе угодно. Мы тебя тоже обвиним.

- Хорошо, - скосил на них взгляд Асхад. - Будем доносить друг на друга. Посмотрите, как солдаты будут жечь ваши дома. Их до сих пор не трогали, думая, что вы преданы властям.

Когда ссора их зашла далеко, они встретили Хорту, вспотевшего от быстрой ходьбы.

- Они что, унесли их? - спросил он, подойдя к ним.

- Да, унесли, - пробормотал Асхад. - А ты куда?

- Вы идите, Чонака, - сказал Хорта милиционерам.

Грузный Хорта весь запыхался. Вытерев большим красным платком свое мясистое лицо и шею, он подождал, пока успокоится учащенно бьющееся сердце, посмотрел, далеко ли отошли те трое, наклонился к уху сына.

- Овхад вернулся, - сказал он шепотом.

Лицо Асхада вспыхнуло.

- Где он?

- Пошел на кладбище.

- Он заходил домой?

- Нет, встретился со мной на улице.

Асхад вопросительно уставился на отца.

- Тебе самому лучше знать, что делать... - устремил он свои маленькие крысиные глаза на сына. - Но... чтоб никто не пронюхал...

Асхад не ответил. По тому, как он скрипнул зубами, было понятно, какой приговор он вынес.

Погибших предавали земле, опуская их в выкопанные в ряд могилы. Люди стояли притихшие. Носилки держали так, чтобы голова почившего была у могилы, затем приподнимали выше другой

ее конец. Двое находящихся в могиле осторожно стягивали труп вниз и укладывали в лахту. Пока ставят упхи, могилу прикрывают буркой. Затем мужчины поднимаются наверх и быстро засыпают могилу землей. Люди безмолвствуют, когда покойника несут на кладбище и предают земле. Все распоряжения передаются жестами или взглядом. А сегодня на кладбище особенно тихо. Лица у присутствующих мрачные и сердитые. Наверное, каждый из них думает о том дне, когда его тоже вот так понесут сюда. Завтра случится или послезавтра, неизвестно. Особенно в это смутное время. Смерть ходит за каждым, наступая на пятки, хватаясь за него. Вот последнее пристанище каждого. Только здесь обретет человек свободу и покой. Здесь освобождается он от нужды и печалей. Десять локтей земли - вот что достается человеку. Только смерть уравнивает всех. Она не щадит никого, никому не благодетельствует. От нее не спаслись ни пророки, ни цари, ни богачи, ни бедняки.

Когда погребали последний труп, Кайсар заметил стоящего чуть поодаль в толпе Овхада. Видимо, он пришел сюда только что. Кайсар удивился ему. Почему Овхад, который должен быть в Бассоевских аулах, находится здесь, и почему с ним нет Булата? Кайсару не терпелось спросить его об этом, но в данной обстановке этого делать было нельзя. А отвести в сторону тоже неприлично. Этот последний час Кайсару показался вечностью. Всякий раз, взглянув на Овхада, он ловил на себе и его взгляд. Очевидно, он прибыл сюда с каким-то неотложным делом.

Выровняв холмик на последней могиле, после молитвы Лорсы люди двинулись к кладбищенским воротам. Кайсар остановил Акту и сделал Овхаду знак, чтобы он подошел.

- Ты почему здесь, Овхад? - спросил Кайсар, не тратя времени на приветствие.

- Булат меня прислал.

- Значит, он жив?

- Конечно. Махкетинцы готовы подняться. Хоттунинцы и таузенцы тоже сочувствуют нам. Положение такое, что стоит в той стороне появиться Алибеку, как там вспыхивает пожар. Они приглашают Алибека.

Задумавшийся Акта провел рукой по своему заросшему лицу.

- Когда сказано ему прийти?

- Сегодня.

Выйдя за ворота кладбища, Акта окликнул несколько человек.

- Даю вам три часа времени на то, чтобы повидать свои семьи. Придете на площадь перед мечетью вооруженными и со съестными припасами на несколько дней. Передайте это и остальным нашим товарищам.

Янарка сунул руку под шапку и почесал голову.

- Эти три часа уйдут на поиски семей, - сказал он недовольно.

- Неизвестно, где они находятся.

- Вон Умар идет, - указал Кайсар пальцем на тропу, спускающуюся вниз с холма. - Он, наверное, знает, где они.

Когда люди разошлись, Кайсар с Овхадом остались одни.

- Ты видел своих? - спросил Кайсар.

Овхад печально рассмеялся.

- Видел. Отца видел, уж лучше бы не видеть.

- Тогда давай вместе поднимемся на хребет.

...Посетив семьи на Шал-Дуке, Кайсар и Овхад поторопились в аул, чтобы поспеть к назначенному времени. Когда они медленным шагом спустились по склону в ущелье Арчхи, наступили сумерки. По усеянному звездами небу тихо скользила круглая луна. По обе стороны от тропы тренькали сверчки и цикады. Изредка слышались крики ночных птиц и тявканье шакалов. То и дело дорогу пересекала вышедшая на охоту лиса.

Овхад рассказывал об услышанных им новостях. Очевидно, дела царских войск на фронте были не из блестящих. Они пока отступают. Несколько человек из некоторых аулов возвратились раненые. Были и дезертиры.

Когда они спустились в ущелье и попали в освещенное луной пространство, раздавшийся за спиной выстрел снес с головы Овхада папаху. Оба сначала изумленно оглянулись, потом, сняв с плеч ружья, пригнулись к гривам коней.

- Гони коня! - крикнул Кайсар и пришпорил своего. Но не успели еще скрыться в лесу на противоположной стороне, когда раздался новый выстрел и мимо уха Кайсара просвистела пуля. Проехав чуть выше в укрытие, они придержали коней.

- Ты не ранен? - спросил Кайсар.

- Нет. А ты?

- Чуть ухо не отсекло!

- Да что ухо, чуть обоим мозги не вышибли.

- Кажется, оба раза стреляло одно и то же ружье?

- Метко стрелял, будь проклят его отец!

- Это была засада на нас.

- Кто бы мог это быть?

...Пока они разговаривали, Асхад (а это был он) быстро взбежал по лесной тропинке наверх, отвязал привязанного к дереву коня, прыгнул в седло и, держа перед собой еще пахнущее пороховым дымом ружье, скрылся в гуще леса.

"Не попал! - скрежетал он зубами. - А какой удачный был момент! Мог обоих убить. Такого случая может больше не оказаться. Но я когда-нибудь расправлюсь с вами..."

ГЛАВА II

ДЕЛА НЕ ЛАДЯТСЯ

При согласии малые дела растут,

при несогласии великие дела разрушаются.

Гай Саллюстий Крисп.Югуртинская война

В Ичкерии создалось чрезвычайно сложное положение. Аул, мятежный сегодня, завтра представал покорным, а клятвенно заверявший в своей преданности властям вдруг оказывался мятежнее самых мятежных.

Леса, дороги кишели вооруженными людьми. Проведав о передвижении небольшого отряда царского войска, они устраивали засаду и, совершив внезапное нападение на него, тут же рассеивались . Карательные отряды, высылаемые за ними, ничего не могли им сделать. При встрече с отрядом повстанец выдавал себя за милиционера. На вопрос, почему он в таком случае не в своем отряде, тот отвечал, что идет на день-два домой, получив известие о болезни или смерти кого-то из родственников. Тогда командование стало выдавать милиционерам специальные билеты, чтобы задерживать всякого, кто не имеет его. Но и после того дело не продвинулось в лучшую сторону.

Отряды милиции, словно бесхозная свора голодных псов, рыскала по лесам Ичкерии. В последнее время командование предоставило им свободу действий, и они совершали грабежи в аулах и на дорогах. За голову каждого пойманного или убитого повстанца командование платило милиционеру двадцать пять рублей. В отряды милиции (или добровольцев) входило всякое отребье, выходцы из горных аулов, потерявшие всякую жалость, честь и благородство. В сравнении с ними солдаты казались невинными ангелами. Поэтому не только местное население, но и солдаты питали к ним беспредельное презрение.

Потерпев близ Шали неудачу при попытке связать Ичкерию с Чеберлоем, Алибек вынужден был искать другой путь. Он пролегал через Бассовские аулы к восточным границам Чеберлоя.

Булат и Овхад, посланные на помощь к Абдул-хаджи и махкетинскому старшине Тангаю, чтобы поднимать бассоевские аулы, остановились в доме Тангая. Это был крепкий симпатичный человек среднего роста, с кучерявой черной бородой и смуглым лицом. После еды он спросил у гостей о деле. Нахмурив брови и уставясь на гостей горящим взором, он внимательно слушал Овхада. Потом пригласил своих аульчан Хаки-хаджи и Юсуп-хаджи. После долгих переговоров, наконец, было принято решение в течение двух-трех дней поднять восстание на Бассе.

Агенты из этих аулов быстро доносили властям о каждом шаге повстанцев. Для предотвращения восстания, а если оно начнется - отсечения его от северной части Ичкерии и Чеберлоя, на помощь подполковнику Лохвицкому к границам с Чеберлоем прислали третий батальон Навагинского полка из крепости Воздвиженской, кроме того, из местных жителей создали несколько отрядов.

В Махкетах слышался грохот пушек, доносившийся с севера, со стороны Кожелк-Дук. Отсюда был виден расстилавшийся по небу дым от пороха и горящих лесов. Сюда дошел слух о том, будто Алибек там разгромил царские войска. Действительное положение дел не знали ни Булат, ни Овхад. Но воодушевленные этими известиями махкетинцы на следующий день со знаменем собрались на площади и перед мечетью устроили зикр.

Булат и Абдул-хаджи сделали попытку остановить зикр и навести порядок, но это

не имело успеха. В момент, когда собравшиеся были в состоянии экстаза, появился чеберлоевский милицейский отряд, возвращающийся из Ведено в Шатой. Люди, и без того ненавидевшие милицию, теперь возбужденные зикрой, бросились навстречу: кто успел вскочить на коня, конными, кто не успел

- пешими. Ехавший впереди коллежский регистратор Курбанов Хайбулла из Бердыкеля попытался было заговорить мирно, но люди, не обращая на него внимания, стреляли поверх милиционеров, а те обнажали сабли. Булат не хотел стычки, пока не соберутся люди со всех аулов и не создастся дисциплинированный отряд. Он поискал глазами Абдул-хаджи, но ни того, ни Тангая не было видно. Призыв его, направленный на успокоение возбужденных людей, утонул в людском гуле. Увидев, что в его отряде появились убитые и раненые, Хайбулла приказал открыть ответный огонь.

Появившийся в эту минуту Абдул-хаджи не только не успокоил махкетинцев, но сам выхватил из ножен саблю и крикнул:

- Бейте свиней! Бейте царских слуг!

Однако более организованный милицейский отряд, уложив несколько человек из них, проложив себе путь через толпу, вырвался из аула.

- По коням! Догоняйте! Не упускайте этих сук! - припустил коня за ними Абдул-хаджи, махая саблей. Но догнавший вскоре Булат остановил его.

- Ты что, с ума сошел? - пристыдил его Булат. - Разве можно начинать драку, не зная, что в других аулах делается?

Грудь у разъяренного Абдул-хаджи вздымалась, как кузнечный мех.

- Я знаю, что делаю! - вогнал он саблю в ножны. - Не надо сдерживать людей. Уж теперь им нет обратного пути. Хотят или не хотят - все равно вынуждены подняться!

- Да, мы уже взялись за бороду отца, - сказал подскакавший Тангай, - теперь нельзя ее выпускать. Что нам теперь делать?

Абдул-хаджи сдвинул свою мохнатую папаху и почесал голову.

- Надо что-то предпринимать, - заговорил Булат, видя, что старшие молчат. - Не пройдет и часа, как о случившемся станет известно и в Ведено, и в Чахкаре, и в Шатое. Нет сомнения, что оттуда вышлют войска. Людей этих надо или подготовить к обороне, или присоединить к Алибеку. Как вы думаете?

- Разве мы не поднялись драться? - нахмурил лоб Абдул-хаджи.

- Ни один человек не уйдет отсюда. Я поеду поднимать остальные аулы. А вы втроем готовьте людей к бою.

- Мне кажется, лучше Овхада направить к Алибеку, - сказал Булат, подумав, - чтобы сообщить ему здешнюю обстановку. Кроме того, люди хотят, чтоб он сам явился сюда.

Обсудив вопросы и приняв решение, Тангай поехал в Хаттуни и Таузен, а Овхад - к Алибеку. Однако эта ночь в корне изменила их планы.

К делу махкетинцев командование отнеслось со всей серьезностью: волнение на Бассе могло возобновить с трудом подавленное восстание в Ичкерии.

Авалов получил приказ взять с собой из Ведено шесть рот Куринского полка, четыре пушки и срочно отправиться навести порядок в бассовских аулах и тем самым положить конец смутам по всей Ичкерии. В помощь ему из Шали направили две роты Тенгинского полка, одну роту Навагинского полка, три сотни Сунженского казачьего полка и четвертую батарею 20-й артбригады. На случай,

если вдруг поднимутся аулы на Мичике и в Ичкерии, туда послали отряды Долгова и Батьянова.

Но Авалов надеялся решить мирным путем дело на Бассе, прежде чем туда будут стянуты все отряды. К вечеру того же дня он с ротой солдат прибыл в Махкеты. Заранее предупрежденные им старшины Басских аулов уже были в сборе и ждали его.

Когда вошел весь запыленный Авалов, все встали. Поздоровавшись с ними за руку, расспросив каждого о житье-бытье, он перешел к делу.

- Что нового, о чем люди говорят?

Тучный, среднего роста хоттунинский старшина посмотрел на товарищей и увидев, что те хранят молчание, мягким голосом заговорил.

- Люди взбудоражены, полковник. Хорошего нам нечего сказать. Кругом - смута. Эти глупые люди вместо того, чтобы работать дома и на полях, носятся с разными сплетнями.

- А вы зачем здесь? Старшины и почетные люди? Сегодня у вас под носом махкетинцы оказали милиции сопротивление. Тангай, ты почему не удержал людей?

Тангай, сидевший на низкой табуретке, зашевелился на месте.

- Сумасшедший люд мне не остановить, князь. Я сделал все, что мог. Люди не слушаются меня.

- Так почему же махкетинцы напали на милицию? Одного убили и нескольких ранили? - повысил голос Авалов.

Но Тангай глазом не моргнул.

- Во всем виноват Хайбулла, что возглавлял этих глупых чеберлоевцев. Ему незачем было в пятничный день встревать в толпу, собравшуюся на зикр.

- Ты был там?

- Если бы я там был, драки не произошло бы.

- Милиционеры, как и любые солдаты, служат в армии царя, - рассердился Авалов. - Ваш аул не только оказал сопротивление, но и нанес им ущерб. Это открытый бунт. Аул должен теперь нести ответственность. Или сами выдайте виновных, или я выберу и уведу людей по своему усмотрению.

- Виноваты твои милиционеры, - бросил Тангай. - Короче говоря, эта шайка сколочена из дураков и жестоких людей. Из воров и грабителей, которые не знают ни стыда, ни совести, ни жалости. Аулы наши не лезли в драку, оставались в стороне. И сегодняшнего не случилось бы, если бы не эти свиньи.

До сих пор молчавший круглолицый, краснощекий старик, с длинной белой бородой и густыми усами, встал и устремил свои умные глаза на Авалова.

- Мы просим милосердия к аулу, князь, - начал он мягким мелодичным голосом. - Сегодняшнее зло исходило от нескольких человек. Их мы сами накажем.

- Наказывать будете не вы, а власть, - оборвал его Авалов. - Назовите их имена.

- Мы еще не успели выявить виновных, - спокойно ответил старик. - Завтра во всем разберемся. Мы боимся ошибиться в спешке. Пусть власти не вмешиваются, дай нам самим разобраться. Если вы заберете нескольких невинных, остальные взбунтуются. У нас тоже есть и убитые, и раненые. Ущерб обе стороны понесли одинаковый. Если к тому же виноваты во всем были милиционеры, а наказаны

будем мы, - это же несправедливо. Я боюсь, что аул возмутится, князь. По-моему, лучше забыть о стычке.

Слова старика показались Авалову разумными. Он ведь и сам ехал сюда с той же мыслью.

- Можете вы дать слово, что ваши аулы не примкнут к Алибеку? Благообразный человек ответил за всех:

- Чужие души - потемки, начальник, но пока что в ауле спокойно. В меру сил своих постараемся не допустить зла.

- Что скажете вы? - обратился Авалов к старшинам.

- Домба прав. Сделаем все, что нам под силу.

Авалов встал.

- Хорошо. Начальник области поручил мне сурово наказать ваш аул. А пока я уезжаю, уверенный в вашем слове. Но знайте, что если впредь вы допустите малейшего беспорядка, жалости к вам не будет.

Выехав со своей ротой в сумерки, Авалов побывал в Гуное, взял оттуда тридцать шесть человек, которые были с Алибеком на Кожелк-Дук, и на следующий день возвратился в Ведено.

Однако не успел Авалов сдать в крепость арестованных гунинцев, как пришло сообщение, что восстали махкетинцы и что Тангай объявлен наибом Алибека.

Теперь он глубоко сожалел, что не выполнил приказ командующего. Сегодня сюда должен был прибыть Виберг, на которого командующий возложил большие полномочия. Авалову никогда не доводилось лично общаться с этим сухощавым, долговязым немцем. Да и вообще, с немцами, большими педантами, трудно было обсудить и уладить дело.

Командир 20-й дивизии генерал-майор Александр Виберг сразу же по приезде в Ведено потребовал к себе начальников отрядов Лохвицкого и Накашидзе.

До прибытия командиров он осмотрел гарнизон крепости. Отсюда с берегов Хулхулау, как на ладони, хорошо видны окрестные аулы и легко держать их под наблюдением. Чтобы обеспечить безопасность со стороны населения, вокруг крепости площадь на две-три версты, была очищена от леса.

Солдаты жили в казармах и в доме, в котором когда-то размещалась резиденция Шамиля. Внешний вид и боевое настроение солдат производили хорошее впечатление. На питание не жаловались. Оно и не могло быть плохим. Мяса и водки было вдоволь. А большего им не требовалось.

Воздух здесь чистый, бодрящий. С момента приезда бесцветное лицо генерала изменилось, покрылось румянцем. Его покалывающее сердце стало ритмично биться.

- Благословленный край! - сказал он Авалову, глубоко вздохнув.

- Какая здесь прекрасная, чудная природа! Зачем туземцам эти блага? Какие великолепные курорты здесь можно открыть.

- Да, ваше превосходительство, природа здесь чудесная, - согласился Авалов. - Когда туземцы покорятся, осуществятся и ваши мечты.

- То, что здесь есть нефть - очевидно. Кто знает, есть, наверное, и золото, и серебро, и другие ценные металлы. Сюда надо привести хорошие дороги и построить шахты, заводы, фабрики.

Семен Иванович бросил взгляд на генерала. Тощий, высокий, длинные руки, высокий лоб, впалые щеки, тонкие сжатые губы, вздернутый нос, утомленные, бесцветные глаза за очками.

- А теперь расскажите последние новости, - сказал он, оборачиваясь.

Они двинулись размеренным шагом по ровным аллеям между стройных ольховых деревьев. Начищенные до блеска хромовые сапоги Виберга поскрипывали монотонно.

- Особых новостей нет, ваше превосходительство. Сам черт не разберет здешнюю обстановку. Алибек везде и всюду шныряет. Сегодня - здесь, завтра - в другом месте.

- А сегодня?

- Кто знает. Говорили, что вчера он находился в симсирских лесах. По поступившим ко мне сведениям, на днях собирается проникнуть в Чеберлой. Дада Залмаев склонил все чеберлоевские аулы на сторону Алибека. Тамошний пристав подпоручик Саралиев болен. То есть, говорят, что болен. Кто знает, может, прикидывается. Оставшийся за него Раджабов с отрядом милиции отступил в Нохчкел. Есть слухи, что Дада занял Шаро-Аргунский мост. Кроме дачубарзинцев, все настроены против нас.

- Как настроено население вашего округа?

- Кроме Дарго и Белгатоя, все остальные аулы так ненадежны, что опасно поворачиваться к ним спиной.

- От Накашидзе есть известие?

- Он расположился на Кезеной-Ам. Андийская милиция заняла Хой.

К границам Чеберлоя Накашидзе подтянул технуцальскую и каратинскую милицию и один батальон Апшеронского полка. Вчера на помощь ему прибыло тысяча четыреста аварцев.

К докладу Авалова ничего не добавили вызванные Вибергом в Ведено Накашидзе и Лохвицкий. Генерал коротко изложил предстоящие задачи.

- Господа! Здешние туземцы прекрасно знают о том, что на сегодня наши дела на Кавказском фронте неважные. В Абхазии - восстание. Ни на один день нельзя полагаться и на Дагестан. Там тайком шныряют агенты Гази-Магомы. Создавшаяся ситуация обязывает нас уничтожить с корнями восстание в Чечне. У нас имеются достаточные силы, чтобы раздавить Алибека. По-моему, его силы не набираются и в тысячу человек.

- Подсчитать его силы трудно, - сказал полковник Накашидзе.

- Нет ни одного аула, где бы не было его сообщников. Было бы проще разбить его стотысячное войско, если б он воевал в открытую. Мы три месяца гоняемся за ним. А силы у него все такие же, как вначале.

- В этом вы правы, ваше сиятельство, - сказал Виберг. - Но Алибека и его шайку в ближайшее время надо либо выловить, либо уничтожить. И ознакомив их с планом действий, он добавил: "Главное - беспощадность". Уничтожайте без жалости всякий аул, из которого хотя бы один человек примкнул к мятежникам или впустил их. Уничтожайте хлеб, сено. Скот угоняйте в штаб-квартиры. Таков приказ командующего.

На второй день во главе с генералом Вибергом Веденский отряд вышел в путь в направлении Басса. На пути он наткнулся на засаду из небольшого числа повстанцев, в перестрелке с ним понес незначительные потери, потом без

сопротивления занял Элистанжи и там расположился на ночь. Высланная вперед разведка и местные лазутчики сообщили, что на Бассе все спокойно.

Успокоенный этой новостью отряд утром продвигался к Таузену, но на полпути вновь напоролся на засаду. Дружный огонь повстанцев, укрепившихся в лесу на высоком берегу Аржи-Ахк, нанес отряду ощутимый урон.

Как обычно, повстанцы, совершив внезапное нападение, тут же скрылись. Когда отряд занял берег, там никого не оказалось. Развернутый для боя отряд вновь был собран и длинным строем двинулся вперед. Но через версту вновь был атакован повстанцами. Виберг не знал, что предпринять. Враг был невидимым, в то же время был всюду. Атакуя то авангард, то арьергард, они сопровождали отряд до самого Таузена.

В ауле застали лишь стариков, женщин и детей. Виберг приказал сжечь аул. Не прошло и получаса, как вспыхнули все дома. Как обычно, кавалерийские сотни послали топтать посевы, жечь сено, пригнать скот с пастбища.

В эту ночь Булату пришлось много потрудиться с махкетинцами, чтобы навести здесь порядок. Приходилось и спорить, и уговаривать, и упрекать их. Наконец, ему удалось обговорить все вопросы, и он, усталый, пошел ночевать к младшему брату Тангая.

Поев принесенный хозяином сискал с сыром и запив его холодной водой, Булат пожелал хозяину доброй ночи и лег в приготовленную постель, положив оружие рядом. В комнате, которая долго не проветривалась, отдавало сыростью. Под нарами и печью верещали сверчки. Когда он потушил светильник, по комнате забегали мыши. На улице было тихо, если не брать во внимание редкий лай собаки. Но Булат не мог заснуть. Он даже открыл дверь, думая, что ему мешает духота, но и это не помогло. Тысяча мыслей кружилась в голове. Он слышал о поражении Алибека на Кожелк-Дук, но ничего не знал о дальнейшей его судьбе. И посланный им Овхад не возвращался.

Не было вестей из Гати-юрта. Его давно не было там. Умар, неделю назад побывавший дома, принес малоутешительную весть. Хорта и Асхад бесновались, вымещая на аульчанах ущерб, причиненный им в начале восстания. Несколько человек сослали в Сибирь, тем же угрожая женам последователей Алибека, эксплуатировали их нещадно.

Булат даже не успел насладиться любовью своей молодой жены. Ему оставалось только ласкать Деши мысленно, когда он, как сегодня, оставался наедине с самим собой. Что Деши беременна, с одной стороны радовало Булата, но с другой - нагоняло на него тоску. Он один, как перст, остался от их рода и потому мечтал втайне жениться и обзавестись детьми. Не хотелось, чтобы род Данчи исчез без потомства. Но в это смутное время семья не приносила радости. Булат видел, как после подавления восстания в Салаватии и женщин, и детей изгоняли из родных мест и отправляли в Сибирь.

Отяжелевшая от клубящихся мыслей голова его наконец к рассвету задремала. Но и сон не приносил покоя. Ему снились беспокойное детство, ад, пережитый в Турции, ужасные дни последнего времени. Иногда, лаская сердце, сияющий, словно звезда, появлялся милый образ Деши.

Вскоре послышался лай собак, редкие крики и выстрелы. Думая, что это пригрезилось во сне, Булат еще некоторое время лежал, не открывая глаз. Но когда крики и выстрелы стали доноситься чаще, он открыл глаза. Глянув в маленькое оконце, он понял, что рассвело. Шум и крики приближались. Во дворах, словно взбесившись, залаяли собаки. Заскрипела дверь, где спали хозяева дома. Поняв, что это не сон, Булат вскочил, одел черкеску, подвесил к поясу кинжал, сунул за пояс пистолет, схватил ружье и бросился было на улицу, но его остановил крик хозяина:

- Солдаты, солдаты!

В мгновение ока у Булата созрело решение. Сопротивление показалось ему бесполезным. Все мужчины в ауле, наверняка, захвачены сонными врасплох. Пока что аул не в чем уличить. Все, может, обойдется мирно, как позавчера. А сопротивление может навлечь беду. Тогда не избежать кары. Ему, гостю, не хотелось, чтобы по его вине аул подвергли наказанию. Булат бросил под нары ружье и пистолет и выскочил с одним только кинжалом. Двое солдат держали хозяина, наставив к его животу штыки. В коровнике и амбаре тоже возилось несколько солдат и чеченец-милиционер.

Не успел Булат захлопнуть за собой дверь, как один из штыков уткнулся ему в грудь.

- Есть там еще кто-нибудь? Афонька, подойди сюда с кем-нибудь! - крикнул одни из них. - Войдите и обшарьте хату. Идите вперед, - ткнул солдат штыком в живот Булата.

- Зачем? - прикинулся Булат удивленным. - Зачем пирод? Куда?

- "Зачем, куда!" - легкими ударами прикладов толкнули их вперед солдаты. - "Зачем, куда" узнаете, разбойники, потом, когда поставят над обрывом и наставят на вас ружья или когда перекинут веревки через ветви деревьев и начнут вздергивать. Из-за вас мы всю ночь не спали.

Хозяйка, выскочившая из дому босиком, с распущенными волосами, при виде солдат не сдержала душераздирающего крика.

- Ва-а-а, помогите!

- Не ори, ведьма. - Отбросив ее в сторону, два солдата вошли в дом. Увидев их, подняли крик и два только что проснувшихся ребенка.

Вскоре солдаты вышли во двор, неся оружие хозяина и Булата.

У милиционера, вошедшего за ними, в руках был свернутый маленький старый коврик.

- Вай, чтобы вас Бог забрал, окаянные! - подбежала к ним и схватилась за коврик хозяйка. Минуту продолжалась борьба. Женщина тянула к себе, а милиционер не выпускал. Наконец, милиционер ударом ноги под живот опрокинул женщину.

Оглянувшийся хозяин увидел свою жену, схватившуюся руками ниже пупка и судорожно скорчившуюся в клубок. Не успели два конвоира и глазом моргнуть, как он бросился назад и ударом в живот свалил милиционера.

- Ах ты, проститутка, продажная проститутка! - хозяин схватился за кинжал милиционера, но подбежавшие солдаты ударами прикладов уложили его самого.

Не успел Булат опомниться, как солдаты набросились на обоих и связали им руки за спину. Видя вопящих хозяйку и детей, дерущегося хозяина, большая собака бросилась на одного из солдат и вонзила ему зубы в ляжки. Однако другой солдат пригвоздил ее штыком к земле.

Когда оба мужчины были связаны, солдаты и милиционеры вывели из хлева буйволицу с буйволенком. Двое выволокли из амбара мешки и, потроша их саблями, усеяли весь двор желтой, как золото, кукурузой. Булат с хозяином были уже далеко, когда до них все еще долетали крики хозяйки и плач детей. Эти крики в ауле были не единственными.

Сопровождаемые конвоем по узким, кривым улочкам Булат и его товарищ видели сгоняемых к площади солдатами и милиционерами со всех уголков аула людей. Скот угоняли в другую сторону, очевидно, к окраине аула.

Когда они дошли до площади, там уже стояли в окружении солдат босые, без черкесок и папах человек сто. Среди них и Тангай со связанными назад руками. Как ни искал Булат глазами Абдул-хаджи, его не было видно. На одном конце площади верхом на конях сидели Виберг и князь Авалов, гордо окидывая взором толпу. Тут же были Чомака Ойшиев и Элби Мовсаров.

Когда сбор людей прекратился, арестованных под конвоем вывели на дорогу, ведущую в Ведено. Оставляя между собой дистанцию в одну версту, вперед выступили две роты. Взяв в кольцо сто тридцать пять арестантов, за ними последовали три роты. Оставшиеся в арьергарде две роты с двумя орудиями подожгли аул, и выждав, пока он не вспыхнет повсеместно, нагнали шествие. Казачьи и милицейские сотни остались, чтобы уничтожить посевы и пригнать скот.

Пленники шагали медленно и когда в ауле раздались крики, стали оглядываться. Аул окутывал черный дым. Местами взметались искры, потом языки пламени. Сердце пронизывали крики женщин и детей, лай собак, мычание скота. Мужчины стискивали зубы. Они были бессильны. В бок и спину упирались штыки. Каждым овладели свои думы. Одни раскаивались, что ночью не ушли к Алибеку, другие - что утром не вступили в схватку с солдатами, как только они ворвались в дом, и не приняли достойную смерть.

Правда, среди пленников немало было и ни в чем неповинных. К полудню, когда солнце достигло зенита, отряд подошел к Аржи-Ахк. Наступил полдень, и пленники требовали дать им возможность совершить намаз и немного передохнуть. Им дали час времени на то и другое. Не спавшие ночью солдаты тоже хотели отдохнуть.

В русле речки одна рота расположилась вокруг пленных, а две другие заняли оба берега. Солдаты не выпускали из рук ружья. И вправду, место это было опасное. С обеих сторон над узкой дорогой нависли высокие каменные скалы и старый, густой лес. Люди совершали омовение перед намазом, когда подоспели другие две роты с груженными трофеями подводами и казаки с милиционерами, гнавшими вперед себя скот.

Среди арестованных пронесся глухой ропот.

- Нам надо бежать.

- Куда бежать?

- В лес.

- Из этого тройного кольца?

- Постреляют всех, как зайцев!

- И пусть! Лучше здесь погибнуть, чем идти в Сибирь.

- Может, оттуда еще отпустят.

- Жди.

- Как двинемся в путь, надо броситься в леса.

- Пусть хоть некоторые спасутся.

Булат потихоньку приблизился к Тангаю.

- Слышишь, что люди говорят?

- Слышу.

- Надо бежать. Дальше дорога уже. Там будет удобней.

Потом Булат приказал ближайшим:

- Когда выйдем в путь, как только я крикну, бросайтесь в лес в обе стороны. Сообщите всем.

После намаза арестованным, поднятым в путь, показалось, что солдаты чем-то встревожены. Один офицер, выехавший вперед, проскочил галопом ущелье и вернулся обратно.

Это был посыльный Виберга, посланный передать начальнику арьергарда Авалову, что на противоположном склоне показался враг и чтобы он был настороже.

Показавшийся впереди в лесу был Алибек. Получив от Овхада известие, что аулы на Бассе готовы подняться, он, взяв с собой тридцать человек, спешил возглавить их восстание. Но, не доезжая до Хулхулау, он узнал о случившемся в Махкетах. Решив, прежде всего, освободить арестованных, он отыскал наиболее удобное место у Аржи-Ахка и устроил засаду.

Когда показался враг, командиры рот громко отдали солдатам приказы быть готовыми к бою, и Булат понял это. Теперь он был уверен, что наступает удобный момент для бегства. Он передал услышанное им по цепи.

- Делайте вид, что ничего не знаете.

Когда они длинной вереницей, один за другим, выходили из ущелья, спереди, сзади и по бокам раздались выстрелы. Генерал Виберг, который вернулся с одной ротой, не зная, где кроется главная сила противника, еще больше стеснил ряды. Сзади беспорядочно напирали обе роты арьергарда. Пока Авалов пытался навести в отряде порядок, по конвойным ротам открылась пальба.

- Кентий! Нападайте на солдат! Отбирайте оружие и рассеивайтесь в обе стороны!

Булат с криком прыгнул на ближайшего рыжего солдата, обеими руками схватился за ружье и ударом ноги в пах сбросил его в обрыв. Началась ожесточенная схватка за жизнь. Под обрыв в речку летели то солдат, то пленник, то тот и другой в обнимку. После нескольких минут жестокой борьбы, оставив на месте боя двадцать человек убитыми, остальные сто пятнадцать скрылись в лесах.

Перепуганное стрельбой стадо махкетинцев тоже рассеялось по лесу. Вмиг помрачнело лицо Авалова, который полчаса назад ехал с гордо поднятой головой, перекидываясь шутками со своим другом Чомаком. Он теперь походил на человека, долго лежавшего в лихорадке. Полчаса назад он еще мог мечтать о мире на Бассе. Теперь эта мечта развеялась в пух и прах.

ГЛАВА III

СТАРЫЙ ЛЕВ

Я сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше.

Марк Туллий Цицерон.Письма к близким

Усмирив зандакские аулы и несколько аулов Салатавии и выслав значительное количество их жителей в северные губернии России, Александр Павлович вернулся во Владикавказ, уверенный, что Алибек, хоть и не пойман, но с восстанием покончено раз и навсегда.

Однако все новые и новые известия, приносимые в последние дни телеграфом и вестовыми, свидетельствовали о том, что он ошибался. Когда ему сообщили, что поднялись бассоевские аулы

и что сто тридцать пять арестованных махкетинцев, которых вели в Ведено, сбежали, он почернел от ярости.

- Позор, это же позор! - схватил он лежавшую перед ним кипу бумаги и с размахом швырнул на стол.

Он распахнул окно и расстегнул крючки ворота. Во дворе, под ровными тополями, на скамейке с чугунными ножками сидел, закинув ногу на ногу, прапорщик Дада Умаев. Чуть дальше по тенистой аллее расхаживали две молоденькие девушки с пестрыми зонтиками. Успокоившись немного, Александр Павлович вернулся к столу и принялся за письмо Авалову:

"*Не могу скрыть от вас, что письмо ваше № 65 крайне огорчило меня. Как могли 135 человек арестантов сбежать из-под конвоя шести рот при двух орудиях, для меня совершенно необъяснимо...*

Дабы несчастный случай побега арестантов не дал влиянию Алибека очень усилиться, полагаю, вам надо немедленно что-либо предпринять против принявших или подчинявшихся ему аулов. Если бы можно было эти аулы разорить вконец, т. е. отнять у народа все средства, то, полагаю, столь большое население с семействами не смогло бы долго продержаться в лесах и должно было бы скоро выйти с повинною. Для этого можно решиться даже на серьезные жертвы, но необходимо лишь, чтобы наказание и удар были действительными.

Генерал-адъютант Свистунов, 7 июля 1877 г."

Отправив в Ведено с письмом нарочного, Свистунов вновь погрузился в раздумья. Со всех уголков Чечни поступали вести, что удачный выход Алибека из окружения на горе Кожелк-Дук, где он бился трое суток против многочисленного войска, и то, что он с маленьким отрядом отбил у многочисленного войска арестованных махкетинцев, подняло в народе его авторитет. Чеберлоевцы теперь приглашали его к себе. Александр Павлович предвидел, что если Алибеку удастся поднять Аргунский округ, то Малая Чечня окажется под угрозой. Ведь оба района населяют одни тейпы. Пожар, вспыхнувший там, может перекинуться на Большую Чечню. У ингушей тоже руки чешутся примкнуть к Алибеку, как только он приблизится к ним.

В связи с неудачами русских войск в последнее время в Анатолии начались брожения среди кабардинцев и карачаевцев. Говорят, что усмиренные в прошлом году сваны притворялись покорными, а на самом деле тайно накапливали боеприпасы, провизию про запас...

Усилив свой отряд спасенными им людьми, Алибек прошел через горящий Махкеты, поднял на борьбу Хоттуни и Таузен и, поручив их Абдул-хаджи и Тангаю, сам поспешил в Чеберлой.

Если ему удастся пробиться туда, он может надеяться на какой-то успех. Оттуда от него будут с нетерпением ждать вестей: в Симсире - Нурхаджи и Косум, в Беное - Солтамурад,

в Центорое - Сулейман, в Гуни - Губха, на Бассе - Абдул-хаджи

с Тангаем и в Аллероевских аулах - Тозурка. По сигналу Алибека они поднимут все аулы. Алибек и сейчас не потерял надежду на Дагестан. Часто посылает туда гонцов. Но тамошние вожди и разувериться не дают, и восстание не начинают. Каждый раз откладывают на день-два. А Алибек здесь вынужден бегать с места на место, пытаясь объединить восставшие аулы в единый кулак. Когда он в одном месте с несколькими аулами отбивается от врага, остальных прижимает царское войско. Когда восстали Аух, Салатавия, зандакские и беноевские аулы, то по речкам Хулхулау и Басе, а также в Чеберлое было затишье. Боялась поднять голову и Чеченская равнина. Южная Ичкерия, которая молчала, когда усмиряли Северную Ичкерию, Аух и Салатавию, сжигали их аулы и уводили людей в аманаты, только теперь восстала. Никак не начнется дело и в Чеберлое. Дада Залмаев делает все, что в его силах, но число его товарищей не превышает и ста человек.

И Умма Дуев тоже не шевелится. Куда смотрит, чего ждет? К тому же, говорят, еще и местному начальнику оказывает помощь. Алибек не понимает его поведения. Не знает, правда ли это, но сказывают, что он сговорился с дагестанскими вождями и что все они ждут вестей от сына Шамиля Гази-Магомы. "Но если твой дом охвачен пожаром, нельзя ждать, сложа руки, пока соседи его потушат, или пока подоспеет подмога из другого аула, другого края, - размышлял Алибек. - Вытолкнули меня вперед, а сами припрятались!"

Проходя по Бассу, Алибек прежде всего сжег дома аульных старшин и их прислужников. Так же поступит он и со всеми предателями. И Умму не пощадит, несмотря на его старость. Видимо, он боится за своего сына, который служит в царской армии. Разве нет родителей, братьев, сестер, своих семей у тех, кто уже четыре месяца без крова, без ночлега, без пищи и очага вынужден скитаться по горам и лесам?

Эти мысли заняли голову Алибека. Он заговаривал лишь изредка даже с Кори, неотлучно следовавшим рядом с ним. Он пересек Пешхой-лам и добрался до горного аула Нуйхой со своими постоянными спутниками - полусотней чеченцев и аварцев. Не будь этих аварцев, туго пришлось бы Алибеку. В самые трудные минуты около него всегда находились пять-шесть сотен аварцев и андийцев. Бедного Мусакая, который был в Салатавии и на Кожелк-Дук правой рукой Алибека, уже нет в живых.

Оставив товарищей в Нуйхое, Алибек поехал вместе с Дадой Залмаевым в Зумс. Надо было, не откладывая ни на минуту, решить вопрос с Уммой.

Когда они глубокой ночью выехали в Зумс, повсюду залаяли собаки. У здешних жителей были стада овец и для охраны отар требовались волкодавы. Они бешено лаяли со всех дворов, прилепившихся, подобно гнездам ласточек, к горным склонам. Но, видя, что всадники не заворачивают во дворы, они все же пропускали их, не выскакивая на улицы.

Проехав по узким улочкам, они остановились у довольно добротного дома. Он был окружен каменным забором. Не слезая с коня, Дада потянулся к воротам и постучался в них рукояткой нагайки. Поднялся бешеный гвалт нескольких собак. Звеня цепями, они метались на привязи. Кто-то, со скрипом отворив дверь, приглушенным голосом приструнил собак и, подойдя к воротам, остановился:

- Кто там стучится?

- Это я, Дада, сын Залмы.

Отодвинув оба засова, на которые были закрыты двустворчатые ворота, перед путниками предстал крепкого сложения племянник Уммы, Иба.

Дада спешился и подошел к нему.

- Ассалам-алейкум, пусть в вашем доме будет все хорошее, - сказал он.

- Ва аллейкум салам, пусть и у вас будет только все доброе. Входите.

Пожав гостям руки, Иба взял их коней под уздцы.

- Умма дома?

- Да, дома.

Успокоив собак, которые вновь подняли лай, завидев чужих людей, Иба привязал двух коней к коновязи.

- Входите в дом.

Он оставил гостей, поднявшихся по каменным ступеням, на крыльце, а сам вошел в дом. Через минуту-другую узкое окно одной комнаты засветилось, и вскоре, заполнив своим огромным телом весь дверной проем, вошел Умма.

- Дада, это ты? Добро пожаловать. Входите. - Он открыл дверь

и подтолкнул Даду. - Проходи.

- Проходи вперед, - возразил Дада.

- Проходите, вы же гости.

- Иди ты вперед, Алибек.

Умма, не знавший никогда страха, услышав имя Алибека, весь покрылся потом.

- О, так это Алибек с тобой? Подойди-ка, дай я обниму тебя. Ах ты, волчонок! А я хорошо знаю, почему ты пришел! Садись, располагайся.

Войдя в комнату, достаточно освещенную застекленной лампой, два гостя хотели было остаться у двери. Но Умма, подталкивая сзади, провел и усадил их на глиняные нары, застеленные войлочными ковриками. Иба скатал и отодвинул постель, на которой несколько минут назад спал дядя. Пока Умма одевался, Алибек скользнул взглядом по комнате. Суровое жилье, как и сам хозяин. Похоже на львиное логово. На полу - огромный ветхий палас, на стене - красно-черный ковер, а на нем развешено разное русское, чеченское, турецкое оружие. Над местом, где спал Умма, на гвозде в стене висели четки в сто бусинок. В углу, у двери, стояли медный таз и кумган.

Одев бешмет и черкеску, обувшись в яловые сапоги, обвязавшись поясом с кинжалом, Умма грузно опустился на нары. Ничто не выдавало в нем старости, кроме седины, наложенной временем и пережитыми бедами. Он был еще здоровым, сильным и бодрым. Белоснежная, на всю грудь широкая, длинная борода, да избороздившие высокий лоб морщины, однако, свидетельствовали

о том, что ему перевалило за семьдесят. Но его смелый взгляд гордо показывал, что он прошел свой путь, мужественно преодолевая трудности жизни, что подвластен только лишь смерти.

Умма пригладил рукой свои пышные усы и седую бороду.

- Ну, как молодые люди, у вас дома? Как Олдам, Залма? Все ли здоровы, о ком следует спросить?

- Все хорошо. Ваши тоже все здоровы?

Долго еще не могли они перевести разговор на доверительный тон. Умму сковывало чувство своей вины и долг хозяина, а те, будучи гостями и моложе его, соблюдали приличие.

С деревянным подносом в руках вошла жена сына Уммы, Шамиля, и поставила перед гостями холодное мясо, мягко испеченый сискал и молоко.

- Перекусите пока этим, - сказала женщина, поприветствовав гостей, - скоро принесу и горячую пищу.

Алибек, у которого за весь истекший день во рту не было ни крохи, поел досыта, не разбираясь, горячая ли, холодная ли пища. Вечернюю трапезу он завершил молитвой. Когда Иба вышел, убрав поднос, Умма обратился к гостям.

- Есть у нас поговорка: пусть раненый, которому не выжить, не доживет до утра, - начал он густым басом. - Ты пришел судить меня, Алибек. Можешь не щадить мою седую голову.

Алибек снял с головы низкую черную папаху, положил подле и, втянув под себя ноги, сел по-восточному.

- Пусть не выживет тот, кто седину старца не уважит,

Умма-хаджи. - Алибек облизнул высохшие губы. - И пусть Бог нас проклянет, если мы нарушим обычаи наших предков. Перед справедливым судом равны все: и стар, и млад. Сейчас перед тобой сидит не ровесник твоего младшего сына, Олдамов сын Алибек, перед тобой сидит имам, избранный вождями аулов Чеберлоя и Ауха от имени жителей своих аулов. С того дня я перестал быть сыном своих родителей, братом для братьев, отцом для семьи и хозяином самому себе. Я пришел от имени народа, приговор свой буду выносить именем народа.

Умма слушал, потупив глаза, склонив голову и разломив на груди бороду надвое.

- Я понимаю тебя, Алибек. Тебе досталось то, что я уже пережил.

- Нет, Умма-хаджи, тебе не пришлось пережить того, что пережил я. Прежде, чем возглавить восстание народа, тебе пришлось пройти всю войну времен Шамиля, от рядового воина до искусного наиба, ты был закален в многочисленных битвах и умудрен жизненным опытом. Тебе было тогда шестьдесят лет, и рядом с тобой тогда были славные беноевский Байсангур и шатоевский Атаби. Тогда были живы шалинский Талхик и мичиковские Саад и Эски, с которыми ты мог посоветоваться. У вас троих были наставниками гатиюртовские Арзу и Маккал, шалинский Берса. А я, Умма-хаджи, по сравнению с ними и вами - ребенок, никогда не нюхавший пороху, всего двадцати шести лет от роду. Кроме того, теперь и времена другие, и цели борьбы другие. Шамиль призывал народ к защите ислама, а у нашей борьбы нет ничего общего с религией. Мы боремся за землю и свободу. Я же говорил, когда меня избирали имамом, что я молод, без жизненного опыта, без имени, поэтому следует избрать Умма-хаджи или Солтамурада. Вожди аулов не послушались меня. Заверили, что вы с Солтамурадом поможете. Солтамурад делает все, не щадя своей жизни. А ты спрятался в этих горах. Неужели с высоты этих гор ты не видишь горящую алым пламенем Ичкерию, неужели не слышишь оттуда плач женщин и детей? Или в сердце храброго, прославленного сына чеченского народа Умма-хаджи вселилась трусость? Или ты отобрал у народа свое сердце, которое верно служило ему в течение семидесяти лет и продал его царским начальникам? Отвечай же народу, Умма-хаджи, сын Дуй.

Каждое слово Алибека, звучащее то яростью, то с бархатной мягкостью, то произносимое шепотом, одинаковой силой билось в сердце Уммы. Длинный шрам

на щеке Уммы, когда он слушал, то белел, то багровел. Трудно было терпеть эти обвинения. Но Алибек был прав.

- Алибек-хаджи, я дам тебе краткий ответ, - сказал он, открыв глаза и смело глядя на Алибека. - Когда-то, давным-давно, когда ты еще не собирался появиться на свет, как ты выразился, я отдал народу свое сердце. И это сердце отнимет у него только моя смерть. Когда некоторые вожди, или отчаявшись, или из боязни, отреклись от борьбы нашего народа, я вместе с Байсангуром, Атаби и Солтамурадом возглавил народ. Мне не ведома трусость и мужества я не терял, а об измене и речи быть не может. Ради свободы нашего народа я готов вместе со своей семьей сгореть в синем пламени. Но ты, по молодости своей, преждевременно поднял восстание, и это испортило все.

В глазах Алибека вспыхнула искра молнии.

- Что это ты говоришь, Умма-хаджи! Разве не вы ждали четырнадцать лет, пока русский царь не начнет войну с другими царями?

- Это правда. Но ты не стал дожидаться этого дня.

- Не я поспешил, Умма-хаджи. Это у народа не хватило силы дальше терпеть. Разве недостаточно его терпения в течение шестнадцати лет? Услышав, что внешние и внутренние дела у царя плохи, я решил воспользоваться моментом, добиться облегчения народу. То есть, решил не я один, а совет вождей. К счастью, тут же началась война с турками. Случилось то, чего мы так ждали. Чего же ты еще ждешь?

- Наши вожди-то решили так, но наши единомышленники из Дагестана глядели на Истамул. Ждали вестей от Гази-Магомы.

- А ты?

- Я тоже. Ведь всякое дело требует какого-то ясного пути. Гази-Магома же сказал им, что подаст знак, когда настанет момент.

- И когда же это будет?

- Скоро.

Алибек закрыл глаза и покрутил головой.

- Значит, по-твоему, мы ради турок должны проливать кровь?

- Зачем же? Мы же хотели выгадать на этой драке.

- Так-то так. Но пока вы смотрите в рот Гази-Магомы, Ичкерия-то горит алым пламенем. Нет, Умма-хаджи, сколько бы мы не говорили, наши сердца и помыслы не сходятся. Я еще и тогда сомневался. Сомнения мои подкрепил и Берса. Мы слишком разные люди. Многие дагестанские вожди - это либо князья в прошлом, либо бывшие наибы Шамиля, либо царские офицеры. Чины и должности, данные царем, кажутся им недостаточными. Ведь до присоединения их страны к русскому государству они у себя там были маленькими царьками. Творили над своим народом произвол. Им хочется вернуть себе утерянное. И твои дела тоже неплохи. Один твой сын, Шамиль - аульный старшина, другой, Дада - офицер царской армии. Вы считаете, что для вас недостаточны ваши стада, богатства, должности и мечтаете отхватить кусок побольше, если только удастся, а если нет, вам можно тихо отсидеться. Нам же сидеть так больше невмоготу, у нас с вами разговор не получается.

Алибек собирался встать, но яростный взгляд Уммы остановил его.

- Куда ты?

- Поедем мы.

- "Поедем"! - рассмеялся Умма, покачивая головой. - Вы же судить меня пришли?

- Приговор вам вынесут народ и ваши потомки.

- Зачем же? Нечего оставлять его потомкам. Я тоже, как и вы все, давал клятву. Если я ее нарушал, вершите суд. Неужели ты думаешь, что я дорожу этой поседевшей головой своей? Глупцы!

- Кровь погибших людей, слезы осиротевших детей и овдовевших женщин за эти три месяца падают на твою голову, Умма-хаджи. Пусть Бог осудит тебя.

- Алибек, ты не спеши, - примиряюще вставил Залмаев. - Вражда между нами обернется бедой для народа. Умма-хаджи, как ты знаешь, - человек, уважаемый всеми не только в этих городах, но и в Чечне, и в Дагестане. Ошибался ли он или был прав - он выжидал благоприятного момента. И, наверное, не сидел, сложа руки. Ему и сейчас не поздно действовать. Дай нам свое последнее слово, Умма-хаджи.

Умма раздвинул свою бороду и отпустил на шее застежки. Упреки и обвинения этих двух молодых людей, ровесников его сыновей, сильно задевали его гордость.

- Вину свою я признаю, - глухо проговорил он. - Если рассудить по вашему понятию, может быть, я и не прав. Я не должен был выжидать, держа ухо на Дагестан и Истамул, а быть всегда с вами. Но, Алибек-хаджи, ты несправедлив, ставя меня в одни ряд с некоторыми дагестанскими вождями. Мои предки не были князьями, и я тоже не князь. У меня нет ни стад, ни богатств, чтобы я мог довольствоваться. Двух сыновей я отдал властям в надежде, что они принесут пользу мне и нашему народу. Да и им двоим тоже немного счастья досталось. Теперь о деле... - глубоко вздохнул он. - От Гази-Магомы, к которому прислушивались дагестанцы, пришло известие. Не сегодня-завтра там начнется восстание. Как сказал Дада, я тоже в течение этого времени не отлеживался. Я со своими людьми завтра буду в Дае. Если я не ошибаюсь, раньше, чем через три дня, с нами поднимутся все аулы выше Шатоя.

- Тогда прости меня, Умма-хаджи. Твое слово и сообщение о том, что дагестанцы скоро начнут восстание, подают нам надежды на успех.

Потом Алибек изложил обстановку и свои цели в Ичкерии и Чеберлое.

- Хочу объединить все силы и нанести удар по царским войскам, - сказал Алибек в заключение. - Надо уничтожить их гнезда в Ведено, Эрсеное и Шатое, а самих выбросить на равнину. Тогда, может, нам удастся перенести восстание на равнину. Если восстанет и Дагестан, то приведенные оттуда к нам войска вернутся обратно. Это снимет с нашей шеи по меньшей мере пять тысяч милиционеров, две-три тысячи солдат и несколько пушек. Все наши силы в Ичкерии я двину на Ведено и Эрсеной. А ты, Умма-хаджи, вместе с этим вот Дадой, возьмешь Шатой. А что дальше делать, там будет видно.

Алибек с Дадой, попрощавшись с Уммой, до рассвета возвратились в Нуйхой.

Подняв все Басоевские аулы, имея с собой пятьсот человек, Алибек пробрался в Чеберлой. Восстание, которое Свистунов считал подавленным, вспыхнуло с новой силой.

Начался его второй этап - более мощный и сложный. Создавшееся положение вынудило Александра Павловича приехать в Грозный.

Посовещавшись здесь с князем Эристовым, он отправился в Шатой.

В Чеберлое он никогда не был уверен, но был спокоен за него, поскольку пользовался здесь незначительным влиянием. Но переход Уммы на сторону мятежников в корне изменили планы командования.

Умма - это не молодой Алибек. Это воин, закаленный в двадцатилетних сражениях, впоследствии - сподвижник Шамиля, а потом - один из четырех вождей последнего восстания.

После подавления восстания в Ичкерии и Чеберлое, Умма был отправлен на вольную ссылку в Смоленскую губернию, откуда, отбыв свой срок, он возвратился домой и на время притих.

Тайная слежка не смогла его в чем-либо уличить. В нем видели только усердного служителя Бога и рачительного хозяина своего дома. Областная администрация, стремясь держать этого грозного льва всегда в капкане, сразу же взяла в заложники его младшего семилетнего сына и отправила в Россию. Старшего недавно назначили зумсоевским старшиной.

В последние годы Умма несколько раз побывал в Мекке. Всякий раз, возвращаясь из паломничества, он благодарил правительство и спешил засвидетельствовать свое верноподданничество. Но когда он в последний раз возвратился из Мекки, в начале этого года, распространились слухи о том, что в Стамбуле он имел встречу с Гази-Магомой и Мусой Кундуховым, что оттуда он привез в кумгане с двойным дном турецкие прокламации и что он турецкий агент.

Александр Павлович приказал начальнику Аргунского округа расследовать эти слухи и, если подтвердятся подозрения, арестовать Умму. Когда Лохвицкий начал расследования, Умма обиделся. Он заявил, что слухи эти исходят от его старых врагов, которые завидуют ему за то, что у него сложились хорошие отношения с властями, что последние не только простили ему прошлое, но и выказывают знаки внимания. Как ни искал Лохвицкий повода для его ареста, так и не нашел его.

Теперь Александр Павлович был уверен, что доносы на Умму имели под собой почву. Видимо, Умма имел какие-то основания не допускать восстания. На днях русские войска понесли большие потери в Анатолии. Кроме того, сюда дошли слухи, что Гази-Магома с большим войском прибудет в Дагестан. И то, что именно в эти дни Умма поднял голову, свидетельствовало о его связи через Дагестан со Стамбулом.

Только что вернувшийся с операции в горах подполковник Лохвицкий стал извиняться, что не смог выехать навстречу высокому гостю.

- Ничего, ничего, - успокоил его Свистунов. - Нам некогда играть в церемонии.

Он снял фуражку, повесил на вешалку, расстегнул две верхние пуговицы кителя и, вытерев платком шею и лицо, грузно опустился в кресло.

- Как здесь душно!

Лохвицкий открыл настежь обе створки окна.

- Рассказывайте, Аркадий Давыдович, что нового. Садитесь.

- Новости неутешительные, Ваше превосходительство. Весь Чеберлой перешел на сторону Алибека. Он занял Нуйхой и Нохчкелу. Сжег Шаро-Аргунский мост. Разжег здесь пламя и, оставив Умму распространять его, сам ушел в Ичкерию. Вчера я с шестью ротами солдат и артиллерийским взводом восстановил мост. Без особого сопротивления мятежников взял и сжег Боси, Бону, Чобаккинаре и Кули. А сегодня послал свой отряд для совместных действий с отрядом князя Накашидзе. Накашидзе сжег сегодня Макажой и Нихалу. Хлеб в домах и на полях сожженных аулов уничтожен. Сегодня будет пригнан скот.

- Своими силами сможете подавить восстание?

- Нет. В Чеберлое лишь половина от отряда Накашидзе.

- В каком количестве?

- Два батальона Апшеронского и Самурского полков и более трех тысяч дагестанцев.

- Полторы тысяч солдат, да плюс к ним еще дагестанская милиция. Это же огромная сила!

- Так-то оно так, ваше превосходительство. Но здесь трудно проводить операцию. Высокие горы, глубокие ущелья. Разбросанные аулы.

- Хорошо, - сказал генерал, подумав, - вам на помощь придет батальон тенгинцев из Воздвиженской во главе с Шахназаровым. Дам сотню Гребенского полка. В два-три дня из Ведено прибудут горные орудия. Но не отправляйтесь в Чеберлой, не укрепив здесь, в Шатое, тыл. Возьмите со всех аулов 200-300 заложников и заприте их в крепость. Те аулы, которые откажутся давать заложников, безжалостно уничтожайте. Примите меры, чтобы заложники не удрали, объявив в случае попытки к бегству хотя бы одного - смерть всем.

- Я тоже думал поступить так. Завтра начну с Евдокимовского

и Шатойского участков. Большую услугу оказал нам коллежский регистратор Курбанов. Но у него угнали с горных пастбищ несколько сотен овец. Алибек еще арестовал и увел чеберлоевских старшин.

Адъютант Лохвицкого, молодой поручик, поставил на стол чай. Свистунов придвинул к себе стакан на блюдечке, размешивая ложечкой, охладил чай и отхлебнул глоток.

- Какие у вас теперь планы?

- Жду ваших указаний, ваше превосходительство.

- Не надо ждать моих приказаний. Вы сами должны хорошо знать, как действовать в доверенном округе.

Круглое чистое лицо Лохвицкого покраснело, как у смущенной девицы.

- Я думаю во всех чеберлоевских аулах от каждой семьи взымать по пять рублей налога, а тех, кто позвал Алибека или помог ему, и тех, кто не явился по моему вызову, - всех арестовать. Считаю, будет правильным не оставить камня на камне от Нижали и Ригахи, которые первыми приняли Алибека. В наказание населения и для удобного передвижения наших отрядов хочу заставить людей проложить от Басской горы дорогу протяженностью в шесть верст.

Александр Павлович удовлетворенно кивал головой.

- Неплохой план, - сказал он, ставя опустевший стакан на блюдце. - Но прошу быть безжалостным при его осуществлении. Ущерб, который мятежники нанесли преданным нам людям, пусть возмещают сами жители. И овец Курбанову тоже пусть возвратят аулы. Кстати, пришлите мне представление его к чину прапорщика. Повторяю, карать аулы надо сурово, чтобы они обращались в бегство при упоминании имени Алибека. И чтобы Алибек не вернулся в Чеберлой, перекройте границу Ичкерии. Накашидзе передайте, пусть отправит туда андийскую милицию. Всемерно обостряйте отношения ичкерийцев и чеберлоевцев с дагестанцами. Что еще?

- Да, чуть не забыл, - хлопнул себя по лбу Лохвицкий. - Вчера ко мне приходили сыновья Уммы. Бывший в вашей свите прапорщик Дада Умаев и зумовский старшина Шамиль Умаев. Оба просят отправить их в Чеченский полк, который находится в Азиатской Турции.

- Зачем?

- Боятся, что здесь власти не будут им доверять после того, как отец их примкнул

к мятежникам.

- Что вы им ответили?

- Сказал, что посоветуюсь с вашим превосходительством.

- Что же вы предлагаете?

- Мне кажется, что нет смысла удерживать их здесь, особенно Даду.

Александр Павлович откинулся на спинку кресла, положил обе руки на стол и легонько забарабанил по ним толстыми волосистыми пальцами.

- Где Умаев?

- Здесь, в крепости.

- Пусть позовут.

Когда Лохвицкий вышел, Свистунов поднялся, раза два передернул плечами и подошел к окну. На крепостной стене виднелась давно не стрелявшая старая мортира. На противоположном склоне разбросаны несколько аулов, а над ними высится несколько древних башен.

Вскоре вошел и остановился в дверях молодой человек среднего роста, широкоплечий, с узкой талией и красивым лицом.

- Прапорщик Умаев прибыл по приказанию вашего превосходительства, - доложил он четко, приложив руку к виску.

- Вольно, - махнул рукой Свистунов, сморщив лоб.

Александр Павлович несколько раз видел Даду. Но теперь он посмотрел на него так, будто видел его впервые. Дада догадался, зачем его вызвали. В серых глазах командующего горел огонь ярости и презрения.

- Где ваш отец? - выдавил сквозь зубы Свистунов.

- Не знаю, ваше превосходительство, - не моргнув глазом, ответил Дада.

- Что это значит "не знаю"? Разве он не с мятежниками?

- С мятежниками, но не знаю где.

- Почему он ушел к ним?

- Не знаю, ваше превосходительство. Он не советовался со мной.

- Вы хотите отправиться на турецкий фронт?

- Если вы позволите.

- Причина?

Дада переступил с ноги на ногу.

- Нам, туземным офицерам, и так мало доверяют, - сказал он, глубоко вздохнув. - А мне, чей отец стал во главе мятежников, доверия вообще не будет. Возникнут ложные слухи... Ваше превосходительство, отправьте меня на войну, в Чеченский полк...

Александр Павлович встал и подошел к Умаеву.

- Хотите бежать от ответственности? Забыли, что присягали на верность царю? Хотите избежать столкновения с отцом? Не выйдет, господин прапорщик! Вы

разыщете своего отца на небе или под землей и приведете его к нам. Иначе мы будем считать вас его сообщником. Мы не только не повысим вас в чине, да еще вышвырнем. Тогда будете ходить таким же вшивым, как и свои предки. Вы слышите? Ступайте, найдите своего бунтовщика-отца. Скрутите его и выдайте властям. Не сделаете этого - я повешу вас обоих. Даю вам пять дней срока.

Дада не отрывал глаз от генерала. Сердце его кипело от гнева.

В миг он решил схватить тяжелый стул и ударить в его мясистую голову. Но от этого ничего не исправится, наоборот, испортится все.

- Чего вы стоите, как идол? Идите, выполняйте приказ!

Умаев приложил руку к виску, круто развернулся на одной ноге и четким шагом вышел из кабинета.

- Дикари! Как ни ласкай их, как ни корми, они все равно за свое!

Генерал вынул из портсигары папиросу, размял ее между пальцами и бросил в пепельницу.

ГЛАВА IV

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Знай хорошо, что я б не променял

своих скорбей на рабское служенье.

Восстание охватило всю Ичкерию и верховья Аргуна. Как и раньше, на стороне повстанцев были Аух, Салатавия и ряд андийских аулов. Один из помощников Алибека, центороевский Сулейман, вышел со своим отрядом на равнину, совершил рейд вплоть до Умхан-юрта и, захватив там казенных лошадей, а также отары майртупских и курчалойских богачей, возвратился в Ичкерию. Так же поступил и Алибек на реке Мичик.

Алибек носился с места на место, стараясь объединить в единый кулак отряды повстанцев, которые действовали порознь. Умма, который успешно действовал в Чеберлое, для командования царских войск превратился в грозного противника. Аулы Большой Чечни тоже, хоть и казались внешне спокойными, изнутри тлели огнем. Они не оказали даже притворное сопротивление вышедшим на равнину Алибеку и Сулейману.

Считая самым опасным очагом восстания Даргинский участок, Свистунов решил стянуть туда воинские подразделения и одним мощным ударом покончить с восстанием, пока Алибек рыщет с малочисленным отрядом в надежде объединить повстанцев. Но прежде, чем ввести войска в Ичкерию, надо было сначала надежно укрепить равнину, оставшуюся за спиной. С этой целью он вызвал на Мичик полк Батьянова.

Оставив небольшую часть своего полка для поддержания порядка среди ауховцев, 2 августа через Герзель-Аул Батьянов прибыл в Качкалыкские аулы, взыскал с тех штраф в две тысячи рублей и, арестовав более или менее подозрительных людей, вернулся в Хасав-юрт.

Однако план Свистунова не ограничивался этим: надо было зажать в кольцо не только Ичкерию, но и Большую Чечню. Но для осуществления этого плана ему казались недостаточными имеющиеся в наличии силы, занятые в подавлении восстания - двадцать девять тысяч штыков, четыре тысячи саблей и сто четыре орудия. Правда, были еще и вспомогательные силы: пятитысячная дагестанская милиция, чеченские, кумыкские, ингушские и осетинские всадники. Кроме того, он уже отдал приказ: по завершению полевых работ создать полки третьего комплекта терских и Сунженских станиц.

Посоветовавшись с Эристовым, командующий разбил на части Большую Чечню по три аула в каждой. Эристов лично разъезжал по всем аулам, разъяснял жителям, что, если хоть один человек от трех аулов примкнет к повстанцам или хоть один аул впустит повстанцев на свою территорию, то все три аула будут разрушены, а их почетные люди будут сосланы в Сибирь.

Возложив на князя Эристова ряд поручений, Свистунов возвратился во Владикавказ. Потери, которые несли русские войска в Анатолии и участившиеся в оставшихся в Терской области частях брожения заставляли его находиться на своем месте. Кроме того, новая обстановка в Чечне убедила в том, что прежней тактикой и стратегией с восстанием не покончить. Нужен был особый человек для руководства военными действиями объединенных сил Терской области и Дагестанского горного отряда. Посланный им ранее генерал Виберг не справился с возложенной миссией.

Виберг сам по себе был неплохим генералом, но здесь, в армии, нужен был такой руководитель, который бы имел авторитет среди офицеров и знал обычаи,

традиции и психологию местного населения. Этим требованиям отвечал помощник Свистунова генерал-майор Алексей Михайлович Смекалов.

На следующий день после встречи с Алибеком, отправив своего племянника Ибу к андийцам с письмами, Умма, взяв с собой свою семью и несколько человек, ушел в Чеберлоевские горы.

Не прошла и неделя, как в отряде Уммы собралось более двухсот человек. Добрую половину составляли пришедшие на помощь Умме по его зову андийцы. Он легко одолел вначале высланные Лохвицким в Чеберлой две роты тенгинского полка и милицейскую команду пристава 20-го участка поручика Сервианова.

Умме удалось занять мост через Чанты-Аргун. Когда, оставив там небольшую охрану, он спустился в мулкоевские аулы, Лохвицкий поспешил туда с шестью ротами солдат, милицейской командой и двумя орудиями. Умма, который спускался в Шаро-Аргун, отбросив в сторону разбитый им отряд Кусова, неожиданно наткнулся на Лохвицкого. Услышав их перестрелку и поняв обстановку, капитан Кусов напал на Умму с тыла. Умма успешно отбил атаку обоих отрядов и сам предпринял несколько контратак. Но регулярные части, превосходящие повстанцев как по численности, так и в воинской дисциплине, не допуская больших потерь, отступали и, улучив момент, вновь шли в наступление. Особенно много хлопот доставляли пушки, беспрестанно бившие по позициям Уммы. После нескольких часов безуспешных атак с обеих сторон, раненый Умма бросил внезапно все свои силы на отряд Кусова и, рассеяв его, скрылся в горах.

Несколько дней заняли у Лохвицкого поиски места, где скрывается Умма. Аулы, которые помогли Умме, были разрушены. Дотла сожгли родной аул Уммы Зумс. Специально созданные команды карателей прочесывали леса, обследовали каждое ущелье, каждую гору. Под угрозой расправы требовали от жителей указать место, где прячется Умма. Но Умма исчез бесследно. Лохвицкий, отчаявшись в поисках, вызвал к себе прапорщика Умаева.

- Вы не забыли приказ командующего? - спросил он без вступлений.

- Нет, не забыл, господин полковник.

- Тогда выполняйте. Даю вам двадцать четыре часа времени.

Настал день, которого так опасался Дада. Эти последние несколько дней его сердце не знало покоя. Более трудного момента в жизни он не ведал. Дада знал характер отца, его стальную непреклонность. Тщетными были старания уговорить его.

Дада мысленно вернулся в далекое детство. Вспомнилось время, когда отец был наибом Шамиля. Потом поверх Аргуна поднялись царские войска. Вместе с тысячами других семей, их семья тоже скрылась в горах. Говорили, что отец со своим войском сражается на Бассе. Их семья и без того видела его мало. Он был постоянно в боях. Несколько месяцев семья пряталась в горах. Вскоре к ним пришел отец. Весь оборванный, заросший, израненный.

- Чечня пала, - сказал он. - Имам бежал в свои горы. Все кончено.

После того около года отец провел тихо, взаперти. По вызову ездил к полковнику в крепость Шатой. И там, и среди людей выказывал покорность властям. По его лицу и умным глазам не было видно кипения его души. Никто не знал ни того, что он встречается с притаившимся, как и он, Атаби Атаевым, ни тем более, о чем они говорят. Не знали и того, что от этих двух закаленных в двадцатилетних боях воинов и храбрых наибов невидимыми нитями тянутся связи по всей Ичкерии. Там были у них единомышленники - беноевские Байсангур и Солтамурад.

Потом, ранней весной следующего года, началось восстание в Ичкерии и Чеберлое. Попозже, когда вырос, Дада понял, почему поднялись люди. Осенью восстание подавили. Умма и Атаби один за другим пошли к начальнику области. Отец,

прежде чем идти, отправил семью в Грузию. Лишь когда начальник области дал слово не трогать его семью, он назвал место, где укрыл ее.

Отца отправили в ссылку. Однако генерал Евдокимов не сдержал своего слова. Велев отыскать и привезти в Шатой семью Уммы, он взял младшего сына Уммы, семилетнего Даду, и отправил его заложником сперва во Владикавказ, а оттуда в Тифлис.

Дада кое-что понимал. Он знал, что царская власть несет в горы одни страдания и что власть эта и отец его - непримиримые враги. Что отец потерпел поражение, а власть одержала победу. Что власти наказали отца и отправили в далекий край, называемый Сибирью, откуда люди не возвращаются. Что власти лишили их семью всего имущества, разорили ее, да еще держат их под подозрением. И что его, маленького мальчика, в наказание за какие-то провинности везут куда-то, разлучив с родными местами.

В Тифлисе он сначала учился в школе, потом его направили в Россию, в военное училище. После его окончания ему дали чин прапорщика. Послали служить во Владикавказ.

Время постепенно залечило раны, нанесенные его сердцу в детстве. Приезжая раз в год в отпуск в горы, он замечал, что семья понемногу оправляется от нужды. Потом старшего брата, Шамиля, назначили старшиной. Ему казалось уже, что старый отец, отчаявшись в своих мечтах, угомонился, и что власти относятся к их семье благосклонно. Дада радовался, что то жуткое время осталось далеко позади. Теперь уже в их жилище светило солнце. Правда, счастье, которое он наконец ощутил, омрачалось при виде народного горя. Но Дада старался не замечать его.

Потом над ним посреди ясного неба стали сгущаться черные тучи.

Поднялась Ичкерия.

Что же станет делать теперь старый отец? Не воспламенится ли его буйное сердце? Удержится ли он от присоединения к повстанцам? Но, если отец и останется в стороне, то уж ему-то, Даде, все равно придется проливать кровь своих братьев. Что же ему делать? Он посоветовался со старшим братом, потом оба - со старым отцом. Умма дал им совет покинуть этот край и пойти на войну против турок.

Дада тогда не стал вдаваться в смысл слов отца. Подумал, что он хочет убрать их отсюда, чтобы они не проливали кровь братьев. А он, оказывается, хотел удалить их отсюда для того, чтобы развязать себе руки и встать во главе восстания. Но какая разница? Ведь куда бы братья ни отправлялись, им не вырваться из рук властей. Неужели этого не понимал старый отец? Ведь он же человек неглупый...

Теперь поневоле ему придется драться с братьями. И не просто драться, а усерднее всех солдат и офицеров, чтобы показать власти преданность своей семьи, чтобы его не обвинили в сочувствии к мятежникам. Однако противоестественно убивать братьев, которые поднялись за свою свободу. В нем заговорила родная кровь. К тому же Дада знал безвыходное положение своего народа, у которого иссякли силы дальше терпеть эту бедность, голод, бесправие и произвол. Но Дада понимал и то, что борьба его с могущественным царем напрасна. Народ будет бороться сегодня, и, быть может, еще завтра, но послезавтра будет потоплен в собственной крови.

Дада Умаев был среди тех, кто дрался с отрядом Уммы на Шаро-Аргуне. Он там повел в атаку взвод, стрелял из пистолета в гущу повстанцев. Интересно, видел ли его отец? Какое это странное время! Сыновья идут против отца. С оружием в руках...

С этими мыслями Дада Умаев въехал в Зумс. Но аула уже не было как такового. На его месте остались голые каменные стены, черные от копоти. Крыши и окна сгорели. Сено, уложенное в стога, превратилось в пепел. Сожжены сараи, чердаки, хлевы. Кругом не видать ни души. Одни лишь собаки охраняют опустевшие дворы.

Дада издали видит свой родной дом. Там не оставили ни единого колышка. Со сгоревших ворот свисает пара досок. Привязав коня к дереву, он вошел во двор. Две собаки лежат мертвые, оскалив клыки. Еще дымится груда сожженного домашнего скарба. Кукуруза в плетеных сапетках превратилась в угли. Сердце Дады было объято пламенем. Гнездо, в котором он родился, где ласкала его мать, прошло детство, разрушено. Разрушено не у него одного. У нескольких тысяч. Тысячи людей скитаются в лесах, как дикие звери. Ведь власти не считают горцев людьми. Даже на таких, как Дада, офицеров из горцев, смотрят с презрением. Заметят, что кто-то сочувствует своему народу, - сразу отшвыривают в сторону. Даже своим родителям нельзя посочувствовать. Вызвав его, командующий не смог говорить с ним по-человечески. Кричал, как на собаку.

Не сладка жизнь народов, живущих в российской империи, но по сравнению с жизнью чеченского народа, она кажется райской. У чеченцев отобрали почти все самые лучшие, плодородные земли. На них возвели десятки казачьих станиц, боевые укрепления, раздали в награду князьям соседних народов, чеченским офицерам, купцам, духовенству, остальные передали в государственную казну. В Чечне над народом один помещик - государство. Здесь своеобразное управление - военное. Окружные начальники и чиновники эксплуатируют народ от имени государства. Облагают и взимают налоги и штрафы, заставляют народ выполнять многочисленные повинности - дорожные работы, рубку леса, работу на строительстве военных укреплений. Но никому нет дела до просвещения народа. Наоборот, загнали его в темноту и невежество. За восемнадцать лет, прошедших после официального покорения Чечни, здесь открыта одна единственная школа для чеченских детей в Грозном. Туда могут устраиваться только дети обеспеченных. Да и ее открыли для того, чтобы в ней готовить переводчиков и мелких чиновников, опору местной царской администрации.

Все это хорошо знает Дада Умаев. Знает, что народ восстал не из сытой и сладкой жизни. Он нищий, голодный, бесправный, угнетенный, у него иссякло терпение. Но Дада знает, что его маленький народ вооруженной борьбой не сможет завоевать себе свободу, которой нет в России, что его вооруженная борьба против могущественной России безнадежна, обречена на поражение, она приведет его народ к физическому уничтожению, нравственному вырождению. Можно повоевать месяц, год, несколько лет. А дальше? Все равно искупают, потопят в собственной крови. Раз он попал в острые когти двуглавого орла, ему не вырваться своими силами. Какое он имел право так разговаривать с ним? Материться, придя на землю предков Дады? Заставлять его народ принять чуждую ему власть и порядки? Разве его народ посягал на земли и свободу других народов, диктовал им свою волю? Унижал , оскорблял другие народы? Почему так жестоко обращаются с его народом, который поднялся на защиту своей земли, свободы, чести и достоинства, за право на жизнь? Ведь могло же правительство возвратить чеченцам их земли, ввести в Чечне гражданские законы, гражданское управление, которые действуют во всех губерниях и областях России? Хоть немножко позаботиться о просвещении, культуре, охране здоровья его народа? Ведь ему нужно немного!

Спазма подкатывает к горлу Дады. Он медленным шагом выходит со двора, отвязывает коня и, взяв его под уздцы, направляется вверх по кривой улице. Где же старый отец? И Шамиля не видать. Он же старшина, должен быть где-то здесь...

Выйдя за аул, он вспомнил о погонах на своих плечах. Из-за них его могут застрелить из засады. Ведь среди усмирителей восстания, кроме солдат, много милиционеров и офицеров из горцев. А к последним здесь ненависти больше, чем к солдатам. Он решил содрать с плеч погоны и швырнуть их в пропасть, чтобы никогда больше не носить, но раздумал. Кто знает, вдруг с отцом все уладится с миром. Или вдруг они понадобятся, если он останется с ним. Дада снял погоны и положил их в карман, рысью пустил коня вперед.

Когда он выехал на гору, узкая тропа, извиваясь змеей, спускалась по каменному откосу. Далеко внизу серебряной лентой сверкает Шаро-Аргун. Из-под кованых копыт лошади катятся камни в пропасть, гулко ударяясь об зубчатые стены,

пропадают беззвучно где-то далеко внизу, словно канув в мир иной. Где-то кукует кукушка, где-то вторит ей удод. Слышно, как барабанит дятел. Старый ворон, усевшись на единственную ветку высохшей чинары, надтреснуто каркает, навевая тревожную грусть. В воздухе кружит орел, высматривая себе добычу. Кипит своя жизнь в горах, лесах. И не прекращается борьба ни днем, ни ночью. Борьба за жизнь, как у людей. Но самым безжалостным зверем Даде кажется человек. Звери делают все бессознательно, стараясь насытить свою утробу и выжить. А люди убивают друг друга без жалости. Расстреливают, вешают, рвут на куски, морят голодом и жаждой. Что только не делают они друг с другом?

Погруженный в думы Дада Умаев спустился в Шаро-Аргун. Здесь, на месте, где река шире, образовался брод. Но лишь люди, живущие в этих горах, знают его. Подъехав к реке, Дада осадил коня и оглядел русло вверх и вниз по течению, потом противоположный берег. Перекатываясь через большие валуны и извиваясь между ними, брызгая, несется Аргун, темный от прозрачности. Дада спешился, освободил коня от удил, перебросил через седло поводья и пустил его на водопой. Потом присел у реки на корточки, вымыл руки и, набрав воду в пригоршни, поднес ко рту. В светлой воде засверкали солнечные лучи. Выплеснув воду, он стал рассматривать золотое кольцо на мизинце. Он прокрутил его на пальце, потом, потерев о рукав черкески, довел до блеска. Его подарила ему весною любимая Мялхиш в знак верности, любви и обещания выйти за него осенью. Дада тогда вернулся в родной аул, взяв на несколько дней отпуск. Больше всего для того, чтобы повидаться с Мялхиш. Он пригласил девушку к ее соседям и просидел там с ней почти до рассвета. О том, что она в ту ночь отдала ему кольцо, знала одна лишь подруга Мялхиш, Яха, которая сидела с ними.

С этой ночи время для Дады тянулось мучительно медленно. Он начал считать дни. Его не занимали больше ни Владикавказ, ни Грозный. Сердце его все время было в горах. С той поры в душу его вселилась таинственная тревога. Он чувствовал, что между ними ляжет какое-то горе. Когда началась война с турками, он отнес к этому свои тревоги. А оставшись дома, думал, что миновал опасности. Но следом началось восстание. И все же у него еще оставалась надежда. Теперь же отец отнял у него и эту последнюю надежду...

"Где же Мялхиш? - думал Дада. - Живы ли отец, братья? Неужели мне придется расстаться со своей любимой?.."

Грустные думы Дады прервал звонкий голос, донесшийся до него сквозь рычание Аргуна.

- Ваши!

До Дады это донеслось, как во сне. Кто в этих глухих горах позовет его так?

- Ваши!

Дада встал и огляделся. Глянув на другой берег реки, он увидел на крае леса всадника на сером коне. Прежде всего он узнал коня своего брата и лишь потом - племянника.

- Мовсар!

- Ваши!

Дада быстро подошел к коню, вдел ему в рот удила, вскочил на него и бросился в реку. Быстрая река сносит коня вниз, но он, раздувая ноздри и фыркая, переправился на другой берег и встряхнулся.

- Как ты сюда попал? - спросил Дада, обнимая племянника.

- Жду Шаму.

- А где он?

- Не знаю. Он прислал меня, сказав, чтобы здесь я ждал его.

- Едем к Аме.

В семье все так звали Умму. Дада удивился.

- Шама рассердился, когда солдаты сожгли аул. Оба наших дома тоже сожгли.

- Видел, - снова притянул он к себе мальчика.

- Куда же ты, ваши?

- Я тоже иду искать Ами. Ты знаешь, где он?

- Шама знает. А зачем ты к Ами идешь?

- Не знаю... - печально сказал Дада. - Генерал посылает, чтоб

я привел его.

Мовсар внимательно посмотрел на дядю.

- Ама не пойдет, - сказал он твердо. - С ним Иба. Шама и я тоже будем с ним. Никто из нас не пойдет к инарле.

- Куда же вы собираетесь деваться? - Даду удивил решительный взгляд мальчика.

- Никуда. Куда же нам уходить из своих гор?

Даде показалось, что мальчик говорит с ним с укором.

- Вас переловят или перебьют. Нет смысла сопротивляться, Мовсар. Зря пошел Ами за Алибеком. И вы двое тоже не дело затеяли.

- Поймать нас не поймают, но перебить могут. А как же нам оставаться дома, бросив старого Ами? Кто о нем позаботится? Бедный Ами! Говорят, его ранили. - Черные глаза мальчика наполнились слезами. - Неизвестно, где он теперь... Жив ли?

- Ну, чего ты захныкал? Двенадцатилетний парень, а плачет, как девчонка... Когда же ты станешь мужчиной?

- Как же не плакать? - вскричал мальчик. - Мне же мальчики из-за тебя и Шами не давали на улицу выйти... Говорили, что вы слуги наших врагов. Потом, когда Ами пошел против власти, все равно попрекали вами... Будто мой дядя и отец пошли убивать своего отца.

- Мы с ним никому зла не причинили, Мовсар, - попытался Дада успокоить мальчика. - Просто ты не понимаешь. Ведь нам тоже надоело с самого рождения влачить эту жалкую жизнь. Когда забрали Ами, нам житья не давали. С одной стороны - власть, с другой - старые враги Ами. Не в состоянии оставаться больше здесь, несколько лет провели в Грузии, тоскуя по родине. И после возвращения Ами из ссылки, тоже пришлось горько. Оставалось пойти служить властям в надежде, что теперь они оставят нас в покое. Но ведь не мы одни вступили на этот путь. У нас не было другого выхода. А есть люди, которые пресмыкаются перед властью по собственному желанию. Надо же было кому-то быть юртда. Если бы не Шамиль, стал бы кто-нибудь другой.

Пока они разговаривали, Шамиль пересек реку и подъехал к ним. Увидев здесь младшего брата, он удивился. Дада коротко рассказал ему о своем разговоре с генералом и о том, с каким заданием проводил его Лохвицкий. Похожий на отца, с крупным лицом, с высоким лбом, густой рыжей бородой, огромного роста, Шамиль выслушал брата и некоторое время молчал.

- Поезжай обратно, Дада, - сказал он, глубоко вздохнув во всю свою широкую грудь. - Скажешь, что не нашел. Все равно отец не послушается нас.

- А что ты будешь делать?

- Я должен быть с отцом. Отец есть отец.

- А я?

- Ты молод. Если будешь служить усердно, генерал может простить тебя.

- Ты советуешь мне драться против отца и брата?

- Будешь драться там, где нас нет. Езжай, Дада. Такой уж несчастный жребий нам с тобой выпал с самого рождения. Мальчика я отвезу в Грузию к друзьям нашим. Если останешься жив, привезешь его потом домой.

- Я не пойду! - вырвалось у Мовсара.

Шамиль тронул коня. Посмотрев широко раскрытыми глазами на Даду, быстро-быстро заморгав и едва заметно скривив нижнюю губу, Мовсар повернул коня за отцом.

Дада проводил их взглядом, пока оба они медленным шагом не поднялись в гору, и, пробормотав что-то себе под нос, грустно покачал головой и последовал за ними.

Аргун ревел, перехлестываясь через огромные валуны, громыхая между ними, пенясь и поднимая бури брызг.

Высоко в горах, куда лишь изредка вступала нога человека и где большую часть года лежит снег, в глухой пещере вокруг яркого костра на тулупах сидело и полулежало человек десять. За ними

в полумраке просеивала через сито кукурузную муку тоненькая женщина лет сорока с длинными черными волосами.

Под котлом, висящим на цепи, с треском горели дрова; дым, достигнув каменного потолка, скользил по нему и вырывался на волю через вход в пещеру. Издали его невозможно заметить. Пещера эта была выше облаков, а когда облака рассеивались, подступы к пещере заполнял густой туман.

У костра на тулупе, застеленном наизнанку, подложив под голову корягу, полулежал седой старик с длинной, широкой бородой. Левое предплечье его было перевязано полоской пестрой материи. Переворачиваясь с боку на бок, он оберегал кисть руки, иногда заметно морщился от боли.

Взгляды одних были устремлены на старика, другие смотрели на пламя. Люди не замечали дыма, разъедавшего глаза. Старик рассказывал что-то интересное.

- Байсангура взяли в плен. Он, раненый, как вот сейчас я, скрывался в пещере недалеко от своего Беноя. С ним были Солтамурад, зять Байсангура Муна, ингуш Малсаг. Солтамураду и Муне удалось спастись, остальных поймали. Байсангур ведь был получеловек. В былых сражениях он лишился руки, ноги и одного глаза. Мы с Атаби потом сами пошли к властям. Сначала Атаби, имевший несколько ран, потом я. Войска уничтожили аулы, пока мы не сдавались. Нас недолго держали в Солжа-Кале, отправили в Россию. Порознь. Меня - в большой город, который называется Моленск, а Атаби - еще дальше. Байсангура повесили в Хасав-юрте...

Как рассказывал Умма, после подавления восстания 1860-61 годов Атаби и Умма были отправлены на вольную ссылку: Умма - в Смоленскую губернию, а Атаби - в Порхово, в Псковскую губернию. Но смоленский губернатор, нарушив это предписание, посадил Умму в тюрьму. Узнав об этом, начальник Терской области генерал-адъютант Святополк-Мирский послал письмо начальнику Главного штаба Кавказских войск генерал-лейтенанту Карцову, а тот - военному министру.

Последний срочно доложил царю Александру II. Отчитав и наказав смоленского губернатора, Умму выпустили из тюрьмы.

Но и на воле дела у Уммы были не лучше. Денег, отпускаемых ему властью, не хватало и на питание. Одежда, которая была на нем, когда его туда везли, давно превратилась в лохмотья. Одна княгиня, каждый день видевшая его, написала царю жалобу о тяжких условиях, в которых живет Умма. Царь отправил жалобу обратно в Смоленск, приложив резолюцию, чтобы Умме выдали единовременное пособие в сто рублей.

Еще хуже было положение Атаби в Порхове. Царская казна выплачивала на него в месяц тридцать рублей. Тринадцать рублей

- на питание и семнадцать - на квартирную плату. Этих тринадцати рублей Атаби не хватало и на пищу. Он ходил весь оборванный, раны его еще не зажили, да и врача не было. Он не стал молча терпеть свою горькую долю. Атаби, прекрасно зная арабскую письменность и язык, написал письмо царю. "Знаю, что ты выслал меня сюда не для того, чтобы откармливать и разодеть в пышные наряды", - писал Атаби. Он никогда не искал в молодости легкой жизни. Вся молодость прошла в хиджре, а остальное время - в войнах. Жизнь научила его довольствоваться малым. Питания, которое дают здесь, ему хватает. И ту рваную одежду, которая на нем, он кое-как штопает, чтобы скрыть тело. Нарядов ему не надо, но к нему приходит много людей - князья, генералы, чужеземцы, думая, что он какой-то прославленный герой, раз уж сам царь полонил и поселил его здесь. И он боится, что, видя его в этих лохмотьях, они будут насмехаться над царем. Пусть царь, если это не причинит ему большого ущерба, отпустит ему немного средств на одежду.

Вскоре по приказу Александра II Атаби выплатили сто рублей, которые помогли ему сносно одеться, но здоровье изо дня в день шло на убыль. Да и старость давала о себе знать. Атаби вновь написал царю прошение. "Жить мне осталось недолго",- писал Атаби. Ему, старику, нелегко влачить жизнь вдалеке от семьи и родины, в незнакомом краю, среди другого народа. Раны его не зажили, они каждый день кровоточат. Он не знает языка здешнего народа. Словом, смерть нависла над ним. Однако не о возвращении на родину просит он. Ему бы хотелось, чтобы, когда он будет лежать на смертном одре, рядом были люди одной с ним веры. Пусть царь, если это возможно, отправит его туда, где живут мусульмане.

Когда Атаби ждал, не попадется ли человек, который бы отвез письмо в Петербург, на его счастье, к нему заехал проездом с Востока в столицу штабс-капитан Рылеев. Его поразило положение старика. Когда офицер выразил свое сочувствие, Атаби поведал ему о своем желании и попросил доставить к царю его письмо.

Прибыв в Петербург, Рылеев прежде всего постарался сделать все, что может для Атаби. Он написал от своего имени царю, излагая условия, в которых живет Атаби, и просил помочь старику.

Вскоре Атаби вызвали в Петербург. Военный министр Милютин знал, что Атаби - один из знаменитых наибов Шамиля. Он слышал также, что Шамиль даже опасался его, уступая ему в арабском языке и богословии. Милютин поручил исследовать его знания преподавателю восточных языков Петербургского университета - татарину-арабисту. Тот подтвердил, что из всех мулл, которых ему довелось знать, Атаби лучше знает арабский язык. В заключении он писал, что было бы полезно для государства издавать под руководством Атаби внутри империи общемусульманскую газету.

Газета эта не стала выходить. Атаби прожил в Петербурге в доме одного придворного вельможи. Раза два Александр II вызывал его к себе и беседовал с ним. Выполняя просьбу Атаби, царь разрешил ему поехать в Касымовку, где жило татарское население. В конце концов, отпущенный на родину, он вскоре скончался.

Умма рассказывал о краях, где ему приходилось бывать, о больших городах, людях, паровозах, кораблях, обычаях и характерах разных народов.

- Но лучше всего дома, - закончил свой рассказ Умма. - Пусть бедно, путь тяжко, но дома лучше. Я не отдал бы эту пещеру, в которой мы сидим, за весь остальной мир.

Женщина вынула длинные галушки, испеченные на угольях, очистила их о край платья от золы, нагромоздила на поднос и положила перед мужчинами.

- Ну, придвигайтесь, ребята, - сел Умма. - Бисмиллахи рахмани рахим.

Только приступили они к трапезе, как вошел воин, увешанный оружием. Умма вопросительно посмотрел на него.

- Шамиль и Дада стоят там внизу. Пустить их?

- Зачем они здесь?

- Не знаю, говорят, к тебе дело есть.

- Кто-нибудь еще есть с ними?

- Мальчик лет двенадцати.

- Садись, поешь, Буга.

- Не могу, они ждут меня.

- Веди их. Нет ли за ними хвоста?

- Не должно быть. Дальние часовые молчат.

Когда Буга вышел, Умма задумался. Пропал аппетит, и он жевал хлеб нехотя. Он уставился взглядом на тлеющие угольки гаснущего огня и, долго жуя откушенный кусок, с трудом проглатывал его. Наконец , когда вторая начатая галушка была съедена до половины, он положил ее на поднос, разгладил усы и отодвинулся.

После еды от скуки каждый принялся за разные дела. Двое взяли ружья и отправились на охоту, несколько человек с топорами и веревками пошли за дровами, остальные стали: кто - чистить оружие, кто - штопать обувь.

Подложив под голову мохнатую папаху, Умма полулежал на спине с закрытыми глазами. Люди хоть и не спрашивали, но понимали, о чем он думает. Услышав, что едут его сыновья, они и сами несколько призадумались.

Через час следом за Бугой в пещеру вошли Шамиль и Дада. Считая неприличным миновать остальных и подойти к отцу, они, войдя, остановились, обмениваясь знаками учтивости с людьми. Умма не открывал глаз, пока не услышал голос Мовсара.

- Ами! - крикнул мальчик и, бросившись к деду, закопался лицом в его густую бороду, плечи его стали вздрагивать.

Умма снял с головы мальчика папаху, положил ее и погладил мальчика по бритой голове, на которой только-только начали отрастать волосы. Между грозно насупившимися бровями Уммы собрались складки. Губы его задрожали. Умме показалось, что глаза его заплывают влагой. Это еще что такое? Он не верил себе. Никогда сердце его не расслаблялось так, как сегодня. Теперь и внукам из-за него достается горькая доля.

- Что ты хнычешь? - сказал Умма приглушенным голосом. - Разве ты не волчонок? Разве ты не горный сокол?

Мальчик поднял и устремил на деда полные слез глаза.

- Рана тяжелая твоя, Ами? Сильно болит?

- Ничего, Мовсар. Небольшая царапина.

- Я теперь буду с тобой, Ами. Я тебя не брошу...

- Что же ты со мной будешь делать? Рассмеялся Умма, дернув внука за нос.

- Буду охранять тебя, с врагами драться.

- Ты мал еще. Вырастешь - тогда будешь драться.

Обменявшись знаками учтивости с сыновьями Уммы, люди по одному удалились. Оба сына подошли к отцу и справились, как он себя чувствует.

- Рана пустяковая, зажила. Зачем приехали?

- Я пришел, чтобы остаться с тобой, а Даду прислал инарла, - сказал Шамиль.

- Что говорит инарла?

Дада рассказал о своем разговоре со Свистуновым. Умма внимательно выслушал его и тряхнул головой.

- Я не могу возвращаться с полпути, сыновья. Я не сейчас вступил на этот путь. И не такой сумасшедший, как думаете инарла и вы. Все понимаю. Знаю, что не смогу победить, но не могу сидеть, покорно склонив голову. Чем жить рабом, лучше погибнуть в бою...

- Ты же не раб, Ами, - вступил в разговор Дада. - Ты ж ни в чем не нуждался. Был хлеб, скот. И мы вдвоем хорошо устроились на службе. Мы же только-только начинали нормально жить...

Умма покачал головой.

- Не то говоришь, сын. Молод ты. Далек от понимания. Разве я богатства ищу и чинов? Да и в том ли я возрасте, чтобы искать их? Я - горный орел. Поймай вот орленка, еще не оперившегося, принеси домой и посади в клетку. Ты его не приручишь. По мере роста он будет все яростнее бросаться на протянутую ему руку, клевать, царапать, стремиться на свободу. Или умрет в этой клетке от разрыва сердца, от тоски по свободе. Знаю, прав ты. Я достаточно состоятелен, имею скотину, но наше состояние и наше положение двух копеек не стоит, когда у нас нет самого главного - свободы. Что значит твоя должность - юртда? Или твое офицерство? Ровным счетом ничего. Для чего делаются эти ордена и медали? Чтобы мы уничтожали друг друга. То, что нам дают, это объеденная кость, которую бросают в гущу голодных псов. А я не хочу быть им слугой. Я буду до последнего вздоха бороться за свободу. Мне недолго жить. И я погибну в борьбе.

Умма прервал свою речь. В пещере воцарилась тишина. Только было слышно где-то в глубине, как на камень падают капли, как слезы.

- Идите к себе домой. Живите, как знаете. Меня оставьте идти своей дорогой.

- Это же глупо, Ами. Нам не победить, - вновь встрял в разговор Дада. - Разве не видишь гибнущих людей, горящие аулы? Не лучше ли покориться властям?

Умма грозно взглянул на сына.

- Не поучай меня! - повысил он голос. - Слыхано ли, чтобы львенок учил льва? Сопляк. Что ты видел? Что ты знаешь? Разве другие народы покорились властям? Русские, грузины, аварцы, абхазы, сваны? Везде идет борьба за свободу, против несправедливости. Не победим! Думаешь, я этого не знаю? Ты думаешь, я не видел Россию, силы царя? Или ты не видел шрамы на моем теле? Все может случиться, но мы не покоримся. Что будет, если в горах переведутся орлы? Рабство! Что станет с миром, если переведутся конахи. Ведь мир держится на плечах благородных мужчин. Он разрушится, если обопрется на плечи твоего инарли

Орцы, Боты, Довлет-Мирзы и разных там мулл. Конахи рождены, чтобы умирать во имя жизни и свободы народа, чтобы гореть, давая ему свет, чтобы, если пал один, становиться на его место. Не дай бог, чтобы судьба гор зависела от тебя и подобных тебе! Нет у меня потомства, мне суждено исчезнуть бесследно. Кто думал, что такое может случиться?..

Умма встал, заложил руки за спину и тяжелыми шагами прошелся.

Вновь в пещере установилась тишина.

- Люди не говорят, что ты поднялся за свободу, - осторожно сказал Дада.

- Что же они говорят?

- Говорят, что ты продался туркам за золото, что ты стараешься за их дело.

- Кто эти люди?

- Это провозглашают в мечетях всех аулов.

- Муллы? Эти суки? Теперь я понял, куда ты гнешь! И ты тоже им веришь? Конечно, веришь! Иначе не говорил бы. Вы что, думаете, все продается и покупается, как вы? Кто распространяет эти слухи? Гнусные собаки! Вам же все равно, если народ будет гореть синим пламенем, лишь бы ваша утроба была набита. Возвращайтесь оба. Скажите инарле, что я не приду. Скажите, что вы за меня не в ответе. Присоединяйтесь к солдатам, жгите вместе с ними аулы, убивайте женщин и детей. Тогда инарла простит вас. Даст вам чины и ордена, омытые слезами и кровью убитых вами женщин и детей. Убирайтесь с глаз моих оба!

Широкая, длинная борода учащенно вскидывалась на груди.

Грозные глаза налились кровью.

- Я не затем сюда пришел, чтобы уйти, Ами, - сказал Шамиль.

- Я пришел делать то же, что и ты. Мое место рядом с тобой.

Дада стоял, опустив глаза. Все это он предвидел с самого начала, хорошо зная отца и брата. Мовсар тоже смотрел на него расширившимися глазами. Ждал его ответа. Отступить - значит лишиться отца и близких. И не только их. Он потеряет и народ. Тогда эти древние горы проклянут его.

Дада посмотрел на Мовсара. Глаза мальчика смотрели на него умоляюще и укоризненно. Он подошел и обнял племянника...

ГЛАВА V

МЕСТЬ

Женщины - это инстинкт народа,

источник его воли. Предстать

перед ними - это испытание еще

более тяжкое, нежели

артиллерийский обстрел.

Алибек, чтобы не обременять население, лишь изредка останавливался в аулах, когда дни не выпадали ненастными, ведь власти наказывают весь аул за малейшую поддержку повстанцев.

Сегодня Алибек со своим отрядом остановился на Гамар-Дуке. Он лежал на спине у края обрыва, на зеленой траве под огромным дубом. Чистый воздух был напоен приятным запахом цветов. Прямо напротив простирались суровые Чеченские горы, притихшие под лохматыми папахами облаков. У их подножий разбросаны Бассоевские аулы. А рядом здесь, внизу, на берегу Хулхулау, на ровном плато стоит крепость Ведено.

Там сосредоточены основные силы царской власти в Ичкерии. А вокруг - другие, поменьше, гнезда прорезали всю Ичкерию. В них всегда стоят войска, направив орудийные жерла на аулы. На каждые десять аулов - по одной крепости, на каждые десять душ населения - по одному солдату. Кроме них, еще штук двадцать казачьих станиц, вооруженных до зубов. Да еще духовенство, много чеченских офицеров, купцов и разных проходимцев, всегда готовых прийти на помощь. Сможет ли Алибек устоять против них всех?

Чуть поодаль от Алибека на бурке лежит Кори, уткнувшись в бумагу. Алибек решил совершить нападение на Ведено, разрушить здесь это главное гнездо царской власти. Кори готовит план этого удара.

В стороне о чем-то шумно спорят Кайсар, Косум и Сулейман. Алибек прислушивается. Речь идет об Умме. Сулейман вовсю ругает Умму. Косум оправдывает его, а Кайсар пытается примирить их.

Алибек протирает рукой глаза, прогоняя наступающую дремоту. Сейчас Кори о чем-нибудь спросит. Хороший друг и советчик Кори. Все операции Алибек осуществляет по его плану. И не по вине Кори они заканчиваются безуспешно. Храбрые и мужественные воины у Алибека, но молодые и неопытные. А у противника есть и дисциплина, и воинское мастерство, и новое оружие.

Сила восстания заключалась только лишь в беспредельной ненависти людей к власти и смелости его руководителей. Всюду к ним присоединяются доведенные властями до отчаяния люди. Словом, кроме Ведено и Эрсеноя, вся Ичкерия в руках повстанцев. В Чеберлое тоже разгорелось пламя. Они с Сулейманом через Шали предприняли набег на равнину, в сторону рек Гумс и Мичик. Им не удалось удержать эти аулы за собой, но они не выступили против него даже под нажимом властей, как это бывало раньше.

Алибеку вспомнился случай, который произошел с ним двенадцать лет назад. Их, мальчиков, тогда вывезли обучать в горы. Алибек слишком озорничал. Раз его снесло потоком, когда он попытался перейти набухшую горную реку. Его било о камни и скользкие берега, швыряло через валуны. Алибек старался ухватиться за что-нибудь. Хватался за каменную глыбу, но руки соскальзывали

с нее. Отброшенный к берегу, старался уцепиться ногтями за каменные уступы, но вода вновь подхватывала его и несла дальше. Наконец, в одной круговерти его закрутило и выбросило на берег. Нынешнее свое положение показалось ему похожей на ту ситуацию. Вот уже несколько месяцев его швыряет то в одну, то в другую сторону, разобьют его здесь - он бежит на другое место, здесь его припрут - там выкарабкивается. Теперь он намерен немного собраться с силами и ринуться в круговерть.

И неизвестно, может, она втянет его на дно, а может, выбросит на берег.

- Алибек! - как сквозь сон услышал он голос Кори. - Подойди-ка сюда на минутку.

Алибек, опершись на одну руку, лихо вскочил и подошел к другу. Перед Кори лежали карта и план Веденской крепости. Вчера он с помощью Овхада вписал туда арабскими буквами названия мест, рек и аулов.

- Вот это - крепость Ведено, - провел Кори карандашом по четырехугольной фигуре. - С севера стоит бывшая крепость Шамиля. С юга вплотную примыкает к ней крепость царских войск. Высота - одиннадцать локтей. Здесь и над стеной две башни. Эту стену с востока защищает высокий берег Хулхулау. Здесь у стены, с запада, глубокий ров. Он вырыт недавно. Так же укреплены и две другие стороны. Стены крепости имеют густую сеть бойниц. Вот в этих местах на стене стоят восемь пушек, из которых четыре - для картечи. В крепости нет родника. Воду туда провели из Хулхулау вот по этому арыку. Внутри крепости сооружена большая водосборная яма.

Алибек внимательно следил за кончиком бегающего в руке Кори карандаша. Теперь он хорошо мог читать план. Кроме этого, и сам прошлой зимой исследовал стены крепости.

- Своими силами крепость нам не взять, - сел Кори. - Там полторы тысячи солдат и кавалерийская сотня. Половины этой силы хватит, чтобы успешно держать оборону против нас. Наши люди хорошо дерутся в лесах и горах, но когда надо взять такую крепость, они беспомощны. Кроме того, как мы начнем штурм крепости, с тыла нас ударят войска, которые стоят в Эрсеное и Чахкари.

- Что ты думаешь?

- О взятии крепости штурмом и речи быть не может. Надо брать ее измором, длительной осадой.

Алибек подумал. Потом взял в руки карты Ичкерии и Чеберлоя, стал внимательно рассматривать их.

- Крепость надо разрушить, во что бы то ни стало, Кори, - сказал он, возвращая карты Кори. - Пока она там стоит, на успех нам нечего рассчитывать. По минимальным подсчетам, вражеские силы, стянутые сюда, исчисляются семью тысячами пехотинцев, тысячью всадниками и примерно двумя десятками пушек. Им еще будет помогать и вайнахское ополчение.

- У нас против них не наберется и двух тысяч воинов. У солдат новые ружья. Они быстро заряжаются и далеко бьют. Против одного нашего выстрела они успевают сделать десять.

Друзья на время притихли. Спор товарищей в стороне сменился уже шутками. Сулейман рассказывал что-то смешное, двое других от души хохотали.

- Многовато их, - сказал Алибек задумчиво, - Абдул-хаджи и Тангай отвлекут на себя дагестанский отряд Накашидзе. Губха возьмет на себя тех, что стоят у Эртен-Корта. Нурхаджи сдержит хасавюртовские силы. Сулейман со своим отрядом встанет у этого Гамар-Дука. Мы с тобой окружим крепость и в первую очередь отрежем приток воды в крепость. Этой же ночью надо послать к Умме нарочного. Пусть поднимет Чеберлой, как только мы начнем здесь бой. Он должен половину

дагестанского войска отвлечь на себя. Врага будет легче победить, если силы его будут разрознены. Они подозвали трех своих друзей, отдыхавших недалеко, и изложили им свой план.

- Ты, Сулейман, завтра вечером или ночью встанешь на этот хребет. А ты, Косум, возвращайся в наши леса. Любым способом поднимай ауховцев и салатавцев. Нельзя пропускать в Ичкерию ни одного солдата из Хасав-юрта.

Вновь обследовав хребет и определив места для укрепления, они ушли.

В пещере дни текли однообразно. Рана Уммы уже заживала. Иногда ночью он посылает людей в аулы, и те возвращаются в течение суток с кукурузной мукой, мясом, салом и сыром. Они же поддерживали с аулом непрерывную связь. Многие люди оттуда были готовы последовать за Уммой, как только он спустится в долины. Хоть и был еще последний летний месяц, высоко в горах уже похолодало. Все время стоял густой туман, ночью с ледников дул холодный ветер. Люди коротали ночи, сидя в пещере вокруг постоянно горящего костра и рассказывали о прошлых временах.

Легко раненый Дада Залмаев вел бои в горах со своим небольшим партизанским отрядом. Но дела у него были неважные. Многие чеберлоевские аулы, поднятые Уммой, отошли и послали своих векилов к приставу Сервианову. У некоторых Накашидзе взял заложников. Андийский наиб поручик Гирей, со своим милицейским отрядом грабил аулы. Заложников заперли в Шатойской крепости. Но основные участники восстания успели скрыться в горах.

Дада Умаев уже привык к повстанческой жизни. Вначале трудно было спать в сырой пещере, постелив на холодные камни бурку. Даже во сне виделись ему годы, проведенные в Тифлисе. Шумный город, кишащие людьми вечерние улицы, молодые девушки. Постоянно стоял перед глазами и образ Мялхиш. Дада отчаялся в своей любви. Пусть его не убьют при подавлении восстания, но двадцать лет каторги ему обеспечены. Оттуда он вернется сгорбленным, седым стариком. Тогда любимой уже не будет...

Оставшись наедине с повстанцами, Дада побеспокоился прежде всего о Мовсаре. Он любил своего племянника, и у Мовсара не было ничего дороже дяди. Позавчера он отвез мальчика в Хевсуретию и, оставив его там у своего названного брата, возвратился сегодня вечером.

Беглецам часто напоминала об их семьях бежавшая с ними в горы Марха. При виде ее у них глаза тускнели от тоски и они погружались в раздумья.

Возвратившись вчера на закате, Дада застал Марху в пещере одну. Разговорившись с ней, он узнал судьбу этой печальной женщины. Марха была из Нихали. В день, когда отряд Накашидзе занимал аулы, мужа ее не было дома. Он поехал на похороны в Дай. Марха тоже ушла из дому закончить прополку кукурузы на делянке, оставив дома двоих детей. Услышав в ауле стрельбу, она бросила мотыгу и кинулась домой. Чем ближе она приближалась к аулу, тем явственней слышались причитания плачущих женщин, лай и визг собак. Взбежав на холм, она увидела поднявшийся над аулом черный дым. Охваченная тревогой за оставшихся дома детей, она ворвалась в аул. Теперь она хорошо видела свою объятую пламенем лачугу. Вбежав во двор, она огляделась. Детей нигде не было. Бросилась в садик, стала звать. Носящиеся с причитаниями женщины не обращали на нее внимания, они тоже были оглушены своим горем. Ворвавшись сквозь огонь в дом, она нашла дочку и сынишку, скорчившихся в камине. Они не обгорели. Решив, что они живы, она взяла их обеих под мышки и, обжигая себе лицо, выскочила во двор. Но когда она на улице положила их на землю и стала тормошить, оба ребенка ответили ей безмолвием. С почерневших от сажи личиков на нее смотрели остекленевшие две пары глаз, в которых застыл ужас. С душераздирающим воплем мать катала их перед собой. Но дети молчали. Еще до того, как огонь подобрался близко, они задохнулись от дыма и жара.

Марха не стала взывать о помощи. Она сдержала крик души своей, прикусив зубами нижнюю губу. Из глаз скупо выкатилась слеза. Потом она по одному отнесла обоих детей в сад, положила их рядом под деревом груши, сняла с головы теплый платок и накрыла их личики. В тот день она не стала их хоронить. Ждала возвращения мужа. На следующий день привезли его труп. Он был убит, когда громили Дай.

Марха похоронила мужа и детей и вернулась к своему сгоревшему очагу. Мужчины и женщины ходили к ней с соболезнованиями. Старались даже утешить ее, говоря, что есть люди, у кого и пострашнее горе. Но Мархy не утешали слова добрых людей. В голове ее клубились безумные мысли. Она искала решения. И приняла его на третий день. Марха взяла оставшееся от мужа оружие и ушла за Уммой.

Она стряпала для живущих в пещере, стирала и чинила им одежду и ни с кем не разговаривала. Если ее о чем-то спрашивали, она отвечала коротко и умолкала. Если делать было нечего, она, как и мужчины, чистила свое ружье. Иногда отходила в сторону, стреляла в цель и возвращалась. Как-то Дада случайно наткнулся на нее в лесу. Она прижимала к груди ружье и тихо плакала.

Дада сидел на камне у входа в пещеру. Долго смотрел на багровые отблески гаснущего солнца. До слуха его долетел жалобный визг зайца, угодившего в пасть какому-то зверю.

В пещере тянули грустный мотив песни. Среди голосов Дада различал зычный голос отца. Когда сумерки стали сгущаться, на тропе, ведущей в горы, показались двое. Хусейна, сына Амы, он узнал сразу же. По мере приближения второй тоже стал ему кого-то напоминать. Но человек этот не мог быть тем, на кого походил.

- Овхад! - вскочил он, изумленный.

Овхад подошел и протянул ему руку.

- Что ты тут делаешь? - спросил Дада.

- Пришел к тебе в гости, - пошутил Овхад. - Где Умма-хаджи?

- Там, - кивнул Дада головой к пещере. - Проходите.

Когда с Хусейном впереди они вошли, люди прервали свою печальную песню. Как всегда полулежавший на тулупе Умма при виде гостя встал. Он поздоровался с ним за руку и повернулся

к Хусейну.

- Кто это? - спросил Умма, грозно насупив брови.

- Говорит, что от Алибека, - ответил Хусейн.

Умма оглядел Овхада с ног до головы.

- Ты посланник Алибека? - спросил он.

- Да.

- Пароль?

- Аксай зовет Аргун.

- Чем докажешь?

Овхад вынул из кармана четки и протянул ему.

- Сколько здесь?

- По одной по каждому имени Аллаха.

- Садись, - мотнул Умма головой в сторону колоды у костра, и сам сел на свое место. - Марха, дай ему поесть.

Марха поставила перед ним поднос с холодным чуреком и сыром. Овхад, который с раннего утра ничего не брал в рот, не заставляя себя упрашивать, с жадностью принялся за еду. Наевшись, Овхад выпил воду и отодвинулся, а Умма приступил к делу. Взглядом он дал понять, что остальные должны выйти.

- Что говорит Алибек?

- Послезавтра утром он начинает осаду Ведено. Главные наши силы стянуты туда. Но у врага сил в десять раз больше, чем у нас. Тебе он предлагает послезавтра утром прийти с твоими людьми на Басе. Ты должен отвлечь на себя хоть половину войска Накашидзе. Алибек хочет знать, сколько у тебя наберется людей.

- Сотни четыре-пять.

- Вместе с людьми Дады Залмаева?

- Нет.

- Его, сказано, со своими людьми надо оставить здесь, чтобы здешние войска не ударили тебе в спину. Из Дагестана будет помощь?

- Добрая половина моих людей - оттуда. Как мне узнать, если ваш план изменится?

- Не может измениться. Все взвешено и рассчитано. Но на всякий случай пусть один твой человек стоит на горе Пешхой-Лам. Как рана?

- Зажила. Есть ко мне еще что-нибудь?

- Нет. Я еду обратно.

- Может, останешься ночевать?

- Нет. Надо спешить. Будьте здоровы.

Выйдя из пещеры, Овхад застал Даду, дожидающимся его. Вместе они спустились вниз.

- Послушай, Овхад, как ты оказался с Алибеком?

Овхад рассмеялся.

- Как оказался? Просто пошел и примкнул к нему.

- Давно?

- В ту самую ночь, когда его провозгласили имамом.

Дада непонимающе вертел головой.

- Отец же твой - уважаемый властями состоятельный человек. К тому же и вы, братья, были на службе у власти?

- А разве Умма и его сыновья не были в чести у властей?

- Мы-то другое дело, Овхад. Наш отец с рождения враждует с властями. А ваша семья всегда верна царю.

- Не смешивай всех, говоря "семья", Дада. Пять пальцев руки тоже неодинаковые.

У нас у каждого свой ум, свой характер.

Когда добрались до родника, бьющего между камнями, Дада остановился.

- Хусейн, иди, он тебя сейчас догонит... Так-то так, Овхад, но меня удивляет, что ты по своей воле пошел за Алибеком.

- Но ведь и ты здесь.

- Я? У меня не было другого выхода. Генерал Свистунов прислал. Приказал: приведи ко мне своего отца, а не приведешь - позаботься о своей голове. Но я все равно был бы здесь. Однако не из-за идеи, а чтобы не драться против отца и брата. Мы с тобою не из глупцов, Овхад. Мы из тех чеченцев, которых называют образованными. Пусть мы с тобою знаем не очень много, но уж силы царя и бессилие своего народа мы видим. У царя и в мирное время под ружьем миллион солдат. А нас, даже если мы соберем женщин и детей, не наберется и двухсот тысяч. У народа, который поднялся за свою свободу, должны быть большие внешние связи. Его представители должны быть в других странах, чтобы просить о помощи. У него должны быть свои заводы, фабрики, короче говоря, экономическая основа. Ему нужна печать, чтобы сплачивать массы, провозглашать идеи свободы. Ничего этого у нас нет, Овхад. Что мы можем противопоставить хорошо обученным регулярным царским войскам, вооруженным современным оружием, и генералам, владеющим современной тактикой и стратегией? Ничего. Говорят, что Алибек - умный человек, но необразованный. Он даже не окончил школу прапорщиков.

- Вашингтон тоже не окончил офицерской школы.

- Вашингтон и Алибек - не одно и то же. На помощь восставшим американцам шло много добровольцев, в том числе и из Англии, против которой они восстали. А кто нам поможет? Никто. То, что здесь происходит, не знают даже в России. И те, кто слышит о нашей борьбе, говорят: да, это, мол, дикие фанатичные чеченцы, разбойники, поднялись против цивилизации, которых остановит только жестокая расправа. Эта пропаганда изменила отношение к нам русского мужика, который, живя в этом краю, глубоко сочувствовал нам раньше. Ведь они считают, что, если мы победим, им придется убираться отсюда. Вернее, это вбили им в голову.

- У Алибека нет такой цели, Дада. Он ищет справедливости, уравнять все народы, живущие в этом крае, землей и правами.

Дада махнул рукой:

- Утопия. Этого никогда не было и не будет. Разве царское правительство озабочено судьбой народов этого края? Разве для этого оно подарило богачам тысячи десятин земли, чтобы потом отобрать у них и разделить с вами поровну? Разве ты не знаешь, как поступают правительства с теми, кто восстает за землю и свободу? В России, Европе и во всем мире? И ты со своим Алибеком мечтаешь завоевать свободу и справедливость, что никому на свете не удавалось.

- Народ похож на семью, - сказал грустно Овхад. - Возьмем для примера наши семьи. Обе они, скажем, богатые. У нас с тобою совершенно другие взгляды на жизнь, в отличие от других членов наших семей. Также и в каждом народе люди разных взглядов. К примеру, Англия и Франция, Испания и Португалия, а также и другие державы безжалостно эксплуатируют народы своих колоний. Но народы - англичане, французы, испанцы и португальцы - сами влачат нищенскую жизнь. Не народы же захватили эти колонии. Не они же угнетают подобные им другие народы.

- Сказки! - Дада махнул рукой. - Разве не английские, французские, испанские и португальские солдаты завоевали эти колонии? Разве не русские солдаты штыками подавляют свободу нашего народа?

- Их насильно гонят...

- А кто из них воспротивился тому, чтобы идти на войну в Чечню? Никто. Кто в России выступает с осуждением этой войны, в защиту чеченского народа? Никто. Молчат все. Как говорится, молчание - знак согласия. Значит, в России все одобряют преступные действия своих генералов в Чечне. А эти безземельные, бесправные, безграмотные солдаты, переодетые в шинели русские крестьяне нас с тобою не считают людьми. Во всяком случае, генералы и офицеры. Во всяком случае, большинство из них. Каким бы жестоким не был царь по отношению к народу, солдат гордится им, служит ему верой и правдой. Гордится каждым клочком земли, захваченным его штыком для русского государства. Этот клочок расширяет границы государства, укрепляет его могущество. Но одного бедолага не понимает, что завоевание чужих земель, порабощение других народов совершают руками русского мужика, проливая его кровь и доводя народ до нищеты и голода. Что бы ты ни говорил, Овхад, новые завоевания приносят в какой-то степени пользу и мужикам. Безземельный и бесправный в губерниях мужик переселяется на завоеванные земли, получает там отобранную у аборигена землю. Такую политику колонизаторы проводят везде и всюду со дня сотворения мира.

Ушедший вперед Хусейн приглушенным голосом позвал Овхада.

Овхад подошел к роднику, набрал в пригоршни воду и выпил.

Вытерев губы рукавом черкески, он обратился к Даде.

- Друг, все это мне прекрасно известно. На эту тему споров у нас с тобой было много во Владикавказе. Что бы ты ни твердил, я уверен, что среди людей и народов будет равенство. Но свобода и равенство никогда не придут, если все, подобно тебе, будут так рассуждать и терпеть произвол. За то и другое надо бороться. За это отдают жизнь.

Дада глубоко вздохнул.

- Знаешь, что будет с этим восстанием? - спросил он.

- Знаю. Подавят. Оставшихся в живых перевешают, расстреляют, отправят на каторгу.

- И тем не менее, ты присоединился к ним?

- Да. От народа мне уходить некуда. Наш народ никогда не оставался в стороне от борьбы и никогда не терпел безропотно произвола над собой. И не потерпит. Если твое сердце не принимает наши идеи...

Дада громко рассмеялся. Но в его смехе Овхад слышал беспредельную печаль.

- Не беспокойся, Овхад, - тряхнул его за плечи Дада, - пусть это дело в душе я не одобряю, но жизнь свою я за него отдам. Если я не паду в бою раньше, то увидишь этого молодца на виселице.

- Об этом не будем говорить, Дада. Где падем мы, там поднимутся другие. Ну, давай свою руку, будь здоров. Скоро увидимся.

Когда Овхад бегом скрылся среди скал, Дада покачал головой и, глубоко вздохнув, направился обратно. Он думал об Овхаде. У него была такая же возможность для личного счастья, как у Дады. Даже больше. Несмотря на это, он добровольно примкнул к повстанцам. По доброй воле сунул голову в петлю...

На пути к пещере было три промежуточных поста по два часовых на каждом. И тот, кто сюда идет или едет, проверялся трижды.

У каждого поста был свой пароль, так что ни один посторонний человек не мог бы проникнуть сюда, не разоблачив себя.

На крайнем посту Буга, сын Иши, с товарищем провели ночь спокойно, без каких-

либо тревожных признаков. Они поочередно засыпали. На рассвете Буга позволил товарищу заснуть, а сам сел на каменную глыбу, откуда была видна вся тропа, положил рядом ружье и завернулся в тулуп. Осень была сырая и холодная. Здесь чувствуют тепло только тогда, когда солнце оказывается

в зените. Отбыв свою очередь в эту ночь, он освобождается на две ночи. Время тут тянется долго от безделья. Буга старается сократить его размышлениями. Что только не лезет в голову:

аул, семья, родные, аульчане. Аул-то его сожгли, а где аульчане - неизвестно. Некоторые возвратились, когда солдаты ушли, перекрыли свои голые стены и вновь заселились.

Вспомнилось Буге детство. Потом, перебирая дни и годы, он добрался до молодости. Воспроизвел в памяти вечеринки и свадьбы, на которых видел свою возлюбленную. И задумался о том, когда же он бросит эту волчью жизнь. Будь проклят этот аульный старшина Боза. Он насильно взял для своего сына его возлюбленную. Вернее, сын умыкнул ее, а когда братья ее с Бугой решили отомстить, Боза донес на них властям. Пристав прислал милицию, и она арестовала Бугу и посадила его в крепость Шатой. Отец вынужден был продать корову, чтобы через аульского старшину выкупить его у пристава. Но половина денег застряла в кармане старшины. Азии, запуганная, покорилась своей участи. Братья тоже уступили, сославшись на почетных посредников, которые примирили их с Бозой. Буга и до этого не верил в искренность их действий. Теперь же он убедился, что они искали повода для примирения. Ведь Буга ничего собой не представлял. Сын бедняка. А Садо - сын старшины аула, богач в сравнении с Бугой. Когда Дада, сын Залмы, обратился с призывом, Буга первым последовал за ним, чтобы отомстить Бозе. На днях Буга спалил его дом. Со всех четырех сторон поджег. Но и этого ему мало. Он должен убить Бозу и Садо. И он сделает это.

Из раздумий его вывело появление на тропе внизу четырех товарищей. Они спешили, как только могли, перепрыгивая через валуны и пробираясь на четвереньках по скалам.

- Что случилось? - спросил Буга, когда товарищи подошли близко.

- Солдаты идут.

- Так почему же вы не выстрелили?

- Тогда бы они от нас не отстали. Идем, крадучись, в надежде, что у подножия они повернут назад.

Дада первый заметил спешащую охрану. Их сообщение подняло людей, сидевших в пещере в ожидании пищи.

- Надо готовиться к бою, - сказал подошедший к Умме Дада.

- Цыпленок! - взглянул на сына Умма. - Офицер божьей милости! Они же до вечера выкурят и переловят всех нас в пещере. Готовьтесь быстрее бежать! Мита, вперед, показывай дорогу! Нельзя погибать здесь. Нам еще бороться.

Люди, оставив лишнюю утварь и взяв оружие, топоры и прочее необходимое, приготовились выйти. Только Марха одна осталась стоять у кипящего котла с опущенными руками.

- Ты чего ждешь? - обернулся к ней Умма.

- Я не пойду.

- Что значит "не пойду"? Ну-ка живее!

- Вы уходите, Умма-хаджи. Я не смогу лазить с вами по горам. Постарайтесь

спастись сами.

- Торопись, тебе говорят!

- Я не пойду. Для вас я буду только обузой. Идите. Солдаты женщину не тронут.

Умма с минуту подумал, махнул рукой и пошел.

Когда люди скрылись из виду, Марха вышла из пещеры и посмотрела вниз на тропу. Далеко внизу она увидела солдат, гуськом поднимавшихся вверх. Впереди шел офицер в мохнатой папахе. Чеченец или андиец. Сколько их охотилось за ними, несчастными. Марха долго стояла на месте, пока солдаты не подошли сравнительно близко. Потом вернулась в пещеру, зарядила ружье, засыпала в ушко пороху и, взяв сверток с порохом и пулями, вновь вышла. Она залегла за большой камень у входа в пещеру, развязала сверток, положила рядом с собой и, прицелившись в лоб шедшего впереди проводника-горца, не спеша спустила курок. В горах прокатилось тройное эхо. Когда дым рассеялся, Марха уже не видела горца. Засыпав в ствол мерку пороха и вложив следом свинцовую пулю, она утрамбовала их пыжами. Теперь уже различались лица солдат. Белые фуражки без козырьков, красные погоны на плечах, настороженно-безжалостные лица. Когда упал проводник, они продвигались осторожно, прячась за камни и перебежками. Теперь Марха взяла на прицел ползущего впереди офицера в мохнатой папахе. Вновь по горам прокатилось эхо выстрела. Офицер уткнулся в землю и затих. Солдаты продолжали приближаться. Марха торопилась. Она должна была убить за мужа и двоих детей, хотя бы по два человека за каждого. "Шесть... семь..." - считала она убитых врагов. Солдаты были уже совсем рядом. Марха даже слышала их дыхание. Пустив последнюю пулю в восьмого солдата, Марха, держа в руке дымящееся ружье, выпрямилась во весь рост.

Солдаты один за другим пробежали мимо Мархи, прячась за стену и стреляя в пещеру, они вошли вовнутрь. Дав несколько залпов в пещере, они повыскакивали оттуда. Офицер с красными глазами, брызгая слюной, закричал:

- Куда подевались эти собаки?

Марха, улыбаясь с презрением, пятилась к высокому обрыву.

- Хватайте ее, - приказал офицер солдатам.

Солдаты бросились к ней. Но Марха не дала им дотронуться до нее. Она резко рванулась к обрыву и с ружьем в руках исчезла в пропасти...

Осадив коня на Терга-Дук, Алибек бросил с этой высоты взгляд по сторонам и задумался. Вот эта благодатная, величественная природа спасает их от голодной смерти. Не только от голода, но и от врагов. Эти леса и горы помогали им на протяжении веков сопротивляться могущественным царям, их жестокой власти. Не только сопротивляться, но иногда одерживать дерзкие победы над ними.

Родственники, хоть вначале и одобряли избранный Алибеком путь, но в последнее время начали проявлять недовольство. Не то, чтобы считали его неправым. Просто в первый же месяц они поняли, что Алибек затеял напрасное дело. По наущению богачей и духовенства, некоторые люди жалуются отцу и братьям Алибека, обвиняют его во всех грехах и несчастьях в Ичкерии. Что он нарушил их мирную жизнь. Братья, хоть и не высказываются открыто, но думают также. В начале восстания они усердно поддерживали Алибека, но после стали холодно и равнодушно относиться к его делам. И будь во главе восстания кто-то другой, они бы и близко не подошли к повстанцам.

Вот несколько дней назад он поручил Алимхану поднять аулы по Аксаю и задержать наступление войск из Хасав-юрта. Возражать Алимхан не стал, но и приказ не выполнил. Правда, о трех младших братьях Алибек ничего плохого не может сказать. Арапха и Султи не ради словца, а от души выполняют все его поручения.

Оба постоянно рядом с ним. И самый младший Зелимхан очень привязан к нему. Но все трое еще молоды, чтобы советоваться с ними или оказать ему помощь.

Мысли Алибека, на некоторое время занятые семьей, вновь вернулись к сегодняшнему положению. Дела никак не клеятся. Дела с плоскостными аулами безнадежно кончились. И ждать помощи от Дагестана Алибек уже устал. Неизвестно, как идут дела с восстанием у абхазов и сванов.

Когда готовили восстание, нашлись такие трусы, которые постоянно жужжали в ушах Алибека и его товарищей. Они твердили им, что власть эта сильна, царь могущественен. Что нет в мире силы, способной одолеть эту власть, у которой имеется рука в каждом ауле, каждой семье.

Что царя ему не осилить, Алибек знал не хуже кого-либо. Он и его сподвижники не столь глупы, как некоторым кажется. Да вот не было сил терпеть эти муки и несправедливость.

Если не случится что-то непредвиденное, Алибек собирается на ночь оставить свой маленький отряд в Беное и съездить в Лема-Арц. Уже в который раз он выезжал с этой целью, но никак не удавалось сделать это.

Когда они подъезжали к Беною, навстречу им выехал бенойский богач Бисолта, который примкнул к Алибеку в начале восстания. Уважая в нем старого человека, Алибек, подъезжая, сошел с коня. Бисолта ответил на приветствие и, сладостно улыбаясь, подал всем руки.

- Добро пожаловать, дорогие гости! Да поможет нам великий Аллах одержать победу над врагом!

Алибека насторожили бегающие, как вода, хитрые глазенки Бисолты.

- Поехали, - занял Бисолта место впереди. - Ах, как хорошо, что вы приехали! Сегодня, с Божьего благословения, зарежем много баранов и устроим сагу за ваши жизни.

- Что тут нового? - прервал пустую болтовню Бисолты Алибек.

- Нового? Ничего особенного. Солтамурада дома нет, уехал в Беной-Ведено. Всю прошлую ночь со стороны Гамар-Дук доносился грохот орудий. Говорят, жители Центороя и Дарго готовились выступить против тебя. Заодно с ними белгатойцы. Вчера приезжал Элби. Говорят, меня спрашивал. Не знаю, зачем.

- Как здешние люди настроены?

- Неплохо, Алибек. Божьей милостью, верны тебе. За тобой и в огонь готовы. Ночевать останетесь? Сегодня не отпущу. Еды много, лечь есть где. Эй, Беччурка! Зови людей, надо разместить гостей. Мостарг! Зарежь десяток баранов. Да поживей там!

Бисолту Алибек никогда не любил. В Ичкерии не было ни одного человека, которого можно было сравнить с богачами равнинных аулов. В последние годы там выросла опора царской власти, имеющая в своей собственности земли, магазины, стада; получали от государства крупные жалованья, пожизненные пенсии, получали должности, хотя и небольшие. Бисолта не был облечен никакой властью, да и власти не обращали на него никакого внимания.

Но, имея несколько сотен овец, коров, лошадей, в условиях Ичкерии он считался богачом. Жажда его к власти и побеждала даже его неимоверную жажду к богатству. Бисолта так и состарился, мечтая о должности, думая, что если не сегодня, то завтра получит ее. А нынешняя обстановка совсем запутала его планы.

Он боялся Алибека, который мог для нужд повстанцев забрать его скот, нажитый чужим трудом. Но слухи о том, что русские войска терпят поражение в войне с

турками и сын Шамиля Гази-Магома идет в горы, а восстание в горах с каждым днем разгорается все сильнее, толкнули его к Алибеку. Однако Алибек нехотя принял этого беноевца, который вызывал у него отвращение. К тому же Бисолта щедро одаривал повстанцев баранами.

Не успели они расположиться как следует, как примчался на взмыленном коне Овхад. С первого взгляда Алибек понял, что он появился не случайно и что этой ночью ему снова не придется увидеть семью. Овхад отвел Алибека в сторону и кратко изложил итоги своей встречи с Уммой.

- На обратном пути я собрал и новые сведения. Говорят, генерал Смекалов едет в Ведено. Очевидно, власть решила покончить с нами одним решительным ударом. Сулеймана на Гамар-Дуке окружают. Утром туда собирался отряд князя Накашидзе. Дышнинцы обещали присоединиться к нам. Но если ты не поедешь туда быстрее, дела Сулеймана будут плохи. Да и дышнинцы могут раздумать.

- Чтобы этот грузинский князь со своими войсками ушел в Дагестан, я же организовал смуту в Андии. Более того, распространил слухи о том, что я со своим отрядом иду туда. Теперь он расстроил мои планы.

Алибек собрал свой маленький отряд и покинул Беной.

- Что еще нового? - спросил Алибек, когда они вышли из аула.

- Солтха из нашего аула, ушедший на турецкий фронт, вернулся, оставив там руку, а вместо нее привез медаль.

- Как там дела? - спросил молчавший до этого Кори.

- Пока все по-старому. Но много людей из нашего полка бежало домой.

- Почему?

- Услышав о нашем восстании. Где же они?

- Многие присоединились к повстанцам в бассоевских аулах. Но те, которые остались на фронте, говорят, дерутся очень отважно. Многим людям дали чины, ордена и медали.

- Если бы семьсот человек, которые ушли туда, были с нами?

Овхад ответил не сразу.

- И если бы они остались дома, все равно многих не было бы с нами, - сказал он наконец. - Отправляясь в полк, они преследовали разные цели. Например, мой брат Асхаб. Он ушел защищать наш магазин и должность старшины нашего отца. У двух других тоже есть дома и богатство. А вернувшийся инвалидом Солтха пошел защищать состояние своего родственника Инарлы.

Если разобраться, то из ушедших семисот человек не менее шестисот - дети богачей, а остальные сто - нанятые богачами их бедные родичи. Генерал Орца или Хорта с Ботой и прочие вайнахские офицеры, купцы и богачи до последнего человека принесли бы в жертву наш народ, лишь бы только сохранить царскую власть. Для генерала Орцы ближе грузин - полковник князь Эристов, русский - полковник Беллик, аварец - полковник Нурид и прочие начальники и богатеи. Или для моего отца Хорты роднее русский, армянский, еврейский или другой купец, чем свои аульчане Мачиг, Васал, Янарка и другие. Поэтому они пошли драться с турками сами или послали своих сыновей и братьев. Сегодня русский и турецкий цари воюют друг с другом. Мог бы поклясться, что, если завтра народы этих двух стран поднимутся против своих царей, оба царя заключили бы между собой мир и обратили бы все оружие и войско против своих народов. Тогда бы нынешние враги - цари и богатеи превратились бы в единомышленников и братьев.

Догнавшие их люди внимательно слушали Овхада.

- И все-таки я от души рад, что вайнахи участвуют в этой войне против турок. Хотя турки и одной веры с нами, мне не хочется, чтобы они победили. Почему? Во-первых, кроме религии, у нас нет с ними ничего общего. И если бы они победили, пришли бы на нашу землю, ничего хорошего они не дали бы нам. Власть турецкого падишаха более жестокая, чем русского царя. Кроме того, и по образованию, и по сознанию, и по уровню жизни турецкий народ намного отстал от русского. Между чеченцами и русскими, проживающими в соседстве сто-двести лет, установилась дружба, укрепились связи. Мы вовсе не стремимся отделиться от России. Мы хотим, чтобы наш народ уравняли в правах с русскими и другими народами. Позор нам, если будем стоять в стороне, когда наша страна, наши народы подвергаются опасности. Поэтому, Алибек, я горжусь тем, что сыны нашего народа рядом с русскими солдатами сражаются храбро. Алибек глубоко вздохнул.

- В сущности оно так, Овхад, - сказал он, - старики рассказывают, что наши предки шли на помощь России и русскому народу, когда над ними нависала угроза. Одно дело, когда защищают честь и свободу народа и родины. Но, как ты сказал, другое дело, когда проливают кровь в войне, затеянной царями и богатыми. Кроме того, говорят, что эту войну начал наш падишах. Виновен тот, кто начал первым. Если настанет момент, требующий защитить честь России, я поднимусь первым. Однако я не хочу сражаться и умирать за дело падишаха и богатых, если меня не заставят это сделать насильно. Если бы все народы в своих странах свергли бы своих царей и богатых, взяли бы власть в свои руки, тогда не было бы этой несправедливости, гнета, вражды и войны.

- Когда-нибудь настанет такой день, - решительно сказал Овхад.

Когда маленький отряд поднялся над Дарго, на Гамар-Дуке они увидели густой дым, до них донесся громовой гул орудий. Алибек огрел коня плеткой и пустил вперед.

ГЛАВА VI

НА ХРЕБТЕ ГАМАР-ДУК

Когда людей ставят в условия, подобающие только животным, им ничего более не остается, как или восстать, или на самом деле превратиться в животных.

Генерал Виберг не справился с возложенными на него задачами, помощник начальника области генерал-майор Алексей Михайлович Смекалов, направленный в Чечню с чрезвычайными полномочиями, с поручением в короткое время покончить с восстанием, 8 августа прибыл в Ведено.

Здесь он нашел взаимоотношения Авалова и Накашидзе очень натянутыми. Причиной тому послужило дело, разыгравшееся вчера на Гамар-Дуке.

Сулейман, выполняя приказ Алибека, поднялся вверх по Гумсу и укрепился на Гамар-Дуке в двух верстах от крепости Ведено. Он должен бьш до прихода основных сил Алибека сдерживать возможное выступление войск из крепости Ведено, Дышни-Ведено и контролировать разветвляющиеся здесь дороги.

Когда показался Сулейман, Накашидзе, не советуясь с начальником Веденского отряда Аваловым, срочно двинул свои силы на Гамар-Дук. Видимо, он не хотел делить ни с кем лавры победы, в которой не сомневался.

Накашидзе выдвинул для удара в центр позиции повстанцев две апшеронские роты и горное орудие. На правый фланг бросил андийских кавалеристов, а всю остальную дагестанскую милицию послал окружным путем перекрывать левый фланг, чтобы перерезать повстанцам единственный путь для отступления. Две апшеронские роты и одна пушка остались в резерве.

Однако на Гамар-Дуке, в бою, длившемся несколько часов, Сулейман со своим малочисленным отрядом заставил с чувствительными потерями отступить в десять раз превосходящие их силы противника. Когда Накашидзе, потеряв всякую надежду на победу, отступал со своим резервом, в тылу повстанцев раздался грохот пушек: узнав о плачевном состоянии Накашидзе, Авалов послал ему на помощь две роты куринцев. С их помощью в три часа дня Накашидзе удалось захватить гору.

Крепко разругавшись по этому поводу, два начальника поносили друг друга, начиная на русском языке и кончая грузинским. Охладившуюся эту ссору они возобновили после приезда Смекалова.

- Веденский округ доверен мне, - говорил Авалов, косо глядя на Накашидзе, - и за любое действие здесь я отвечаю своей головой. А полковник Накашидзе начинает вытворять здесь, что взбредет ему в голову. И получил по заслугам! За семь часов натиска с батальоном, семью сотнями кавалерии и двумя милицейскими дружинами не смог убрать с хребта горстку мятежников!

- Что вы такое говорите, полковник? - выходил из себя Накашидзе. - Не мой ли отряд занял Гамар-Дук?

- А кто же отступал к Ведено? Вы же готовы были показать пятки, если бы не посланные мной на подмогу две роты куринцев!

Смекалов с трудом успокоил их. Что бы у них не осталось на душе, внешне оба начальника сделали вид, что помирились. После этого Смекалов попросил изложить обстановку в Ичкерии.

- Положение не из лучших, - начал Авалов, пригладив вверх свои черные волосы. - Хоть наши войска взяли Гамар-Дук, Сулейман минувшей ночью вновь занял гору.

Короче говоря, победа осталась за мятежниками. Этот успех окрылил Алибека. Где точно находится Тангай неизвестно. Алибек собирает новые силы. Кроме одного Ведено, вся Ичкерия сейчас под его властью. Даже ранее верные нам Дарго и Белгатой теперь не прежние. Среди солдат распространилась малярия. И в этот критический момент большую часть дагестанской милиции Накашидзе отпустил домой. Смекалов удивленно взглянул на Накашидзе.

- Мне пришлось это сделать поневоле, ваше превосходительство. Здесь прошел слух, что Алибек собирается напасть на Анди. Милиционеры просили отпустить их домой. Они боялись, что мятежники угонят их скот. Мне пришлось удовлетворить их просьбу.

Смекалов недовольно посмотрел на полковника.

- Вы допустили большую ошибку, полковник. Вы не имели права делать этого без разрешения начальника нашей или вашей области. Притом в столь напряженный момент.

Накашидзе не понравился укор генерала.

- Я отпустил не солдат, а жителей, добровольно пришедших на подавление восстания, ваше превосходительство. Я не имел права насильно удерживать их.

- Но мы им платим за их услуги, полковник. И как наши наемники, они обязаны соблюдать воинскую дисциплину. Кроме того, когда я направлялся сюда, Александр Павлович поручил мне передать, что дагестанцам, отличившимся в борьбе с мятежниками, он даст чеченские земли.

Накашидзе промолчал. От его возбужденного дыхания дрожали ворсистые волосы, торчащие из его ноздрей. Смекалов поднялся.

- Господа, я хочу осмотреть крепость, - сказал он, нахлобучив фуражку на голову.

Когда они вышли, со стороны Гамар-Дука слышалась стрельба.

- Эта перестрелка идет с утра, - пояснил ему Авалов. - Там Сулейман со своей шайкой. Я выслал против него три роты куринцев и две апшеронцев.

Смекалов обошел крепость изнутри. Стены были прочные. На них стояли восемь старых орудий, заряжающихся с дула, и два полевых единорога. Генерал раза два поднялся на стену и указал на несколько недочетов.

- Ров мелок. Форштадт и тур-бастион надо укрепить. В бассейне надо скопить воду про запас. А где лазарет?

Через обсаженную с обеих сторон ольхой ровную аллею Смекалова подвели к низкому дому, стоявшему особняком в углу крепости. Приподняв и отодвинув в сторону грязную марлю у входа, Авалов пропустил вперед генерала. В нос Смекалову ударил смешанный запах камфоры, спирта и других лекарств. Внутри было достаточно светло. В коридоре, на походных кроватях лежали раненые. То здесь, то там слышались стоны. Некоторые раненые при появлении генерала попытались встать.

- Лежите, лежите, - махнул рукой генерал. - Как ваши дела?

- Неплохо, ваше превосходительство! - гаркнул рослый солдат

с большими рыжими усами и небритым лицом.

Сняв с себя и повесив на спину стула белый халат, подошел военный врач, капитан Марцинковский.

- Раненых много, доктор? - спросил Смекалов.

- Много, ваше превосходительство. Сегодня тоже доставили восемь солдат и тринадцать туземцев.

- А тяжелораненые?

- И такие есть. Сегодня умерли двое, шестеро безнадежные.

Выйдя из лазарета, Смекалов расстегнул ворот и вытер платком шею.

- Тесно и душно, - произнес он. - И постели нечистые. Выдайте раненым по две порции водки и, в зависимости от ран, от трех до десяти рублей денег. Поднимите у них дух.

На второй день в штаб-квартиру отряда поступили новые известия. Алибек с большим отрядом остановился возле Центороя. Умма снова рыскает по Чеберлою.

- Абдул-хаджи перестал быть опасным, - говорил Авалов. - Он дал мне слово повлиять на Алибека. И обещал, что если не сможет уговорить его, то сам выступит против него. На Бассе сейчас опасен только Тангай. Один из главных помощников Алибека, Ахмед Бойсуев из Дачу-Борзоя, пытается поднять соседние аулы. Но опаснее всего Ичкерия. Безземелье и голод толкают их на отчаянный шаг. Кроме того, здесь мы не имеем богатых и духовенство, чтобы опираться на них, как на равнине.

- Как настроение даргоевцев?

- Пока все тихо. Из центоройцев лишь родственники Сулеймана участвую в восстании. Остальная часть аула против него. Несколько дней назад они избили помощника Сулеймана и забрали

у него коня. Из-за этого аул разделился на две части и передрался между собой. Ранили старшину, его сына и брата. Брата Сулеймана убили. Дарго и Белгатой остаются нейтральными. Но от Чомаки нет никакой помощи. Он отсиживается у себя в Гордали, обращаясь ко мне с просьбами прислать ему на помощь отряд. Этот человек мне все мозги измотал.

- Разве нельзя заменить его?

- Да можно было бы, если было бы кем. Думаю на его место назначить прапорщика Элби Мовсарова.

Когда пришел князь Накашидзе, Смекалов начал совещание.

- Господа,- тяжело поднялся он - по согласованию с главным штабом Кавказских войск, меня прислали сюда с тем, чтобы подавить в кратчайшие сроки восстание в Чечне. Так же с согласия главного штаба и начальника Дагестанской области в мое распоряжение передаются все вооруженные силы, находящиеся в Чечне, в том числе и Дагестанский нагорный отряд. Как вы знаете, наши дела в Анатолии пока не блещут. Кроме того, по имеющимся сведениям, есть опасность, что данное восстание может перекинуться на Дагестан. Поэтому перед нами поставлена задача - нанести решительный и беспощадный удар.

Когда каждый высказался, было принято решение взять заложников из перешедших к Алибеку дышнинцев и эрсеноевцев, находящихся

в двух верстах от Ведено, и всем отрядом выступить вглубь Ичкерии.

План Смекалова сорвался на второй же день. Весь этот день он потратил, чтобы усмирить дышнинцев. Они категорически отказались дать заложников и подчиниться властям.

Разъяренный Смекалов вечером вновь собрал совещание. Теперь он пригласил к себе и всех командиров батальонов. Недолго думая, приняли решение утром следующего дня уничтожить Дышни-Ведено. Но не успели они разойтись, как на

Гамар-Дуке закипел бой. Начали поступать убитые и раненые солдаты. Вскоре прискакавший от начальника Эрсеноевского отряда майора Янченко нарочный сообщил, что три роты, посланные на гору, попали в окружение, что ряды мятежников расширяются и сопротивление бесполезно. Кроме того, на хребте нет ни капли воды, солдаты с утра не сделали ни глотка воды.

Смекалов приказал майору со своим отрядом отступить к Эртан-Корт. Вся ночь прошла в приготовлениях к наступлению. К семи часам утра снялись с биваков и двинулись на Дышни-Ведено батальоны Апшеронского, Самурского и Куринского полков, артиллерийский дивизион, казачьи, дагестанские и ингушские сотни.

Чтобы руководить операцией, Смекалов остановился, не доезжая к аулу, в густой роще, на высоком берегу Ахка. Когда отряд без каких-либо помех перешел Ахк, Смекалов облегченно вздохнул. Однако при переходе второго оврага отряд попал под шквал огня. Из каждого дома с окраины аула несся свинцовый вихрь.

- Остановите продвижение и выводите вперед пушки, - сказал Смекалов, опустив бинокль и обернувшись. - Пусть командир батареи Шервашидзе ударит по аулу ядрами, картечью и гранатами.

За каких-то полчаса над аулом повисло густое облако черного дыма. Извиваясь, к небу тянулись языки пламени. Повстанцы затихли.

- Начните наступление, - коротко скомандовал Смекалов.

Мимо батареи, с обеих сторон, начали наступление два батальона апшеронцев. Укрепляя их фланги, двинулась на аул дагестанская пехотная дружина, а с левого фланга бросились казачьи и ингушские сотни. Повстанцы дважды отбросили лезущих вверх апшеронцев. Смекалов отдал приказ подтащить пушки ближе и ударить по крайним саклям. Через полчаса сопротивление оттуда ослабло. Пушки не давали повстанцам сосредоточиться на одном месте. Апшеронский первый батальон и дагестанская дружина поднялись на обрыв и вошли в аул. Но когда сомнений в победе уже не оставалось, шедший на аул третий батальон на кладбище наткнулся на яростное сопротивление.

- Перенесите обстрел на кладбище! - приказал Смекалов, не отрываясь от бинокля.

Вскоре на кладбище стали взрываться ядра. Ломаясь на куски, взлетали в воздух надгробные памятники. После длительной схватки апшеронцы заняли кладбище.

- Давайте сигнал к общему штурму!

Взлетела ввысь и, описав дугу, погасла зеленая ракета.

- Из всех орудий ударить по аулу!

На всю долину разнеслось "ура" из нескольких тысяч глоток. Части, стоявшие в резерве, тоже ринулись вперед. В ауле рвались ядра и гранаты. Но повстанцы, умелым маневром отступившие в лес у берега Ахка, нанесли сокрушительный удар выходившим из резерва четырем ротам апшеронцев и ринувшейся им на помощь дагестанской конной милиции.

В ту же минуту полковник Накашидзе направил в сторону леса одну пехотную часть, тем самым оголив свой левый фланг.

- Передайте есаулу Афанасьеву, чтобы со своей сотней напал на мятежников, скрывшихся в лесу!

Однако, огибая лес, Афанасьев со своей сотней напоролся вдруг на невидимую силу.

Алибек минувшей ночью еще раз обсудил с Кори план предстоящей операции на

Ведено. Чтобы задержать наступление войск из Хасав-юрта вверх по Аксаю и Ямансу, Нурхаджи стоял под Зандаком, а Тозурка - у Мескетов. Тангай должен был держать в своих руках ущелье Хулхулау. Если Умма в назначенное время прибудет на Басе, у них хватит сил занять Ведено.

Но планы Алибека разрушил гонец Сулеймана. Он сообщил, что три дня отбивается от врага, что сегодня утром все силы противника брошены на Дышни-Ведено и что ему нужна срочная помощь.

Алибек удивился. Сначала ему подумалось, уж не донес ли кто-то о его планах. Но о нем знали лишь пять человек. Нет, видно, где-то допущен просчет.

Алибек не догадывался, что планы изменяются самой обстановкой, стихийно. И Смекалов тоже не собирался начинать этот бой, который длился три дня. Это тоже была воля случая. Короче говоря, случилось неожиданное. Солтамурад со своим отрядом находится в Беное. Но нельзя дать погибнуть отряду Сулеймана. Его надо спасти во что бы то ни стало...

В ста шагах впереди своего отряда стрелой летел Алибек. Шея его серого скакуна почернела от пота. В нескольких шагах позади него мчатся Кори и Кайсар. Когда дорога из Дарго взбежала на другую сторону горы, он осадил коня. Внизу, над Дышни-Ведено, стелется черный дым. В воздух летели деревья, ветки и куски земли. Когда вдруг пушки умолкли, вражеское войско рассыпалось по аулу. В ту минуту разгорелся бой на Ахке.

- В обход к лесу мчатся всадники! - воскликнул Кори.

- За мной! - крикнул Алибек, пуская коня во всю мочь.

Спешившиеся кавалеристы Афанасьева с короткими ружьями в руках, взошли на горку и выходили в тыл к повстанцам, когда на них молнией налетели всадники Алибека. Но казаки, вооруженные берданками, успели сделать ловкий ответный выпад и тут же откатиться назад.

Алибек заспешил в аул. Ситуация осложнилась тем, что он не знал, где больше нужна его помощь. А бой кипел яростно всюду.

И в ауле, и на кладбище, и в правобережном лесу на Ахке. Гамар-Дук тоже походил на вулкан. А с Алибеком не было и пятисот человек. На всякий случай он выбрал аул. Там ведь старики, женщины и дети.

Внезапное появление подмоги подняло дух выбившихся из сил повстанцев. Повстанцы сопротивлялись, превратив в крепость каждый горящий дом. Пушки сокрушали дома, а вслед решительно и размеренно наступали солдаты.

Алибек приказал отступить к Гамар-Дуку, но пушки, которые били, передвигаясь все ближе и ближе, создали хаос и переполох среди повстанцев. Когда половина жителей перешла речку, другой преградило путь вражеское войско. Увидев движущихся впереди солдат, а за ними дагестанскую милицию, Алибек сразу повернул влево и укрепился на холме в кладбище. Дагестанская милиция, которая решила, что здесь все кончено, спокойно шла жечь хлеба и сено и попала под ураганный огонь. Милиционеры растерялись, но вскоре, опомнившись, с проклятьями бросились к кладбищу. Однако, мятежники, уложив полсотни человек, обратили их в бегство.

Когда была отбита и вторая атака, на помощь милиции подоспел отряд, занимавший путь к Гамар-Дуку, и артиллерийский взвод. Стиснутые с двух сторон врагом, да еще под артиллерийским обстрелом, повстанцы прорвали кольцо противника и отступили в сторону Харачоя.

Смекалов не решался преследовать повсюду отступающих повстанцев. Об охоте на них он и не помышлял, лишь бы здесь победа осталась за ним. Согласно предписанию командующего, каждый оторванный клочок земли он должен был

прочно закрепить за собой. Поэтому он приказал сжечь дотла хлеба на полях и сенокосы.

Однако, отступивший Алибек не уходил. Отступив на одном месте, он появлялся в другом и своими налетами не давал ни минуты покоя.

В этот момент в тяжелом положении оказались и повстанцы на Гамар-Дуке. Когда Накашидзе оставил гору, Сулейман занял ее вновь. Повстанцы восстановили свои разрушенные укрепления, хоть и не так прочно, как прежде.

Сами того не ведая, повстанцы одержали в эти дни несколько побед. Правда, дорогой ценой. С хребта увезли из их рядов человек двадцать убитых и раненых. Остальные устали.

Боеприпасов оставалось лишь на один день. Противник не давал возможности их пополнить. Сулейман приказал бойцам отдыхать.

Ночь была тихая. Небо смотрело вниз россыпями звезд. Полная луна озаряла хребет. Усталые, изможденные воины крепко спали. Сулейман то и дело останавливался и прислушивался. Но нигде не было слышно ни шороха. Усталый, он присел на краю обрыва передохнуть. В голове роились мысли о создавшемся положении, о завтрашнем дне. Ему не хотелось умирать. Нет, это не было страхом перед смертью, и не было ожиданием счастья. У него есть незавершенные дела. Он должен отомстить некоторым из своих центороевцев.

Юртда и несколько мулл и хаджей засели в его душу острием кинжала. Они хоть и были одного тейпа с Сулейманом, но принадлежали к разным родам. В сравнении с ними род Сулеймана был захудалым. Кроме того, все состоятельные люди аула - на стороне врагов Сулеймана. Что ни день - между обеими сторонами вспыхивали ссоры. И рузба в ауле нарушалась. В конце концов пролили кровь.

Когда на майдане собрался люд, один из помощников Сулеймана призвал выступить против власти. В первую очередь против юртда и его приспешников. Сказал в их адрес крепкое слово. Началась сплошная перепалка, закончившаяся дракой. Товарища Сулеймана стащили с коня, избили и забрали у него коня. Он был из казенных лошадей, угнанных Сулейманом из окрестностей Умхан-юрта. Центороевцы сделали это, чтобы выслужиться перед начальством. В драке, начавшейся по этому поводу, у Сулеймана убили брата. Правда, юртде, его сыну и брату тоже были нанесены ранения. Но брата убили у Сулеймана. Хороший это был брат, добрый, но всю жизнь несчастный. У него остались маленькие детишки. Это трудно перенести. Сулейман не может умереть, не отомстив за брата. Надо убить гордалинского Чомаку и еще несколько человек отправить на тот свет. Потом не жалко и умереть. От тяжких дум у него отяжелели веки. Сулейман так, сидя, и уснул.

В это самое время от Эртан-Корт по дороге шли четыре роты солдат. Дойдя до Гамар-Дука, они ступают осторожно. Две пушки катились бесшумно. Их колеса обернули соломой и мочалой. Их тянут спереди и подталкивают сзади и, вытащив наверх, устанавливают на гору напротив позиции повстанцев. Гора эта несколько выше Гамар-Дука. Капитан Битнерский внимательно рассматривает позицию противника. Она видна, как на ладони. Но мятежники могут уйти. Поэтому капитан посылает вперед пехотинцев. Бодрствующий Косум заметил карабкающихся на хребет солдат. Когда солдаты подкрались близко, Косум прицелился пистолетом в лоб офицеру, идущему впереди, и выстрелил. Не успело эхо стихнуть в горах, как одновременно выстрелили десятка два ружей.

Несколько солдат упало, но остальные бросились вперед. Пушечные выстрелы сотрясают гору. Видя, что здесь сопротивление бесполезно, Косум отступает к главному укреплению. Настоящий бой начался утром. Окружая полукольцом построенное повстанцами в спешке слабое укрепление, наступает четыре роты солдат. Пушки с противоположной горы изрыгают на повстанцев то гранаты, то картечь. К полудню обе стороны пошли в рукопашную. Солдаты - со штыками,

повстанцы - с кинжалами. Однако повстанцы не хотели отступать, да и нельзя было отступать. Внизу алым пламенем горело Дышни-Ведено. И все овраги, балки, дороги и рощи с той стороны кипели солдатами.

Сулейман и Косум сражались в первом ряду. Словно в подушки, в грудь и живот повстанцев втыкались штыки. Но отступать они не имели права. Внизу горел аул. Оттуда доносились крики женщин и детей. В удобную минуту Сулейман бросал взгляды на дорогу из Дарго, надеясь увидеть серого коня Алибека. Наконец, он его увидел. Белый ком, несущийся вперед, словно выпущенная стрела из лука.

В полдень капитану Битнерскому поступил приказ, в котором говорилось, что с Дышни-Ведено покончено, и ему следует готовиться выступить в Ичкерию. Капитан был готов расцеловать этот клочок бумаги. Он спасал его от позора поражения.

Оба боя, начавшиеся в Гамар-Дуке в полночь и в Дышни-Ведено утром на восходе солнца, закончились около двух часов дня. Спалив в течение часа остатки аула, хлеба и сена, отряд Смекалова остановился на окраине села.

Надо было дать отдохнуть солдатам перед выступлением в Ичкерию. В этот день они хорошо поработали. Кроме того, Смекалов не решался идти в Ичкерию с отрядом, который понес значительные потери. Генерал вызвал себе в помощь батальон Куринского полка из Шали.

Вместе с новоприбывшим батальоном куринцев и присоединившейся по пути колонной капитана Битнерского к шести вечера отряд подошел к Эрсеною.

Здесь князь Авалов послал в Эрсеной и Эгишбатой верных ему людей, чтобы они склонили жителей к безоговорочной покорности и выдали заложников. Старики из Эгишбатоя пришли в лагерь и привели человек десять аманатов. Однако эрсеноевцы наотрез отказались выполнять волю генерала.

Эту ночь отряду пришлось провести в Биваке. Но она была не из приятных. Зарядившийся вечером дождь лил как из кудала до самого рассвета. Походных палаток не хватало. Солдаты разместились в них, подобно селедки в бочке, а туземцы в какой-то мере привыкшие к подобным условиям, остались под дождем. Идти на ночь в аул не решались даже чеченцы.

Дождь размыл и без того никуда не годные здешние дороги. Лошади и люди по колено вязли в грязи. Особенно большого труда стоило передвижение пушек. Колеса их были словно сделаны из глины.

Отряд, ожидавший в Эрсеное сопротивление и потому прибывший готовым ко всему, нашел аул пустым. Не было видно ни души, кроме изредка встречающихся собак, кошек да кур. Поручив дагестанской милиции сжечь аул, Смекалов спустился с отрядом в речку Гумс.

Когда отряд остановился в биваке, Смекалову привезли письмо из Владикавказа. Это был ответ на письмо, посланное им три дня назад:

"*Уважаемый Алексей Михайлович!*

С *большим нетерпением ожидал я от вас известий, и потому, хотя не особенно отрадные вести принесли мне письма от 13-го и 14-го, не могу не порадоваться тем, что вы ведете дела энергично, крепко бьете повстанцев и что войска наши с первого до последнего ведут себя истинными героями-молодцами.*

Передайте всем, как я счастлив освидетельствовать перед главнокомандующим об их примерной доблести. Выдачу раненым денег вполне одобряю: выдавайте даже от 3 до 10 рублей, смотря по ранам и заслугам.

Ради Бога, не отходите назад, а продвигайтесь хотя бы понемногу вперед, беспощадно уничтожая перед собой все и всех. Чем строже, тем лучше. Страх

нагнать необходимо. Ожидаемое мною улучшение вашего положения заключается в следующем: сегодня Батьянову приказано энергично наступить на Зандак, который отложился (несмотря на аманатов), и возле него, говорят, собирается большая партия, которую Батьянову приказано разбить. Это отвлечет от вас силы Алибека, а с 20-го числа, с прибытием резервного батальона, Батьянов пойдет с тремя батальонами и четырьмя сотнями дальше до Беноя. 17-го числа отсюда, 18-го - из Эрсеноя выступает в Ведено резервный батальон. С ним надеюсь переслать взвод горной артиллерии, что составит для вас большое подкрепление, а может быть, еще раньше, т. е. 17-го пришлю к вам два батальона навагинцев, если обстоятельства на плоскости не потребуют присутствия их здесь, а потом еще сотни три или четыре кавалерии. Как видите, силы будут прибывать; только без сожаления косите все, бейте и вешайте беспощадно.

Разумеется, князь Накашидзе оказал бы услугу неоценимую, если бы остался при вас до прибытия этих подкреплений. Уговорите его, если есть хоть малейшая возможность, до этого времени вас не оставлять.

Генерал-адъютант Свистунов,

15 августа 1877 г. № 220"

"Ну да, дела здорово поправляются! - Смекалов сложил письмо вчетверо и сунул обратно в конверт. - Собирающиеся вокруг мятежники не то говорят".

ГЛАВА VII

ЦЕНА ПОРАЖЕНИЯ

Восстань, Отчизна! Где твой меч?

Когда отряд противника двинулся от Эрсеноя к Центорою, Алибек поспешил собрать свои силы в одно место, чтобы закрыть все пути на речку Гумс. Оставив Сулеймана на Кеташ-Корте, Алибек сам укрепился на Тезенкалинской горе. В ту ночь на подмогу Алибеку пришли Солтамурад с беноевцами и Раджаб-Али с двумястами аварцами. Алибек отправил их на помощь Сулейману.

За всю ночь повстанцы не дали покоя отряду Смекалова, беспрерывно совершая на него налеты маленькими группами. Сегодня вокруг отряда Смекалова сошлись большинство вождей повстанцев. Всю прошедшую ночь слышался ружейный салют, приветствующий приход новых повстанческих отрядов. Хоть и велика у него сила, но отряд попал в сердцевину Ичкерии. Сюда были устремлены глаза всей Чечни. И неоткуда было ждать помощи. Полковника Батьянова удержали аулы по Аксаю и Ямансу. Александр Павлович обещал Смекалову подмогу, только когда она прибудет? Четыре батальона Динабургского полка уже прибыли во Владикавказ. В каждом батальоне по тысячи штыков. Пока они дойдут сюда, пройдет несколько дней. Говорят, что в станицах набрали несколько сотен, но что пользы, если их нет сегодня здесь.

Повстанцы прождали до полудня, пока остановившийся в долине Гумса отряд тронется с места, чтобы наносить удары с обеих сторон, когда он растянется по узким лесным дорогам.

Гатиюртовцы Кайсара стояли у подножия гор, готовые по сигналу сверху вскочить на коней и ринуться в атаку. Но противник спокойно отдыхал, развешав котлы над кострами. Воины Кайсара тоже пообедали. Достав из походных сум сухие сискали с луком, отведав их и запив родниковой водой, они замерли, устремив взоры далеко вниз.

- Чего мы тут стоим? - спросил Умар, - который полулежал, закинув ногу за ногу, ковыряясь в руках былинкой.

- Ждем приказа имама, - нехотя ответил Кайсар.

- Да, ждет и любуется солдатами, - подал голос Янарка, задававший корм коню. Не знаю только, что привлекательного он в них заметил.

- Ему лучше знать, что делать, - не взглянув на него, строго сказал Кайсар.

Видя, что Кайсару не до разговоров, два аульчанина на время притихли. Но в голову Умара, когда он молчал, лезли всякие мрачные мысли. Вчера к Алибеку приехал Овхад. Он рассказывал, что войска из Хасав-юрта двинулись вверх по Аксаю. И Умар долго думал о своей семье.

- Лучше бы нам четверым уйти с Актой, - сказал он печально.

Но Кайсар безмолвствовал. Он знал, почему Умар говорит это.

- Ведь солдаты сожгут Гати-юрт...

К ним подошел Янарка и, глубоко вздохнув, сел.

- Кто защитит наши семьи... - твердил Умар свое.

Смотревший вниз Кайсар обернулся к мальчику.

- Что же ты не остался дома, Умар? Я же говорил, что ты еще мал, сиди дома?

- Всегда ты попрекаешь меня этим, Кайсар, - обиделся Умар и отвернулся.

- Ты не беспокойся, Умар, - ткнул пальцем Янарка мальчику в бок. - Ведь там же Акта, Элса, Булат и все наши гатиюртовцы.

- Их мало.

- Конечно же, без нас троих они беспомощны! - засмеялся Янарка.

- Все же хотелось бы быть там, чтобы защитить аул. Я видел вчерашний ужас. Разбросанные человеческие конечности. Неужели это же будет с нашим аулом?

- Кто знает, что случится, - прилег Янарка, подперев рукой подбородок. - Как говорил мулла Насреддин, до того подохнет или осел, или хозяин. От судьбы не уйти. И нечего тебе мучить себя.

Но Умар не мог прогнать из головы свои думы.

- Было ли письмо от дады? - изливал он свою тоску. - Неизвестно, что с ним случилось. Если отправят меня в Сибирь, хоть бы к нему попасть...

- Эге, Умар, да ты совсем умирать собрался! Зачем тебе в Сибирь? Не лучше ли погибнуть здесь, в бою, чем умирать мучительной смертью, испытав все тяготы дальней дороги и холода?

- Если нам не суждено победить, я бы хотел, чтобы меня отправили в Сибирь, - твердил свое Умар.

- Почему?

- К отцу и дяде...

- Бедняжка! Да ты не знаешь, какой огромный этот Сибирь? Если идти целый год и то конца не увидишь. Леса, реки, болота и горы. Говорят, там вечная мерзлота. И не думай, что в бескрайней стране встретишься с вайнахами.

Янарка повернулся к Михаилу.

- Эх, Мишка, лучше бы ты дома сидел, поженившись на красавице и лаская ее!

- О чем ты болтаешь, Янек?

Янарка повторил то же, смешивая чеченские и русские слова.

- Дай Бог, чтобы эти дела кончились, не оставив твою бабу вдовой, - серьезно ответил Михаил.

- Ну, она уж не пропадет, Мишка! У нас в ауле есть дурачок Турло, холостяк с бычьей шеей. Его счастье, если я погибну. Но если ты останешься после меня в живых, свою бабу я завещаю тебе. Кто, кроме друга, заслуживает такого добра?

- И охота тебе шутить, Янек...

Их шутки прервал внезапно вскочивший Кайсар.

- Ну, Умар! Войско двинулось сюда... Скорей к Алибеку!

Кайсар приказал своей группе сесть по коням и стал дожидаться приближения противника. Солдаты двигались врассыпную по дорогам и лесам. Вскоре Кайсар по одежде узнал горцев. Они шли спокойно, будто на полевые работы, с ружьями за плечами и безмятежно пели песни на аварском языке.

Это были пленные дагестанские повстанцы, которых гнали впереди на

Тезенкалинскую гору, чтобы перехитрить повстанцев. Они были вооружены старым оружием, и повстанцы, чувствуя равенство сил, спокойно ждали их приближения. На самом деле они еще не знали, что среди приближающихся "милиционеров" есть переодетые казаки. "Пленным" приказано было горланить свои песни, чтобы ввести повстанцев в еще большее заблуждение. За ними двинулись пехотные батальоны и пушки.

- Ах, собаки, и еще с песнями наступают! - воскликнул Янарка.

- Чтоб вам отравы испить!

- Чтоб вам, подонки, свои руки съесть!

Вскоре Алибек подоспел с небольшим отрядом.

Когда "милиционеры " подошли так близко, что можно было различать лица, по приказу Алибека повстанцы с криками бросились в атаку. Еще не успели опуститься их сабли, занесенные над головами передних, как вдруг "милиционеры" рассыпались в чащобах по обе стороны от дороги и в тот же миг загремели пушки. Испуганный оглушительным пушечным залпом конь Янарки повернулся назад и понесся вспять, не слушаясь поводьев. Кайсар кричал о чем-то, но о чем невозможно было разобрать из-за орудийного гула. С трудом приведенная Кайсаром

в порядок сотня вновь ринулась вперед. Слева атаковал Алибек. Когда оба войска столкнулись вплотную, "милиция" стала понемногу отступать, пропуская вперед казаков, и тогда вдруг показались солдаты. Они произвели несколько залпов. Янарка видел, как упали несколько его товарищей. Теперь с боку напала настоящая милиция. Алибека уже прижали под высокий обрыв. Повстанцы отступали организованно, несколько раз предприняли контратаки, чем поставили противника в трудное положение.

Видя, что у отряда, занявшего передовую позицию, дела неважные, Смекалов послал ему в помощь апшеронскую роту во главе с подполковником Шервашидзе и дагестанскую конную милицию, возглавляемую подполковником Фейзуллой. Янарка размахивал саблей направо и налево. До сих пор он уложил только два человека. Он был весь в поту, стараясь в основном уберечь себя, обороняясь то ружьем, то саблей. Среди милиционеров, наседающих на него со всех сторон, словно собачья свора на волка, Янарке показалось, что он увидел Асхада Хортаева. Но наседающие на него горцы не дали ему рассмотреть его, как следует. Вскоре и другой показался ему похожим на Инарлу. Его не могло удивить то, что они оказались среди солдат, удивляло то, что они очутились здесь.

После четырехчасового сопротивления повстанцы отступили по глубокому ущелью в сторону Дарго, увозя на конях убитых и раненых. Та сторона еще оставалась свободной от врагов. Однако когда они ступили на территорию Дарго, жители аула оказали им яростное сопротивление.

Алибек мог запросто опрокинуть даргоевцев, но почему-то повернул обратно. Видимо, как обычно, остерегался междоусобной вражды. Он не терял надежды, что не сегодня-завтра такие аулы присоединятся к нему. Но Дарго и Белгатой с самого начала решительно выступали против него. И Янарка не понимал, почему Алибек так щедро проявляет к ним милосердие.

Отряд повстанцев, внезапно повернувший назад, молниеносно врезался в позицию противника. Смекалов, не ожидавший такого поворота событий, на минуту растерялся. Наконец, опомнившись, он отдал приказ ударить по ним из пушек. Градом сыпалась картечь.

Разрывающиеся гранаты стлали синее пламя спереди и сзади. На глазах у Янарки несколько всадников вместе с конями разнесло в клочья. Скакавший впереди него Кайсар лихо рубил саблей вправо и влево. Оглянувшись назад, Янарка заметил, что Умар весь побледнел. Сначала он подумал, что тот просто перепугался. Взглянув

на юношу во второй раз, он понял, что тот ранен. Янарка придержал своего коня, взял под уздцы коня Умара и устремился вперед. Спрашивать, что случилось, не было времени.

Когда отряд промчался сквозь позицию врага и углубился в лес, Алибек замедлил бег своего коня. Полы суконной его черкески были изрешечены пулями. На щеках были пятна крови. На лице лежала печать усталости. Только в черных глазах горела спокойная решительность.

- Как бы нам соединиться с Сулейманом и Солтамурадом? - спросил он Кори, который догнал его и пытался унять разгоряченного коня.

Кори похлопал коня по шее, успокаивая его, и повернулся к Алибеку.

- Что с тобой? - с тревогой спросил Алибек, заметив кровь на руке друга.

- Пустяковая рана. Кайсар, есть у тебя чем ее перевязать?

В эту минуту к ним подъехал Янарка с Умаром. Увидев бледное лицо юноши и испугавшись за него, они забыли о Кори и обступили его. Кайсар осторожно снял его с коня, тихо положил на землю и, сняв с себя и свернув, подложил ему под голову черкеску. Потом расстегнул бешмет мальчика и обнажил его левое плечо. Пуля пробила в плече маленькое отверстие, обожгла края и, разорвав сзади кожу, прошла насквозь. Лицо Умара лишь изредка морщилось от стиснутых зубов.

- Сильно болит? - спросил Кайсар, разгладив его мягкие волосы.

- Нет, - покачал головой юноша и улыбнулся.

- Терпи, - сказал Кайсар и пальцами обследовал плечо. - Кость цела.

Потом он промыл рану, наложил подорожник и перевязал плечо.

- Янарка, ты возьми мальчика и тихонько поезжай домой. Если в пути ему станет плохо, оба остановитесь в Аллерое. Понял? А ты, Умар, терпи. - Кайсар погладил мальчика по голове. - Рана такая, что заживет в несколько дней.

Пока Алибек собирал свой маленький отряд, рассеявшийся в лесу, и выходил в путь к Беною, на Кеташ-Корте разгорелся бой.

Покончив с Алибеком, Смекалов выслал отряд Накашидзе против Солтамурада, Раджаб-Али и Сулеймана, засевших на Кеташ-Корте. Раджаб-Али со своими салатавцами удачно отбил первые две атаки апшеронцев. Но когда салатавцы уже думали, что они одержали победу, вдруг с самой неожиданной для них стороны послышалось "вурро". Это были спешившиеся ингуши, напавшие с левого фланга. Теснимые противником с двух сторон и обстреливаемые из пушек, повстанцы попытались отступить по правому флангу. Но и там они наткнулись на присланный Смекаловым отряд куринцев. Защитники Кеташ-Корта видели, что им недолго держаться на горе. Поэтому, сдерживая натиск противника, они поспешно отступили к Аксаю.

Смекалов был доволен началом кампании. Все бои с мятежниками в течение целой недели заканчивались его победой. Это была особенная неделя. Если прежде громили мелкие кучки мятежников, то в последних боях он разгромил выступивших против него со всеми своими главными силами руководителей мятежников: Алибека, Раджаб-Али, Солтамурада, Сулеймана, Тангая и Косума.

Смекалов принимал со счастливой улыбкой начальников отрядов и особо отличившихся офицеров.

- Ваше сиятельство, Александр Давыдович! Ваши горцы показали храбрость и отвагу. А вы, князь Шервашидзе, творили чудеса с вашей артиллерией. Спасибо вам! И ваша разведка, Семен Иванович, оказала большую помощь в достижении

победы. Поручик Эриванцев, я поздравляю вас с вашими доблестными ингушами. Обо всем я сегодня же сообщу Александру Павловичу. Если мы будем действовать так и дальше, то от мятежников через неделю и следа не останется. Спасибо вам!

- Это умелому руководству вашего превосходительства обязаны мы победой, - возносили командиры генерала. - Вы нас ведете вперед, к подвигам.

- Не говорите! - качал головой польщенный Алексей Михайлович.

- Без вас я ничего не смог бы сделать. Спасибо вам. Поручик Эриванцев, много в вашей сотне потерь?

- Шестеро убиты, одиннадцать ранены, ваше превосходительство.

- Один раненый в безнадежном состоянии.

Командование с самого начала проводило политику подавления восстания руками самих горцев. Поэтому Смекалов проявлял участие к раненым и показавшим усердие в боях горцам. Вместе

с поручиком он пошел к ингушской сотне. Он застал всадников, расположившихся на краю лагеря, очень мрачными. Шесть трупов, сложенных в ряд, были накрыты бурками. Десять слегка раненых при появлении генерала встали.

- Сидите, - махнул рукой Смекалов. - Отдыхайте.

Несколько человек сидели около тяжелораненого и часто давали ему выпить воды. Отяжелевшая голова раненого покоилась на руках одного из них.

- Тяжело ранен? - спросил генерал стоявшего сзади старшину Сампиева.

- Тяжело, ваше превосходительство. Этой ночью он умрет. Это брат его голову держит. Дома их дожидается старая мать.

Смекалов окинул взглядом всадников , которые стояли, кто опираясь на саблю, кто держа руку на рукояти кинжала.

- В этом последнем бою вы проявили смелость и отвагу, - сказал генерал громко. - Вы - храбрые джигиты! Отличившиеся в бою получат медали. А теперь, поручик, выдайте каждому всаднику по три рубля, раненым - десять рублей. Семьям погибших отправьте по пятьдесят рублей. Выдайте пятьдесят рублей и матери пострадавшего. Ваши заслуги и пролитую вами кровь командование не оставит без вознаграждения. Спасибо вам!

Для празднования победы Смекалов предоставил отряду сутки отдыха. Каждому солдату отпустил по две порции водки. Ну а мяса было вдоволь. Когда скот, взятый с аулов в качестве контрибуции, угоняли в равнинные крепости и в Грозный, для отряда оставляли вдоволь. В других продуктах питания тоже не чувствовалось недостатка. Прежде чем сжечь аул, солдаты под метлу очищали дома. Ранцы солдат и сумки милиционеров были набиты сушеными курдюками, мясом и прочим награбленным добром. После каждой операции на месте стихийно возникали солдатские базары. Но настоящие базары устраивались по возвращении отряда в крепость. Сюда съезжались жители окрестных аулов, спекулянты. На этих базарах свою добычу офицеры сбывали через доверенных солдат.

На второй день Смекалов принимал представителей аулов, приходивших в лагерь группа за группой. Первыми пришли даргоевцы и белгатинцы. Как всегда, уверенно. Надеясь на подарки или благодарность генерала, явившиеся центороевцы клятвенно заверили в своей преданности властям. Тезикаллинцы и ножийцы не показывались. Пришли просить милосердия курчалинцы. Однако они решительно отказались дать заложников.

- Мы не можем дать аманатов, инарла, - твердо ответил стоявший впереди старик. - У нас нет того скота и таких денег, которых ты требуешь. Именно эта бедность и лишения заставили нас подняться против властей.

Смекалов подозвал к себе начальников отрядов.

- Господин полковник, - сказал он князю Накашидзе. - Пошлите в Тезикалла солдат и сотню горцев. В Курчалой отправьте две роты солдат и милицейскую дружину. А вы сами с апшеронским батальоном, артиллерийским взводом, с одной казачьей ротой и тремястами пешими дагестанцами отправляйтесь в Ножи. Пригоните весь скот, а сами аулы и их хлеба превратите в пепел.

Вскоре прибыла колонна капитана Битнерского. Прибытие нового отряда пуще прежнего взбудоражило лагерь. Со всех сторон слышались крики пьяных солдат. Самые возбужденные стреляли в воздух.

Курчалойцы долго смотрели на них, от удивления мотая головами, затем встали на вечерний намаз.

Скот, пригнанный из Эрсеноя, с впалыми от голода боками и обрызганными жижей задними ногами, не в силах пастись, стоял в стороне, понурив головы.

Перед выступлением отряда вслед за повстанцами Смекалов получил добрые вести. На пополнение его отряда направлен в Ичкерию только что прибывший в Чечню Динабургский полк, четыре батальона Навагинского полка, артиллерийская батарея, казачья и осетинская кавалерийские сотни.

Хасавюртовский отряд уже начал операцию по рекам Аксая и Ямансу. Разорив там аулы, полковник Батьянов должен был встретиться со Смекаловым в Беное.

"*...Засим, что касается движения из Беноя,* - писал Свистунов,

- *то очень было бы хорошо вам и ему сделать его совместно, да еще одновременно из Дагестана сверху спустить туда какую-нибудь милицию, дабы навек уничтожить это проклятое гнездо... Имейте в виду, что цель наша должна заключаться в том, чтобы выбрать из всех аулов неблагонадежных людей и сослать их навсегда с семействами в Россию, взятие же аманатов должно составить только переходную к этому меру. Беной же и Зандак надо поголовно выселить в Сибирь или, если эти подлецы не пожелают, выморозить всех зимою, как тараканов, и уничтожить голодом.*

Зандаковских аманатов, которых я прошу выслать в отдаленные губернии, пришлите сюда, как только можно, им нужно будет назначить надежный конвой. При этом вести не со связанными,

а *буквально со скрученными позади спины руками, так, чтобы ладонь левой приходилась и была привязана крепко к самому плечу правой и наоборот. В дороге не развязывать ни под какими предлогами и в случае малейшего сопротивления одного немедленно перебить всех.*

Генерал-адъютант Свистунов. 18 август 1877 г. № 226

Смекалов снял мундир и сапоги и прилег на походную кровать. Что идут на помощь воинские части, это хорошо. Но не такое уж легкое здесь положение, каким представляется командующему. Батьянов дважды попытался проникнуть в Ичкерию. Но оба раза его повернули обратно поднятые Тозуркой, Косумом и Нурхаджой аулы по рекам Аксай и Ямансу...

Смекалов задремал, но его сон прогнал доносившийся шум у входа в палатки.

- Куда ты прешься? Я же говорю тебе, что его превосходительство лег отдыхать!

Вошедший адъютант сообщил, что андийский наиб поручик Гирей требует

впустить его по какому-то важному делу.

- Впустите.

Смекалов присел на краю кровати, натянул сапоги, подтянулся, раскинув руки, потом он взял со спинки стула мундир и накинув его на плечи, встал. Пригнувшись, в низкий проход палатки вошел андиец, человек лет сорока, высокого роста с коротко подстриженными рыжими усами и бородой.

- Что вам угодно? - спросил Смекалов, нехотя.

- Ваше превосходительство, я пришел к вам с просьбой относительно курчалинцев, - сказал он по-русски, устремив на генерала воспаленные глаза.

- Говорите.

Алексей Михайлович сел и сунул в рот сигарету.

- По приказу вашего превосходительства для уничтожения Курчалоя, который заслужил это, пошел отряд. Старики аула прислали меня как посредника и заступника.

- Вы еще не уничтожили это разбойничье гнездо? - нахмурился генерал.

- Нет, ваше превосходительство. Они просят сутки на размышления.

- Где полковник Накашидзе?

- Там, ваше превосходительство. В Курчалое у меня много родственников. Они прислали меня с просьбой не разрушать аул.

Алексей Михайлович слышал, что у этого Гирея в Курчалое и на Бассе много близких родственников и что его уважают во всей Ичкерии. Считая, что положение отряда на сегодня сомнительно, Смекалов решил использовать поручика.

- Передайте полковнику, чтобы он превратил аул в пепелище, а сам с двадцатью заложниками и со всем скотом к вечеру возвратился в лагерь.

Поручик переступал с ноги на ногу.

- Позвольте, ваше превосходительство, обратиться с просьбой. Мы успеем и аул разрушить, и взять заложников. Завтра я соберу народ и примирю аул. Я разъясню им, что станет с ними, если ваши требования не будут выполнены. Короче говоря, я уверен, что они выполнят вашу волю.

Генерал сделал вид, что гневается, и потом согласился.

- Хорошо, поручик. Даю вам время до завтрашнего полудня. Если курчалинцы дадут двадцать заложников, полсотни быков и триста овец, я помилую их. Но передайте им, что, если они позволят ступить на их территорию хотя бы одному мятежнику, я повешу в центре Курчалоя все эти двадцать человек.

Второй день у Смекалова тоже был беспокойным. Целыми толпами приходили представители усмиренных аулов. Центоройцы привели шестьдесят быков и двадцать три заложника, гордалинцы - двадцать человек, пятьдесят быков и двести баранов, курчалинцы - девять человек и тридцать быков.

Векилы аулов стояли на площадке между палатками в ожидании, когда к ним подойдет генерал. Векилы - впереди, за ними - заложники. Перед каждой палаткой стояли пирамидами ружья со штыками. Перед лошадьми, привязанными к деревьям на обочине леса, виднелась потоптанная копытами кукуруза в зерне и кочанах. Корм лошадям задавали не скупясь.

Вокруг палаток суетились солдаты: кто у котла, кто чистил одежду или оружие, кто чинил сбрую, а некоторые собрались группами и забавлялись шутками.

Несколько пушек стояли зачехленными. Слышался приглушенный говор среди векилей.

- Хоть бы побыстрей вышел этот боров!

- Уже полуденного намаза пора наступила.

Хоть изредка слышались смех и шутки, на душе у пришедших в лагерь людей лежал лед. Ведь не на свадьбу пригласили их сюда. Немало было случаев, когда людей, взятых в аманаты, отправляли в Сибирь или вешали. Аманатов брали тоже с расчетами. По одному человеку от десяти семей. Теперь эти старики стояли с четками в руках, разговаривая вполголоса. Но сердца их сжаты до предела. Ведь люди, которых они привели в аманаты - их братья, сыновья или племянники.

Молодежь, которая стоит за ними, с беззаботным видом посмеивается, но не потому, что не знает своей участи. Просто и те и другие не хотят выдавать своих чувств. Они смело смотрят в глаза врагов, чтобы не дать им повода для насмешек.

Наконец, генерал вышел из палатки и посмотрел на людей, нахмурив белесые брови. К нему подошли дожидавшиеся его князья Накашидзе и Шервашидзе. Несмелой походкой подошли и стали сзади Чомак Ойшиев и Элби Мовсаров.

Шервашидзе коротко отрапортовал о прибывших сюда.

- Почему центоройцы так мало пригнали скота? - спросил Смекалов, бросив в толпу свирепый взгляд.

- Хватит с них. Эти три дня отряд кормился за их счет. Мы им принесли убытков самое меньшее на три тысячи рублей.

- Я требовал от курчалинцев двадцать заложников. Почему они привели только девять?

- В Курчалое всего девяносто семей.

- Дышнинцы пришли?

- Пришли, ваше превосходительство.

- Соберите всех людей сюда.

Чомака, Элби и андийцы Гирей и Иса поспешно позвали людей к генералу, а те медленным шагом, спокойно подошли и встали перед генералом и офицерами полукругом. Генерал обвел испепеляющим взглядом толпу. Он разгладил свои пышные усы и, скривив толстые губы в едва заметной усмешке, заговорил:

- Разговор у нас будет короткий, чеченцы. Вы привели требуемых от вас заложников и скот. Но на этом не кончается наказание, заслуженное вами. Вчера дышнинцы и эрсанойцы совершили нападение на маленький отряд, вышедший из Ведено. Убили несколько солдат и перехватили письмо, которое направлял мне начальник области. Центоройцы вчера дали мне слово в своей преданности. А сегодня на их территории со своей шайкой появился разбойник Сулейман. И это ваша преданность? Я считал, что слово чеченца тверже каменных гор. Оказывается, ваше слово и слово базарной бабы одно и то же. Но я научу вас держать слово силой. Я предупреждаю аулы, давшие своих заложников. Если хоть один мятежник ступит на вашу территорию или хоть один ваш человек пойдет к мятежникам, - я вздерну на веревке всех заложников такого аула. Если на Эртен-Корте и Кеташ-Корте раздастся хоть один выстрел, я повешу всех курчалинских, тезикалинских и эрсенойских заложников. А с вами, дышнинцы, у нас будет отдельный разговор. Приведите в аул своих людей, которые прячутся в лесах. Там,

на пепелище, мы будем вас судить. Это мое последнее слово.

Люди молчали, понурив головы. Тогда из толпы на несколько шагов вперед вышел какой-то старик и повернулся к Чомаку.

- Чомака, передай инарле нашу просьбу. И аулы наши сожгли, и заложников у нас взяли, и скотину забрали. Скажи ему, пусть хоть уцелевшие от пожаров наши хлеба пощадит.

Чомака перевел просьбу старика.

- Если выполните мою волю, вы будет помилованы. Но если допустите хоть на волосок оплошность, я заморю вас в ваших лесах голодом и холодом. Позаботьтесь об отправке заложников, полковник.

Старики подошли к аманатам от своих аулов и стали прощаться

с ними. Одни обнимались на прощанье, другие, сказав несколько слов в утешение, отходили в сторону.

Небо постепенно потемнело. Донесся отдаленный гул, тучи разорвало молнией. С шумом упали в мягкую пыль и на листву деревьев первые крупные капли дождя. Через минуту за дождевой завесой скрылись окружающие горные кряжи...

ГЛАВА VIII

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ

Несчастные! В чужом краю!

Исчезли сердца упованья...

М. Лермонтов.

Когда прошло достаточное время, в течение которого аул не посещался карателями, люди понемногу возвратились по домам и построили на пепелище землянки. Тем, у кого в семье мужчина, было легче построить жилище. Но семьи Айзы и Кайсара оставались под открытым небом. Они вставали утром чуть свет и трудились до поздней ночи.

Несколько дней ушло на разбор двух обгоревших и обвалившихся крыш. Сначала выбрасывали из комнат землю. Лопата с трудом прорезала землю, перемешанную с соломой и кукурузой. Сперва выбрасывали несколько лопат земли, потом руками выдергивали солому и стебли, в кровь обдирая руки. Земля пахла гарью.

Чумазое лицо Усмана трудно было узнать. По груди его и спине стекал пот, смешиваясь с угольной пылью и сажей. Не покладая рук работали Айза, Эсет, Деши и Макка. Выволакивали из земли несгоревшие бревна и балки. Разбитые окна восстановили Васал с Мачигом. Через неделю в обоих домах установили по одному окну, сделали крыши, и семьи Айзы и Кайсара заселили свои жилища. К счастью, дом Эсет остался невредим.

Денно и нощно прислушивались они к горам Ичкерии. Каждый день доносились оттуда раскаты пушечного гула. Выстрелы на хребте заставляли их выскакивать во двор даже среди ночи. Айза выходила еженощно на крыльцо и, опершись на столб, долго всматривалась в горные выси. Чуть заслышит на улице говор или конский топот, она выскакивала на улицу, как ошпаренная.

В эти дни в Гати-юрт приходили печальные вести. Люди понимали, что поражения Алибека близ Ведено, на Гамар-Дуке и Кеташ-Корте будут иметь для аулов горькие последствия. Да и Асхад с Инарлой, вернувшиеся домой на сутки, рассказывали об этих боях ужасные вещи. По их рассказам выходило, что в войске Алибека несколько сотен убитых. Но ни убитых, ни раненых в Гати-юрт не привозили. Точнее сказать, с Алибеком оставалось лишь несколько гатиюртовцев, многие вместе с Актой сдерживали противника на Аксае.

В конце концов, случилось то, чего так боялись Айза с Усманом. Позавчера в полночь издали донесся визг деревянных колес, который постепенно приближался и замер возле их дома. Они выскочили разом: впереди Айза, за ней Усман. Узнав в одном из двух мужчин, стоявших на дороге, Янарку, Усман почувствовал, как по сердцу его пробежали мурашки. Понял, что неслучайно пришла к ним эта арба. Значит, привезли или Умара, или Булата. Булата привезти не могли, так как он с Актой. Значит, Умара, кого же еще... По мере приближения Айза старалась идти медленно. Надо быть мужественной перед горем. Но ее глаза были на сыне, который старался сесть в кузове арбы.

- Пусть все доброе посетит вас, Айза, - сказал Янарка, изо всех сил стараясь выглядеть веселым. Но Айза уловила в его голосе фальшивую ноту.

- Добро пожаловать. Кто это с тобой? Что вы в столь неурочный час? Что случилось?

- Со мной-то Мишка, - замялся Янарка. - Все хорошо. Только Умар получил пустяковую рану...

Усман подошел к подводе и, опершись руками в край, заглянул

в кузов. На подстилке свежескошенной травы сидел Умар. При виде бледного лица на только что появившемся лунном свете у Усмана пересохло во рту.

- Уми! - притянул он к себе голову брата. - Уми!

Умар попытался рассмеяться.

- Чего кричишь? Подвинься, дай слезть.

- Рана опасная?

- Пустячная.

Умар попытался слезть, опершись левой рукой о борт, но поскользнувшись на подостланной сочной траве, повалился. Отстранив пытающегося придерживать его брата, он подошел к растерянной матери и обнял ее здоровой рукой.

- Чего растерялась, нана? Со мной же ничего не случилось?

Айза молча прижала к груди сына и стояла, глотая слезы.

- Не плачь, - сказал Умар шепотом. - Валлахи, со мной ничего не стряслось. Только маленькая дырка в плече. Через два-три дня заживет.

Как ни горько было Айзе, она оставила сына и засуетилась вокруг гостя.

- Усман, выпрягай быков. Янарка, а вы заходите.

- Мы пойдем ко мне, Айза.

- Ни в коем случае. Жовхар с детьми живут в землянке в тесноте.

- Нет, Айза. Мы вдвоем что-нибудь придумаем. Нам рано вставать. За Умара не беспокойся. Измельчи подорожник и приложи к ране. Ну, до свидания. Отдыхайте.

Не успели они после ухода Янарки и Михаила войти, зажечь светильник и присесть, как пришли Эсет и Магомед. Женщины, постелив Умару, уложили его, затем начали плакать. Плакали не только по Умару. Женщины вспомнили всю свою прошлую горькую жизнь, детство, родителей, братьев и сестер, Арзу, Али и Маккала, убитых за эти несколько месяцев. Все вспомнилось. Изрядно проплакав и немного успокоив свои сердца, они засуетились вокруг Умара.

- Сильно болит? - поцеловала юношу в лоб Эсет. - На тебе же лица нет.

- Нет, деца. Сначала на коне трясся, потом на арбе. Отдохну немного - и все пройдет.

- Вай, умереть твоей деце! Как тебе больно сделали они, чтобы Бог их покарал! Усман, беги, зови Ахмеда. Рану надо перевязать заново.

- Не надо, деца, - покачал головой Умар. - Завтра что-нибудь сделаем.

Эсет ушла поздно, взяв Магомеда, который просидел рядом с Умаром с полными от горя слез глазами.

Эту ночь семья провела без сна. Умар поговорил с матерью и братом ласково и постепенно затих. Решив, что его сморил сон, Айза и Усман тоже легли спать. Через некоторое время Умар стал метаться в жару и бредить. Лоб и тело его горели, словно в огне. Одежда была вся мокрая от пота. Они часто прикладывали к его лбу холодную примочку из полоски материи, смачивали водой его потрескавшиеся губы и так дождались утра.

Когда на второй день вызванный ими Ахмед заново перевязывал рану, жар его спал, и Умар уснул.

В течение этих суток он не съел даже крошки, а только все пил воду, стараясь сбить внутренний жар. Сегодня он поел немного и заметно ожил.

Сегодняшний пятничный день был очень жаркий. Хоть несколько дней назад лил дождь, земля успела потрескаться. Листва на деревьях замерла, как неживая. Не слышалось пения птиц. Если бы не пение дрозда где-то далеко в чьем-то саду на орехе да не печальное воркование сизого голубя, казалось бы, что все птицы вымерли.

Собаки, которые бешено бросались на Магомеда всегда, когда он проходил по этой улице, теперь лежали пластом в тени плетней, сараев и деревьев. Босые ноги обжигала горячая пыль. Как ни тихо он ступал, словно жижа, между пальцами волнами вылетала пыль.

Когда собаки не стали лаять, Магомеду стало скучно от всеобщей тишины. Палка, которую он взял, чтобы отбиваться от них, осталась бесполезной ношей. Чтобы уйти от пыли, он полез через чужие сады. Теперь не приходилось лазить через заборы. Они были сожжены вместе с домами пришедшими солдатами.

Срывая по пути яблоко или грушу и так миновав два-три сада, Магомед вышел на главную улицу аула. Там, где улица сделала крутой поворот, ему повстречался Абди, сын Хорты, ехавший на неоседланном коне. Увидев мокрый живот коня, Магомед понял, что он едет с Аксая, выкупав коня.

Во всех своих бедах и бедах аула Магомед считал повинным Хорту. Да и как не считать, если он и налогами аул облагает, и людей на бесплатные работы для власти гоняет. А когда приходят в аул солдаты, разъезжает впереди них. И дома, подлежащие сожжению, его сын Асхад показывал солдатам. Теперь Магомед был уверен, что дяди его, Али и Маккал были арестованы по доносу Хорты. Для мести взрослым у Магомеда не было сил, но Абди он лупил при каждой встрече. Как только он показался на улице, Магомед начал размышлять, что бы сделать ему назло.

- Не пыли на улице, Хортин ублюдок! - крикнул он, приблизившись к нему.

- А ты что, боишься запачкать свои лохмотья, вшивый оборванец!

- брезгливо скривил рот Абди.

- Что ты сказал?

- Вшивый оборванец!

- Проклятье твоим девяти тысячам предков, сучье отродье!

- Проклятье твоим десяти тысячам предков, невесть кем порожденный кута.

Магомед с размаху ударил Абди палкой по голому бедру.

- Получай, доносчик, отпрыск доносчика!

Абди нагнулся и, огрев шею Магомеда тонким прутом, хотел было ускакать, но Магомед стянул его за ногу с коня и, сев сверху, стал его молотить кулаком. Так били они друг друга - Магомед сверху, а Абди снизу вверх, катаясь в пыли, но вдруг незаметно подошедший Чонака стащил Магомеда за ухо с Абди и дал такую затрещину, что у Магомеда из глаз посыпались искры.

Абди, осмелевший, когда подошел Чонака, вскочил, схватил палку и бросился на Магомеда. Абди успел ударить палкой по руке и голове Магомеда, прежде чем тот опомнился от ударов Чонаки. Но опомнившийся Магомед вырвал у него палку и изо всех сил ударил его по спине, и тот завыл, как щенок. Чонака, который

спокойно смотрел, пока перевес был на стороне Абди, новой оплеухой опрокинул Магомеда в пыль и, опасаясь, как бы кто-нибудь не увидел, тихо подтолкнул Абди сзади, чтобы он шел домой.

Магомед встал, стряхнул с себя пыль и провел рукой по лицу.

Увидев на руке кровь, он понял, что Абди поцарапал ему лицо.

- Подожди же, сука, я тебя в другом месте встречу, - крикнул он Абди вслед. - Я тебе тогда покажу.

- Прочь отсюда, кута! - двинулся на него Чонака, подняв для удара руку.

Магомед отбежал на несколько шагов и, замедлив бег, заговорил, оглядываясь:

- Сука, лизоблюд Хорты! - крикнул он, став недосягаемым для Чонаки. - Погодите, холуи солдат! Вот уйдут они - мы от вас и дыма не оставим!

Разъяренный Чонака бросился за ним, но Магомед перемахнул через забор и скрылся в саду. Миновав два сада и провожаемый проклятьем Расехат, похожей на ведьму, он спустился к ручейку, вымыл лицо и пошел к своему другу Эламирзе - сыну Арсамирзы.

Друг сидел под абрикосовым деревом во дворе и что-то мастерил. Огромная черная собака, распластавшаяся на углу дома, заслышав шаги, лениво открыла один глаз, ударила по земле пару раз хвостом и вновь затихла, закрыв глаза.

Эламирза возился с двуствольным пистолетом, у которого деревянная рукоять сгнила, а все детали были изъедены ржавчиной.

- Чем занимаешься? - присел Магомед возле него.

- Пистолет ремонтирую.

- Из него пистолет уже не получится.

- Почему?

- Не видишь что ли, ржавчина до дыр изъела.

- Для меня сойдет.

- У меня есть дома хороший.

Эламирза недоверчиво обернулся.

- Врешь?

- А когда я врал? Мне Умар подарил.

Эламирза вытаращил на него глаза.

- Что с тобой случилось?

- А что?

- Лицо все почернело, будто кот поцарапал.

- С Абди подрался, - понурил голову Магомед.

- И этот хлюпик тебя побил?

- Чонака за него заступился. И меня ударил несколько раз.

Эламирза прицелился куда-то и нажал на курок. Но ни курок, ни боек не двинулись

с места.

- Да выбрось ты эту железяку, - вырвал Магомед пистолет из рук Эламирзы. Потом поднялся и зашвырнул его в сад. - Я тебе новый дам.

- А у тебя что, два?

- Три. Тот, что был у отца, тот, что Умар подарил, и еще один старый. Его еще можно носить. Пошли, пойдем купаться.

Дружба у мальчиков завязалась, когда они были еще совсем маленькими. Только ночью на сон разлучались они. А иногда и спали вместе у Эсет.

Они пошли к омуту под Лун-Берд, побарахтались в воде и легли на спину на горячий песок.

- Эламирза, - тихо позвал Магомед, вперив взгляд в чистое небо.

- Что? - нехотя отозвался друг.

- Я должен отомстить Чонаке.

- Как? - повернулся к нему Эламирза.

- Я убью его.

- Не сможешь. Он ведь большой.

- Пистолетом можно.

- Но ведь надо выстрелить. Он же не подпустит тебя с пистолетом.

- Сделаю где-нибудь засаду и убью, когда он будет идти на поле.

- А если сделать то же, что сделали Хорте?

Неделю назад оба мальчика ночью поднялись к хребту и подожгли пшеничную скирду Хорты. Разъяренный Хорта долго искал виновника, но не нашел.

- Одной лишь скирдой не рассчитаться за все его сегодняшние побои. Сжечь дом еще куда ни шло.

- Давай пока скирду подпалим.

- Только не с тобой.

Удивленный Эламирза рывком сел.

- Ты мне не доверяешь?

- Доверяю. Если попадемся, Арсамирзе будет плохо.

- А ты?

- У меня нет отца. - Магомед тяжко вздохнул. - А с матерью власть ничего не сделает.

Эламирза снова откинулся на спину, подложив руки под голову.

- Значит, ты не считаешь меня другом.

- Не о тебе речь. Дело в твоем отце. Как вам быть, когда его арестуют? Шестерым детям?

- Отца посадят, даже если я не сожгу скирду Чонаки. Или убьют на войне. А не

убьют - так в Сибирь отправят. Тебе-то Чонака только оплеуху дал. А он сопровождал солдат, которые шли поджигать наш дом. Я отомщу еще Товсолте, Панке и Инарлу. Поочередно. Когда мы идем на хребет?

- Подумаем.

- Как Умар?

- Сейчас лучше.

Вдруг небо начало заволакивать тучей. Носившиеся над обрывом стрижи стали прятаться по дуплам.

- Дождь собирается, - сказал Магомед, посмотрев на юг. - Давай домой.

Порезвившись немного в воде, мальчики вышли на берег и стали одеваться. Однако это оказалось не таким уж легким делом. Нога Эламирзы высунулась через порванную на колене штанину. Руки Магомеда не лезли в рукава. Как на смех, они тычутся в рваные места.

- Давай уйдем за войском Акты? - сказал Эламирза, завязывая двойным узлом длинный хунжур.

- Брось ты! Разве они нас пустят? Другое дело уйти к Алибеку.

- А с ним же Кайсар и Кори. Может, к Умме?

- Он далеко. Незнакомые и подавно прогонят.

Солнце еще не полностью скрылось за тучами, как стали падать дождевые капли. Но что дождь не скоро прекратится, было видно по черным тучам, наползавшим с той стороны хребта.

- Сегодня у нас ничего не получится.

- Из чего?

- С поджогом скирды. Она не вовсю разгорится.

- А нельзя завтрашней ночью?

- Конечно можно. И послезавтра. Лишь бы поспеть до того, как он отмолотит. А теперь давай быстрей домой. Если в горах был дождь, Ясси взбухнет.

Закатив штанину выше колен, мальчики дали деру домой.

Гатиюртовская соборная мечеть, построенная недавно персидскими мастерами, которых где-то отыскали Хорта и Товсолта, одна из самых красивых в Ичкерии. Она выложена из тесаного камня, имеет длину в сорок метров, ширину - в двенадцать и высоту -

в восемь метров. Справа от земли поднимается восьмигранный минарет, заканчивающийся куполом, устремленным ввысь. Железная изгородь с причудливыми узорами еще не покрылась ржавчиной.

Деревца вишен и слив, посаженные внутри изгороди, уже превратились в ветвистые деревья. Люди бережно сохраняют зеленую траву под ним. Не допускают туда собак, кур или скотину. И человек ступает на эту траву, лишь почистив обувь.

Мечеть находится в центре Гати-юрта. Основные улицы аула начинаются или сливаются на площади перед ней. Две улицы проходят вдоль всего аула, одна

поднимается на хребет, другая ведет к Аксаю. По этим улицам по одному, по два или группами люди направляются на рузбу. Каждый одет в зависимости от состояния и возможностей. Хотя день жаркий, как горящая печь, люди в черкесках, бешметах и мохнатых папахах. Те, у кого чистая рубашка, которую не стыдно показать, закатили рукава бешметов по локоть. Полы черкесок и бешметов заткнуты за пояса, чтобы не запылить.

Опираясь на посохи, идут старики. Сегодня собирается очень мало людей. Половины жителей аула нет дома. Одни с Алибеком, других отдали в аманаты, третьи сосланы в Сибирь. Некоторые старики, чьи сыновья провинились перед властями, прячутся в дальних аулах, пока не пронесется гроза.

Сегодня пришла и часть молодежи, которая раньше не посещала рузбу. Говорят, что Товсолта-хаджи будет читать интересную проповедь. На этой неделе хаким из Грозного собирал в Шали мулл из некоторых аулов Ичкерии. Там, видно, обменивались между собой мнениями хакимы, духовные отцы и купцы. Сегодня сюда идут все послушать, что скажет их мулла, даже те, кому здесь нет дела, вплоть до таких, как Усман.

До начала проповеди еще около часа времени. Все же люди пришли пораньше. У них ведь накопилось много, о чем говорить и до того, как преклонить колени перед Богом, и после. За лето, в страдную пору, люди мало собираются даже по вечерам. Поэтому на рузбу собираются с рвением.

Внутри изгороди, на мягкой траве, сидят люди, образовав несколько групп. Одна такая группа собралась вокруг муллы Лорсы. В другой толпе, ближе к входу, находятся друзья Васал и Мачиг. Оба внимательно слушают возвратившегося неделю назад с турецкого фронта Солтахана. От правой руки Солтахана осталась короткая култышка. Рана на руке еще не совсем зажила.

Разговор главным образом шел о боях, происшедших за последнюю неделю.

Говорят, генерал теперь со своим войском в Беное.

- Войско из Хасав-юрта, говорят, действует уже в Аухе, идут в Ичкерию. Зандаковские аулы вновь сожгли и, говорят, пару сотен человек взяли в аманаты.

- Как бы вверх по Аксаю не полезли.

- Да, это тоже может случиться.

- Не слышали, что Умма-хаджи спустился к Бассу?

- Говорят, половину его войска составляют аварцы, грузины и ингуши.

- Значит, если нам помогают соседи, можно надеяться на успех.

- А я слышал, что в боях на Аржа-Ахке тяжело ранили одного грузинского князя. Может, даже уже умер.

- Авалу!

- Нет.

- Накашаз?

- Нет, не из них. Какого-то Ширваза.

- Странное дело. Одни аварцы, ингуши и грузины дерутся на нашей стороне, другие - против.

- А чеченцы?

- Сытый - за власть, а голодный - за нас.

- Каша получилась.

Потом принялись обсуждать битву на горе Кожелк-Дук. Солтахан внимательно слушал разговор, потом заговорил.

- Какие уж сражения здесь? Вы не видели настоящей войны. Сколько воинов у Алибека? Две-три тысячи наберется?

- Иногда до десяти тысяч доходит.

- Пусть будет даже пятнадцать тысяч. И те бывают в один день десять тысяч, на следующий день - тысяча. Иногда он остается с двумя-тремястами бойцами. Алибек бегает впереди, а генерал за ним гоняется. Редко встретившись, палят друг по другу, убьют с обеих сторон по двадцать человек. Разве это война? Вот мы воевали! По сто тысяч пехотинцев и кавалеристов сходились с обеих сторон. Несколько сотен пушек, да таких, что человек спокойно мог залезть в жерло. Во время битвы от дыма солнца не было видно. Земля дрожала от пушечного залпа, топота человеческих ног и конских копыт. Через час после начала боя земля бывала усыпана человеческими и лошадиными трупами. Разбросанные пушечными ядрами человеческие ноги, руки, головы, кишки. Трупы не успевали после боя хоронить, и они взбухали, гнили и смердили. Над ними носились стаи ворон да тучи огромных зеленых мух.

- Трупы вы предавали земле?

- Конечно!

- Каждому рыли отдельную могилу?

- Разве успеешь каждому вырыть могилу? Валили штабелями в овраг и забрасывали землей. Мы-то хоронили своих чеченцев по отдельности, каждого в отдельную могилу.

- А мулла у вас был?

- А зачем он погибшему на войне?

- Много вайнахов погибло?

- Порядком. Ни один бой не кончался без многочисленных жертв. Как-то раз бросили нас в тыл к туркам. Сражайтесь, мол, как вам сподручней. Турецкое войско расположилось лагерем близ аула, который назывался Субтан. Русское войско было далеко. Выступив в поход в сумерки, наш полк сделал крюк и, выйдя туркам в тыл, бросился на их лагерь. Пока турки успели опомниться, мы, рубя и кромсая, молнией пронеслись через лагерь. Вскоре чеченский полк вновь был послан в тыл врага. Мы, попетляв, ворвались в лагерь кавалерии Мухтар-паши. Они, расседлав коней, спокойно спали, а мы с криками "вуррей" ринулись на них и порубили их, точно наши тыквы. Словом, турки, как чертей, боялись вайнахского полка.

- По твоим словам, вы совершали там большие подвиги.

- Ни разу не показали им спину.

Собираясь закурить, Васал сунул руки в карман бешмета. Потом, вспомнив, что находится рядом с мечетью, глубоко вздохнул и посмотрел на Солтахана.

- Хорошо дрались, хорошо. Конечно, вы храбрые кентий! Поэтому ты возвратился с орденами на груди и полным карманом денег. Есть большой дом, изрядный участок и полный двор скота. Будь мы такими же богатыми, как ты, мы бы тоже пошли.

Люди рассмеялись, поняв издевки Васала.

Солтахан затрясся от возмущения и устремил взгляд на людей.

- Чего вы смеетесь над моей бедностью? Чего у вас больше, чем у меня? Из вас никто не может выйти из-под одеяла, если жена постирает штаны, пока они не высохнут. И еще надо мной смеетесь!

- Поэтому мы и остались дома, завернувшись в свои одеяла.

- И тебе бы лучше остаться.

- Солтахану одна рука была лишней!

Один лишь Васал не разделял их веселья и сидел мрачный.

- Они смеются не от радости, - сказал он Солтахану. - Ну, пусть бы пошли на войну дети Хорты, Товсолты , Борги, не говоря уж о Хоте и Боте, каждый из которых имеет в два раза больше земли, чем весь наш аул. Но нам непонятно, ради чего ты пошел? Ведь у тебя, кроме вечно протекающей лачуги, ничего не было - ни скота, ни земли. Кто сегодня гибнет на войне? С одной стороны - бедные русские, горцы, грузины и другие, а с другой стороны - такие же бедные турки, курды, арабы. Ты гордишься, что убивал турок. А где-то, наверное, такой же безрукий или безногий турок тоже, сидя на мечетной площади, похваляется убитыми им русскими. Но ради чего, из-за чего дерутся солдаты. Они ведь и сами этого не знают. Каждый считает, что защищал свою страну. Ни русским, ни туркам, ни одному другому народу не нужна чужая земля. Она нужна царям, богачам. Солдаты гибнут из-за них, за то, чтобы возвеличить их, приумножить их богатства. Люди согласно закивали головами.

- Видите, мы сегодня поднялись против власти, - говорил Васал.

- Поднялись, доведенные до отчаяния голодом, нуждой. Не в силах терпеть дальше произвол и насилие, чинимые над нами властями. Кто же подавляет восстание? Такие же, как мы бедные крестьяне, взятые в солдаты. Они жгут наши аулы и хлеба, угоняют скот. Однако не задумываются над тем, ради чего они вершат эту жестокость. Не думают о том, чего они добьются, подавив это восстание. Раньше, в шамилевское время, солдаты сочувствовали горцам. Тогда не я один перешел к вам, нас было сотни. В подавлении нынешнего восстания большую, чем солдаты, жестокость проявляют сами чеченцы, ингуши, осетины и дагестанцы. Обманули их, как этого бедного Солтахана. Всю эту смуту сеют цари и кучка их приспешников-богачей. Об этом мало кто думает, бросаются с ружьями и саблями друг на друга.

- Раз пошел на войну и воевать приходится, Васал, - сказал Солтахан. - У людей, которые служат вместе, едят и спят вместе, рождаются дружба и братство. Там не смотрят, какого ты племени и веры. Потом, в бою, чтобы самому не погибнуть и товарища спасти от смерти приходится убивать противника. Да еще чувство гордости тоже имеется. Не хочется, Васал, чтобы нас победили...

Наконец, на мечетной площади показались Хорта с Товсолтой. Издали лоснились плотные упитанные щеки и красный нос Хорты. Каждый шаг его сопровождался шуршанием зеленого атласного бешмета, туго облегавшего округлость его живота. Широким шагом его нагонял длинный, как жердь, сухощавый Товсолта. Оба, не взглянув на людей, направились к двери мечети.

- Ну, пошли, ребята, наш мулла прибыл, - поднялся Васал.

Через минуту на площади перед мечетью не осталось никого.

Один известный кавказовед писал, что до Шамиля духовенство в Чечне далеко не играло той большой роли, какую оно играет на мусульманском Востоке.

Стоя по образованию выше народа и имея в своих руках всю судебную власть, оно на мусульманском Востоке имело всегда сильное влияние на общественное

управление. В Чечне же, жители которой всегда были плохими мусульманами и где обычай и самоуправление решали все дела, духовенство не имело подобного влияния. Ничем особенным не отличаясь от толпы, оно пришло в упадок, и до появления Шамиля было бедно и невежественно; по всей Чечне не было ни одного ученого, и молодые люди, возымевшие намерение посвятить себя изучению арабского языка и Корана, отправлялись с этой целью в Чиркей, Акушу или Казикумух. В значении грамоты заключалось единственное преимущество, какое имели чеченские муллы над своими прихожанами, оно доставляло им некоторое уважение в народе, потому что, как грамотные люди, были востребованы при составлении разных письменных актов. Особыми же правами они не пользовались и находились в прямой зависимости от мирян. При вступлении в духовное звание не соблюдалось никакого обряда, каждый аул выбирал себе кого-нибудь из грамотных и назначал его своим муллой. Круг деятельности муллы был очень тесен и большую часть времени он мог посвящать торговле и хлебопашеству, получая, по примеру всех мирян, определенный участок земли. Особенных доходов, представленных мусульманскому духовенству на Востоке, муллы в Чечне не получали.

В таковом положении находилось чеченское духовенство до утверждения здесь власти Шамиля. Однако, когда в Чечне укрепился Шамиль, постепенно уничтожались народные обычаи и традиции, в которых сохранились демократические элементы. Их он заменял шариатом. Шамилю нужны были верные ему, мусульманской вере и его власти люди. Теперь на первый план вышли служители культа и состоятельные люди. Им дали право обманывать, грабить, угнетать народ. Всякий, кто противился власти имама, беспощадно уничтожался.

То, что не успел и не смог сделать Шамиль, довершала царская власть. Она бережно относилась к духовенству. Некоторым бывшим наибам Шамиля даровали большие права грабить и эксплуатировать народ. Они стояли здесь опорой царской власти в ее стремлении держать народ в повиновении.

Народ постепенно оттеснялся назад. Это было заметно даже сегодня в мечети. Лет пятьдесят назад на рузбе в передний ряд вставали старики. Кроме муллы, ведущего проповедь, все остальные улемы оставались в толпе. Одним словом, занимали места по возрастному старшинству, независимо от богатств и титулов.

Сегодня в переднем ряду стоят Хорта, Товсолта, Борга, Инарла и Чонака. Старики позади них. Не оказались среди своих ровесников Мачиг, Васал, Ахмед и другие. А герой турецкой войны Солтахан отодвинут еще дальше. Как и все, Солтахан бьет молитвенные поклоны. Но мысль Солтахана далека от совершаемой им молитвы. Он думает над словами Васала. Никто не знает, почему Солтахан вступил в полк и ушел на войну. Но не из любви к русскому царю туда пошел и не из ненависти к турецкому царю. Его погнала нищета. Как сказал Васал, у Солтахана одна лачуга, в которой протекает потолок днем и ночью, даже когда перестает дождь. Среди леса у него маленькая делянка с желтоватой почвой, которая, в лучшем случае, дает два мешка кукурузы. Да и шесть коз. У Инарли, троюродного брата Солтахана, несколько полей, с десяток коров и быков, четыре лошади и более ста овец. А бедный Солтахан ежегодно батрачил у Инарли. И все равно не мог высвободиться от долгов. Он уже задолжал ему несколько туманов и несколько мешков зерна. Когда создавали Чеченский полк, Инарла сказал ему, чтобы он или уплатил ему долг, или шел за него служить в полк. Солтахан согласился. Ведь он был беден, и у него не было сил разделаться с долгами, бороться с богачом...

Они еще были во Владикавказе, когда началась война с турками.

Прибыв туда и заведя там знакомства, Солтахан нашел много таких, чьи судьбы были похожи на его судьбу.

...В крупном сражении на горе Кызыл-Тепе русское войско потерпело поражение и понесло крупные потери. Чеченский полк, прикрывая беспорядочное отступление русских частей, отчаянно отбивался от конницы генерала Мухтар-паши, наступающей на пятки полку. Догнав основные силы своей армии, чеченцы резко,

внезапно развернулись и с гиком и проклятьями бросились на турецкую конницу. Когда противники сошлись, началась сеча. Солтахан скрестил саблю со смуглым офицером. Он был в чеченском полку одним из самых искусных и храбрых всадников, но одолеть этого турка ему никак не удавалось. Офицер со снисходительной улыбкой на лице ловко отражал каждый сабельный удар Солтахана. Даже иногда казалось, что противнику несколько раз подвернулся удачный момент отсечь ему голову, но офицер не воспользовался этим. Когда же сабля Солтахана сломалась, турок опустил свою и снисходительно засмеялся.

- Тебе не состязаться со мной, молодой человек, - сказал он на чистом чеченском языке. Потом, чтобы предупредить своих товарищей, что Солтахан является его личным пленником, он плашмя опустил на его плечо свою саблю. - Я скажу тебе несколько слов, потом отпущу на свободу. Мы - два чеченца с оружием в руках, не на жизнь, на смерть яростно схватились на чужой земле. Один - на стороне турок, другой - русских. Нас, чеченцев, несколько сот на той и другой стороне. Мы - чеченцы, изгнанные русским царем из родины и переселившиеся в страну турков, пошли на эту войну не ради их султана. Мы пошли на эту войну против русского царя, который уничтожил половину чеченского народа, изгнал из родины десятки тысяч чеченцев, а оставшихся на родине жестоко угнетает. Мы хотим отомстить ему за убитых, изгнанных и угнетенных. Но вы-то ради чего воюете против турок в рядах русской армии? Во-первых, эту войну начал русский царь, и война идет на турецкой земле. Во-вторых, русский царь - злейший враг нашего народа. В-третьих, он и сегодня на нашей родине проливает кровь наших братьев. Почему вы вступили в его армию? Вместо того, чтобы беречь от русских солдат свои аулы, матерей, сестер, жен, детей и стариков, вы продались русскому царю, пришли на чужую землю, чтобы подобно русским солдатам убивать и грабить невинных людей. Больше того, убивать турок на их земле, которые двенадцать лет назад приютили нас, несчастных изгнанников. Не только нас, чеченцев, но и тысячи других горцев. И последнее. Какие бы подвиги не совершали, какой бы героизм не проявляли чеченцы, сражающиеся на той и другой стороне, слава достанется не чеченцам, а русским и туркам.

Офицер нагнулся с коня, взял с земли валяющуюся чью-то саблю, протянул Солтахану.

- А теперь иди, сражайся, спасайся, как тебе угодно. Передай мои слова своим товарищам. От Габы, сына Гаду, из Беноя...

Откуда-то, словно с потолка, до него доносится мелодичный голос Товсолта-хаджи. Глаза его, скользнув по мечети, останавливаются на мимбаре, украшенном живописным орнаментом, где произносит проповедь Товсолта-хаджи. Гусиная шея его то вытягивается, то втягивается в узкие плечи. На кончике острого подбородка дрожит реденькая бородка как у козленка. Голос его то льется высоко, звонко, то низко шепчет, словно он охрип. В мечети тихо, будто здесь лежит покойник.

- Всемогущий Бог при сотворении душ отпустил столько, сколько человек запросил: и жизнь на земле, и силу телесную, и привычки, и характер, и жизненные блага. Только те могут быть царями, которых Бог нарек при сотворении душ людей. Царствующий сегодня над нами Элександр поставлен Богом. По воле Бога нами управляют помощники царя - начальники области, округов, приставы, вплоть до старшины нашего аула Хорты, и мы должны любить и уважать их. Они вершат власть, ниспосланную Богом. Кто борется против них, борется против Бога. В завтрашний Судный день у такого человека спросят: "Я ибн Адам

- о сын Адама, - почему ты пошел против власти, которую я поставил над тобой, и против носителей этой власти, почему ты пытался изменить предопределенную тебе мной судьбу, почему ты боролся против меня?.."

- Остопирилла!

- ...И опять спросил Бог: "Я ибн Адам - о сын Адама, - при сотворении мира, создавая души, каждой душе я предназначил те блага, которые она попросила,

одним меньше, другим больше. Я тогда удовлетворил тебя, но почему ты, не довольствуясь своим благом самим установленным, протянул руку к чужому добру, почему ты пытался ущемить того, кого я вознес?" Бог покарает грешников, неверующих, они десять тысяч, сто тысяч лет будут гореть в огне ада.

- Да хранит нас Бог от этого!

- Амин!

- Против Божьей воли, по запрещенному Богом пути, против царя, поставленного Богом, против власти, дарованной ему Богом, пошел Алибек, сын Олдама из Симсира, и его последователи. Люди называют Алибека ученым человеком и хаджой. Это неправда. У человека ум и знания бывают двоякого рода: от Бога и от сатаны. Знания, идущие от Бога, приносят людям пользу, ведут их дорогой шариата, оберегают от зла и вероломства. А знания, идущие от сатаны, толкают на преступный путь. Знания Алибека

- от сатаны. Из-за него сожжено много аулов, убиты сотни людей, сотни семей остались без крова, без пропитания. За этим преступником пошли жители нашего аула Кайсар, Янарка, Арсамирза, Акта и еще многие...

В передних рядах зашумели:

- Да покарает их Бог!

- ...Бог покарает их, братья-мусульмане. Бог сказал, что идущих против него, отошедших от пути шариата, выступающих против царей, правящих по его воле, одних он покарает при жизни, а других - в завтрашний Судный день. Люди сами должны удалять от себя преступного человека, говорит Бог, проклинать его, предать в руки властей для наказания. Мы тоже должны решиться на одно из двух: либо оторвать наших аульчан от Алибека, либо поймать и передать его в руки властей...

Солтахан бросает взгляд вокруг. Стоящие рядом с ним не воздевают руки для молитвы, а смотрят друг на друга и качают головой. Несколько человек с разных мест, расталкивая людей, направляются к двери. Нет у них терпения дальше слушать кощунственную проповедь Товсолта-хаджи.

Солтахан тоже встал и последовал за ними.

ГЛАВА IX

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО КОРНИ

(Записки Абросимова)

Устраните причину, тогда пройдет

и болезнь.

Конца восстанию не видно. Беспокоятся администрации области округов. Младшие офицеры тоже поняли, что это не шуточное дело. Всюду, где соберутся, спорят, ищут виновников и причину этого восстания. Редко встречается человек, который рассуждает объективно. Но многие винят самих чеченцев. Твердят, что религиозный фанатизм породил ненависть к христианам. К этому добавляют и еще одно: чеченцы действуют в союзе с турками и восстали им в поддержку.

Недавно по приезду генерала Свистунова в Грозный, был устроен банкет, на котором он рассказал, в чем он видит причины этого восстания.

Я приведу здесь полностью слова генерала, чтобы ниже можно было бы сопоставить их с моим мнением и попытаться определить истину.

- Да, господа, люди, привыкшие судить поверхностно, объясняют частые выступления этих чеченцев против власти по-разному, - начал генерал, - отвечают на этот вопрос следующим образом.

Злоупотребления, прижимки мелких чиновников - говорят одни; религиозный фанатизм - говорят другие. Но допустить первое, как мы видим, нет оснований, ибо бывший здесь начальник области граф Лорис-Меликов, можно сказать, положил душу свою в подбор честного, способного состава служащих. При нем каждый из выдающихся своими качествами участковых приставов знал, что ему прямая дорога в начальники округа, а оттуда - в полковые командиры. Окружные начальники получали хорошие оклады, им жаловали земли, иногда довольно крупные единовременные пособия и даже пожизненные пенсии на службе. Однако как бы честной не была здешняя администрация, начиная от приставов и кончая начальником области, как бы она не стремилась улучшить жизнь горцев, в течение восемнадцатилетнего периода со времени окончания войны, чеченцы неоднократно проявляли непокорность и враждебность к нашей власти, что несколько раз вылилось в открытое восстание. Вспышки, правда, всякий раз были лишь частные, но, тем не менее, их подавление не обошлось без участия войск. Значит, не в прижимках, не в злоупотреблениях ближайшей к народу администрации заключалось недовольство чеченцев. Может, его порождали экономические условия? Вовсе нет. Безусловно, мы отняли у них половину самых плодородных земель, загнали их в горы. Но недостаток земли не очень сильно сказывался на благосостоянии горцев, благодаря их трудолюбию, в особенности бережливости, трезвости и прочности семейного союза. И все же, не без видимых на то причин чеченцы проявляют к нам нерасположение и недовольство. Вернее сказать, эту враждебность они проявляют не к русским, а собственно к русской власти. Источники ее лежали глубже, в основном направлении внутренней нашей политики по отношению к горцам, мало зависящей притом от лиц, стоящих во главе управления, а определяющей ранее, оставленной, так сказать, в наследие от тех, при ком совершалось покорение этого края. Военные и гражданские деятели тех лет отнюдь не думали о послевоенном устройстве в крае, а преследовали только лишь тактические и стратегические цели.

- Известно, что в долголетней борьбе с нами Шамиль преимущественно опирался на чеченцев. Вслед за падением Чечни, не более как через шестнадцать месяцев, должен был сдаться и он сам в Гунибе. Чечня в период нашей долголетней борьбы с горцами на Восточном Кавказе представила для нас наибольшие затруднения,

потребовала наибольших жертв и усилий. Сюда мы направляли наши лучшие войска и искусных, талантливых военачальников. Чеченское племя, самое многочисленное из горских племен Терской области, вместе с тем искони считалось более других отважным и предприимчивым. И если бы в начале нынешнего века нашелся цемент, способный сплотить его сынов в одно политическое тело, вероятно, страна эта надолго отстояла бы свою самостоятельность. В целях окончательного покорения этого края в последние десять лет войны наше командование, не выгоняя из края туземцев, только все более теснило их к горам, постепенно врезаясь казачьими поселениями в горские земли: сначала по верхнему течению Терека, потом по Сунже и Ассе. Результатом этого и были, во-первых, чересполосность русских и горских поселений; во-вторых, глубоко залегшая враждебность горца к казаку, как к пришельцу, отнявшему у него землю, да еще и оставляющему часть этой земли лежать втуне, невозделанной.

- Поземельные отношения, этот краеугольный камень здания, возводимого на почве покоренной страны, в частях Кавказского края, постепенно подпадавших нашей власти, устраивались различно. В Кубанской области узел был рассечен беспощадно, но и бесповоротно, полным изгнанием за море туземцев, обитавших в горах. В Дагестане, наоборот, мы заняли на обширной территории лишь несколько отдельных точек под штаб-квартиры войск, оставив неприкосновенным пользование горцев той землею, на которой жили они до пришествия нашей власти.

- Подчинение нашей власти Чечни в 1859 году имело характер не столько покорения или низложения, сколько добровольного принесения населением покорности, т.е. обещания сидеть смирно и повиноваться поставленным от нашего правительства властям. Причем мы со своей стороны обязались оставить неприкосновенными их религию, права и обычаи, ношение оружия; обязались никогда не облагать их податями и повинностями денежными, как и натуральными, в особенности никогда не привлекать к отбыванию повинности военной. В каких именно выражениях и при какой обстановке даны были эти обязательства бывшим наместникам князем Барятинским нам установить не удалось; но достоверно то, что в таком именно смысле были поняты чеченцами предложенные им условия и что составленные ими об этом записки хранились в нескольких их мечетях.

- Очевидно, однако, что в таком положении не могли оставаться области, вошедшие в состав империи в качестве нераздельных ее частей. При предоставлении Чечне автономии то же самое могли потребовать и другие. Поэтому, когда наша позиция укрепилась здесь прочно, граф Евдокимов начал вводить наши порядки, и в 1860 году восстала Ичкерия.

- Назначенный после начальником области граф Лорис-Меликов, политик со здравым умом, решил этот вопрос другими путями. Это он один из инициаторов и главных исполнителей выселения пяти тысяч чеченских семейств в Турцию. Ему удалось через своих агентов, туземных офицеров и духовенство, повлиять на народ, чтобы он подчинился, согласился отказаться от некоторых прав. Из опасения, чтобы через несговорчивость не потерять все, чеченцы шли на уступки по кажущимся им незначительным пунктам и в то же время вели решительную борьбу в защиту этого мирного договора. Если раз нарушена клятва, говорили они, то за отобранием малого могут отнять и другое, гораздо большее и наконец все. Таким образом, чеченцам жилось под нашим управлением очень недурно, особенно по сравнению с последними годами владычества Шамиля, когда требовались от населения тяжкие жертвы и в неравной борьбе истощились силы. Благосостояние их быстро развивалось, религия уважалась вполне, притеснений и прижимок, в частности, они не терпели.

В общем, теряли одно право за другим и из опасения потерять еще больше, утратить, наконец, все, что было для них особенно священно, продолжали почти из года в год волноваться, помышлять о лучшем обеспечении своих прав, относясь к нам в душе с недоверием, а потому, весьма естественно, и с неприязнью. Если

говорить о религиозном фанатизме, даже в самый критический момент данного восстания, мы не видели этого элемента. Кто же религиозный фанатик? Фанатизм вообще, как высшая степень экзальтации какой-либо идеи, тем более фанатизм религиозный, предполагает полное преобладание этой идеи над всем психическим существом человека; не только безраздельное господство ее над мыслями и желаниями, но и безусловное подчинение ей всех действий. Потому фанатик религиозной идеи, во-первых, готов во имя этой идеи на всякое, хотя бы на самое опасное подвижничество, на всевозможные жертвы, не исключая принесения на алтарь самой жизни; во-вторых, неизбежно нетерпелив ко всякому иному воззрению, которое он, при незыблемом убеждении в правоте исключительно своих верований, не может не признавать греховным, нечистым.

- Между тем, за все время мятежа, даже предводители и вожди, в которых скорее всего можно было бы предполагать фанатизм, жизнь свою очень берегли, на явную погибель во имя идеи не шли, от опасности по мере возможности уклонялись. Единицами могли насчитываться фанатики вроде Кунты и ему подобных. Но в общем фанатизма не было. Однако религиозность не порождает к нам, христианам, неприязни и враждебности. Эта неприязнь, которую они питают к нам - порождение долголетней войны, проявленной нами жестокости при их усмирении. Добавьте ко всему этому вводимые нами наши порядки, которые чужды их психологии, обычаям и традициям.

- Понятно, что при такой неприязни они готовы были искать опоры во всем, что только может оправдывать враждебное чувство. Опору эту чеченцы находят, между прочим, в Коране, дающим в некоторых своих частях основание для борьбы с неверными. Таким образом, не столько учение Корана создавало злобу к нам мусульманина, сколько развившаяся из других источников злоба стремилась подкрепить и оправдать себя религиозным учением. При этом чеченец отнюдь не философ, не созерцатель, не мистик; он позитивист и практик по преимуществу. Потому особенно охотно ищет он в Коране указания на греховность подчинения гяуру, когда бороться с гяуром становится не под силу; за возбуждением же против неверных обращается к религии тогда, когда, по известным данным обстановки, находит основание ожидать от противодействия властям каких-либо практических выгод.

- Однако во многих случаях в беду чеченцев толкает их легкомысленность. Я имел возможность видеть и наблюдать их молодежь, как в данном мятеже, так и в предшествовавшие волнения. Она напоминала мне толпы парижских блузников в июльскую и февральскую революции. Как блузники, как уличные мальчишки бросались к баррикаде, с таким же легким сердцем, незлобно, весело шла чеченская молодежь в леса, на завалы или в засады, устроенные против наших войск.

- А кто же становится во главе мятежников? Авантюристы, которые не видят дальше своего носа. Они преследуют несколько целей. Во-первых, в возбуждении народных страстей они усматривают случай приобрести в населении значение и власть, пользование которой, хотя бы самое кратковременное, все же является немалою приманкой; во-вторых, играя в двойную игру, рассчитывали выслужиться и перед начальством через успокоение народа своим влиянием.

- Что касается массы, притесняемой нами, она ждет появления такого главаря, идет за ним, повинуясь стадным инстинктом, принимая на веру самые несбыточные обещания, всякие нелепые россказни, со свойственным ей легкомыслием. Одним словом, причины много раз повторяющихся в Чечне волнений заключаются в распространенном между ними недоверии к общим мерам, общей системе нашего управления, в постоянном опасении их за права свои, дарованные при покорении в крае; в легкомыслии, в живом и кипучем темпераменте детей юга, и, можем прибавить, еще в невежестве их.

Потом я задал генералу вопрос, есть ли связь между нашей войной с турками и чеченским восстанием.

- Нет, в крайнем случае, в том смысле, как думают иные, - ответил генерал. - Случайное совпадение чеченского восстания с нашей войной с турками иные приняли на веру, что чеченцы поднялись согласованно с турками. Об этом и речи не может быть. Когда началось брожение между балканскими славянами, и отношения между Россией и Турцией стали принимать все большую натянутость, высшее кавказское управление несколько раз давало указания о возможности появления турецких эмиссаров в наших мусульманских провинциях. Но по самым тщательным розыскам никаких иностранных эмиссаров не оказалось. Однако недавно было установлено, что турки поддерживали свои связи с горцами через паломников, которые ездили в Мекку через Константинополь.

- Некоторые люди из Дагестана через паломников держали связь с сыном Шамиля Гази-Магомой. С ним был связан и бывший шамилевский наиб Умма Дуев. Однако, что у руководителей чеченского восстания не имеется ничего общего с турками, свидетельствует тот факт, что восстание началось самостоятельно и что к Алибеку не примкнули его дагестанские единомышленники, которые ухо держат на Константинополь. Дополнительным свидетельством тому является и еще один факт, что Умма Дуев до последнего времени не присоединялся к Алибеку, все прислушивался к своим дагестанским единомышленникам.

- Кроме всего этого, мне кажется необоснованными суждения о том, что чеченцы сочувствуют своим единоверным туркам. В своей борьбе против нас горцы всегда искали помощь извне. При необходимости за такой помощью, в первую очередь, они обращались к туркам. Надо сказать, немало случаев, когда турки, которые постоянно враждуют с нами, в своих корыстных целях провоцировали горцев против нас, да еще ухитрялись устроить так, чтобы горцы обращались к ним за помощью. Однако горцы никогда не думали попасть под иго турецкой власти. Зная об этом, турки, кроме сладких обещаний и интриг, никакой практической помощи горцам никогда не оказывали. Короче говоря, если бы несколько раз повторяющиеся с 1859 года волнения между горцами имели источником религиозный фанатизм, и они были дружественно привержены к туркам, а к русским - враждебно, тогда то и другое в полной мере должно было проявиться в данный момент, когда белый царь пошел открытой войной на верховного главу правоверных, наместника пророка; когда тот, кого признавали они халифом, прямо взывал к ним о помощи. Однако, как вы видите, получилось наоборот. Во всех последних кампаниях наших войн с турками горцы принимают активное участие на нашей стороне. А сегодня усердно и храбро сражаются против турок один чеченский, два дагестанских полка и воинские части других горских народов. Эти примеры неопровержимые доказательства тому, что как бы горцы ненавидели нашу власть, они всем сердцем преданы России...

Я задал генералу последний вопрос:

- Ваше превосходительство, мне кажется, что ваши слова и ваши дела здесь как-то не связываются. Короче говоря, если судить по вашим словам, чеченское восстание - это результат политики и ошибок нашей администрации. Да еще мне показалось, что в какой-то мере вы сочувствуете чеченцам. Тем не менее, насколько я знаю, нынешняя военная и гражданская администрация ничего не сделала, чтобы исправить ошибки своей предшественницы и водворить мир и спокойствие в Чечне, наоборот, беспощадно расправляется с теми, которые восстают против тех ошибок, вернее, несправедливостей...

Мой вопрос не понравился генералу, и он наморщил лоб. По-видимому, к этому вопросу он был готов и поэтому ответил сразу:

- Во-первых, господин Абросимов, для исправления ошибок требуется время. Во-вторых, исправление их, водворение мира и спокойствия здесь не зависит от меня. И, наконец, государственные цели и интересы превыше моих гуманных личных мыслей. Внутреннее положение и внешние отношения государства, особенно эта война с турками, за спиной которых стоят враждебные нам державы, меня обязывают не прислушиваться к голосу сердца, а раз и навсегда покончить с чеченским восстанием.

Взглянув в холодные глаза генерала, я понял, что дальнейшие вопросы бесполезны.

На ночь вчера я пошел к своему старому другу Евгению Ивановичу. Удивлению моему не было предела, когда я застал у него пожилого больного чеченца.

- Знакомьтесь, - представил нас друг другу хозяин. - Мой университетский друг Яков Степанович. А это, Яков Степанович, самый близкий из моих чеченских друзей Берса Рохмадович. За службу в русской армии получил чин капитана и два ордена, а за борьбу за свободу народа - десять лет каторги и чахотку.

О профессии и здоровье чеченца можно было бы и не говорить. Бледное лицо его избороздили морщины, поседевшая голова облысела. Дыхание его сопровождалось хрипом. И все же, если присмотреться к его фигуре и послушать его речь, можно было узнать в нем кадрового офицера.

Евгений Иванович поставил на стол бутылку водки, хлеб, самовар, яблоки. Зная, что Берса не пьет, хозяин налил ему чай, а себе и мне по стакану водки.

- За нашу встречу, за здоровье моего друга Берсы Рохмадовича!

Словоохотливый Евгений Иванович рассказал мне об учебе Берсы в Петербургском кадетском корпусе, его участии в подавлении венгерской революции, о том, что Алексей Гусев был его ближайшим другом, о его месте в борьбе чеченского народа за свою свободу.

Так беседуя, мы затронули рассказанное сегодня на банкете Свистуновым. Когда упомянули слухи, будто чеченцы связаны с турками, Берса заметно рассердился.

- Почему все думают, что мысли чеченцев на стороне турок? - спросил он. Потом, видя, что мы молчим, сам ответил на свой вопрос: - У нашего народа нет с ними ничего общего. Кроме одной лишь веры. Они нам не соседи, мы с ними не одной крови, и языки наши абсолютно разные. Предки наши во времена шейха Мансура обращались за помощью к туркам, но они никогда не давали нашему народу даже на один заряд пороху, не поддерживали ни политикой, ни дипломатией. Но даже если бы турки предложили помощь, а наш народ принял ее, по-моему, здесь нет ничего позорного. Каждый народ, как и каждое государство, в трудный момент ищет выход из положения. Например, когда малороссы вели освободительную борьбу против феодалов, они обращались за помощью к турецкому султану и крымскому хану. Однако при этом малороссы отнюдь не думали попасть под власть ни султана, ни хана.

Евгений Иванович налил нам еще по чарочке.

- А мы и не виним чеченцев, - сказал он, уравнивая водку в наших стаканах. - Ты прав, Берса. Не только в трудный момент, но даже собираясь проглотить другой народ, монархи ищут для себя союзников. Вчера враждовавшие два государства, когда у одного из них возникает ссора с третьим, оба, если их цели в чем-то совпадают, объединяются и нападают на третье. Когда Наполеон пришел в Россию, мы вступили в союз с нашими вчерашними врагами: австрийцами, пруссаками, англичанами, турками. Если родина, народ в опасности, любая нация ищет помощи извне.

- Зачем заглядывать далеко, - согласился я. - Разве недостаточно сегодняшних событий на Балканах? С начала этого столетия всякий раз, когда там греки, славяне поднимаются против турок, мы им помогаем. И считаем это естественным и закономерным. А стоит нашим горцам сделать то, что всегда делают другие народы, мы поднимаем вой.

- Здесь ты ошибаешься, Яков Степанович, - сказал Берса. - Хоть русское и турецкое правительства преследуют одни и те же цели - захватить чужие территории и поработить другие народы, - но результаты получаются разные. Ни то ни другое правительство вовсе не думает освобождать народы от ига другого. Но

цели русского правительства сходятся с чаяниями балканских народов. В результате каждой войны России с Турцией, высвобождается по одному народу из турецкого рабства. Не только высвобождается, но образует свое независимое государство. Я верю, что и нынешняя война закончится освобождением болгар. К тому же и русский народ болеет душой за своих единоверных и единокровных братьев славян. За их свободу русские солдаты бескорыстно отдают свои жизни. Ни у турецкого правительства, которое кричит, что оно воюет за наше освобождение, своих "мусульманских братьев", ни у турецкого народа вовсе нет таких чистосердечных порывов. Если бы вдруг случилось чудо, и турки одержали победу над русскими и овладели этими горами, разве они дали бы свободу горцам? Ни в коем случае. Вместо царского ярма надели бы на шеи горцев свое. А это второе оказалось бы для нас более тяжелым и жестоким. Как ни темны горцы, они видят разницу между турками и русскими. Первые - во всех отношениях отсталый народ, вторые - народ, по своему развитию опережающий его на сотни лет.

- Если все так, как ты говоришь, зачем же горцы бегут в Турцию? - спросил Евгений Иванович.

- От беззаконий, жестокости царского правительства и от собственной нищеты бегут. Кроме того, Евгений Иванович, не одни горцы бегут из России. Сколько тысяч русских, малороссов, белорусов бежало в Америку? Не потому же они бегут, что не любят свою родину и свой народ, а, как и эти горцы, от царской тирании, бесправия и бедности. Если думаете, что лет двенадцать назад чеченцы ушли в Турцию из-за любви к туркам и их султану, вы ошибаетесь. Когда царь подавил их восстание, многие донские казаки бежали в Турцию и живут там поныне. Даже дерутся против русского царя. Сегодня в Турции проживают сотни французских, немецких, польских, австрийских, венгерских революционеров, которые эмигрировали из родины после подавления европейских революций. А сколько русских революционеров, изгнанных из России царскими властями, скитаются в западных странах? Судьба разлучила их со своей родиной и народом. Сто лет тому назад, когда нашему народу предстояло решать свою историческую судьбу, он избрал не мусульманские Иран и Турцию, а Россию и русский народ.

Потом наш разговор переключился на чеченский полк, ушедший на турецкую войну.

Берса печально покачал головой.

- Предки наши тоже не становились ни под турецкие, ни под персидские знамена, ни под знамена других чужеземных царей, хотя они, как и мы, мусульмане. Чеченцы никогда не переходили на их сторону и не обращали вместе с ними свое оружие против русских. Но предки наши, когда над Россией нависла опасность и ей нужна была поддержка против нынешнего врага, всегда приходили ей на помощь. Вместе с русскими воинами они сражались против монгольских, персидских и турецких завоевателей и крымских ханов. Еще раз повторяю, видя свою историческую судьбу только с Россией и считая русских, живущих на Тереке, своими братьями. И впредь, если на Россию нагрянет враг, мы отдадим наши жизни, защищая независимость этой нашей общей родины. Но сегодняшняя война с турками - это последствие политики и происков могущественных правителей и государств мира. Участвовать в такой войне - это все равно, что помогать завоевателям и угнетателям народов.

Налитые вторично наши с Евгением Ивановичем стаканы стояли нетронутые.

- И все равно чеченский полк храбро сражается с турками, - сказал Евгений Иванович. - Мне кажется, ни одного чеченца не взяли в этот полк насильно.

Берса вновь сокрушенно покачал головой.

- Вы правы, Евгений Иванович,- сказал он.- Их никто не взял насильно. Но вы забываете одно. Что состав людей полка неоднороден по сословию. Мы же знаем, что любой современный народ состоит из нескольких социальных классов:

господствующий - дворяне, буржуазия и духовенство; угнетенные - рабочие, крестьяне, одним словом, трудящиеся. Эти два класса - непримиримые враги во всех странах. Господствующему классу любого народа ближе и роднее люди такого же класса любого другого народа и любой веры, чем свой трудовой народ. Поэтому, когда возникает борьба между этими двумя классами в многонациональном государстве, люди объединяются по классовой принадлежности, а не по национальным и религиозным признакам. Приведу вам несколько классических примеров. Как известно, балканские славяне уже несколько веков находятся под игом турецких феодалов. Однако, когда народы поднимаются на борьбу против турецкого владычества, местные богачи становятся на сторону турок. Больше того, славянские дворяне в Боснии и Герцеговины отреклись от своей национальной православной веры, перешли в мусульманство, потому что мусульманская религия в Оттоманской империи была государственной религией, религией господствующего класса. А участники европейской революции 1848-1849 годов? Например, на баррикадах Вены, против Габсбургов вместе сражались австрийцы, чехи, словаки, мадьяры, поляки и т. д. По другую сторону баррикад стояли господствующие классы тех же народов. Если бы не эта турецкая война, пользуясь которой власти и церковь распространяют эту дикую пропаганду среди русского населения края, несомненно, сегодня большинство русских мужиков и казаков были бы вместе с восставшими чеченцами. Свидетельство тому, попытка бегства солдат к Алибеку в Ичкерию в самом начале восстания. Берса глотнул чаю.

- Давай, горячий налью.

- Спасибо. Мысли нашего народа всегда гуманны. Он не только не чувствует вражды ни к какому народу, но даже и неприязни. Чермоев и его компания воюют, защищая русского царя, свое богатство и общественное положение. А у рядовых чеченцев, служащих в этом полку, совершенно другие помыслы. Каким бы жестоким ни был наш царь и его власти, какую бы несправедливость и насилие не испытывали на себе чеченцы, участвующие в этой войне, все это предали забвению. Они знают, что у них одна судьба с теми русскими солдатами, которые сражаются рядом с ними. Между ними нет никакой неприязни. Наоборот, перед опасностью смерти рождаются и укрепляются дружба и братство. Какой бы ни была царская власть, какие бы цели в этой войне не преследовали русский и турецкий цари, у всех народов, населяющих Россию, единая и неразрывная судьба. Потому я горжусь тем, что чеченцы, сражающиеся в войне с турками, с честью выполняют свой гражданский и братский долг перед Россией и ее народами.

- А здешнее русское население боится, что в результате победы восставших их прогонят из края.

- Этому никогда не бывать!

- Вы так говорите, а может, руководители восстания думают по-другому?

- Я говорю так, потому что знаю их хорошо. Они восстали не против русских, а против властей. Чего добиваются повстанцы? Уравнения их в правах на землю со всеми народами, населяющими этот край.

- Вот-вот! Теперь вы подтверждаете то, что я говорю.

- Как?

- Русское население живет на вашей земле. Трудно поверить, что у вас нет к ним неприязни, Берса Рохмадович.

Лицо Берсы помрачнело.

- Чтобы понять все это, надо вникнуть в характер нашего народа, Евгений Иванович, - сказал он. - Уважение и внимание к чужому народу и человеку - у нас в крови. Свидетельство тому вся история нашего народа. Чеченцы представляли убежище людям, бежавшим от своих феодалов, к какой бы нации они ни принадлежали, независимо оттого, мусульмане они или христиане. Вы знаете, что

во время прошлой войны к нам сотнями переходили солдаты. Когда царские генералы предъявляли ультиматум: выдать беглых солдат или они уничтожат аулы, чеченцы приносили в жертву свои аулы, но не выдавали беглых солдат. Власти и некоторые ее заправилы разжигают вражду между народами. Чеченцы давно понимают, что в их бедствиях виновен не русский народ, а власть русского царя, угнетающего и самих русских. Власть держит русского мужика в рабстве. Ведь до прихода царской власти чеченцы и казаки всегда жили в мире и дружбе. И жили бы дальше, если бы власть не сеяла раздоры. И в безземелии чеченцев виноваты не казаки. Власти их насильно переселили сюда.

Берса поднес ко рту платок и затрясся в сухом кашле.

- Извините, - сказал он, с трудом подавив кашель, - а сколько тех, кто имеет по сто, по пять сотен десятин земли, этих гадов

- офицеров, купцов, мулл, которые служат здесь опорой самодержавия. Чеченцы поднялись против власти и ее ставленников. Поэтому повстанцы мстят как представителям власти, так и чеченским старшинам, духовенству и торгашам. По-моему, дело, за которое борются чеченцы, это наше общее дело. Однако власти не дают понять этого русским, проживающим в этом крае.

Да, прав был этот больной чеченец. Горцы никогда не испытывали вражды к русским. В прошлом столетии Кавказ оказался между жерновами истории. Сюда стремились соседние Турция, Персия. Кроме них, сюда с вожделением смотрели и европейские государства. Прежде всего, Англия и Франция.

Не имея сил сохранить свою независимость, здешним народам предстояло выбрать одно из трех государств - Турцию, Персию или Россию. И все они выбрали Россию. Они это сделали не потому, что власть и общественный строй в России были демократичными. Их побудили сделать этот выбор добродушие и гуманность русского народа.

Знали ли чеченцы, избирая этот путь, сущность власти России и положение русского народа? Нет, не знали. Видимо, Россию, условия жизни русского народа они представляли себе по соседям, терским казакам. Как мы знаем, в то время царская власть еще не проникла в казачью среду. Они жили вольно и независимо. Их образ жизни походил на чеченский. И сами казаки были людьми честными, гуманными и смелыми. Поэтому между этими двумя народами зародилась дружба. Помогали друг другу, заключали браки. Наверное, чеченцам показалось, что такая обстановка царит и во всей России. Мне кажется, что впервые они попросили принять в состав России у Ивана Грозного. С этой же просьбой они обращались и к последующим царям. Если судить по рассказам самих чеченцев, при императрице Екатерине II они заключили какой-то договор с нашим правительством. Сказывают, что они обязались усердно и верно служить России, а наше правительство обещало сохранить их веру, обычаи, общественный строй, земли, защищать их от внешних врагов.

Однако вскоре правительство нарушило этот договор. Оно начало отбирать у чеченцев земли и навязывать чуждые им наши порядки. Жестокость и несправедливость наших генералов породили недоверие этих народов и ко всему русскому народу.

Может, я и ошибаюсь, и все же я говорю то, что думаю. В том, что горцы и особенно чеченцы настроились против нас, мне кажется, виноваты служившие в войсках иностранные офицеры. Многим из них безразлична судьба России и ее народов. Они приезжают в нашу страну в поисках чинов, титулов и богатств.

Я имею в виду командиров отрядов, которые первые пришли в Чечню - Коха, Фрауендендорфа, де Медеми, Кека, Рика, Пьери и подобных им иноземных авантюристов. Они безжалостно подавляли борьбу чеченского народа против своих угнетателей. По-правде говоря, наше правительство закрывало глаза на их бесчинства и произвол. Мне кажется, что результатом их жестокости и было

восстание Чечни во главе с шейхом Мансуром. Вот тут-то и образумиться бы нашему правительству! Если бы оно вовремя придержало этих зарвавшихся офицеров и генералов, то не пролилось бы столько крови обоих народов в последние десятилетия. Но наши мундиры не сделали этого. Сочли необходимым покорить чеченцев одним сокрушительным ударом и тем самым предупредить остальные народы от повторения подобного. Но чеченцы и не думали покоряться жестокости. Одна жестокость нашего правительства порождала другую и получилась длинная цепочка. Из года в год все больше углублялась пропасть, которую генералы копали между горцами и русским народом. Наиболее дальновидные политики предвидели последствия этой ошибочной, жестокой политики. Хоть и с запозданием, все же они посоветовали изменить проводимую здесь политику. Если бы правительство прислушалось к разумным советам сначала поэта Грибоедова, потом генерала Раевского и нынешнего военного министра Милютина! Давайте отбросим в сторону штыки, говорили они, и учитывая быт, обычаи и характер этого народа, осторожно, не спеша, постепенно приобщим их к нашему общественному строю, научим их торговать, хозяйствовать, построим здесь школы, больницы, дадим им высокую культуру, просвещение. Однако наше правительство не прислушалось к ним, наоборот, приумножало жестокость.

У нас в печати и церквях кричат, что чеченцы поднялись против русских. Но это неправда. Как говорит Берса, вожди этого восстания люди неглупые. Они знают, что зло и беды вершатся правительством. Против него они подняли свое оружие, это хорошо понимают и вскормленные правительством верхушки чеченского народа. Знают, что в случае победы восставших затрещат их хребты. Поэтому они изо всех сил стараются помочь правительству в подавлении восстания.

В этой долголетней войне против чеченцев наше командование оружием убивало людей, топором и огнем уничтожало аулы, хлеб, скот, сады и леса, а деньгами разлагало их нравственно. Деньгами подкупало людей, настраивало их против собственного народа, сеяло вражду между аулами и тейпами. Об этой политике великолепно сказал в одной своей статье Н. Добролюбов.

В 1840 году чеченцы дали у себя убежище Шамилю, разбитому в 1839 году в Ахульго и изгнанному своими соотечественниками из Дагестана. Одним словом, Шамиля, похороненного в Ахульго, они вновь оживили. Не только оживили, но и сделали его известным во всем мире человеком. Из всех восточных горцев чеченцы больше всех сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставляли Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать тысячу уступок в образе правления, в обрядовой строгости веры. Это племя никогда не проникалось идеями мюридизма, газават был для них только предлогом отстаивать свою независимость. Чеченцы никогда не внушали имаму большого доверия. Они видели его насквозь. Шамиль это знал и боялся их проницательности. Чеченцы посмеивались про себя над фанатическими прокламациями и святостью!

Шамиль прекрасно знал, что он, разбитый и поверженный в Дагестане, обреченный на скитания и гонения, благодаря чеченцам стал грозным повелителем гор, что в тот же день, когда они отвернутся от него, закатится его звезда, рухнет его имамат, который он мечтал передать своему сыну Гази-Магоме.

Поэтому, пока он крепко не встал на ноги в Чечне и Дагестане, имам неукоснительно соблюдал принципы военной демократии чеченцев, шел им на уступки буквально во всем, но в то же время терпеливо, последовательно, упорно проводил курс политического и морального разложения этого народа, чтобы превратить его в слепое послушное орудие. Для достижения этих целей надо было отрубить этому народу голову, надо было разрушить его единство, сплоченность, крепко привязать его к себе. Через несколько лет, прочно став на обе ноги в Чечне и Дагестане, он начал постепенно прибирать к рукам всю полноту власти. Прежде всего, он тайком, вероломно, поодиночке убрал самых смелых, умных вождей и ученых людей, которые могли стать на его пути. Потом Шамиль начал сам назначать наибов, которых чеченцы до этого избирали сами. Верных ему. Но и им он не доверял. К каждому чеченскому наибу он ставил по два своих эмиссара или, вернее сказать, по два шпиона. И этого ему показалось мало, он приводил аварцев,

которые несколько лет назад изгнали его из Дагестана, заселял их в чеченские аулы. Но и этим не стал довольствоваться. Он разделил всех чеченцев на части, по десять семей в каждой, и поставил во главе их своих доверенных людей. Каждые десять семей обязаны были следить одна за другой и, если вдруг обнаруживалось что-либо идущее против власти, срочно следовало донести об этом Шамилю, т. е., прямо говоря, доносить друг на друга. Если же они скрывали виновного, то все десять семей сурово наказывались.

Не доверяли чеченским муллам даже медресе. И мулл для обучения детей приводили из Дагестана.

Когда жестокость Шамиля начала переходить все границы, чеченские аулы стали подниматься против него. Но имам жестоко расправлялся с ними, подавлял сопротивляющиеся аулы.

В последние десять лет войны чеченцы оказались между Сциллой и Харибдой. Поставленные между ударами наших войск и деспотической властью Шамиля, не имея сил защищаться от нас, ни свергнуть шамилевскую власть, чеченцы старались только в том, чтобы увертываться от грозивших опасностей, употребляли и свое оружие, и разные ухищрения то против одной, то против другой стороны и всегда друг против друга. В течение этих двадцати лет ни один чеченский аул не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня: то наши колонны истребляли их, то Шамиль переселял на другие места по мере наших движений.

Война, длившаяся со времен шейха Мансура, беспрерывно, семьдесят пять лет, лишала народ его мудрых вождей и храбрых воинов. Мы отняли у него его земли и оттеснили его в густые леса и каменистые горы. Кроме того, с одной стороны - под давлением нашего правительства, с другой - обманутые турецким правительством пятьдесят тысяч человек переселились в Турцию, а оставшиеся на родине разуверились в своей былой силе, сплоченности и единстве.

Безземелье чеченцев - вот основа, на которой зиждутся зависимость их от казаков и вражда между ними. В ходе войны и после ее окончания на чеченских землях основаны где-то два десятка станиц и столько же военных укреплений. По подсчетам историков, которые исследовали экономическое и социальное положение этого народа на месте чеченских аулов, только лишь в одном Сунженском отделе под казачьи станицы отведены земли более трехсот тысяч десятин, а двенадцать тысяч переданы в государственную казну. Кроме того, местным чеченским, русским офицерам и чиновникам роздано около тридцать тысяч десятин. Вдобавок ко всему этому, все лесные угодья в Чечне переданы в государственную казну, и чеченец не имеет право в них срезать даже хворостину.

Что казакам отданы их земли не столько обидно чеченцам. Обидно то, что остальные переданы в государственную казну. Чашу терпения переполнила передача земель князьям, генералам и офицерам. Например, князьям соседних народов Турлову, Алхасову, Эльдарову переданы от двух до четырех тысяч десятин каждому. Чеченским офицерам Чермоеву, Шамурзаеву, Курумову и десяткам другим - от двухсот до семисот каждому, а более мелким клещам - торговцам, духовенству, старшинам - от ста до двухсот.

Каков же результат такого перераспределения земель в Чечне? Самые низкие земельные наделы в среднем на мужскую душу среди населения Терской области, живущего на плоскости, имеют чеченцы - 4,1 десятины. Горные чеченцы имеют земли почти в 3,5 раза меньше плоскостных - 1,23 десятины на душу мужского населения. Землевладение в размере 0,05 десятины, т. е. 120 квадратных саженей, совершенно неизвестные ни русскому крестьянину, ни многим горцам, не составляют редкого явления в горной Чечне. Да и наибольший процент безлошадных хозяйств тоже в Чечне - 60,3. Вероятно, чеченцы являются единственной народностью в России со столь высоким процентом безлошадных. За этими цифрами скрывается картина страшного обнищания горцев, их голодное, часто нищенское существование.

Факт экономической зависимости туземцев от казаков очень распространен. Прежде всего, эта зависимость отражается на рынке, где туземец, побуждаемый нуждою, должен продавать свою продукцию ниже ее действительной стоимости. Туземцу приходится продавать свой труд казаку, тогда как обратное явление может встретиться лишь как крайне редкое исключение. Наконец, туземцы, нуждаясь в земле, вынуждены брать в аренду земли казаков, земли, которые испокон веков принадлежали им самим.

К этому в Терской области прибавляется неудачное расположение населенных пунктов. Область населялась исключительно сообразно с военно-стратегическими целями; неудивительно поэтому, что, когда пришлось перейти к мирной жизни, многие поселения оказались совсем не у места. Наделы туземных и казачьих поселений нередко тянутся на далекое расстояние узкими полосами, окружают друг друга и врезаются одни в другие, переплетаются и т. д. Поэтому из-за межей, дорог и мостов между ними происходят драки, которые иногда кончаются кровопролитиями.

Как известно, правительство представило казачьим областям своего рода автономию, демократизм в общественном устройстве, однако эти политические и гражданские привилегии направлены на защиту интересов богатой верхушки, на сохранение и укрепление феодальных порядков. Одним словом, казачье сословие тоже делится на классы. Но в политическом и экономическом планах казаки занимают куда более высокое привилегированное положение, чем русский рабочий и крестьянин. Эту привилегированность казак обретает своей кровью: он должен верой и правдой служить царю. При этом своим оружием и обмундированием защищать империю от внутренних и внешних врагов. Однако это вовсе не значит, что казак является бессловесным, тупым оружием в руках царя. Казачьи низы всегда принимали активное участие в крестьянских войнах. А сколько этих бунтов в казачьих областях в последние годы?

И тем не менее, казачество является самой прочной и верной опорой империи в народе. Самый бедный казак чувствует себя намного выше не только рабочего и крестьянина, но даже и мещанина. Поэтому вражда между туземцами и казаками существует не только в Терской и Кубанской областях, где военные действия окончились не так давно, но решительно всюду, даже там, где войны с туземцами прекратились несколько столетий назад. Так, донские казаки враждуют с калмыками, уральские и оренбургские - с киргизами, казаки сибирских казачьих войск тоже с киргизами, тунгузами, бурятами и т. д. Здесь после кратковременной военной вражды сменилось уже несколько поколений и сама память о бывшей некогда военной вражде утратилась. А между тем вражда туземцев и казаков повсюду одинаково сильна и выражается в тех же самых формах и содержании, как и в Терской области.

Также несостоятельно мнение, по которому вражда между казаками и туземцами должна рассматриваться как продукт национальной обособленности тех и других. Среди названных мною народов, в соседних поселениях, даже в одних селах живет много русских крестьян. Немало их и в Терской области. Но почему туземцы не враждуют с русскими крестьянами, живут с ними дружно? Да потому, что русские крестьяне и туземцы поставлены в одинаковое положение. Это сходство положений туземцев и русских крестьян влечет за собою и сходственные последствия

в виде одинаковых отношений первых и вторых к казакам. Вражда между казаками и русским населением особенно сильно проявляется в областях Уральской, Донской и Кубанской, и совершенно тождественна, как по существу, так и по формам своего проявления с враждой казаков и туземцев.

Аналогия между взаимными отношениями казаков и русских переселенцев, с одной стороны, и казаков и туземцев, с другой, дает нам ключ к разрешению вопроса. Сходство между положением туземцев и переселенцев по отношению к казакам состоит в том, что, как переселенцы, так и туземцы поставлены в менее выгодные экономические условия, чем условия экономической жизни казаков. Это

положение их объединяет в одном лагере: те и другие враждебно смотрят на всесторонне поднятых над ними казаков и вместе с тем и на власти, которые всячески поддерживают последних.

Вторая из главных причин - это особенности горского сельского управления, полицейские права против личности туземцев, странный порядок ответственности туземцев за преступление, отсутствие школ для туземцев и т. д.

Если власти разделяют любое общество на две части: одну лишают экономических и гражданских прав, а другую, наоборот, возвеличивают в правах - тогда не может быть и речи о том, что между ними установятся мир, единство и взаимное уважение. Собственно говоря, поставить какую-нибудь часть населения в исключительные общественные условия, значит неминуемо раздражать эту часть населения против остальной массы и наоборот. Обе они будут смотреть друг на друга враждебно.

Когда действие общих законов нарушается в пользу или в ущерб части населения, эта часть должна сделаться подозрительною в глазах остального населения и, в свою очередь, стать враждебною ему, или из боязни за свои привилегии, или из ненависти за права, которых она лишена и которыми пользуется остальное население. Именно это имеет место в Терской области, благодаря целому ряду особенностей положения туземцев сравнительно с положением другой части населения - казаков.

Первой такой особенностью является "Положение об аульных обществах". В то время, когда русское население выбирает свободно из своей среды сельского старосту или станичного атамана, аульные старшины назначаются начальством. Аульный старшина пользуется очень широким объемом власти. В станицах любой вопрос обсуждается на сходе или круге, и там принимаются решения, а аульный старшина все решает сам, не советуясь ни с кем. Старшина в ауле выполняет функцию власти, полицейского и судьи. Его решение для властей - закон. В таком случае старшина должен быть человеком умным, честным, справедливым, уважаемым народом. Однако полиция не назначает такого человека на должность старшины. Назначение старшины всецело зависит от участковых приставов. Ни начальник округа, ни тем более начальник области, по своей занятости не могут подыскивать и назначать старшин. А пристав вовсе не ищет умных и честных людей на эту должность. Назначает тех, кто оказывает ему услугу в кругу его деятельности. Иначе говоря, в старшины обычно попадают лица, занимавшие до того последнее место в обществе, лица, презираемые или ненавидимые всем обществом, лица, у которых в прошлом лишь несколько доносов или даже просто воровская практика. Аульные старшины сплошь и рядом совершают самые невероятные злоупотребления своею широкою властью: или мстят своим врагам, или, укрывая преступления, наказывают невинных; случается, что они состоят членами воровских шаек и безнаказанно совершают дерзкие грабежи. И так как эти старшины назначаются представителями нашей власти и ею поддерживаются, то неудивительно, что ненависть туземного населения против старшин переносится и на нашу власть, которая кажется туземцам воплощением насилия и беззаконий.

В этом они правы. Потому нет ничего удивительного в том, что восставшие чеченцы, в первую очередь, расправляются со старшинами.

К еще более печальным результатам приводит отношение власти к случаям нападения на личность туземца. Когда на казачьей земле находят труп убитого туземца, то власти, от которых зависит первоначальное дознание, всегда склонны объяснять причину убийства или самообороной казака, или же тем, что туземец был застигнут на краже, и дело, получив с первого же раза необъективное направление, представляется впоследствии судебным следователем к прекращению. Потому среди казачьего населения установился взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен. Между тем родственники убитого, считая себя неудовлетворенными, мстят за своего сородича и обыкновенно подстреливают казака той станицы, где пал их сородич. Затем

казаки, в свою очередь, ждут счастливого момента ухлопать туземца. Получается, таким образом, какой-то заколдованный круг, из которого нет и не будет выхода до тех пор, пока не станут видеть в горцах людей и подданных русского государства, а не зверей, которых можно истреблять совершенно безнаказанно.

Но если преступления против личности туземцев в большинстве случаев остаются безнаказанными, то совсем иначе обстоит дело относительно преступлений, которые совершены или считаются совершенными туземцами. Ответственность туземцев Терской области за преступление обставлены такими условиями, которые не имеют ничего себе подобного на всем протяжении российской империи. Порядок, установленный законом для раскрытия преступлений, привлечения к ответственности преступников и наложения самой ответственности, редко применяется по отношению к туземцам. Всякий раз, когда совершается какое-либо преступление в любом уголке, предполагается, что оно непременно совершено туземцами. За всякое преступление отвечают все живущие вблизи места его совершения туземцы. На этих началах основаны особые административные "правила", которые заменяют по отношению к туземцам "Судебные уставы", и сущность которых состоит в следующем.

Все дороги области разделяются на участки, и к каждому из этих участков приписываются аулы, которые и назначаются ответственными - за всякий случай убийства, разбоя или грабежа, происшедший на приписанном участке. Если преступление совершится внутри аула и виновный не будет открыт, то ответственности подвергается весь аул. В случае воровства из казачьих станиц, если следы идут до какого-либо аула, старшина данного аула должен принять эти следы и вести их далее. А отвечает аул, где кончаются следы. Если по совершению кражи из казачьего поселения следы не могут быть открыты, ответственности подвергаются все окрестные аулы, для чего последние расписаны по группам с обозначением, какие аулы за какие казачьи поселения ответствуют. Когда виновный в краже будет обнаружен, но не в силах будет возместить причиненный им ущерб, взысканию подлежит имущество его родственников или даже всего аульного общества. Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой ответственности, превосходят во много раз всякие подати и налоги, взимаемые с русского населения. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев.

Казаки, живущие здесь, далеко не ангелы и тоже не прочь поживиться за счет чужого добра и пырнуть сгоряча ножом. Между тем все факты совершения казаками преступлений в Терской области ложатся исключительно на туземцев, что бьет их и морально, и материально.

Исключительный взгляд на туземцев как на воров и разбойников по преимуществу влечет за собой крайне печальные результаты. Казак, совершая преступление, может всегда надеяться, что он избежит наказания, так как знает, что подозрение в совершении преступления падет, прежде всего, на туземцев и именно в эту сторону направляются розыски. Не трудно представить, какое развращающее влияние оказывает эта уверенность на казаков, какое высокомерное отношение должно развиваться у них к туземцам, как к чему-то низшему, поставленному в бесправное положение. И с другой стороны, неминуемо возбуждает в туземном населении крайне печальные мысли о справедливости русских законов и равноправности подданных Российской империи.

Теперь мы перейдем к очень щекотливому вопросу, возбуждающему много озлобления среди разных элементов кавказского населения - к вопросу о разоружении туземцев. Всякий, если не видел, то, по крайней мере, слышал, что принадлежностью туземного кавказского одеяния является оружие. К оружию кавказец привык до того, что почти никогда не расстается с ним. Мало того, вопрос о ношении оружия является для кавказских горцев вопросом чести. Между тем разоружение туземцев является давнишнею целью деятельности кавказской администрации. Право изъятия оружия туземцев дано не только представителям власти, но и всем казакам, что ведет к постоянным стычкам и даже убийствам. Бывают случаи, когда даже казачки принимают на себя обязанности по разоружению туземца. При существующих у горцев понятиях о женщине подобные

случаи неминуемо должны всегда вести к катастрофе. Если к этому прибавить, что при конфискации оружия у туземцев казаки сохранят право свободного его ношения, то будет вполне понятно, сколько ненужного зла и страданий причиняют эти правила туземцам, сколько несчастий вызывают они и как отравлена ими вся их жизнь.

Необходимость же таких действий власть мотивирует тем, что с проведением этой меры якобы уменьшится число преступлений в области. Мнение - по-детски наивное, чтобы не сказать хуже.

Причины кровавых преступлений, имеющие место в области, таятся глубоко в условиях жизни населения и особенностях его характера, и только с изменением этих условий и с улучшением народного характера уменьшатся и преступления. Улучшите экономическое положение населения, не раздражайте его мелочною и ненужною опекою, устраните вражду между разными группами населения, распространите среди туземцев образование, и при его помощи выведите вредные обычаи и смягчите "темперамент" - и тогда ужасный кинжал будет болтаться у пояса всякого кавказца как самое безвредное украшение.

Таковы в самом общем виде важнейшие причины существования враждебных отношений между двумя половинами населения Терской области. Причины эти, отравляя каждую минуту жизни туземцев, делают буквально невозможным их проживание на родине и заставляют их бежать в Турцию, что положительно равняется самоубийству.

Причины, создавшие существующие ненормальные дела на Кавказе, - дело рук человеческих, и теми же руками они могут быть устранены. Если я говорю об экономической необеспеченности туземцев, это отнюдь не означает, что надо отобрать земли у казаков. Я не желаю зла ни туземцам, ни казакам и думаю, вопрос может быть разрешен безобидно для той и другой стороны.

Только пользуясь всеми правами российского гражданина, туземец может примириться с российскими порядками. Единство экономических интересов и единство образования представляют собою такую почву, на которой смешиваются и сливаются народности с самыми различными этническими особенностями. И в самом деле, с какой стати станут волноваться, восставать против нас или бежать в Турцию кавказские народы, когда им будет хорошо жить под нашей властью. Однако наше правительство оставило им только эти два пути.

К сожалению, насколько много сделано нашим правительством здесь, чтобы всячески ухудшить экономическое положение туземного населения, настолько же мало сделано для распространения образования среди горцев. Собственно говоря,

в этом отношении им не сделано еще даже начального шага. Могут подумать, что война, продлившаяся здесь почти сто лет, не давала нам возможность совершить этот шаг. Но после окончания этой войны, водворения здесь мира, прошло восемнадцать лет. За эти восемнадцать лет мы создали здесь только одну единственную школу, и ту для детей богачей и духовенства.

Можем ли мы не винить в этом правительство? Ведь господствующие классы никогда не хотят давать знания, просвещения трудовому народу. Чем темнее и невежественнее народ, тем легче господствующим классам обманывать, угнетать

и разделять его. Потому четверо из пяти русских мужиков не умеют правильно писать свое имя. Поэтому не приходится удивляться, что наше правительство и не думает дать образование этим туземцам.

Да, прав был Василий Иванович. Вопреки воле правительства, его пестрых местных мундиров, сквозь завесы штыков и тюремные решетки в горные ущелья просачиваются лучи русской культуры. Их сюда привезли декабристы Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Толстой, Бестужев-Марлинский. Они впервые сказали правду об этом крае и его жителях. Впервые прозвучали их смелые голоса

о героической борьбе горцев за свою свободу. Эти голоса зажгли в сердцах русского человека уважение к горцам.

Этот свет распространится среди здешнего народа по запрещенным правительством или неведомым ему путями. Наши власти направляют на учебу в Петербург, Москву или Владикавказ детей некоторых чеченцев, как и детей некоторых туземцев, не потому, что власти озабочены судьбой народа, а для того, чтобы подготовить из них офицеров, чиновников и переводчиков. Иначе говоря, сделать из них опору для себя в народе. Но при соприкосновении с кладезью науки, культуры, в сознании некоторых из них происходит глубокий переворот, что противоречит целям правительства. В первую очередь, они впитывают передовую культуру русского народа, его революционно-демократические цели. Они пробуждаются от сна и твердо решают пробуждать свой народ от вековой темноты. Они хотят показать все самое доброе, человечное, героическое в своем народе. Хотят доказать всем, что их народ не такой дикий, как его выставляют наши чиновники в мундирах, а такой же, как все народы, гуманный, благородный, честный. Чеченцы служат своему народу по-разному. Берса, Овхад и подобные им встают под знамена борьбы за свободу, другие с помощью местной печати знакомят нас с героическим прошлым своего народа, с прекрасным устным народным творчеством. И сами закладывают основу будущей национальной литературы.

У тех и других - единая цель: освобождение своего народа от гнета и духовного мрака.

Берса и Овхад, с которыми я встречался, сегодня бедны. Их ждут виселица или каторга. Однако у них была возможность жить счастливо, богато, но они отвергли то и другое, ибо оба они в плену революционных идей.

Берса - сын богатого купца, а Овхад - богатого сельского старшины. Первый окончил в Петербурге кадетский корпус, а второй учился во Владикавказе . По словам моих друзей, когда-то Берса был уважаемым офицером. Царь наградил его двумя орденами. Однако в 1848-49 годах, попав с нашими войсками в Венгрию, он воспринял идеи своего друга, известного русского революционера капитана Алексея Гусева, и по возвращении на родину встал в ряды своего народа, борющегося за свободу. Он отказался от карьеры, счастья, прошел долгий путь борьбы и каторги. Чахоточный, он теперь кажется стариком. Но как вдохновенно красиво он читает наизусть стихи Пушкина, Байрона, Лермонтова, Петефи, Некрасова и многих других! Он и молодой Овхад прекрасно знают философские труды Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Все это плоды семян, посеянных здесь нашей культурой!

А мечты иных наших офицеров идут еще дальше. Лет пятнадцать тому назад П. К. Услар задумал открыть школу для чеченских детей на их родном языке. Он привез в Тифлис одного чеченского офицера и двух мулл, с помощью них изучил чеченский язык и вместе с ними составил учебник грамматики на их родном языке. Потом приехал в Грозный, из медресе окрестных аулов отобрал двадцать пять муталимов и открыл для них школу. Здесь два чеченца обучали их письму на родном языке, а два русских писаря - русскому языку и письму. Я слышал, что эти дети в течение месяца достигли больших успехов.

Однако полезное начинание господина Услара неожиданно было прервано. Местная администрация не только не подумала открыть такие школы в аулах, но даже закрыла и ту единственную, которую он открыл с таким большим трудом.

Но время берет свое. Уже в горных аулах распространяются передовая техника нашего земледелия, фабричные товары. Чеченцы выезжают по торговым делам и на работу далеко за пределы своей родины. Хотя и медленно, но из года в год увеличивается число чеченцев с европейским образованием. Постепенно тает лед вражды и недоверия между двумя народами края, который возник по вине правительства. Как бы этого ни хотелось господам Свистунову и Чермоеву, простые люди не тяготели к вражде. Они начали понимать, кто является настоящим

виновником их бедствий, нищеты, бесправия, начали объединяться в борьбе против этого своего общего врага.

Не то будет через полстолетия. Правительству захочется использовать богатые полезные ископаемые края. Тогда ему придется строить здесь фабрики, заводы, железную дорогу. Для всего этого потребуются рабочие. Поневоле правительству придется принимать туземцев на работу. Чтобы обучать туземцев работать на заводах и фабриках, оно вынуждено будет открывать здесь школы. Попав в одни и те же условия, связанные одной судьбой, постепенно сотрутся национальные и религиозные различия между русскими и туземными рабочими, установятся классовое содружество и единство.

Тогда берегитесь, господа позолоченные мундиры!

ГЛАВА X

СЫНЫ СВОБОДЫ

Истинное мужество обнаруживается во время бедствия.

Усман проснулся на рассвете, хотя вчера лег спать поздно. Уже два-три дня, как жена Булата Деши просила помочь ей вывезти сено с косогора. Копна, сделанная наспех, когда в небе собрались дождевые тучи, теперь с каждым дождем продолжала преть. Усман должен был сегодня привезти ее и хвороста для изгороди.

Ленясь встать, Усман лежал несколько минут, зажмурив глаза. Однотонно дышал лежащий в ногах Умар. Захлопал крыльями, вытянулся на ногах и оглушительно закукарекал большой красный петух. Постель матери уже была пуста. Наверно, вышла доить коров.

Жизнь вновь возобновилась в ауле. Сев в постели, несколько раз раскинув руки, взявшись за подбородок и несколько раз повернув шею так, что она хрустнула в костях, Усман одел рубаху. Потом он, сидя на краю тахты, ткнул голые ноги в тапочки и поднялся.

Усман подошел к брату, наклонился над ним и внимательно посмотрел на него. На лице горел румянец. Усман постоял, глядя на брата полными любви глазами, стараясь не разбудить его, тихо открыл дверь и вышел на крыльцо.

Мать старалась унять пущенного под корову теленка. Но тот не унимался. Вертел головой, упирался в задние ноги, прыжком рвался под корову и безжалостно теребил мордочкой сосок.

Пара быков Эсет и Булата, стоявшие над пустой кормушкой, заметив на крыльце Усмана, повернули к нему головы и жалобно замычали. Стоявший в сарае конь тоже почувствовал , что он тоже вышел во двор. Усман взял охапку овсюга из арбы, положил ее перед быками и пошел в сарай. При появлении мальчика лошадь повернула к нему голову и заржала. Мальчик взял старый таз, насыпал в него две-три пригоршни кукурузы и поставил перед конем.

Теперь надо было поднять Магомеда, Усману некогда было вести коня на водопой. Что-то не показывается Деши, которая должна ехать с ним за сеном. Усман миновал ворота и направился к Эсет. Соседи тоже проснулись. Мачиг, накинув на плечи бешмет, с кумганом в руках торопился по нужде. Откуда-то слышался кашель Васала. По-видимому, он дымил сигарой с крепким табаком. Внизу, забивая единственной рукой колья, Солтахан огораживал сад.

К счастью, Усману не пришлось будить Деши. Она встретилась ему, когда возвращалась с кумганом воды.

Деши была беременна. Хоть и было всего пять месяцев, она ходила тяжело.

- Ты, наверное, за мной, кант, - сказала она, остановившись и тяжело дыша.

- Оставайся дома, Деши, - сказал Усман, украдкой взглянув на ее талию.

- Если я останусь дома, кто же тебе поможет?

- Я Мачига возьму. Пусть Магомед сводит коня на водопой.

Пока Усман сходил к Мачигу и, вернувшись домой, запрягал в арбу быков, за Аксаем поднялось солнце. Со всех сторон слышались мычанье и блеянье выгоняемого на пастбище скота и голоса остающегося дома приплода. Две-три арбы, визжа деревянными осями, отправились в гору. Далеко наверху

забарабанили в медный таз. Одна девочка била в таз, остальные пели, хлопали в ладоши, все поочередно танцевали.

- Прекратите греметь тазом, шайтаны! - послышался голос Хозы.

- Вам бы выть от голода, а не танцевать.

Не успели еще стихнуть детские голоса, как со стороны Мескетов докатился гул пушечного выстрела. Потом опять и опять. Вскоре зачастили ружейные выстрелы, словно потрескивающие в камине кукурузы.

Во дворе Дасы дети перестали барабанить. Притихший аул вдруг зашевелился, словно потревоженный палкой улей.

Через час прискакал на белом от пены коне Арсамирза. Он скакал по улицам и кричал.

- Спасайтесь! Солдаты идут! Спешите в горы!

Айза, ходившая выгонять корову, бросилась домой. Со шлепанцами в руках прибежала Эсет. Во дворе Дасы послышался детский плач.

- Вай, всемогущий Боже, что же с Умаром будет! - причитала Эсет.

- Беги скорей, скажи Деши, пусть прячет вещи, - толкала Айза Усмана за калитку.

- Не паникуйте, - спокойно заговорил только что подошедший Мачиг. - Они еще в Мескетах. Успеем спастись.

- Вай, Умар, как с тобой быть?! - бросилась Эсет к Умару, который вышел и стоял на крыльце. - Ты же только-только начал поправляться...

Умар был внешне спокоен. Обняв Эсет здоровой рукой, он попытался ее успокоить.

- Да что ты, деца, чего ты плачешь? Скорей грузите необходимые вещи на арбу и поднимайтесь на хребет. Я что-нибудь придумаю. Усман! Дай мне оружие и оседлай коня.

- Куда ты? - удивился Усман.

- Готовлюсь к бою.

- Со своей раной?

- Одна рука у меня здорова.

- Вай, не смей! Тут и здоровый бессилен. Сможешь ехать на коне?

- А ну, Усман, готовь коня...

За час женщины погрузили на арбу вещи из трех домов, которые могли забрать солдаты и были наиболее нужными. Мачиг с Усманом усадили Умара на коня. Арба вышла за ворота и, скрипя, направилась в гору.

Мачиг отправил соседей в гору, а сам пошел к Васалу. В светлые и черные дни друзья всегда советовались друг с другом. Разговор бывал недолгим. Иногда достаточно было взглянуть друг на друга, чтобы понять все.

Он застал Васала сидящим на корявом буковом бревне и дымящим крепкой сигарой. Мачиг подошел и молча сел рядом.

- Уже постреливают совсем рядом, Васал.

- Похоже, что на подходе.

- Сможет ли Акта удержать?

- Куда там. С ним нет и ста человек.

Друзья на время притихли. Докурив сигару, пока она не стала жечь губы, Васал бросил пожелтевший окурок наземь и притер его ногой.

- Над Мескетами поднимается дым.

- Неужели уже жгут?

- Что мы с тобой будем делать?

- Останемся дома.

В садике, за нужником, у Мачига была четырехугольная яма глубиной в два метра. Вынутую землю выбросил рядом в обрыв. Когда в аул приходил отряд, он складывал туда свои жалкие пожитки, ложил сверху доски, накрывал слоем земли и мусором, и с женой Айшат уходил в лес.

- Не опасно ли оставаться в ауле?

- Мы уже старые, может, не тронут.

- Но наши сыновья с Алибеком.

- Не мы же с ним.

- Поймают и будут мучить. Бить будут, пока шкура не треснет. Я же хорошо знаю офицеров, - сказал Васал.

Теперь уже бой подходил к Гати-юрту. Вскоре всадники показались возле кладбища. Они поставили коней в глубоком овраге, быстро перешли кладбищенскую ограду и попрятались за могильными плитами. С этой высоты пред ними открывалось разное плато в три-четыре версты.

- Мне, Васал, что-то надоело от них бегать.

Васал ни о чем не стал спрашивать.

- В Хонкар бежал. Искал свободу. Там прошел через девять ад. Пешком исходил армянские и грузинские горы. Вернувшись домой полуживым, был отправлен в Сибирь и там провел три года.

Васал слушает. Мысленно он тоже разговаривает с Мачигом: "Мне тоже надоело, Мачиг. Мои предки влачили рабство у помещиков. И мне тоже досталась эта доля. Потом на двадцать пять лет сделали солдатом. Десять лет тянул солдатскую лямку. Я перебежал к вам, чтобы бороться за свободу..."

- Мне тоже надоело, Мачиг. Свободы не видать. И сил нет дальше бороться.

- Постарели мы с тобой, Васал.

- Постарели волки.

- Где твое ружье?

- В комнате.

- Порох и пули есть?

- На два-три заряда.

- У меня тоже столько.

На кладбище кипит бой. Пушечные снаряды ломают и швыряют вверх куски каменных плит. Ровными рядами, держа винтовку со штыками наизготовку, идут впереди солдаты. Останавливаются , дают залп, потом пробегают шагов двадцать. Обступая кладбище с двух сторон, несется конница. Повстанцы бегут назад, в овраг.

- Нам по семьдесят лет, Васал.

- Да, достаточно топтались на этой земле, Мачиг.

- У тебя остаются дети, Васал.

- Они-то уже выросли, Мачиг.

- Тогда схватимся в последний раз?

- Да, надо рассчитаться с долгами.

- Может, удастся по три уложить?

- Не выпустим зря ни одного заряда.

Васал входит в домик и с кинжалом у пояса и ружьем в руках выходит оттуда.

- Идем, Мачиг...

Работа Солтахана прервалась, когда он вбил в землю десяток кольев. Поливавший лунки водой из кумгана его старший сын, двенадцатилетний Солта, куда-то убежал. Когда люди побежали в горы, из дома выскочила его жена Хесабика и, схватив за пустой рукав бешмета, потянула Солтахана в дом.

- Пойдем, мужчина, давай с детьми уйдем в горы!

Когда-то красивые, но теперь глубоко запавшие, печальные глаза женщины обливались дождем слез.

- Не мешкай, Солтахан, - назвала женщина мужа по имени, - убьют же нас...

Но Солтахан не трогался с места. Он взглянул на жену. Лицо Хесабики стало мертвенно-бледным.

- Я не пойду. Заходи в дом.

- Нас же убьют...

- Не хнычь!

- Вай, великий Боже, что с нами будет...

- Не визжи, говорю. Сиди в доме с детьми.

Не решаясь преступить приказ мужа, женщина зашла в дом, таща с собой троих детей, которые стояли на крыльце, словно парализованные. Солтахан медленным шагом поднялся на маленький бугорок, который возвышался рядом. Внизу, в двухстах шагах отсюда, была площадь у мечети. Солтахан равнодушным взглядом провожал стариков, женщин и детей, спешивших в гору на арбах, на конях и пешком со своими пожитками. У Солтахана нет ни быков, ни арбы. Да если бы они и были, увозить ему все равно нечего. Да будь даже что увозить, он не хочет бежать. Во-первых, Солтахан знает, что солдаты не тронут его. Он - инвалид турецкой войны. За проявленный там подвиг имеет серебряную медаль. Но не это

удерживает Солтахана в ауле. Ему хочется наполнить до краев чашу накопившейся в его душе злобы. Увидеть все собственными глазами.

Солтахану прекрасно виден разгоревшийся на кладбище бой. Воины Акты заняли хорошую позицию. Но их сопротивление бесполезно. На кладбище целый ураган от взрывов пушечных ядер и гранат с картечью. Убитых и раненых повстанцы увозят назад, в овраг. На маленькой площадке появляется длинная цепь солдат. Еще один. И еще несколько. Теперь солдаты ринутся вперед. Да и то дело останавливаются, дают залп и вновь устремляются вперед.

Из леса, находящегося за платом, показались две кавалерийские сотни. Обходя кладбище справа и слева, они бросились в атаку. Сверкают на солнце сабли. Воздух оглашается криком "Ура", вырвавшимся сразу из нескольких сотен глоток.

Но и Акта не дремлет. Раньше, чем атакующие пехотинцы и собравшиеся зажать повстанцев в тиски кавалеристы успели добраться до них, те отступили в овраг, сели на коней и ускакали в аул.

Солтахан медленно пошел в дом. Он достал снятые им в день возвращения черные погоны и водрузил их на плечи. Потом повесил на грудь медаль.

- Не выходите из дому, - крикнул он жене, которая притаилась между камином и стеной, обнимая троих детей.

Солтахан снова взобрался на пригорок. Теперь повстанцы отступали в гору, скача через аул. Посадив сзади или держа перед собой, они везли раненых. Убитых они ложили в разные дворы. Акта скакал на коне, держа раненую руку за пазухой. Поравнявшись с Солтаханом, Акта придержал коня.

- Ты чего нарядился, собака, прицепив медаль? - сплюнул он, устремив на Солтахана свои большие глаза. - Братья ваши идут? Беги к ним обниматься!

- Акта, ты старше меня, проезжай и не шуми, - сердито бросил Солтахан. - Захочу - обнимусь, захочу - возьмусь за хвост. Не твое дело.

- Не только берись за хвост, но еще под ним полижи!

Как всегда яростный Акта проскакал, к Солтахану подъехал Булат.

- Не знаешь, наши дома, Солтахан?

- Нет. Айза, Эсет и Деши ушли в лес.

- А Кайсарова Макка?

- Она тоже. Рана тяжелая?

- Да нет.

- Сколько наших убили?

- Да достаточно.

Булат собирался тронуться с места, но Солтахан подошел и взял его коня под уздцы.

- Пусть этот Акта не болтает лишнего. Никто из вас не знает, что у меня в душе творится. Будь у меня правая рука, я бы и сегодня был с вами.

- Не сердись на Акту, Солтахан. Такой уж у него суровый характер.

Первыми в аул ворвались казачьи и горские всадники. Потом в боевом порядке последовали Кабардинские пехотные полки. Основные части отряда, не останавливаясь здесь, пошли дальше вверх к Шовхал-Берду.

В казачьей сотне, первой ворвавшейся в аул, Солтахан увидел Асхада, сына Хорты и Боташа, с десяток ишхоевцев и еще незнакомых чеченцев. Готовые принять отряд, на мечетной площади стояли Хорта, Товсолта-хаджи, Инарла и Чонака.

Солтахан спокойно спустился к площади. Одновременно сюда прибыли полковник Батьянов, майор Козловский и капитан Пруссаков.

Солтахан не стал подходить близко к Хорте, а остановился в сторонке и стал прислушиваться. Хорта подошел к полковнику и приветствовал его. Товсолта-хаджи две-три минуты произносил хвалебную речь.

- Наш уважаемый полконак! От имени жителей Гати-юрта мы поздравляем тебя с очередной победой над злодеями, врагами царской власти и мусульманской веры. Богом сказано, что он дарует победу только праведным, что дважды - раз в этом бренном мире, а потом в потустороннем мире - он покарает злодея, который выступил против поставленного им царя и исполнителей его власти. Всемогущий Бог да поможет нашему царю, его князьям, офицерам, солдатам покарать злодеев, поднявшихся в этих горах, и одержать победу над турками...

- Амин, - сказал Хорта.

- Аллаху амин! - подхватили Инарла и Боташ.

- Теперь у нас просьба к полконаку. Чтобы при разрушении аула не повредили хозяйства верных слуг царя и его власти...

- Куда скрылись мятежники? - оборвал Батьянов речь муллы.

- Сбежали в горы, - указал Хорта рукой вверх.

Посмотрев вверх по направлению руки Хорты и подумав, полковник махнул рукой. Потом повернулся к стоящим рядом командиру кумыкской сотни майору Мусе и командиру казачьей сотни майору Чекунову:

- Вы, господа, поднимитесь со своими сотнями на хребет и преследуйте мятежников. Если они ушли далеко, не стоит искать. Уничтожьте хлеб и сено и двигайтесь за отрядом вверх по Аксаю. А вы, капитан Пруссаков, сожгите аул. Оставляю вам одну сотню, роту солдат и местных добровольцев. Даю вам на все это два часа времени.

- Гаспадин полконак, наши хозяйства... - горестно вскричал Хорта.

- Капитан Пруссаков, выполните просьбу стариков.

Развернув коня, Батьянов заметил стоящего в стороне Солтахана.

- Кто это стоит? - вытаращил на него глаза полковник. - Откуда у него погоны, медаль?

- Купил, - ответил Солтахан.

- У кого, за сколько?

- У царя купил вот за эту руку.

Лицо рассвирепевшего Батьянова вспыхнуло.

- Он, ваше благородие, неделю назад вернулся с турецкой войны, - сказал крутившийся рядом Асхад.

- Значит, герой, - смягчился полковник. - Как твоя жизнь?

- Неплохо.

- Хочешь услужить власти? Идем, покажешь, какие дома сжечь.

- Покажут те, кто стоят рядом с вами. Они готовы и сами сгореть, если прикажете, - мотнул головой на Хорту и других Солтахан.

- Как тебе угодно. Я хотел, чтобы тебе заплатили.

- Спасибо, полконак. Я живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь.

Батьянов уехал со своими офицерами. Хорта с остальными пристроились к Пруссакову показывать дома, подлежащие сожжению. Всадники и солдаты рассыпались по кривым улочкам аула. Прежде, чем жечь, они сначала входили в дом и обыскивали его. Более или менее ценные вещи - оружие, ковры или посуду - забирали, что не могли унести, разбивали прикладами ружей. Затем поджигали дома. В пламя бросали исполосованные, разорванные подушки, одеяла, одежду, словом, все, что могло гореть. Горели амбары, скотные помещения, сапетки с кукурузой, стога сена и кукурузных стеблей. Расстреливали скот.

Через час над аулом висела черная туча дыма. От ужаса и страха голосили женщины и дети. Собаки яростно кидались на непрошеных гостей, но под выстрелом ружей или ударом штыков затихали, издавая жалобный стон.

Солтахан тихим шагом направился домой. Солту он нашел стоящим у калитки и смотревшим на аул вытаращенными от ужаса глазами. Солтахан подошел и положил руку на плечо мальчика.

- Видишь? - спросил он.

- Вижу...

- Смотри повнимательнее. И не забывай этот день до конца своей жизни.

Два друга, занявшие оборону в лачуге Мачига, стояли с ружьями в руках у единственного окошка. Они хорошо видели картину на площади. И Хорту с дружками видели. Видели и Солтахана, понуро возвращающегося домой.

Предав огню дома внизу, каратели двинулись вверх в квартал Мачига. Впереди Асхад, Хорта, Чонака и Инарла.

- Подходят, - сказал Мачиг, готовя свое ружье.

- На два ружья только шесть зарядов пороха и пуль.

- Хватит.

- И прежнего зрения нет.

- Да и руки дрожат.

Друзья на минуту умолкли.

Загорелись дома Кайсара и Арсамирзы. Каратели постепенно приближались. Теперь уже были хорошо видны их безжалостные лица. И широкие, и длинные, и квадратные. Длинные бакенбарды, пышные усы. Впереди одной группы - Хорта, другой - Асхад. Хорта мелкими шажками семенит впереди одного офицера.

- Васал.

- Вай.

- Я выстрелю в эту старую собаку.

- В какую?

- В Хорту.

- Не надо.

- Почему?

- Он стар и так скоро умрет. Ты прав, Васал. Надо оставить старую собаку, а щенка убить, чтобы потомства не было.

- А я выстрелю в офицера с красивыми усами.

Ружья друзей выстрелили одновременно. И Асхад, и офицер, схватившись за грудь, падают ничком. Хорта бросается к сыну, а солдаты - к офицеру. Солдаты оглядываются, ища глазами, откуда стреляли. Увидев в окне домика пороховой дым, солдаты падают ничком. Вторые и третьи выстрелы успокаивают навсегда еще по два человека - солдат и горцев.

- Все кончилось, Васал.

- Все.

- Васал.

- Вай.

- Спой боевую чеченскую песню.

- Хорошо, Мачиг. Погибнем, как подобает настоящим мужчинам.

- После нас остаются наши старые два быка, Васал.

- Да, Мачиг, такие же старые и несчастные, как мы с тобою.

- Запевай, Васал.

Тучи на лице Васала рассеиваются. Глаза светлеют. Лицо торжественно сияет. С хрипотцой звучит когда-то мелодичный и бархатный голос:

Мы никогда ни пред кем

Не смиримся покорно.

Свободу иль смерть -

Иное нам не дано.

Проклятье князьям и рабам их,

Собакам лохматым и бурым,

Их кровью заставим мочиться,

Когда доживем до весны...

Голос Мачига никак не идет с Васалом, но он приложив к уху руку, громко подпевает:

Если голод нагрянет,

Корни станем мы кушать,

Будет мучить нас жажда -

Станем росы мы пить.

Костры мы поставим в пещерах

И наших шашек концами Усилим огонь их и пулями...

- Хойт, аи да Васал!

...Пробитые башлыки

Накинем на сыновей мы... -

Свобода или смерть!...

Пускай они за отцами

С князьями схватятся в битве. Когда умрут старики...

Солдаты подползли ближе и теперь они шагах в десяти. Некоторые обошли домик сзади. Теперь остались считанные минуты.

- Кинжалы наши тупые, Васал.

- Мы их носили, Мачиг, не кровь проливать.

- И все-таки придется.

- Да.

Оба вытаскивают кинжалы из ножен. На пол падают две кукурузные кочерыжки, служившие наконечниками ножен.

- Запевай, Васал, илли, который заменяет мужчинам ясин.

Васал откашливается, настраивая голос:

О, братья, смело

С кинжалами ринемся в путь!

Ломай их о вражескую грудь...

Мачиг рывком отодвигает засов и распахивает дверь на себя.

Страшным ударом прорвем вдруг

Тройной вражеский круг.

По трупам - бесстрашного путь!

Слава нам, смерть врагу!

Два друга один за другим выскакивают во двор. Но не успевают сделать дальше и шагу - десяток пуль изрешетили их обоих. Из рук падают заржавевшие тупые кинжалы. Обняв друг друга, они медленно опускаются. Глубоко впалые старые глаза заволакиваются туманом смерти. Но лица их торжественно сияют.

- Эх, Васал...

- Не падай...духом...Мачиг...

Стиснув друг друга в объятьях, свалились наземь старые боевые друзья, названые братья. Тридцать пять лет назад перешедший на сторону чеченцев беглый русский солдат, сын тамбовского крестьянина Василий Лопухов, прозванный чеченцами Васал сын Лапи, и гатиюртовец Мачиг сын Мантика.

Сыны свободы...

ГЛАВА XI

ДРУЗЬЯ

...Смертным помогая, готовил

смерть для самого себя.

Во второй половине августа командование начало генеральное наступление.

Батьянов дважды попытался проникнуть в Ичкерию, но оба раза ему пришлось отступить в Хасав-юрт. При этом он брал аманатов с аулов, попутно уничтожал хлеба и корма.

Наконец с помощью дагестанских отрядов Перлика и Тер-Асатурова ему удалось проникнуть в сердцевину Ичкерии.

Когда Смекалов с главным отрядом прибыл в Беной, в ауле не оказалось ни души. Мужчины ушли к Алибеку, а старики, женщины и дети попрятались в лесах. Повсюду по склонам и рощам еще дымились сожженные дома. Генерал послал служащих в отряде чеченцев собирать прячущихся в лесах жителей.

К вечеру в центр аула пригнали более двухсот оборванных женщин и полуголых детей. Увидев генерала, женщины с плачем двинулись к нему. Они сняли с головы платки и били ими об землю, выражая этим величайшую просьбу. Дети смотрели на матерей, плакали душераздирающим криком. То ли в душу закралась жалость, то ли он растерялся при виде этой ужасной картины, Смекалов на минуту не смог произнести слова, но быстро взял себя в руки. - Уймите этих ведьм! - крикнул он наконец.

Поручику Ойшиеву и прапорщику Мовсару пришлось достаточно потрудиться, чтобы успокоить женщин.

- Что они говорят?

- Они слышали, что их отправляют в Сибирь, ваше превосходительство. Просят вашего милосердия.

Смекалов нахмурил брови, обратился к женщинам.

- Чего прете на меня, крича, как ослы? Почему вы не плакали, не ползали, когда ваши отцы, мужья, сыновья и братья уходили к Алибеку? Вот мой короткий ответ. Если ваши мужчины приведут ко мне Алибека, Солтамурада и Сулеймана, то можете рассчитывать на мое милосердие. А не сделают они этого - соберите свои лохмотья и готовьтесь отправиться в Сибирь.

Смекалов с помощью Чонаки и Элби сел на своего серого скакуна, и, не оглядываясь, ускакал прочь.

По пути в лагерь Смекалов совершенно забыл об этих женщинах и детях. Только что он получил сообщение о том, что Умма с тремястами человек чеченцев, аварцев, ингушей и тушинцев перешел Басе и поднял здесь аулы. Хотя и последияя экспедиция Батьянова завершается успешно, но предыдущие две кончились неудачно. Теперь опасно проникать в глубь симсирских лесов, оставив за спиной восставшие бассовские аулы. На днях должен приехать сам командующий. До его приезда надо будет что-то предпринять.

Наконец Смекалов решил поручить Батьянову взять контрибуцию и заложников с зандакских и алеройских аулов, на Авалова возложить выселение бенойцев, оставить отряд Нурида в резерве, чтобы потом перебросить в нужное место, а самому с главными силами отправиться на Басс.

До Элистанжи в ущелье Аржи-Ахк произошел пятичасовой бой, в котором отряд понес чувствительные потери. Среди тяжело раненых был известный своей храбростью артиллерийский полковник князь Шервашидзе.

Смекалов думал, что защищаться повстанцам в пятичасовом бою помогло естественное укрепление. Оказывается - нет. После занятия позиции, осматривая ее, Накашидзе был поражен искусным устройством их бревенчатых завалов, приспособленных к двухъярусной обороне, взаимно защищавших друг друга. Завалы были залиты кровью их защитников и покрыты осколками гранат. Без пушек и нечего было думать о ее взятии.

- Такого укрепления я нигде не видел, - сказал Накашидзе.

- И не могли видеть. Это же проделки старого волка Уммы. Он ввел старые чеченские методы ведения боя. Если бы с самого начала во главе шаек стоял Умма, нам бы пришлось здорово потрудиться. Но, к нашему счастью, сам Алибек и его помощники молоды, не имеют боевого опыта. Пусть позицию сожгут, полковник, да чтобы ни одного колышка не осталось. Они могут завтра вернуться и опять засесть здесь.

Нанеся чувствительный удар отряду, точнее, одержав над ним победу, Умма отступил.

Посланные преследовать повстанцев несколько кавалерийские сотни, не догнав их, остановились у Махкетов. Умма исчез бесследно.

Не подпуская к себе близко брошенный в погоню кавалерийский отряд, Умма прошел через Махкеты, и, видя, что теперь в безопасности, дал воинам время для передышки. Несколько тел убитых положили под раскидистым дубом. Легко раненые спустились к Ахку, промыли раны и с помощью товарищей перевязали их.

Бойцы с утра ничего не ели. Но никто не трогал привязанных к седлам перекидные сумы с сухим пайком. Спустившись к речке и закатив рукава черкески, Дада вымыл руки и выпил две пригоршни воды. И вновь вспомнилась возлюбленная. Но Дада отогнал от себя подальше свои думы. Он давно уже отчаялся обрести счастье с любимой.

Слышались приглушенные разговоры о только что прошедшем бое, на спокойном чеченском, торопливом ингушском и гортанном аварском языках. Несколько тушинцев сидели в стороне и штопали изорванные обувь и черкески.

Дада тоже думал об отгремевшем бое. Сегодня он видел там много знакомых офицеров и Смекалова, которого он, будучи во Владикавказе, неоднократно охранял. Веселясь с этими офицерами, Дада часто коротал ночи. А сегодня они стреляли друг в друга, как сумасшедшие. Узнали они его? Наверно, нет. Если бы узнали и он был бы в досягаемости, убили бы. Ведь по их понятиям, Дада - предатель. Предатель, нарушивший клятву верности царю и отчизне. До Дады давно доходят такие слухи.

Подошедший Овхад прервал размышления Дады.

- О чем думаешь, волк? - опустился рядом Овхад и стал мыть руки.

- О сегодняшней схватке.

Овхад два-три раза набрал в пригоршни воды и выпил большими глотками.

- Хорошо мы поработали. Не убил кого-нибудь из знакомых?

- Нет. Не смог бы. Хоть некоторые из них и были собаками, не в таких местах сводят счеты за обиды.

- Между нами и ними не обида, а вражда, Дада. Непримиримая вражда. Ты же

хорошо знаешь законы войны.

- Так-то оно так. Но ведь среди них и мои вчерашние друзья.

- Друзья не жгут аулы друга, не убивают женщин и детей. Попадись мы с тобою к ним, разве они пощадили бы нас?

- Меня бы не пощадили. Ведь они давно меня проклинают как изменника и клятвоотступника.

- И ты этим мучаешься? Эти господа одинаково презирают нас обоих. И тебя, который перешел на сторону отца, и меня, который пошел против отца. Эта компания Свистуновых и Чермоевых смотрит на нас, как на собак, взятых ими щенками, вскормленных, выхоленных, но убежавших, когда выросли. Дада глубоко вздохнул.

- Меня-то судьба привела сюда, любовь к свободе, любовь к этим горам, родине и народу. Тот, кто угнетает мой народ, кто и кем бы он ни был - мой враг. Первый враг - царь, а потом - все, кто является опорой для его власти. Среди них - мои отец и брат. У меня никогда не будет с ними мира. А ты круглый дурак, Дада. Вместо того, чтобы гордиться своим отцом, ты постоянно вешаешь нос. Раз родились и раз только умрем. Дерись от души. Мы умрем, но борьба не прекратится. Не всегда мы будем одиноки в борьбе. Поднимутся и другие народы. И сами русские поднимутся. К этому клонится обстановка в России.

После обеда Умма собрал короткий совет. Лорса-хаджи затих, заломив на груди седую длинную бороду, уткнувшись взглядом в землю. Махкетинский Тангай слушал, поглаживая пышные усы под носом, похожим на клюв орла. Макажоец Мити, сын Апы, сухощавый, длинный, как жердь, положил рядом с собой снятую с головы папаху и задумчиво ворошил палочкой зеленую траву. Зумсойский Дада, сын Залмы, тихо слушал говорившего, уставившись на дальний горный склон огромными черными глазами, сверкавшими из-под распластанных на высоком лбу, подобно соколиным крыльям, густых бровей.

За ними сидели на корточках и стояли Гази-Нур, сын Магомеда, Буга, сын Иши, Ханбетар, сын Яхсы, Хусейн, сын Амы.

Извиваясь в теснине каменных берегов, в тени могучих чинар, низвергаясь с валун и пенясь, катила вниз свои воды маленькая речка Аржа-Ахк. Камни на ее дне почернели от тины. От этого такая светлая вода казалась темной.

- Нам надо подумать о будущем, кентий, - начал Умма, сунув четки в карман бешмета и проведя рукой по широкой бороде. - Погибших надо похоронить в их аулах. Ты, Иба, отвезешь чеберлоевцев. Для доставки убитых ингушей и андийцев выделите несколько человек. С нашей стороны будет не хорошо, если с ними не пойдут пять-шесть чеченцев. Пока не похоронят убитых, оставайтесь там. Родственникам их передайте наше соболезнование. Теперь о том, что нам надо сделать. Генерал не погонится за нами, не осмелится. Очевидно, он сожжет аулы и возвратится в Ведено. У нас нет сил, чтобы спасти аулы. Да они в первый свой приход все там сожгли, а теперь им и сжигать нечего. Когда войско будет возвращаться в Ведено, надо будет совершать на него набеги. Тангай, ты бери половину наших людей и иди в леса на правую сторону от дороги в Ведено. Я с остальными пойду на левую сторону. Не давай ни минуты покоя, беспрерывно бей, и так проводи врага до самого Ведено. Лорса-хаджи, а ты организуй оставшихся в этих аулах людей. Когда войско тронется в путь, будешь бить его сзади.

Умма подозвал к себе Овхада и Даду, стоящих чуть в сторонке.

- Овхад, ты должен сегодня добраться до Алибека. Расскажи, что сегодня было. Скажи, что завтра будет бой. И передай: если он что-то затеял в Ичкерии, то из Ведено туда не придет ни один солдат. - Потом Умма повернулся к Даде. - А ты возьми с собой двух-трех человек, ступай за уходящим войском и сообщай мне о каждом шаге генерала.

Маленький домик Косума с земляной кровлей и низким потолком внутри не только ночью, но и днем производил впечатление могилы. В ненастье в маленькое оконце врывается промозглый ветер, который потом разгуливает по стенам и кружит по комнатам. А дверь, скрепленная из трех досок и держащаяся на ременных шарнирах, своим монотонным скрипом навевала тоску.

Сегодня ночь была тиха. Не было ни дождя, ни ветра. Устоявшаяся знойная духота скрыла небо. Под грушей во дворе, на циновке, подложив под голову подушки из овчины, полулежали Косум и Нурхаджи. Между ними стоял почерневший деревянный поднос с крошками от чурека и грудой шелухи луковиц. Люди дивились дружбе этих двух молодых людей. Ни внешне, ни характером они не походили друг на друга. Косум маленького роста, хилый, но ловкий, как козленок, веселого нрава, - далеко в округе известен как хороший танцор. А Нурхаджи, который на пять лет моложе его, - такой сильный, что подмышками мог понести два таких, как Косум.

Никто не знал, что их сблизило, если только не бедность. Правда, было у них одно общее. Косум - хороший танцор, а Нурхаджи - хороший сказитель и певец. На любую свадьбу или вечеринку они ходят вместе.

Как они поели сухой чурек с горьким луком, к ним подошла тоненькая, высокая девушка. Когда она наклонилась, чтобы забрать поднос, со спины ее с двух сторон упали на пол две длинные черные косы. Мета была красавица, известная и в соседних аулах. Не выходя замуж, она переросла девичий возраст. У бедного Косума два года назад умерла жена, оставив двух детей. Еще не старая мать Албика была прикована к постели. Почему-то в их семье поселилась болезнь легких.

- Ах, спасибо, да зачтет Бог тебе твое угощение, Мета! - сказал Нурхаджи, вытягивая поудобней ноги, когда убрали поднос.

- Да будет оно тебе впрок, - бархатным голосом заговорила девушка. - Невелико угощение. Жаль, что нет у меня для вас мяса и курдюков.

- Хватит и этого. Об этом чуреке и луке многие мечтают. Пусть не будет в нем недостатка ни у мусульманина, ни у христианина!

Друзья получили приказ от Алибека, чтобы они срочно собрали побольше людей и остановили движение Хасавюртовского отряда в Ичкерию вверх по реке Ямансу.

- Что завтра будем делать? - спросил Нурхаджи, когда ушла Мета.

- Ты с Дадашем пойдешь в Зандак, а я с Оздамиром пойду в Даттах и Зандак-Ара.

- А если люди оттуда не пойдут за нами?

- Они же дали слово, что пойдут.

- Слово-то дали. Слово они и раньше давали. А когда пришел день подниматься, добрая половина аула стала против нас.

- Это было давно. Теперь они стали другими.

Три месяца назад, когда генерал Свистунов ехал из Беноя вниз, а полковник Батьянов - из Кешень-Ауха вверх, здешние аулы неожиданно выступили против Алибека: их состоятельным людям удалось удержать большинство примыкавших к повстанцам, а другую половину населения настроить против Алибека. Возглавлял эту компанию брат находящегося на турецком фронте Хоты Мамаева Гати-хаджи и их близкие родственники.

Косум и Нурхаджи, посланные туда Алибеком, не смогли привлечь эти аулы на свою сторону, но нагнали на них страх, так что приверженцы властей долго не могут поднять головы.

Позже они узнали, что в Чеччельхе людей мутил мулла Хайрулла. Но Хайрулла поспешил заверить их, что он сердцем и мыслями за Алибека.

Алибек тогда освободил его от обязанностей муллы, но не стал больше наказывать. Притихший было с того дня Хайрулла в последнее время стал часто отлучаться из аула неизвестно куда, и возвращался лишь через несколько дней. Косум и Нурхаджи слышали, что он раза два был в Чир-юрте у Хамзата-хаджи, в Гати-юрте, Шали. Однако они не сделали попытку докопаться до целей его похождений.

- Сколько человек берешь с собой? - спросил Косум.

- Но ведь у нас нет людей, чтобы делить на две части. А что, если попросить помощи у Алибека?

- Откуда он даст? А если послать гонцов и собрать в соседних аулах наших людей? Успеем ли? Ночь коротка, что лягушка не успеет прыгнуть.

- Дела будут плохи, если не наберется и ста человек.

- Не боишься ли ты, что люди окажут сопротивление?

- Нет. Увидев с нами мало людей, могут подумать, что наши дела безнадежные.

- У нас наберется больше, чем по сто человек. Здесь у нас сорок человек? Эзархан из Даттаха сказал, что у него полсотни людей готовы. Столько же обещает Шоип из Зандак-Ара и Дауд из Гендергена. Дадут людей Зандак, Симсир и Байтарки.

- В лучшем случае и то не больше пятисот получается.

- Это немалая сила. С таким количеством людей мы возле Майртупа одолели три тысячи солдат, хотя у них было и восемь пушек.

- То было совсем другое.

- Почему?

- Тогда власти осторожничали, не зная наших сил. Теперь знают. Знают и то, что у них в каждом ауле есть большая опора. Да и потрепали нас с тех пор изрядно.

Косум снова махнул рукой. Ему не хотелось заглядывать вглубь, в судьбу.

- Оставим это. Ты все время ноешь. Лучше возьми в руки деревяшку и спой илли о единственном сыне родителей, который погиб, сражаясь с врагами.

Подложив под голову сцепленные руки, Косум приготовился слушать.

- Взяв в руки дечиг-пондур их орехового дерева, Нурхаджи запел низким басом.

...У отца с матерью вырос сын - один-одинешенек. Любили они его, лелеяли, берегли, как зеницу ока. Одевали в лучшее, приобретали ему лучшего коня, лучшее оружие. Раз, когда сверстники ехали в горы веселиться, сыну захотелось поехать с ними. Он обратился с просьбой к отцу с матерью:

Пусти, мать, меня к горам с седыми вершинами, Чтоб утолить грудь холодным родником, Взглянуть, как солнце златое над горами встает, Как плавает в тучах месяц младой, Как лунный свет ложится перед утром.

Пусти меня, отец, в горные леса,

Хочу увидеть, как детеныши ланей средь скал резвятся,

Послушать, как серый олень зазывает самцов,

Как волк голодный вечером воет,

Как лев храбрый утром в лесах рычит.

Но родители не разрешили ему. Они боялись, что единственный сын погибнет в горах. Через некоторое время, когда сверстники собрались в горы охотиться на зверя, сын вновь пришел к отцу с матерью проситься:

Пусти меня, мать, к горам поскитаться,

На зверя, что встал на добычу, поохотиться, Из когтей сокола спасать белого голубя, Из пасти у волка дитя лани высвободить, От жестокости охотников зверей уберечь.

Пусти меня, отец, в горах скитаться,

Слабых зверей уберечь от сильных,

На горных тех склонах цветы поласкать,

Ко всему миру о мире взывая,

Голосом своей песни зло разгонять.

Не захотели отец с матерью пустить сына в горы. Боялись, что упадет с высокой скалы, что его погубит яростная река или задерет кровожадный зверь. "Не разрешаем тебе идти туда", - ответили родители.

Вскоре ужасная весть пришла в горы. Землю родины топтали иноземные враги. Сжигая аулы, угоняя в рабство женщин и детей. Снарядились ехать драться с врагами сверстники из аула. Одевшись в кольчугу, с копьем в одной руке и щитом в другой предстал перед отцом и матерью единственный сын:

Враг напал на мой малый народ,

Кровь потоками льется, аулы горят,

Женщин и детей угоняют в рабство,

Мать-отчизна моя зовет своего сына

Я не прошу сегодня у вас позволенья.

Взглянув на сына, посмотрели друг на друга старые отец с матерью. Мать гордо вскинула свою седую голову. Старый отец покрутил усы и погладил свою седую бороду. Мать поднялась, сняла висевшие на стене бронзовые доспехи, передала их сыну и, погладив иссохшей рукой своей гладкое лицо его, заговорила:

Когда, о сыне мечтая, мы безвременно состарились, Тебя нам дал создатель наш Бог.

Для сна не ложась, не утоляя свой голод и жажду, Взрастила тебя я, оберегая от холода и жары, Душа моя сладостная, старости опора.

Тебя мы просили у Бога на счастье себе, Тебя мы растили для опоры себе.

Но есть у тебя еще роднее нас родители - Родная отчизна и бедный народ.

Отнимать тебя у них нет права у нас.

Потом, подвесив к поясу сына свой меч, заговорил старый отец:

Мала наша родина, бедны наши горы,

Жили мы здесь, не враждуя ни с кем,

И все же не дают нам жить себе мирно,

Враг стремится в рабство нас обратить.

В день такой нет права сидеть в стороне.

Смотри же, с врагами пояростней бейся,

Отплати возмездьем за раны отчизны.

Мать с отцом не вечны, а родина вечна,

Ее честь и свободу стойко ты защищай,

Ты отдай ей свою жизнь, когда потребуется!

Подготовились аульные молодцы к битве с врагами. Все - способные держать в руках оружие, кроме стариков за сто лет и подростков до пятнадцати лет. Тупое наострив, пустое зарядив, имеющий коня - верхом, не имеющий - пешим, так выступили из аула.

Изо дня в день разгораясь сильнее, несколько дней длился бой с врагами. Опустив на лицо сетчатое забрало, размахивая влево и вправо мечом, рубил врагов единственный сын отца и матери. Пред взором его стояли облики седых родителей, их бедная сакля, малые соседские дети. Они призывали его разгромить врага. И тогда еще быстрей, еще яростней метался его булатный меч. Весь в крови был его серый конь. Удары мечей, копий и стрел покривили кольчугу и щит единственного сына. Где он проходил, за ним оставались кучи трупов врагов. Он смело вел вперед храбрых воинов. Видя, что пока он жив, им нет надежды на победу, враги окружили единственного сына старых родителей. Обступив со всех сторон и ударив копьями, градом стрел и мечами, свалили они с коня юношу.

Но смерть молодого вождя не повергла воинов в смятение. Они, наоборот, разъярились пуще прежнего. В тот же миг на поле брани подоспели старики, услышавшие, что их сыновья и внуки устали. Дружным ударом они разбили и выбросили за пределы своей родины жестокого врага.

Сражаясь с врагами, старик печальным взглядом искал своего сына. Выбросив врага из родной страны, возвратился старик на бранное поле. Затмив небо, носилось над полем черное воронье. Окружив поле и лязгая зубами, визжали голодные шакалы. Тихо ступая, заглядывая в лица убитых, старик дошел до самой большой груды убитых врагов. Как мертвый лев, лежащий на муравейнике, так на вражьих трупах, раскинув могучие руки и ноги, устремив застекленные глаза в голубое небо, лежал его сын. Разрывая кольчугу, проникли в его грудь несколько копий.

В шею, в лицо впились стрелы с отравленными острыми наконечниками. В одной руке у него был окровавленный меч, в другой - погнутый вражьими копьями и мечами щит. Он вытащил из груди его копья, с шеи и лица снял стрелы и выпрямил тело сына; так стоящим над трупом застали его подошедшие старые и

молодые воины. У многих погибли сыновья, братья и отцы, но оставшиеся в живых видели только их двоих - убитого своего молодого вождя и оставшегося одиноким его старого отца.

Из чашек глубоко запавших глаз старца непрошено сочились соленые слезы. Они превращались в маленькие ручейки на вспаханном морщинами лице, скользили по усам и застревали в густой бороде. Сквозь завесу слез он видел оставшуюся дома старую мать, которая ждала своего сына. Пал их сын. Пала опора их старости. Погасла последняя искра в их очаге.

Седобородые старики попытались утешить старого отца. "Мы будем тебе вместо него сыновьями", - сказали сверстники сына. Тогда старый отец выпрямил спину и заговорил:

Вы, кентий и старики, меня не судите,

Мой плач не о сыне, геройски погибшем.

Здесь долг свой отчизне весь возвратил он.

И об очаге я не плачу угасшем,

Огнем для других кто-то должен был сгореть.

Другое меня так опечалило нынче...

У нас во дворе, рядом с ветхой саклей,

Ждет старая мать возвращения сына,

Не в силах поведать я то, что случилось,

Средь вас не найдется ль вестника горя?..

Многие вызвались сообщить ей холодную весть. Положив на носилки из копий и прикрыв сверху буркой, осторожно несли они парня и так вошли в аул. Там им встретились женщины, которые шли с деревянными вилами, дубинами и косами, думая, что их отцы, сыновья, мужья и братья погибли. Увидев впереди всех мать погибшего, воины растерялись. Никто не решался передать ей холодную весть. Тогда из толпы воинов вышел поседевший старик с дечиг-пондуром в руках:

Когда в сердцах отрада, ты звенишь весело,

Когда в сердцах горе, ты плачешь печально.

В радости, в горе, мой верный товарищ,

Поведай хоть ты наше горе, печаль...

Заиграл старик на дечиг-пондуре. Тихо двинулись за ним воины. Остановилась старуха, что шла впереди женщин. Она услышала печально звенящие струны пондура. То песней ночной птицы, то песней холодного родника, потом - колыбельной песней матери. Пондур рассказывал, как любовно растила его мать, о великой могучей любви. Потом вдруг звуки струн переменились. Теперь люди слышали смелый крик сокола, львиную ярость и волчий вой. Одновременно слышался звон оружия, бьющего по людям и щитам. Дечиг-пондур рассказывал о подвигах героя, о величии и красоте отчизны, о бессмертии того, кто ради нее принял смерть.

Плакал, причитал, стонал дечиг-пондур, рождая слезы и гордость в материнском сердце...

Плакал пондур, стонал пондур. Плакали, причитали матери. Плакала и старая мать, пока ее горячие слезы не пробили дыры на верхней стороне пондура. Плакали горы, причитали леса по герою, по сыновьям, которые погибли, защищая их. Тогда вдруг остановились слезы матери. Глаза ее в толпе воинов отыскали отца ее сына. Найдя его, заговорила мать сына:

Зачем ты спрятался за спины людей?

Почему ты старой матери слова не скажешь?

Или ты не знаешь, почему я плачу?

Что за горе теснит мою тесную грудь,

Почему не расскажешь, как сын принял смерть? Где со сворой врагов мужчины дрались, Неужели за спины товарищей он прятался?

Ужель девять месяцев в утробе его я зря носила?

Или зря я его своей грудью вскормила?

Иль отец не был мужественным,

Воспитать мужественного сына?

Тогда перед матерью сына предстал весь изрытый ранами народный бяччи.

Девять месяцев в утробе ты героя носила,

Героя ты год своей грудью кормила,

Больше года героя ты в колыбели качала,

А отец его сделал храбрым, как и сам,

Любящим родину, народ свой, свободу.

Твоего сына серый конь, где бой труден, носился,

Твоего сына сабля-меч молнией сверкала,

Его копье и стрелы с ветром спорили,

Твоего сына медный щит барабаном звучал,

Нет врага, что видел спину сына твоего.

Как раненый тигр разъяренный,

Он яростно дрался со сворой врагов,

Геройскими подвигами вел нас вперед,

Раненого, ослабшего от врага он берег,

И родину нашу он освободил от врагов.

Эта речь вождя понемногу выпрямила согбенную, иссохшую спину матери, просияли ее помутневшие глаза. Потом мать подошла к носилкам, приподняла с головы сына бурку и пристально посмотрела в лицо его. Когда тонкие губы ее начали дрожать, она крепко сжала челюсти, стараясь не издать стона. Но, словно

в лихорадке, дрожал тонкий подбородок, из глаз сочились слезы. Она накинула бурку на лицо сына и повернулась к стоящим сзади женщинам:

Кто сказал, что мой сын погиб, и я одинока,

Что на земле родины я напрасно жила?

Седые горы, реки светлые, леса зеленые,

Не плачьте, не причитайте, что умер мой сын,

Да не родит мать того,

Кто за вас на смерть не пойдет!

Пондурист, затяни туже струнку,

Сыграй на пондуре!

Сестры, вы ему песнями вторьте!

Сыновья наши не умерли, не умрут никогда!

Враг разгромлен - и родина свободна!

Пондурист, туже струнку, сыграй на пондуре!

Сестры, вы ему песнями вторьте!

Славя победу, потанцуем-ка мы!...

Закрыв глаза, Косум внимательно слушал илли, будто слышал его впервые. Слова его никогда не ввергали его в столь глубокие думы, как теперь. С самого начала илли перед глазами его стоял образ прикованной к постели больной матери.

Представился ему и отец. Ровно двадцать лет назад привезли его домой, убитого на Качкалинском хребте. На арбе, запряженной буйволами, положив циновку и накрыв старой кошмой. Оттуда выглядывали голые ноги, обутые в засохшие поршни, с огрубевшими пальцами и потрескавшимися ногтями. Ноги покачивались, когда арба вздрагивала на кочках.

В то время Бортиг был в том возрасте, в каком сейчас Косум.

И было двое маленьких детей, как у Косума. Косум и Мети. И тогда у них в хозяйстве не было ничего. Почему их семье досталась такая горькая доля? Аульный староста Амир-хан, мулла Хайрулла и еще несколько человек с жиру бесятся и совсем не трудятся. А все остальные изнывают от нищеты.

Но ко всем этим бедам еще и жена безвременно скончалась. При родах младшего ребенка. Мета заменила детям мать. И замуж не выходит. Хотя и в этом ауле, и в соседних много находилось и находится сватов. "Выйду замуж, когда брат женится, - говорит она, - да и тогда неизвестно, как повернется дело. Может, выйду, если мачеха у детей будет добрая". К тому же и больную мать ей не хочется покидать. Так и отправляет ухажеров и сватов.

Словом, не везет их семье. Ни матери, ни сестре, ни брату. Никому. Ни сами они друг другу, ни им люди не позавидуют. Счастливец Нурхаджи. Еще не женат. Ни отца не имеет, ни матери. Только старший брат один, Оздамир. И больше не о ком беспокоиться. А они оба знают хорошо, что дела их кончены. Они или погибнут, сражаясь, а если останутся живы, тогда нет сомнения, что их вздернут на виселицу: они почти во всех аулах Ичкерии сожгли канцелярии старшин, несколько богачей отправили на тот свет. А их имущество раздали беднякам.

Живыми их ни за что не оставят.

Замерла мелодия Нурхаджи. Вздрогнув напоследок, умолкли струны пондура. А Косум лежал, смотрел в небо и думал.

- Ты что молчишь, Косум? - услышал он голос друга.

Люди плохо знают этого Нурхаджи. Знают, правда, как сильного, выносливого человека. На всех соревнованиях по борьбе в Ичкерии он всегда побеждает. Только поэтому люди гордятся им. Но не знают его, как человека. Считают не очень далеким по уму. И удивляются Алибеку, который приблизил его к себе. А у этого огромного, как нарт , но неуклюжего человека глубокий, как море ум и твердая воля. И сердце его полно доброты. За это его любит Косум.

- Да я об илли думаю. Какой он прекрасный! Старые родители отдают родине единственного сына!

Собака, лежавшая у калитки, яростно залаяла и вдруг притихла.

В темноте показались трое мужчин, входивших во двор. Когда подошли ближе, они узнали Оздамира и Дадаша.

- Что-нибудь случилось, Дадаш? - спросили они оба одновременно.

- Да нет. Вот поймали эту свинью, - толкнули они вперед третьего.

- Кого?

- Тохтарху. Племянника Хайруллы.

- За что?

- В Ножай-юрт направлялся к пурстопу. Вот с этим письмом. - Дадаш протянул письмо Косуму.

Повертев в руках письмо, Косум беспомощно посмотрел на Нурхаджи. Тот тоже пожал плечами. Никто из них не умел читать.

- Что тут написано? - спросил Косум Тохтархана.

- Не знаю.

- Зачем тебя послали к пурстопу?

- Я не к пурстопу шел.

- Куда же?

- К своим родственникам.

- Зачем ночью идти?

- Чтобы утром быть дома.

- Кому ты нес это письмо?

Тохтархан молчал.

- Так ты не знаешь, что тут написано?

- Не знаю.

- Устно ничего не велели передать?

- Нет, ничего.

- Зачем ты врешь, сука! - двинулся на него Оздамир. - Разве тебя не затем послали, чтобы ты передал, что Косум и Нурхаджи дома и чтобы прислали солдат для их ареста?

- Нет.

- Ой, но нам же рассказывал тот, кто слышал ваш разговор с твоим дядей?

Тохтархан молчал. Тогда поднялся Нурхаджи.

- Так не будешь говорить? - спросил он Тохтархана, подойдя к нему вплотную.

- Я ничего не знаю.

- Что ж, хорошо. Мы поднимемся на гору и там поговорим. Дадаш, веди его. - Нурхаджи чуть поотстал и заговорил с Косумом: - Иди, быстро поймай и посади куда-нибудь Хайруллу. И не дай никому знать, что его племянник в наших руках.

Тохтархану, которого вели по улочкам, захотелось было позвать на помощь. Но его заставил замолчать шедший сзади Дадаш, приставив два ствола пистолета к спине между лопатками. А Тохтархан не сомневался в том, что стоит ему заговорить или сделать шаг в сторону, как Дадаш разрядит в него оба ствола. Ему же не привыкать к этому ремеслу. Еще страшнее был шедший впереди Нурхаджи. Ему и оружия не надо. Его кулак размозжит голову.

Когда миновали крайний дом аула, Тохтархану показалось, что душа его остается там. Что же они собираются с ним делать? Пугают или хотят убить? Неужели и вправду кто-то подслушал его разговор с дядей? Похоже, что и подслушали и донесли. Не будь так, его бы стали ловить, устроив засаду на пути. Отпираться - бессмысленно. Убьют. В том нет сомнения. Будь этот дядя хоть человеком, тогда было бы не трудно и умереть за него. А он просто-напросто свинья. Скуп так, что дальше некуда. Жаден до того, что не насытится, даже если весь белый свет проглотит. Тохтархан-то знает его тайные связи с пурстопом, свитые им через бильтоевцев Шахбулата и Умалхата. Гати-хаджи и Амирхан сговорились убить Косума и Нурхаджи. Несколько раз устроил на них засаду. Ведь он, Тохтархан, от пурстопа дважды носил деньги Хайрулле. Знает он, зачем тот ездил в Чир-юрт, Гати-юрт и Шали. Все знает. Но об этом нельзя говорить. Хоть и свинья, но все же дядя.

Тохтархан решил не говорить ни слова. Но решение это начинало тут же колебаться. Что хорошего сделал дядя для Тохтархана?

У него много земли и скота. Хороший, большой дом и деньги. А Тохтархан - такой же, как многие, бедняк. У него нет ни земли, ни скота. Штаны из грубого сукна натерли ему бока, словно наждаком. А дядя ни разу мерки кукурузы не дал, хотя знает, что в семье племянника нет ни зернышка...

И снова меняются его мысли. Ведь Хайрулла ему все-таки дядя, брат его отца. К тому же и мулла. Но хоть мулла он, а все же человек коварный, трусливый... Они остановились наверху в лесу. Очнувшись от своих раздумий, Тохтархан огляделся по сторонам. Ничего не видно. Густой, старый лес. Темень такая, что сунь в глаз палец - не увидишь. Глянешь вверх - даже звезд в небе не видно.

- Выкладывай, - услышал он спокойный голос Нурхаджи.

- То, что я расскажу, вы и без того знаете. Больше я ничего не могу вам рассказать.

- Тебя Хайрулла послал за солдатами, чтобы нас арестовали?

- Да.

- До этого он делал что-нибудь подобное?

- Не знаю.

Нурхаджи положил на плечо Тохтархана свою тяжелую, как кувалду, руку.

- Не будешь говорить?

- Мне нечего рассказывать. Я такой же несчастный, как и вы. Разве мог я не пойти, куда посылает дядя?

- Ой, но если он прикажет прыгать, ты прыгнешь в пропасть?

- А разве ты не послушался бы... своего дядю?

- Послушался б, если бы это не повредило другим. Но предательское, преступное дело я бы не сделал, хоть бы он даже разорвался на три части. Ведь твой дядя Хайрулла на стороне властей, которые мучают тебя, меня, таких же, как мы, несчастных. Он же народу враг. Если бы сегодня мы не поймали тебя, завтра утром нас бы с Косумом поймали и увели. Не только увели бы, но и повесили. По чьей вине? По твоей. Теперь ты в наших руках. На нас не падет кровь, если мы убьем и твоего дядю, пославшего тебя сдать нас властям, и тебя, исполняющего его подлые замысли. Мы убьем тебя так, что никто не узнает.

У тебя тогда останутся дома старая мать, четверо маленьких детей и жена. Ради чего ты собираешься умереть?

В голове Тохтархана вертится целый клубок мыслей. Смерти-то он не боится. Тохтархан не из трусливых. Но ведь если умирать, то надо ради какой-то цели. Как вот эти двое. У дяди его, Хайруллы, тоже есть какая-то цель. Охранять свое богатство, нажить его еще больше. А эти борются за свою свободу, за справедливость. Тохтархан же, как ни напрягает свой ум, не знает, зачем он сам встал на этот путь. Если он умрет, спасая дядю, будет ли тот кормить его семью? Это совершенно исключено. Но и дядю нельзя предавать ради себя. Ведь отец и его брат - почти одно и то же.

- Мне нечего рассказывать, - сказал он тихо.

Нурхаджи грубо оттолкнул его.

- Прочь отсюда, трус! Не хочу марать руки, убив тебя, курицу. Да будешь ты проклят людьми и Богом!

Оставив на месте Тохтархана, Нурхаджи и Дадаш зашагали по лесу. Но не успели они пройти и двадцати шагов, как Тохтархан опомнился.

- Нурхаджи! Дадаш! - закричал он. - Постойте!

Тохтархан рассказал все, что знал...

ГЛАВА XII

МУХАДЖИРЫ

Но что могло заставить их

Покинуть прах отцов своих.

И добровольное изгнанье

Искать среди пустынь чужих?

В результате нескольких поражений русских войск на Закавказском фронте месяц тому назад, в области вновь распространились слухи, что русские войска отступают повсюду, бегут в Россию сушей и морем, что, заняв Тифлис, Гази-Магома идет в Дагестан, а Кундухов подходит к Владикавказу.

Взбудораженный этими слухами, Дагестан, наконец, восстал. Его пограничные с Чечней районы - Салатавия и Андия присоединились к чеченцам в первый же день восстания в Ичкерии. Теперь восстание прокатилось по горам до Южного Дагестана. Генерал-адъютант князь Меликов был в растерянности. Вчера и сегодня Свистунову от него поступило несколько телеграмм. Он просил срочно вернуть в Дагестан действующий в Чечне отряд князя Накашидзе и прислать на помощь часть войск Терской области.

Эти известия заставили Свистунова отложить все остальные дела и заторопиться в Ведено.

Хоть дела в Ичкерии не были еще завершены, пришлось отправить в Дагестан действующий в Чечне отряд князя Накашидзе. Нет сомнения, что если восстание в Дагестане не будет подавлено за несколько дней, то восстанет вся Чечня. Оба дела взаимосвязаны. Но с Накашидзе уходит большая сила. Около пяти тысяч человек пехоты и конницы. Особенно жаль, что уходит дагестанская милиция. Это было верное средство для разжигания вражды между двумя народами.

Свистунов отдал вчера приказ посадить на коней казаков третьей очереди. Уже вышли в путь сотни из станиц Сунженской, Ассиновской, Нестеровской, Слепцовской и Троицкой.

Командующий недоволен тактикой своего помощника генерала Смекалова. Он дважды давал повстанцам возможность нанести чувствительный удар своему отряду. Сперва он со всем отрядом пошел на Беной, потом на Басе. Потом, как упрямый кабан, поперся в покрытые листвой густые леса. Там нечего делать нескольким тысячам пехотинцев, кавалеристам да еще артиллерии.

А маленькие шайки Алибека хватали и кусали его, словно волк, спереди, сзади, с боков. Оба раза с большими потерями отходил в Ведено, измотав солдат. В шайке Алибека нет и тысячи человек. Против него должно бы хватить двух батальонов и трех сотен. А Смекалов бродит по лесам с несколькими тысячами человек.

Свистунов застал отряд, возвратившийся вчера с Басса в Ведено, отдыхающим. Отряд Накашидзе уже ушел в Дагестан. Смекалов был удручен своей неудачей. Умма до самого Ведено преследовал возвращающийся с Басса отряд.

Александр Павлович отдохнул после обеда и сделал смотр отряду. Воины были спокойны, хотя прошедшие три дня их трепали изрядно. Потом пошел в лазарет и навестил князя Шервашидзе. Прежний стальной цвет покинул лицо князя. Нос заострился. Пожелтевшие, словно неживые, руки лежали вдоль тела.

- Теперь ему лучше, - сказал врач Шимановский. - Пульс неплохой, и дыхание хорошее. Но лежать придется долго.

Возвращаясь в штаб, Александр Павлович увидел за воротами крепости человек сто столпившихся солдат и милиционеров, которые торговали награбленным. Такие базары устраивали после каждого возвращения отряда с экспедиции в аулы.

Когда вернулись в кабинет Смекалова, Свистунов не удержался, чтобы не высказать ему своего недовольства.

- Вас сам Бог спас от позора, Алексей Михайлович, - начал он, расстегивая пуговицы мундира.

- Я вас не понимаю, Александр Павлович...

Свистунов подошел и положил руку на плечо Смекалову.

- Я же предупреждал вас, что против вас стоит не регулярная армия, а чеченцы, непревзойденные мастера партизанских войн в лесных и горных условиях. А вы, тем не менее, с несколькими тысячами пехотинцами, кавалерией, артиллерией, словом, со всем отрядом влезли в самую гущу осиных гнезд! Потому и возвратились, изрядно потрудившись и понеся большие потери.

А Алибек и Умма и сейчас спокойно разгуливают по лесам.

Александр Павлович подошел к столу, налил из графина в стакан воды и отпил. Потом вытер платком губы и повернулся к Смекалову:

- Все это время у вас не было связи со мной, Алексей Михайлович. Это же война. Здесь, и в Анатолии, и на Балканах. Не вам объяснять, какое важное место сегодня занимает Чечня. Ведь ежедневно, в любой час главный штаб требует от меня сведений. Командующий должен знать ежечасные изменения на театре военных действий. Без этого он не может руководить боевыми операциями. А я все эти дни был в положении слепого.

Свистунов тяжело опустился в кресло. Хоть он говорил мягко, но по его побагровевшему лицу и белым пятнам на нем Смекалов понял, что командующий раздражен не на шутку.

Вошедший Афанасьев сообщил, что еда готова. Вскоре на стол поставили куриный бульон в чашечках, хорошо зажаренный шашлык из мяса молодой барашки, разные фрукты, холодную дыню и выпивку.

Отодвинув опустевшую чашечку, Свистунов взял шампур с шашлыком.

- Вчера я произвел некоторые перемены в Чечне, - сказал он, отправляя в рот оторванный от шампура кусочек горячего мяса.

- Равнинные отряды выходят из-под вашего подчинения.

Алексей Михайлович задержал поднесенную ко рту ложку и положил на тарелку.

- Это означает, что я не справился с обязанностями, Александр Павлович?

- Зачем обижаться, друг? Обстановка требовала. Отсюда трудно руководить всеми отрядами. Нарочным туда и обратно надо скакать три-четыре дня. А это много. Отряды из Шали, Воздвиженской и Умхан-юрта и руководство в Большой Чечне передается князю Эристову. Все аулы в низовьях Аксая, включая и Аллерой, переходят под руководство Батьянова. Ему легче будет держать их в поле зрения из Хасав-юрта. Создаются еще два отдельных отряда: во главе с полковником Лохвицким - в Чеберлое и подполковником Шахназаровым - в Зазергане. Они будут постоянно поддерживать с вами связь, однако, учитывая, что поддерживать ее трудно, им всем даны инструкции о самостоятельном действии. Таковы вот дела. Ну, Алексей Михайлович, за ваши успехи!

Тонкое стекло издало звон. Оба с хрустом откусили по яблоку.

Вечером Свистунов собрал военный совет. В Ведено прибыли Лохвицкий, Ломноский, Шахназаров, Авалов и Верховский. Александр Павлович рассказал вкратце об обстановке на обоих русско-турецких фронтах. Потом остановился на внешних отношениях России.

- Время наших неудач в Малой Азии закончилось. Войска наши наступают на всех фронтах, но победа еще далека. Узнав, что Турция близка к поражению, в дело ввязалась Англия. Она высаживает десанты на Мальту. Стянула свой флот к Безикскому заливу. Если мы займем Константинополь, она грозится начать с нами войну. Австрия тоже заявила, что будет помогать Англии. Не лучше и внутренняя обстановка империи. Во всех крупных городах рабочие выступают против властей. Налицо революционная зараза. Появилось несколько тайных антиправительственных организаций. В нескольких губерниях начались крестьянские волнения. Сегодня во внешних и внутренних делах России большое место занимает Чечня. Во-первых, Чечня, находящаяся на единственном пути по суше, который соединяет закавказский фронт с Россией, может остановить в любой момент военную коммуникацию. Во-вторых, любая смута против нас на Кавказе всегда начинается в Чечне и отсюда распространяется на другие области. То же случилось и ныне. Восстание передвинулось в Дагестан. Куда упадут искры оттуда, пока неизвестно.

Свистунов, который медленным шагом расхаживал по комнате, заложив руки за спину, остановился у стола и взял сигарету из пачки, лежавшей перед Смекаловым. Подскочивший тут же Авалов поднес ему зажженную спичку.

- Но восстание в Дагестане не столь опасно, - сказал Свистунов, выпуская клубы дыма. - Если чеченцы представляют собой единый и многочисленный народ, обладающий природными и экономическими условиями для борьбы, то этого в Дагестане нет. Более пятидесяти его мелких народностей, имеющих свои языки, нравы и обычаи, не объединятся в целое, а если и объединятся, их нетрудно будет разрознить. Если отрезать Дагестан от Чечни, восстание там не продержится и месяц. Им ничего не останется есть, кроме камней в горах. Кроме того, если во главе чеченского восстания стоят непримиримые к нам плебеи, то в Дагестане восстание в руках отпрысков ханов, беков и духовенства. С ними нам будет легче договориться. С чеченцами надо покончить в ближайшее время. Я приехал сюда для того, чтобы посоветоваться с вами и составить общий план. Прежде всего, я бы хотел узнать изменения, происшедшие в последние два-три дня. Господин Авалов, как продвигается переселение беноевцев?

Авалов встал.

- Переселение беноевцев, ваше превосходительство, продвигается медленно, - начал он. - Для их переселения туда собраны подводы всех соседних аулов. Дело тормозят непрестанно льющие там в последние дни дожди. И без того плохие дороги вообще стали непроходимыми. Некоторые жители садятся на подводы и, прождав остальных, снова расходятся по домам. Мне кажется, они ищут причину, чтобы вернуться в леса. Говорят, что готовы выполнить волю не только начальников области и округа, но даже пристава, и тут же заявляют, что они не сделают и шагу под конвоем солдат, выслушивая их насмешки.

- А вы верите, что, если убрать оттуда солдат, они сами добровольно переселятся?

- Верю, - кивнул Авалов. - Им не хочется слыть насильно высланными под солдатским конвоем. Одним словом, честолюбие. На мой взгляд, если мы попытаемся вести их под охраной солдат, дело может принять неприятный оборот. Кроме того, их еще удерживает неизвестность, какая участь ждет их впереди. Они просят твердого слова. Знают, что зандаковцев, отправленных в кумыкские села Хасавюртовского округа, там не приняли.

Недовольный положением дел, Свистунов посмотрел на Смекалова. Но, вспомнив,

какую отповедь ему сегодня тот сделал, предпочел промолчать.

- Разве вам не были даны конкретные указания? - повернулся Александр Павлович к Авалову. - Сообщите им, что переселенцы будут приняты в любом равнинном ауле. Потом в свободной обстановке выясним, кто там останется, а кого отправлять в Россию. Передайте им также, что если на этой неделе они не уйдут из Беноя, все их имущество, вплоть до ложек, будет уничтожено, а самих их препроводят под охраной войск. Где находится Алибек сегодня?

- В симсирских лесах.

- Сколько с ним человек?

- Около ста.

- Как настроено население?

- Присматриваются. Ни нашу сторону не принимают, ни к Алибеку не переходят.

Подполковник Лохвицкий коротко доложил.

- В Чеберлое тихо с тех пор, как оттуда ушел Умма. Залмаев Дада только временами докучает. Но опасного ничего нет.

Свистунов выслушал всех и перешел к задачам, которые стоят перед отрядом.

- Сегодня восстание сосредоточено на Бассе, господа. Вместо Алибека на передний план вышел Умма. Сейчас главное - отрезать бассоевские аулы от Ичкерии, Чеберлоя и Дагестана, чтобы с Басса ни один человек не выбрался. Возложите рубку леса и поставку отряду провизии, фуража и транспорта на население. Будет полезно создать команды по розыску в лесах и доставке скрывшихся мятежников и их семей, и травить их, как зайцев. Команды надо создать из добровольцев, из самых смелых казаков, чеченцев, ингушей и осетин. Объявите награду двадцать пять рублей за поимку или убийство каждого мятежника, или задержания семьи мятежника. Уничтожение аулов, хлебов и отправка задержанных в центральные губернии - это наша главная программа. Однако вначале нам придется несколько отклониться от нее. Главное - вытащить их из леса. Карать мы еще успеем. Но нельзя оставлять их в родных аулах. Наказание для бассовцев должно быть самым суровым. Ведите дело к этому. Если они скажут, что сдаются и повинуются, будьте мягче. Сдавшихся уберите оттуда, переселите поближе к равнине, после выясним, что делать.

В поисках Алибека Овхад прибыл в симсирские леса. Здесь он, узнав, что Алибек поехал проведать семью в один из беноевских хуторов, в Булгат-Ирзу, последовал туда за ним.

Этот маленький аул лежал в густом лесу на восточном склоне Терга-Дук, там, где хребет сходился с горой Ишхой-Лам. С горы, как на ладони, видны зандаковские аулы и хутора, рассыпавшиеся среди лесов и холмов к северу. К югу был виден Лема-Арц, прилепившийся, словно ласточкино гнездо, к подножью горы. Чуть ниже, на берегу Аксая, на ровном месте раскинулся аул Беной-Ведено.

Там, в Булгат-Ирзу и Лема-Арц у родственников скрывались родители, семья Алибека и семьи его братьев.

После выполнения поручения Уммы Овхаду недолго пришлось задерживаться здесь. Утром Кайсар отвел его в сторону и сообщил, что, когда в последний раз отряд карателей пришел в Гати-юрт, Асхада убили.

- Да будет милостив к нему Бог. Дороже брата на свете нет ничего. Но смерть не спрашивает нас. Сколько уносит она любимых, дорогих нам.

До Овхада долетели слова соболезнования, словно откуда-то издалека. Тело его

покрылось потом, ослабло и дрожало. Не в силах стоять на месте, он переминался с ноги на ногу. В груди его вдруг забушевало пламя. Ему казалось, что язык его, в мгновенно высохшем рту, одеревенел.

Не задерживаясь больше, он оседлал коня и покинул Булгат-Ирзу. Дождь, не переставая ливший всю ночь, превратил землю в жидкое месиво. По оврагам и ущельям полз серый туман. Внизу по обе стороны от хутора сквозь туман, как из-под земли, доносились из хуторов лай собак, мычание и блеянье животных и кукареканье петухов. Овхад отпустил поводья и конь его шел впереди ровным шагом. Хоть дождь прекратился давно, с ветвей, нависших над дорогой, падали капли, прибавляя сердцу тоску. Иногда капля попадала Овхаду за ворот и скользила вниз между лопаток. Но он не видел и не чувствовал ничего. Любое новое горе, посетив человека, открывает в его сердце старые, давно зажитые раны. Цепляясь один за другим, волоча друг друга, клубком проносятся в памяти дни жизни. Последние боли будят предшествующие и так уводят в детство. Вспоминается то, что давным-давно позабыто. Взору предстают образы родных и любимых, связанные с ними случаи, события, сказанное, услышанное, все, все. Овхаду вспомнилось их детство. Как он бежал за братьями играть. Как они оберегали его от воды, дождя, метели и холода. Как брали на спину, на руки, когда он уставал. Представился ему Асхад из того далекого детства. Был он груб и неприветлив, но всегда заботился об Овхаде. Овхад и не заметил, как брат вырос, как переменился его характер. Учась во Владикавказе, Овхад нечасто виделся с братом. Он всегда был весь погружен в учебу.

Но вернувшись оттуда домой, понял, что Асхад - не прежний брат. Детская его неприветливость и грубость превратились в жестокость и жадность. Жадность превратила сердце Асхада в камень. Эта жадность убила в нем любовь к братьям, это она заставила его несколько месяцев назад ударить Овхада.

Теперь Асхада нет. Как бы он не относился при жизни к нему, по лицу Овхада обильно текут слезы. Он старается пересилить давящие горло спазмы. Ведь Асхад был братом Овхада. Одной с ним крови, из одной с ним материнской утробы. Хоть между ними не могло быть мира, все равно у Овхада ноет сердце, по прежнему брату, по брату из детства.

Спустившись вниз через Гендергеной и Хочи-Ара и перейдя под Ножай-юртом Ямансу, Овхад наткнулся на длинный ряд арб, запряженных волами и буйволами. Спереди и сзади от арб в два ряда ехала конная охрана. На арбах были старые постельные принадлежности, мешки с мукой и кукурузой, медные котлы, кудалы, посуда. На них сверху сидели полунагие дети, согбенные старики, женщины. За подводами и рядом шли женщины с грудными детьми и подростками. Закатанные штаны и оголенные икры последних были забрызганы грязью. Колеса подвод были облеплены густой глиной. Высунув языки, роняли слюну усталые быки и буйволы. Продрогшие после утреннего дождя, дети кутались в мокрые одеяла и кошмы.

Овхад не стал спрашивать у людей, куда они держат путь. Напрасно было спрашивать. Они и сами не знали, что с ними будет и куда ведут. Это были мухаджиры, которых переселяли куда-то из сожженного Беноя.

Миновав сожженный Бетти-мохк и спустившись по правому берегу Аксая, Овхад остановился напротив Гати-юрта, лежавшего на противоположном берегу.

Взглянув в ту сторону, он увидел сожженные дома в Мескетах и Гати-юрте. Редкий дом остался нетронутым. Среди таких были дома отца Овхада и подобных ему.

Овхад еще издали видит в своем дворе тезет. По мере приближения все больше скребут сердце крики женщин на крыльце и за калиткой. Тезет устроили ближе к улице, в саду, под ореховыми деревьями. Одна сторона оставлена свободной, чтобы люди могли подходить свободно: на бревнах, положенных в форме четырехугольника, сидят седые старики.

В стороне стоит молодежь. По левую сторону с краю стоят в ряд Хорта, его

родственники, дядя покойного по матери. Шея толстого круглого Хорты заметно втянулась в плечи. И глаза не блестят, как прежде, жадно и безжалостно. В них видны черные тучи. Края глаз сморщились.

Овхад не знает, как примет его отец. Не глядя на него, он выходит на середину тезета. Первым Товсолта-хаджи, а за ним все остальные воздевают руки в молитве.

От имени стариков Товсолта-хаджи выражает Овхаду соболезнование. А когда он отходит в сторону, к нему подходят и молодые.

- Да будет Бог к нему милостив, Овхад.

- Да примет его Бог в свое лоно...

- Все должны испытать эту горечь...

- Да дарует тебе Бог силу воли и терпения...

Овхад еле слышно отвечает каждому. К горлу подступает ком, глаза учащенно мигают. Снова всплывает в памяти детство. Его угнетает то, что у них с братом разошлись дороги. Что брат пошел по дурному пути, что Асхад безжалостно убил братскую любовь.

Овхад бросает взгляд на отца. Тот на него смотрит. Чеченцы считают непростительной слабостью, когда в такой момент, при людях отец заговаривает с детьми. Если бы он только по этой причине не смотрел в его сторону, это бы еще ничего. Овхад знает, что в сердце отца глубокая обида к нему. Уж сегодня бы ему впору и раскаяться. Сегодня бы надо простить сына. Ведь неизвестно еще, вернется ли Асхаб с турецкого фронта. А дела Овхада еще менее надежны. Неужели отец не знает, что он близок к тому, чтобы лишиться всех сыновей? Или ему достаточно иметь богатство и власть? Но Овхад не раскаивается, что встал на этот путь. Просто ему обидно, что отец и братья пошли против народа.

Овхад, подождав, пока люди закончат соболезнования, пошел во двор. Вот уже пять месяцев, как не ступала его нога в этот двор, как не видел мать. Бедная нана. Она долго упрашивала Овхада не идти против воли отца и брата. Ведь мать из трех сыновей особенно сильно любила его. Но Овхада звала другая мать. Мать матерей. Придавленная горем старая мать - родина.

При виде Овхада у женщин вырываются крики плача. Бросившаяся с криком навстречу ему сестра Ровзан, не добежав до брата, падает в обморок. С одной стороны доносится тихий плач матери, разрывающий его сердце. Подошедшие женщины холодной водой приводят Ровзан в чувство.

- Вай, пусть умрет рожденная матерью твоей, Овха-а-ад... - причитает она.

Вечером, когда посторонние люди разошлись по своим делам, Овхад остался наедине с отцом. Хорта, закончив ночной намаз, сидел, втянув под себя ноги. Только-только ушел Товсолта-хаджи, приходивший читать ясин. В соседней комнате слышались приглушенные голоса собравшихся женщин. Монотонно качался маятник висящих на стене часов, погоняя время. Слабый свет лампы, стоящей на стенном выступе, усиливал печаль. Хорта перебирал четки, не поднимая головы, устремив взгляд в пол.

Долго простояв, Овхад сел недалеко от двери на табуретку.

Хорта перестал перебирать четки.

- Ты почему вернулся домой?

Овхад не ответил. Как не возвращаться домой, если умер брат?

- Разве ты не ушел насовсем, отказавшись от нас?

- Не я был виновен.

- Так кто же?

- Ты же сам знаешь.

- Конечно, знаю. Прочь с моих глаз! Ты убил своего брата, пристав к этим нищим. Ступай к сыну Мачига Кори и сыну Васала Юсупу. Ты же их выбрал себе братьями. Ты же не мужчина, чтобы отомстить за своего брата. Я бы тебя своей рукой убил, если бы не боялся людского укора.

- В чем вина Мачига, Васала и их детей?

- А ты не знаешь, трусливая ворона? Не они ли вдвоем убили твоего брата?

- Убили, когда он и ты вместе с солдатами пришли жечь их дома.

- Замолчи, кута! - приподнявшись на коленях, закричал Хорта, брызгая слюной между толстыми губами. - Кто на мое богатство точил зубы? Кто хотел бы убить меня, если бы удалось?

- Люди не тронули твоего богатства и тебя самого не убили. Твой дом и богатство в целости...

- Подождите, суки! - кричал Хорта. - Погодите! Если не отомщу вам, я повяжу себе платок твоей матери. Тебя я не своими руками убью, но сделаю это с помощью власти. А теперь уйди с моих глаз. Чтобы ноги твоей не было больше в этом доме! Я тебе не отец и ты мне не сын!

Овхад вышел. Проведя эту ночь у матери, он поднялся на рассвете и пошел на кладбище. Среди нескольких свежих холмов он увидел один, широкий и высокий. Это была общая могила Мачига и Васала. Двух друзей не одной крови, не одной национальности, не одной веры. Их, родившихся в разных уголках земли, общая судьба свела вместе и уложила в одну могилу. Но надгробного памятника у них нет. У изголовья обструганный, очищенный дубовый столбик. Кто-то ножом арабской вязью вырезал их имена: "Васал ибн Лапа и Мачиг ибн Мантак. 1297".

Долго простояв здесь, Овхад подошел к могиле брата. У него над головой поставлен каменный памятник. Уже и холмик отделали. Рядом, ближе к голове, стоит низкая табуретка. Видимо, каждый день сюда приходит мулла читать ясин. Овхад наклонился и погладил рукой холм. Больше он не увидит брата и врага.

Овхад направился вниз между могилами. Вокруг - беспорядочно разбросанные холмы. Новые, заросшие и уже сравнивающиеся с землей. У изголовий - и красивые, и большие памятники, и нетесаные камни, и дубовые столбики. Есть и холмы без памятников. В изголовьях доброй половины могил длинные шесты-холламы. Здесь тоже видно, как жил на свете человек. Могила богатого заметна. Как у Асхада. Смерть тоже разделила богатых и бедных. У Васала и Мачига, живших в нужде, всегда боровшихся против несправедливости, за свободу и погибших в этой борьбе, нет памятника. А могилу Асхада, который был против народа, шел нечестной дорогой, украшает красиво отделанный высокий каменный памятник.

Овхад подумал о себе. Где же будет его могила? Или он исчезнет, не оставив даже холма?

Выйдя за кладбищенскую ограду, на дороге в гору он встретил поднимавшуюся вверх Деши с переметной сумой на плечах. Некоторое время они стояли в растерянности.

- Что ты так рано, Деши? - спросил он наконец.

- Иду на гору, Овхад. А ты с кладбища?

- Да.

- Горе у тебя случилось, Овхад. Если б наша воля, мы бы не допустили этого. Да будет Бог к нему милосерден.

- Да будешь и ты в милости у Бога. Как ваши дела, Деши?

- Да никак, Овхад. Ни дома, ни очага. Остались под открытым небом.

- Как рана Булата?

- Он уже поправляется.

- Передай ему от меня привет. Скажи, что я был у Алибека. Не отчаивайся, Деши. Скоро все определится.

Глаза Деши повлажнели, заморгали, мигая длинными черными ресницами. Она промолчала. И можно было ничего не говорить. Оба знали, как все определится. Поправив на плече суму и попрощавшись с Овхадом, Деши двинулась дальше. Овхаду, посмотрев ей вслед, показалось , что талия ее расширилась. "Она же беременна", - сказал он про себя. Овхад, с одной стороны, обрадовался, что она в этом положении. Он очень уважал Булата за его благородство и храбрость. Теперь и у одинокого Булата будет ребенок - потомок. Потом ему стало жаль себя. Все у Овхада нарушилось, из-за богатства его отца и бедности отца Деши. Но ведь у Овхада нет никакого богатства. И родителей, и братьев нет, как у других. Одинок, как перст. У Дады Умаева хоть возлюбленная есть. У Овхада нет и этого...

Алибек сидит, закутавшись в тулуп, у окна в маленьком, низеньком доме с земляной крышей. На подоконнике стоит прислоненный к раме небольшой обломок зеркала. Тут же лежат большие почерневшие ножницы. Только что закончил он хлопоты с подстрижкой заросшей бороды и приведением в порядок усов. Он берет обломок зеркала, внимательно всматривается в него, едва заметно улыбается и качает головой. Не прежний. В бороде и усах появились седые волосы. Стального цвета лицо, словно выварено. Вокруг рта и глаз расползлась паутина морщин. Заострился нос...

Вот уже неделя, как Алибек лежит больной. То ли он где-то простудился, то ли дало себя знать то, что он эти шесть месяцев носился сутками, не зная ни сна, ни отдыха. Неделю назад, когда он приезжал в Булгат-Ирзу повидаться с семьей, вдруг болезнь сковала его. Две-три ночи метался Алибек в постели, охваченный жаром. Тело болело, словно его избили дубинкой. Пил много воды, не чувствуя вкуса. Не выносил даже упоминания о еде.

Со вчерашнего дня он стал оживать. Зезагаз напоила его куриным бульоном. Сегодня немного поел. Теперь он надеялся, что через два-три дня сможет подняться.

На улице лил дождь, косо заливая единственное стекло в окне.

С тех самых пор, как слег Алибек, ненастье разыгралось вовсю. Дождь то льет сплошными прутьями, то долго моросит. Солнце на мгновение появится в расщелине черных туч и тут же ненадолго скроется. А туман лежит сплошной, заполнив ущелья и долину.

- Постарайся перекусить, - просит Зезагаз. - Я сделала галушки к вяленому мясу.

- Не хочу. Чуть погодя, выпью бульон.

Зезагаз оставляет его в покое. Алибек смотрит в окно. Листва с абрикосов во дворе начала опадать. Леса тоже меняют свой зеленый наряд. Теперь они обрели к зеленому цвету красную и желтую окраску. Скоро станут совсем голыми. Эти зеленые густые леса до сих пор были надежным приютом для повстанцев. Опадет листва - и прятаться им будет негде. И зима надвигается волком. Холода их

припрут. Генерал хорошо это понимает. Потом еще больше станут теснить царские войска.

Рядом с Алибеком занята своей работой Сахабу. Она старается сделать куклу, наворачивая на палочку лоскутья. Но кукла не получается. Рядом стоит маленькая "люлька" со всей своей оснасткой. В углу размещены "постельные принадлежности" и осколки глиняной посуды.

Алибек-то лежит больной. Но будь он даже здоров, все равно ничего не смог бы изменить. Его с сотней человек тоже заперли здесь. Можно бы уйти в родные леса, но дальше не двинешься.

И на помощь Умме на Басе тоже невозможно пробраться. Между ними стоят по меньшей мере тысяч десять солдат.

Алибек задумался. Столько трудились и все напрасно. Сколько аулов сожжено, сколько людей осталось без крова, сколько погибло! А то, что сделает власть, когда восстание будет полностью разгромлено, это еще впереди.

- Дада! - слышит он голос дочери.

Алибек оборачивается к девочке. Тоже превратилась в призрак.

Тонкие, как спицы, руки, тоненький носик, растопыренные уши.

Похожие на материнские, карие глаза смотрят на отца.

- Когда мы поедем домой?

- Скоро. А ты что, скучаешь?

- Да. Даду и бабу хочу видеть. И здесь нет детей, чтобы играть.

- Скоро поедем. Дай-ка, я сделаю тебе куклу.

Размотав сделанную девочкой куклу, подправив ножом две палочки, сложив их крест-накрест - одну для туловища, а другую для рук, Алибек из белого лоскутика смотал голову. Потом он надел на куклу платьице и нарисовал чернилами на лице глаза, рот и нос. Девочка взяла куклу из рук отца и внимательно осмотрела. Глазенки радостно заулыбались. Она положила ее в люльку и стала перетягивать ее лоскутами.

"Хоть бы мальчик один был", - уже в который раз подумал Алибек. Его иногда мучило, что умрет без наследника. Но через минуту мысли его понеслись в другую сторону. Вспомнился последний разговор с матерью, когда он перед болезнью ездил к родителям в Лема-Арц. И без того малорослая мать их, тоскуя по сыновьям, согнулась в дугу. Когда Алибек выходил, чтобы ехать, она вдруг бросилась ему на грудь и зарыдала.

Голос матери все время звучит в ушах Алибека. Непрестанно горят руки, на которые падали горячие слезы. Алибек хорошо знает, что близки последние часы судьбы. Завтра, послезавтра... Однако Алибек не раскаивается. И не боится нисколько. Кому-то надо гореть, чтобы дать свет другим. И борьбу нельзя прекращать, если не хочешь жить рабом.

Зезагаз занята стиркой одежды Алибека в большой деревянной ванне. От вскипяченной и теперь положенной в ванну одежды валит густой пар. Челку, вывалившуюся из-под платка, пот прилепил ко лбу. Алибек украдкой наблюдает за женой. У глаз и губ появились морщинки. В висках несколько седых волос. Алибек снова возвращается к прежним мыслям.

"...Дагестан поднялся дней десять назад. Когда с чеченцами все покончено. Если бы начали вместе, можно было бы на что-то надеяться. Теперь поздно. Для подавления нашего восстания привели войска оттуда, теперь для их усмирения

пошлют войска отсюда".

Алибека оторвал от размышлений Кори, вошедший с промокшим до нитки Оздамиром.

- Ох, Оздамир? Ты что это в такой дождь?

- Не от нечего делать. - Он снял свою мохнатую папаху, повернулся к двери и отряхнул. - Разве от нечего делать выйдешь в такой день.

Он поискал глазами табуретку, сел на нее.

- Говори быстрее. Ты не для малого дела пожаловал, - поторопил его Алибек, оставив всякие церемонии.

Оздамир рассказал, как они прошлой ночью поймали Тохтархана и Хайруллу.

- По словам Тохтархана, вернулся с войны Хоту Мамаев.

Три-четыре дня назад Гати-хаджи и Хайрулла ездили к нему в Шали. Похоже, что они тайно затевают что-то против нас, - закончил Оздамир свой рассказ.

В комнате воцарилась тишина.

- Что нам делать с Хайруллой? - спросил Оздамир наконец.

- Быстрее возвращайся в Чеччелхи. Скажи Косуму и Нурхаджи, пусть собирают наших людей. Я приеду следом за тобой.

ГЛАВА XIII

РАСПРАВА

Добро потеряешь - немного потеряешь!

Честь потеряешь - много потеряешь!

Мужество потеряешь - все потеряешь,

Лучше бы тогда совсем не родиться.

Поднятый сообщениями Оздамира с постели, Алибек против воли Кори заторопился в Чеччелхи.

- Ты же не здоров, Алибек, лежи, - укорял его друг. - Косум с товарищами сам там управится. Если есть необходимость, пойдем мы с Кайсаром.

- Нет, Кори, момент острый, - настаивал Алибек. - Этого подлеца Хоту не зря вернули с войны, выделив из офицеров плоскостных аулов. Ведь инарла не глупый. Сумел выбрать легавого.

В последние годы своего имамства Шамиль приблизил к себе Хоту, сына Момы из Гендергеноя. Этот бедный, оборванный воин обратил на себя внимание имама своей смелостью, жестокостью и коварством. Хота проявлял большую активность при подавлении аулов Ичкерии, выступавших против имама. Шамиль сделал его младшим наибом и поставил во главе небольшого карательного отряда. Года через два-три Чечня пала. Не успел имам покинуть этот край, как Хота пошел к командованию царских войск и изъявил готовность усердно служить ему. Царским генералам тоже нужны были такие люди. Коварные, жестокие люди, чтобы их руками подавлять сопротивление этого народа, укреплять здесь свою власть. Хота Мамаев сдержал свое слово. Он беспощадно истреблял прежних своих врагов и врагов нынешней власти. Власть не оставила его заслуги без внимания. Ему дали полтораста десятин лучшей земли и чин офицера. Вот этого самого Хоту, сына Момы, и отозвал генерал Свистунов с турецкого фронта.

В полдень, когда Алибек со своим маленьким отрядом поднялся на хребет между Даттахом и Чеччелхи, они увидели внизу клубы дыма и людей, носившихся по улицам верхом и пешими. Спускаясь с хребта, они встретили всадников, скачущих со стороны Ножай-юрта. Алибек с первого взгляда узнал черного, как ворон, огромного мерина Акты. В центре кавалькады ехал на коне с опущенной головой хорошо знакомый Алибеку гатиюртовский мулла Товсолта-хаджи.

Отряд остановился, пока подъезжала группа всадников. Всегда грозный, мрачный Акта грубовато поздоровался.

- Куда это вы? - удивился Алибек.

- К тебе направлялись.

- Но я же не вызывал вас. Не войско ли пришло в Гати-юрт?

- Войску там делать нечего, пока есть там вот такие собаки,

- зло посмотрел тот на Товсолта-хаджи.

- Что случилось?

- Этот мулла мне все печенки проел. Постоянно настраивает людей против нас. На днях в мечети устроил проповедь, в которой клеймил нас, произносил хвалу царю, генералам, хакимам, властям, молил Бога, чтобы он их миловал, а нас карал.

Потом, когда пришли войска из Хасав-юрта, подлизывался им. И еще он с Хортой показывал, какие дома жечь. Я хотел было повесить его своими руками, но Булат запретил. Говорит, что этого нельзя делать без твоего разрешения.

- А Хорту вы не взяли?

- Сбежал, собака. Не знаю, откуда узнал о моем замысле. Навострит свое свиное рыло против ветра и чует по нюху, как борзая.

- Хорошо. Поедем в аул, там разберем его дело.

Другие аулы построены по долине речек и на более ровных местах. А этот - Чеччелхи - лежал в яме, прилепившись к склону. Кроме одной восточной стороны, повернутой в сторону Симсира, остальные три закрывала гора, заросшая лесом.

Дома в Чеччелхи раскиданы по оврагам и пригоркам без каких-либо определенных улиц. Увидев большую толпу людей вокруг маленькой мечети с низким минаретом в центре аула на пригорке, на довольно ровном участке, Алибек направился со своим отрядом туда.

Чем ближе подъезжали они к толпе, тем громче слышался шум голосов. Голос Нурхаджи приглушал остальные голоса. Всегда спокойный, мягкий голос его становился зычным, грозным, когда он сердился, словно прорывалась какая-то невидимая плотина. Возвышающийся над толпой Нурхаджи замолчал, заметив Алибека. Но остальные, не видевшие гостей, продолжали кричать:

- Расстрелять его, свинью!

- Повесить!

- Не возбуждайте ссору, эй, люди!

- Разве так вот просто убивают человека?

- Нельзя вешать! Это не по обычаям вайнахов.

- Какой он человек, сущий шакал!

- Каким он ни был, он все-таки мулла!

Въехав на коне в толпу, Алибек увидел муллу Хайруллу, который стоял, словно истукан, бросая взгляды туда, где раздавались крики. Обычно его румяные щеки теперь были бледны, как у мертвеца. Бесследно исчезла в его кошачьих глазах обычная заносчивость. Не была и в помине присущая ему самодовольная и презрительная улыбка. Засохшие, бескровные губы мелко дрожали.

Алибек поднял правую руку с плетью. Люди умолкли.

- О чем вы спорите, люди?

- Нурхаджи и его дружки хотят убить этого Хайруллу!

- А виновен ли Хайрулла?

- Не знаем. Говорят, что виновен.

- Вы что хотите?

Люди опять заспорили.

- Он виновен, убейте его!

- Нет! А что, кто не послушался вас, тот должен быть виновен?

- Он продался властям!

- Неправда!

- Как не продался? Да будь проклят твой отец!

- Чтоб твои семь предков были прокляты!

- А ты и сам такой доносчик!

- Я тебе кишки выпущу, гнилой раб!

Сорокалетний, здоровенный, с толстой шеей один и сухощавый, долговязый другой выхватили кинжалы, и пошли друг на друга. Но Нурхаджи, проезжая мимо, нагнулся и, схватив черкеску между лопаток, поднял толстого, как ребенка, и чуть отшвырнул на несколько шагов.

Алибек, видя, что эти раздоры, которые улеглись было при его появлении, вновь вскипают, поднял руку и крикнул:

- Успокойтесь, люди! Мы никогда не карали невиновного. Если этот Хайрулла виновен, то наказание будет соответственно его вине, если не виновен, отпустим восвояси. Согласны его судить?

- Согласны!

- Надо судить по справедливости!

- Чтобы не принять на себя грех перед Богом и людьми!

- Тогда выбирайте сами присяжных!

Люди притихли, но опять зашумели.

- Косума!

- Нурхаджи!

- Не подойдут! Они обвинители!

- Выбирайте из другого аула!

- Алибека!

- Годится!

- Акту!

- Согласны!

Акта тронул коня вперед и крикнул:

- Меня не выбирайте. Я тоже привел одну собаку.

- Раджаб-Али!

- Подходит!

- Янгулби!

- Тозурку!

- Амирхана!

- Не годится! Он был юртда аула.

После долгих споров выбрали семь человек для суда над злодеями. Оттеснив

людей в одну сторону, присяжные расселись напротив них на траве. Перед ними поставили обвиняемых Хайруллу и Товсолта-хаджи.

- Вы согласны, чтобы вас судили эти присяжные? - спросил Алибек обвиняемых.

- Я не согласен, - категорично покачал головой Хайрулла.

- И я не согласен, - присоединился к нему Товсолта-хаджи.

- Что вы имеете против них? - спросил Алибек.

- Во-первых, все семь присяжных - единомышленники обвинителей, во-вторых, судить улема имеют право только улемы, которые по своей учености стоят выше обвиняемого.

- В каком жейне написано, что только улемы имеют право судить улемов? - спросил Алибек.

Хайрулла промолчал.

- Выбранные людьми присяжные будут судить не по шариату, - сказал Алибек громко. - Судить будут по адату нашего народа. Второе. Руководители этого восстания поклялись на Коране, что они покарают всякого, кто будет предавать дело свободы, кто будет помогать его врагам поступком, письменно, мимикой - любым способом. Будь то родители, братья, сестры, сын или дочь. Если установят вашу вину, вы понесете наказание, сможете оправдать себя - будете свободны. Вы согласны?

- А что делать, приходится согласиться.

- А ты, Товсолта-хаджи?

- Нет. Выбирайте таких присяжных, которые будут не за вас и не за нас.

- Здесь сидят выбранные народом. Мы семеро поклянемся разобрать ваше дело беспристрастно и с чистой душой.

Когда все семеро присяжных произнесли клятву, Алибек обратился к людям.

- Кто обвиняет вот этих Хайруллу и Товсолту?

Из толпы вышли Нурхаджи, Дадаш и Акта.

- Поклянитесь на этом Коране во всеуслышанье, что не будете лжесвидетельствовать.

Все трое принесли клятву не говорить ни слова лжи.

- Нурхаджи, сын Махсы, расскажи, в чем ты обвиняешь муллу Хайруллу?

Нурхаджи громко перечислил вероломство и козни муллы Хайруллы. Однако имени его племянника Тохтархана не назвал. Дадаш подтвердил правдивость слов Нурхаджи.

- У вас есть свидетель, который подтвердит ваши слова? - спросил Хайрулла.

- Есть. Но мы дали слово не называть его.

- Тогда напрасно трудитесь, - облегченно вздохнул Хайрулла.

Нурхаджи вытащил из кармана бумажку и отдал Алибеку. Тот пробежал ее глазами и показал Хайрулле. Хайрулла изменился в лице. На глазах у всех лоб и нос его покрылись каплями пота.

- Ты писал это письмо?

- Я, - с трудом выдавил он.

- Слушайте, люди! Вы все слышали, как Хайрулла признался, что письмо написано им. Он пишет: "Шахбулату и Умалхату мой привет. Затем сообщаю вам, что наши общие враги Косум и Нурхаджи находятся в Чеччелхи. С ними нет людей из других аулов. Оба считают себя в безопасности, так как в этой стороне войск наших сейчас нет. Если этой ночью вы пришлете солдат, их можно поймать легко. Моя к вам просьба - доведите это сообщение от моего имени до пристава. Да будет вам всем милость Божья".

В толпе поднялся озлобленный, изумленный ропот. Потом Акта произнес речь, обличающую Товсолта-хаджи. Товсолта-хаджи признал рассказанное Актой правдивым, но виновность решительно отверг.

- Слушайте, люди! - крикнул он визгливым голосом. - Богом сказано, что любая власть, будь то мусульманская или христианская - нисходит от него, что осуществляющие эту власть

- цари, его помощники делают это по его воле, и кто против них, тот и против него, Бога. Мы под властью царя. И царь, и его власть - от Бога. Я, поставленный здесь муллой, не имею права преступать их предначертаний. Я сделал в мечети нашего аула такую проповедь, которую обязал меня сделать царь. И когда приказал посланный им полконак, я пошел впереди солдат, поджигавших дома. Но сам я не сжег ни одного дома, не выдавал властям ни одного человека, не доносил ни на кого. И я не знаю, чего вы от меня хотите?..

- Ты произносил в мечети порочащую нас проповедь?

- Произносил.

- Ты читал молитву, прося у Бога даровать русскому царю победу над турками?

- Читал.

- А разве турецкий царь не Богом поставлен?

- Да.

- А если все цари поставлены Богом, почему ты молил о поражении турецкого царя?

Товсолта-хаджи растерялся.

- Но ведь деньги нашим муллам дает не турецкий царь, - сказал кто-то из толпы. - Молят о победе того, кто им платит.

- Богом сказано: служи тому царю, который над тобой... - промямлил Товсолта-хаджи.

- Хорошо бы было, если бы ты молил у Бога смерти и русскому

и турецкому, всем мусульманским и христианским царям, Товсолта-хаджи. Но ты выбрал одного. Того, кто тебе дает деньги. Тут ты ошибся.

Алибек прекратил разговоры:

- Слушайте, люди! Мы сегодня разобрали дело двух человек. Оба они старые. И потому не могут оправдать себя, сославшись на молодость. Оба они - улемы. Поэтому они не могут сказать, что ошибались, не сознавая, что делают. Оба - люди богатые. Так что они не могут оправдываться ссылкой на нужду. С какой стороны ни подходить, как ни взвесить, я нахожу, что они действовали сознательно и добровольно. Нет царя выше и величественней, чем народ. Я не считаю грехом, если человек пошел против царя и власти. Человек может считать, что и царь, и власть поступили с ним несправедливо. Допускаю также, что человек может

разувериться в Боге. Он может возроптать, что Бог неправильно устроил его судьбу. Но не было и не будет на свете такого закона, который оправдал бы того, кто пошел против народа, кто изменил родине. Такой человек - предатель, преступник. Шесть месяцев льется кровь в этих горах. Кровь народа, поднявшегося против тирании царя и власти, против несправедливости. Кровь народа, поднятого голодом и отчаянием. Мне кажется, что нет большего предателя и злодея, чем человек, который в столь тяжелые дни перешел на сторону врагов своего народа. Эти два человека служили врагам, предавая свой народ. Нами установлена вина этих двух человек. И по шариату, и по обычаям народа, и по человеческой совести вообще, эти два человека заслуживают самого сурового наказания. Я закончил. Теперь слово за вами, присяжные.

- Они не имеют права больше жить на свете, - сказал Раджаб-Али.

- У них вина на то, чтобы дважды лишить жизней, - согласился Тозурка.

- Что скажут остальные четверо?

- Нет им места среди народа.

Все это время Товсолта-хаджи смотрел на происходящее равнодушно. Может, он считал, что все это делается для того, чтобы запугать его. А Хайрулла, стоявший бледным, вдруг обрел прежний цвет лица. Видимо, он отчаялся в сострадании. Алибек объявил приговор:

- Изменивших народу и перешедших на сторону врагов Хайруллу и Товсолту присяжные приговаривают к смерти. Да будут знать все, что такова же участь будет каждого, кто станет на путь предательства и злодеяний! Нурхаджи, уведи их.

- Дай приговор привести в исполнение нам, имам, - сказал Раджаб-Али, подойдя к Алибеку.

- Зачем?

- Эти ваши чеченцы связаны между собой родством. Зачем порождать вражду?

- Между нами всегда будет вражда, - ответил Алибек твердо. - Между нами и холуями властей.

Хайрулла перед тем, как его увели, крикнул:

- Я знаю, что вы делаете, Алибек, сын Олдама! Вы, оборванцы, не выносите, что мы превосходим вас. Сегодня-то вы нас убьете, но завтра настанет и ваш черед!

- Мы готовы к этому часу, Хайрулла. Если мы и умрем, то ради дела народа. Но вы умрете собачьей смертью!

Через час площадь перед мечетью опустела. Алибек со своим отрядом выступил в Беной. Когда поднялись на гору, они услышали залп ружей внизу, в лесу...

Когда началось долгожданное восстание в Дагестане, Алибек повсюду активизировал свою деятельность. Центр восстания переместился на Басс.

Алибек хорошо знал стратегическое значение этого места. Отсюда была единственная дорога, связывающая Чечню с Дагестаном, которая проходила через Андийский перевал. От Басса через Пешхой-Лам была дорога в Чеберлой. Дорога в Большую Чечню спускалась по Басскому ущелью.

Командование решило блокировать этот район и одним сокрушительным ударом ликвидировать новый очаг восстания. В этих целях в начале сентября образовали новые штаб-квартиры и воинские соединения.

Аргунский отряд во главе с подполковником Лохвицким, который состоял из двух батальонов Навагинского полка, одной стрелковой роты, одной сотни Сунженского полка и двух сотен временной Аргунской милиции у аула Осхорой занял Басские леса, чтобы прикрыть от повстанцев Аргунский округ.

Отряд подполковника Шахназарова, состоявший из четырех рот Тенгинского полка и сотни Кизляро-Гребенского казачьего полка, стал у аула Зезерган для преграждения отряду Уммы доступ в Аргунское ущелье и оттуда на плоскость.

Шалинский отряд полковника Эристова из шести рот Тенгинского полка, двух батальонов Навагинского полка, двух сотен Сунженского и Горско-Моздокского казачьих полков и одной артбатареи расположился в трех верстах от укрепления Эрсеноя, чтобы запереть все выходы на плоскость из Басского ущелья.

Командование больше всего боялось распространения восстания на плоскостные аулы, где подавляющая часть населения готова была присоединиться к повстанцам. Много молодежи с плоскостных аулов с самого начала восстания пошло за Алибеком. Поэтому Шалинскому отряду было поручено наблюдать за спокойствием Большой Чечни. В этих целях на помощь Шалинскому отряду были посланы два батальона пехоты, три сотни кавалерии и шесть орудий из Хасавюртовского отряда.

В резерве в Грозном оставили отряд генерала Виберга из пяти рот Тенгинского полка и четырех орудий 20-ой артбригады, которому одновременно поручалось наблюдение за западной частью Большой Чечни.

В проведении этой стратегической операции главная роль отводилась отряду генерала Смекалова, который состоял из Куринского полка, 50-го резервного батальона, трех казачьих и одной осетинской сотен, одного взвода горной батареи. Этот отряд должен был постепенно углубляться в Ичкерию, требовать от жителей безусловной покорности и довести операцию до конца. Кроме специальных отрядов, которые должны были осуществить операцию, были оставлены многочисленные гарнизоны в укреплениях Воздвиженской, Умханюртовской, Шатоевской, Герзеле, Эрсеное, Кешень-Аухе, Буртунае, Устаргардое, Эртен-Корте и т. д.

Когда все было готово для осуществления операции, 2 сентября Смекалов со своим отрядом выступил на Басс. Три дня беспрерывно кипели бои на Бассе. Превращены в пепел аулы Махкеты, Элистанжи, Хоттуни и Таузень, были уничтожены все хлеба и корма. Затем начали настоящую охоту за жителями, скрывшимися в лесах. Летучие команды пригоняли в лагерь толпами женщин, детей и стариков. Вместе с ними пригоняли крупный рогатый скот, лошадей и овец. Но не все гладко шло у Смекалова. Рассыпавшись в мелкие отряды, повстанцы Уммы постоянно совершали дерзкие налеты на карателей и наносили им чувствительные удары.

Чтобы остановить сопротивление повстанцев, Смекалов прибег к своей испытанной тактике. Собранных летучими командами стариков, женщин и детей он собрал на пепелище сожженных аулов. Наконец жители послали к генералу депутацию стариков. Смекалов принял их на пепелище в Махкетах в окружении своей свиты офицеров. Рядом с ними стоял известный в Басских аулах мулла Шамиль-Кади.

Все еще дымились догоравшие дома и пристройки. В дыму и чаду стояли приведенные из лесов семьи, замкнутые в круг охраной.

В горах уже похолодало. Снег, выпавший на вершинах гор, подбирался к подножьям. А эти женщины и дети стояли в лохмотьях, полуголые, желтые от голода. В сторонке стоял голодный скот с впалыми боками.

При появлении стариков у женщин вырвались крики. Но те не смотрели ни на свои горящие дома, ни на плачущих женщин. Они шли, уставившись глазами на генерала и его свиту, и остановились в десяти шагах от Смекалова.

- Выкладывайте, с чем пожаловали, - грозно взглянул на векилов Смекалов.

Взгляд его остановился на наиболее представительном среди стариков Чопал-хаджи. Чопал-хаджи выступил вперед на один шаг и встал, опершись обеими руками на ручку посоха.

- Люди прислали нас с просьбой, инарла.

- Что они говорят?

- Говорят, что согласны выполнить твою волю. Вот уже месяц, как женщины и дети в лесу. Женщины в лохмотьях, дети голы. Нет еды, нет крыши, чтобы стать под ней. Голод и холод измучили людей. Они просят милосердия.

- Пощады не будет, - отрезал Смекалов. - Вы - враги власти. Вы дрались даже тогда, когда остальные аулы смирились. Ни души не оставим здесь, всех переселим. Земли ваши передам в казну государства. Говорите, что проголодались, замерзли? Неправда! Если бы я видел вас умершими от голода и холода, тогда я бы поверил. Выводите всех ваших людей до единого из лесов. Вот этот Шамиль-Кади будет записывать прибывших. Даю вам три дня времени. А потом всех скрывающихся в лесах будем на месте расстреливать.

Вид их не мог не облить сердце кровью. За месяц скитаний по лесам они оборвались пуще прежнего. Маленькие дети были буквально нагими. Грязные тела, взлохмаченные головы. Выступавшие ребра, лопатки. Тонкие, как спицы, ноги, руки. Непрерывное ненастье, надвигающаяся зима, отсутствие крыши над головой, пищи.

- Хорошо, инарла, - немного подумав, заговорил Чопал-хаджи,

- людей мы из лесов приведем. Но ты нам дай слово, что оставишь их в родных аулах. Посмотри на этих женщин, детей. Куда им переселяться? Ведь против власти поднялись только мы, мужчины. Накажи нас, как тебе угодно. А женщин, детей и стариков оставь жить здесь, инарла. Если переселишь на плоскость, кто их там примет? Зандаковцы ведь, высланные в Хасавюртовский округ, бродяжничают там, так как местные не принимают их. Сжалься, инарла. Ведь у вас тоже есть дома семьи. Родители, жены, дети. Представьте их на нашем месте...

Смекалов нахмурил лоб и слушал старика с нетерпением. Когда перевели последние слова, он злорадно ухмыльнулся.

- А вы не знали, поднимаясь против царя, что у вас есть жены и дети? - пригнулся он к луку седла. - Вы думаете, у убитых вами солдат нет дома семей. Думаете, что мы сюда на свадьбу к вам пришли?

Старик долго молчал, уставив взгляд в землю. Несколько раз преступил с ноги на ногу. Провел языком по высохшим губам.

- Не знаю, инарла, - сказал он наконец, - но и мы тоже вас не приглашали. Ваша власть забрала у нас земли и обрекла на голод. Хлеба, выращенного на наших землях, не хватает нам и на зиму. Жены и дети наши не одеты, не обуты. У нас нет сил платить налоги, которые вы все время увеличиваете. У нас иссякло терпение. Вот почему народ восстал. На чужой земле мы никого не убивали и ни локтя чужой земли не захватывали. Во всем виновата ваша власть, которая лишила нас земли, творит над нами произвол...

- Довольно! - оборвал его Смекалов. - Пощада вам будет, если вы выдадите в руки властей главарей бунтовщиков!

- Кого?

- Алибека, Умму, Лорсу, Тангая и других.

Старики немного посовещались. Разговоров их не было слышно ни Смекалову, ни стоявшему рядом с ним переводчику Элби Мовсарову. Чопал-хаджи что-то коротко

спросил. Каждый, на ком он останавливал взгляд, отрицательно качал головой. Смекалов и без ответа уже понял, что старики категорически отклонили его требования. Чопал-хаджи отделился от группы и вновь предстал перед Смекаловым. Он выпрямился, еле заметно наклонил голову набок и решительным голосом сказал:

- Инарла! У нас нет на свете ничего дороже этих гор, наших собственных жизней. Ты требуешь выдать вам людей, которые поднялись на борьбу за свободу нашего народа, требуешь от нас предательства. Требуй от нас только возможного. То, что ты предлагаешь, выше того, что мы можем, и не может быть исполнено ни за горы золота, ни под страхом потери всего имущества, семейств и самой жизни.

- Хорошо, - сказал Смекалов, - тогда не ждите пощады от власти!

Окруженный отрядами Смекалова и Эристова на Бассе, Умма искал лазейку в Чеберлой. Однако на каждом шагу стоял враг.

Дада Умаев поднялся на высокую гору между Хулхулау и Бассом и осмотрел окрестности в подзорную трубу. Леса, ущелья и овраги кишели людьми. Вся эта сторона оглашалась стуком топоров, грохотом падающих деревьев. Стоя, горели великаны буки, дубы, ольха. Синий дым стлался над Хулхулау, Аржа-Ахком, Бассом и Гамар-Дуком.

На вырубку лесов по обе стороны от дорог сюда были согнаны дышнинцы, харачойцы, эрсенойцы и элистанжинцы. Такое же положение было и вокруг бенойских аулов, и вверх по Аксаю, и вдоль дорог от горы Пешхой-Лам до Басса. О том, чтобы отсюда выйти к Алибеку, не могло быть и речи. Войска занимали все дороги.

Леса прочесывали летучие команды из куринцев, казаков и горцев. Их не останавливали ни дожди, ни трудные дороги. Они уже добрались даже до вершин Сельмен-Таузена.

- Здесь нет даже лазейки, - опустил подзорную трубу Дада. - Каждый куст, каждую яму и бугор заняли, будь прокляты их отцы.

- Дай я посмотрю, - взял подзорную трубу Буга.

Он долго не мог настроить ее и крутил. То она показывала небо, то упиралась в ближайшее дерево. Наконец он закричал:

- Вон из лесу ведут людей. Женщин и детей. Вверх по Хулхулау идет еще новое войско. Одна, две, три... шесть пушек!

- Давай пойдем. Будем тут оглядываться, разинув рты, - возьмут да пристрелят.

Дада двинулся вниз по склону горы. Молча следовал за ним и Буга. Вчера их такой же маленький разъезд, встретившись с летучей командой, потерял одного человека. Не успев его подобрать, они отступили, но команда, зная, что повстанцы вернутся за ним, положила тело на видное место и устроила засаду. Вечером, когда сгущался мрак, они убили еще несколько человек из повстанцев, вернувшихся за телом товарища.

Подходя к притоку Аржи-Ахка, Дада услышал русскую речь. Сделав Буге знак, он, осторожно ступая, подобрался поближе. Солдаты остановились сзади на привал. Винтовки были поставлены в пирамиду. Они разулись и сидели и полулежали, положив ноги в холодную воду. Все внимательно слушали рыжего солдата огромного роста.

- Честно говоря, братцы, мне эта война не по душе, - говорил он. - Уж лучше бы мы с турками воевали, чем этих бедолаг мучить.

- Какая разница? Что те, что эти - все одно, магометане, - сказал другой. - Турки

воюют с нами, а чеченцы поднялись им в помощь.

- Дурак ты, Петрович, - укоризненно сказал рыжий. - Какое дело чеченцам до турок, живущих за семью морями?

- Говорят же тебе, что они одни басурмане! Жаль, что они двенадцать лет назад не ушли все в страну своих турков.

- Ты не человек, казак. Зачем чеченцам уходить отсюда? Ведь это их родина.

- Нам не ужиться по соседству.

- Почему?

- Они не любят нас.

- Они имеют на то основания. Ведь нас поселили на отобранных у них землях.

- Теперь они наши. Мы их потом и кровью отстояли. Тебе, пришедшему из России, легко так говорить. Когда восстание будет подавлено, ты уйдешь к себе, а мы здесь должны жить. Что ни ночь, чеченцы врываются в станицы, грабят, убивают человека так, словно курице голову скручивают.

- Можно подумать, что мы все ангелы! - присоединился к разговору еще один солдат. - А разве в России мало грабежей и воровства. А разве только одни чеченцы убивают человека?

- Не вы ангелы, а мы, - презрительно заговорил чернявый казак.

- Мы сами убиваем своего казака, обворовываем его дом и сваливаем на чеченца. В прошлом году в нашей станице ночью подняли стрельбой тревогу, будто чеченцы угнали скот. На утро стало известно, что один из грабителей ранен. Пошли мы по кровному следу и пришли во двор нашего станичника Хромова. Вошли и видим: лежит хозяин Афоня с побледневшим лицом, стали допытываться, и он признался, что прошедшей ночью скот угнали он и еще несколько станичников.

- А у нас в Сунженской станице был случай еще смешней,-придвинулся рослый казак с рыжим чубом набекрень. - Однажды ночью один наш казак, разводчик ночных секретов, оставил одно место без дозора, чтобы через это место совершить грабеж. Думая, что он это допустил по забывчивости, казаки сами поставили туда дозора. В полночь дозорный, видя, что кто-то угоняет скот, выстрелил и убил вора. Когда утром посмотрели, убитым оказался наш станичник. Да, тот самый, который вечером расставлял секреты.

- Глупо он поступил, - сказал другой казак, сворачивая сигару.

- А наш станичник ночью поджег свой старый дом, потом объявил тревогу. Прибежавших людей он клятвенно заверил, что своими же глазами видел, как чеченец поджег дом и убежал. И что же сделали власти? Без всяких рассуждений взыскали деньги с соседнего чеченского аула. Конечно же, сумму, намного превышающую стоимость сгоревшего дома. А казак за эти деньги построил себе дом, намного добротней прежнего.

- Вот видишь, казак, - обратился солдат к казаку, который затеял этот спор. - Твои же братья признают, что вы далеко не ангелы. Ну, допустим, что вы не любите чеченцев потому, что они басурмане. Но в некоторых губерниях тоже восстали мужики против властей. А кто же их усмиряет, ссылает на каторгу? Наши же, православные русские солдаты и казаки! Иногда солдаты отказываются от расправы над мужиками. Тогда казаки рубят шашками, топча лошадьми тех и других. Одним словом, с помощью ваших сабель и нагаек царь держит в неволе и наших мужиков, и горцев.

- Осторожно, солдат, - сказал казак с угрозой. - Я не допущу, чтоб ты хаял

государя.

- Да идите-ка к своим бабушкам ты и твой государь.

- Я вырву твое хайло, мужицкий босяк.

- Хватит, хватит, - вмешался другой русский солдат. - Зачем ссоритесь? Потерпите немножко, чеченцы обоих вас ухлопают.

- Не только чеченцы, но и мы ненавидим вас, - не унимался рыжий солдат. - Холуи царские!

- Подожди, мужичье, подожди! Я доложу о тебе его благородии!

- Ну и хрен с тобой! Доносить на нас да избивать нас плетьми

- это ваше ремесло.

В самом разгаре стычки их застал молодой прапорщик Северцов.

В полк он прибыл недавно. Учился в Петербургском университете на инженера. Из-за участия в рабочей демонстрации у Казанского собора в декабре прошлого года его исключили из университета и направили на военную службу в Терскую область. Говорили, что Северцов выходец из дворянской семьи, что от суда и ссылки в Сибирскую каторгу его спасли богатые родители и родственники.

- Ты что, опять буянишь, Недоноскин? - обратился он к солдатам, разругавшимся с казаком.

- Мы это от скуки болтаем, ваше благородие.

- О чем спорите?

- Да вот станичник клянется, что они ангелы. Сколько ни смотрю на него, не вижу на нем крылышек. Иногда чудится мне, что у него, как у сатаны, на голове рога, а на ногах копыта. Говорят, что они ненавидят чеченцев. А я говорю, что вы-то мужиков тоже ненавидите. Потому те и другие ненавидят казаков. Казаки думают, что они господа, а нас, мужиков, считают холопами.

- Неужели ты такой богатый, станичник? - спросил прапорщик у казака.

- Слава богу, хлеб имеем вдоволь.

Прапорщик сел среди них.

- А у мужиков и чеченцев нет хлеба, чтобы поесть досыта.

- Будет, если потрудятся, как мы. Они не хотят работать. Мужики - большие лентяи, а чеченцы, как известно всему миру, большие разбойники.

- Не говори так, Агеич, - вмешался казак, который курил сигару, - и казаки тоже разные. Нам с тобою дали землю, чтобы мы служили царю. А ты посмотри на земли и хозяйства Фроловых, Яицкиных, Гуняшиных, Федюшкиных и других. У каждого из них по полтысяча десятин земли, сотни голов скота, великолепные дома. Есть и такие казаки, которые владеют землей до тысячи десятин. Эти земли им даны навечно, перейдут по наследству. А наши с тобою десять-пятнадцать десятин у нас отберут, как только мы перестанем нести службу царю. Кем мы с тобой тогда станем? Мужиками или чеченцами. Батраками Фроловых и Федюшкиных.

Северцов внимательно слушал солдат и казаков. Наконец он понял, о чем они спорят.

- Вы правы, Астафьев, - сказал он, - но и доводы Недоноскина тоже имеют основу. Хотя я и горожанин, но мне пришлось много раз побывать в казачьих областях. Что

скрывать-то, вы же, казаки, считаете неполноценными людей, не принадлежащих вашему сословию. Самый бедный казак считает для себя позором выдавать дочь замуж за богатого мужика, больше того, за мещанина и купца. Не хотят жениться и на их дочерях. Ну а городского рабочего вы совсем не считаете человеком. Вы возгордились тем, что власти вам дали особые привилегии.

- Да и среди нас тоже есть и бедняки, и безземельные, - вмешался Агеев.

- А я и не говорю, что вы все одинаковые. Вы тоже делитесь на несколько групп: дворяне - офицеры, богатеи, середняки, рядовые и бедняки. Но, тем не менее, когда молодой казак достигает возраста, чтоб идти на службу, ему выделяют землю 10-15 десятин. А у казаков восточных областей эти наделы доходят от ста до четырехсот десятин. Если у казака подрастут сыновья, поженятся, им каждому выделяют по десять десятин надела из станичного резервного фонда. А мужик и чеченец не имеют такую возможность. Когда им приходится выделять сыновей, они вынуждены бывают отводить им землю от своих маленьких наделов. А если у сыновей подрастут сыновья? Откуда взять им земли? Нет ее. Что же им остается делать. Идут на поиски хлеба в города и станицы.

До того возмущавшийся Агеев притих. Вероятно, доводы Афанасьева и прапорщика убедили его.

- Значит, по-вашему, выходит, что эти чеченцы восстали из-за своей бедности и голода?

- Конечно же, не от сытой жизни они взялись за оружие. И не одни чеченцы выступают против властей. В России в более десяти губерниях мужики восстают...

Стараясь не шуметь, Дада подошел к Буге, осторожно раздвигая руками ветви. Он мотнул головой, сделал знак не шуметь, и они оба скрылись в лесу.

Не так уж спокойно повели себя и северные аулы Ичкерии, как ожидал Смекалов. Хасавюртовскому отряду пришлось неоднократно посылать в зандаковские и аллеройские аулы карательные экспедиции. Постоянно находился в походах оставленный в бенойских аулах отряд Авалова.

В конце сентября дела Уммы на Бассе пришли в упадок. С оставшимся небольшим количеством повстанцев он ушел в Чеберлой.

Приехавший в эти же дни в Шали генерал-адьютант Свистунов вызвал к себе Смекалова. Командующий сначала выразил недовольство по поводу того, что Умме дали возможность уйти. Потом, когда Смекалов попытался оправдаться, все же смягчился.

- Ничего, Алексей Михайлович. Ему от нас не уйти. В общем, наши дела на Бассе завершились успешно. Спасибо вам.

- Это большой успех, ваше превосходительство, - попытался сделать Смекалову приятное князь Эристов. - Теперь можно считать, что с восстанием покончено. Равнинные аулы потеряли надежду на успех. Вот Боршиг говорил мне: "Когда Умма был в Махкетах, тела шалинцев находились в Шали, а души - в Махкетах".

- Слава богу, что вы выгнали этого зверя, - вставил Боршиг.

- Лев сбежал в свое логово, теперь его легко будет поймать.

А Алибек по сравнению с ним всего лишь львенок. Завтра на рузбе муллы помолятся, прося нам победы.

В последнее время Боршиг стал правой рукой князя Эристова. Он помогал ему вести пропаганду среди масс против повстанцев в интересах властей, был в этой стороне начальником нештатной разведки Эристова.

После обеда командующий поделился мнениями со Смекаловым и Эристовым.

- Махкетинцы почти все переселены на равнину, - докладывал Смекалов о положении. - Там оставлено только сто семей, которые не имели возможности выйти из жилищ. Считая, что на Бассе все завершено, весь Веденский отряд я отправил в Чеберлой. Отряд, разделившись на четыре колонны, направляется в Букказ. На Даргин-Дуке произошла схватка. Там убиты тридцать чеченцев и четыре наших солдата. Вчера в лагерь пригнаны четыреста быков и коров и десять тысяч сто овец. Сегодня Умма перешел со своей шайкой на левый берег Шаро-Аргуна и укрепился на горе Гаккой-Лам. Он больше не пользуется первоначальным успехом у населения. Наши отряды запугали жителей. Об этом свидетельствует то, что после последних двух боев они оба раза бежали, оставив тела своих убитых.

- А Алибек? Он же все еще рыщет на свободе?

- Покончу с Уммой - примусь за него. Поручику Хоте удалось направить даттахцев против Алибека. Были с даттахцами крупные перестрелки. С обеих сторон есть убитые и раненые. Говорят, что Алибек казнил чеччелхинского и гати-юртовского мулл, пытавшихся настроить народ против него.

- А сегодня где Алибек?

- В симсирских лесах. Все дороги туда заняла милиция Хоты и Шахбулата.

- Что еще нового? - спросил Свистунов.

- В очищении вершины Сельмен-Таузен от скрывающихся там жителей особо отличились куринцы и осетины. Осетины не бывали дома уже шесть месяцев. Они просят отпустить их домой. Я прошу вашего превосходительства наградить нескольких всадников осетин и ингушей георгиевскими крестами и нескольких произвести в урядники.

- Хорошо. Кресты я вышлю.

- 28 сентября у мусульман - ураза-байрам. По этому поводу Хота и Шахбулат просят для своих чеченцев три дня.

- Делайте, как считаете нужным.

То, что в последние дни августа начальник Дагестанской области генерал-адъютант Меликов отозвал отряд полковника Накашидзе, уменьшило количество войск в Ичкерии на пять тысяч человек. Сосед не ограничивался и этим. Он просил закрыть воинскими подразделениями границы Западного Дагестана с Чечней. Свистунов отклонил просьбу соседа. Он и сам испытывал большие трудности. Неделю назад поступил приказ от главнокомандующего Михаила Николаевича срочно выслать в Дагестан два батальона и, если удастся, еще больше. Помимо воли пришлось ему послать в Темирхан-Шуру батальон Кабардинского полка, а чуть позже в Ботлих - два батальона Куринского полка и одну казачью сотню.

Свистунов оказался в тяжелом положении. Переселение беноевцев оставалось незаконченным. И без того живущим в большой нужде равнинным аулам трудно было принять доведенных до нищеты людей, разместить несколько сотен семей, кормить их до следующего урожая. Поэтому Свистунов разрешил беноевцам возвращаться в свои аулы и убирать урожаи со своих полей. В эти дни почти все беноевцы были в своих сожженных аулах.

Теперь среди них, разозленных, Алибек имел готовую поддержку. Как только началось восстание в Дагестане, ему удалось расшевелить зандаковцев, беноевцев, ауховцев и салатавцев. Кроме того, генерал-адъютант Меликов сообщал, что агенты Алибека активно работают в Андии и Чамалале и что эти общества зовут его к себе.

Возбуждения в ауховских, зандаковских и беноевских аулах и в Салатавии, которые

были усмирены жестокими мерами, страшно напугали полковника Батьянова. Он отправлял во Владикавказ телеграмму за телеграммой, прося выслать ему из Ведено подмогу, ибо у него нет сил противостоять им.

Князь Меликов просил помощи у Свистунова, который и сам не мог совладать с Чечней. По просьбе Меликова он собирал в аулах Ичкерии подводы и по плохим дорогам отправлял в Ботлих продовольствие. В эти дни большую помощь правительству оказали Эристов и Авалов. Благодаря им двоим, восстание не выплеснулось на равнину. Более того, им удалось население многих аулов задействовать в рубке лесов, а также в переселении на собственных подводах беноевцев, махкетинцев и зандаковцев.

- С мятежом надо покончить, в крайнем случае, за неделю, Алексей Михайлович, - поднялся Свистунов, беря в зубы зажженную сигару, - и доверенными вам силами. Боюсь, что и из них часть скоро попросят отправить в Дагестан. Несколько дней назад Батьянов, когда я приказал ему завершить все в той стороне, попросил подождать двадцать дней. Говорил, что, пока с деревьев не спадет листва, операции трудно проводить. Однако он вчера прислал телеграмму, что готов начать операцию в зандаковских аулах. Покончите побыстрее с Уммой и ведите ваш отряд в Ведено. Оттуда пройдите через Беной, выйдите навстречу следующему из Хасав-юрта отряду Батьянова и уничтожьте гнездовья мятежников в симсирских лесах. Если Батьянов считает, что справится с Алибеком сам, идите несколькими ротами в Андию.

- Батьянову-то я обязан помочь, - недовольно сказал Смекалов.

- Но я считаю неразумным посылать войска в Дагестан, Александр Павлович.

- Приходится. Это приказ его императорского высочества.

- А мне будет помощь с равнины?

- Нет. Ни одного штыка не будет.

- Я не понимаю происходящего, Александр Павлович. Помогать соседу тушить пожар, конечно, следует, но отдавать ему все пожарные средства в то время, когда горит собственный дом, едва ли удобно. Такого великодушия никто не вправе требовать.

Да еще дагестанский мятеж вновь разжигает у нас пожар всюду там, где мы его с трудом потушили.

Свистунов печально улыбнулся.

- Вы, конечно, правы, Алексей Михайлович. Но приказ приходится выполнять. Я сегодня же отправлю приказ Батьянову, чтобы он во главе с Козловским послал в Ичкерию крупный отряд. Вы завтра же двинитесь в сторону Беноя. Беноевские и зандаковские аулы надо сжечь, чтобы ни одной крыши не осталось.

ГЛАВА XIV

ЗАПОЗДАЛАЯ ПОДМОГА

...Все возникает через борьбу.

Кори лежал на спине, заложив сцепленные руки под голову, на глиняной кровати, застеленной пестрым войлоком. Он долго смотрел в потолок, потом лежал с закрытыми глазами. Если не считать того, что голова у него бритая, а усы с бородой коротко подстрижены, во всем остальном он был таким же, каким полгода назад пришел на Арчхи. Как тогда, худые, впалые щеки, выступившие скулы.

Рядом лежали две карты Чечни: составленная им самим и трофейная. На своей он пометил места, где сегодня стоят царские войска, и куда их решено двинуть или куда они могут быть направлены. Тут же лежала тетрадь, в которой Кори вел учет войсковых подразделений в Чечне и их вооружения.

Кори размышлял о пройденном ими за шесть месяцев пути. Нет, даже от самого детства. Порой он погружался еще дальше во времени. Даже в столетнюю давность. В истоки этой борьбы за свободу. В годы, когда дед его Мантик был молод, как теперь он.

Кори вспомнился разговор, который вел с ним отец ровно двенадцать лет назад. В ночь, когда решил переселиться в Турцию. Пятнадцатилетние в то время Кори, Алибек, Кайсар и многие другие подростки готовились к борьбе за свободу. Снисходительно ухмыляясь над отцами и дедами, считали их трусами, так как они прекратили борьбу за свободу. В ту ночь Мачиг сказал ему, что из их затеи ничего не выйдет, так как его отец и отец деда погибли в борьбе за свободу. Он говорил, что русский царь силен, страна у него огромная, что ничего у него не получится, поэтому пусть не лезут на рожон и не надеются на свободу. Но Кори смеялся в душе над его словами. Кайсар не внял словам Аюба, Алибек - словам Олдама. Тысяча других юношей тоже не внимали словам своих отцов. Они считали себя умнее и отважнее, и поклялись, что когда вырастут, завоюют свободу или погибнут в борьбе.

Двенадцать лет ждали этого дня. Товарищи здесь, а Кори - в далекой Турции. Ради этого дня пошел Кори в турецкую армию учиться на офицера, оставив умирающую сестру и старого отца на берегу реки Мурат, оставив, как и их, еще восемнадцать тысяч сестер и братьев по крови.

Не было ужасов и трудностей, которые Кори не испытывал бы за эти двенадцать лет в Турции. Все видел, кроме счастья. Приходилось усмирять и маленькие, как его собственный, народы, борющиеся за свободу.

Правда, руки Кори не обагрены ничьей кровью. В этом отношении совесть и руки его чисты. Но он - соучастник душителей народно-освободительной борьбы на Крите, в Боснии, Черногории и Сербии. На Крите он был рядовым солдатом, а в прошлом году - албаем.

Хоть попал он туда по воле судьбы, и повстанцы были не одной с ним крови и веры, сердце Кори искренне сочувствовало им. Трупы женщин, детей, стариков, ставших жертвой героической борьбы за свободу, ему напоминали его родину и его народ. Кори позволил бежать многим приговоренным турками к смерти повстанцам, спас немало женщин и детей. Борьба этих народов наполняла сердце Кори отвагой, еще больше укрепляла его клятву, которую он дал с детства. Словом, беды этих двух народов ускорили его возвращение на родину.

Многое, происходящего на свете, Кори повидал своими глазами, многое узнал понаслышке. Он сам видел помощь, оказываемую этим народам извне. Пятнадцать лет назад русские корабли доставили критянам оружие, продовольствие и

медикаменты. И они увезли раненых. После подавления восстания Кори слышал, что сотни его руководителей нашли убежище в России.

То же случилось и в прошлом году. Среди сербов и черногорцев против турецких войск сражалось много русских офицеров и солдат. Эти примеры обнадежили Кори, он подумал, что за двенадцать лет его скитаний на чужбине сознание людей немного улучшилось. Ведь стоило в какой-то стране, подвластной турецкому султану, вспыхнуть освободительному движению народа, как на помощь ему спешили европейские государства или добровольцы. И такая помощь могла прийти и его народу.

Теперь Кори понял, что этого и быть не могло. Не только помощи и поддержки не дождались они в своем деле, но на всем белом свете никто не знает, и никому нет дела до того, что аулы их горят алым пламенем.

Большими шагами, напевая под нос какую-то песенку, в комнату вошел Елисей. Увидев, что Кори лежит с закрытыми глазами, он перестал петь, снял старые сапоги, взобрался на нары и прилег у ног Михаила.

Елисей - храбрый человек. Эти шесть месяцев он постоянно находится рядом с Алибеком и Кори. У Кори с ним завязалась особенно крепкая дружба. Он в свободное время учит Кори русскому языку. В Турции Кори научился арабскому и турецкому языкам. Теперь ему придется научиться говорить, читать и писать по-русски.

Берса и Овхад еще больше убедили его в этом. Они говорят, что каким бы жестоким ни был русский царь, какой бы несправедливой ни была его власть, свобода к чеченскому народу придет только из России. Говорят, что есть в России какие-то люди, которые борются за свободу русского и всех остальных народов. Когда-нибудь их мечты воплотятся в действительность. Надо знать их науку, чтобы бороться за свободу. Вот для чего нужен Кори русский язык. С помощью Елисея и Овхада он уже немного научился говорить, читать и писать.

После смерти отца Кори стал задумчивей прежнего. От их дома остался он один. Да и его жизнь безнадежна. Со смертью Кори погаснет дым их рода. Он и в Турции так и не женился, хотя многие чеченские офицеры взяли в жены турчанок, чтобы войти в доверие турецким властям, чтобы сделать карьеру. Кори этого не сделал, и на чеченке не женился. Он ведь не собирался там жить. Душа его все время была здесь, в этих горах.

Кори открыл глаза.

- Элса!

- Что?

- В шамилевские времена на сторону горцев перешли сотни солдат и офицеров. А почему теперь с нами только ты один?

Елисей глубоко вздохнул.

- Конечно, сочувствующих вам среди солдат много. В первые дни этого восстания мы, трое солдат, сбежали на вашу сторону. После этого случая офицеры зорко следят за солдатами.

Кори долго думал.

- Да, Элса, в прошлую войну сотни солдат и офицеров перешли к нам. Они героически пали в борьбе за свободу нашего народа. Если бы хватило силы, наш народ воздвиг бы им памятник величиной с высокую гору. В память об этих солдатах, в память обо всех русских, которые сочувствовали нам. Наш народ не забыл их и не забудет никогда, пока будет жить на земле хоть один чеченец.

- Значит, эти солдаты сами воздвигли себе памятник.

- Да, Элса. Этот памятник - чеченский народ. Живой памятник.

Вошедший Овхад прервал их разговор. Брата Овхада убили Васал и Мачиг. Правда, никто не мог сказать, от чьей руки погиб Асхад. По чеченскому обычаю Овхад должен был отомстить Кори и Юсупу. Но их взаимоотношения нисколько не испортились, а наоборот, становились еще крепче. Более того, если Овхад раньше о чем-то по разному поводу спорил с Кори, то теперь он и этого не делал. Он боялся, что Кори подумает о другом. После смерти Асхада Кори долгое время вел себя подавленно. Это не было боязнью. Просто ему казалось неприличным вести себя с Овхадом непринужденно. Зная, что на душе у Кори, Овхад раз, оставшись с ним наедине, коротко заявил ему:

- Кори, я знаю, что у тебя на душе. Ваши с Юсупом отцы убили моего брата. Мой брат был ярым врагом нашего общего дела. Мачиг и Васал выполнили свой долг. Знай же, что наши взаимоотношения должны быть крепче и лучше прежних.

Как ни верил Кори Овхаду, при его появлении он всегда чувствовал неловкость. И теперь его разговор с Елисеем оборвался по этой причине.

- Из Гагатлы к Алибеку прибыл нарочный, - сказал Овхад, присаживаясь на край нары. - Зовет тебя.

- Когда ты вернулся, Овхад?

- Полчаса назад.

- Что нового привез?

- Ничего хорошего. Дела Уммы кончены. С небольшим числом людей он ушел в Дагестан. Лохвицкий стал на Казеной-Ам, чтобы отрезать нас от дагестанцев. Смекалов с основной силой идет под Беной. Булат прислал известие, что подполковник Козловский с тремястами сотнями солдат, казачьей и кумыкской сотнями и двумя пушками перешел Ярыксу и поднимается к Зандаку.

Кори вкратце записал в тетрадь сообщения Овхада.

- Из Гати-юрта известия есть? - спросил он.

- Ничего нового. В Беное пойманы два нарочных от генерала Свистунова с его письмами.

- Где они?

- У Алибека. Смекалову приказывают срочно покончить с нами и отправиться в Дагестан, чтобы помочь там подавить восстание.

После падения деспотического имамата Шамиля, народы Дагестана очутились под двойным гнетом. В последующие восемнадцать лет здесь происходило несколько народных восстаний локального характера, направленных против феодального и колониального гнета. Однако потомки ханов и беков и духовенство не вмешивались в дела народной борьбы. Они ждали милостей от царя, да и видели бесперспективность и обреченность малых восстаний. Они посчитали, что пробил их час, когда отношения России с Турцией стали портиться. Во-первых, терпение народа, томящегося под жестоким гнетом, истощилось; во-вторых, турки дали слово, что если они поднимутся в случае войны их с российским государством, им будет оказана всесторонняя помощь. Эту помощь гарантировал им проживающий в Стамбуле генерал турецкой армии сын Шамиля Гази-Магома.

Отпрыски ханских и бекских фамилий всячески толкали народ к восстанию, но в то же время и немного сдерживали, чтобы в нужный момент расслабить поводья. Среди этих единомышленников были сын бывшего казикумыкского хана, нынче

майор русской армии Джафар-хан, потомки беков ротмистр Абдул-Межед, штабс-капитан Фатал-бек, сын бывшего Кайтаг-Табасаранского правителя, потомок генерала-майора Джамубека Махти-бек, потомок кюринских ханов Гази-Ахмед-бек, сын известного наиба Шамиля Кибит-Махмы Муртаз-Али и другие.

С прошлого года у них был сговор с чеченскими вождями, они обещали поднять Дагестан, как только начнется восстание в Чечне. Однако, когда настал этот день, дагестанские союзники не сдержали свое слово. В первые же дни чеченского восстания к нему присоединились граничащие с Чечней Салатавия и Андия, во главе которых стояли не отпрыски феодалов и духовенства, а простые выходцы из народных низов. Кроме того, жители этих районов имели обширные родственные связи с чеченцами. А Южный Дагестан, который должен был стать центром восстания в Дагестане, пять месяцев ждал сигнала из Стамбула. Однако все планы дагестанских вождей расстроило стихийно начавшееся двадцать девятого августа в Гергебиле восстание, которое за несколько дней охватило весь Гунибский округ. Вслед за этим в Дагестане началось всеобщее восстание.

Повстанцы избрали имамом сына столетнего шейха Абдурахмана-хаджи из Согратлы - Магомеда-хаджи. Когда восстание в Гунибском районе стало распространяться дальше, для его подавления из Терской области отправили два батальона и казачью сотню. Восьмитысячный милицейский отряд во главе с штабс-капитаном Фатал-беком и ротмистром Абдул-Межедом, посланный сюда с юга, перешел на сторону повстанцев. Вначале казикумухские феодалы не участвовали в восстании, они даже попытались предотвратить его. Однако народ обвинил их в измене, после чего те присоединились к повстанцам.

Дней через двадцать после начала восстания дагестанские феодалы показали, какие цели они преследуют. Махти-бек объявил себя уцмием Кайтаг-Табасарана, Гази-Ахмед - ханом в Кюринском округе, а Джафар-хан - казикумухским ханом. Андия, с самого начала присоединившаяся к восстанию, сразу же была усмирена. Потерпев поражение, андийские повстанцы перешли в Ичкерию и присоединились к Алибеку.

С началом всеобщего восстания в Дагестане Андия вновь взволновалась. Но она оказалась отрезанной не только от центра восстания в Дагестане, но и от Чечни. Закрывая единственный путь из Андии в Чечню на Андийском привале, встал отряд подполковника Лохвицкого.

Фактически салатавские и андийские аварцы имели мало связей с внутренним Дагестаном. Они имели обширные экономические, культурные и родственные связи с соседними чеченцами, а население все поголовно владело чеченским языком.

У калитки двора Одагал-хаджи, к которому подъехал Алибек, стояли на часах два рослых сына хозяина. Снаружи привязанные к изгороди, а изнутри к коновязи, стояли оседланные кони. Кори привязал своего коня рядом с ними. Две овчарки на цепях зарычали при появлении незнакомого, но потом успокоились.

На очаге под навесом кипел медный котел, выпуская клубы густого пара. У котла возилась молодая женщина, снимая большим деревянным черпаком пену с бульона. Чуть дальше, сидя на корточках, постарше, готовила галнаш. Видимо, это были снохи хозяина.

На крыльце вполголоса разговаривали два круглолицых, здоровенных андийца. Поздоровавшись с ними за руки и коротко обменявшись словами приветствия, Кори вошел в дом. На глиняном наре на почетном месте сидели Солтамурад, Янгулби, Тозурка, аварец Раджаб-Али и еще один незнакомый дагестанец.

- Это гость из Гагатлы, Кори, - представил его Алибек. - Медани-хаджи, сын Гарч-Али. Он приехал к нам по делу. Я для этого тебя и звал. Ну, Медани-хаджи, продолжай начатый разговор.

Медани-хаджи не был похож на андийцев. Сухощавое, длинное лицо, высокий лоб, большой крючковатый нос, грубоватые усы и борода. На вид - лет пятьдесят.

- В Левaше произошел первый крупный бой. Просто-напросто из-за глупости Фатал-бека там погибли несколько сот человек. И сам погиб. В Кази-Кумухе есть некоторые успехи. Наши взяли и разрушили крепость Кумух. Поднявшиеся лезгины осадили Дербент, но царские войска, наступившие с двух сторон, загнали их в горы.

- А что в Андии? - спросил Алибек.

- Возле Инхила мы одержали победу над крупным войском врага. Оно отступило в Хунзах. Но дела наши не из лучших. С севера на нас напирают посланные отсюда отряды. Короче говоря, мы остались между двумя реками. И силы распыленные. Некому объединить их и взять на себя руководство.

- У нас дела неплохие, Медани-хаджи. Две победы одержали, взяли одну крепость, смогли осадить Дербент - что ты еще хотел? Вы за месяц сделали столько, сколько мы не смогли за шесть месяцев. Мы до сих пор не взяли ни одну крепость и к Грозному не смогли приблизиться.

- Так-то оно так, Алибек-хаджи. Но вы причинили за эти шесть месяцев власти больше потерь. Наши прут сразу по несколько тысяч, потом их разбивают и рассеивают. А вы малыми группами преследуете, бьете день и ночь и изматываете.

Алибек с грустью рассмеялся.

- Измотаны, Медани-хаджи, мы сами. Уже на последнем вздохе. Слишком поздно ваши вожди расшевелились. Говорят, собака пускается вплавь лишь тогда, когда вода достигает подхвостья. То же делаете и вы. Если бы Дагестан поднялся бы с нами одновременно, все мы могли еще надеяться на победу. Некоторые ваши вожди смотрели на нас равнодушно. Теперь поднялись. Когда с нами расправились. Для разгрома нашего восстания прислали войска из Дагестана. Теперь нас разбили, и здешние войска отправляют туда.

- Но мы, андийцы, помогли вам, Алибек-хаджи, как только могли. И многие наши аулы поднялись вместе с вами. Однако не получилось у нас дело.

- Но князю Накашидзе помочь смогли, - бросил Янгулби. - Ваши андийцы были безжалостней солдат.

- Несправедливо так говорить, Янгулби, - покачал головой Алибек. - В самые тяжелые минуты с нами оставались андийцы. Были и против нас, но были и за нас.

- Да, настало смутное время, - сказал Раджаб-Али. - Люди одной крови и одной веры, даже родные братья идут друг против друга. На каждом шагу - измена. Настало время, о котором говорил пророк.

Все призадумались. Каждому вспомнились подобные случаи в своих аулах и то, что там происходит сейчас. Каждый аул разделился на две части. Взлелеянные царем, повернулись против народа. И здесь, и в Дагестане. Везде.

Покушав принесенные снохами хозяина мясо и галнаш и запив горячим бульоном, Алибек спросил гостя о его деле.

- Алибек-хаджи, наши вожди послали нас к тебе с просьбой, - ответил Медани-хаджи. - Когда в горах к нам приходит голод, мы бросаем на своих ишаков пустые мешки и спешим к вам. Во всех ваших аулах есть у нас родственники. Когда у вас радость, наши сердца смеются, когда у вас горе, сердца наши плачут. У наших двух народов, живущих по соседству, испокон веков была одна судьба. Притесненный властью, любой из нас всегда находил у вас убежище. И сегодня нам нужна ваша братская помощь. В день, когда вы поднялись на борьбу за свободу, на помощь к вам пришли наши лучшие мужчины. А немногие собаки пошли против вас и нас.

Но сегодня поднялся весь Дагестан. Синее пламя горит в Гунибе, Гергебиле, Тилитле, Согратле, Кумухе, Ахте и Акуше - во всех уголках. Тебя зовут наши вожди, чтобы стал во главе нашего восстания.

Алибек, иногда кивая головой, внимательно выслушал гостя.

Когда речь его закончилась, он улыбнулся и сказал:

- Медани-хаджи, ваши люди ошиблись, посылая вас с такой просьбой. В Андии много мужчин намного умнее и отважнее меня. У меня же и здесь не хватало сил осуществить руководство над людьми, которые доверились мне.

- Твое имя славится в горах, Алибек-хаджи.

- Разве они не знают, что я оказался бессильным?

- Не твоя вина в том. Вы потерпели поражение не из-за нехватки у тебя ума и мужества. Просто царским генералам сопутствовала удача. До сегодняшнего дня за тобой шли только горная Чечня, Салатавия и Андия. Теперь положение изменилось. За тобой будет идти весь Дагестан.

- Не говори так, Медани-хаджи. Я ведь такой же, как и ты, темный горец. А там, в Дагестане, во главе восстания стоят потомственные князья и царские офицеры, знающие русский язык и русскую науку. Позовите кого-нибудь из них, если у вас такое отчаянное положение.

- У них и у нас разные пути, Алибек-хаджи. Нас разделяет друг от друга именно то, что они - потомки князей. Короче говоря, мы им не верим. И есть причины не верить. Они стремятся вернуть себе свое былое господство. Ведь тебе небезызвестно, что Мехти-бек, Гази-Ахмед и Джафар-хан объявили себя ханами. Но мы же поднялись не для восстановления их ханства, а против них самих. Нам нужна свобода, равенство, хлеб. Этого нам не добиться, если во главе нашего восстания будут потомки ханов.

- Почему ваши вожди сами не приехали с просьбой? - спросил Раджаб-Али.

- Как вождям сюда ехать, Раджаб-Али? Разве ты не знаешь, что перевал закрыт и там стоят войска? Старикам ведь не пройти там. Они прислали меня в качестве векила.

За эти шесть месяцев Алибек не раз старался распространить восстание на Дагестан. Поняв, что не сможет сговориться с дагестанцами, он оставил эту затею. Теперь Алибек мог осуществить свою мечту. Но дагестанское восстание уже не могло возродить восстание чеченцев . Тем же кончится и восстание дагестанцев. Если чеченское длилось полгода, это не протянет и месяца.

- Медани-хаджи, ваши андийцы пришли нам на помощь, когда мы в ней нуждались больше всего. За эти шесть месяцев многие аварцы легли в наших лесах смертью храбрых. Как я уже сказал, со мной осталось только сто человек. И глупо надеяться, что наш отряд увеличится. Какую помощь могут оказать вам сто человек. Если я приеду туда и, поверив в меня, либо надеясь на помощь из Чечни, восстанет вся Андия, дело же кончится трагически. Передай лучше вашим вождям, пусть возвращаются по домам и живут в мире с властями.

- К этому возврата уже нет, Алибек-хаджи, - покачал головой Медани-хаджи, - обратного пути нам не осталось. Вожди наши знают, что помощи из Чечни им уже не будет. Им нужен ты, Алибек-хаджи.

- Ни я, ни сто таких, как я, ничего не могут поделать, если народ не пойдет за нами.

- Он готов идти за тобой.

- Десяток андийских аулов - это еще не народ, Медани-хаджи.

- Поднялся весь Дагестан.

- Теперь уже поздно.

- Значит, в тяжелый для нас момент ты бросаешь нас?

- Нет, Медани-хаджи. Я приеду. Но приеду не потому, что смогу чем-то вам помочь. И вы не думайте, что смогу. Я приеду ради тех, кто в тяжелое для нас время пришел нам на помощь и, сражаясь в лесах и горах Чечни за свою и нашу свободу, отдал свои жизни; приеду, чтобы рядом с вами сражаться и умереть. Что скажете вы? - обернулся Алибек к товарищам.

- Ты прав, Алибек-хаджи.

- Что ты скажешь, Кори?

- Здесь все кончилось. Дагестанцы борются за наше общее дело. Хоть нечем помочь, но одно мы сможем сделать, как ты сказал - сражаться и умереть вместе с ними. Однако мы не можем бросить здешнее дело и все уйти туда. Мы с тобой поедем в Андию, а наши товарищи пусть остаются здесь.

- Спасибо вам, братья, - сказал Медани-хаджи. - Теперь наши сердца спокойны. Мне бы хотелось узнать, когда мы двинемся в путь?

- Этой же ночью мы завершим некоторые дела и утром поедем.

Когда вышли провожать гостей, Медани-хаджи сказал своему товарищу несколько слов по-аварски. Один ушел и, отвязав коня от коновязи, подвел к Алибеку белоснежного коня с седлом и сбруей, обделанной серебром. Другой отвязал от седла пестрый мешок и достал из него белую бурку. Медани-хаджи снял со своей шеи и протянул Алибеку саблю с серебряными тиснениями и золотым орнаментом.

Полными восторга глазами смотрели люди, чтобы не сглазить, сплевывая и цокая, на коня, гордо выгнувшего свою длинную, как у лебедя, шею, бьющего копытом землю.

- Алибек-хаджи, этого коня, бурку и саблю прислали наши вожди в подарок, - сказал Медани-хаджи. Они просят принять это как залог их верности и нашего союза.

Люди притихли, удивленные словами Медани-хаджи. Подарок, присланный имаму, был просто великолепный и дорогой, такой, какой и царю не стыдно преподнести. Товарищи радовались, что соседи так высоко чтут Алибека.

Алибек подошел и легонько погладил коня по лбу. Когда его коснулась рука Алибека, по телу коня пробежала легкая дрожь. Но нежная рука человека сделала коня покорным ему.

- Клянусь Богом, Медани-хаджи, это великолепный конь. Длинная шея, тонкие, длинные ноги и крепкие бока.

Потом он повернулся к Медани-хаджи, взял у него саблю И вытащил ее из ножен. На солнце ослепительно сверкнул вороненый булат.

Алибек прочитал написанную на ней арабской вязью из золота строку: "Имаму Алибек-хаджи. Да будет Бог милостив к тебе и помогут тебе все святые".

Вложив клинок в ножны и повертев в руках, Алибек протянул саблю Медани-хаджи.

- Это слишком дорогие подарки, Медани-хаджи. Передай своим мою благодарность. Они слишком высокого мнения обо мне. Я не заслуживаю таких

подарков. Забери их.

Медани-хаджи удивился.

- Что ты говоришь, Алибек-хаджи! Это же подарок от всех наших повстанцев!

- Не будем об этом больше. Этот подарок мне не положен. Спасибо и приславшим, и вам, доставившим. Мне хватает моего коня и моего оружия.

- Но они же обидятся, если ты это возвратишь им, - смутился Медани-хаджи. - Наши люди хотели выразить тебе свою любовь и уважение. Они подумают, что ты пренебрег этим из гордости.

- Зачем ты говоришь о гордости, Медани-хаджи? Что мы совершили такого, чтобы возгордиться?

Когда Алибек решительно отклонил просьбу гостей, товарищи стали укорять его.

- Неприлично отправлять их так.

- Обычай отцов велит принять подарок.

- Возьми хоть часть.

Алибек рассмеялся, покрутил головой и взял бурку.

- Оставляю эту бурку. Моя уже вся в дырках. А коня и саблю заберите. Мы же поднялись не ради подарков.

С наступлением осени для повстанцев началась трудная пора.

Опадала листва, оголяя леса. Не бывало даже изредка погожего дня. В зандаковских и бенойских аулах, находящихся высоко у подножий гор, постоянно было пасмурно и туманно. В конце сентября снег обелил горы. Местами он дошел и до подножий гор.

С одной стороны, ненастье приносило повстанцам и удобство. Царским войскам было трудно охотиться за ними по плохим дорогам. Но с другой стороны, холод и голые леса приносили повстанцам и много неудобств. Старые леса не укрывали их так, как весною.

Генерал Смекалов радовался выпавшему в горах снегу. Холод был ему верным помощником.

Преследуя Умму, отступившего на самые высокие вершины чеберлоевских аулов, Аргунский отряд заставил его удалиться в Андию. Смекалов успокоился, покончив с Уммой, и по возвращении в Ведено спешно подготовился разгромить группу Алибека.

По приказу Смекалова отряд подполковника Козловского, состоящий из двух батальонов Кабардинского пехотного полка, сотни Кизляро-Гребенского полка и взвода горной артиллерии, 25 сентября вышел из Хасав-юрта и выступил вверх по реке к Ямансу, чтобы встретиться со Смекаловым, который ждал его между Зандаком и Даттахом.

27 сентября с отрядом из шести рот, нескольких летучих команд, четырех сотен и двух орудий Смекалов прибыл в Беной. При допросе бенойцев, которые вернулись с плоскости, чтобы убрать свои урожаи, он узнал, что Алибек со своим малочисленным отрядом находится в симсирских лесах. Однако вскоре лазутчики донесли ему, что имам находится в Булгат-Ирзу. Смекалов решил внезапным нападением на аул захватить или уничтожить Алибека и всю его партию.

Но план Смекалова не осуществился. При занятии Алхан-хутора и Булгат-Ирзу он потерял несколько человек. Раненых было больше. Алибек там не оказался.

Рассерженные казаки сожгли Алхан-хутор и Булгат-Ирзу.

К полудню с главным отрядом сюда прибыл и сам Смекалов. По сообщениям жителей и лазутчиков установили, что в последние дни главные силы повстанцев сосредоточены в симсирских лесах. А Алибек с десятком людей ушел в Андию.

Смекалов срочно послал нарочного к андийскому наибу поручику Гирею, чтобы он предпринял меры к тому, чтобы не допускать Алибека в Андию, да еще отправил двух лазутчиков, чтобы они следили за каждым шагом Алибека.

В шесть часов утра Смекалов направил пять колонн в разные стороны. В девять часов донеслась стрельба со стороны, куда была направлена колонна Афанасьева. Вскоре кругом начали гореть беноевские хутора. Колонна Наумова прислала в лагерь первые трофеи.

Вечером капитан Виноградов вернулся с двумя семействами, более ста коровами, пятьюстами овцами и двадцатью лошадьми. Среди них был и конь Солтамурада.

На второй день к полудню колонна Наумова, посланная вслед Алибеку, возвратилась. Вскоре пришли лазутчики - братья Джамал, Джам, и нарочный, посланный в Андию. По их словам, Алибек не смог пробиться в Андию и со своими людьми через горы вернулся в Симсир.

ГЛАВА XV

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Есть спасенье одно побежденным -

забыть о спасенье.

Заранее извещенному о том, что Алибек едет в Андию, наибу Гирею удалось с помощью верхушек местных аулов и силами отрядов подполковника Лохвицкого одну часть населения запугать, а другую направить против Алибека. Перекрыв единственную дорогу, идущую туда, Гирей прогнал Алибека обратно.

Зажатый вновь в кольцо, Алибек опять возвратился в родные леса. У него не оставалось даже надежды на то, чтобы поднять борьбу до уровня ее первоначальной стадии. Надвигалась зима. Снег уже выпал у подножия гор. Беспрерывные дожди и холода оголяли леса.

Симсирские леса были последним убежищем Алибека. Он решил посылать оттуда своих людей поднимать аулы, если же не хватит сил, остаться там на зиму.

В это же время к генералу Свистунову пришло письмо. Командующий приказывал ему возложить на полковника Батьянова окончательный разгром и поимку Алибека, а самому со своим отрядом идти в Дагестан.

Смекалов дал Козловскому прочитать письмо командующего. Тот прочитал и вопросительно посмотрел на генерала.

- Окончательный разгром Алибека остается на вас и Михаиле Ивановиче, - сказал Смекалов. - По моим сведениям, с Алибеком самое большее триста человек. Окрестные аулы смирились. Как вы знаете, командующий приказывает мне срочно идти в Андию. Но я не могу уйти, оставив Ичкерию открытой. Алибек покинет свое логово и выйдет к аулам на Аксае. Поэтому срочно пошли к Батьянову нарочного с письмом, чтобы он завтра стал на позицию в Алхан-хуторе или в Булгат-Ирзу. Послезавтра утром я с отрядом ухожу в Андию.

- Батьянов тоже получил такое же письмо, ваше превосходительство.

- Тем лучше. Это облегчает дело.

- Однако Михаил Иванович недоволен этими распоряжениями.

- Что значит "недоволен"? - удивился Алексей Михайлович. - Приказ есть приказ.

- И все же Батьянов отправил письмо с изложением причин своего несогласия.

- Например?

- Два батальона и одна сотня нашего полка, как вам известно, находятся в Темирхан-Шуре...

- Оставшихся батальонов более чем достаточно, чтобы уничтожить шайку Алибека.

- В данное время это - незначительная сила, ваше превосходительство. В лесах еще не опали листья. Отряд, который проникнет в глубь Ичкерии, будет полностью истреблен мятежниками.

- О, боже мой! Сейчас в беноевских аулах не осталось ни души. Даттахцы, чеччелхинцы и гендергеноевцы все за нас. Против какой-то горстки шайки Алибека у вас имеются три батальона, две казачьи и одна кумыкская сотни,

артбатарея. Кроме того, вам в помощь организованы дружины ауховцев и салатавцев. И вы еще боитесь? Мне стыдно слушать вас, подполковник.

- Ваше превосходительство, я вам сказал не свои слова, а повторил слова командира полка.

- Но ведь это письмо велит мне отбыть в Андию. А это приказ командующего. - Смекалов взял со стола письмо Свистунова, помахал им перед полковником. - Что же мне делать, милостивый государь?

- Наверное, подождать ответа Батьянова. А у нашего отряда ведь мало сил, чтобы бросить его в симсирские леса.

Да и Смекалов сам не хотел уходить в Дагестан, не доведя до конца многомесячный труд, оставив за спиной Алибека. Он решил бросить весь отряд на Симсир и покончить с Алибеком. Решение решением, но для его осуществления нужен надежный план. К тому же, вот уже третий день Смекалов томился со своим отрядом в беноевских аулах. Сожженный Алхан-хутор стал для него своего рода резиденцией.

Надеясь, что в голову придут правильные идеи, он вышел на восточную окраину аула, чтобы немного проветриться. Прямо напротив был виден сожженный Булгат-Ирзу, раскинувшийся по склону Терга-Дука, к югу, среди лесов, несколько домишек Даттаха. Оттуда вверх шла единственная дорога в симсирские леса. Может, туда были и другие дороги, но в отряде не было человека, который бы знал о них.

Постояв так, окидывая взглядом окрестности, Смекалов тихим шагом вернулся в свою палатку и собрался было расположиться поудобней, когда вошел капитан Пруссаков и сообщил, что пришел какой-то человек из лагеря Алибека.

- Что это за человек? - спросил удивленный Смекалов.

- Не знаю. Говорит, что принес нам важные сведения.

- Зовите его сюда. Где прапорщик Мовсаров? Побыстрей разыщите его.

- Вскоре, пригнувшись, в палатку вошел высокий человек с округлой бородой и пышными усами.

- Дарасти, инарла!

- Здравствуй, кунак! - кивнул Смекалов. - Откуда ты?

- Бено. Бено.

- Зачем пожаловал?

- Симсир. Алибек.

- Садись, - указал бенойцу на табуретку.

Так сидели они, не имея возможности разговаривать, но вскоре пришел Пруссаков с прапорщиком Элби Мовсаровым.

- Спросите его, прапорщик, как его зовут, откуда.

- Говорит, что сам он беноец и зовут Бисолтой.

- Зачем явился?

- Я был в шайке Алибека, инарла. Бежал от него, пришел сюда.

- Зачем?

- Чтобы помочь вам поймать этого злодея и его шайку.

- Как?

- Я знаю все его тайны.

- Выкладывай, что ты знаешь?

Круглые крысиные глаза Бисолты засверкали жадностью.

- Не то время, кант, - обратился он к Элби, - чтобы делать бесплатные услуги. Спроси инарлу, какую выгоду я буду иметь, если выдам секреты Алибека.

- Передайте ему, что у мятежников нет неизвестных нам секретов, - сказал Смекалов, выслушав Элби.

- Тогда мне нечего вам рассказывать, - хлопнул беноец по коленям, делая вид, что поднимается.

- Что это он? - спросил начинающий сердиться Смекалов.

- Пойду.

- Мы так не отпускаем попавшего к нам мятежника. Арестуйте его и посадите его куда-нибудь.

Элби перевел слова генерала.

- Если не расскажешь добровольно, тебя заставят сделать это против воли, Бисолта. Не зли инарлу. Он приказывает посадить тебя.

- За что меня сажать?

- За то, что вместе с Алибеком сопротивлялся властям.

Бисолта презрительно усмехнулся.

- Кто говорит, что я был с Алибеком?

- Ты сам это говоришь.

- Я был ни за кого. Боялся и вас, и его.

- А теперь?

- Теперь Алибек перестал быть опасным.

- Если инарла рассердится, не посмотрит, виновен ли ты или нет, а расстреляет, Бисолта. Лучше делай, что тебе говорят. Сколько ты просишь за свою тайну?

- Пусть инарла об этом спросит, тогда я отвечу.

- Я тебя спрашиваю от его имени.

- Скажи инарле, что мне не нужна плата. Были случаи, что я из боязни оказывал Алибеку некоторые услуги. Передай инарле, что, если он простит мне мои шалости, разрешит оставшийся мой скот перегнать в Дарго и возьмет там меня под свое крыло, я проведу его войско прямо в лагерь Алибека.

Смекалов дал слово выполнить просьбы Бисолты. Тогда тот рассказал о положении в лагере Алибека. По словам Бисолты, у него более двухсот человек. Он остановился в верховьях Ярыксу, в густом лесу, куда ведет лишь одна дорога. Собираясь там провести зиму, он завез туда много муки и вяленого мяса. С Алибеком там Солтамурад, аварец Раджаб-Али, Тозурка, Косум, Нурхаджи, Янгулби и другие товарищи.

- Все это нам известно, - не придавал Смекалов значения сообщениям предателя. - Так легко тебе не смыть свою вину.

Но Бисолта не растерялся.

- Хоть ты и знаешь то, что я тебе рассказал, но тебе неизвестна дорога к лагерю Алибека, - торжествующе улыбнулся он. - Если вы выполните мою просьбу, я поведу ваше войско к лагерю с тыла.

Приказав, когда Бисолта вышел, не спускать с него глаз, Смекалов сел совещаться с Пруссаковым и Мовсаровым.

- Бисолта - один из самых состоятельных людей в Ичкерии, ваше превосходительство, - сказал Пруссаков. - У него веские причины ненавидеть Алибека. По-моему, он не станет обманывать нас. Что ни говори, а ему собственная шкура дороже мятежников.

- За Бисолту я могу поручиться, - добавил Элби. - Он наш человек, хотя некоторое время блуждал.

Смекалов наконец принял решение совершить экспедицию в Симсир. Изучив после обеда топографическую карту местности, он посоветовался с офицерами, ранее бывавшими там, а вечером, собрав короткое совещание, выложил перед ними свой план.

- Сложившаяся в Дагестане ситуация требует отправки туда наших основных сил, - сказал он. - Но мы не можем уйти в Дагестан, оставив за спиной Алибека с его шайкой. С Алибеком завтра должно быть покончено. Мятежники укрепились в Дюйр-Корте. Единственную дорогу, которая идет на гору по западному склону, они перекрыли, выставив далеко впереди пикеты. Нападение с фронта закончится безуспешно. Потому одной колонне надо ночью пройти по горам и ударить по лагерю с тыла. На эту колонну ложится самая трудная и ответственная задача, поэтому она должна быть сформирована из самых смелых и отважных двухсот пятидесяти казаков. Начальником колонны назначается старшина Рогожин, а его помощником - капитан Пруссаков. Вторые и третьи колонны формируются из куринцев и тенгинцев. Все колонны в шесть часов вечера должны держать в кольце Дюйр-Корт. За два часа до прибытия туда колонн, подполковник Козловский со своим отрядом совершит нападение на Симсир, чтобы отвлечь мятежников. До конца операции строго следить за туземцами, находящимися в лагере.

- Ваше превосходительство, в моем отряде не хватает патронов, - сказал Рогожин.

- Я написал командующему, чтобы он прислал шесть тысяч патронов.

- А в моем отряде нет водки, - вырвалось у капитана Виноградова. - Солдаты мерзнут в этой слякоти. Да и настроение у них надо бы поднять перед операцией.

- Все будет, господа. Соберите всю водку в отряде и отдайте отправляющимся на операцию. Патроны, водка и наградные кресты должны прибыть не сегодня-завтра. Есть еще вопросы? Завтрашний день должен быть для шайки Алибека последним. Просьба к офицерам: смотрите, не упустите ни одного мятежника. И солдатам скажите, что в лагере Алибека имеется много добра.

А теперь идите и готовьтесь к завтрашнему дню.

Алибек, которому не удалось пробраться в Анды, отчаялся в успехе на этот год. Ичкерия пала основательно. И зима была уже на носу. Одетые кое-как повстанцы не могли продолжать борьбу в зимние холода. Они и в мирное время не имели возможности пойти зимой из аула в аул.

А зима надвигалась раньше обычного. О том, чтобы перезимовать в лесу, не могло

быть и речи. Часть последних повстанческих остатков рассеялась по отдаленным равнинным аулам. Двести человек, находившиеся с Алибеком, остались, решившись умереть. Хоть имам не требовал от них ничего, они сами поклялись бороться до последней минуты.

Хоть положение было и незавидным, но в глубине души у них все же теплилась какая-то надежда. С этими двумястами людьми Алибек вернулся в симсирские леса. Сперва он решил остаться на зиму в родном ауле. Однако это было опасно. Каратели наведывались сюда очень часто. Кроме того, соседние ауховские и аварские аулы с особым воодушевлением последовавшие вначале за Алибеком, теперь угрозами и обманом настроили против повстанцев. Да и не только их, но еще и даттахцев, чеччелхинцев и гендергеноевцев. Симсир находился в их окружении. Чтобы быть подальше от опасности, Алибек, не останавливаясь в Симсире, вышел к верховьям протекающей по юго-западной стороне Ярыксу и решил зимовать на горе Дюйр-Корте, покрытой вековыми лесами и окруженной каменными утесами.

Третий день повстанцы были заняты приготовлением к зиме. Никто не отдыхал. Одни копали землянки, другие готовили кровельный материал, третьи - заготавливали корм для лошадей.

Сегодня уже была достроена землянка Михаила, Юсупа, Елисея и Янарки. Они вырыли в склоне нишу глубиной в два метра, установили в передней части и в середине один длинный и по бокам два коротких столба с рогатинами на концах, положили на них вместо балок три продольных шеста, застелили их прутьями и ветвями и накрыли сверху толстым слоем дерны. Внутри, вдоль стен, они оставили выступ в виде нары, чтобы спать на нем. В одном углу провели вверх по стене печную трубу, вывели ее через потолок наружу и замазали глиной. Подстелив толстым слоем осоку, принесенную всеми четырьмя по охапке, они прилегли отдыхать на своих "кроватях".

- Теперь нам не хватает только невест, - сказал Янарка, - распластавшись на мягкой осоке. - А, Элса? Дом есть. Матушка надо, жина надо!

- Не плохо бы, Янек! - потер руки Елисей. - Я бы лучше дрался, если бы мне красивую бабу. Эх, Янек, видно так холостяком и умру.

- Зачем умирать? Эти шесть месяцев в аулах стало много вдов. Буцани, овдовевшая после смерти Хортинского Асхада, женщина-то, что надо. Видел ее? Пышная, каких ты век не видал. Квадратное тело, бедра потолще твоей талии. Уточка, настоящая уточка!

- А я понравлюсь ей?

- Как не понравиться ей! Я слышал, что Асхадом она была недовольна. Видно, плохой был бычок, чтоб лежать ему еще глубже. А Буцани нужен такой, как ты, рыжий бугай с толстой шеей и курчаво заросшей грудью.

- Она не выйдет за христианина.

- Какая разница - христианин или мусульманин. Немало и таких браков. Наши выходили за ваших и ваши за наших тоже. Ведь этот Юсуп - выводок такого брака. Посмотри на него - чеченский нос, русские глаза и двойная храбрость от тех и других.

- Как бы и нашим не овдоветь, Янарка, - сказал уставший и не очень склонный к шуткам Кайсар.

- Моя-то после меня не останется без мужа. Я уже с Мишкой договорился.

- Зачем мне твоя старая тощая баба!

- И нисколько не стара! Правда, худощава. Если ты будешь кормить ее месяц,

через месяц зажиреет, как барсук. Потом поедешь в город, накупишь пудары-мудары, раскрасишь. И такая красивая курочка получится. Да еще в придачу двух подросших мальчиков. Кругом выигрыш, Мишка. И мне на том свете спокойно будет.

- Шутки шутками, но надо о двери побеспокоиться. Из чего бы нам ее сделать?

- Зачем она нам. Не сегодня, так завтра отправимся в рай или ад.

Кайсар встал и вышел. С центра повстанческого лагеря, из-под крыши жилища донесся густой и мягкий голос Алибека, заканчивающего вечерний намаз.

Елисей посмотрел на товарищей.

- Почему вы вдвоем не идете молиться?

- У нас с Богом, Элса, секретный разговор, который нельзя говорить среди ста человек. Эх, Элса, давно я наведывался домой. Молодка моя, наверное, тоскует.

- Ты большой безбожник, Янек. У нас не будет иных молодок, кроме наших ружей. - Елисей взял свою берданку и погладил ее.

- Моя самая красивая, самая верная!

- Жили вдова и ее сын, - начал Янарка. - Как сейчас на нас, надвинулась зима. А у матери с сыном не было одеяла. Собрали они все, что могли, и пошли на базар покупать себе одеяла.

Мать купила одеяло, а сын ружье. "Сын, почему ты не купил одеяло?" - спросила мать. "Ружье мне нужнее одеяла", - ответил сын. Настала зима. Лютая зима. Мать спала спокойно, закутавшись в одеяло, а сын подтянул ноги к носу, свернулся в клубок и лежал, дрожа. "Ты что дрожишь, сын мой?" - спросила проснувшаяся мать. "З-з-зам-мерз, н-не списпится", - с трудом ответил сын. "Накройся ружьем и ложись, дорогой, согреешься", - вновь укуталась мать в одеяло и уснула, посвистывая носом...

Мы отвергли своих жен и избрали себе эти ружья, Элса. Вспомнив про жен, будем обнимать свои ружья...

Гул пушечного выстрела, докатившийся с Чеччелхинского хребта, оборвал разговоры друзей. Они выскочили из землянки и посмотрели туда, но туман, окутавший долину Ярыксу и все горы вокруг, заслонял все. Не успели они схватить свое оружие, и добежать до центра лагеря, как вновь послышался грохот. Прибежали с оружием еще человек двадцать, которые не вошли в группу молящихся:

- Что случилось?

- Откуда стреляют?

- Не знаю. И вы тоже не знаете?

- Куда там. Туман же.

- А эти все молятся!

- Подсократив молитву, вышли Алибек, за ним Солтамурад, Раджаб-Али, Акта и Кори.

- Где стреляют пушки? - спросил Алибек.

- Под Чеччелхинским хребтом, - ответил Янарка.

Весь лагерь замер, прислушиваясь.

- Косум, возьми с собой пять человек и посмотри, где враг и что он делает. Тозурка, ты вместе со всеми симсирцами пойди и стань у обрыва. Но без моего разрешения не стреляйте. Взяв с собой Янарку, Юсупа, Михаила и двух симсирцев, Косум быстро скрылся в тумане. Через полтора часа со своим отрядом пошел вниз к Симсиру и Тозурка. Приказав людям готовиться, Алибек вместе с соратниками пошел в дом, где они только что молились, на совет.

- Мы допустили сегодня ошибку, - сказал он, садясь на осоковую подстилку на земляном полу. - Стараясь укрепиться здесь, забыли все внешнее. Солтамурад, где твои разведчики?

- У меня расставлено по пять воинов с интервалом по две-три чаккармы на всех дорогах вокруг Дюйр-Корта и Симсир, но, как ты сам видишь, никто не пришел с сообщением. Наверное, пушки стреляют вдалеке.

- А человек, которого ты послал в Беной?

- Не вернулся.

- Из лагеря никто не уходил?

- Без разрешения - никто.

- Почему не видать Бисолты? - спросил Раджаб-Али.

- Он ушел вчера, сказав, что идет в Беной-Ведено посмотреть, что сталось с его отарой.

- Он отпросился у тебя?

- Да.

Алибек недовольно покачал головой.

- За Бисолту я отвечаю, - сказал Солтамурад. - Я хорошо его знаю. Кроме того, он много помогал нам.

- Ты говоришь о двух десятках зарезанных для нас тощих овец. И ты считаешь, что это большая услуга. У него овец несколько сотен. Правда, ты поручился за него.

- Не знаю, Алибек-хаджи, что ты в нем такого увидел, но я знаю его самого и его отца. Они неплохие люди.

- А откуда у него это богатство?

- Этого я не знаю.

- Вот так-то!

- Что это ты стал его поздно подозревать? Что ты раньше не говорил?

- Правда, я спохватился поздно. Уж много людей продалось из беноевцев. Джаму, Джамал, Усман. Это те, которые выдали себя, а сколько их может быть не разоблаченных...

- Не только среди бенойцев такие бывают. Эти три собаки разоблачили себя. А ты забыл, как зандаковцы почти всем аулом вышли против нас? А чеччелхинцы, даттахцы, зандакаринцы?

- Давайте без попреков, - вмешался в разговор Раджаб-Али. - Не бывает отары без паршивой овцы. Разве не слышите, как палят из пушки?

С интервалом в двадцать минут пушка выстрелила в пятый раз. Это стреляли по

приказанию Козловского, ставшего лагерем между Зандаком и Даттахом. Пользуясь туманом, спустился по Чеччелхинскому хребту и остановился, не доходя до Ярыксу. Он должен был подойти близко до Симсира, но не нападать на аул, а выстрелами отвлечь на себя повстанцев. Но Козловский не решился близко подойти к аулу. Он боялся в тумане наткнуться на засаду.

Вернувшийся через час Кори рассказал, где стоит колонна Козловского.

- По-видимому, они задумали какую-то хитрость, - сказал призадумавшийся Кори.

- А от наших товарищей, стоящих на часах, никаких вестей.

- Они не могут врага видеть издали, если тот не наткнется на них. Густой туман, так что за десяток шагов ничего не видно.

- Да еще ночь приближается.

- Мне кажется, мы должны быть готовыми к бою, - подытожил Алибек.

В эту минуту вошел один из посланных в пикет.

- Через Эти-Корт сюда движется войско! - выпалил он запыхавшись.

- Много солдат?

- Не знаю, не разобрать сквозь туман.

- Какой дорогой они идут?

- Со стороны Булгат-Ирзу.

- Значит, на Симсир идут.

- Есть ли у нас силы, чтобы защищать аул? - спросил Солтамурад, колеблясь. - С двух сторон надвигается войско, а нам и помощи ждать неоткуда.

- Если станем защищать аул, они его разрушат, - покачал головой Кори. - Зачем причинять людям беду? Мне кажется, лучше встретить их на Ярыксу.

- А что, если отступить без боя? Как мало у нас сил! - снова высказался Солтамурад.

- Что скажешь ты, Раджаб-Али?

- Неужели нам все время только убегать, Алибек-хаджи?

Надо драться...

- Нурхаджи?

- Как предлагает Кори, надо спуститься в Ярыксу и драться.

Алибек встал.

- Тогда готовьте каждый своих людей. Вы, Солтамурад, и Сулейман, выйдите навстречу войску, которое движется через Эти-Корт. Раджаб-Али, ты иди навстречу войску, приближающемуся от Чеччелхи. Элса возьмет с собой полсотни человек, спустится по нижнему склону этой горы и выйдет в тыл войска, идущего от Беноя. Я с остальными спущусь в Ярыксу. Если сопротивление будет безнадежным, понемногу отходите. Если по Божьей воле мы потерпим поражение, оставшиеся в живых встретятся здесь. Ну, кентий, да дарует нам Бог удачу!

Но лишь спустились группы Раджаб-Али и Солтамурада, как с южной стороны горы раздались выстрелы.

В то время, как все внимание Алибека переключилось на Козловского, незаметно в густом тумане, с трех сторон на него надвигались колонны Рогожина, Виноградова и Наумова. Колонна Виноградова, карабкаясь вверх по размытым дождями тропам, пробираясь сквозь густые леса, к шести часам вечера добралась до подножия Дюйр-Корта. Главные же трудности были впереди. Грозно возвышался над местностью Дюйр-Корт с отвесными утесами и дремучими лесами. Туда не поднималась ни одна тропа. Солдаты лезли вверх, хватаясь за кусты, ветви деревьев, выступов скал. Да и склон был весь размыт дождем, который лил всю ночь. Спеша до сумерек успеть взобраться на гору, Виноградов торопил солдат. Но восхождение шло медленно. Ноги скользили в грязи. Когда колонна дошла до середины, ее заметили повстанцы. Алибек бросился туда с охраной.

- Берегите боеприпасы! - крикнул он, когда воины залегли за кручей. - Пусть подойдут поближе.

Первый показавшийся ряд они дружно отбросили. Но солдаты рассыпались и упорно лезли вперед. Елисей старался поднять дух товарищей, перебегая с места на место. Он произносил чисто чеченские слова, которые выучил:

- Тетоха йовссаршна!

Дружные залпы лезущих вверх солдат молнией высвечивали лес.

- Братья! Бейте врага! - вновь побежал Елисей вдоль залегшего ряда. Он иногда останавливался и выстрелом укладывал высунувшегося из-за дерева или отделившегося от земли противника.

- Эй, Янек! Как дела? - крикнул Елисей пробегавшему мимо Янарке.

- Как у барана под кинжалом!

Между тем разгорелся бой на правой стороне. Это колонна капитана Наумова вышла в фланг.

- Алибек, справа враг! - вскрикнул Елисей, увидев идущего навстречу с обнаженной саблей имама. - Что там?

- И оттуда напирают! Кайсар! Нурхаджи! Быстро спускайтесь вниз и зовите наверх Раджаб-Али и Тозурку.

Но Раджаб-Али и Тозурка сами подоспели со своими людьми.

- Что там внизу? - спросил Алибек подошедшего Тозурку.

- Ничего абсолютно. Очевидно, солдаты пришли сюда окружным путем.

- Где Солтамурад?

- Не знаю. И с его стороны не слышно выстрелов.

- Скажи ему, пусть нападает с тыла, а не удастся - отойдет сюда.

Произведя с интервалами пять выстрелов из пушки по Симсиру и не получив оттуда ответа, Козловский со своей колонной к шести часам вечера отправился обратно в лагерь. Убедившись, что этот маневр удался, все колонны одновременно начали наступление.

- Кори! Кори! Иди с отрядом Акты вправо. Раджаб-Али! Помоги Элсе! - распоряжался Алибек, стоя под свистом пуль.

Когда подошла подмога, Елисею удалось сбросить под гору нападающую колонну Виноградова. Но когда здесь наступило некоторое затишье, на правом фланге сражение достигло высшего накала. Колонне Наумова удалось незаметно для повстанцев подняться на гору. Из пятидесяти человек Кори, противостоящих

колонне Наумова, уже погибло несколько. Теперь маленький отряд повстанцев из двухсот человек разделился на три части. А на восточную сторону Дюйр-Корта Бисолта осторожно вел колонну Рогожина. Солтамурад, ушедший с полусотней бойцов на Эти-Корт, все не появлялся там.

Кори раз удалось отбить атаку врага. Стрельба на несколько минут утихла.

- Отступили, что ли? - спросил Кайсар, который лежал, держа палец на курке.

- Нет, они не отступят, - спокойно сказал Кори. - Они или нас уничтожат, или сами погибнут.

- И укрепить гору мы не успели, увлекшись жилищами.

- Кто знал, что они придут так скоро. Были ведь сообщения, что инарла со своим войском уходит в Дагестан.

- Значит, пустили ложные слухи.

- Нет, таков был приказ из Буру-Калы. Вероятно, они изменили планы. Что это они умолкли?

- Схожу-ка посмотрю.

- Опасно.

- Ничего. Подползу к краю и гляну вниз.

Когда Кайсар подполз к краю склона и глянул вниз, по коже его пробежал мороз. Рассыпавшись в цепь, наверх лез подоспевший новый отряд. Не было сомнения в том, что через несколько минут они будут на вершине горы. Обе эти стороны у повстанцев были открытые, без единого человека. Кайсар ползком отодвинулся назад и, пригнувшись, бегом вернулся к Кори.

- К ним подоспела подмога. Лезут вверх врассыпную.

- Скажи Элсе, пусть он идет туда со своими людьми.

- Открывая его участок?

- Оставишь там десяток человек во главе с Актой.

Когда куринцы лезли наверх, с двумя десятками человек туда подоспел Елисей. Передний ряд солдат выбрался на вершину, разрядил берданки и с криками "ура" бросился вперед. Повстанцы успели лишь дать один залп, и обе стороны схлестнулись врукопашную.

- Тоха йовссаршна! - крикнул Елисей и ринулся первым на врагов.

Он отбросил стволом ружья нацеленный ему на грудь штык и, ударив в висок прикладом, опрокинул рослого солдата. Узнав по крику Елисея, урядник с бычьей шеей бросился к нему, желая проткнуть его штыком. Но Елисей отбросил в сторону ружье, ловко вывернулся, схватился левой рукой за штык, а правой выхватил кинжал и вонзил его в живот урядника.

Колонне Виноградова тоже удалось выбраться наверх. Отобранная из тенгинцев команда, поднявшись по крутизне, казавшейся повстанцам безопасной, напала на Акту с тыла. Тщетной оказалась тут и храбрость Алибека. Когда он бился с куринцами Виноградова, его с несколькими товарищами втерли в гущу напавшие с тыла тенгинцы. Спиной друг к другу они саблями сдерживали натиск врага. Алибек в эти минуты был похож на разъяренного тигра. Всего больше угнетала его неведение того, что происходило вокруг. В разных местах дрались его братья Ала-Магомед, Алимхан, Арапхан, Султи. Рядом с Алибеком сражается четырнадцатилетний Зелимхан. Алибек сражается, закрывая его, раненого в

плечо, своей спиной. Он не знает, что сталось с остальными братьями. Уже пали на его глазах друг детства из Симсира Али и двоюродный брат Сурхо. Раненый в левое плечо Зелимхан изо всех сил старался помочь брату. В самый разгар боя слышался подбадривающий клич Елисея, Акты и Раджаб-Али. Алибек то и дело прислушивался, не подоспеет ли Солтамурад. Теперь уже своим появлением он ничего не мог изменить. Хоть бы догадался напасть на врага сзади. Но ни со стороны Симсира, ни с тыла противника не было слышно выстрелов.

О том, чтобы остаться в живых, и мечтать не приходилось. Теперь каждый решил отдать свою жизнь как можно дороже. Все повстанцы постепенно собирались в одно место. Последним присоединились бойцы Кори, и повстанцам удалось прорвать кольцо окружения.

- Отступайте к оврагу! Отступайте к оврагу! - дважды крикнул Алибек. - Передайте всем, чтобы отходили к оврагу...

Была уже ночь. Только что взошедшая луна освещала вершину гор. Но низину окутал серый туман. Спустившись шагов на сто, повстанцы могли спастись. Они, как свои пять пальцев, хорошо знали все здешние тропинки, овраги, впадины. Человек двадцать во главе с Елисеем, вооруженные берданками, прикрывали тыл отступающих повстанцев. Янарка, завладевший берданкой и патронтажем убитого солдата, стрелял часто, то и дело оборачиваясь, идя рядом с другом.

- Дело плохой, Мишка! - бросил он, когда стрельба несколько поутихла.

- Что случилось, Янек?

- Патроны кончаются. Два только осталось.

- На, вот тебе еще пять.

- Ай, спасибо, Миша. Если останемся с тобой живы, Буцани твоя!

Спешивший на помощь Солтамурад и отступавшие с горы вместе достигли верховья Ярыксу. Здесь были и бежавшие из Симсира семьи.

- Что это? Зачем вы здесь?

- Мы пришли, спасаясь от солдат! - закричали женщины.

- Бежавший от воды под мельницу угодил - вот так получилось и с вами! Быстрей идите назад. Ну, не мешкайте! За нами идут солдаты, здесь будет бой. Ну, ну, бегите отсюда, возвращайтесь домой и притворитесь, будто ничего не знаете...

Алибек ввел Зелимхана в домик, разодрал кинжалом наволочку старой подушки и перевязал мальчику плечо. Маленькую комнатушку заполнили вошедшие Солтамурад, Сулейман и Раджаб-Али.

- Потери большие? - спросил Солтамурад.

- Не знаю, - холодно ответил Алибек. - Что вы вдвоем там делали?

- Зря мучились. Враг скрылся в лесах, когда мы еще не успели подойти.

- А вы?

- Подождали немного, прислушиваясь. Как только начался бой, заспешили сюда.

- Но разве нельзя было погнаться за ними?

- Как гнаться с полусотней человек, не зная сколько их?

- Уж услышав на горе бой, можно было хоть стрельбой отвлечь на себя часть вражеских сил, если даже не решались напасть на них сзади.

- Теперь ничего не поправишь. Давай принимать какое-то решение, пока не прибыли солдаты.

- Мое решение - умереть здесь, сражаясь.

- Умирать еще рано, Алибек-хаджи. Спасемся еще, - сказал Солтамурад.

- Куда ты собираешься деваться, спасшись?

- Свет велик.

- Куда бы ни скрылся, все равно поймают. Если не завтра, то послезавтра наверняка.

- А что умирать нам, что ли, твердя об этом? - вмешался Сулейман. - Станем абреками.

- На всю жизнь?

- За это время что-нибудь да произойдет. Как сказал мулла Насреддин, либо ишак подохнет, либо хозяин ишака умрет.

- Умереть мы еще успеем, Алибек, - поднялся Кори. - Умереть не сложно. Борьба еще не окончена. Ради нее сохраним свои жизни.

Начатый спор еще продолжался, когда во дворе раздались выстрелы. Алибек схватил свою саблю и ружье и хотел выскочить, но, взглянув на скорчившегося от боли младшего брата, остановился.

- Надо спасаться, Алибек-хаджи, - подтолкнул его сзади Солтамурад, хлопнул ладонью по спине.

- А как быть с мальчиком? - растерялся Алибек.

- Оставим здесь. Он же маленький, его солдаты не тронут.

- Поздно, у нас нет пути, чтобы спастись, - сказал Алибек. - Потуши лампу. Готовься к бою.

Потушив лампу, люди стояли у окон, у двери. Но пальба вдруг стихла.

На домик наткнулись всего двадцать солдат, которые отделились от отряда, занявшего Дюйр-Корт, и преследовали повстанцев. Стоящие снаружи повстанцы быстро отбросили их назад. Отступив на некоторое расстояние и думая, что напоролись на большой повстанческий отряд, они послали человека за подмогой, а сами держали домик под наблюдением.

Когда снаружи стало тихо, Алибек подозвал к себе Кайсара и Елисея:

- Идите, соберите оставшихся людей и готовьтесь к отходу.

Когда они вышли, оставшиеся в домике постояли еще немного и приготовились тоже выйти. Но в эту минуту на левой стороне от Ярыксу началась еще более яростная стрельба. Снова бешено закипел бой. С этой стороны стрельба была реже. Алибек, который в душе решил погибнуть здесь, сражаясь до конца, не спешил выйти из комнаты. Но теперь делать это было уже и поздно. Стрельба вплотную приблизилась к домику. Стоящий у окна Кори заметил приближающегося к дому человека. По обмундированию он понял, что это офицер.

- Эй, в доме! Сложите оружие и выходите! - крикнул он по-чеченски.

- Это же голос Элби, - сказал Солтамурад и бросился к переднему окну. - Точно, он!

Кори молча прицелился Элби в грудь и выстрелил. Кори видел, как у него из рук вывалилось ружье и как правая рука его, точно помертвев, свесилась вниз. Оставшаяся во дворе группа повстанцев во главе с Кайсаром и Елисеем вошла в лес на склоне и продолжала отстреливаться. Но тех и других оберегали густой туман, деревья и огромные валуны в русле. Теперь солдаты переходили речку чуть ниже и выше и пытались окружить домик.

- Алибек-хаджи, напрасно наше сопротивление, - обернулся Солтамурад. - Надо спасаться. У меня боеприпасов только на пять зарядов.

- Куда же нам деваться?

- Назад. Выскочим в окно.

- Но ведь там тоже солдаты.

- Ничего. Пусть кто-то погибнет, но кто-то может и спастись.

- Что делать с мальчиком?

- Я же сказал тебе, солдаты его не тронут.

- А если домик загорится?

- Мы все в руках Божьих! Ох! Вон тот, что стоит - это же свинья Бисолта!

- Не говори так, - иронически заговорил Алибек. - Ты же говорил, что он чистый ангел.

- А за ним - симсиринец Сетаха.

- Смотри получше - еще много других увидишь!

- Ах, божьи вражины! А твою душу я сейчас возьму, рыжая свинья! Эй, Элби, Бисолта! - крикнул Солтамурад, выглянув в окно. - Слышите?

- Слышим, Солтамурад! Сложите оружие и выходите. Мы попросим у инарлы милости для вас, - закричал в ответ Бисолта. - Он дал мне слово выполнить любую мою просьбу.

- Чтоб сожительствовать отцу твоему со свиньей, ублюдок, рожденный потаскухой! - потерял терпение Солтамурад. - Ты с доносом ходил, подлец?!

Солтамурад быстро вскинул ружье и прицелился в Бисолту, Кори оттянул его руку назад.

- Не стреляй, Солтамурад! Спасем этого мальчика через них. Дай ему знать, что если они тронут на нем хоть один волос, то мы не оставим от них и дыма.

- Ох, правильно ты говоришь! Эй, Бисолта, Элби! С нами раненый четырнадцатилетний мальчик. Если его убьют или возьмут в аманаты, мы лишим вас семьи и богатства. Слышите?

- Слышим. Твои угрозы напрасны, Солтамурад, кто вас оттуда живыми выпустит? Лучше сдавайтесь!

- Ты слышал, что я сказал?

- Слышал.

- Не забывай. Мы сейчас сдадимся. Убьют ли нас или посадят, остаются живыми наши товарищи, дети. Если этому мальчику причинят зло, я уже сказал, что с вами будет. Помните мое слово.

- Хорошо, бросайте оружие и выходите.

- В сей же божий час. - Потом Солтамурад понизил голос и обратился к Алибеку: - Разбейте окно сзади и выскакивайте. Я выйду последним.

Нурхаджи ударом ноги высадил всю раму. Алибек выпрыгнул первым.

- Ну, Солтамурад, выходи! - заторопил старика Кори.

- Я последним выйду.

- Оставь разговоры. Ты стар. Не трать зря времени!

Несколько солдат, лежавших ничком и стороживших заднее окно, увидев, как отскочила рама, дали по проему залп. Но прежде чем они успели повторить, выскочивший Алибек, не прячась, бросился к ним и разрубил саблей первого попавшегося под руку. Растерявшиеся солдаты не успели прийти в себя, как подоспевшие товарищи Алибека уложили их по одному. Когда силы уравнялись, солдаты бросились назад.

- Сбежали, мятежники сбежали! - кричали они.

Взбудораженные криками солдаты выбегали из леса со всех сторон и, перекрывая путь беглецам, беспрерывно стреляли по ним. Столь удачно начавшееся дело ухудшилось до предела. Впереди дорога была занята, назад тоже не было пути. Но в этот критический момент беглецам пришла неожиданная помощь.

Решив во что бы ни стало спасти товарищей или погибнуть вместе с ними, Елисей и Кайсар с бойцами вышли к опушке леса и тут услышали крики солдат.

- Бегут! - воскликнул Елисей. - Вперед, Кайсар!

Дав сначала залп, потом подняв криками страшный шум, они ринулись вперед. Солдаты растерялись, не зная численности повстанцев. Этой одной минуты заминки беглецам было достаточно, чтобы, уложив несколько человек, преградивших путь, достичь леса.

Подоспевший сюда капитан Наумов принялся ругать солдат.

- Свиньи! Вы прямо из рук выпустили главарей мятежников! Прапорщик Мовсаров! Ты что стоишь, разинув рот? Наверное, тоже с ними заодно? Завтра предстанешь перед трибуналом!

- Чего кричите, капитан? - повысил голос Элби. - Не видите, что я ранен?

Наумов на секунду смутился, но не хотел отступиться от своего слова.

- Знаю. Но вы же не смертельно ранены. Вы что, лишились дара речи, не могли руководить операцией? Нет, вы ответите за то, что упустили мятежников.

- Господин капитан, вы слишком много себе позволяете! Вам следовало не в хвосте отряда плестись, а быть впереди, как я, и самому ловить их.

- Довольно! Я был там, где мне следовало быть. Не вам меня учить.

- Тогда, раз вы такой умница, не стойте здесь и не вопите, а преследуйте их. Они ушли не далее ста метров.

Подошедший капитан Виноградов прервал их перепалку и успокоил обоих.

- Вперед! - громко скомандовал он солдатам. - Надо схватить мятежников, пока они не ушли далеко. Навстречу им идет колонна Рогожина.

В эту минуту впереди раздались выстрелы. Повстанцам было еще далеко до выхода

из окружения.

Эту ночь Смекалов провел без сна. На разгром отряда Алибека, состоящего из двухсот человек, он отправил шесть рот и две казачьи сотни. Кроме того, недалеко от Симсира стоял в резерве значительный отряд подполковника Козловского. Однако Смекалов не совсем был уверен в успешном завершении операции. Если бы повстанцы вышли на ровное место и дрались в общепринятом военном порядке, тогда для разгрома и поимки Алибека достаточно было бы третьей части тех сил, которые он туда направил. Но повстанцы же этого не сделают. Они же не выйдут из густых лесов и горных кручин. То яростно сопротивляясь, то вдруг отступая и появляясь в самом неожиданном месте, они своими многочисленными налетами изматывают противника. И еще ко всему этому - ненастные дни. Первые два дня непрестанно лил дождь. Теперь густой туман заполнил все долины и овраги. Солдатам будет очень тяжело передвигаться не только по горам, но даже по дорогам.

До наступления назначенного времени Смекалов выходил из палатки несколько раз. Хоть и была грязь по колено, он выходил на западную окраину Алхан-хутора, поднимался на холм и тщетно смотрел в ту сторону, прислушивался. Около трех часов после полудня он услышал гром пушечного залпа. Потом через некоторое время еще. И еще. И так пять раз. Наконец, в пять часов вечера на Дюйр-Корте начался бой, который продлился до восьмого часа.

Потом на время наступила тишина, нарушаемая редкими выстрелами. Вновь, уже в другом месте, на горе Цантой-Лам, завязался бой. Но сообщений оттуда не поступало. Сколько разных мыслей клубилось в голове. Если там только группа Алибека, то четыре посланные колонны должны были с ней справиться. Если же к повстанцам присоединились зандаковские и салатавские аулы, то они вместе уничтожат отряд. И вся ответственность ляжет на него, Смекалова. Он ведь послал туда отряд без разрешения командующего, нарушив его приказ, лично.

Когда бой не прекратился и утром, он обратился к отряду, чтобы вышли добровольцы отправиться на Дюйр-Корт. Добровольцев оказалось много, но Смекалов сам выбрал из них двести самых сильных и отважных на вид, образовал еще одну колонну и поставил во главе капитана Лайминга. Смекалов отдал им всю водку и быстрым маршем отправил в Симсир.

Солнце уже поднялось высоко над горами, а бой все продолжался. Когда ему стало совсем невмоготу, он вызвал бенойцев, которых два дня назад посылал за Алибеком, и вновь допросил их. Они не рассказали ничего хорошего. Сказали, что Алибек и его товарищи приготовились умереть и что у многих есть берданки.

И среди всей этой сутолоки еще ходил корреспондент какой-то газеты. В самом начале восстания он провел месяц в отряде Батьянова. Потом прошел по аулам и станицам, побывал в Грозном и Владикавказе, и опять вернулся сюда. За это время появилась лишь пара корреспонденции в газетах "Кавказ" и "Терские ведомости", больше ничего не было, а он крутился здесь несколько месяцев. Прибыв сюда вчера, он бродит тут всюду. И вот идет с заляпанными грязью сапогами.

- Добрый день, ваше превосходительство, - подошел он к стоявшему перед палаткой Смекалову. - Сегодня ясная погода. Как красивы эти горы!

- Да, здесь прекрасная природа, - согласился Смекалов.

- А вокруг ни души. На местах, где были аулы, одни голые стены остались в саже. Куда ушли здешние жители?

Абросимов прекрасно знал участь здешнего населения, но он все равно спрашивал, будто назло.

- На равнину переселили.

- Из Симсира есть вести?

- Нет. Жду вот.

Абросимов окинул взглядом горы вокруг. Из кармана его выглядывала толстая тетрадь. Генералу не понравился умный, проницательный взгляд этого молодого человека еще вчера, когда впервые увидел его.

- Сегодня-завтра с восстанием будет покончено, - сказал Абросимов, повернувшись к нему. - Что вы потом собираетесь делать?

- Что значит "вы", молодой человек? - спросил Смекалов. - Разве вы не такой же русский, как я.

- Русский, но ведь и русские - разные. Я же не военный.

- Это в России так. А среди туземцев нам незачем делать между собой различия.

- По сути так. Но созданные властями социальные условия не позволяют нам быть равными.

- Туземцы не говорят так. Они ненавидят нас. Не делают различий между представителями власти, военными и мужиками. Любого русского они считают своим врагом.

- Это неправда! Народы России не питают никакой вражды к русскому народу. Но что они ненавидят нашу власть, это уж другое дело. А против властей восстают и русские мужики. И условия в Терской области совершенно особые. Между горцами и казаками, которые до установления здесь нашей власти жили мирно и дружно, как родные братья, возникла вражда. Ее породила политика наших властей, которая проводится здесь. Для горцев и казаков существуют разные законы, которые унижают первых и возвышают вторых. Чтобы поддержать вражду между ними, казакам вы даете оружие, а у туземцев забираете. И забираете не сами, а поручаете казакам.

- А разве в России мужикам позволяют носить оружие? Не позволяют. Значит, закон один для всех граждан.

- А казаки разве не российские граждане?

- Они - опора власти. Прочность государства держится на их саблях.

Начали падать крупные капли дождя.

- Что-то мало появляется в газетах ваше имя?

- Для меня достаточно.

- Почему бы вам не написать о подвигах наших воинов?

- Где же они, эти подвиги?

- Здесь.

- Я не собираюсь трубить об этом позоре, ваше превосходительство.

- Вы считаете позором подавление и наказание мятежников, восставших против России, и союзников турок?

Абросимов пристально посмотрел на генерала.

- А на каком основании вы считаете их союзниками турок.

- Они же поднялись на второй же день, как началась война. Но ведь войну объявила не Турция, а Россия.

- И что же?

Я не думаю, что наше правительство заранее предупредило чеченцев об объявлении войны Турции, чтобы они подготовились восстать на второй же день. Ведь восстали не одни чеченцы. Восстали крестьяне одиннадцати наших внутренних губерний. И вы считаете, что и русские рабочие, и крестьяне поднялись на помощь туркам?

Спор их прервал подскакавшие на взмыленных конях Усман и Джамал. Привязав к плетню коней, они неторопливо подошли к генералу, поздоровались с ним, как могли, по-русски, и протянули ему сложенный вчетверо лист бумаги. Смекалов торопливо взял его, развернул и пробежал жадным взглядом.

"*Вчера вечером и ночью партия Алибека рассеяна. Захвачено три значка, в том числе и значок Алибека, взяты младший брат Алибека и один милердоевец и пропасть крупного и мелкого рогатого скота, много вяленого мяса, ковры, посуда, оружие, сбруи и прочие хурды-мурды. Все ценное солдаты поделили между собой, остальное уничтожили. Много туземцев убито. Наши потери незначительны. Ранен прапорщик Элби. Мы преследуем остатки мятежников. В лагерь возвратимся завтра.*

Капитан Пруссаков, 5 октябрь, 1877 год. 10 часов утра"

Смекалов прочитал письмо вторично и облегченно вздохнул. Не рассеивающиеся со вчерашнего дня мрачные тучи на его лице как рукой сняло. Едва заметно расплылись в улыбке его толстые губы.

- Я поздравляю вас с победой, Яков Степанович! Шайка Алибека окончательно разгромлена.

- Причем тут я, - пожал плечами Абросимов. - Я не участвовал в разгроме мятежников. Эту славу я оставлю другим.

Резко повернувшись, Абросимов зашагал прочь, насвистывая мотив какой-то незнакомой Смекалову песенки.

"Похоже, что этот молодой человек ненормальный, - подумал Смекалов, смотря ему вслед. - Впрочем, нынешняя интеллигенция из ума выжила. Не забыть бы о нем сообщить, куда следует".

Двое суток длились бои на Дюйр-Корте и в верховьях Ярыксу.

Потом они шаг за шагом перешли на гору Цантой-Лам.

Бой, который продолжался на следующий день после очистки Дюйр-Корт от повстанцев, был вовсе не бой. Он перешел на охоту за рассыпавшимся по лесам по одному, по два повстанцам и населением. Сопротивляющихся тут же убивали, сдававшихся уводили в лагерь.

Родное гнездо Алибека окончательно разорили.

Гора, покрытая снегом, кажется завернутой в белый саван. Пронизывает тело, словно сито, промозглый ветер, носящийся над скалами и кружащий снегом. Здесь нет даже леса. Вековые леса остались далеко внизу. Там, внизу, можно было бы сделать землянку, укрыться от холода, разжечь костер. Здесь нет таких возможностей. Кое-где по горным склонам видны пятачки зарослей мелкого кустарника. Выше - голые каменные скалы. Повстанцы остановились под каменным утесом с нависшей каменной глыбой. Место это нельзя было назвать пещерой. На песчаной пыли остались следы диких коз. Натертые их боками камни и выступы сверкают, словно отшлифованные. По-видимому, здесь прошлой ночью были козы, теперь их обиталище захватили люди.

Люди стоят и сидят вокруг разложенных в трех местах костров. Вокруг одного

людей побольше. Второй день, как они не ели ни крохи. На их одежде - следы крови и пороховой гари. Многие перевязаны окровавленными повязками. Их лохмотья вовсе не предназначены для мороза этой горной выси. Лица заросли, щеки впали, губы от ветра потрескались. Хоть лишения и голод придавили им сердца, далеко разносится хохот, то и дело раздающийся среди собравшихся вокруг одного костра. Янарка, который расположился среди самых ободранных, сидящих ближе к костру, рассказывает смешные истории. Здесь слышны и аварский язык, и смешной аварский выговор чеченских слов. Между аварцем Хайбуллой из Дилима и гатиюртовцем Янаркой идет перестрелка шуток.

- Боже, как тебе подошла бы роль жухурга при канатоходце! - подшучивает в свою очередь Хайбулла над Янаркой.

И так всегда ветхая, в разноцветных заплатках черкеска Янарки теперь, в последние дни пришла в абсолютную негодность. Из носков изодранных поршней выглядывали два замороженных больших пальца.

Янарка, который поворачивался к костру то грудью, то спиной, стараясь согреться, повернулся к дилимцу:

- Что ты говоришь, Хайбулла?

- Да говорю, Янарка, что такое одеяние походит на наряд жухурга. Красная заплата, белая заплата. Готовый жухург, даже рядиться не надо!

Люди покатываются со смеху.

- Одного недостает, Хайбулла, одного! - повертел головой Янарка.

- Чего же, Янарка? Нужен пелхо?

- Нет, Хайбулла. Твоей головы вместо маски жухурга. Твоих длинных, как у ишака, ушей, красного, как морковка, носа. А глаза! Как много заплатил бы за них тот, кто хочет спятить с ума!..

- Штаны, Янарка, мотня горит! - показал Хайбулла пальцем.

И вправду, отскочившая искра подожгла штаны Янарки в мотне. Янарка, который не придал значения словам дилимца, думая, что он шутит, вдруг схватился за промежность ног и ошалело вскочил.

- Ох, кажется, и на самом деле!

Сидящие вокруг весело расхохотались. Смеялся Хайбулла, вытирая слезы. Растерев место пожара до пепла, Янарка повернулся к сопернику.

- Эх, да благословит тебя Аллах, Хайбулла! Чуть не спалил свое мужское достоинство!

- Лучше бы оно сгорело, Янарка, на твое счастье, - вытирал слезы Хайбулла. - Эти мужские достоинства нам уже лишние!

- Не говори так, Хайбулла! Если мне придется умереть в далеких краях, люди будут смеяться, а был ли этот чеченец мужчиной.

Когда стихли шутки товарищей, Алибек запел тихим голосом, а Нурхаджи начал подпевать:

Безграничны твои земли и силы,

От богатства и сытости ты взбесился,

О, царь, оставьте же бедных нас в покое,

Не навязывай нам порядки чуждые.

Ты земли нас и свободы лишил,

Быть рабами твоими требуешь от нас,

Оставь же нас жить мирно здесь в горах,

Мы же ни у кого ничего не просим...

Елисей не понимал слова песни. Но когда голос Алибека усилился, он внезапно закинул голову и удивительно красивым голосом подхватил мотив:

Тех, кто восстают на защиту свободы и семьи,

Объявляешь преступником, уничтожаешь бесследно,

А шайку палачей, подлизывающихся тебе,

Одариваешь богатством, возвышаешь в чинах...

Мы же не мешали никогда никому,

Уважали чужую свободу и достоинство,

Помогали бедным, поддерживали слабых,

О, царь, оставь нас жить спокойно в горах...

Постепенно вокруг них собрались и те, кто сидел у других костров. Илли, начатое в разнобой, через минуту-две плавно понеслось над скалами и по ущельям, словно хором руководил какой-то невидимый дирижер.

С оружием в руках рыщут шайки твои,

Сжигая наши аулы, сады и леса.

От ужаса ревут женщины и дети,

Их стоны разносятся по горам и ущельям.

Сколько героев народных пропало

Без могильного холма на родной земле,

Нет нигде памятников каменных,

Храбрым защитникам свободы народа.

- Эйт, аи да, кентий!

Но мы не имеем права покориться силе,

Нарушить заветы славных предков,

Остановиться на пути борьбы за свободу,

Показать спины оружию врага.

Не имеет права чеченец, сын свободы,

Встать на колени ни перед кем на земле,

Не мечтай покорить нас, не бывать тому,

Мы смертью храбрых ляжем в боях!..

Героическая, но печальная песня, звучащая по горам, резко прервалась. Словно поднятая ее силой, вихрем закружилась вокруг снежная буря. Взгляды каждого останавливались, уставившись к подножию горы. Немногие знали, что Алибек сочиняет назмы на чеченском и арабском языках. Но никогда не слышали, как он сам исполнял. Его первую назму все приняли как решительный ответ, как ясин надвигающейся смерти.

Буря кружилась страшнее с каждой минутой. Однако люди не нарушали торжественность мгновения. Нахмурились густые рыжие брови Елисея, распластавшиеся на лбу как орлиные крылья, Янарка и Хайбулла забыли свои шутки. Хоть никто не объяснял ему, Михаил тоже понял, что эта песня была своего рода клятвой не отступать перед смертью. Он обнял Янарку и притянул его к себе.

- Что, Мишка? - спросил тот, обняв друга.

- Ляжем в последней схватке, Янек!

- Но не отдадим свою жизнь дешево, - покачал головой Янарка.

- Конечно, Янек. Мы покажем врагу, как гибнут горные орлы.

Никто не слышал решение двух друзей, принятое шепотом. Но каждый из них в душе принимал такое же решение.

Царившую несколько минут торжественную тишину нарушил Алибек.

- Кентий, слушайте меня внимательно, - сказал он, поднявшись.

И без того притихшие люди повернулись к Алибеку. Они со вчерашнего дня ждали эту минуту. С тех пор, как вчера они поднялись сюда, имам казался им все время таким задумчивым, тихим.

- Вы видите наше положение, кентий, - бросил взгляд вокруг себя Алибек. - Как вы считаете, что нам дальше делать? Скажите каждый, что он думает.

Люди не нарушали молчание.

- Мы не знаем, Алибек-хаджи, - заговорил наконец один из стоящих. - Тебе и твоим помощникам это лучше знать. Мы готовы идти по тому пути, который вы изберете.

- Правду сказать, я не советовался с помощниками. Я хотел, чтобы это последнее решение мы приняли вместе.

- Скажи ты, Алибек-хаджи, свое мнение, - сказал Солтамурад.

- Потом мы тоже выскажем свои соображения.

Алибек вновь окинул взглядом лица товарищей. Он поднес ко рту кулак и легонько кашлянул.

- Тогда начну я. Не буду говорить долго. Попросту мы побиты. Мы поднялись, надеясь получить хоть какое-то облегчение, если не полную свободу, вернуть хоть часть земли для прокормления семей, добиться от царя хоть немного человеческого отношения к нам. Семь месяцев назад, поднимаясь на борьбу, мы верили, что с нами поднимется весь народ. Ни того, ни другого не произошло.

Дело, начатое нами, закончилось поражением. Много людей погибло, десятки аулов превратились в пепел и руины, сотни семей осиротели. Сотни людей изгнали с родины. Но расправа, ожидающая нас, побежденных, еще не началась. Она начнется завтра-послезавтра, когда покончат с Дагестаном. Чего я хочу? Есть поговорка: "Раненый, которому суждено умереть, да не проживет и ночь". Нельзя нам весь век свой скитаться. Теперь расходитесь. Всем, кого поймают власти или кто добровольно сдастся ей в руки, я разрешаю обвинять меня одного. Кто знает, может, тогда и сжалятся над вами. Если не над вами, то хоть над вашими семьями. К тому же, если я попаду в руки властей, всю вину я возьму на себя, скажу, что я обманывал вас.

- Алибек-хаджи, ты говоришь так, словно и за мужчин нас не считаешь, - сказал за всех аварец Раджаб-Али. - О том, чтобы винить тебя перед властями, не может быть и речи, но неужели ты не знаешь, что в трудный момент мы не разбежимся, бросив тебя?

- Первый путь, предложенный тобой, мы не принимаем, - Тозурка взглянул на имама. - Есть ли у тебя другой путь, показать нам?

Алибек даже не удивился ответу людей. Иной реакции и быть не могло.

- Ваши речи - речи благородных мужчин, кентий, - сказал он, выслушав всех. - Нам нельзя погибнуть из-за учтивости и уважения друг к другу. Зачем это нужно? Кто знает, может через год, два года, через десять лет вы снова понадобитесь делу свободы. Благородных мужчин матери рожают не каждый день. Вы должны сберечь себя, кентий. Сопротивление тщетно. Сегодня я получил известие от Умма-хаджи. Вернувшись из Андии с несколькими сотнями человек в Чеберлой и вновь потерпев поражение, он с несколькими товарищами, как и мы, скрывается от властей. Кто желает, кто как сможет - спасайтесь. Можно на некоторое время скрыться за Аргуном, на Тереке, в Ингушетии, Грузии и Осетии. Скройтесь подальше отсюда. Через некоторое время вернетесь в свои аулы. Может, с истечением времени, власти проявят к вам снисхождение.

- Почему ты все время говоришь "вы" да "вы" и не говоришь, что сам-то собираешься делать?

Алибек облизнул шершавым языком свои потрескавшиеся губы. Некоторое время он стоял, уставясь взором в землю, потом решительно заговорил.

- Я иду в Дагестан, кентий. Как вы знаете, несколько дней назад меня позвали туда. Хочу драться до последней минуты. А что случится потом - мне безразлично.

- А нам что, нельзя с тобой туда?

- Нет, - покачал головой Алибек. - Со мной нельзя. Во-первых, все вместе мы не проберемся туда. Во-вторых, я хочу, чтобы каждый из вас подумал наедине с самим собой, как я, и принял собственное решение. Расходитесь. Подумайте, взвесьте все, и делайте то, что велит сердце. Я не разрешаю следовать за мной даже моим братьям. Кто надеется на милость властей, сдавайтесь ей в руки, а кто не ждет от нее пощады, скройтесь куда-нибудь подальше. Но кто считает своим долгом погибнуть в бою, потом последует за мною в Дагестан. Но сегодня от меня надо отстать. Это мое последнее слово.

Растолкав людей впереди себя, к Алибеку подошел Акта.

- Нет, Алибек-хаджи, последнее слово скажем мы, - сказал он, взглянув Алибеку прямо в глаза. - Тебя избрали мы. По нашей воле ты стал нашим имамом. Ты не имеешь права бросить нас, если мы сами не бросим тебя.

- Правильно, - поддержал его Янгулби. - Мы дали клятву драться до последней минуты и, если надо, умереть.

Стоявший впереди Елисей сделал несколько шагов вперед и стал рядом с

Алибеком:

- Мне и Михаилу некуда без тебя.

- У вас-то есть возможность спастись, Элса. Россия велика, всюду русские. Уезжайте куда-нибудь подальше, измените имена и живите себе.

- Нет, Алибек. Мы сожгли мосты за спиной. С тобой наша судьба.

И не будем больше об этом говорить.

Кори и Кайсар стояли безмолвно. Что бы ни говорил Алибек, они не могли расстаться с ним.

- Кентий, я же на верную смерть иду! - повысил голос Алибек.

- Меня же позвали наши дагестанские братья. Они же меня зовут, а не вас!

- Мы не отстанем от тебя.

- Что будет, то пусть с нами со всеми будет!

- Будем верны своей клятве!

Алибек молча смотрел в их глаза испытывающим взглядом, пока не поутихли крики.

- Хорошо, кентий. Раненые сегодня же расходитесь. Здоровые идите со мной. От того, что на роду написано, нам не уйти.

Когда люди разошлись, Алибек подошел к Овхаду, и они вместе отошли в сторону.

- Овхад, ты останешься здесь, - сказал Алибек, взяв его за локоть.

- Зачем? - удивился Овхад.

- Сегодня же ты вернешься к Умма-хаджи. Сообщи ему, что здешнее дело кончено. И скажи ему, что я с небольшим отрядом ушел в Аварию, чтобы не возвращаться больше. Следовать ли ему за мной туда - это я предоставляю решать ему самому. Но мы с ним обязаны помочь дагестанцам, если и не сможем помочь, то хоть погибнуть с ними вместе в бою. В самые тяжелые дни аварцы были всегда со мной. Многие из них приняли героическую смерть в наших горах и лесах. За свою и нашу свободу. Теперь наш черед.

Алибек замолк. Удивленно смотревший на него Овхад увидел мелькнувшую в его глазах беспредельную печаль. Но это длилось не больше секунды. Прежде чем Овхад смог разглядеть ее как следует, глаза имама вновь загорелись своим обычным огнем.

- Ты останешься дома навсегда. То есть, ты не пойдешь туда за нами.

- Что это ты говоришь, Алибек? - вдруг встрепенулся Овхад. Но взгляд Алибека заставил его замолчать.

- Я запрещаю тебе следовать за мной, - сказал Алибек, повышая голос, потом добавил грустно: - Таких, как мы, в Чечне много. Мулл и не знающих ни одной буквы. Храбрых и мужественных.

Воинов, готовых отдать жизнь за народ. Но таких, как ты, нет. Как Берса и ты. Знающих язык и грамоту русских, но верных народу. Берса прикован к постели. Остаешься ты один, Овхад. Но ты сможешь воспитать десять таких, как ты сам. Каждый из них тоже воспитает по десять. Как знать, может, лет через пять-десять подобных тебе кентий будет у нас сотни. Тогда мы не будем бороться вслепую. Тогда мы будем знать, с кем и какой дорогой идти. Передай мои слова и уезжай в

Грузию. Когда ступишь на землю хевсуров, есть село Коби. Спросишь там человека по имени Гиго Беридзе и покажешь ему этот перстень.

- Алибек снял с пальца серебряный перстень с круглым верхом, исписанным арабской вязью, и протянул его Овхаду. - Этот человек отведет тебя, куда надо. Что дальше делать, узнаешь от него же. Смотри, будь осторожен. Прежде чем ехать, если сможешь, повидай Берсу. Придвинься, дай обниму тебя.

- Есть ли необходимость в моем отъезде? - спросил Овхад, прижавшись подбородком к плечу Алибека.

- Надо, Овхад, - тихим голосом ответил Алибек. - Смотри, не забудь, что я сказал. Воспитай таких, как ты сам и Берса. Это мое завещание.

Потом они разжали объятия и, не выпуская рук, посмотрели друг на друга.

Через час Алибек разделил раненых и здоровых и сосчитал остающихся с ним. Их было шестьдесят.

- Какое странное совпадение, - сказал он стоявшему рядом Кори.

- Что такое? - не понял Кори.

- Когда я в первый раз поднимал знамя, со мной было шестьдесят человек. И теперь, в этот последний день, снова шестьдесят.

- Это знак доброго знамения, - сказал Кори.

- Однако от тех первоначальных шестидесяти сегодня с нами не осталось и половины. Одни погибли, других изгнали с родины.

- И наша судьба тоже безызвестна. Не повидаешь семью перед отъездом?

- Нет, Кори. Будет некрасиво, если выделюсь среди товарищей. У них тоже семьи.

Вечером они двинулись вниз, чтобы к сумеркам успеть спуститься с горы. Этот день был последним днем восстания чеченской бедноты, длившегося семь месяцев. Алибек с шестьюдесятью товарищами отправился на помощь борющемуся Дагестану.

Это было 15 октября 1877 года...

ГЛАВА XVI

БУРНАЯ НОЧЬ

Юной девой была я, когда ты уехал отсюда.

Ныне старухой меня, если вернешься, найдешь.

Всюду, куда ни ступишь ногой, везде жестокий след этих месяцев. В ненастные дни особо чувствуется гарь сгоревших деревьев, сена, хлеба. Куда ни повернись, они бьют в нос.

В домах те же следы. Женщины обмотали головы черными платками.

К лицам и головам мужчин давно не прикасалась бритва.

Траур по погибшим - в каждом доме.

О пережитом напоминают даже новые дома, построенные на пепелище сожженных. Стены, которые сначала сплели из прутьев, а потом помазали толстым слоем глины, еще не высохли. Из трещин стен выглядывает трава. Так и не высохнув, стены уйдут под зиму.

Деши впервые сегодня разожгла в доме камин, так как пришел гость. В верхнем проеме камина, над огнем бешено клокочет почерневший медный котел. То появляясь на поверхности, то ныряя и исчезая из виду, кружат в кипящей воде куски курятины. Перед камином на подушке, обитой овчиной, широко расставив колени, сидит Деши. Перед ней на подносе межарг - замешанное для галушек тесто из кукурузной муки. Она отламывает от него по маленькому кусочку, мнет в руке и, прижав к ладони пальцами другой руки, бросает в поднос готовые галушки. С каждой минутой горка галушек растет.

К Айзе вчера пришли гости. Андрей и Корней из Орза-Кала. Узнав о гибели своих друзей Мачига и Васала, сегодня до их отъезда Булат зазвал гостей к себе. Он вместе с ними пошел на кладбище. Деши спешит приготовить поесть к их возвращению, собрав все съестные припасы.

Зная, что Деши не совсем здорова и желая помочь ей, пришла сюда и Айза. Деши тяжело поднялась.

- Я же сделала б тебе галушки, - нежно упрекнула ее Айза. - Что ж ты не подождала меня, хорошая?

- Да это не так уж трудно, нана.

- Чеснок накрошила?

- Нет еще.

- А где он?

- Оставь, нана. Садись лучше, расскажи что-нибудь.

Большие черные глаза Деши до краев наполнились слезами. Дрогнули длинные ресницы. Айза опустилась рядом с Деши и обняла ее.

Выпустив из рук межарг, Деши дала волю слезам.

- Не плачь, - успокаивала Айза молодую женщину, стараясь скрыть от нее свои влажные глаза и дрожь в голосе. - Никто не уйдет от того, что на роду написано. Булат, слава богу, здоров, жив. Ты на других посмотри да подумай. Разве Макку ты

не видишь, которая осталась одна с малыми детьми? Сколько таких вдов?

В памяти Айзы всплыла ее безотрадная молодость. Как она осталась одна с двумя сыновьями, когда Али ушел в Турцию. Как в том же году умерли ее отец и мать. Арест Али в прошлом году. И неизвестно теперь, что будет с Умаром... Но она никому не изливала своего горя.

- Что же мне делать, если его поймают и отправят в Сибирь? - Деши уставила свои большие, полные слез глаза на Айзу.

Айза нежно погладила молодую женщину по голове.

- Бог сжалится. Он ведь всему живому оставляет какого-то покровителя. Не видишь разве Эсет? Еще трех месяцев не было, как она забеременела, когда хозяин ее очага скончался в Хонкаре. А теперь, видишь, у нее почти взрослый сын. Твой, слава богу, жив. Может, оставят на свободе. А если отправят в Сибирь, - Бог даст, вернется. Я уже старая, и то не теряю надежду на возвращение своего. Ну, мужайся...

Мужской говор на улице заставил женщин умолкнуть. С Андреем впереди вошли трое мужчин. Андрей с Корнеем изменились до неузнаваемости. В глазах Корнея угас прежний озорной огонек. Над глазными впадинами собрались облака печали. Оба гостя сняли сапоги и удобно уселись на тахте.

- Ночевать, Андри, останетесь? - сказала Айза, измельчая в чашке чеснок. - Два мальчика очень хотят, чтоб вы остались.

И Юсуп, наверное, вернется. Ведь вы - память им о своих отцах.

- Не можем, Айза. С радостью бы остались. Наташа будет тревожиться. Она же изводится еще по сыну. Два месяца, как нет писем.

- Не слыхать, когда закончится эта война?

- Не слышно. У всех в сердце холодный лед. Все с ужасом ждут, что вот-вот придет сообщение о смерти ближнего. А кончится война с турками - начнут другую. С ума посходили эти цари. Неизвестно, чего они добиваются, что ищут. Говорят, что турецкий царь уже много веков держит в рабстве десятки народов. И у русского царя земли столько, что от края до края два-три года надо идти. И все не хватает. Не насытятся никак жадные утробы царей. Каждый царь и их своры стремятся проглотить весь мир.

- У вас, у казаков, хоть земля есть, - сказал Булат, - у нас-то плачевное положение. Мы хотели его исправить, а получилось еще хуже.

Покушав, гости собрались уходить. Они обнялись со всеми, собираясь сесть на коней. Прежде чем обняться с Булатом, Умаром и Усманом, Андрей с тоской заговорил:

- Здесь у нас друзей уже не осталось, парни. Арзу, Данча, Али, Маккал... И теперь Васал с Мачигом... Это были хорошие люди, настоящие мужчины. Бог даст, Али с Маккалом вернутся живыми и здоровыми. Но остальных четверых лишь на том свете удастся повидать. В доме Мачига погас огонь. У других есть потомки. Не знаю, сколько проживу. Стар уже. Но об одном я прошу вас, парни. Не забывайте дружбу своих отцов. Когда пройдет эта смута и можно будет проехать свободно, почаще приезжайте в станицу. У Корнея вырастают сыновья. И у Ивана растут два сына. Хороших людей больше, чем плохих. С Божьей помощью победят справедливость и дружба. Над вами нависла опасность, но мы бессильны помочь вам. Мы бы увезли вас к себе тайком от властей, но ведь знаем, что из этого получится. Ну, прощайте. Дай Бог увидеться нам в счастье и в лучшие времена.

Когда Андрей сел на коня и тронулся в путь, Усман успел заметить, как по лицу его покатилась слеза. Сквозь слезы Андрею грезились те далекие Али и Айза, которые

приехали в станицу и которых привел Корней. И бедный Мачиг, что пригнал туда тощую коровенку, собираясь переселяться в Турцию. Храбрый Арзу, умный Маккал и добродушный Данча...

"Кончаются благородные мужчины и у чеченцев, и у казаков. Одни лишь отходы остаются. Отходы. Благодаря этой власти".

Это нагоняло на Андрея тоску...

Булат и Умар проводили гостей до границы земель Гати-Юрта и вернулись домой. Булат застал Деши сидящей перед печкой и чистящей посуду. Посуды было не так уж и много: круглый деревянный поднос на низких ножках, четыре глиняные чашки, несколько деревянных ложек да плетеная из тонких прутьев шумовка.

С первого же взгляда понял Булат, что она не поела.

- Ты что не поела, Деши? - спросил он, развязывая пояс с кинжалом.

- Не хочется, - тихо ответила та.

- Ты изводишь себя. От нашего плача помощи не будет. Все в руках Божьих.

- Ты останешься на ночь дома? - обратила Деши свои печальные глаза на Булата.

- Да, остаюсь. Хватит бегать.

- А если солдаты придут?

- Пока ничего не слыхать. Придут - так придут. Лучше оставь все это и перекуси на моих глазах.

Деши, чтобы не расстраивать мужа, придвинула к себе галушки с мясом в чашке и нехотя попыталась поесть, но с трудом съела одну галушку да несколько жилок белого мяса и отодвинулась.

- Не нравится мне твое поведение, - проговорил Булат и, сняв обувь, залез на нары.

- Почему? - не поняла Деши.

- Надо же кушать. Ведь говорят, что женщине в твоем положении опасно недоедание.

Деши глубоко вздохнула.

- Была бы счастливой, если умерла.

Булат замолчал. Свет, проникающий через единственное узкое окно, постепенно угас, и в комнате стала сгущаться тьма. Неподалеку слышались голоса ребятишек. Среди них выделялся своеобразный повелительный тон Магомеда. Эсет, как зеницу ока, берегла единственного мальчика Арзу. Но Магомед никак не хотел быть маменьким сынком. Он рос озорным, смышленым, умным мальчиком. Отцовская кровь давала знать о себе.

Отовсюду слышались женские и мужские крики. Поднявшись в гору, к двум надгробным памятникам, о чем-то возвещал Даси. Доносились голоса матерей, зовущих детей домой. Одни звали ласково, другие с угрозами, с проклятиями.

У Булата, вслушивающегося в детские голоса, лицо мечтательно прояснилось. Как хорошо, что его Деши беременна! Если его арестуют, а смерть обойдет стороной, он лет через десять-пятнадцать возвратится домой. И тогда дома он найдет уже подросшего сына. Теперь род Данчи не исчезнет без дыма...

- Деши, подойди-ка.

Любящая молодая жена тяжело поднялась и, подойдя, села подле него.

- Как хорошо, что ты такая! - высказал Булат то, о чем думал, обняв жену.

- Что за хорошую долю ты нам сулишь? - Деши прижалась щекой к его щеке.

- Ты боишься?

- Боюсь. Я не вынесу разлуки с тобой...

- Бог даст тебе терпения.

- Не знаю. Если он не даст терпение, я умру от разрыва сердца.

Щеку Булата обожгло, будто на нее упала капля кипятка.

- Ты опять начинаешь плакать?

- Нет терпения, Булат. Если тебя арестуют, я пойду с тобой.

- Как? - грустно улыбнулся Булат. - Сибирь - не место для женщин. Там и мужчинам, говорят, тяжело. Голод, холод, страдания.

- Что будет, то будет с нами обоими.

- Не шути!

- Я и не шучу. Я много думала и приняла окончательное решение. На что мне жизнь, если останусь дома без тебя?

- У тебя же есть отец и мать!

- Ты, видно, создан, чтобы я любила тебя больше их...

- Что бы со мной ни случилось, вы с сыном должны остаться, Деши.

- Какой сын?

- Тот, который у нас будет.

- А вдруг девочка?

- Все равно. И она будет наша девочка. Вырастет, выйдет замуж, и у нее будут сыновья. Мне не хочется исчезнуть без следа из этой жизни.

Деши тоже обняла Булата, сжала его в объятиях. Крик, рвавшийся из нее, горьким комом застрял в горле. Молодая женщина сдерживала его. Старалась проглотить этот ком. Булат понял ее состояние. Он нежно погладил жену по голове и поцеловал ее в соленую щеку.

- Булат, беги из дома...

- Зачем?

- Придут солдаты и арестуют...

- Если я убегу, вас замучают. Нет, Деши. Не будем делать этого. Поднимаясь против царя, мы хорошо знали, что этот день когда-то настанет. Еще до того, как взялись за оружие, мы избрали этот путь для того, чтобы победить или умереть. Не могу же я всю жизнь бегать, спасая себя. Мы не для того поднимались, чтобы бегать от смерти. Надо быть мужчиной, чтобы отвечать за свои поступки. Не пристало сынам свободы бегать от смерти.

Нынешней ночью не их одних охватила печаль. Такая же картина была в сотнях других семей. Даже печальнее этой.

Когда восстание в Ичкерии было подавлено, некоторые участники его скрылись в лесах, отдаленных аулах, в Осетии и Грузии. Их разыскивали, ловили, за ними охотились отряды регулярной армии и команды добровольцев. Искали их в отдаленных аулах. Но убедившись, что таким путем повстанцев всех не выловить, власти объявили, что они будут прощены, если сдадутся добровольно. Посредниками стали генерал Орцу Чермоев и остальные чеченские верхушки. А с ними заодно князья Эристов и Авалов.

Явившихся первыми оставили на свободе, пока таких не накопилось много. Потом из их среды понемногу стали арестовывать. Когда обнаружилось вероломство властей, оставшиеся на свободе не стали приходить с повинной. Однако власти нашли оружие и против них. Власти арестовывали их семьи и уводили их в Хасав-юрт, Ведено, Шатой и Грозный. Арестантов держали там до тех пор, пока не приходили виновные. Под открытым небом. И пищу, которую приносило местное население, им передавали ровно столько, чтобы они не умерли с голоду.

Булат прекрасно понимал, что такое положение будет и здесь. Ждал его со дня на день. Будь разрешение Алибека, он бы уже добровольно сдал себя в руки властей. Иногда он собирался было посоветоваться с Берсой. Но тот в Шали, в центре вражьей своры. Булат ведь хорошо знает своих аульчан. Там каждый третий доносчик. Нет, добровольно он не сдастся, а будет ждать известий от Алибека. А придут забирать - убегать тоже не станет.

Была уже ночь. Тихо лежала рядом с ним Деши, перекинув через него руку.

- Деши.

- А-а.

- Ты не спишь?

- Нет.

- Двенадцать лет назад в стране Хонкар, возле города Муш, в долине реки Мурат, остановились лагерем около четырех тысяч чеченских семей, выселенные с родной земли по взаимному соглашению русского и турецкого царей. Эти два царя оспаривали нас друг у друга, как собаки - кость. Турецкий царь стремился расселить нас вдоль границы России, а русский царь - подальше от своей границы. Пока они спорили, мы вымирали, словно мухи. Наши векилы, которые ходили осматривать предназначенные нам земли, возвращаясь, принесли моего отца на руках и положили в наш шалаш. Его хватил смертельный недуг. Тогда мне было двенадцать лет. У меня была сестра моложе меня, Човка. Думая, что мы с ней уснули, мать наша начала тихо плакать. Наверное, она думала об умирающем нашем отце, и о себе, остающейся в чужом краю с двумя детьми. Ни очага, ни еды не было. Каждый день в лагере умирало более ста человек. Не успевали хоронить. Каждую ночь плакали тысячи таких же, как она, матерей. Тогда отец наш обратился к ней. "Хеда, - сказал он. - Не плачь. С четырнадцати лет я рос в пламени войн, борясь за свободу нашего народа, защищая нашу родину и семьи. Мое тело покрыто шрамами былых ран. Если бы меня вернули к тем четырнадцати годам, я бы снова пошел по тому же пути. И нисколько не раскаиваюсь. Но одного я себе не прощу. Того, что, послушавшись людей, вместе с вами пришел сюда, покинул землю отцов, которую так любил. Но что случилось, то случилось. Этого не исправишь, как ни плачь. Однако нам нельзя здесь оставаться. Оставшиеся в живых возвратятся на родину. Иди и ты с двумя детьми вместе с ними. Сыну расскажи, как я жил, ради чего жил. Питай его сердце любовью к родине, к народу. Скажи, чтобы он никогда не прекращал борьбу за свободу. Это мое завещание. И не плачь. Ты же мать будущего борца. Не ты ли перевязывала мне тяжелые раны и проводила рядом со мной бессонные ночи всегда, когда меня приносили домой раненым? Не ты ли дралась с врагами рядом со мной, когда я защищал наш аул и нашу бедную саклю. Мать чеченца должна быть с твердым сердцем. Не плачь. Расти нашего сына. Передай ему нашу с тобой любовь".

Деши слушала Булата и сжимала его в объятиях.

- Той ночью отец скончался. Я бросился звать на помощь к Арзу, Маккалу и Али. Когда отца готовили хоронить, нана попыталась выпроводить меня. Но Арзу и остальные меня удержали. "Пусть остается, - сказали они, - чтобы все видел и запомнил. Потом скончались мать и сестренка. Я остался на чужбине круглым сиротой, одиноким. Али и другие привезли меня на родину. Не могу забыть тех дней и тот ад. Никогда не забуду. Особенно не могу забыть моего друга Соипа. Когда он пошел за виноградной гроздью для умирающей матери в сад одного богатого турка, там его убили и бросили за аулом, в лесу, под обрыв. Бродя по лесам в поисках пищи, я наткнулся на его тело. Над ним грызлись собаки... Если вспомнить, что испытали я и тысячи таких же, как я, то выпавшее теперь на твою долю - это просто мелочь, ерунда, Деши. Смотри, будь мужественной. Ведь ты мать чеченца. Ты ведь жена сына свободы! Деши, всхлипывая, понемногу затихла. Они с жадностью стискивали друг друга.

- Если у нас родится сын - назови его Соипом. Он был скромным мальчиком, не озорным, как я. Но был смел и великодушен. Пытаясь спасти мать от голода, он сам умер. Оба они умерли в одну ночь...

Когда Булата стал одолевать сон, Деши позвала его.

- А если будет девочка?

- Хедой. В память о моей матери. Она была не только хорошей женой для мужа, но и верным другом ему, хорошей матерью детям, смелой дочерью родине.

На улице уже слышалось пение вторых петухов.

- Булат.

- Вай!

- Не могу я остаться дома без тебя.

- А придется. Ты же не только моя.

- А чья я еще?

- Ты же еще дочь несчастного народа. Вырасти для него сына, Деши.

Следующий день прошел без каких-либо изменений для Булата. Не пришел в аул отряд карателей. Даже Хорты с его окружением не было в ауле. Наверное, и Чонаку с Инарлой взяли помогать властям в арестах в другие аулы.

Решив: "Что будет, то будет", - Булат весь день возился во дворе по хозяйству, ни от кого не таясь, и вечером зашел в дом. Немного посидев у него, ушли Янарка и Арсамирза.

Тоскливыми и долгими были эти осенние ночи. Да и на улице была слякоть. Снег и дождь смешались, дул промозглый ветер. Мрак такой черный, что не увидишь пальца перед глазами.

Когда уже они собирались ложиться спать, на улице раздался конский топот. Быстро одевшись и обувшись, Булат схватил ружье

и выскочил во двор. За оградой стоял одинокий всадник. О том, чтобы узнать его, нечего было и думать, если он не заговорит. - Ассалам алейкум! Гостя принимаешь, Булат?

Обрадованный Булат чуть не вскрикнул.

- Алибек! Ва алейкум салам! Откуда ты взялся?

Он подбежал и помог Алибеку спешиться, взяв коня за узду и стремя.

- Иди, заходи. Я коня разнуздаю.

- Нет. Коня привяжи. Мы с тобой к Макке пойдем.

- Зайдем сначала, согрейся немножко.

Видя настойчивость Алибека, Булат сам зашел в дом и вышел с горящим поленом в руке. Но не успели они пройти и двести шагов, как ветер задул пламя.

- Ты с каким-то делом, Алибек? - спросил Булат, когда они подходили к цели.

- Иду выразить Макке соболезнование. И детей Кайсара повидать.

- Потом, чуть помедлив, добавил: - Завтра думаю ехать в Шали.

- Зачем?

- К Берсе.

- Он знает, что ты приедешь?

- Мы назначили время и место встречи.

- Булат, которого терзали думы о своей и его судьбе, и судьбах товарищей, спросил:

- Что ты дальше думаешь делать, Алибек?

- Сначала посоветуюсь с Берсой, потом скажу.

- Когда выйдешь в дорогу?

- Завтра, после полуденного намаза.

- Товарищ есть с тобой?

- Нет.

- Тогда я тоже с тобой поеду.

- Не надо. Опасно. Я же к осиному гнезду еду.

Булат промолчал. Он уже принял решение. Чем ждать дома, что каждую минуту может что-то случиться, лучше было бы поехать куда угодно. Булату-то Макка уже наплакалась. Но вот, увидев Алибека, вновь начнет плач. Ее плач Булат еще мог выдержать, но когда двое детей поднимают крик, сердце его кровью обливается и начинает сдаваться.

К счастью, Макка сегодня была сдержанней. Обнялась с Алибеком и немного поплакала. Алибек гладил ее по голове и смотрел на двух детишек. Пятилетний сын Кайсара стоял, держась за подол матери, то и дело губа его вытягивалась, но он крепился и не плакал. Дочь же смотрела на мать и плакала. Алибек, не говоря ни слова в утешение, дал им поплакать. Когда они успокоились, он коротко рассказал об их похождениях. И о смерти Кайсара и Кори.

- Все умереть должны, - сказала Макка, вытирая слезы краешком платка. - От смерти никто не уйдет, кроме Аллаха. Но вот другое тревожит сердце, Алибек. Он же пропал, не оставив даже могильного холма, чтобы навещать...

Макка вновь разразилась плачем.

Алибеку казалось, что он виноват перед этой женщиной и двумя детьми. И не только перед ней, но и перед тысячами других осиротевших детей.

- Что поделаешь, Макка, на все Божья воля, - сказал он наконец. - Мы, оставшиеся в живых, тоже не радуемся. Мы тоже сгинем, не оставив о себе в память могильных холмов. Мне не хотелось бы, чтобы ты плакала, Макка. Этот путь мы избрали по своей воле. Нам досталось то, что мы и искали. Хоть некоторые из нас и умрут, товарищи останутся. Они поддержат тебя и двух твоих детей.

У Кори не осталось никого, пред кем бы Алибеку надо было предстать. Кори был последним из дома Мачига. В Согратле, в огромном пламени войны, исчез последний дымок этого дома.

Алибек провел эту ночь с осиротевшей семьей Кайсара. Но без сна. Вспомнились дни последнего...

Семь месяцев терпеливо ждал генерал-адъютант Свистунов этого дня. И командирам он говорил, чтобы они проявляли терпение. Дескать, раздавим восстание, тогда приступим к наказанию. Сжигание аулов, хлебов, кормов, угон скота, ограбление населения, отправка в Сибирь заложников - все это он не считал наказанием. Главное он откладывал на конец. До полного подавления восстания.

Теперь уже настало время, которого он ждал.

Три месяца - с начала октября и до конца декабря шла охота за участниками восстания. Их ловили в родных аулах и вдали от них.

В осуществлении репрессий военно-гражданской администрации области усердно помогали местные богатеи и духовенство. По их доносам арестовывали не только участников восстания, но и людей, которые не имели к нему никакого отношения, но когда-нибудь могли, по их мнению, навредить им.

Особенно жестоко расправлялись с родными аулами руководителей восстания. Требовали выдачи вождей, угрожая в противном случае поголовной отправкой в Сибирь. Хоть карательные отряды и распустили, в Ичкерии и верховьях Аргуна оставались достаточно большие гарнизоны.

Требовали выдачи оставшихся на свободе Алибека, Курко Гайтаева, Арсхаджи Гериева, Хусихаджи Пагаева, Касума Бортигова, Нурхаджи Мехтиева, Мити Апаева, Тозурку Тангатарова, Губху Пишиева, Янгулби Пиркеева, Ханбетира Яхсаева, Хусейна Амаева, Ших-Али Шихмирзаева, Гезинура Магомедова, Бугу Ишиева и остальных.

Солтамурад и Сулейман бесследно исчезли. В области распространился слух, что они оба ушли в Турцию.

Месяц назад, принимая решение отправиться в Дагестан, Алибек отчетливо видел конец этого предприятия. Во-первых, после подавления чеченского восстания военные силы обеих областей были свободны для подавления восстания дагестанцев. Во-вторых, Алибек с самого начала был недоволен их некоторыми главными руководителями. Ведь это были приласканные царем отпрыски прежних князей и мулл. Алибек нисколько не ошибся. В первый же день восстания духовенство собралось вокруг знаменитого и в шамилевские времена муллы, столетнего старца согратлинского шейха Абдурахмана. Имамом Дагестана провозгласили его сына Магомед-хаджи. Абдурахман - известный мулла и шейх. Но важнее было другое: готов ли он отдать свою жизнь за народное дело. В тот же первый день разминулись дороги чеченских и некоторых дагестанских вождей. Руководители чеченского восстания, выходцы из народных низов, подняли знамя против царской власти. Дело их не было связано с религией.

Но стоявшие далеко от народной бедноты дагестанские повстанческие вожди в первый же день призвали людей к газавату. Вскоре они показали свои зубы: Мехти-бек, Магомед-Али-бек, Гази-Ахмед-бек провозгласили себя ханами.

Все это было известно Алибеку, и он нисколько не был доволен путем, который они избрали. И все же пошел на помощь повстанцам. И сделал он это не потому, что

потерпел поражение в Чечне. И это было не бегство. Он пошел на помощь Дагестану не ради их вождей. Когда поднялось восстание в Ичкерии, в самый критический момент поднялись в помощь ему Дилим, Буртанай, Алмак, Ботлих, Данух, Сиух, а месяц спустя и все дидоевцы.

Не так давно, месяц назад, когда дела Алибека были на последнем издыхании, вновь пришли ему на помощь в Чеберлой, откликаясь на зов Уммы, тиндойцы, чамалалцы и дидойцы.

Теперь дагестанцы оказались в том же положении, как раньше чеченцы. Они просили помощи у Алибека. Поэтому Алибек пошел туда выполнять свой долг.

Он пошел туда не один. Одновременно с ним пришли туда Умма, Дада Залмаев, Тангай, Лорса-хаджи, два сына Уммы, Губха, Косум, Нурхаджи, Елисей, Мита, почти все вожди чеченского восстания и оставшиеся в живых воины.

Да, они пошли туда на верную смерть. И большинство из них нашли ее там. Оставшихся в живых настигла еще более страшная участь. Они приняли участие в обороне последних трех оплотов дагестанских повстанцев. Бои при обороне этих трех укреплений не походили на те, что были в чеченских лесах. Если в Ичкерии в случае приближения смертельной опасности можно было отступить, скрыться в лесах и вскоре напасть на врага с другой стороны, то в голых каменистых горах Дагестана не было этих условий. Там надо было либо сдаться, либо погибнуть.

Страшный бой произошел в Цудахаре. Здесь сосредоточились значительные силы повстанцев. Генерал князь Меликов шел сюда с большим войском. Чтобы запугать людей, он по пути продвижения разрушал все аулы, истребляя беззащитное население, женщин и детей, отнимал у населения продовольствие, брал с собой всех сколько-нибудь причастных к восстанию или их семей и на девятый день добрался до Леваши.

Вот тогда-то и случилось то, чего с самого начала опасались Алибек и дагестанские повстанцы. Как только приблизилась грозная сила, все беки, муллы и менее состоятельные люди, до этого бывшие с повстанцами, поспешили к генералу. Генерал смилостивился над ними. Он простил их, когда они, исправляя свою ошибку, выделили в помощь карателям тысячу подвод и выставили против повстанцев дружину милиции.

Повстанцы построили большие оборонительные сооружения вокруг аула с той стороны, откуда должно было подойти войско. Но противник, прежде чем напасть, с утра до полудня беспрерывно обстреливал аул из двенадцати пушек и разрушил их укрепления. Повстанцы отступили в аул и укрепились в мечети и двухэтажном доме. Придвинутая к аулу батарея разнесла вдребезги и эти два здания. Оставшиеся в живых повстанцы не выходили оттуда. Под их меткой стрельбой здесь образовалась груда трупов карателей. Потом подошедшие с тыла солдаты со всех сторон подложили здание динамитом и разнесли и эти развалины.

Не в силах далее сдерживать натиск, оставшиеся повстанцы ринулись вперед, обнажив кинжалы. За каких-то полчаса пало более ста человек. Алибеку и его товарищам удалось прорвать кольцо и отступить в Согратлы.

Руководители восстания в Казы-Кумухе, напуганные падением Цудахара, поспешили с челобитьем к Меликову во главе с Джафар-ханом. Из бедняков не пошел никто. Одни ушли в горы, другие - на север, в Согратлу.

Через неделю Тилитлу постигла та же участь, что и Цудахар.

Среди ее защитников были Умма, Дада Залмаев, Тангай, Лорса-хаджи и оба сына Уммы. Тилитлу разбили умудренные опытом подавления восстания в Чечне генерал Смекалов и полковник Лохвицкий. Здесь совершил открытое вероломство главный предводитель восстания прапорщик Муртаз-Али. Он сдал аул, когда его раскромсали артиллерийским огнем. И сдачей аула не ограничился. Чтобы заслужить милость, отдал в руки Смекалову Тангая, Лорса-хаджи и Мехди. Умме,

двум его сыновьям и немногим их товарищам удалось спастись, прорвав окружение.

После этого генералу Меликову хватило одной недели, чтобы добраться до последнего оплота дагестанского восстания Согратлы. Теперь там собрались все верные делу народа вожди дагестанского и чеченского восстаний: дагестанцы - Абдурахман-хаджи, Магомед-хаджи, Абдул-Межед, чеченцы - Алибек-хаджи, Умма-хаджи, Дада Залмаев, сыновья Уммы и многие другие.

Два дня длились бои. В первый день до полудня пушками разрушали возведенные повстанцами вокруг аула укрепления, потом начали штурм первой башни. Горстка повстанцев несколько часов отбивал бешеный натиск солдат. Но к вечеру, когда многие товарищи погибли, оставшиеся повстанцы отдали башню и одни укрепились в подвале, другие заняли задние укрепления.

Бой кипел так, что дрожали горы. Такого дня Алибеку еще не доводилось видеть. Женщины и дети подносили боеприпасы и питьевую воду. Они оттаскивали раненых. Часто к Алибеку и Умме подходил вождь дагестанских повстанцев Магомед-хаджи.

- Алибек-хаджи, Умма-хаджи! Вся надежда на вас! Умма-хаджи, сегодня наше дело мы вручаем в твои руки...

А старый Умма, не обращая внимания на проносящиеся со свистом пули, прохаживался по позициям, поднимая дух повстанцев. К десяти часам ночи у укрепившихся в подвале вконец иссякли силы. Умма и Алибек предприняли множество попыток вывести оттуда эти сорок человек. Но они остались там умирать. Видя, что они не слушаются, Алибек преградил путь солдатам в другом месте. Не в силах выбить засевших в подвале, солдаты принялись забрасывать окна и пробитую ядрами крышу камнями и зажженными снопами. Через час подвал умолк. Люди, укрывшиеся там, остались в каменной могиле. Но и перед ними лежали сотни трупов карателей. На второй день бой нисколько не стих. Изодранные, обожженные, в крови носились Алибек, Умма, Магомед-хаджи и Абдул-хаджи. На каждом шагу валялись трупы воинов, женщин и детей. К полудню Магомед-хаджи понял тщетность всех своих усилий.

- Нам надо прекратить бой! - прокричал он в ухо Умме.

- Нет! - решительно ответил Умма.

- Люди не хотят дальше сопротивляться. Иссякли силы...

- Кто не хочет, пусть сдается врагу!

- Тогда уйдут все.

- Вы уходите все. Мы пришли сюда, чтобы погибнуть в бою.

Агенты врага работали среди повстанцев наравне с оружием. Они жужжали в уши повстанцам, твердя, что сопротивление погубит всех, что, если они прекратят сопротивление и отдадут вождей в руки генерала, он пощадит повстанцев. Вождям тоже говорили, что, если они сдадутся, то их простят так же, как простили Муртаз-Али, Джафар-хана и Махти-Бека. Старания агентуры не пропали даром.

В полдень повстанцы послали к Меликову векилов передать ему, что они покоряются и выдадут ему в руки вождей. Их решение Алибек понял поздно. Выйдя на закате на поиски Уммы, он застал его стоящим над телом убитого старшего сына Шамиля.

- Когда это произошло? - спросил он, не глядя Умме в глаза.

- Сейчас.

Алибек не знал, что говорить. Он считал себя ничем перед этим закаленным человеком.

- Слышал, что нас предали? - спросил Умма, вскинув свои грозные брови.

- Слышал. Я и пришел посоветоваться с тобой. Но вижу, нам не до этого.

- Почему?

- Сын же твой мертвый лежит...

Умма презрительно усмехнулся.

- Если убили моего сына, нам надо впадать в отчаянье? - сказал он с укором. - Разве у других не погибли отцы, сыновья, братья? Где Магомед-хаджи, Абдул-хаджи?

- Там, на майдане.

- Что они там делают? Почему бой ослаб?

- Люди не хотят драться. Они не подчиняются имаму.

- Тогда собери наших. Мы будем драться, пока не падет последний.

- Напрасно, Умма-хаджи. Наших тоже погибло много.

- Что же хочешь ты?

- Спасаться.

- Из этого тройного кольца?

- Ну да.

- Ты молод, Алибек. Отсюда нам не вырваться. Надо драться и умереть.

- Да ты что, думаешь, я хочу скрыться, как трус? Они же нас выдадут генералу. Я бы не хотел, чтобы нас здесь ловили, как кур. Не хочу, чтобы враг смеялся надо мной, позорил.

Попытаемся прорвать окружение. Кто - погибнет, а кто - спасется. Готовься к бою... Но тогда как быть с Шамилем? - Алибек посмотрел на мертвого сына Уммы.

- С ним будет то же, что и с другими. Может, успеем похоронить своих?

Но похоронить убитых не успели. Когда большинство повстанцев прекратили сопротивление, со всех сторон на аул двинулись войска. Изредка раздавались выстрелы небольшой горстки сопротивляющихся. Алибек созвал своих товарищей, поведал им свою цель и попытался прорвать кольцо. Куда ни устремится - потери. Наконец, когда стемнело, ему с кучкой людей удалось вырваться.

Но Умма, сын его Дада и Дада Залмаев остались в Согратле. При прорыве кольца погибли его друзья детства Кайсар с Кори и храбрый солдат Елисей, веселый Михаил...

Вчера Алибек узнал о случившемся в Согратле. Умма, который после разговора с ним пошел к Магомед-хаджи, не успел вернуться. Люди из повстанцев, подкупленные властью, схватили и выдали генералу Меликову 274 человека из наиболее видных участников движения, в том числе Умму, его сына Даду, Даду Залмаева, дагестанских вождей - старца Абдурахмана, Ника-кади, Зубайрбека, Абдулу, Гази-Ахмеда и многих других.

Правду сказать, путь, избранный Алибеком, не одобряли и его братья. Будь во

главе восстания не их брат, а кто-то другой, они были бы далеко от этого дела. Хотя они в течение тех семи месяцев и участвовали в восстании, помогая брату, помыслы их были далеки от помыслов рядовых воинов. Ни один из них не пошел с ним в Дагестан. Алибек не пустил братьев, зная, что их желания неискренни. Правда, два младших брата Сулим и Зелимхан были готовы разделить участь Алибека, но он их пожалел.

ГЛАВА XVII

СДАЧА

Пусть покинет все, только бы не покинуло мужество.

Поддаваясь то пасмурной погоде, то ненастьям, здоровье Берсы стало постепенно ухудшаться. Когда выдавался пасмурный день, ему казалось, что сырость проникает во все его тело. Кашель ужесточилась. Дыхание становилось хриплым, как кузнечный мех. Эти ненастья совсем отняли ноги. Не осталось сил и в иссохших руках. Он еще весной отчаялся дожить до осени. И все же дожил. А теперь не думает, что увидит будущую весну.

Возвратившись с Сибири, большую часть времени он проводил в доме дяди по матери. Берса не знал, что случилось с имуществом, оставшимся после отца. И не старался узнать. Ему и дела до него не было.

Надоело находиться в доме и быть прикованным к постели. В погожие дни он выходил к дороге и подолгу сидел на сколоченной им скамейке под ореховым деревом. Вечером к нему собирались соседи и иногда люди из отдаленных уголков. Они подолгу расспрашивали Берсу о разных разностях, просили рассказать о чужеземных странах. Но и Берса сам с жадностью слушал разговоры стариков. Осторожно выуживал настрой людей, потом постепенно разоблачал перед ними власть, порождал в них ненависть к ней. В этом он имел особенно большой успех у молодежи. Он готовил их, в том числе и сыновей некоторых богачей, к борьбе за свободу. Многие из них против воли шалинских богачей, сторонников властей, пошли за Алибеком в самом начале восстания.

Сегодня шел дождь с мокрым снегом, и было холодно. Он надел теплый тулуп, папаху из овчины, одел под поршни боржамаш и вышел к полудню на майдан у мечети. Со вчерашнего дня только

и было разговоров, что сегодня после рузбы здесь будет сход. Говорили, что там будут генерал Арцу, недавно вернувшийся с турецкой войны, и часто бывающий здесь князь Эристов.

Берса знал, о чем они будут говорить. Восстание было разгромлено. Теперь эти палачи вышли ликвидировать его последствия. К концу рузбы Берса дошел до майдана. Но люди не выходили из мечети. На майдане была слякоть, а снег и дождь не только не унимались, но все больше бушевали. Видимо, люди оставались в мечети до прибытия гостей.

Во дворе Берса почистил обувь о свою палку и стал под навес у двери. Там стояли еще несколько человек, которые пришли скоротать время, не имея, как и он, дела до рузбы.

- Чего они там застряли? - недовольно сказал сухощавый человек лет тридцати, окинув взглядом лица остальных.

- Наверное, еще не кончили.

- О, клянусь Кораном, так долго не молятся и хаджи из Мекки!

- Там Юсуп проповедует.

- Это кто еще такой?

- Наш главный кадий из Солжа-Калы.

- О чем он еще разглагольствует?

- Кто знает. Наверное, тоже поносит Алибек-хаджи.

- Чтоб ему отправиться в ад! Этой сухой жерди еще тут не хватало.

- Об Алибек-хаджи что-нибудь слышали?

- Неизвестно, где он.

- Говорят, в Дагестане всех переловили, кроме него.

- Вероломно инарле выдали.

- Ах, этот смелый лев Алибек-хаджи! Он один спасся, прорвав тройное кольцо врага!

- Он же поклялся не попадаться в руки врага в бою.

- Что же будет с ним, если поймают?

- Наверное, отпустят в Мекку, как Шамиля.

- Один сын Шамиля, говорят, инарла белого падишаха.

- Другой - инарла у турецкого падишаха. Оба продались двум падишахам.

- Мы, бедолаги, кровь проливаем, а они и вон те, что идут, повышаются в чинах.

Посмотрев в направлении взгляда сухощавого человека, Берса увидел на повороте дороги, ведущей к майдану, всадников. Рядом, о чем-то весело разговаривая, ехали князь Эристов и генерал Орцу. За ними ехали майор Давлетмирза Мустафинов и шалинский старшина Боршиг. Из мечети высыпал народ, дожидающийся их появления. Бедняки расступились и стали по сторонам, освобождая место в центре, а большие муллы, хаджи и купеческие верхи окрестных аулов вышли вперед приветствовать гостей.

Раньше, чем подоспела молодежь, майор Мустафинов соскочил с коня, подбежал к князю Эристову и, взявшись одной рукой за стремя, а другой за его предплечье, помог ему сойти. А подошедшие муллы помогли сойти с коня Орце.

- Осторожно, Николай Богданович, - хлопотал об Эристове Орцу.

- Здесь грязь. Можно было бы расчистить место перед мечетью, Боршиг. Видишь, сапоги у князя запачкались.

- Баллах, Орцу, говорил я им об этом. Мы виноваты.

Место под козырьком у двери освободили для гостей.

- Начинайте, ваше превосходительство, - сказал Эристов.

Давлетмирза и Боршиг повернулись в разные стороны и крикнули:

- Слушайте, люди!

- Князь Арсто хочет поговорить!

Люди, и без того говорившие вполголоса, притихли. Эристов наморщил лоб, окинул взглядом толпу. С первых же его слов Берса понял, что гости хорошенько "подогреты".

- Я буду говорить коротко, люди, - сбивчиво заговорил Эристов.

- Мы громим внутренних и внешних врагов. Глупые горцы думали, что сильнее Турции государства нет, и что она с помощью Англии разнесет Россию в клочья. Что нам турки, англичане, французы, прочие и прочие. Стоит России дунуть раз - и

они исчезнут с лица земли. Сейчас мы гоним турков со всех сторон. Недалек день, когда они встанут на колени и будут просить пощады. В нашей победе есть доля и чеченских настоящих мужчин, его превосходительства генерала Чермоева, офицеров Шамурзаева, Мамаева, Шерипова, Лаудаева, сотен рядовых всадников. Среди них есть и ваши шалинцы. Слава нашим героям!

- Ура! - закричал стоявший рядом майор Мустафинов.

- Уррей! - подхватил Боршиг.

- Уррей! Уррей! - кричали стоявшие впереди муллы, хаджи и купцы. А толпа бедняков стояла молча, словно им зашили рты.

- Покончено и с внутренним бунтом. Абхазцев, которые поднялись в поддержку турок, давно усмирили. Зараза, которая вспыхнула в этих чеченских горах, прошла по Дагестану и докатилась до Баку. И она вырвана с корнями. В Тилитле и Согратле пойманы вожди мятежа обеих областей. Среди них второй из главарей мятежников Умма-хаджи, его сын Дада, Дада Залмаев, махкетинец Тангай, таузинец Лорса-хаджи. Однако главный мятежник Алибек-хаджи бежал. На свободе еще его помощники. Пока они на свободе, в Чечне не будет покоя. Его превосходительство начальник области послал меня прежде всего к вам, шалинцам, чтобы посоветоваться с вами, потому что вы всегда были преданы, верны властям, его величеству государю императору. Что вы скажете, шалинцы?

Стоявшие впереди не стали раздумывать.

- Разве его превосходительству неизвестно, что мы сказали с самого начала? - заговорил Боршиг. - Чтобы выполнить волю великого царя, его превосходительства начальника области и угодить вам, которых мы чтим и уважаем, мы готовы пожертвовать всеми своими благами и жизнью!

- Правильно говорит Боршиг! Так и скажи инарле!

- Напиши царю письмо от нашего имени.

Дав им накричаться вволю, Эристов вновь заговорил:

- Хорошо, шалинцы. Вашего слова мне достаточно. Мне кажется, здесь есть представители окрестных аулов?

- Есть! Здесь есть автуринцы, курчалойцы, агишбатойцы, атагинцы!

Поодаль среди людей, окружавших Берсу, пронесся недовольный ропот:

- Смотрите, что они говорят! И без всякого стыда!

- Одни лишь брюхатые, собравшиеся со всех аулов.

- В чалмах длиной в девять локтей.

Эристов наклонился к уху Чермоева.

- Остальное лучше вам сказать, ваше превосходительство.

Арцу выпрямил свое огромное, упитанное туловище, выпятил широкую грудь и откашлялся.

- Ну-ка, люди, - прозвучал его хрипловатый голос, - мне кажется, вы поняли то, что говорил князь Эристов. У вайнахов есть поговорка: ни одна драка, ни одна победа не оборачиваются одним кровью, другим молоком. Есть среди вас и такие, которые желают, чтобы кровь проливали другие, а им текло молоко. Этого не будет. Да, вайнахи пошли на войну с турками. Целый полк.

И там они совершили большие подвиги. Есть и такие, которые участвовали в

уничтожении вредной заразы, которая, распространилась здесь, в Ичкерии и Чеберлое. Среди отличившихся, прежде всего, шалинцы и жители окрестных аулов. Однако многим удавалось притворяться. У них были двойные хвосты. Одним виляли перед властью, другим - перед Алибеком. Не останутся ли такие без обоих хвостов? Надо знать нам, кентий, что нас осчастливила царская власть. Мы еще вчера ходили в одеждах из грубого сукна, которые натирали нам тело, словно наждак. У нас не было ни одежды, ни пищи, мы томились в потемках. Не желая быть преданным царской власти, которая принесла свет, счастье, сопротивляясь, воюя на протяжении десятков лет, наш народ уничтожил себя наполовину. Теперь вы видите себя? И одеты, и войны нет. Есть магазины, набитые товарами, и хорошее жилье. Говорят, что тот, кто не видит сделанного ему добра, не увидит и причиненного ему зла. Некоторые люди не поняли и сделанного им царской властью добра. Они поднялись для зла. Вшивым ли чеченцам свергнуть власть царя, которая тысячу лет стоит незыблемой горой, не давая ступить ногой на землю России даже самым сильным царям мира? И ведь эти злоумышленники посягали не только на царскую власть. Они хотели отнять блага, в поте лица накопленные некоторыми людьми, забрать у вас ваши магазины, ваши земли. Присвоить себе добытое вашим трудом!

- Аи, божьи вражины!

- Негодяи, отступившие от шариата!

- Аллах их покарал.

- Правильно ты говоришь, мулла Магомед. Бог вынес им свой приговор. Но вы отсиживались в стороне, поручив карать их Богу и власти. Говорят, что лиса тоже так сидела в стороне: пусть, мол, медведь с волком дерутся себе, а кувшин с маслом все равно съест она. Так поступили и вы. Покажите хоть теперь, что вы живые. Шайка злодеев разбита, развеяна, но еще много злодеев скрывается от власти. Где они? Взлетели в небо, зарылись в землю? Нет, они прячутся по аулам. Может, и среди вас есть укрывающие их. И Бог, и власть требуют убрать человека, который вредит людям. Алибек и его шайка - преступники. Долг каждого мусульманина и верноподданного царя отдавать их в руки властям. Кто так не поступает, тот не мусульманин. И для власти не верен. Да такой и сам преступник. Он заслуживает двойной кары!

- О, как ты прав, Орцу!

- Надо выполнять волю властей и падишаха!

- Конечно, это наша обязанность!

Орцу, глотая слюну, вдруг поперхнулся. Он достал белый платок, прижал его ко рту и долго простоял, отвернувшись в сторону, прервав свою речь.

- Будь здоров, - легонько хлопнул его по спине стоявший сзади Боршиг.

Глаза у Орцу были в слезах, когда он повернулся.

- Короче говоря, люди, - голос у Орцу дрожал, - злодеев надо переловить и отдать в руки властей. Знайте, что, если перечисленные здесь князем Эристовым главари злодеев и люди, сколько-нибудь связанные с шайкой злодеев, не будут вами выданы, целые аулы будут разрушены, а людей отправим туда, откуда им никогда не вернуться. Но если требование ее будет удовлетворено, власть смилостивится над женщинами, детьми и стариками. А нет - все будем выселены властями. Сможем ли мы выполнить требование властей?

Передние ряды в толпе зашевелились. Каждый старался сказать громче остальных.

- Иншаллах, с Божьего благословения.

- С позволения Бога и пророка.

- Власть ведь от Бога...

Вперед вышел стоявший среди начальства высокий, тонкий молодой кадий Юсуп с сухощавым лицом, одетый в зеленую сутану с белоснежной чалмой, обмотанной вокруг папахи. Он сделал людям короткие назидания, приводя аяты из Корана и некоторые места из жейнов, потом воздел свои белые руки и прочитал молитву на арабском языке.

Когда люди начали расходиться, Эристов подозвал мулл, хаджи и купцов и сказал им короткую речь.

- Вся надежда начальника области на вас, почтенные. От вашей преданности и активности зависят ваша честь перед властью и ваши блага. На вас возлагается обязанность клеймить бесчестием Алибек-хаджи, его помощников, участников бунта, их семьи и родственников всюду, где собираются люди. Убедить население в том, что они - враги не только властям, но и Богу, сообщать, что из-за них люди пострадали в Чечне и Дагестане, объявлять, что людям, которые будут ловить этих злодеев, будут награды от властей, а в грядущем - высокие милости Божьи. Но заранее предупреждаю вас: властям будет известно, кто из вас проявлял усердие, а кто притворялся. Да поможет вам Бог!

Когда люди стали расходиться, Берса, не поспевая за ними, опираясь на палку, тихо зашагал домой. Но шагов через двести сердце забилось учащенно. Он остановился отдохнуть. Когда же закружилась голова и глаза стал застилать желтый мрак, он потихоньку сошел с дороги и присел на большой камень, лежавший у калитки какого-то дома. Минут через десять дыхание у него восстановилось, глаза его прояснились, но в ногах чувствовалась беспомощность. Так сидел он, не решаясь встать, когда на проулке показались едущие с майдана Орцу и его попутчики.

Заметивший его первым Мустафинов указал на него кнутовищем и заговорил с Орцой.

- Знаешь, кто, свернувшись, сидит вон на том камне?

- Не знаю. Кто это?

- Один из распространителей этой заразы.

- Сын Барзоева Рохмада, Берса. Забыл, что ли?

- Нет... Его же когда-то арестовали и отправили в Сибирь?

- Да. Отбыл десять лет и прошлой осенью возвратился.

- Знаю, конечно, и отца его тоже. Был весьма состоятельным человеком. Как же он оказался с мятежниками?

- У него чахотка. Не может ходить. А мог бы - был бы главным помощником у Алибека. И сейчас между ними тайная связь, но никак не удается ее уличить.

Орцу, который ехал, не спуская с Берсы глаз, подъехав к нему, дал товарищам проехать, а сам остановился, здороваясь.

- Ты - сын Барзоева Рохмада?

- Да.

- Тот, что был офицером?

- Да.

Орцу укоризненно покачал головой.

- Такова доля глупцов, парень... Сын именитого отца, царский офицер. А теперь посмотри на себя. Ни крова, ни очага, ни семьи. Сидишь у чужой калитки, придавленный болезнью, завернувшись в тулуп, как нищий. Зачем тебе нужно было следовать за этим скотом?

Теперь презрительно улыбнулся Берса.

- Мы с тобой происходим от этого "скота", генерал. Когда-то мой отец был только коробейником, но работая лазутчиком царских генералов, стал купцом первой гильдии, а я офицером с европейским образованием. А твой отец, бывший пастух аульского стада, стал проводником царских войск. Водил их сжигать наши аулы. Короче говоря, мы с тобой сыновья двух предателей народа. Потому нас сделали офицерами. Решив, что мы с тобою станем такими же предателями, как наши отцы. Ты пошел по стопам своего отца, Арцу, а я не смог.

Орцу от души рассмеялся.

- Разве ты не слышал, что, если в голове нет ума, но и мучаются? Тебя погубила твоя глупость. У вайнахов есть поговорка: сел на арбу - пой песню хозяина арбы. Мы сумели спеть песни по душе хозяину. Поэтому у нас и власть, и сила.

- Это только вам кажется, Орцу, - махнул рукой Берса. - Кто предает свой народ, того и враг презирает. Вам в глаза говорят красивые речи, но стоит повернуться спиной, как вслед вам плюют и презрительно смеются. Что вы для начальства? Шакалы. Да, вам дают чины, ордена, земли. Но ведь это кость, которую бросают собаке, чтобы она охраняла хозяйский двор. Ползайте себе, подлизывайтесь, доносите! Продавайте свой народ направо и налево! Но как бы вы не лезли вон из шкуры, вам все равно оставаться "туземцами", генерал Чермоев. Смеющийся сегодня завтра плачет, и наоборот. В жизни все меняется. Придет и тот день, когда смеяться будем мы. Уж тогда мы спросим с вас за все, схватив за глотку. Народ проклянет вас. А проклятие народа повергает человека. Что ты еще хотел услышать?

Каждое слово Берсы поражало Орцу в самое сердце. Он стоял и смотрел на него, вытаращив глаза.

- Что же ты молчишь, Орцу?

Глаза у Орцу закатились, нижнюю толстую губу он стиснул зубами до белизны.

- Я прощаю тебя потому, что ты болен, - сказал наконец Орцу.

- Но знай, если будешь перебирать, тебе не будет пощады.

Тогда, если даже будешь лежать бездыханным, ты будешь вздернут на виселицу!

В ответ генералу Берса так звонко, по-юношески засмеялся, что сам удивился. В его смехе Орцу почувствовал и гордость, и презрение, и ненависть. А с бледного лица Берсы, скованного болезнью, на него смотрели смелые глаза. Злой, раздосадованный, Орцу огрел коня плетью. Конь встал на дыбы и рванулся вперед, обдав Берсу ураганом грязи. Но тот смеялся от души.

- Ах, собаки, собаки! - он вытер рукой слезы. - Лакеи, рабы...

Смех его прервал нахлынувший вдруг кашель. Он прижал руку к сердцу, изошелся кашлем и, харкнув, сплюнул кровь вслед Орцу. Потом встал с трудом и медленно, опираясь на палку, поплелся домой.

То и дело останавливаясь передохнуть, Берса к вечеру пришел домой, снял облепленную грязью обувь, и не снимая тулупа, сел на табуретку перед камином, придвинув ноги к огню. Тело его было пронизано холодом и без того слякотной осени. Когда тепло стало от ног постепенно расползаться по телу, прошли и кашель, и хрипота.

Берса потянулся к стенной полке, взял пузырек, откупорил его, налил оттуда в деревянную ложку несколько капель лекарства и выпил. Горькое лекарство заставило его поморщиться.

Хозяйка дома зашла посмотреть, не нужно ли ему чего.

- Чая нет у тебя, Зара? - спросил Берса виновато. - Если есть, налей туда молока, положи сверху чуточку масла и принеси, пожалуйста. Видно, до самого моего ухода покоя тебе не будет.

Зара зажгла лампаду, стоявшую на дощатой подставке в стене, втянула фитиль, пока не нагреется стекло, и вышла. Потом она вернулась с охапкой дров, сложила их ровно возле камина и, подкрутив фитиль, сделала в комнате светлее.

- Может, поешь?

- Нет. Подожду, пока придут гости. Теперь будь свободна, Зара. Живи долго.

Из чайной глиняной кружки он спокойно выпил калмыцкий чай, причмокивая от удовольствия. Тело его приятно покрылось потом. Оно отходило быстрей, чем он ожидал. В дыру между камином и стеной высунулась маленькая красная мышиная мордочка. Мышь огляделась, раза два остановила свой взгляд на Берсе, вышла из норки и подошла поближе. Берса посмотрел на нее и улыбнулся. За эти несколько дней они сдружились. Берса клал ей крошки чурека и тыквенные семечки.

Их веселье оборвал собачий лай во дворе. Мышь оставила недогрызанное семя и бросилась в нору. Широко распахнув дверь, вошел гость, голова которого была обмотана башлыком так, что видны был только нос и глаза. Вошедший следом Булат взял башлык, снятый Алибеком. Берса с Алибеком крепко пожали друг другу руки и обнялись.

- Ну, Алибек, как добрался? - спросил Берса, не зная, что и говорить. - Снимай тулуп и обувь.

Алибек, оставшись в бешмете, следом за Берсой, сел на край нар.

- Хорошо добрался, Берса. Я и начинал от тебя, и приехал завершить дело через тебя. Как твое здоровье?

- Неплохо. Что дома? Родители, братья?

- Все хорошо.

- Их не забрали?

- Нет. Пока оставили. Мне кажется, власть не очень будет их винить?

- Почему ты так думаешь?

- По-моему, они не сделали ничего больше, чем рядовые бойцы. Я, как и всем, им сказал, чтобы старались спастись, обвинив меня.

- Этого они не сделают. Ведь они твои братья.

- Мне-то все равно ничего не поможет.

- Булат, как дома? - обратился Берса к Булату.

- Нормально.

- Как семьи Маккала, Арзу и Али?

- Живы-здоровы. Айза боится за сына.

- Он тоже был с вами?

- Да.

- Он же мал?

- Ему уже семнадцать. Ты о том, а мы с трудом удержали дома другого, двенадцатилетнего сына Арзу.

- Значит, не остались без потомства Арзу и Али.

Пока они расспрашивали друг друга о житье-бытье, Зара поставила им горячие чепильгаш и далланаш с начинкой из измельченной требухи.

Когда поели и запили пищу чаем, Алибек рассказал о своих последних похождениях.

- Да, Алибек, мы с тобою с самого начала сомневались в некоторых дагестанских вождях, - тяжко вздохнул Берса, когда Алибек закончил рассказ. - Отпрыски богачей и духовенство бывают не без коварства. Иногда бывают среди них настоящие мужчины, которые жертвуют своим имуществом и жизнями за дело народа. Но к таким не относятся наши Арцу с Давлетмирзой и дагестанские Магомед-бек с Джафар-ханом.

- Наши и их пути разные, Берса. У них богатства, власть, свобода, а мы томимся в бедности, бесправии и рабстве.

- Они не столь счастливы, чтобы завидовать им.

- Я им не завидую.

- Значит... товарищи наши погибли?

- Погибли.

- Что ты думаешь делать дальше?

- Что ты посоветуешь?

- Тебе надо уйти в Турцию.

- Нет. Бросить товарищей и бежать - это позор.

- Ничего позорного нет. В России и в других странах вожди народов, поднявшихся за свободу, люди умнее нас и прославленные во всем мире, потерпев поражение на родине, ищут убежище на чужбине.

- Спасая свою жизнь?

- Нет. Чтобы готовиться к новой борьбе.

Алибек покачал головой.

- Ты не согласен? - спросил Берса.

- Нет.

- Почему?

- Я ведь темный горец, Берса. В моей голове нет такого ума и сознания, как у тех людей, о которых ты говоришь. Меня не только в других краях, но и в здешних горах не знают. Как найти счастье на чужбине, которого не нашел у себя дома? В каком краю найду я не то что помощь, но даже кров?

- В Турции. Там есть вайнахи и другие горцы.

- Видел я их. Небольшая кучка подлизывается к турецким властям, как здесь наши Орцу и другие, а все остальные пребывают в еще более жуткой, чем мы, нужде. Мы-то хоть и бедные, несчастные, но имеем родину. Там у них нет и ее. Человек ведь без родины мертв, Берса. Ты же сам так говорил.

- Говорят же, что утопающий за соломинку хватается. Мы в положении утопающего, Алибек.

- Есть, помимо всего, еще одна причина, удерживающая меня здесь. Если я сбегу в Турцию, меня обвинят в трусливом бегстве, скажут, бросил погибших и живых товарищей; подтверждение слухов, распространенных властями и будут утверждать, что у меня есть сговор с турками.

- Значит, ты решил сдать себя в руки властей?

- Да.

- Почему ты не сделал это в Согратле?

Алибек гордо посмотрел на Берсу:

- Чтобы не сдаться врагу на поле боя, бросив оружие, как побежденный, как трус. Чтобы враги не издевались надо мной и не презирали меня.

Берса помотал головой.

- Это малое утешение.

- Теперь я отдам свою голову за дорогую цену. Я постараюсь заручиться у властей словом о помиловании аулов, над которыми они глумятся. Может, мне удастся товарищам помочь?

- Ты прав, Алибек, - сказал он, присев перед камином, и протянул руки к огню. - Мы потерпели поражение. Пусть мы потерпели, пусть нас казнят и четвертуют, но умереть надо гордо. И правда, чего бегать? Ведь предстать перед врагом, не моргнув глазом, принять смерть - это же тоже своего рода победа! Героический пример людям, потомкам, борцам за свободу.

- Я тоже так считаю.

- Наши планы не осуществились. Обстановка ведь в России в эти годы была напряженной. Недовольные властями и русские мужики, и рабочие взволновались. Другие народы тоже сопротивлялись властям. Когда я взвесил, соизмерил все это, мне показалось, что настал самый удобный момент для восстания. Поэтому я одобрил твое начинание. Абхазцы оказались далеко. У сванов ничего не получилось. Дагестанцы запоздали. Над русскими рабочими чинят жестокую расправу. Но не будем раскаиваться и отчаиваться. Наше нынешнее поражение - залог последующей победы.

- Теперь-то я понял, - грустно улыбнулся Алибек. - И еще понял самое главное. То, что вайнахи, и я в том числе, оказались легкомысленными. Какая польза от изученных мною в течение пятнадцати лет жейнов и Корана? Я напрасно потратил время. Пусть не вровень с тобой, но если хоть бы вровень с Овхадом знал я светские науки - вот тогда от меня было бы больше пользы. Нужны иные люди, чтобы поднять народ на борьбу за свободу и вести его вперед, к победе. Имеющие в голове большой ум и знания. Пусть не больше, чем у врагов, но хотя бы наравне с ними. - Потом он задумался, спросил: - Овхад приходил к тебе?

- Приходил. Спасибо тебе, Алибек. Хорошо, что ты его спас. Он мне рассказал все. Это умный и храбрый молодой человек, готовый отдать жизнь за родину и за народ. Иметь бы тысячи таких нам. По-моему, сейчас пока нам придется распрощаться с мечтой о свободе. Крепкой, единой цепью связаны все народы России. И ничего не получится, если будут биться один или десять народов, пока

не поднимутся все как один. В этой борьбе впереди и во главе должен быть самый великий, сильный и сознательный русский народ. Вот тогда мы завоюем свободу для всех. До того все будет напрасно. Хоть запоздало, но в последнее время я пришел к таким выводам, Алибек.

Вошедший Булат вопросительно посмотрел на Алибека.

- Сейчас уедем, Булат, - добродушно улыбнулся Алибек.

- Иди, Алибек... Жизнь человека - это борьба. За добро, за счастье. Когда прекратится борьба - остановится и жизнь. Борьба побеждает трудности, учит человека жить и умереть. Последующие будут умнее и сознательнее. Они учтут наши ошибки и будут остерегаться их, пойдут другой дорогой, верной дорогой. В конце концов, в какой-то прекрасный день свергнут эту несправедливость. На ее пепелище люди построят новую жизнь. И между народами будет мир и равенство.

Холодный и ненастный выдался вечер. Льет дождь, смешанный со снегом. В деревьях свистит свирепый ветер. В такую ненастную ночь под Дарго, на правом берегу Аксая остановились два всадника. Оба одеты тепло. Поверх тулупов - черкески, головы обмотаны башлыками, видны только глаза и кончики носов. Оба вооружены. У того, который ехал всегда впереди, берданка, у другого - чеченское кремневое ружье. На портупеях висят сабли, на наборных ремнях - кинжалы.

Когда старший собрался слезать с коня, второй ловко вскакивает, подходит, берет коня за узду.

- Почему ты остановился, Ала? - спрашивает младший.

- Здесь нам надо расстаться, Султи.

- Я хочу разделить вашу судьбу, разреши мне идти с тобою, Ала...

Алибек решительно качает головой.

- Нет, Султи. Одному из братьев надо остаться на свободе. Алимхана, Аламагомеда и Арапхана арестуют власти. Они в какой-то степени активно участвовали в восстании. Зелимхану пятнадцать лет. Может, власти не привлекут его к ответу. Тебя, восемнадцатилетнего, непременно арестуют. Этого нельзя допустить. Один должен быть на свободе, чтобы прийти на помощь в нужный момент. Как ни говори, хотя и моложе, но из всех братьев ты - самый смелый, умный и мужественный. Если ты пойдешь со мной к властям и вместе со мной примешь смерть, от этого легче и лучше не станет. Теперь поменяем коней. Ты же знаешь, как мне дорог мой. Сохрани его.

Конь Алибека тихо заржал, Султи бросился в объятья брата.

- Ала! Я отомщу твоим врагам, тем, кто предал тебя...

Алибек прижал его к себе.

- Ради себя я никогда и ничему не обязывал вас пятерых братьев, Султи, - сказал он, отпустив его. - Теперь и тебя не хочу обязывать к чему-нибудь. Сделай то, что тебе велит сердце. Но прийти на помощь бедному, обездоленному, бороться за свободу своего народа и отдать жизнь за него - это долг мужчины. Знай и запомни: лучше умереть, чем жить рабом на этой земле.

- Я не брошу начатое тобою дело, Ала...

- Не я его начал, Султи. Я продолжал дело, начатое нашими предками, которые не смогли мириться с насилием и произволом властей. Но, если твоя совесть не одобряет этот путь, не выходи на него. А теперь возвращайся...

Выращенного в течение десяти лет любимого коня, чтобы он не попал в руки безжалостных людей, Алибек оставил у Султи, сел на коня и вошел в Аксай.

Султи долго стоял, как вкопанный, держа за узду коня брата, потом внезапно пал на колени. Он молитвенно простер руки, уставился в небо печальными глазами, обратился к Богу:

- О, Аллах, всемогущий Бог! За все восемнадцать лет, которые я прожил в этом мире, я избегал совершения грехов, не сделал зла и ущерба ни мусульманину, ни иноверцу. Я не лишил жизни ни одного сотворенного тобою существа. Я старался помочь бедному и обездоленному, быть честным и благородным, избегать безнравственного, выполнять перед людьми свой человеческий долг...

Льющий дождь и падающий снег бились в его лицо, между пальцами простертых рук сочилась дождевая вода.

- ...через возвышенного тобою пророка ты обязал нас бороться против несправедливости. Мой брат поднялся, чтобы выполнить твои заповеди против царя и его хакимов, которые угнетали народ, совершали над ним неслыханную несправедливость... Если на этом пути мой брат потерял хладнокровие, сдержанность, если в его сердце проникло зло, если он поднял руку и сделал неверный шаг, если он, попав под влияние сатаны, обидел мусульманина или христианина, прости моему брату, о всемогущий Аллах...

Буйный ветер срывал желтые листья с деревьев, гнал их в кусты и овраги.

- ...людей, которые не могли дальше терпеть произвол и насилие властей, людей, которые жаждали свободы и потому восстали, выбрав моего брата своим бяччей, пощади, прояви свою милость оставшимся в живых... За все их ошибки и грехи потребуй ответ только от меня, подвергни меня самой страшной смерти, но спаси этих бедных, обездоленных людей от страданий на этом свете и мук в загробном мире...

Простертые в молитве руки Султи покраснели от холода.

- ...не мы виноваты в содеянном нами, за пролитые нами крови виноваты цари, хакимы, их власть. Ты дай силу народам побеждать, уничтожать их, завоевать свободу, установить мир и равенство... Когда мой бедный брат встанет перед смертью, не лишай его мужества и воли, чтобы враги не смеялись над ним... О, Аллах, всемогущий Бог, помоги нашему праведному делу...

Небо отяжелело, словно готовилось рухнуть на землю. Ветер свистит в деревьях. Кружится буря в воздухе, не давая открыть глаза.

Громкий крик молитв Султи терялся в этой буре и грохоте.

Бурная и холодная была ночь двадцать седьмого ноября 1877 года. Зима наступала, но осень не хотела отступать.

Полковник Авалов работал под большой лампой, нагнувшись над широким столом. Хотя ставни окон были закрыты, между щелями задувает ветер. Чуть заметно качается лампа.

Перед Аваловым лежат списки отдельных людей и целых семейств, которые подлежат аресту и ссылке в северные губернии страны. Особенно много жителей Зандака, Симсира, Беноя, Махкетов , Дышни-Ведено, Хоттани, Таузени, Элистанжи. За участие в мятеже подлежат аресту и высылке еще жители из двадцати восьми аулов Большой и Малой Чечни.

Списки-то готовы, но не все жители, включенные в них, находятся в руках властей. Половина явилась с повинной, а другая половина скрывается в лесах. Но недолго им гулять. Как волк подкрадывается суровая зима. Людям, которым не во что было одеться и в мирное время, недолго продержатся в лесах. Голод и холод пригонят их в аулы. У Авалова во всех аулах свои лазутчики, которые должны следить за каждым шагом мятежников.

В 1859 году чеченцам выбили зубы. Теперь они хотели кусать новыми зубами. Третий раз зубы не растут. Короче говоря, власти показали свою силу и жестокость. Всех мятежников выгоним из края, отправим в самые далекие окраины империи.

Все руководители мятежа арестованы, кроме Алибека, Солтамурада и Сулеймана. Последние двое сбежали в Турцию, они теперь в безопасности. Братья Алибека тоже в руках власти, кроме Султи. Он молод, ему лишь восемнадцать лет, безопасен, пока еще волчонок, но неизвестно, что он может выдать, когда подрастет.

Но главный разбойник, Алибек, на свободе. Сколько бы не искали лазутчики, никак не могут обнаружить место его пребывания. Население его бережет, как зеницу ока. Потеряв все надежды поймать его, неделю назад власти начали репрессии. Идут аресты стариков, женщин и детей. Сжигают дома и угоняют скот у тех, кого хоть немного подозревают в связях с Алибеком. Но все равно жители не выдают Алибека.

Пока он на свободе, не может быть спокойствия в этом округе. Хотя восстание и не разразится в прежних масштабах, Алибек может рыскать с шайкой разбойников и все время держать эти горы под угрозой. Кто мог подумать восемь месяцев тому назад на состязаниях в Гати-юрте, что всадник, который встал перед ним на белом коне, причинит беспокойство не только местным властям, но и всему Кавказу, всей империи...

Думы Авалова прервал частый стук в двери.

- Заходите!

Войдя, у двери встал начальник охраны крепости. Полковнику показалось, что его лицо чем-то обеспокоено.

- Разрешите, ваше благородие?

- Что случилось?

- Во дворе стоит один чеченец, пришедший к вам. Говорит, что он Алибек.

Авалов удивился.

- Какой Алибек?

- Не могу знать. Я подумал, не предводитель ли он мятежников.

- Откуда он это может быть! - засмеялся Авалов.

Полковник решил, что пришел один из его многочисленных лазутчиков со сведениями об Алибеке. Сперва он решил отправить его, сославшись на позднюю ночь, чтобы он пришел завтра. Но кто знает, может, он пришел с ценными сведениями.

- Пусть заходит.

С подпоручиком вошел человек среднего роста, одетый поверх тулупа в черкеску, с башлыком на голове. В руке он держал берданку, на боку висела сабля, а на наборном ремне - кинжал с рукояткой из белой слоновой кости, в черных ножнах. Глаза его Авалову показались знакомыми, но лицо было закрыто башлыком. Во всяком случае, он не был из его лазутчиков. Подпоручик стоял, подтянувшись, не сводя глаз с гостя.

- Ассалам алейкум, доброй ночи, полковник! - сказал гость, когда Авалов на минуту замолчал, оглядывая его.

- Ва алейкум салам! Добро пожаловать. Извини меня, я тебя не знаю.

Человек бросил взгляд на пустой стул, который стоял около стола.

- Неужели грузинские князья перестали уважать обычаи своего народа? - глаза гостя весело улыбались.

- Почему спрашиваешь? По какому делу явился?

- Интересно, с каких пор в горах появился обычай, когда прежде, чем посадить и накормить гостя, спрашивают о его делах?

Авалов растерялся.

- Прежде всего, я царский офицер, - попытался он оправдаться.

- Тогда ты своими делами и благородством должен стоять на порядок выше рядового горца.

- Но лицо гостя должно быть открытым, когда он заходит в чужой дом.

- Не по своей вине я вынужден скрывать его, - развязав башлык, он откинул за спину капюшон.

- Алибек!

- Да, это я, князь Авалу.

В миг взгляд Авалова остановился на ружье, которое держал гость в руках, что не скрылось от Алибека.

- Мое оружие не опасно, полковник. Однако пока я не сдаю его вам.

Алибек огляделся, поставил ружье в угол у дверей. Потом посмотрел на свою мокрую черкеску и грязную обувь.

- Ничего, садись, - улыбнулся Авалов. - Я прикажу принести тебе чай.

- Не надо, полковник. Сперва поговорим о деле. А потом, если договоримся, выпьем чай.

- Опять горский обычай.

- Что ж делать-то? Когда перестанут существовать горские обычаи, придет конец нашему благородству и мужеству. Я слышал, что пурстоп Пурсак здесь. Пригласите его и одного-двух офицеров по своему усмотрению.

Сердце Авалова начало учащенно биться. "Неужели он пришел сдаваться властям? Какая это удача, если он на самом деле решился на это!"

- Кого ты хотел бы пригласить?

- Не знаю. Я знаю тебя и Пурсака. Позови честных и благородных офицеров, у которых слово есть слово.

Авалов вышел, оставив Алибека с подпоручиком. Алибек обшарил комнату глазами. Его взгляд остановился на портрете императора Александра II, висящем на стене напротив. Алибек много раз видел его на денежных знаках, поэтому сразу узнал. Это он, его предки, люди из его дома держат десятки лет под гнетом народы огромной России, это они проливали десятки лет в этих горах кровь бедных горцев и русских мужиков...

Алибеку показалось, что глаза с портрета смотрят на него с презрительной усмешкой, и он на миг раскаялся, что пришел в этот дом.

Вскоре Авалов пришел с Пруссаковым и еще двумя офицерами. Авалов и Пруссаков

сносно говорили по-чеченски, а Алибек кое-как говорил по-русски. Потому здесь не требовался переводчик. Когда присели офицеры, Алибек встал.

- Извините, что я вас побеспокоил в такую ненастную ночь. Полковник Авалов, из-за меня власти преследуют население. Невинных стариков, женщин и детей. Представители власти дали им слово оставить их в покое, если выдадут меня. Я пришел к вам добровольно, чтобы власти прекратили произвол над жителями, а потому перед вами слагаю свое оружие. Моя просьба к офицерам, чтобы они стали свидетелями этой минуты.

Алибек взял с угла ружье, протянул его Авалову, снял саблю и кинжал, положил их на стол.

В комнате временно воцарилась тишина.

- Оказывается, этот туземец - хитрый бес, - засмеялся один из офицеров. - Наверняка, надеется добровольной явкой снискать себе прощение!

Алибек гордо откинул голову и посмотрел на офицера.

- Ты ошибаешься, офицер. До сих пор у нас не родился человек, который, представ перед смертью, просил бы пощады у врага. Лично я для себя ничего не прошу. Однако вы сами объявили, что в случае моей явки к властям, вы пощадите народ. Если вы благородные люди, сдержите свое слово. А свою судьбу я заранее предвижу.

Офицеры молчали, ожидая, что скажет Авалов.

- От имени властей мы обещаем из-за тебя не трогать ни одного невинного человека, - сказал Авалов. Потом он повернулся к Пруссакову: - Павел Никифорович, пленника я передаю в ваши руки. До нового приказа вы отвечаете за его голову.

Когда Пруссаков шагнул к нему, Алибек остановил его, подняв руку.

- И еще одна последняя просьба: пока не заключат меня в городскую тюрьму, оставить мое тело свободным. А потом поступайте, как хотите.

- А не попытаешься сбежать, Алибек, раскаявшись в своей явке к властям? - спросил Пруссаков.

Алибек посмотрел на него, улыбнулся, потом решительно покачал головой.

- Об этом и думать не надо, полковник. На этот счет можешь быть совершенно спокойным...

ГЛАВА XVIII

КАЗНЬ

(Записки Абросимова)

Пусть смерть постигнет меня в день, когда я окажусь не в силах бороться.

9 марта 1878 года.

Когда к людям приходит беда, кажется, что и природа тоже реагирует на это - неистовствует, словно сочувствует и сострадает людям, не в силах помочь им.

Первая неделя марта была прекрасная, ясная. На городских окраинах, под кустами вдоль дорог из-под земли пробились ростки зелени. Местами виднелись ранние цветочки.

Думая, что весна уже наступила, в аулах уже готовились к севу. Птицы заботились о своих гнездах. Горожане, одетые по-весеннему, выходили на улицы.

И вчерашняя ночь была ясная. Словно разбросанные рукой звезды, испестрили небо, а молодой месяц медленно плыл на запад. Но сегодня утром на рассвете природа резко переменилась. Над городом нависла тяжелая свинцовая туча. Синий туман окутал Сюйр-Корт. Туман медленно полз по улицам города. Потом поднялся холодный ветер, и посыпались снежные хлопья. Играя, резвясь в воздухе, они падали на землю и тут же таяли. На просохших за прошедшую неделю улицах вновь образовалась грязь.

В шесть часов утра к восточной окраине города Грозного двинулись потоки людей. Там, на поле, являющемся пастбищем, стоят тринадцать виселиц и одна табуретка.

Не прошло и часа, как эту большую площадь заполнили люди. Сюда собрались горожане и жители окрестных чеченских аулов и казачьих станиц. Здесь сегодня будет приведен в исполнение приговор, вынесенный военно-полевым судом над предводителями восстания. Судебный процесс прошел очень просто. Председатель суда иногда зевал от скуки. Обвиняемые и сами не усложняли дела. Они, не увиливая, признали свою вину. Первым допросили Алибека.

- Почему ты поднял народ против царя и его власти? - спросили его.

Когда ему перевели вопрос, он улыбнулся.

- Народ поднялся против царя и властей потому, что они держали его под гнетом, совершали над ним неслыханную несправедливость. Я его призвал к восстанию, и он поднялся.

Я один виноват во всем.

- Один человек не может поднять народ. Кто были твои помощники?

- Это правда. Ни один, ни десять, ни сто человек не могут поднять народ, если на то нет многих и серьезных причин. А этих причин было больше, чем нужно.

- Назови имена своих помощников.

- Мои помощники все здесь. Но они от себя ничего не делали. Они выполняли мои приказы.

Убедившись в том, что от Алибека не вытянуть больше ни слова, ему задали последний вопрос.

- Ты поднялся против царя, его власти. Ты совершил измену против государства и отечества. По законам государства ты заслуживаешь самой суровой кары. Есть у тебя просьба к суду?

- Нет, - быстро, не задумываясь, ответил Алибек. - Злодей ли, изменник ли я или нет, знает народ. Я повторяю, что поднялся против несправедливости власти. Чтобы добыть народу свободу и равенство. Последовавшие за мной люди не убили ни одного мирного человека, не причинили вреда ни одному мусульманину или христианину. Мы убивали тех, кто с оружием в руках шел на нас, кто убивал наших стариков, жен и детей, сжигал наши аулы, и лакеев этих карателей.

- Раскаиваешься ли ты в содеянном?

- Нет. Нисколько не раскаиваюсь. Если вы меня отпустите, я снова встану на этот путь.

- Ты сказал, что ты не причинил вреда ни одному мирному человеку. Но ведь люди, которые поднялись из-за тебя, которых ты обманул, пострадали. Сожжены десятки аулов, сотни семей изгоняются в Сибирь, на каторгу. Грех за них ведь на тебя падет. Зачем ты обманывал людей?

На минуту лицо Алибека омрачилось.

- Никого я не поднимал силой, - печально сказал он. - Все поднялись по своей воле. Всем хотелось, как и мне, свободы, равенства и хлеба. Я не говорил им, что смогу свергнуть власть.

- Дальше?

- В моем призыве говорилось, что лучше умереть в борьбе, чем жить рабами. Согласные следовали за мной, несогласные - оставались дома.

- Ты же некоторые аулы наказал?

- Те, которые по наущению властей выступили против меня.

Двадцать один человек обвиняемых сидели и тихо переговаривались между собой, словно вышли вечером на майдан. Иногда, когда они меняли ногу, закинутую на ногу, раздавался звон стальных оков, надетых им на руки и ноги. Когда суд ушел на обед, арестанты попросили отвести их в какую-нибудь комнату, чтобы совершить намаз.

Никто не попытался спасти себя, никто не попросил помилования или смягчения наказания. Каждый, кого поднимали, заявлял, что к сказанному Алибеком не может ничего ни прибавить, ни убавить.

Суд был простой формальностью. Судьба обвиняемых была предрешена. К полудню третьего дня председатель военно-полевого суда, которого клонило ко сну, ни с кем не советуясь, в лежавшем перед ним списке сделал пометки напротив каждой фамилии, определяя им меру наказания. Вероятно, власти заранее определили судьбу обвиняемых...

Холод усиливался. Люди начали мокнуть от дождя, смешанного со снегом. Лютый ветер пронизывает их одежду, как через сито.

Здесь тоже люди разделились на социальные группы. В передних рядах-офицеры, городские чиновники, аульская и станичная верхушка. А место ближе к виселицам отдано начальству. Там сейчас находятся прибывшие сюда генералы Смекалов, Виберг, Чермоев, полковники Эристов, Беллик, за ними офицеры Мустафинов, Мовсаров, Ойшиев, Мамаев, Саралиев и чеченские офицеры, недавно вернувшиеся с турецкой войны.

Среди собравшихся здесь людей много чеченцев. Старики и молодежь, женщины и

дети. Их пригнали сюда из близлежащих аулов насильно, чтобы видели, как исполняется приговор. Чтобы видели, какая участь ждет того, кто пойдет против власти. Чтобы нагнать на людей страх, парализовать их. Чтобы народ никогда впредь не поднимался против царя.

Из русских здесь женщин больше, чем мужчин. Генерал Смекалов этим недоволен. Позавчера, когда генерал-адъютант Свистунов приехал в Грозный, женщины подняли во дворе канцелярии округа открытый бунт, проклиная генерала. Требовали отмену приговора смертной казни через повешение тринадцати человек. Вначале начальник не обратил внимания на эти крики. Тогда женщины положили своих грудных детей на крыльцо канцелярии. Заявили, что если начальник области не изменит приговор, то они не будут детей кормить грудью.

Женщины избили несколько солдат, попытавшихся разогнать их.

Свистунов вышел, узнав, что дело приняло нешуточный оборот. У его ног лежали и разрывались от крика младенцы, завернутые разноцветные одеяла и тряпье. Кричали и оттого, что оторваны от материнской груди, и напуганные визгами матерей.

- Отмените несправедливый приговор!

- Где справедливость?

- Всюду несправедливость!

- Напишите приказ об отмене приговора!

- Если не напишите, мы не будем кормить младенцев!

- Вы не люди!

Вышедшие следом за Свистуновым князь Эристов и еще несколько офицеров с трудом уняли женщин. Лицо у Свистунова побледнело, как у покойника, то ли от испуга, то ли от гнева.

- Уважаемые женщины! - крикнул он. - Что вы тут затеяли?

Женщины снова подняли крик.

- Послушайте меня! - поднял генерал руку. - Неужели вы не знаете, кто такие осужденные? Это же государственные преступники. Они поднялись против нашего царя, чтобы в случае победы перебить всех русских или прогнать их отсюда...

- Ложь!

- Поп много нам пел эту песню.

- Они поднялись за свободу!

- Вы кровь сосете из нас и чеченцев.

- Освободите узников!

Свистунов приказал Эристову вызвать солдат и разогнать этих сумасшедших женщин. Однако разумный князь не одобрил его. Их невозможно было остановить силой. Надо было поговорить с ними спокойно и выпроводить обманом. Эристов уговорами немного успокоил их.

- Дорогие женщины! Напрасно вы шумите. Я не имею права менять решение суда. Дело это уже в руках царя... - сказал Свистунов.

- Сообщите царю о наших требованиях!

- Пошлите телеграмму, чтобы он помиловал их!

- Хорошо, женщины... Я обращусь к государю с просьбой помиловать тринадцать человек.

То ли поверив слову Свистунова, то ли пожалев плакавших навзрыд своих детей, женщины, немного пошумев, взяли детей и разошлись.

Как только женщины показали спины, Свистунов тут же забыл про данное им слово и уехал во Владикавказ.

Два дня затратили городские власти на поиски палача для исполнения приговора. Никто не желал брать на себя эту позорную работу. Наконец, вчера нашли. В городской тюрьме сидели два отъявленных уголовных преступника, некие Понявин и Нихматуллин. Представители власти обещали им снизить меру наказания, если они возьмут на себя роль палачей.

К восьми часам утра головы людей на площади пришли в движение, словно взволнованный улей. Из города показался авангард казачьего отряда. Осужденных не было видно. Их вели в середине, окружив со всех сторон стражей.

Казаки, ехавшие с обнаженными саблями, не сбавляя бега коней, стали напирать на толпу.

- Расступись, дайте проход! - кричал ехавший впереди сотник.

Люди не заставили его повторять приказ, расступились, испугавшись лошадей, и оставили большой проход. Передние казаки окружили виселицу. Следом показались осужденные. На большой арбе, запряженной быками, стоял прямо, опустив окованные руки к коленям, старый Умма. Его и без того длинная, густая, седая борода теперь еще больше удлинилась и дошла до пояса. Он насупил свои брови, наклонил голову немного в бок, пробежал глазами над головами людей, остановил его на виселице и презрительно улыбнулся.

На второй арбе стоял Алибек. Три месяца тюрьмы и приговор, вынесенный два дня назад, не изменили цвета его лица. Округлое лицо его горело румянцем. В его добрых, смелых глазах, когда они скользнули по головам людей и увидели стоящих по одну сторону генералов и по другую офицеров, вдруг сверкнула молния. Подняв руки в оковах и пригладив указательным пальцем усы, он обернулся к товарищам.

Остальные осужденные шли пешие. Они приподняли оковы и шли по хлюпкой грязи короткими шагами. У всех тулупы из недубленой почерневшей овчинки, низкие папахи, на ногах - поршни. Пятеро - седобородые старики, другие шестнадцать - молодые люди до тридцати лет.

Одного из них знали многие. Это был бывший прапорщик Дада, сын Уммы. Широкие плечи, тонкая талия, орлиный взгляд. На изношенной черкеске были видны изношенные, перекосившиеся погоны прапорщика. Очевидно, их ему пришили по чьему-то приказу, чтобы поиздеваться над ним.

Осужденные шли по двое, тихо переговариваясь, иногда посмеиваясь. Когда их остановили на четырехугольной площадке в центре толпы, шедший впереди рослый молодой человек приложил руку к левому уху и затянул илли. Товарищи подхватили, а худощавый, низкорослый парень, стоявший рядом с запевалой, подпел вторым голосом:

Зачем поставили эти виселицы, далалов?

Нас повесить их поставили, далалов!

Зачем стоят эти стулья, далалов?

Чтоб мы на них поднялись, далалов!

Зачем висят эти грубые веревки, далалов?

Их привязали нас повесить, далалов!

Можно было подумать, что они пришли сюда, сочинив эту песню и заранее подготовившись. Нет, нет. Это была импровизация, возникшая в эту минуту. Вздымаясь, как буря, разрывая густой туман, далеко по полю разнесся бархатный, зычный голос певца.

...Зачем, собираются эти меташки, далалов?

Чтоб вместо сестер нас оплакать, далалов!

Зачем стоят эти бедные мужики, далалов?

Пришли вместо братьев на наш тезет, далалов!

Зачем собираются эти пестрые офицеры, далалов?

Чтоб из-под нас стулья выбить, далалов!

Никому не надо было объяснять значение слов песни. Каждое слово свинцовой тяжестью ложилось в сердца слушающих. Среди женщин послышался приглушенный плач. Мужики не скрывали обильно лившиеся из глаз соленые слезы.

Под мелодию этой песни кузнец снимал кандалы с ног и рук Уммы и Алибека. Освободившись от кандалов, Алибек распростер руки и, размяв свое отекшее тело, крикнул товарищам:

- Косум, Нурхаджи! Чего вы приуныли так, что люди плачут? Не допускайте, чтобы над нами ухмылялись вон те пестрые суки! - он простер руки в сторону офицеров. - Спойте героическую песню нашего народа!

Никогда, ни пред кем мы

Не склонимся покорно,

Свободу или смерть, -

Одно из них добудем!

Подбежавшие по приказу командира роты надзиратели с обеих сторон за предплечья потянули Алибека с арбы. Но тот, напружинившись, подобно тигру, изо всех сил ударил ногой в лицо надзирателя Семина и опрокинул его, другой же отскочил, и удар пришелся мимо.

С разных сторон на Алибека бросились солдаты.

- Инарла Орцу, уймите своих солдат! - крикнул Умма. - Нас не надо волочить. Мы сами пойдем!

Генерал Смекалов приказал отойти. Солдаты заняли свои прежние места. Старший

надзиратель Семин отхаркивался кровью. С каждым его плевком падало по зубу.

- Дайте мне его повесить! - завопил Семин при виде трех зубов, которые ему выбил Алибек.

- Надзиратель Семин! Марш на место! - прикрикнул на него Сервианов.

Спрыгнув с подводы, Алибек твердой походкой подошел и встал на стул под виселицей. Нихматуллина, который было двинулся, чтобы выбить из-под него стул, остановил яростный взгляд Алибека.

- Кентий! Выбивайте из-под себя стулья сами! Песню! Героическую песню наших предков!

Он подпрыгнул, выбил ногой стул из-под себя и повис на веревке. Вместе с веревкой закружилось его тело, и лицо его поворачивалось во все стороны. Отовсюду раздались рыдания женщин. Передние женщины отворачивались, заслоняясь руками. Алибек сильно стиснул челюсти, но глаза не закрывал. Они укоризненно смотрели в лица людей. Наконец, тело его перестало вертеться...

- Эй, ты, гусь, именуемый Юсупом! Хоть ясин читай, когда мы отдаем души! - крикнул Умма кадию Юсупу, стоящему среди офицеров.

Юсуп Чермоеву, а тот Смекалову что-то сказали. Видимо, с разрешения Смекалова, Юсуп вышел вперед, опустился на корточки и скорбным голосом начал читать ясин.

Но его не было слышно из-за громкой песни осужденных...

После Алибека назвали имя Дады Умаева. Услышав свое имя, тот сначала посмотрел на своего старого отца, потом повернулся к генералу Смекалову.

- Ваше превосходительство, пусть отца повесят раньше меня. Ему, старику, будет трудно смотреть на умирающего сына.

- Кант, что ты говоришь генералу? - недовольно произнес Умма.

- Я просил, чтобы меня повесили попозже...

- Зачем? - брови у Уммы нахмурились.

- Тебе не будет тяжело смотреть, как умирает твой последний сын?

Умма презрительно рассмеялся.

- Мое сердце давно превратилось в камень, кант. У меня на руках умерли отец, трое братьев и один сын в сражениях с врагами. И тогда я терпел. Старый лев перенесет и смерть последнего львенка. Не дай этим псам повода для насмешек, полезай на стул.

Дада недовольно покачал головой.

- Ты что, каешься, что ты сын Уммы Дуева? Или ты испугался, волчонок? Как попал в мое логово такой зайчонок?

Дада пристально посмотрел на старого отца. Лицо все в морщинах, но глаза смелые. Даде не трудно было бы умереть, если бы он мог обняться с ним напоследок. Но это было невозможно. По чеченским обычаям считается слабостью, когда отец и сын обнимаются и показывают на глазах слезы. На какой бы срок они не расставались, после какого бы срока не встретились, при любом горе и страдании.

- Я просто хотел пощадить тебя, Ами...

Ловко вскочив на стул и вдев голову в смазанную мылом петлю, молодой человек гордо выпрямился, и при виде этого у русских женщин вырвались вопли.

- Как он прекрасен!

- Как молод еще!

- И так рано умереть!

- Проси пощады себе.

- Тебе же еще жить да жить!

- Пощады!

- Пощады!

Лицо Дады прояснилось. Он с благодарностью смотрел на этих бедных женщин другой национальности и другой веры, которые плакали навзрыд. Дада поднял руку, прося внимания.

- Уважаемые дамы и господа! - крикнул он едва заметно дрожащим голосом. - Уважаемые дамы и господа! Спасибо вам, что пожалели меня, что вы глубоко сочувствуете невинным людям, которых вешают. И вам спасибо, добрые женщины, заменившие наших матерей и сестер, которые не имели права или возможности приехать сюда, чтобы закрыть нам очи. Они плачут и стонут далеко в горах. И вам спасибо, мужики, что пришли и стоите здесь на этом тезете вместо наших отцов и братьев, которые не имели права или не смогли прийти сюда, чтобы снять нас с этих виселиц, отвезти в родные аулы и похоронить на кладбищах предков...

Среди людей, слушавших речь Дады, произносимую на чистом русском языке и идущую от сердца, послышались рыдания. Обильно лились слезы по лицам мужиков.

- Моя речь слишком затягивается, ваши превосходительства, - повернулся Дада к генералам Смекалову и Вибергу. - С вашего позволения, в последнюю минуту своей жизни я хотел бы сказать еще несколько слов. Говорят, если пить понемногу, то яд не опасен и организм приспосабливается к нему. Хоть и молод я, но в теле у меня большие раны, и они меня закалили, подготовили к сегодняшнему дню. После меня на табуретку встанет мой старый отец, которому уже восьмой десяток лет. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, вместе с тысячами других подростков с оружием в руках он встал на борьбу за свободу народа. Он был одним из видных руководителей прежних чеченских восстаний. После подавления предпоследнего восстания его сослали в ссылку, а нашей семье пришлось скитаться, скрываться по чужим домам. Меня взяли в заложники, отправили учиться в Петербург. После окончания офицерской школы я возвратился, служил в войсках. Служил честно и усердно. Однако, как началось вот это восстание, мой отец стал одним из его вождей. Начальник области господин Свистунов приказал мне, чтобы я привел к нему отца живого или мертвого...

Начавшая было ослабевать метель, вновь усилилась. В воздухе закружились снежинки. Но люди внимательно слушали речь Дады. Молодой человек терпеливо, спокойно выкладывал всю накопившуюся в его сердце за двадцать шесть лет горечь.

- Я знал, что отец не сойдет со своего пути. И все же я пошел к нему и от души просил, чтобы он сложил оружие, примирился с властями. Но отец не отказался от борьбы. Он рассказал о страданиях народа. Передо мной лежали два пути: или воевать против своего отца и народа, ведущих справедливую борьбу, или нарушить присягу царю, перейти на сторону отца и народа и бороться за их правое дело. Как бы поступили вы, господа, оказавшись в таком положении? Я избрал второй путь. Этот путь привел меня сегодня под эти виселицы. Не позор и преступление привели сюда меня и моих товарищей. Мы не якобинцы или декабристы,

порожденные цивилизацией. Но их цель и наша была одна - свобода, справедливость, счастье людей. Они боролись под светом цивилизации, а мы, темные горцы, - во мраке, как умели, как могли, по силе наших возможностей. Однако и у них, и у нас судьба одна - гильотина и виселица. Но не думайте, господа, - повернулся Дада к генералам и офицерам, - что если нас, тринадцать человек, вы повесите, выселите тысячи, то борьба на этом кончится. Мы никогда не покоримся... никогда...

Царям не победить народы... Благодарю за внимание, дамы и господа...

Он, как до него Алибек, опрокинул стул под ногами и повис в воздухе. Среди женщин вновь раздались душераздирающие вопли...

Кадий Юсуп остановил вертевшееся на веревке тело Дады лицом к югу...

Умма смотрел на сына, пока душа не покинула его, а потом, не дожидаясь оглашения своего имени, двинулся к виселицам. Как ни старался он скрыть, в груди его пылал неистовый огонь. Мне показалось, что широкая спина его за эту минуту заметно сгорбилась. Если судить по пережитым им годам, он еще хорошо сохранился таким. А сегодняшний день был ужасен. Перед его старческим взором лишился жизни последний сын.

Умма поднял стул, который отбросил ногой сын, остановился под соседней виселицей, поставил стул и тяжело поднялся на него. Потом он взялся за веревку, обеими руками испытывая на прочность, и надел себе на шею петлю. Прежде чем он успел опрокинуть стул под ногами, Чермоев, стоящий внизу, крикнул ему:

- Ва, Умма-хаджи, послушай меня!

Умма посмотрел на генерала.

- Я много раз говорил тебе: не выступай против власти, не поднимай народ против царя, призывая его к борьбе за свободу; что свободы в мире нет и тебе она не достанется; я много раз говорил тебе, что наш народ маленький, бессильный, ему неоткуда ждать помощи; что наша страна сравнима с пылинкой, песчинкой на огромной земле, каплей в огромном море; что страна русского царя безгранична, и у него бесчисленное войско и оружие; что чеченцам никогда не победить Россию; что призывы твои приведут народ к неисчислимым бедствиям и гибели. Ты не послушал меня, Умма-хаджи. К чему привела народ ваша безумная затея? Тебя и твоего невинного сына - под виселицу. Сожжены сотни аулов, убиты тысячи людей. Тысячами ссылают в Сибирь.

Я говорил тебе, Умма-хаджи, хоть на старости лет брось эту свою глупость, погибнешь сам, погубишь свою семью. Но ты не послушался. Один твой сын погиб в бою, а второго повесили на твоих глазах. Хоть теперь покайся, Умма-хаджи, ведь остаются сиротами дети одного из твоих сыновей. Покайся перед людьми, которые по твоей вине остались без крова, перед тысячами людей, которых изгоняют из родины, ссылают в далекий, холодный край. Вот что я хотел тебе сказать, Умма-хаджи!

Внимательно слушая напыщенную речь Арцы, Умма проверил, хорошо ли сходится надетая на шею петля. Потом повернулся к Чермоеву:

- Ва, инарла Орцу, ты много раз говорил мне: "Не води народ против власти, ее тебе не победить, когда-нибудь погибнешь, если же будешь слушаться власть, тебе будет почет, как мне.

Оставь лишенный властью земли, изможденный голодом, унижаемый народ, и стань рабом царя, как и я". Я не мог распроститься с мечтой о свободе, не мог примириться с врагами народа. Мне, как горному орлу, хотелось жить свободно. Знал я, что в конце концов меня ждет вот эта участь, и то, что я искал, наступило. Отец мой, братья и сыновья погибли за народное дело, и я теперь умираю. Мне кажется, что у тебя не было ни отца, ни братьев, ни рода, ни племени. У тебя

сейчас не сыновья, а два жалких ублюдка, подобные тебе. Когда-то они станут злом для народа. Что сделаешь ты, оставшись жить после меня, что в твоих руках? Ты съешь одну сапетку кукурузы и наполнишь испражнениями одну яму, больше ты ни на что не пригоден! А что касается народа, я чист перед ним. Не я поднял его против царя, он сам поднялся за землю, свободу, равенство. Вернее, своей жестокостью по отношению к нему, царь сам поднял народ против себя. Я был одним из народа, его маленькой частицей.

Я разделил несчастную судьбу народа наравне с ним. Всю жизнь сражался вместе с ним. Не сбежал, как подлый трус, спасая свою жизнь, не продался, не предал никого. Когда настал мой последний час, чтобы народ не пострадал из-за меня, добровольно пошел под виселицу. И не собираюсь в последний час моей жизни покаяться ни перед кем. Если я по своей глупости совершил ошибки, и люди пострадали из-за меня, плата за них - моя собственная жизнь.

Лицо Чермоева побагровело. Наверное, он дорого дал бы, чтобы не заговорить с Уммой.

- Ты волен поступать со своей жизнью, как хочешь. Но ты не имел права распоряжаться жизнями других, невинных людей, женщин, детей и стариков. Это право имеет только всевышний Аллах! - закричал Чермоев.

- Значит, такова была воля Аллаха, - коротко сказал Умма, и, поняв, что сказанное им попало Чермоеву прямо в сердце, зло расхохотался, махнул на прощание товарищам рукой, оттолкнул из-под ног стул, и всей тяжестью тела повис на веревке...

Осужденные, не дожидаясь, пока назовут их имена, как только высвобождался стул, обнимались на прощанье с товарищами и по одному подходили к виселицам. Ни на чьем лице не было заметно ни испуга, ни растерянности. Никто больше, кроме Косума, не сказал ни слова. Когда он встал на стул и глянул в толпу, лицо его вдруг просветлело. Очевидно, он заметил друга или брата.

- Ва, Оздамар! - громко позвал он. - Слушай мое завещание. Возвращаясь в наш аул, не сходи с коня. Пусть люди не собираются на тезет, и женщинам не давай оплакивать нас! Заботься о моей матери, ей недолго жить. Сбереги мое оружие и передай его сыну, когда он вырастет...

Палач, выбив ударом ноги стул, оборвал завещание Косума.

Власти думали, что приговоренные к повешению, когда настанет последняя минута, испугаются, растеряются, раскаются и попросят пощады. Первые трое повешенных дали понять, что этого и в помине не будет. Более того, воспользовавшись моментом, они перед собравшимся многочисленным людом не только проявили смелость, но и в какой-то мере разоблачили власть.

Чтобы оставшиеся не произносили таких речей, как только петля оказывалась на шее, у них из-под ног стали тут же вышибать стулья. Дело это два палача выполняли от души. Видимо, они боялись, что им не удастся выполнить свои обязанности. Кто знает, власть могла снова оставить в силе обвинения, бросить их снова в тюрьму, сказав, что они не выполнили порученную им работу. Но нескольким все же удалось самим выбить из-под себя стул прежде, чем дотянулись их руки.

Старики пропускали тех, кто помоложе. Наверное, боялись, как бы они, оставшись друг с другом, не смалодушничали. Вслед за Косумом пошел его друг Нурхаджи. Потом по очереди - Дада Залмаев, Арсахаджи Гериев, Янгулби Пиркаев, Мита Апаев, Хуси-хаджи Пагаев, Гурко Гайтаев, Губха Пишиев и последним самый старый Тозурка Тангатаров.

После приведения приговора в исполнение под стражей вернули обратно в тюрьму осужденных к двадцати годам каторги Ханбетара Яхсиева, Хусейна Амаева, Газанура Магомедова, Бугу Ишаева, Шихмирзу Шихалиева.

Затем народ заторопился покинуть это место.

И до чеченского восстания, и в дни его наивысшего подъема я много выведал мыслей здешних колонистов, живущих на земле Чечни, вернее, на земле, сто лет назад принадлежавшей чеченцам.

Эти колонисты, по разным обстоятельствам поселившиеся здесь, вовсе не считают себя виновными в бедах горцев, которые причиняют власти. От колонистов ничего не зависит. Жалко, правда, чеченцев, но они бессильны помочь им. Они, колонисты, ведь и сами под гнетом царя и богатых. У них, у мужиков, разве была земля? Разве их не мучили на протяжении веков помещики, избивая, продавая, покупая, убивая? Эта несправедливость и голод чеченцам достались не так давно, а мужики терпели их веками. Нет еще двадцати лет, как они освободились от крепостной неволи. Объявили свободными. Но где она, свобода? Что толку в свободе, если у крестьян нет и клочка своей земли?

О правах и говорить нечего. Не бывает и года, чтобы в разных уголках огромной России не вспыхивали восстания. Они тоже недовольны этой властью. Не от хорошей жизни они переселяются в Сибирь, на дальний Восток, в Среднюю Азию, на Украину и сюда, на Кавказ. Есть и такие, которых переселяют насильно, против воли. И есть такие, которые переселяются, спасаясь от нищеты, голода и бесправия. В надежде хоть на небольшое облегчение на окраинах этой империи.

Нелегко уходить из родимых, отчих мест. Не от радости пришли они и сюда. Так говорили и мужики, и казаки.

Но во время этого восстания власть начала очень коварную политику. В печати, в церкви - всюду, где это возможно, говорили, что чеченцы - союзники турок, что они поднялись, чтобы уничтожить и изгнать их из этого края. Если им удастся проникнуть в город или станицы, они будут убивать женщин и детей. Чего только ни сочиняли, чего только ни говорили.

Среди мужиков было много таких, которые верили этим слухам.

К тому же постигнуть правду им помогала малочисленная интеллигенция, разоблачавшая коварную, лживую политику власти. Для того, чтобы противопоставить казаков чеченцам, не требовались новая политика, провокации и прочее. Они по первому же приказу или повелению царя проливают кровь не только инородцев, но и своих единоверных, единокровных русских мужиков и крестьян. Во владении казачьих станиц имеется земли больше, чем им требуется. Большая часть ее не используется, зарастает бурьяном. На каждую мужскую душу приходится по 20-40 десятин. А во владении царских слуг - генералов, атаманов, старших офицеров - по несколько сот, а то и тысячи десятин. Они не могут допустить победы чеченцев, возвращая их на свои исконные земли.

Мужики знают, что власть царя и власть имущих держится на остриях казачьих сабель. Малейшее выступление мужиков против существующей власти в любом уголке империи подавляют казачьими плетьми, шашками, копытами коней. Да и многие здешние мужики батрачат у станичников.

С одной стороны, мужики ненавидели казаков, у которых они батрачили, а с другой стороны, сочувствовали чеченцам, борющимся за свою свободу, но не знали, что будет с ними, если победят чеченцы. Боялись, что им придется бросить приобретенные здесь жилища и вновь скитаться по дорогам огромной России со своими многодетными семьями, с котомками за спиной, в пути предавая земле умиравших. Ведь такова была их участь испокон веков...

Но что же заставило жен этих мужиков побросать к ногам генерала Свистунова своих детей, требуя отмены смертного приговора тринадцати, что ими двигало, что заставляло их сегодня плакать, когда приговор приводили в исполнение?

Женщина, в первую очередь - мать. Женщины у всех народов сердобольны. Но на первом месте по доброте и человечности стоят русские женщины. Я это говорю не

потому, что сам русский. Правда есть правда.

За те три дня судебного процесса они вновь воочию увидели повсеместно объявленных властью "убийц". Если внять рассказам властей, можно было подумать, что это - своеобразные люди-звери с рогами, клыками и копытами. А посаженные перед судом в окружении охраны были обыкновенные, несчастные люди.

Сколько ни вглядывались в них, не находили и намека на жестокость. В лохмотьях, с мрачными, но добрыми лицами, печальными и простодушными глазами и огрубевшими руками. Кто мог поверить при виде их, что они будут убивать детей и женщин? Это были такие же, как мужики, люди, придавленные голодом и нищетой. Таких ведь в матушке-России миллионы.

Не от радости же поднялись эти чеченцы. Ведь десятки лет царские войска уничтожают их аулы. Они просят себе земли. Они же попытаются скинуть с себя навязанный им гнет. Нелегко, конечно, и русским мужикам. Свободы у них нет никакой. Они тоже бедны и угнетены. Но эти бедняги не имеют даже и те мизерные права и свободу, что имеют мужики. Ведь их требования и их борьба справедливы.

Такие выводы сделали мужики, возвращаясь в город. Эти же мысли подняли их жен на помощь осужденным.

То же самое заставило сегодня плакать и тех, и других.

Приглашая сюда горожан, власти намеревались запугать людей, нагнать на них страх, чтобы упредить новые волнения в массах и не только на Кавказе. Ведь неспокойно было в центральных губерниях России. Повсюду бродили призраки революции и демократии. Поднимались рабочие в городах и крестьяне в деревнях. И это бы еще ничего, но местами были взбудоражены и казаки, которые всегда были верной опорой царского трона.

Поэтому местная власть не случайно согнала сюда простых людей. Нужно было наглядно продемонстрировать участь "государственных преступников". Однако вряд ли эта цель была достигнута. Даже наоборот. Увиденное ими только ожесточило сердца людей. Не было сомнения, что в новой борьбе русские мужики и горцы протянут друг другу руки.

Владикавказ. 28 марта 1878 года.

И с турецкой войны тоже хорошие вести. Русские войска успешно наступают на Балканах и в Анатолии. Недалекими кажутся дни, когда война кончится победой и заключением мира.

Но что потом ждет людей? Война пока заставила людей забыть домашние невзгоды: бедность, голод, страдания , все внутренние противоречия. Потому что главным врагом стал внешний враг.

Люди надеются, что хоть новая победа в войне облегчит немного их страдания. Глупые, они не знают, что в войне никто не побеждает. И победитель, и побежденный - оба проигрывают. Ведь с обеих сторон гибнут тысячи людей.

Господствующие классы ради своей выгоды начинают войну, а кровь льется у бедных людей.

Так продолжается на протяжении веков.

На улицах Владикавказа встречаются вернувшиеся с фронта чеченские, ингушские, осетинские, кабардинские всадники. Они разъезжают с гордо поднятой головой, выпятив грудь, увешанную медалями, крестами. Лихо закрученные усы. Большинство - младшие офицеры.

Они тоже победители. Они совершили подвиги: одни на турецком фронте, другие - в подавлении чеченского восстания.

Видны здесь и другие чеченцы. Крутятся особенно вокруг резиденции начальника области. Одни приходят с просьбами, жалобами, что их родственников невинно арестовали, просят освободить их, другие просят помилования провинившимся. Солдаты не впускают их в ворота. Чеченцы следят за входящими и выходящими военными и гражданскими лицами, останавливают на вид более добродушных, упрашивают их поведать генералу о своем горе. Одни не останавливаются, другие проходят, виновато улыбнувшись, пожав плечами и разведя руками.

Когда я проходил мимо канцелярии начальника области, навстречу мне вышли молодая женщина и юноша лет семнадцати. Юноша вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги, протянул мне.

- Инарла, гинрал, давай, - сказал он, показывая пальцем на здание канцелярии.

Я развернул листок и пробежал глазами:

"*Его превосходительству начальнику Терской области генералу-адъютанту Свистунову от женщины из Гати-юрта Веденского округа Данчаевои Деши*

ПРОШЕНИЕ

Мой муж Данчаев по подозрению в числе мятежников ссылается в Сибирь на поселение. Я же, законная жена его, не желая остаться без мужа, покорнейшим образом прошу Вашего превосходительства разрешить мне отправиться вместе с ним, куда он последует.

А также осмелюсь просить вас, так как я беременна и не имею возможности проживать на квартире в г. Владикавказе, до отправки моего мужа распоряжением вашим заключить меня во Владикавказскую городскую гаупвахту впредь до особого распоряжения на моего мужа Данчаева Булата и затем не отделять от него.

К сему прошению Данчаевой Деши по ее неграмотности и личной просьбе расписался Платон Коцаев.

1878 год, 28 марта,

г. Владикавказ"

Дочитав письмо, я посмотрел на них. Юноша хоть и был молод, но по лицу его казалось, что он давно распростился с детством. Женщине было лет двадцать. Если бы на тонкой талии ее худого тела не сидела большая округлость живота, никто бы не сказал, что она замужняя. Красоту ее не перечеркивали ни большой черный платок на голове, ни бешмет на ней, ни поршни на ногах.

Я много общался с чеченцами и научился их языку довольно сносно, чтобы немного поговорить. Я заговорил с ними, вспоминая известные мне чеченские слова, иногда вставляя русские, а иногда используя жесты.

- Как тебя зовут? - спросил я юношу.

- Умар.

- А это твоя сестра?

- Нет, сноха. Жена брата.

- На сколько лет осудили брата?

- Не знаю. Суда еще не было.

Арестованных не судили. Их попросту ловили, сажали и отправляли в Сибирь.

- Булат знает, что Деши собирается идти с ним?

- Нет.

- Не пустят тебя, Деши. Да если бы и пустили, путь этот слишком долог и труден для твоего здоровья.

- Мы много раз ей это говорили. Не слушается. Не отступает от своего, - поддержал меня Умар.

Деши покачала головой.

- Многих женщин ссылают. Старых и молодых, и детей тоже. И таких, как я...

- Их насильно ссылают, а ты рвешься туда добровольно, - возразил Умар.

- Умар прав, - от души сказал я, - оставайся дома. Булат молодой,вернется.

Из глаз полились слезы.

- Нет, - решительно мотнула она головой. - Если тебе не трудно, отдай это письмо генералу. Бог не оставит тебя без воздаяния...

Залитые слезами и просительно смотревшие глаза этой молодой женщины пронзили мое сердце болью. Нельзя было уходить, не попытавшись помочь им. А помочь почти невозможно. Ведь добраться до генерала Свистунова трудно. Если передать письмо дежурному офицеру или адъютанту, оно, брошенное куда-то, так и пролежит. Кроме того, у них нет особой приязни к людям, подобным мне.

Благодаря моему упорству, все же мне удалось попасть к Свистунову.

- Очередная туземная декабристка! - презрительно выразился он.

- Осточертели мне они.

Потом взял карандаш и размашисто написал на правом верхнем уголке прошения Деши несколько слов: "В просьбе ее заключения в тюрьму отказать. Относительно же разрешения следовать за мужем поступить по законам".

...Ждавшая меня за воротами Деши бросилась ко мне и тревожным взглядом смотрела на меня.

- Ничего не выходит, Деши, - сказал я, опустив глаза. - Не разрешают...

Деши навзрыд заплакала.

- Не плачь, Деши. Через год-два Булат вернется. Ведь сколько ни плачь, пожалеть некому. Успокойся, будь терпеливой, - попытался я утешить бедную женщину. Но у меня у самого к горлу подступал комок. Что мне было делать? Не было у меня сил помочь бедолаге. В те минуты я думал не о ней одной. Их было несколько тысяч, овдовевших, осиротевших.

Умар не плакал. Даже лица не сморщил. И глаза его не повлажнели. Наоборот, лицо его пылало. На лбу собрались тучи. Гневные глаза его были прикованы к большому двухэтажному дому за воротами. Взгляд его свидетельствовал о том, что борьба еще не окончена. Теперь черед был за этими молодыми.

Грозный. 13 апреля 1882 года.

В освободительном движении России последних лет чеченское восстание было яркой молнией в этих горах, которая сверкнула внезапно и также внезапно исчезла.

Сегодня исполнилось пять лет со дня его начала. За эти пять лет большие события произошли в России. Борясь за свои человеческие права и земли, крестьяне оказывали властям сопротивление почти в сорока губерниях. Взволновались и самые верные престолу донские казаки.

С помощью штыков, нагаек и каторги водворили спокойствие в тридцати четырех губерниях.

Новая сила освободительной борьбы родилась в России. Это - рабочий класс. В городах возникали революционные организации. Произошли рабочие забастовки и стычки в Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе, Владимирове, Казани, Воронеже, Иванове, Калуге, Перми, Баку, Рыбинске, Нарве, Лодзе, Белостоке и других городах.

Во главе нынешнего освободительного движения стоит не только интеллигенция, среди них и рабочие, и крестьяне. Говорят, что их идеи и пути неверные. Они - пионеры российского революционного движения. А новое не бывает без ошибок. Пусть они ошибаются. Это будет уроком для последующих революционных поколений, они учтут и просчеты, пойдут по правильному пути. Это героический пример для новых поколений революционеров. Они погибли при попытке покушения на петербургского градоначальника , убили жандармского шефа. И, наконец, убили Александра II.

Революционеры показали свое мужество и достоинство на длившихся несколько месяцев знаменитых судебных процессах "193" и "50". Вечно остается в памяти народа бессмертная речь перед судом русского рабочего - революционера Петра Алексеева.

В революционную историю России вписала свое героическое имя казненная по политическому обвинению русская женщина Софья Перовская. Я мог бы привести массу героических имен. Но это я оставлю для истории.

Я взялся написать одну работу об этих горцах. Не знаю, чем она будет: рассказом или очерком. Я приехал в Чечню за некоторыми материалами.

Работу свою я начал вчера в канцелярии Грозненского округа. Ища ответ на один вопрос, чиновник канцелярии ворошил архив. Сидя рядом на корточках, я заметил несколько строк, написанных на тонкой папке, которую он отбросил: "Затраты на содержание в тюрьме и приведение в исполнение приговора, 1878 год".

Я невольно поднял папку и стал рассматривать бумаги в ней. Ничего значительного не было. Одни только счета затрат на продовольствие для людей, заключенных в тюрьму за участие в восстании, и на покупку разных хозяйственных принадлежностей.

Я собирался уже закрыть и бросить папку, когда вдруг взгляд мой остановился на одном листе:

"*Счет № 182*

Деньги, израсходованные на совершение казни над государственными преступниками в Грозном 1878 г. марта 9 дня.

1. Арестантам Грозненской главной гауптвахты, исполнявшим обязанности палачей Нихматуллину и Понявину - 10 руб.

2. Плотникам за постройку виселиц - 5 руб.

3. Могильщикам и разнорабочим - 5 руб.

4. На веревки, гвозди и мыло - 9 руб.

5. За 13 колпаков вместе с саваном - 3 руб.

6. Кузнецам за расковку преступников - 2 руб. 25 к.

7. Полицейским служителям - 3 руб.

8. По приказу Его превосходительства командующего войсками

Терской области арестантскому надзирателю Семину (пораненному Алибеком Олдамовым) - 10 руб.

Всего 47 руб. 25 коп.

Грозненский Плац-майор /подпись/

Плац-адъютант /подпись/".

Быстро переписанный мною этот листок заставил меня прошлую ночь провести без сна. Я с самого начала перелистывал дни того года. Нет в живых капитана Рихтера, с которым я познакомился на пути в Хасав-юрт, и солдат Попова и Недоноскина.

Вспомнились две мои поездки с отрядом в Зандак, разговор с молодым Исмаилом, сожженные чеченские аулы...

Поднявшись утром, я умылся и вышел за город, чтобы побывать на площади, где повесили тринадцать человек, и навестить их могильный холм.

Таким же, как пять лет назад, видится этот край. Но жизнь вокруг иная, мирная. Здесь штыками водворили мир.

Я ищу глазами могильный холм. Но его не видно. И следа не видно. Кругом зеленые луга. По только что взошедшей траве бродят порознь и пасутся отощавшие коровы. С длинным кнутом на плече вокруг них ходит оборванный старый пастух.

Я подхожу и здороваюсь. Он снимает с головы потрепанный картуз и кланяется мне.

- Ты здешний? - спрашиваю я.

- Да.

- Давно здесь живешь?

- Лет десять.

- Откуда приехал?

- Из Тамбова.

- Семья есть?

- Была. Вымерла.

Глаза старика, слезящиеся то ли от старости, то ли оттого, что на ветру каждый день, потускнели.

- Табак не найдется, барин? - спросил неожиданно.

Я протянул ему сигарету.

- Была жена и четверо детей. Спасаясь от нищеты и голода, я вместе с ними ушел из Тамбова искать счастье. Пришлось в поисках его пешком перемерять много дорог. Троих пришлось похоронить в пути, одного оставшегося и жену Бог взял здесь. Теперь я один как перст.

- Ты пастух?

- Да, пасу чужих коров. Добрые люди дают мне кусок хлеба, сыр. Некоторые дают поношенную одежду, обувь. Так влачу свои оставшиеся дни. А вы нездешний, барин?

- Нет. Приехал побыть.

- Я это с первого взгляда понял.

- Как?

- У вас глаза чистые. А за город что вас привело?

- Здесь должна была быть могила, хотел ее посетить. Но не вижу. Не знаю, уж не ошибся ли я...

- Чья могила?

- Тринадцати чеченцев, которых четыре года назад повесили здесь.

Глаза старика вновь омрачились.

- Вы не ошиблись, барин. Просто у могилы нет холма, - старик подвел меня к одиноко лежавшему на траве камню.

- Здесь лежат эти бедняги.

Я удивленно посмотрел на старика.

- Их родственники ходили к властям, просили отдать им трупы. Но власти отказали. Тогда чеченцы попытались унести их тайком, но их поймали и посадили в тюрьму. Кто-то донес, чтоб у него язык отвалился! Когда одних посадили, остальные родственники заново отделали холм. Потом сюда каждый день зачастили люди из ближних и дальних аулов. Мужики тоже приходили. А наши женщины клали на холм цветы. Тогда власти сравняли холм и вспахали эту площадь. А я, чтобы не затерялось это место, где они лежат, притащил этот камень вот из того оврага и положил сюда...

- Да поможет тебе Бог, добрый человек!

- Я-то свое прожил, барин. Я тоже был здесь, когда их вешали. Все они были бедолагами. Были и старики, как я. Они ведь не от хорошей жизни поднялись против властей. Когда чеченцы восстали, я хотел было бежать в горы, чтобы примкнуть к ним и погибнуть в борьбе, отомстить властям, которые загубили мою жену и четверых детей. Потом все же остался. Что я мог бы сделать? Ведь никогда в жизни не брал в руки ружье. Смелости не хватило. Нужно ведь быть храбрым, чтобы как они подняться и погибнуть. Если бы вы видели в тот день, как они умирали!

- Я тоже был здесь.

- Правда? Вы видели, как они приняли смерть? Молодые и старые, не моргнув глазом. А самый старый из них умер, смеясь. Говорили, что он генерала Чермоева окрестил матом. Эх, барин, барин... - горько вздохнул старик, покачав головой.

- Что случилось?

- Мучаете вы нас. Жалости нет у вас. Мы же одинаковые люди, одним богом созданные. Вы живете в роскоши, а народы стонут от голода и нищеты. Что в Тамбове, что здесь - все одинаково. Нет нигде правды и справедливости. Бога вы не боитесь? Сердца у вас окаменели. Бог вас покарает.

Я промолчал.

- Знаете, что случилось, когда их хоронили? - спросил старик.

- Помните молодого человека, который встал на стул и говорил речь?

- Дада Умаев.

- Да, да. На пальце у него оказалось золотое кольцо, подарок возлюбленной. Такой обычай у чеченцев: девушка дарит возлюбленному кольцо в знак верности. Два палача, когда бросали его тело в яму, заметили это кольцо. Как ни тянули, не смогли стянуть его. Палец-то опух. Тогда один из них отрубил топором палец и снял его. Какова человеческая жадность? Узнав об этом, власти сохранили за ними прежнее обвинение и снова бросили обоих в тюрьму. Одни говорили, что их убили, другие рассказывают, что отправили пожизненно на каторгу.

Попросив у меня несколько сигарет, старик побрел к своему стаду.

А я остался наедине со своими думами...

Да, горькая доля достается тем, кто борется за свободу во всех странах света. Что сталось с сынами русского народа, поднявшимися за свободу? Болотникова бросили под лед в прорубь. Разину и Пугачеву сначала отрубили на лобном месте конечности, а потом и головы. Радищева довели до самоубийства. Пятерых декабристов повесили, остальных рассеяли по сибирским каторгам и по Кавказу...

Все изумляются героической смерти тринадцати чеченцев. Они пришли на эту площадь, тихо переговариваясь и пошучивая. Так стояли они здесь, дожидаясь каждый своей очереди на виселицу.

А как Алибек дал надзирателю пинка! А яростный взгляд, который он бросил на пестрые мундиры, стоявшие по одну сторону? А его последний вздох над напевом народной героической песни? Речь молодого Дады? Можно было подумать, что он произносит тост на банкете. А гневные слова старого Уммы, брошенные в лицо генералу Чермоеву, презрительная усмешка, запечатлевшаяся на его лице в минуту смерти?

Что же питало их такой стойкостью, мужеством, силой? Эти тринадцать не оставили за собой следов жестокости и безнравственности. В тот день они имели право смело смотреть в глаза любому человеку. Они поднялись за свободу народа, они не лишили жизни ни одного мирного, невинного человека, никого не оскорбили. Поднявшись за правое дело, они прошли этот трудный путь, не запятнав себя, и с чистой совестью становились под виселицы.

Если совесть чиста, то легко предстать перед опасностью, перед смертью. Человек с чистой совестью всегда смел, он с достоинством принимает смерть.

Теперь тринадцать лежат под этим камнем в земле. Симпатичный , молодой Алибек, элегантный Дада, суровый Умма, рослый певец Нурхаджи, худощавый Косум... Кажется, будто слышу я мягкий, густой голос Нурхаджи, печальную, но смелую речь Дады, грозные слова Уммы и прерванное завещание Косума...

Со временем исчезнет отсюда и этот камень.

Но неужели исчезнут эти тринадцать героев, не оставив на земле даже могильного холма, чтобы люди могли почтить их память?

Этим тринадцати не первым выпал такой несчастный жребий.

Не осталось могил многих народных вождей: Булавина, Болотникова, Разина, Пугачева и тысяч других сынов свободы, которые боролись, как могли, как умели, боролись беззаветно против несправедливости, за дружбу и равенство и пали геройской смертью в этих горах, в бескрайних степях России, на каторгах Сибири, в изгнании на чужбине...

1975-1979 гг.

Мескеты

Примечания

1

У р д - мера площади, равная приблизительно 0,30 га.

2

Ж у х у р г - клоун, ряженый

3

П е л х о - канатоходец, акробат.

4

Юртда - старшина аула, назначенный властями. Буквально:

5

Э с к а р - армия, войско.

6

Л е ч а - сокол. Здесь: прозвище коня.

7

Войт - восклицание.

8

Волк является у чеченцев символом смелости и храбрости.

9

Н о х ч м а х к а - Ичкерия, восточная горная часть Чечни.

10

У л ем - ученый, богослов.

11

Б и с м и л л а - первый аят Корана. Мусульмане все начинают с "Бисмилла".

12

М а ш а л л а (араб.) - восклицание при крайнем восхищении,

13

А с х а б ы - соратники, сподвижники пророка Мухаммада.

14

Ш е м а х а - Сирия.

15

М и с р а - Египет.

16

Военная дорога - дорога от Грозного до Порт-Петровска (ныне Махачкала)

17

К у д а л - медный кувшин.

18

Д е ш и - женское имя. Буквально - золото.

19

Б у л а т - мужское имя. Буквально - сталь.

20

М у т а л и м ы - учащиеся медресе.

21

Ж е й н а - учебник богословия.

22

И с т а м у л - Стамбул.

23

С о л ж а - К а л а - буквально: город на Сунже, Грозный.

24

И л л а н ч а - сказитель.

25

Д е ч и г - п о н д у р - чеченский трехструнный музыкальный

26

Э д и г и - адыгейцы.

27

Б я ч ч и - вождь, предводитель.

28

И л л и - сказание, былина, баллада, героическая песня.

29

Х о н к а р - так чеченцы называют Турцию.

30

К у п - квартал.

31

До свадьбы невесту не приводят в дом жениха. Если жених и невеста из одного аула, ее отвозят к родственникам жениха в другой аул.

32

Муж и жена не называют друг друга по имени.

33

С и с к а л - чурек хлеб из кукурузной муки.

34

И с т а н г - войлок, войлочный ковер.

35

Д а д а - отец, дед.

36

Б е л х и - помочь. По народной традиции, люди всем миром помогают друг другу в строительстве дома, на прополке, при

37

К о н а х - благородный человек, молодец, рыцарь по духу.

38

И р з у - раскорчеванный участок в лесу.

39

М я л а - понукания буйволов.

40

У м а - сокращенно Умар.

41

В о х а - обращение к быкам и буйволам.

42

И н ш а л л а х (араб.) - с Божьей помощью.

43

В е к и л - представитель, посланец, делегат.

44

В и р д - религиозная секта.

45

С у н н а - поступки и высказывания пророка Мухаммада.

46

У м м а т - община всех мусульман.

47

К х е т а ш о - совет.

48

М и н д а р - подушечка для сидения.

49

Н а н а - мать.

50

А л а - ласкательно Алибек.

51

Х а к и м - начальник.

52

А к к и н ц ы или ауховцы - чеченцы, жившие в северо-восточной части Чечни (ныне - на территории Дагестана).

53

К у м г а н - медный кувшинчик.

54

П у р с т о п - пристав.

55

Ч у х т а - женский головной убор, надевается под платок.

56

Ч а х к а р - чеченское название крепости Воздвиженской.

57

К а н т - дословно: парень, сын, мальчик. Невестки не имеют право называть родственников мужа по имени.

58

Акта высмеивает длиннополые сутаны духовных лиц.

59

Набахта - тюрьма.

60

М а а ш - рога.

61

Б у р у - К а л а - Владикавказ.

62

Н о х ч м а х к и н ц ы - жители Ичкерии.

63

Англичане, французы, немцы.

64

И н а р л а - генерал.

65

Т е й п - род, племя.

66

Встреча с ослом считается плохим знамением.

67

Ч о р п а - жидкая каша, суп.

68

К у т а (къут1а) - незаконнорожденный.

69

Т а м а д а - вождь, лидер.

70

С о в д е г а р - торговец, купец.

71

Коран, сура 2, аят 191/195.

72

Русский, черкес, аварец, кабардинец, андиец, кумык, турок, араб, адыг, грузин, ногаец, абазинец, татарин.

73

С а л а м - м а р ш а л л а - мир и здоровье.

74

Генерал Арцу Чермоев.

75

А м а н а т ы - заложники.

76

Я с а к - оброк, дань

77

Подстрочный перевод.

78

Д е т и - женское имя, в переводе - серебро.

79

Х у н ж у р - бечевка из сыромятной кожи, заменяющая ремень.

80

Д у к - хребет, отрог.

81

К о р т - буквально "голова". В данном случае: вершина.

82

В а-в а й - мужской отклик на зов.

83

Х о л т а м а ш - разновидность галушек, обычно круглые плоские галушки из кукурузной муки.

84

Б е р а м - соус из чеснока или лука.

85

С а г а - поминки, пожертвование за упокой души.

86

Т е з е т - обряд выражения соболезнования родственникам умершего и поминовения.

87

Л а х т а - ниша в могиле, куда укладывают покойника.

88

У п х а - доски тутового или дубового дерева, которыми закрывают лахту.

89

Поговорка, сходная с русской: "Раз взялся за гуж, не говори что не дюж". Взять отца за бороду - это неслыханное дело. Этой поговоркой выражается крайность, безвыходность положения.

90

А р ж и - А х к - буквально: черная речка.

91

Л а м - гора.

92

В а ш и - дядя.

93

Ш а м а - сокращенно: Шамиль.

94

А м а - сокращенно: Умма.

95

Г а м а р - Д у к - название местности, буквально: песчаный хребет.

96

Р у з б а - пятничная молитва в мечети.

97

К е т а ш - К о р т - буквально Совещательная гора. Здесь собирались вожди тейпов, принимали общие для всех законы.

98

С ъ е с т ь р у к и - в древности побежденный враг в знак признания победителя должен был "съесть руки", т. е. кусать зубами свои руки.

99

Томкеев. Материалы... Т. 6. Ч. 1. Прил. 15. С. 194, 195.

100

Тамкеев. Материалы... Т. 6. Ч. 1. Прил. 15. С. 195.

101

Там же.

102

Л у н - Б е р д - дословно: обрыв косули. Лу - косуля, берд - обрыв.

103

Я с с и - река Аксай.

104

Т у м а н - десять рублей.

105

М и м б а р - возвышение, нечто вроде кафедры, с которой читаются проповеди в мечети.

106

Далее текст до конца главы был исключен книжным издательством при подготовке рукописи к изданию.

107

Далее почти дословно изложен текст: Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 16-36. Первоначально очерк был напечатан в журнале "Дело" № 1 за 1884 год.

108

Здесь кончаются тексты, взятые из очерка Я. Абрамова "Кавказские горцы".

109

М е д р е с е - школы, в которых детей обучали богословию на арабском языке.
Муталимы - учащиеся медресе.

110

Я с и н - отходная молитва мусульман, читают у изголовья умирающего.

111

Народное предание гласит, что отверстия на доске лицевой стороны дечиг-пондура прорезались от слез матери.

112

Илли из чеченского героического эпоса. Подстрочный перевод.

113

Н а р т - великан, богатырь.

114

Н а н а - мать.

115

То есть, родная сестра.

116

Повязать голову женским платком, да еще собственной жены величайший и небывалый позор.

117

Год приводится по арабскому летоисчислению, он равен 1877 году.

118

Х о л л а м - рядом с памятником ставили длинный шест - признак, что в могиле захоронен погибший на войне за правое дело.

119

Д а д а - дедушка, б а б а - бабушка.

120

А л б а й - чин полковника в турецкой армии.

121

То есть, со смертью последнего мужчины оборвется их род.

122

Ч а к к а р м а - верста.

123

Бейте супостатов!

124

То есть, уничтожат все потомство.

125

Н а з м а - религиозная песня.

126

Б о р ж а м а ш - бурки.

127

А я т - стих из Корана.

128

Из братьев Алибека Алимхан, Аламагомед, Арапхан вместе с семьями были сосланы в Сибирь на семь лет. Султи не сдался в руки властей.

129

По обычаю, человек, пришедший в дом с просьбой, не принимает пищу хозяев, пока не удовлетворят его просьбу.

130

Полковник Пруссаков.

131

М е т а ш к а - так называют русских женщин.